

9 (Д.эп)

В.В. Тагжиев

РОЛЬ
РОССИИ
В ИСТОРИИ
ДАГЕСТАНА

Издательство «Наука»

А К А Д Е М И Я   Н А У К
С С С Р

ДАГЕСТАНСКИЙ   Ф И Л И А Л

*Институт истории, языка и литературы
им. Гамзата Цадасы*

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН**

instituteofhistory.ru

9(Даг)
Г 13

В. Г. Гаджиев

РОЛЬ
РОССИИ
В ИСТОРИИ
ДАГЕСТАНА

Издательство «Наука»

Москва · 1965

Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН

instituteofhistory.ru

Ответственный редактор
доктор исторических наук **Г. Д. ДАНИЯЛОВ**

35038

*Посвящаю
светлой памяти отца моего
Гадиса Абдуллаевича
Гаджиева*

ПРЕДИСЛОВИЕ

Вступление нашей страны в период развернутого строительства коммунизма знаменует небывалый расцвет братских народов СССР, их морально-политическое единство. Поступательное движение народов СССР к коммунизму, этот важнейший исторический процесс нашего времени, происходит на основе ленинской национальной политики, принципов пролетарского интернационализма и дружбы народов. Величайший теоретический и практический документ современности — новая Программа Коммунистической партии Советского Союза — указывает на необходимость «последовательно проводить и впредь принципы интернационализма в области национальных отношений; укреплять дружбу народов, как одно из важнейших завоеваний социализма»¹.

Объективное изучение истоков, складывания и развития этой дружбы, раскрытие роли великого русского народа как ведущей, объединяющей и цементирующей силы в равноправной семье братских народов СССР имеет важное научно-теоретическое и практическое значение. Актуальность данной проблемы определяется прежде всего тем, что разработка ее помогает воспитанию трудящихся масс в духе пролетарского интернационализма и животворного советского патриотизма, способствует еще большему укреплению дружбы народов нашей страны и дальнейшему сближению наций Советского Союза. Вместе с тем изучение роли русского народа в исторических

---

¹ «Материалы XXII съезда КПСС». М., 1962, стр. 408.

судьбах народов СССР имеет чрезвычайно важное международное значение. Богатый исторический опыт дружбы и сотрудничества народов Советского Союза служит вдохновляющим примером для стран народной демократии и трудящихся капиталистических стран, ведущих борьбу за национальное и социальное освобождение.

Разработка данной проблемы необходима также для борьбы против буржуазной идеологии и фальсификаторов истории.

Исследуемая нами проблематика находила свое отражение в трудах отечественных и зарубежных авторов. В дореволюционной русской литературе по интересующему нас вопросу существовало два направления: прогрессивно-демократическое и реакционно-колонизаторское. Первое из них, представленное именами декабристов и великих революционных демократов А. И. Герцена, Н. Г. Чернышевского, Н. А. Добролюбова, признавая прогрессивную роль русского народа в исторических судьбах нерусских народов, осуждало колониальную политику царизма и решительно отстаивало права народов национальных окраин. Дворянско-буржуазная историография вопросы русско-кавказских отношений рассматривала с великодержавных позиций (работы П. Г. Буткова, Н. Ф. Дубровина, А. П. Берже, В. А. Потто и многих других). В трудах дворянско-буржуазных историков собран и систематизирован огромный и очень ценный фактический материал, но в их трудах исторические события освещаются без классового анализа, крайне тенденциозно. Как представители своего класса, все они идеализировали великодержавную политику царизма. Отношение самих нерусских народных масс к России, общение их с русским народом и его роль в исторических судьбах кавказских народов — все это не привлекало внимания названных авторов.

Что же касается исследований зарубежных буржуазных авторов, то они являются своеобразным дипломатическим откликом различных стран и их различных кругов на события, происходившие на Кавказе; направляющая линия этих трудов определяется отношением тех или иных правительств к России. Отказавшись от конкретно исторического анализа событий, собирая воедино возможно больше отрицательных фактов из истории внешней политики царизма, модернизируя ее и проводя произвольные аналогии с современными событиями, зарубежные

историки пытаются представить Россию извечным претендентом на мировое господство и тем самым обелить захватническую политику Англии, Турции, Ирана, особенно двух последних стран, веками разорявших и истреблявших народы Дагестана. Выполняя социальный заказ империализма, зарубежные фальсификаторы истории при помощи злобных нападок и клеветнических измышлений стремятся опорочить советскую историческую науку. Особенно не дает им покоя давно решенный советской историографией вопрос о прогрессивной роли России в исторических судьбах народов Кавказа. Не останавливаясь ни перед чем, они обвиняют советских историков в «великодержавном шовинизме», «русификации» и даже в «империализме». С помощью грубейших подтасовок они силятся доказать будто тезис о прогрессивной роли России в истории Кавказа навязан «сверху», что он не находит поддержки среди кавказских ученых и, в частности, среди историков Дагестана и что якобы поэтому между русскими и местными историками имеются «принципиальные» расхождения и чуть ли не ведется политическая борьба. Эту явно клеветническую версию выдвинул американский историк Р. Тиллет², который утверждает, что в трудах, вышедших под редакцией московских историков, присоединение к России считается прогрессивным явлением, тогда как «дагестанский том этого не делает». Однако, чтобы убедиться в недобросовестности американского историка, достаточно взглянуть в первый том «Очерков истории Дагестана», где недвусмысленно сказано, что «присоединение Дагестана к России независимо от целей и намерений царизма имело объективно историческое прогрессивное значение»³.

Фальсифицируют роль России в истории нерусских народов СССР английский и американский историки Сайкс и Боллард, авторы сборника статей «Переписывание русской истории», изданного в 1957 г. в Нью-Йорке под редакцией С. Блэка⁴, и многие другие. До невероятного вздора доходят в фальсифика-

² L. R. Tillet. Shamil and Muridism in Recent Soviet Historiography.— «The American Slavie and East European Review», April, 1961, v. XX, № 2.

³ «Очерки истории Дагестана», т. 1. Махачкала, 1957, стр. 192.

⁴ P. Sykes. A History of Persia, v. 1—2. London, 1943; R. Bullard. Britain and the Middle East. London, 1951. «История СССР», 1959, № 6, стр. 188—200.

ции русско-кавказских отношений «научные» сотрудники эмигрантского института в Мюнхене, созданного якобы для изучения истории народов СССР, а в действительности ведущего подрывную деятельность против Советского Союза. Им вторят и многие турецкие историки. Используя идейный арсенал пантюркистов, реакционные турецкие авторы всю многолетнюю и многогранную историю взаимоотношений народов Кавказа с Россией пытаются изобразить как сплошную борьбу и представить народы Дагестана в качестве извечных врагов России. Такого рода взгляды широко пропагандируют Огуз Тюркан, Исмаил Зюхту, Яхья Охчу, Зека Валиди Таган, авторы официальной истории «Tarih» и других псевдонаучных трудов и журнально-газетных статей турецкой прессы.

Необходимо, однако, подчеркнуть, что за рубежом, наряду с авторами, принадлежащими к реакционному лагерю и связавшими свою деятельность с политикой антикоммунизма, все больше и больше становится прогрессивно настроенных исследователей, пытающихся понять и объективно осветить историю русско-кавказских взаимоотношений.

Подлинно научное освещение истории русско-кавказских отношений дали лишь советские историки. Правда, исследуемая нами проблема не была предметом монографического изучения, но круг исследований, затрагивающих вопросы нашей темы или имеющих к ней отношение, довольно широк. Здесь прежде всего следует указать содержательные работы Е. Н. Кушевой, Н. А. Смирнова, А. В. Фадеева, М. О. Косвена. В их трудах накоплен разносторонний и тщательно проверенный фактический материал, сделаны интересные наблюдения, высказаны общеметодологические соображения, дано принципиально новое освещение вопроса о русско-кавказских связях и значения этих связей как для народов Кавказа, так и для народов России. И что особенно важно, основное внимание в указанных работах уделяется освещению взаимоотношений самих народных масс. Интересный фактический материал и верные выводы, без учета которых нельзя сколько-нибудь полно изучить исследуемую нами проблему, содержат труды Б. Д. Грекова, А. Ю. Якубовского, В. В. Бартольда, Б. Н. Заходера, М. В. Нечкиной, Е. Н. Рыбакова, И. П. Петрушевского, М. И. Артамонова, М. К. Рожковой, А. А. Новосельского,

А. С. Сумбат-заде, О. П. Марковой, А. Р. Иоаннисяна, М. В. Фехнер, Г. Б. Абдуллаева и др., а также многотомное издание — «Очерки истории СССР». Значительную работу по изучению различных аспектов данной проблемы проделали историки Дагестана Х. М. Хашаев, Р. М. Магомедов, И. Р. Нахшунов и др. Названные авторы правильно оценивают присоединение Дагестана к России, рассматривая его как явление исторически прогрессивное.

Для изучения этой важной проблемы нами использовано большое количество документальных материалов центральных и местных архивов — ЦГАДА, ЦГВИА, АВПр (Москва), ЦГИА (Ленинград), ЦГИА Груз. ССР, ЦГИА Азерб. ССР, ЦГА ДАССР, Рукописного фонда Института истории, языка и литературы Дагестанского филиала АН СССР, Дагестанского республиканского краеведческого музея и др. В работе использованы многочисленные публикации⁵, а также документы, изданные в различных сборниках и журналах. В монографии использованы также дореволюционная периодика и многочисленные общие труды дореволюционных и советских исследователей.

Изучение документальных материалов и различных литературных источников привело нас к твердому убеждению, что исторические связи Дагестана с Россией уходят в далекое прошлое и что в самые мрачные годы господства в России самодержавия, когда сам русский народ изнывал под игом царизма, народы Дагестана, как и другие народы Кавказа, тяготели к России и не раз обращались к ней за помощью и поддерж-

---

⁵ С. А. Белокуров. Сношения России с Кавказом, вып. 1 (1578—1613 гг.). М., 1889; Н. И. Веселовский. Памятники дипломатических и торговых сношений, т. I—III. М., 1889; «Акты исторические», т. III—IV. СПб., 1841—1842; «Акты Кавказской археографической комиссии», т. I—XII. Тифлис, 1886—1904; «Договоры России с Востоком. Политические и торговые». СПб., 1869; «Бумаги кн. Г. А. Потемкина-Таврического 1788—1789 гг.» СПб., 1894; «Кабардино-русские отношения в XVI—XVIII вв.», т. I—II. М., 1957; «Русско-дагестанские отношения XVII — первой четверти XVIII вв. Махачкала, 1958; «Материалы по истории Дагестана и Чечни», т. III, ч. I (1801—1839). Махачкала, 1940; «Движение горцев Северо-Восточного Кавказа 20—50 годов XIX в.». Махачкала, 1959; «Революционное движение в Дагестане в 1905—1907 гг.». Махачкала, 1956; «Борьба за установление Советской власти в Дагестане. 1917—1921 гг.». М., 1958; и др.

кой. Присоединение Дагестана к России, подготовленное всем ходом русско-дагестанских отношений, имело прогрессивное значение. Вопреки великодержавно-колониаторской политике царизма, русский народ сыграл положительную роль в экономическом, политическом и культурном развитии народов Дагестана. В лице русского народа и его авангарда — революционного пролетариата — народы Дагестана обрели великого союзника и защитника, верного друга и руководителя борьбы за социальное и национальное освобождение.

Однако такой вывод ни в коей мере не означает забвения жестокостей колониальной политики царизма, являвшегося врагом всего передового, врагом трудового народа. Прогрессивные перемены в жизни народов Дагестана происходили вопреки царизму и против его воли.

Следует особо подчеркнуть, что мы не ставим перед собой задачи всестороннего исследования экономического и культурного развития Дагестана в XIX в., так же как не претендуем на исчерпывающее освещение революционного движения в Дагестане накануне Великой Октябрьской революции. Вопросы эти рассматриваются нами лишь в той мере, в какой это необходимо для изучения и освещения исследуемой проблемы.

Автор считает своим долгом выразить глубокую благодарность сотрудникам Института истории языка и литературы Дагестанского филиала АН СССР, принявшим участие в обсуждении этой работы и всем тем товарищам, которые своими критическими замечаниями помогли устранить многие ее недостатки.

instituteofhistory.ru

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ И ПОЛИТИЧЕСКИЙ СТРОЙ ДАГЕСТАНА НАКАНУНЕ ПРИСОЕДИНЕНИЯ К РОССИИ

За исключением низменной полосы вдоль Каспия, Дагестан представляет горную местность с бесчисленным множеством возвышенных плато, труднодоступных хребтов с крутыми осыпающимися склонами, глубоко расчлененных речными долинами. Поэтому Дагестан вполне заслуживает названия «Страны гор».

На территории Дагестана издавна обитали аварцы, даргинцы, лезгины, лаки, кумыки, табасараны и др., всего здесь насчитывалось более 30 народностей. Отсюда другое образное название Дагестана, встречающееся у древних авторов — «Гора языков» (Аль-Азизи, Абульфед и др.). В дореволюционной историографии было принято считать горцев Дагестана потомками племен, некогда насильственно загнанных в горы более сильными народами¹. Историческая наука постепенно отходила от этой антинаучной концепции. Решительный удар так называемой миграционной теории нанесли работы советских исследователей, которые убедительно доказали, что территория Дагестана была освоена человеком в эпоху палеолита. Обнаруженные в Дагестане (Чумис-Иниц, Усиша, Чох, Ругуджа) памятники каменного века, древнейшие из которых относились к ашельской эпохе, указывают на непрерывающийся процесс развития первобытного общества². Накопленные за последние годы археологические, антропологические, этнографические, а также языковые данные свидетельствуют о единстве наро-

¹ А. Бакиханов. Гюлистан-Ирам. Баку, 1926, стр. 14; «Тарихи-Дербент-наме». Тифлис, 1898, стр. 56—57; Я. Д. Лазарев. О гуннах Дагестана. — «Кавказ», 1859, № 34—38.

² «Очерки истории Дагестана», т. 1. Махачкала, 1957, стр. 6; «Тезисы докладов на научной сессии ИИЯЛ Даг. филиала АН СССР, посвященной археологии Дагестана». Махачкала, 1959, стр. 3—4; В. Г. Котович. Каменный век в Дагестане. Махачкала, 1964.

дов «Страны гор», о том, что они некогда имели язык-основу³.

В дворянско-буржуазной историографии имела широкое хождение великодержавная легенда, представляющая горцев Дагестана «неисторическими» народами. В то же время местные феодально-клерикальные историки, вторя зарубежным арабоязычным и протурецким фальсификаторам и низкопоклонствуя перед ними, связывали возникновение государственных образований в Дагестане с арабскими завоеваниями, угодливо возводили происхождение владетелей Дагестана от арабских наместников. Эти, по существу идентичные версии, ничего общего не имеют с исторической правдой. Достаточно сказать, что задолго до арабского завоевания в Дагестане возник ряд политических образований — царства Серир, Лакз, Гумик, Кайтаг, Зирегеран и др.⁴ Примерно с XII в. образуются относительно крупные государственные образования: ханство Аварское, шамхальство Казы-Кумухское, уцмийство Кайтагское, майсумство Табасаранское и целый ряд мелких политических объединений.

Шамхалы и ханы неоднократно пытались объединить под своей властью весь Дагестан, но не имели успеха. Отсутствие экономических и политических предпосылок (неразвитость феодальных отношений, этническая пестрота, междуусобицы) препятствовали созданию единого государства. Накануне присоединения к России в Дагестане было 10 феодальных владений и целый ряд аварских, даргинских, лезгинских союзов сельских обществ. Эти исторически сложившиеся государственные образования имели свои внутренние порядки и вооруженные силы, издавна продолжали жить самостоятельной политической и экономической жизнью.

Но несмотря на это, отдельные части Дагестана имели общие черты как в физико-географическом отношении, так и в социально-экономическом развитии. И в этом смысле территория Дагестана может быть разделена на две части: на равнинную и нагорную. Но это, конечно, не значит, что внутри этих частей не имелось специфических черт, отличающих одну область от другой.

Сведения о численности населения, относящиеся в основном к середине XIX в., представляют собой лишь приближенные цифры. По данным С. Броневского, в Дагестане было 147 тыс.

---

³ Е. А. Бокарев. Смычно-гортанные аффрикаты продагестанского языка (опыт реконструкции). — «Вопросы языкознания», 1958, № 4, стр. 3—11.

⁴ «Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа» (далее — СМОМПК), вып. 32, стр. 47; вып. 38, стр. 42, 43, 51, 52 и др.; Баладзори. Книга завоевания стран. Баку, 1927, стр. 7, 16, 19. Подробно о царстве Серир см. В. М. Бейлис. Из истории Дагестана VI—XI вв. — «Исторические записки», 1963, № 73.

дворов⁵. По подсчетам А. Берже, численность жителей Дагестана составляла 397 761 человек⁶. Виконт Кастильон считал, что население Дагестана вдвое превышает это количество⁷. В 1860 г. по официальным данным население Дагестана составляло 513 265 человек⁸. Существующие архивные и литературные данные по отдельным народам также неполны и разноречивы.

Основным занятием горцев Дагестана было земледелие и скотоводство.

При общем низком уровне развития экономика приморской и предгорной части Дагестана была сравнительно развита. Наличие плодородных земель и благоприятные климатические условия позволяли населению заниматься земледелием. Наряду с посевами пшеницы, ячменя, кукурузы, ржи население равнинного и предгорного Дагестана разводило виноградно-фруктовые сады, выращивало бахчевые культуры, занималось мареноводством, шелководством, хлопководством и т. д.⁹ Следует особо подчеркнуть, что производимый в приморской и предгорной части Дагестана хлеб шел не только на внутреннее потребление, но и на продажу населению нагорного Дагестана. Вывозился он и в другие районы Северного Кавказа¹⁰. Кроме того, незначительная часть населения занималась добычей нефти, соли и рыбы.

В равнинном и предгорном Дагестане земля обрабатывалась плугом (с железным лемехом), в который впрягалось от 4 до 8 волов или буйволов. Боронование производилось деревянной бороной, прополка — своеобразной мотыгой.

Иную картину представлял нагорный Дагестан, составлявший две трети всей территории края. Здесь земель, пригодных для пахоты, было крайне мало. Жители этих мест вели упорную борьбу с природой. Они, говоря словами М. Кипиани,

⁵ С. Броневский. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе, ч. I. М., 1823, стр. 59.

⁶ А. Берже. Краткий обзор горских племен на Кавказе.— «Кавказский календарь на 1858 г.». Тифлис, 1857, стр. 271.

⁷ Письма виконта Г. Кастильона к Гизо (24 апреля 1844 г.— 4 марта 1846 г.).— «Историк-марксист», 1936, № 5, стр. 116. Виконт Кастильон в течение ряда лет был французским консулом в Тифлисе, путешествовал по Дагестану и Прикаспийской области.

⁸ Е. И. Козубский. Памятная книжка Дагестанской области. Темир-Хан-Шура, 1895, стр. 50.

⁹ С. Броневский. Указ. соч., ч. II, стр. 200, 451; И. Г. Гербер. Описание стран и народов вдоль западного берега Каспийского моря в 1728 г.— «История, география и этнография Дагестана XVIII—XIX вв. Архивные материалы». М., 1958 (далее — «История, география...»), стр. 71; О. Евецкий. Статистическое описание Закавказского края, ч. III. СПб., 1835, стр. 231—232; И. Березин. Путешествия по Дагестану и Закавказью, ч. I. Казань, 1850, стр. 69.

¹⁰ АКАК, т. V, стр. 37; Н. Данилевский. Кавказ и его горские жители в нынешнем положении. М., 1846, стр. 84; С. Броневский. Указ. соч., ч. II, стр. 200.

«... с помощью кирки и лопаты разрывали каменные пласты, выбирали из недр земли камни, чтобы образовать почву, годную для хлебопашества..., камни эти выбраны и сложены здесь же как будто для того, чтобы показать потомству, каких трудов стоило из скал создать почву»¹¹. Жители высокогорного Дагестана на крутых склонах гор создавали пахотные участки в виде террас¹². Затрачивая, таким образом, сверхчеловеческий труд, горец превращал горные склоны в поля, годные для пахоты. Хотя крайняя теснота земельных участков и препятствовала развитию земледелия, все же и в хозяйстве жителей нагорного Дагестана полеводство, особенно садоводство, занимало одно из ведущих мест. Основными культурами, возделываемыми горцами, были просо, ячмень, овес, пшеница и в незначительных размерах лен и конопля, «но не для тканей, а для зерна, каковое, высушивая, размальывают в мельницах, и, перемолов, мешают вроде сухарей, сберегая оные для походов как питательную и легкую пищу»¹³. Широко было распространено садоводство.

Земля в нагорном Дагестане обрабатывалась деревянной сохой, в которую впрягалась пара малорослых быков. Известный русский ученый Д. Н. Анучин так обрисовал местную соху: «Это,— писал он,— просто загнутый крючком, довольно длинный сук, более тесный в своей загнутой части, на переднем конце которой укреплен небольшая железная лопатка»¹⁴. Удивление путешественников вызывали и орудия по сбору и молотье урожая. С. Г. Гмелин описал «особливый способ молоть хлеб двумя досками в виде полозьев с вбитыми на нижней части небольшими острыми камнями»¹⁵. Бороны горцы не употребляли.

Малоземелье и примитивные орудия труда сковывали развитие полеводства нагорного Дагестана. Однако сложившееся в исторической литературе мнение, будто Дагестан никогда не был в состоянии прокормиться своим хлебом, не совсем верно. В действительности жители приморской и предгорной части Дагестана, как отмечалось выше, сами продавали хлеб, а ряд районов нагорного Дагестана обеспечивал себя производимым хлебом, остальная часть выменивала зерно у своих соседей. На это обстоятельство указывали в свое время С. Броневский, И. Гербер и др.¹⁶

¹¹ М. З. Кипиани. От Казбека до Эльбруса. Владикавказ, 1889, стр. 27.

¹² См. Н. Дубровин. История войны и владычества русских на Кавказе, т. I, кн. I. СПб., 1871, стр. 511.

¹³ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 18 502, лл. 17—18.

¹⁴ Д. Н. Анучин. Отчет о поездке в Дагестан летом 1882 г.— «Известия Русского географ. об-ва», вып. 4, т. XX, 1884, стр. 382.

¹⁵ С. Г. Гмелин. Путешествие по России, ч. III. СПб., 1785, стр. 20.

¹⁶ С. Броневский. Указ. соч., ч. I, стр. 278; «История, география...», стр. 83, 291; ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6512, лл. 87, 90; д. 6528, л. 12; д. 6361, ч. 2, л. 65.

Вот почему, как нам представляется, прав был Н. Дубровин, который, обобщая имеющийся материал, отмечал, что «несмотря на все невыгоды... малоедыщий горец собирает с своих нив столько хлеба, что, за прокормлением семейства уделяет часть его на продажу. Вообще же, при умеренности в пище, земледелие, при обыкновенном урожае, удовлетворяет местным потребностям»¹⁷.

Ведущей отраслью нагорного Дагестана было также скотоводство, от которого, по словам современника, горцы «получают одежду, пищу и в некоторых местах отопление»¹⁸. Однако бедно наделенные сенокосными угодьями горцы Дагестана не могли заготавливать необходимый на зиму корм для скота. Поэтому в Дагестане скотоводство и особенно овцеводство (занимавшее ведущее место) носили экстенсивный отгонный характер.

Крупный рогатый скот разводили в количестве, необходимом для потребления в домашнем хозяйстве. «Двор считался в Дагестане богатым, если имел 2 или 3 вола, от 6 до 10 коров, свыше 100 овец и коз»¹⁹. Ни конских заводов, ни значительных табунов, так же как и своей породы лошадей, в Дагестане не было. Лошадей горцы использовали преимущественно для верховой езды и относили их к предметам роскоши. Более важное значение в хозяйстве горцев имели ослы и мулы. Животные местной породы были малорослыми и малопродуктивными. «При всем том, однако, и здесь,— пишет Мочульский,— как в Тироле и Швейцарии, скотина ценилась почти выше человека. И об сорвавшейся с кручи корове плачут»²⁰.

Хозяйство жителей как равнинного, так и нагорного Дагестана носило натуральный характер. Сказанное не означает, что в Дагестане не знали простого товарного производства. В рамках натурального хозяйства развивались надомные промыслы. Домашняя обработка всех видов местного сырья была распространена повсеместно²¹.

Сами горцы изготавливали и весь необходимый сельскохозяйственный инвентарь. Из шерсти делали войлоки, паласы, ковры, головные платки, шерстяную обувь, наплечные бурки, хурджины и другие предметы. Широко развита была обработка кож. Из металла выделывали различного рода оружие (кольчуги, шлемы, мечи, копья, пистолеты, ножи, кинжалы, шашки, пояса и др.), украшения для национальных костюмов.

¹⁷ Н. Дубровин. Указ. соч., т. I, кн. 1, стр. 511.

¹⁸ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6528, ч. 1, л. 114.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же, лл. 108—113.

²¹ О. В. Маркграф. Очерк кустарных промыслов Северного Кавказа. М., 1882; Х. М. Хашаев. Занятия населения Дагестана в XIX в. Махачкала, 1954.

Высокохудожественные произведения ювелиров Дагестана высоко ценились не только на Кавказе, но и за его пределами. И не случайно Вольтер упоминает о железе «Кавказских гор, которое куют в кузницах Дербента»²².

Несмотря на то, что кустарные промыслы были распространены повсюду, все же отдельные населенные пункты отличались тем или иным особым видом производства. Такая специализация селений Дагестана по отдельным отраслям была типичной. Ювелирное производство было развито в Кубачах, Кумухе, Гоцатле и др., кузнечное — в Амузгах, Харбуке, Казанище, Унчукатле и др., гончарное — в Балхаре, Сулевкенте и др., обработка дерева — в Унцукуле, Тумли и др., наплечные бурки — в Анди, ковры, паласы, хурджины и др. — в южном Дагестане.

Изделия кустарно-ремесленного производства шли не только на обеспечение собственных нужд, но и на обмен. Этим славилось сел. Кубачи; основным занятием его жителей было ремесленное производство и отчасти торговля. Отрыв кубачинцев от сельского хозяйства — явление очень давнее²³.

Любопытные сведения, позволяющие понять специфику занятий жителей сел. Кубачи, сообщает Я. Рейнегс. «Кубачинцы...», — писал он, — известные мастера, которые выделывают оружие, пистолеты, сабли, ножи, панцыри... Так как ни Персия, ни Анатолия не имеют таких умелых мастеров, их изделия всюду находят спрос и дорогую оценку... Полеводство у них совершенно в забросе. Они сеют немного и получают немного... Садоводство также не имеет значения. Все, что им нужно для питания, они получают по весьма дешевым ценам от соседних племен. Еще менее они занимаются животноводством»²⁴. Однако следует учитывать, что получившие широкое распространение и известность в Закавказье «кубачинские сукна» и другие ткани, в самих Кубачах не производились: «Между кубачинцами и соседними селениями даргинцев со времен, не поддающихся определению..., практиковалось особое разделение труда, на основе которого „город златокузнецов и торговцев“ извлекал для себя немалые выгоды за счет эксплуатации соседей. Дело в том, что пряденая в с. Кубачи шерсть сдавалась даргинцам, превращавшим шерстяную пряжу в ткани. Эти ткани поступали в с. Кубачи и оттуда уже сдавались под маркой „кубачинских“»²⁵.

В Дагестане, как отмечает современник, «торговля производится большей частью меною: собственных денег никогда не имели, между ними употреблялись... так называемые ханские

²² Вольтер. Философские повести. М., 1954, стр. 262.

²³ СМОМПК, вып. 38, стр. 52.

²⁴ Е. М. Шиллинг. Кубачинцы и их культура. М.—Л., 1949, стр. 24.

²⁵ Там же, стр. 30.

Они принимают также и российскую монету. Особенно почитают серебряные рубли»²⁶. В начале XIX в. кроме «серебряной российской монеты и голландских червонцев,—свидетельствует современник,—денег... не имеется»²⁷. Достоверность этих сообщений подтверждают и исследования Е. А. Пахомова²⁸.

Главными торговыми центрами Дагестана были Дербент, Андрей-аул, Костек, Тарки, Аракань, Хунзах, Чох, Согратль, Кумух, Цудахар, Ахты, Анди и др. С незапамятных времен развивался товарообмен горцев Дагестана с народами Закавказья, Северного Кавказа, с Россией и странами Ближнего Востока. Из Дагестана вывозили скот и продукты скотоводства (кожи, шерсть, масло, сыр), сухофрукты, маринад, а также изделия кустарных промыслов, наплечные бурки, паласы, ковры, холодное оружие, ювелирные и гончарные изделия. В Дагестан же ввозили хлеб, рис, железо, ткани и другие товары. Уже во второй половине XVIII в. во внешней торговле Дагестана ведущее место занимала торговля с Россией. Этому, несомненно, способствовало то обстоятельство, что в торговле с Россией горцы пользовались определенными льготами. Известно, что по указу Екатерины II от 1762 г. горцы были освобождены от взимания пошлин с ввозимых товаров, а согласно указу от 1765 г. «кабардинцы и кумуки» не платили пошлин ни при продаже собственных произведений и скота, ни при покупке товаров в Кизляре»²⁹. Следует, однако, отметить, что внешняя торговля была развита неодинаково. Во многих районах нагорного и высокогорного Дагестана, отдаленных от прикаспийской торговой магистрали, она почти не развивалась. Даже в равнинной части Дагестана, несмотря на значительный товарообмен, товаро-денежные отношения не были развиты, и, за исключением городов, во многих владениях купечество не выделилось в особую классовую группу. Расширению торговли сильно препятствовало натуральное хозяйство страны, феодальная раздробленность и связанные с ней рахтарные сборы (пошлина), которые взимались владельцами за провоз товаров. Известно, что товары, следующие с Кумыкской равнины в Дербент или нагорную часть Дагестана, 3—4 раза облагались пошлиной³⁰. Кроме того, торговле препятствовало состояние

²⁶ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 18503, л. 6.

²⁷ «Материалы по истории Дагестана и Чечни, 1801—1839 гг.», т. III, ч. 1. Махачкала, 1940 (далее — «Материалы...»), стр. 190.

²⁸ Е. А. Пахомов. Монетные клады Азербайджана и других республик, края и областей Кавказа. Баку, 1957.

²⁹ П. Г. Бутков. Материалы для новой истории Кавказа, ч. III. СПб., 1869, стр. 106.

³⁰ А. П. Брюханов. Социально-экономические отношения народов Дагестана в первый период его завоевания Россией и походы А. П. Ермолова в горы. Канд. дисс., рукопись. М., 1940, стр. 12.

35038

дорог, а также постоянная опасность грабежа со стороны феодальных владетелей³¹.

Все же происходившее естественно-географическое общественное разделение труда (равнинная и нагорная части), не затрагивая основы натурального хозяйства, вело к постепенному расширению торгового обмена, к росту товарного производства.

В исторической литературе было принято считать дореволюционный Дагестан страной господства родового строя³². Вместе с тем еще в 1930-х годах советские историки Н. И. Покровский, А. И. Тамай и др. высказали мнение, что в Дагестане задолго до XIX в. начали развиваться феодальные отношения.

✓ «Первое, что обращает на себя внимание исследователя при анализе дагестанской экономики,— писал Н. И. Покровский,— это господство феодальных отношений»³³. Однако эта концепция тогда не получила должной поддержки. Проведенные в самое последнее время советскими историками исследования установили, что несмотря на существовавшие различия между отдельными частями, в Дагестане фактически господствовали феодальные отношения³⁴.

«К началу XIX века,— отмечает А. В. Фадеев,— народы Северного Кавказа находились на различных ступенях развития феодализма. В то время как в приморском Дагестане, Кабарде, Осетии, а также у некоторых адыгейских племен (темиргоев, хатукаев, бжедухов), феодальные отношения были более развиты, у дагестанских горцев, чеченцев, ингушей... эти отношения были еще в значительной мере скрыты под покровом патриархально-общинного строя и родовых пережитков»³⁵.

Хотя большинство исследователей пришло к единому мнению о том, что в XIX в. в Дагестане феодальные отношения сочетались с пережитками родового строя, все же ряд историков продолжает архаизировать уровень общественного развития

³¹ С. Броневский. Указ. соч., ч. I, стр. 56—57.

³² М. Ковалевский. Закон и обычай на Кавказе, т. II. М., 1890, стр. 140; он же. Родовое устройство Дагестана.— «Юридический вестник», 1888, № 22; В. И. Иваненко. Гражданское управление за Кавказом. Тифлис, 1901; П. В. Гидулянов. Сословно-поземельный вопрос и райятская зависимость в Дагестане. М., 1901; С. В. Юшков. К вопросу об особенностях феодализма в Дагестане.— «Ученые записки Свердловского гос. пед. ин-та», вып. I. Свердловск, 1938, стр. 66; А. И. Иванов. Социально-экономическое и политическое положение Дагестана до завоевания царской Россией.— «Исторический журнал», 1940, № 2, стр. 70.

³³ Н. И. Покровский. Мюридизм у власти.— «Историк-марксист», 1934, № 2(36), стр. 31. См. также А. И. Тамай. К вопросу о феодализме в истории Дагестана.— «Революционный Восток», 1935, № 5, стр. 116.

³⁴ Х. М. Хашаев. Общественный строй Дагестана в XIX в. М., 1961; Р. М. Магомедов. Общественно-экономический и политический строй Дагестана в XVIII — начале XIX в. Махачкала, 1957.

³⁵ А. В. Фадеев. Россия и восточный кризис 20-х годов XIX в. М., 1958, стр. 111—112.

Дагестана³⁶. Дагестан был краем со сложными и пестрыми общественно-экономическими отношениями. В равнинной предгорной части Дагестана земельные угодья находились в основном в собственности феодалов при сохранении незначительной части общинного землевладения. Общество распалось на два сравнительно резко очерченных класса:

1. Класс эксплуататоров: шамхалы, ханы, князья, беки, чанки (дети шамхалов и ханов, рожденные от неравного брака), сала-уздени — первостепенные уздени или средние дворяне³⁷. К господствующему классу относились и представители местного мусульманского духовенства.

2. Эксплуатируемый класс, который состоял из узденей трех степеней: простые уздени, доберек-уздени (круглые уздени), азат-уздени — вольноотпущенные (иногда их называют третьестепенными узденями)³⁸, чагары — крепостные, райяты — терекмейцы³⁹ и рабы⁴⁰.

Феодално-зависимые крестьяне платили владельцам земли высокую феодалную ренту⁴¹. Господствующей была продуктивная рента. Во владениях нагорного Дагестана ханы и беки владели пахотными землями, горными пастбищами и большим поголовьем скота. Достаточно сказать, что ханы Аварии владели землями вокруг Хунзаха и в сел. Цалкит, Цатаних, Батлук, Тукита, Ашильта, Голотль, Хиниб, Цельмес, Глох, Гочатль и многих других⁴². «Ханские пастбищные земли разбросаны были и

³⁶ «Шамиль — ставленник султанской Турции и английских колонизаторов». Тбилиси, 1953, стр. III; С. К. Бушурев. О кавказском юридикализме. — «Вопросы истории», 1956, № 12, стр. 73.

³⁷ Лобанов-Ростовский. Кумыки (их нравы, обычаи, законы). — «Кавказ», 1846, № 38; Н. Семенов. Туземцы Северо-Восточного Кавказа. СПб., 1895, стр. 229—230; Ф. И. Леонтович. Адаты кавказских горцев, вып. 2. Одесса, 1882, стр. 191.

³⁸ «Кавказ», 1848, № 41, 42, 48; П. Г. Гаврилов. Устройство поземельного быта горских племен Северного Кавказа. — «Сборник сведений о кавказских горцах» (далее — ССКГ), вып. II. Тифлис, 1869, стр. 48; Н. Дубровин. Указ, соч., т. I, кн. 1, стр. 626—627; С. В. Юшков. Указ, соч., стр. 81.

³⁹ Подробно о терекмейцах см. С. Ш. Гаджиева. Очерки истории и этнографии дагестанских терекмейцев. — «Ученые записки Дагестанского гос. жен. пед. ин-та», вып. II. Махачкала, 1958, стр. 61—97.

⁴⁰ ЦГИА Груз. ССР, ф. 416, оп. 3, д. 1053, лл. 5—6; ЦГА ДАССР, ф. 105, оп. 1, д. 23, л. 1; «Кавказ», 1848, № 43; «Рукописный сборник адатов шамхальства Тарковского и ханства Мехтулинского». — ЦГИА Груз. ССР, ф. 1087, оп. 1, д. 272, л. 17.

⁴¹ ЦГА ДАССР, ф. 105, оп. 1, д. 6, л. 25; д. 12, лл. 14—15; ф. 90, оп. 2, д. 5, лл. 7—8; ф. 90, оп. 2, д. 24, л. 69; ф. 150, оп. 1, д. 2, л. 1; ЦГИА Груз. ССР, ф. 2, оп. 1, д. 910, лл. 2—3 «Кавказ», 1848, № 43; «Шамхалы Тарковские». — ССКГ, вып. II, стр. 78; «Мехтулинские ханы». — ССКГ, вып. II, стр. 1—2; «История, география...», стр. 133; Х. М. Хашаев. Общественный строй Дагестана в XIX в., стр. 194—199, 208—213, 217—219.

⁴² ЦГИАЛ, ф. 396, оп. 2, д. 303, лл. 11—12; ЦГИА Груз. ССР, ф. 416, оп. 3, д. 203, лл. 13—14; ЦГВИА, ф. 400, д. 45, лл. 5, 515, 546, 549; ЦГА ДАССР, ф. 2, оп. 1, д. 8, л. 1; «Движение горцев Северо-Восточного Кавказа в 20—

на территории Каратинского, Гидатлинского, Андийского, Ахвахского» и других так называемых вольных обществ⁴³. В Казикумухском ханстве «все горные пастбища, за исключением некоторых, которые считались собственностью отдельных обществ, являлись собственностью хана»⁴⁴. Причем размеры их постоянно увеличивались, т. к. «ханы захватывали пастбища, принадлежащие обществам и причисляли их в свою собственность»⁴⁵. В общей сложности казикумухские ханы в начале XIX в. владели 41 горным пастбищем и значительными пахотными землями⁴⁶. Все это ставило в зависимое положение не только лично свободных узденей, но и жителей союзов сельских обществ. Вместе с тем, как увидим ниже, внутри так называемых вольных обществ существовало земельное и имущественное неравенство. В обществах жили «чанка-беки», «богатые», «зажиточные», «родовая знать», в собственности которых были рабы. Они в сравнении с общей массой узденей владели большими участками земли и имели значительное поголовье крупного и мелкого рогатого скота. Так что в нагорном Дагестане общество также распалось на два антагонистических класса: господствующий класс (ханы, беки, чанки и зажиточные) и эксплуатируемый (уздени, райяты, рабы). Но классы эти были здесь менее четко выражены, чем в приморском Дагестане, не было резкой классовой дифференциации, масса крестьян еще не была закрепощена. Эксплуатация непосредственного производителя была прикрыта пережитками патриархально-родовых отношений, древними обычаями и псевдородственными связями. Зависимые бедняки отдавали прибавочный продукт феодалам под видом «родовой взаимопомощи», «дарений», «приношений» и т. д. Этот вид взаимопомощи у аварцев назывался «гвай», у лезгин — «мел». Различие «гвай» и «мел» от отработочной земельной ренты состояло в том, что «зависимые крестьяне знают, что они обязаны отработать определенные дни, участники же „гвай“ твердо установленные обязанности не знают. Они просто считают „неудобным“ не участвовать в „гвай“»⁴⁷. Феодалные отношения здесь были менее развиты, а пережитки родового строя очень сильны. Кроме того, трудовой народ эксплуатировало мусульманское духовенство, представлявшее сравнительно многочисленную прослойку общества. Наступление феодалов на общинные права, постоянно растущие подати и повинности,

50 годах XIX в.». Махачкала, 1959 (далее — «Движение горцев...»), стр. 699—710.

⁴³ Р. М. Магомедов. Указ. соч., стр. 92; Х. М. Хашаев. Общественный строй Дагестана в XIX в., стр. 148—149.

⁴⁴ «Материалы по истории лаков». — ИИЯЛ, Рукопис. фонд, д. 1642, л. 12.

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ ЦГИА Груз. ССР, ф. 79, д. 16, л. 10; «Движение горцев...», стр. 22—23.

⁴⁷ Х. М. Хашаев. Общественно-экономический строй Дагестана в XIX в. Махачкала, 1954, стр. 79.

насилие феодалов, вымогательства духовенства тяжелым бременем ложились на плечи трудового народа. Феодалы подневольные крестьяне вели упорную классовую борьбу, которая выражалась в поджогах домов, хозяйственных застроек, ломке и порче орудий производства феодала, в отказе платить подати и отбывать повинности, в побегах рабов и крестьян от «своих» феодалов. В 1786 г., например, от шамхала Тарковского бежали в Терки холопы из христиан и «прирожденные мусульмане»⁴⁸.

Обращались крестьяне и к русским властям на Кавказе с просьбой защитить их от произвола «своих» владетелей. В 80-х годах XVIII в., например, обратились с письмом к кавказской администрации аксаевские крестьяне: «Просим вас низайше защитить нас от князей..., кои разграбили 60 дворов... узденей», просим также, «чтоб вы принудили князей возвратить награбленное, а когда не будет сего удовольствия, то все наши деревни разбежаться могут»⁴⁹. Нередко классовая борьба принимала ожесточенные формы в виде крестьянских волнений и восстаний. Так, в 1795 г. восстали крестьяне селения Губден. «Мехти, сын шамхала, по повелению отца и совету акушинского кадия, решается употребить против них силу»⁵⁰. Намного ранее в связи со сбором податей восстали крестьяне урджемильского магала в Кайтаге. Сын уцмий с помощью шамхала Тарковского «жесток расправился» с ними. Однако спустя некоторое время урджемильцы вновь восстали. И на этот раз выступление крестьян было подавлено⁵¹.

В начале XIX в. жители аула Карабудахкент отказались нести подати и выполнять барщину шамхалу Тарковскому. Убедившись, что он не в состоянии преодолеть сопротивления крестьян, шамхал обратился к русскому командованию. И только при самом активном участии царских войск шамхалу удалось подавить восстание карабудахкентцев и восстановить прежнее положение. Руководители восстания были публично повешены или сосланы⁵².

При преемнике Мехти, Абу-Муслиме, карабудахкентцы вновь отказались платить подати и повинности. Шамхал при поддержке царских войск сумел арестовать главарей и посадить «правителем» своего племянника Зали-бека. «А он начал там бесчинствовать и насильничать». Тогда уздени Карабудахкента поднялись на вооруженную борьбу. Зали-бек и его близкие укрепились в крепости. Восставшие сожгли их дома, разграбили имущество. Все, кто способен был носить оружие, собрались в

⁴⁸ ЦГВИА, ф. 52, д. 336, ч. IV, л. 82.

⁴⁹ Там же, д. 368, ч. II, л. 23. С аналогичной просьбой обращались и теркемейцы Кайтага (см. АКАК, т. VI, ч. II, стр. 51).

⁵⁰ П. Г. Бутков. Указ. соч., ч. III, стр. 256.

⁵¹ А. Бакиханов. Указ. соч., стр. 89.

⁵² ИИЯЛ, Рукопис. фонд, д. 1679, док. № 37.

местности Гелеметагин. Осада продолжалась до тех пор, пока царское командование не спасло Зали-бека⁵³.

В эти же годы произошло восстание крестьян в Табасаране. Против ханов Казии-Кумуха восстали крестьяне сел. Табахли, Тулезма⁵⁴, против аварских ханов восстали харахинцы, амештинцы, инховцы, оротинцы, тукитинцы и др.⁵⁵ Активное выступление крестьян против феодалов и феодализирующейся аульской верхушки имело место и в так называемых вольных обществах. В Рутульском вольном обществе родовитые богатеи «до того надели своими захватами и претензиями», что крестьяне создали почти всех их на специально устроенный пир и расправились с ними⁵⁶. Обычно выступления крестьян жестоко подавлялись, но иногда они приводили к отпадению от ханства целых аулов. «Особенно ярко этот процесс сказывается в ханстве Аварском»⁵⁷. Рассмотренные нами производственные отношения порождали и соответствующую политическую надстройку феодальных владений Дагестана, напоминавшую государственный строй восточных деспотий. Во главе феодального владения стояли шамхал, хан, уцмий, майсум, кадий. Весь несложный государственный аппарат был направлен на исполнение двух функций: 1) внутренняя (главная) — подавление эксплуатируемого большинства внутри владения и 2) внешняя — грабеж и захват земель за пределами своих владений. Феодалы предпринимали набеги не только в самом Дагестане, но и за его пределами (в описываемое время особенно страдала Грузия). Следует особо подчеркнуть, что эти походы приносили богатство их организаторам — феодалам, а рядовым горцам — страдания и нередко смерть. Когда Сурхай-хан «занял Ширван, — говорится в „Материалах по истории лаков“, — трудящиеся горцы не получили какой-либо пользы, но пострадали в очень многом»⁵⁸.

В описываемое время в Дагестане существовали следующие феодальные владения. Равнинную часть Дагестана, являющуюся продолжением Прикаспийской низменности от реки Терека вдоль Каспия до реки Бешлы, занимали кумыки. К западу от Чечни между Терекком и Сулаком находились владения Эндриевское, Аксаевское и Костековское. Управление этими владениями осуществлялось выборным советом князей, во главе которого стоял старший князь⁵⁹. Если решение того или иного вопроса

⁵³ ИИЯЛ, Рукопис. фонд, д. 1679, до. № 37.

⁵⁴ «Антология лакской поэзии» (на лакск. яз.). Махачкала, 1958, стр. 46—59.

⁵⁵ Р. М. Магомедов. Указ. соч., стр. 308—311.

⁵⁶ М. В. Саидова. Переход народов Дагестана от общинно-родовых отношений к феодальным. Канд. дисс. М., 1947, стр. 132—136.

⁵⁷ «Историк-марксист», 1934, № 2 (36), стр. 34.

⁵⁸ «Материалы по истории лаков», л. 148.

⁵⁹ Ф. И. Леонтович. Указ. соч., вып. 2, стр. 187—188; «Кавказ», 1848, № 44.

вызывало затруднения, старший князь созывал так называемое мохкаме. Все решения и приказания старшего князя претворяли в жизнь находящиеся при нем в качестве десятников бегаулы и дружинники. Для наказания провинившегося простолюдина была на дворе старшего князя вырыта яма, куда их на несколько дней сажали⁶⁰.

Совет князей назначал судей. «В судьи же могли избираться не только князья, но и уздени»⁶¹. Разбирательство тяжб производилось по адату или по шариату. По шариату в основном разбирались дела по завещаниям, опеке, разделу движимого имущества и т. д. Уголовные преступления решались по адату, которые отвечали интересам класса феодалов. Это видно хотя бы из того, что адаты по убийству, воровству и т. д. дифференцируют ответственность по классовой принадлежности. Представители зависимых сословий не имели права совершать кровомщение феодалам, т. к. по адатам кровная месть могла быть только среди равных. В случае, если князь убивал узденя, в канлы выходил не убийца, а его уздень. За воровство (если совершивший кражу был из простого народа) вор обязан был заплатить князю в 9 раз больше стоимости, в случае же неуплаты по несостоятельности, он превращался в раба князя. Если же воровство у «простолюдина» совершалось лицом, принадлежавшим к господствующему классу, то последний платил по стоимости или обязан был вернуть уворованное.

«В важных случаях, где должны были принимать меры общими силами, князья составляли между собой, в присутствии старшего князя, совещание и положенное там решение приводилось в исполнение, каждый в своем ауле»⁶².

Наиболее важные вопросы выносились на джамаат (сход), который собирался в определенном месте, обычно у главной мечети. Присутствовать на нем имели право все сословия, кроме рабов⁶³. Однако решающую роль на джамаате играли господствующие сословия. Решения, как правило, принимались согласно высказываниям и предложениям князей, сала-узденей с духовенства.

Территорию к югу от устья реки Сулак до реки Орасай-Булак в длину 110 верст и в ширину 50—60 верст занимало шамхальство Тарковское⁶⁴. Население шамхальства не было этнически однородным. Основную массу составляли кумыки, но кроме них имелись горские евреи, ногаи и др. В юго-восточной части жили даргинцы. Шамхальство было одним из крупных и влиятельных владений Дагестана. Владелец тар-

⁶⁰ Ф. И. Леонтович. Указ. соч., вып. 2, стр. 187—188.

⁶¹ Там же.

⁶² «Кавказ», 1848, № 44.

⁶³ Ф. И. Леонтович. Указ. соч., вып. 2, стр. 188.

⁶⁴ С. Броневский. Указ. соч., ч. II, стр. 294.

ковский носил титул «шамхал тарковский, владетель и вали (верховный судья) дагестанский». Следует, однако, отметить, что в действительности, хотя шамхальство и было одним из крупных и влиятельных владений, шамхал не являлся ни владетелем всего Дагестана, ни верховным судьей. Титул этот говорит лишь о былой роли, какую шамхалы играли в Дагестане. «Шамхал...», — писал в 1796 г. П. Г. Бутков, — есть самовластный владелец, и тяжбы своих подданных сам решает деспотически»⁶⁵. Однако шамхалы для решения наиболее важных дел периодически созывали совещания наиболее влиятельных феодалов. Ближайшими помощниками шамхала были визири. Они имели большой вес и считались правой рукой шамхала. В шамхальстве не было министералитета. Административно-финансовые функции, сборы пошлин, взимание штрафов, принуждение к своевременной уплате податей, наказание преступников, охрану особы шамхала и его дома выполняли нукеры (дружинники). Они же несли обязанности дворецких, конюшенных, стольников, чашников и т. д.⁶⁶ Административно шамхальство было разбито на бийликства (Буйнакское, Баматулинское, Карабудахкентское) и магалы. На местах имелись сельские старшины-карты. В каждом крупном селении «или в нескольких малых» для суда и, очевидно, для регистрации всякого рода актов были поставлены кадии (судьи) и будуны (их помощники)⁶⁷. Полицейские обязанности, решения суда, а также приказания кадия и будуна претворяли в жизнь торгаки. Кроме того, в аулах имелись чауши, которые знакомили членов общества с решениями центральной и местной власти и следили за их выполнением. Многие исследователи считают их полицейскими. В резиденции шамхала в Тарках для «наблюдения за общественным спокойствием существовал Кала-бек, при нем находился юзбаши (сотник) и чауши (городовые), у главных ворот находилась тюрьма — выкопанная в земле яма, в которую на веревке спускали преступника»⁶⁸. Профессиональной армии, за исключением отряда нукеров, не имелось. В военное время шамхалы созывали ополчение из жителей своего владения или же прибегали к найму. В особо важных случаях шамхалы обращались за военной помощью к союзникам, чаще всего к акушинцам, находящимся «под протекцией шамхала»⁶⁹. В случае нужды шамхалы могли выставить ополчение в 20 тыс. вооруженных людей⁷⁰.

⁶⁵ «История, география...», стр. 200.

⁶⁶ С. В. Юшков. Указ. соч., стр. 83.

⁶⁷ С. В. Юшков. Рукопись по истории Дагестана. — ИИЯЛ, Рукопис. фонд, д. 1165, лл. 63—64.

⁶⁸ И. Березин. Указ. соч., ч. II, стр. 74.

⁶⁹ «История, география...», стр. 131.

⁷⁰ С. Броневский. Указ. соч., ч. I, стр. 308; «История, география...», стр. 170—171.

Бийликство (Баматулинское, Эрпелинское, Буйнакское, Карабудахкентское и др.) имело административное устройство более примитивное, чем шамхальство. Но беки старались во всем подражать шамхалам и пользовались в своих владениях полным иммунитетом, как верховные судьи чинили суд, взимали штрафы. Нередко беки проявляли самостоятельность и во внешней политике. В вопросах управления и суда беки подобно шамхалам руководствовались адатами, которые, как мы уже говорили, всецело отвечали интересам класса феодалов. В отличие от других владетель Бойнака носил титул крым-шамхала и считался наследником шамхала. Вступление в «шамхальское достоинство» происходило в Тарках всенародно». При этом присутствовали и представители акушинцев. По окончании церемонии, свидетельствует А. Тихонов, «шамхал... дарит их (акушинцев.— В. Г.) по его рассмотрению и в то же время уже признан будет от всех народов шамхалом»⁷¹. При жизни же шамхала утверждается и крым-шамхал. Нередко, однако, вступление в «шамхальское достоинство» происходило в ожесточенной борьбе между претендентами. Так, в середине XVIII в. между шамхалом Хаспулат-ханом и претендентом на шамхальство владетелем Бойнака Мехти происходила неоднократно возобновлявшаяся борьба. В одном из кровопролитных сражений близ сел. Казанищи с обеих сторон погибло много людей, но никому не удалось одержать верх. Тогда посредниками выступили влиятельные лица Дагестана. И только благодаря их вмешательству удалось примирить шамхала с Мехтием, который по-прежнему остался владетелем Бойнака. В 1773 г. шамхал Хасбулат-хан умер. По его завещанию в «шамхальское достоинство» был выдвинут Муртузали, сын сестры Хасбулат-хана. Это вызвало волну негодований в роде шамхала. Один из претендентов в «шамхальское достоинство» владелец казанищенского бийлика Магомед собрал ополчение при помощи уцмия Кайтага Амир-Гамзы, хана Аварии и владетеля Эндреевского, изгнал Муртузали из Тарков и провозгласил себя шамхалом. Однако не прошло и месяца, как Муртузали с помощью Фатали-хана и акушинцев силой отстранил Магомеда и поселился в Тарках шамхалом. В 1782—1794 гг. шамхальством Тарковским управлял Бамат.

Мехтулинское ханство. Во второй половине XVIII в. Мехтулинское ханство занимало незначительную территорию — всего 18 аулов: Нижний Дженгутай. Верхний Дженгутай, Дуранги, Апиши, Ахкент, Оглы, Кулецама, Аймаки, Чоглы, Дургели, Кака-шура, Параул, Урма⁷². Последние четыре аула являлись уделом Али-Султан-бека. В конце XVIII в., по данным И. Дре-

⁷¹ «История, география...», стр. 131.

⁷² ЦГВИА, ф. 205, оп. 1, д. 140, лл. 1—5; «История, география...», стр. 130; ССКГ, вып. II, стр. 3.

някина, в ханстве Мехтулинском было более 3000 домов⁷³. Население ханства не было этнически однородным. Здесь в основном жили кумыки и аварцы. Административно-управленческий аппарат ханства был менее сложным, чем шамхальства. Во главе ханства стоял хан, который, как отмечается в источнике, имел «свое правление». От него же «зависит власть определить и казнить преступников»⁷⁴. По установившемуся обычаю штрафы, взимаемые с преступников, также шли в пользу хана. Неизвестно почему, обычай этот не распространялся на жителей аулов Кака-шура и Дургели. В середине XVIII в. мехтулинским ханом был Ума. После его смерти право на ханство должно было перейти к старшему сыну его Али-Султан-беку, но «он не пожелал властвовать, а, взяв в свой удел четыре деревни, предоставил остальные младшему брату Ахмед-хану-Аджи на правах владетеля»⁷⁵.

Ахмед-хан-Аджи правил Мехтулинским ханством до смерти в 1797 г. Он был бездетным. И поэтому ханом вторично должен был быть Али-Султан-бек, «но он снова отказался и, оставшись при своем уделе, посадил на ханство старшего сына своего, Гасан-бека»⁷⁶, который правил до 1818 г.

Уцмийство Кайтагское. Во второй половине XVIII в. уцмийство занимало территорию от реки Оросай-Булак на юг, вдоль Каспия на 60 верст до реки Дарбах и от Каспийского моря на запад верст на 100, а в окружности 350 верст⁷⁷. Эта территория разделялась на две части: равнинную, называемую Нижней, или Кара-Хайдак (Уаб-Хайдак), и нагорную — Верхний Кайтаг (Шубах-Кайдак). В нагорной части (селения Уцари, Шуркент, Каттаган и др.) жили кайтаги — народность, родственная даргинцам, а в селении знаменитых кольчужников Кубачи — кубачинцы, говорящие на кубачинском диалекте даргинского языка.

Равнинную часть населяли даргинцы, кумыки, терекемейцы, таты и горские евреи. В конце XVIII в. численность народонаселения уцмийства достигала 75 тыс. человек⁷⁸. Топографическое деление уцмийства на две части — Нижний и Верхний Кайтаг — «соответствовало делению населения в отношении его социального устройства»⁷⁹. В Нижнем Кайтаге феодальные отношения были более развиты, чем в Верхнем.

Уцмийство Кайтагское делилось на 13 магалов: Терекемейский, Гамринский, Харбукский, Хайдакский, Каракайтагский,

⁷³ «История, география...», стр. 170—171.

⁷⁴ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 18474, ч. II, л. 7.

⁷⁵ «Мехтулинские ханы». — ССКГ, вып. II, стр. 3.

⁷⁶ Там же.

⁷⁷ С. Броневский. Указ. соч., ч. II, стр. 309; «История, география...», стр. 309; И. Березин. Указ. соч., т. II, стр. 48.

⁷⁸ «История, география...», стр. 170—171.

⁷⁹ ЦГА ДАССР, ф. 150, оп. 1, д. 2, л. 1.

Урджамильский, Девекский, Каттаганский, Ширкулаламский, Сюргинский, Муирский, Кабадаргинский и Кубачинский.

Политическое устройство Кайтагского уцмийства мало чем отличалось от других выше описанных феодальных владений. «Над обеими частями (Нижний и Верхний Кайтаг)... возвышалась власть уцмий, власть эта была наследственной и переходила к старшему в роде, но при этом утверждалась торжественным всенародным собранием»⁸⁰, происходившим в сел. Башлы. При этом надевать шапку «папах камага», являющуюся признаком уцмийского достоинства, было привилегией старшего в роде Гасан-бека из Урджамильского магала, ведущего якобы свое происхождение от арабов. После своего утверждения уцмий одаривал собравшихся беков кого оружием, деньгами, а кого и скотом. Одновременно с уцмием утверждался и его наследник — гаттым⁸¹. Но несмотря на это, порядок передачи достоинства уцмий был не простым, и нередко между претендентами, членами рода уцмиев, возникали кровопролитные столкновения. Вопросы войны и мира, внешнеполитической ориентации решал уцмий. При этом он советовался с беками, наиболее влиятельными узденями Верхнего Кайтага и представителями высшего мусульманского духовенства. В мирное время при уцмийе постоянно находилась дружина из 300 всадников, укомплектованная, как правило, из узденей. Кроме постоянной стражи, их назначение заключалось в исполнении некоторых полицейских функций, например, «приведение в повиновение узденей, не исполняющих требование уцмий»⁸². Они помогали при сборе податей наследником уцмийе — гаттымом. Магалами правили беки. По своему происхождению и экономическому положению беки Кайтага отличались друг от друга. Происходившие «от великого дагестанского уцмийе» имели большее значение, чем карачи-беки⁸³. Особое положение занимали утемышские султаны. Находясь между шамхальским и уцмийским владениями, султан, сообщает И. Гербер, «временем от шамхала, временем от усмея зависит..., смотря на случай, а больше чтился он с обоими в приятельстве быть»⁸⁴. Власть над поселянами подвластных бекам деревень (райятами) в судебном и административном отношениях принадлежала тому беку, в зависимости от которого они находились. В Терекеме бек имел право удалить неугодного ему райята со своих земель, при этом имущество поступало в пользу бека. Беки разбирали и тяжбные дела, при-

⁸⁰ ЦГА ДАССР, ф. 150, оп. 1, д. 8, л. 1.

⁸¹ М. Ковалевский. Закон и обычай на Кавказе, т. II, стр. 22; «Кавказ», 1867, № 13.

⁸² ЦГА ДАССР, ф. 90, оп. 2, д. 24, лл. 4—5.

⁸³ Р. М. Магомедов, Указ. соч., стр. 224.

⁸⁴ «История, география...», стр. 74.

чем их решения считались окончательными: они налагали по своему усмотрению штрафы, наказывали преступников, имели право «даже казнить смертью»⁸⁵. Таким образом, беки в Терекме пользовались полным иммунитетом.

В так называемых узденских селах беки не имели таких прав. Управление и разбор как уголовных, так и гражданских дел осуществлялись «картами», — формально избираемыми, но фактически выдвигаемыми из среды узденей — «богатеев». «Право быть избранными в карты и в кевха принадлежало только некоторым известным фамилиям»⁸⁶. Количество избираемых картов и других лиц местной администрации не было регламентировано и находилось, видимо, в прямой зависимости от численности народонаселения данного общества и положения, занимаемого им в уцмийстве. В сел. Башлы, например, «избирали» 6 картов, нескольких судей и одного кадия для разбора дел по шариату. Их решения были безапелляционными. В остальных же магалах апелляция на решения сельских картов в одних случаях поступала к феодалу, в других — на собрание всех картов, в третьих — к картам селений, пользующимся особой популярностью и предпочтением (такими считались, например, карты сел. Уркарах). На решения сельского кадия можно было апеллировать к первенствующему кадию или даже обратиться к акушинскому кадию.

Различные полицейские функции исполняли тургаки. В Башлах было «60 постоянных наследственных тургаков, в помощь которым каждый магал по очереди назначал ежемесячно из среды своей еще 30 тургаков»⁸⁷. Кроме них «выбирали» также мангуша, в обязанности которого входил созыв сельчан на сход. Он также «свидетельствовал потраву на полях и арестовывал скот»⁸⁸.

Несколько отличалось управление сел. Кубачи. Если свести воедино все имеющиеся сообщения, то выявляется существование в ауле возглавляющей верхушки в 4—10—12 человек (старшины) и 22—25 человек «совета» или «судей», выделяемых из наиболее богатых и влиятельных фамилий⁸⁹. Однако это не означает, что уцмий не вмешивался в дела Кубачи. «...Если уцмию нужно было покарать провинившихся перед ним кубачинцев, он приезжал к одному из влиятельных кунаков с. Кубачи и здесь на площади производил над рядовыми людьми экзекуции (наказание палочными ударами); стогняли виновных даже

---

⁸⁵ ЦГА ДАССР, ф. 90, оп. 1, д. 5, лл. 1—2.

⁸⁶ Там же, ф. 150, оп. 1, д. 8, л. 2.

⁸⁷ Там же, ф. 90, оп. 2, д. 24, лл. 64—65.

⁸⁸ Там же.

⁸⁹ «История, география...», стр. 75; С. Броневский. Указ. соч., ч. II, стр. 324.

с Сулевкента»⁹⁰. Следует, однако, сказать, что старшины и другие лица администрации, не противившиеся наказанию рядовых членов общества, оказывали упорное сопротивление, когда уцмий пытался умалить их права. Видимо для того, чтобы по возможности сократить официальные приезды уцмий в сел. Кубачи, разбор подведомственных ему дел производился вне селения, на урочище Апла-ку⁹¹. Из сказанного явствует, что в одной части владения уцмий выступал как самодержец, в другой — как предводитель, которому вверялась в некотором роде исполнительная власть и в качестве вознаграждения за это предоставлялись некоторые материальные выгоды. Профессиональной армии в уцмийстве не было. Основной воинской силой, как и в шамхальстве, было ополчение. В военное время по призыву уцмий беки, как вассалы, со своими подвластными должны были являться конными или пешими. При этом приказания уцмий, касающиеся «до исполнения воинской повинности»⁹², беки обязаны были исполнять беспрекословно. Однако бывали случаи, когда беки не повиновались уцмью. Так, в период междоусобной войны уцмий Амир-Гамзы с Фатали-ханом дербентским и кубинским хан Мамед-бек перешел на сторону последнего⁹³. По призыву уцмий в полном снаряжении являлись и уздени Кайтага. «Уцмий владения, — сообщает Тихонов, — все жители на случай надобности в войске на защищение границ своих дают с каждого двора по одному человеку. Если же угодно будет уцмью их войском сделать пособие другому владельцу, в таком случае просит их согласия и с заплатою им за это денег, а насильем к таковой сторонной войне их не принудить»⁹⁴. Согласно имеющимся данным, во время войн уцмийство могло выставить 12 500 человек ополченцев.

Т а б а с а р а н. Территорию к югу от уцмийства до речки Чирахской протяжением около 50 верст и от Дербента на запад около 70 верст занимал Табасаран. Здесь проживали табасаранцы — народ, говорящий на языке лезгинской группы дагестанских языков, таты, горские евреи и др. По имеющимся данным, в конце XVIII в. в Табасаране насчитывалось 90 селений (более 52 тыс. человек)⁹⁵. В Табасаране было два самостоятельных владения: майсумство и владение кадия. В социальном отношении каждое из этих владений делилось на две части: райят Табасаран (где основную массу крестьян составляли райяты) и узден Табасаран, населенный узденями. «Почти все уздени Табасарана, — говорится в официальном документе, — одарива-

⁹⁰ Е. М. Шиллинг. Указ. соч., стр. 196—197.

⁹¹ Там же.

⁹² ЦГА ДАССР, ф. 90, оп. 2, д. 24, лл. 4—6.

⁹³ Там же.

⁹⁴ «История, география...», стр. 134.

⁹⁵ Там же, стр. 104, 152—153, 171, 313; С. Броневский. Указ. соч., ч. II, стр. 341.

ли майсума и кадия произведениями собственного ремесла, а иногда деньгами, по различным случаям и за решения между ними важных спорных дел и примирение дел по кровопролитию»⁹⁶. Здесь не говорится об обязательных податях и повинностях. Однако при анализе выясняется, что разница между обычной феодальной рентой и «одариванием» заключалась лишь в том, что феодально-зависимые обязаны нести определенные подати и повинности, а одаривающие, хотя и не имеют установленных норм, все же отдают владельцу прибавочный продукт.

В административном отношении майсумство делилось на магалы: майсума, Мустафы-бека, шамхала, Али-Гули-майсума, Дрич-Табасаран⁹⁷. Резиденцией майсума служило сел. Чегрех. Местопребывание Мустафы-бека — сел. Карчаг на реке Зыдык. Сел. Чулат — пребывание шамхалов. «Дрич Табасаран включает в себя горные деревни по Карасирту; они управляются независимыми узденями, служащими майсуму»⁹⁸. В этих магалах было около 70 селений. К «кадиеву Табасарану» относились магалы Махмут-бека, Магомед-бека и Мурза-бека. Всего в этих магалах было 20 селений. Резиденцией кадия табасаранского было сел. Эрси.

В нагорной части Табасарана находилось 15 аулов: Ягдик, Пилек, Хурук и др., составлявшие особый магал, называемый Девек-Елимен. Ф. Симонич отмечал, что этот магал «управляется народом под разными узденями или наследными начальниками, служащими большей частью кадию табасаранскому, а по обстоятельствам, и другим»⁹⁹. Над обеими частями Табасарана возвышалась власть майсума и кадия. Эти звания переходили по наследству старшему в роде, но при этом так же, как и в Кайтаге, соблюдался обряд избрания, который происходил на сходах представителей всех магалов (узденских и райятских) в известных местах: кадия — в северном Табасаране, близ сел. Хучни, а майсума — около сел. Туруфа¹⁰⁰. Все вопросы внешнеполитического характера решались майсумом и кадием. Внутреннее управление осуществлялось майсумом, кадием, беками, духовенством и кевхами (старшинами). В каждом селении имелись чауши — полицейские, как их определяет И. Березин¹⁰¹. В мирное время при майсуме и кадии постоянно находилось «достаточное число» нукеров-дружинников. Нукеры численность которых установить точно не представляется возможным, кроме охраны владельцев выполняли также различные

⁹⁶ ЦГА ДАССР, ф. 150, оп. 1, д. 1, лл. 17—18.

⁹⁷ А. Комаров. Народонаселение Дагестанской области.— «Записки Кавказского отделения Русского географического общества», вып. VIII. Тифлис, 1873, стр. 19.

⁹⁸ «История, география...», стр. 153.

⁹⁹ Там же, стр. 154.

¹⁰⁰ ЦГА ДАССР, ф. 150, оп. 1, д. 1, л. 2.

¹⁰¹ И. Березин. Указ. соч., ч. II, стр. 80.

полицейские функции¹⁰². Они же занимались сбором «штрафных денег», пошлин и т. п. Ежегодный доход майсума, включая штрафы, пошлины, сборы, по данным источника конца XVIII в., доходил до 20 тыс. руб., а кадия табасаранского — до 40 тыс. руб.

В своих владениях беки были полновластными хозяевами, они разбирали тяжбы между подданными, взимали штрафы, подвергали жестоким наказаниям, хотя райяты нигде не признавали «за беками право изгнания, лишения членов и жизни и, если таковое случалось, оценивали как насилие — зельм»¹⁰³. В узденских селениях внутреннее управление, судопроизводство и т. д. осуществляли кевхи и представители мусульманского духовенства. Причем все дела, за исключением вопросов об опеке, завещаниях, наследовании и др., разбираемых духовенством по шариату, решались кевхами по адату. Наиболее важные вопросы решались на сходе (дриганы или дигор), который собирался ежегодно два или три раза. В нем непременно обязаны были участвовать по одному человеку от каждого семейства. Хотя все участники схода имели право принимать участие в обсуждении разбираемого вопроса, все же «сильные фамилии» имели преимущество перед «слабыми». Кевхи, — сообщает П. Колоколов, — «в собрании первые подают советы, и все дела решаются, хотя с общего согласия, но почти всегда по их определению»¹⁰⁴. По свидетельству современников, «табасаранцы никогда не собираются партиями для хищничества и не делают нападение на соседние народы, но храбро защищаются противу неприятелей и в сем отношении почитаются храбрейшими...»¹⁰⁵. В случае войны майсум и кадий собирали ополчение, которым и предводительствовали. По зову владетелей, как и в уцмийстве, беки обязаны были являться со своими нукерами и подвластными им райятами. Ополчаться обязаны были и уздени. «Они, — сообщает Колоколов, — собираются по сигналу, который подается ружейным выстрелом, с криком „харай“ и могут быть на месте, откуда подан сигнал, не прежде как через полтора дня»¹⁰⁶. Из магалов узденей собиралось до 3000 человек, из коих не более 300 человек могли быть конными. Всего, по данным Сереброва, майсум мог выставить 3500 вооруженных ополченцев, а кадий — 5363 человека¹⁰⁷. В середине XVIII в. в Северном Табасаране кадием был Муртузали-кади — сын Рустам-кади, майсумством управлял Муртузали — сын майсума Магомед. Шихали-бек Мирза-Оглы из рода майсумов убил Муртузали, надеясь стать майсумом. Однако кадий и старейшины Табасара-

¹⁰² ЦГВИА, ф. ВУА, д. 18 474, лл. 34—35.

¹⁰³ ЦГА ДАССР, ф. 150, оп. 1, д. 1, л. 2.

¹⁰⁴ «История, география...», стр. 316.

¹⁰⁵ Там же.

¹⁰⁶ Там же.

¹⁰⁷ Там же, стр. 170—171.

на вместе с уцмием Кайтага прибыли в Табасаран, изгнали Шихали-бека, который бежал к Фатали-хану, и назначили майсумом сына убитого Муртузали — Навруз-бека. Но так как он был немым, опекуном назначили его мать Ханум-бике Кирханбек кизы. Она фактически управляла майсумством, «причем, — говорит Г. Алкадари, — эта женщина на правах поверенной своего сына исполняла обязанности майсума»¹⁰⁸.

Аварское ханство. Аварцы, самая многочисленная народность Дагестана занимали нагорную часть северного и западного Дагестана по всему течению рек Аварское Койсу, Кара-Койсу с их притоками, а также низовье реки Андийского Койсу и верховья реки Сулак. Территория, заселенная аварцами, простирается в длину на 170 км, а в ширину на 70 км. На этой территории было расположено Аварское ханство с центром в Хунзахе и целый ряд так называемых вольных обществ. Ханство Аварское было одним из крупных и влиятельных феодальных владений.

В XVIII в. ханы Аварии проводили объединительную политику за счет присоединения к своему владению территорий, окружающих аварских вольных обществ. Наибольших успехов в этом достиг Ума-хан (1774—1801 гг.). При нем ханство Аварское намного расширило свои границы как за счет подчинения ряда аварских обществ, так и за счет присоединения пограничных с Дагестаном территорий, населенных чеченцами. Кроме того, Ума-хан подчинил также своей власти «„Джаробелоканское общество“ и принудил платить дань грузинского царя Ираклия II, ханов дербентского, кубинского, бакинского, ширванского, шекийского и пашу ахалцыхского»¹⁰⁹.

Согласно имеющимся данным, относящимся к последним десятилетиям XVIII в., видно, что от ханов Аварии были зависимы не только жители ханства, но и «вольные» общества, а также ряд пограничных с Дагестаном селений Чечни. Ханы Аварии взимали с зависимых обществ подати в виде продуктов скотоводства, земледелия и садоводства. Характер податей и их размеры определялись основными занятиями населения и экономическими возможностями данного общества. Села, где возделывались зерновые культуры, вносили от 32 до 264 мерок пшеницы и проса, от 30 до 132 мерок ячменя,

¹⁰⁸ Г. Алкадари. Асари Дагестан.—СМОМПК, вып. 46. Махачкала, 1929, стр. 90.

¹⁰⁹ Неверовский. Краткий исторический взгляд на Северный и Средний Дагестан до уничтожения влияния лезгинов на Закавказье. СПб., 1848 (далее — Неверовский. Краткий исторический взгляд...), стр. 34. По одним источникам, Ума-хан получал дань от грузинского царя 12 тыс. рублей, по другим — 5 тыс., от хана карабахского — 15 тыс., от нухинского хана — 9 тыс., от дербентского, кубинского, бакинского и ширванского ханов — 20 тыс., от ахалцыхского — 7 тыс. рублей серебром.— ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6165, ч. 2, л. 91.

кукурузы, магара. С обществ, занимающихся скотоводством, взималось до 600 и более голов овец и коз, а также шерсть, шали, паласы и др. изделия домашних промыслов. Селения, занимающиеся садоводством и огородничеством, вносили от 25 до 100 корзин винограда, от 25 до 40 мерок виноградного сока, по мерке чеснока, лука и других огородных и садовых культур. С отдельных обществ взималось по 90 и более мерок соли, несколько фунтов железа и др. Данники выполняли также разные полевые и домашние работы: вспашка, жатва, обмолот, доставка сельскохозяйственных и скотоводческих продуктов. Кроме податей и повинностей, налагаемых на целые общества, ханы Аварии взимали феодальную ренту с каждого крестьянского дыма¹¹⁰.

В начале XIX в., согласно данным, собранным русской экспедицией, побывавшей в Хунзахе, видно, что в Аварии имелось 37 селений с 5895 дворами свободных и 160 селений с 14 843 дворами, «дающими подать нуцал-хану»¹¹¹. По данным А. Берже, «в том же 1828 г. 164 деревни или 120 000 душ составляли данники хана Аварии»¹¹². В пользу ханов шли также штрафы и пошлинные сборы. Ежегодный доход хана Аварского в конце XVIII в. доходил до 150 000 руб.¹¹³

Административное устройство ханства Аварского, как и других владений Дагестана, не было сложным. Во главе владения стояли наследственные ханы. Все вопросы внутреннего и внешнего управления решались ими. «Ханы аварские,— писал Неверовский,— пользовались полною и неограниченною властью и, имея право жизни и смерти над своими подвластными, были всегда страшными деспотами»¹¹⁴. Тяжбы по духовным делам, завещаниям и т. д. разбирались по шариату хунзахским кадием, который «сверх своей обязанности исправляет и должность секретаря при хане, участвуя и во всех военных советах, вроде министра»¹¹⁵. Сам хан называл хунзахского кадия ближайшим своим визирем¹¹⁶. В других источниках его называют шейх-уль-исламом, который «в особо торжественных... случаях восседал даже выше хана»¹¹⁷. Как глава мусульманского духовенства хунзахский кадий, или шейх-уль-ислам играл при хунзахском дворе заметную роль.

Полицейские функции выполняли дружинники хана, составлявшие в мирное время вооруженные отряды. В военное время

¹¹⁰ См. полный текст документа в сб. «Движение горцев...», стр. 15—19.

¹¹¹ «Материалы...», т. III, ч. 1, стр. 192—195.

¹¹² А. Г. Берже. Материалы для описания нагорного Дагестана.— «Кавказский календарь на 1859 г.». Тифлис, 1858, стр. 164.

¹¹³ «История, география...», стр. 170—171.

¹¹⁴ Неверовский И. Краткий исторический взгляд..., стр. 19.

¹¹⁵ «Материалы...», стр. 191.

¹¹⁶ АКАК, т. IV, стр. 608.

¹¹⁷ «Материалы...», стр. 34.

по призыву хана собирались в ополчение беки, чанки и уздени всего владения. Кроме того, в Аварии было «4 военных округа: Гидит или Гид, в основном 19 деревень и имеют 3869 домов; Кувал — 24 деревни, 2381 дом, Кил — 8 деревень, 1358 домов и Каралал — 18 деревень, 2659 домов», которые «имеют издревле обязанность по требованиям хана доставлять войско на собственном их продовольствии». Причем, до смерти «Ума-хана, старшины и военачальники сих округов не бывали никогда награждаемы ни деньгами, ниже другими подарками, а дорожили одними только ласками ханов и за большое счастье считали те, которым ханы удостоивали дать из своих рук бокал с напитком бокочая или рюмку водки»¹¹⁸. Во время войны хан аварский собирал 30—40 тыс. человек вооруженных ополченцев¹¹⁹.

В ханстве Аварском не было единой системы административного деления. Здесь встречалось деление на военные округа, имелись бекства и т. д. В соответствии с этим определялось и местное управление.

Публичную власть на местах осуществляли старшины — чухби, адил-заби («блюстители порядка», «справедливые люди»). Полицейские функции, сбор податей, взимание штрафов и другие операции осуществляли мангуши, эм, чауши и др. Лица местной администрации в одних местах «выбирались», в других — назначались ханами. Но в обоих случаях они подчинялись владельцу. В ауле Ахалчи и др., например, во главе общества стоял ростал-кадияв, т. е. староста, утвержденный ханом. Он следил за своевременной уплатой податей. Помощниками у него были 4 чухби, которые разбирали все дела, подлежащие рассмотрению по ада:у. Их решения после подтверждения ростал-кадиява проводили в жизнь эм и мангуш¹²⁰.

Большую роль в местном управлении ханства Аварского играло духовенство. Все духовные вопросы и тяжбы, подлежащие рассмотрению по шариату, разбирали «кадии, каковых имеет каждый округ или уезд»¹²¹, дебиры, муфтии, муллы. Кроме того, они следили за точным исполнением догм корана, регулярным посещением мечетей, исполнением памаза и т. д. Наиболее распространенными духовными лицами в ханстве являлись дебиры. Они были почти во всех селениях. При отсутствии их замещали муфтии. Помощники дебиров — будуны в основном следили за хозяйством мечетей. За свою службу дебиры, муфтии и другие получали от жителей в одних случаях

¹¹⁸ «Материалы...»

¹¹⁹ Там же, стр. 192.

¹²⁰ Р. М. Магомедов. Указ. соч., стр. 113.

¹²¹ «Материалы...», стр. 190—191.

по одной сабе¹²² хлеба с двора, в других — получали баранами, а в третьих — им отводили участки пахотных земель, которые обрабатывались жителями аула. Кроме того, духовенство использовало вакуфы¹²³ и присваивало львиную долю заката¹²⁴.

Целый ряд вопросов, таких как спорные дела между аулами, регламентация сроков сельскохозяйственных работ (установление срока уборки хлеба, винограда, сена и др.), выбор суда — маслагата, тяжбы и другие, рассматривались на джамаатах, в которых участвовали только мужчины данного общества. Все присутствовавшие имели право высказаться по обсуждаемым вопросам, но при решении вопросов общественной жизни, как правило, учитывалось мнение старшин, родовой знати и духовенства.

Кази-Кумухское ханство. В самом центре нагорного Дагестана высокую долину кази-кумухского Койсу занимали лаки. Высокими горными хребтами лаки отделены с севера и северо-запада от аварцев, с востока — от даргинцев и с юга — от лезгин. Эта территория и была ядром Кази-Кумухского ханства. В середине XVIII в. им правил Магомед-хан. Он и его преемник Сурхай-хан II (Кунбутаи) продолжали политику присоединения территорий соседних народов. Им удалось немало расширить ханство, присоединив территорию Варкун-Даргуа (или Ашти-Кунки), несколько сел Андалаяла и Рис-Ора¹²⁵ и часть территории южного Дагестана, населенной лезгинами, известной под названием Кюра. Владение Сурхай-хана кази-кумухского, отмечает Ф. Симонич, «лежит наперевес Дагестана, простираясь от горы Кохма провинциею Кура, с южной с провинциею Казыкумыцкою, в северный Дагестан провинция Кура или Кюре простирается от Кавказского снегового хребта по четырем верхним полосам между реками Гургели и Самуром, к северу граничит с Табасараном, к востоку с дагестанскими владениями, к югу с кубинским, ахтыпским и рутулским»¹²⁶.

В ханстве вместе с присоединенными территориями было более 200 населенных пунктов. Согласно данным, относящимся к 1811 г., численность жителей ханства составляла более 108 тыс. человек¹²⁷. Из вышесказанного явствует, что населе-

¹²² Саба — мера объема, равная у одних народов Дагестана 14 кг, у других — 56 кг.

¹²³ Вакуф — собственность мечетей, образовавшаяся по завещаниям верующих.

¹²⁴ Закат — налог, установленный шариатом для всех мусульман.

¹²⁵ «Кази-кумухские и кюринские ханы». — ССКГ, вып. II, стр. 4.

¹²⁶ «История, география...», стр. 151.

¹²⁷ «Кази-кумухские и кюринские ханы», стр. 4; «История, география...», стр. 237; С. Броневский. Указ. соч., ч. I, стр. 59.

ние ханства Казии-Кумухского не было этнически однородным. Наряду с лаками в ханстве жили даргинцы, аварцы, табасаранцы, лезгины Кюринской провинции. Вот почему в русских документах военно-дипломатического характера того периода (да и в исторической литературе) владения Сурхай-хана именовались Кюра-Казии-Кумухским ханством. Как и другие владения Дагестана, Кюра-Казии-Кумухское ханство было разделено на магалы: кумухский, майчайми, мукарский, вицхинский, аштикулинский, арчи-шалинский, Варкун-Даргуа, а также «Гунок, в нем уездное место Гилиар, на левом берегу реки Самура... Истал, во оном уездное место селение Истальяр... Карта, в нем уездное место Касумкент... Гугдже, в нем уездное место Улукатах... Котоур Кюре, также имеет уездное место и главное в провинции место Кура. Рича называется по имени же главного селения в одном заключающемся. Чирах называется по имени же главного селения». В семи лезгинских магалах насчитывалось «деревен до 100, а жителей мужеска пола до 12 тыс. душ»¹²⁸.

Во главе Кюра-Казии-Кумухского владения стояли наследственные ханы. Сурхай-хан II, сообщает Ф. Симонич, кроме «в натуре получаемого оброка со всех деревень, получает и пошлыны с прогоняемых его владением для пастьбы скотских табунов до 80 000 рублей ханскими деньгами. Хан казыкумыцкий имеет в обеих провинциях наследное владение и неопределенную власть над народом»¹²⁹. Такое положение Кюринская провинция сохраняла до 1812 г., когда кавказское командование, изгнав из Кюри Сурхай-хана, образовало самостоятельное владение — Кюринское ханство. Ханом был утвержден племянник казии-кумухского Сурхай-хана Аслан-бек. Во главе всех владений стояли наследственные ханы. Все вопросы внешнего управления решались ханом. Они же чинили суд и расправу.

Непосредственными помощниками хана являлись визирь. Функции дворецкого и казначея выполняли назирь. Совещательным органом при хане являлся казии-кумухский кьат, игравший некогда большую роль в политической жизни лаков. Полицейские функции выполняли нукеры, в основном состоявшие из лагов (рабов) хана. Они же составляли и военные отряды хана в мирное время. В Кумухе имелся главный кадий — «илданал кади», который решал все духовные вопросы. На местах для соблюдения правопорядка и землепользования и решения различных вопросов «выбирались» куначу (старшины).

¹²⁸ «История, география...», стр. 151.

¹²⁹ Там же, стр. 152.

Куначу, как правило,— выходцы из наиболее родовитых и влиятельных тухумов общества. Были даже общества, где каждый раз куначу «избирался» из одного и того же тухума. Все вопросы, за исключением тех, которые подлежали компетенции кадия и разбирались по шариату, решали куначу. Для исполнения их решений избирался надсмотрщик, выдвигаемый также из числа богатых фамилий общества. Все указы и решения куначу, именуемые низамами, как правило, заносились в мечетскую книгу¹³⁰.

Для решения особо важных дел созывались джамааты, мало чем отличающиеся в своем устройстве от джамаатов вышеописанных владений Дагестана.

Завоеванными территориями управляли родственники ханов — беки или выделявшиеся умом и храбростью вассалы хана. Шемахой, например, управлял «Сурхая человек Качай», который имел «большую власть и силу»¹³¹. Во второй половине XVIII в. Кюрой, например, правил брат хана — Шахимардан-бек.

Характеризуя власть кази-кумухского хана, комендант Кизлярской крепости Ахвердов в 1804 г. отмечал, что в отличие от всех владельцев «во всем владении его слова вор нет, так что приезжающие наши армянские купцы с шелками и другими шелковыми товарами бросают связки на улицах возле того дома, где имеют ночлег, а естли бы кто и лошадь усталую под вьюком должен был бросить среди степи или гор, наверное по утру же сыщет, естли зверьми не растерзана. И, таким образом, народ его в совершенном повиновении, за малейшую шалость наказание у него — смерть, отрубить руку или же выколоть глаза! Народ ему подвластной имеет изобильное скотоводство, а особливо в овечьих стадах, и хлебопашество богатое, делают также шелк»¹³².

Военная организация ханства ничем не отличалась от описанных нами выше других владений. Близкое расположение сел в Лакии позволяло хану в течение двух суток «легко собрать 6—7 тысяч войск»¹³³. Ополченцев набирал хан и с присоединенных территорий. Прибегал он и к найму; так, что в военное время хан мог выставить внушительную силу.

Объединение сельских обществ (вольные общества). Накануне присоединения к России в Дагестане существовало более 60 объединений сельских обществ, известных в литературе под названием вольных обществ. Таковы аварские союзы сельских обществ: Салатавское, Гумбетовское,

¹³⁰ «Материалы по истории лаков», лл. 22—23.

¹³¹ АВПР, ф. Сношения России с Персией, 1722 г., д. 8, л. 54.

¹³² «История, география...», стр. 225.

¹³³ ССКГ, вып. II, стр. 4.

Хиндалальское (Койсубуюн), Андаляльское, Гидатлинское, Андийское, Ахвахское, Дидойское, Куядинское, Анкратльское, Хваршинское, Богулалское, Калалоское, Чамалальское, Технущальское, Тиндальское, Томс, Киль, Мукратль и др.; даргинские: Акуша-Дарго, Цудахарское, Усишинское, Урахинское, Мугинское, Мекегинское; лезгинские: Ахтипаринское, Дукузпаринское, Алтыпаринское, Рутульское, Цахурское¹³⁴.

Выше говорилось о том, что во второй половине XVIII в. некоторые вольные общества подпали под власть соседних феодальных владений. Здесь же укажем, что так называемое Салатавское вольное общество было зависимо от кумыкских князей. «Эндреевские и костековские князья, коим они (т. е. салатавцы.— В. Г.) подвластны, и земли их своими почитают. Сим князьям,— пишет Буцковский,— платят они дань баранами и хлебом и обязаны по вызову сопровождать оных в воинственных походах и всегдашней быть готовности к посылкам, платя сверх того за земли малую часть деньгами»¹³⁵.

Хиндалаль и Унцукуль (т. е. Койсубуюнское общество), писал Султан-Ахмед-хан аварский генералу Тормосову в 1809 г., «подвластны владетелю тарковскому... Стада их постоянно зимуют в его владении, также промышляют и летом»¹³⁶. Члены общества Каралал, сообщает Розен, «аварскому хану довольно послушны» и платят ему «ясак за землю, которая считается принадлежащею дому аварских владетелей»¹³⁷.

Аварскому хану андийцы ежегодно выплачивали по одной овце с семейства. Гидатлинцы платили хану по одной овце с 10 и выставляли ополчение. Общество Кувал, Каралал и Киль по требованию хана также поставляли войско¹³⁸. Андийское общество за пользование горой «Халатаб меэр» отдавало хунзахским ханам ежегодно восемь бурок и быка¹³⁹. Ряд селений общества — Технущал, Ботлих, Миарсу и др.— вносили ханам 6 овец, 20 мерок проса и 30 мерок виноградного сока. Общества Ахвахское, Тиндальское, Цумадинское, Хуштинское, Хваршинское и многие другие также были зависимы от ханов Аварии¹⁴⁰.

¹³⁴ ЦГВИА, ф. 205, д. 140, лл. 3—6; ф. ВУА, д. 6526, ч. 1, л. 133; «Материалы...», стр. 191; «История, география...», стр. 111, 150, 290, 323, 335; А. К о м а р о в. Указ. соч., стр. 8—22; А. Б е р ж е. Материалы для описания нагорного Дагестана, стр. 252—261, 278—287; Х. М. Х а ш а е в. Общественный строй Дагестана в XIX в., стр. 237—242.

¹³⁵ «История, география...», стр. 243; ЦГА ДАССР, ф. 105, оп. 1, д. 4, лл. 20—25, 40—45.

¹³⁶ АКАК, т. IV, стр. 160.

¹³⁷ «Материалы...», стр. 245; ИИЯЛ, Рукопис. фонд, д. 2067, л. 184.

¹³⁸ «Материалы...», стр. 191.

¹³⁹ ЦГИА Груз. ССР, ф. 416, оп. 3, д. 203, лл. 13—14.

¹⁴⁰ «Движение горцев...», стр. 15—19.

Известный дагестановед А. Комаров утверждал, что аварскому хану «подчинялись многие общества, платившие правителям Аварии... подать и выставлявшие по их требованиям вооруженных людей»¹⁴¹. На это же обстоятельство указывали Данилевский, Неверовский, Кастильон, Я. Костенецкий и др.¹⁴²

В своеобразных зависимых отношениях от шамхала были акушинцы. «Главная их нужда,— отмечает Д. Тихонов,— состоит в шамхале та, что... необходимо принуждены нанимать на зимнее время навсегда в шамхаловом владении лежащие на плоскости кутаны (пастбища.— В. Г.)»¹⁴³. Это ставило, по словам того же Тихонова, Акуша-Дарго под протекцию шамхала¹⁴⁴. Видимо, зависимость выражалась и в том, что акушинцы принимали участие в военных предприятиях шамхала, но в то же время они пользовались у шамхала некоторыми преимуществами. Это особенно выражалось в активном участии при коронации шамхала в Тарках.

В некоторых зависимых отношениях от кубинских ханов находились так называемые вольные лезгинские общества. «Как Ахты, так и другие селения вольных обществ,— отмечал А. Десимон,— были более или менее в зависимости от Кубинского ханства»¹⁴⁵. Зависимость эта обуславливалась прежде всего тем, что ахтынцы вынуждены были нанимать в Кубинском ханстве на зимнее время пастбища.

Вольные общества не являлись родоплеменными. Это подтверждается хотя бы тем, что в целом ряде случаев в состав их входили аулы, говорящие как на различных наречиях аварского, лезгинского и даргинского языков, так и на других языках Дагестана.

Так, входящее в Гидатлинское общество население аулов Урода, Мачада, Гинта и др., говорило на одном из диалектов аварского языка; в аулах Цекоб, Тлянуб, Ратлуб — на близком к ахвахскому языку; в сел. Уриб, Зиуриб — на литературном диалекте аварского языка. В ряде селений Технуцальского общества употреблялся один из диалектов аварского языка, а сел. Муни и Куанх говорили на особом наречии андийского языка.

Большинство селений Ункратльского общества пользовалось аварским языком, сел. Годобери и Зибер-Хали — коротинским языком, аулы Гинух, Мехельта и Хумат — особым наречием дидойского языка. Аулы общества Гумбет говорили на

¹⁴¹ А. Комаров. Указ. соч., стр. 7.

¹⁴² Н. Данилевский. Указ. соч.; Неверовский. Истребление аварских ханов в 1834 г. СПб., 1848; «Письма виконта Кастильона к Гизо»; Я. Костенецкий. Записки об аварской экспедиции на Кавказе. СПб., 1837, стр. 57.

¹⁴³ «История, география...», стр. 131.

¹⁴⁴ Там же.

¹⁴⁵ «Материалы...», стр. 383.

аварском языке, а сел. Сиук — на каратинском наречии. В Андалаяльском обществе вместе с аварцами жили и даргинцы. В Анкратльском обществе население говорило на различных диалектах аварской группы дагестанских языков¹⁴⁶. В Технуцал входили аварцы и андийцы.

Верхнедаргинские союзы сельских обществ объединяли не только аулы с различными диалектами даргинского языка, но и селения с лакским и аварским языками. Так, входившие в Акуша-Дарго села Акуша, Леваши, Кака-Махи и другие — говорили на акушинском диалекте, сел. Танты, Гапшима, Магдыша — на усишинском диалекте даргинского языка, сел. Балхар, Уллу-Чара, Цулакани, — на лакском языке, а селения Кутиша, Хахита, Чуни и др. — на аварском языке.

К Цудахарскому магалу относились селения, где говорили на цудахарском диалекте даргинского и аварском языке.

Вопреки утверждениям некоторых авторов, во многих так называемых вольных обществах задолго до XIX в. утвердилось привилегированное сословие в лице шамхалов, ханов, нуцалов, беков и чанков. Судя по адатам Гидатлинского общества, еще в XVII в. здесь были феодалы-шамхалы¹⁴⁷.

В Гумбете жили потомки феодалов Терлов, внуки и правнуки шамхалов, ханов-нуцалов. Беки и чанка-беки проживали в обществах Анкратле, Андалале, Тилитли, Технуцал, Хварши, Томс, Рутул и др.¹⁴⁸ Они пользовались всеми привилегиями феодалов: взимали различного рода подати и повинности¹⁴⁹; в ряде обществ «при столкновениях джанков с узденями, уздени отвечали вдвойне, и с них взыскивали вдвое больше штрафа..., если после узденя не оставалось наследников мужского пола, то из его имения на 8 сах земли брали беки или джанки в свою пользу, а остальное оставляли наследникам»¹⁵⁰.

Однако не во всех обществах имелись беки или чанки, т. к. в них основную массу составляли лично свободные уздени. Следует особо подчеркнуть, что узденство расслоилось на бедных и богатых. Состоятельные уздени, или, как их называли, «сельская знать», «богатеи», владели по праву частной собственности значительными земельными угодьями — «мюльками»

¹⁴⁶ А. Комаров. Указ. соч., стр. 10—11; Е. Козубский. Памятная книжка Дагестанской области. Темир-Хан-Шура, 1901; Х. М. Хашаев. Общественный строй Дагестана в XIX в., стр. 73—74.

¹⁴⁷ «Гидатлинские адаты». Махачкала, 1957, стр. 7.

¹⁴⁸ ЦГА ДАССР, оп. 2, д. 3, лл. 15—16; ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6294, ч. II, л. 11; «Движение горцев...», стр. 697, 700—710; «История, география...», стр. 336; А. Бакиханов. Указ. соч., стр. 90; Л. И. Лавров. Рутульцы. — «Народы Дагестана». М., 1955, стр. 195.

¹⁴⁹ ЦГИА Груз. ССР, ф. 229, оп. 1, д. 86, лл. 1—3; «Движение горцев...», стр. 707—708; «Кавказский сборник», т. XX. Тифлис, 1899, стр. 271—272.

¹⁵⁰ «Движение горцев...», стр. 707—708.

и имели в своем хозяйстве десятки и сотни голов рогатого скота, отары овец в тысячу и более голов¹⁵¹.

Богатая, родовитая знать вольных обществ владела рабами и использовала их труд в своем хозяйстве¹⁵². Все это говорит о том, что «богатеи» и «знать» так называемых вольных обществ следует считать не богачами внутри рода, а богачами, давно выделившимися и поднявшимися над родом.

Обращает на себя внимание и тот факт, что аулы, входящие в «вольные» общества, не были одинаково наделены земельными угодьями. Неравномерность эта «утвердилась давно, когда сила определяла всякое право и первенствующие общества, покровительствуя меньшим, приурочивали их земли к своим владениям, не встречая сопротивления в своих захватах»¹⁵³. Обычно главное селение общества, имея в своем владении отдаленные от аула пастбища и покосные участки, отдавало их в пользование другим селениям за определенную плату с обязательством нести различного рода повинности. Зависимость одного аула от других была причиной постоянной борьбы, нередко доходившей до кровопролитных столкновений.

Население Акуша-Даргуа, которое «всегда имело в Дагестане важное значение по своей многочисленности»¹⁵⁴, управлялось наследственным кадием¹⁵⁵. В его руках фактически находилась светская и духовная власть. В военное время кадий акушинский предводительствовал ополчением. Другие объединения даргинцев управлялись также кадиями, причем в некоторых местах это звание было наследственным, как, например, в Цудахаре¹⁵⁶. В обществах же Меге, Усиша и др. они избирались на определенный срок. Однако необходимо отметить, что и здесь могли быть избранными только лица из сельской знати.

В небольших аулах, где не было кадия, функции его исполняли муллы или будуны. Для разбора спорных дел избирались шила-халате (аульные судьи), а для контроля над ними так называемые джамаатла-халате — судьи от джамаата. В Цудахаре, Мекеги и др. обществах исключительное право выдвигать

¹⁵¹ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6528, ч. II «Топографическая»; «История, география...», стр. 325; Неверовский. Краткий исторический взгляд..., стр. 37—40; М. В. Саидова. Указ. соч., стр. 119—137, 145; ЦГА ДАССР, ф. 2, оп. 3, д. 142, л. 128.

¹⁵² ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6528, ч. I «Политическая»; Неверовский. Краткий исторический взгляд..., стр. 27; Н. Дубровин. Указ. соч., т. I, кн. 1, стр. 500; М. В. Саидова. Указ. соч., стр. 145.

¹⁵³ ЦГА ДАССР, ф. 2, оп. 89, д. 142, л. 25.

¹⁵⁴ А. Комаров. Указ. соч., стр. 17.

¹⁵⁵ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 18474, л. 7.

¹⁵⁶ АКАК, т. VII, ч. 2, стр. 79; Е. Козубский. Памятная книжка Дагестанской области, стр. 178.

картов признавалось только за определенными фамилиями. Для исполнения распоряжения кадия и приговоров суда в селении назначались чауши, которые в разных обществах именовались по-разному. В Акушах их называли бараман, в Меге — кувесло, в Мекеге — ибахур, Цудахаре — урчем, Усиша — кулгул, Урахи — куала. Они же собирали штрафы, созывали джамаат и извещали население о принятых на джамаате решениях по вопросам внутреннего управления и внешней политики. В джамаате участвовали все жители данного общества, кроме женщин. Собрания джамаата происходили обычно на площади у мечети или в другом определенном месте. Хотя решение принималось обязательно голосованием, все же большую роль при этом играли кадии, старшины и вообще сельская знать. Постановление джамаата записывал кадий, и все участники прикладывали к нему палец; оно было обязательно для всех.

Бывали еще сходы магальные и общедаргинские¹⁵⁷. Местом таких сборищ акушинцев, мугинцев, усишинцев было «дарга-бинна» на равнине Карбуке-дирка¹⁵⁸. На магальных и общедаргинских сходах участвовали представители отдельных джамаатов. Причем предводительствовали на них, как правило, кадии, старшины и другие выходцы из наиболее влиятельных фамилий. Особую роль на сходах играло духовенство в лице главного, а также магальных и сельских кадиев. Поэтому-то решения джамаатов отвечали интересам «знати» и «богатеев».

Во время войны власть главного кадия намного возвышалась. Он являлся предводителем набранного по его созову ополчения. Отдельными отрядами командовали магальные кадии, которые подчинялись решениям главного кадия.

Управление так называемых вольных обществ в Аварии осуществляли сельские старшины — чухби, у лезгин — аксакалы («белая борода»).

В ряде обществ должность старшин являлась наследственной. В Тилитлинском обществе старший бек «был управителем селения», а «бегадлом», т. е. старшиной, — чанка¹⁵⁹. В селениях Ругуджа, Храх, Ахты, Рутул, Хнов и других старшины были наследственными¹⁶⁰. В других аварских и лезгинских обществах старшины избирались. Однако, как свидетельствуют источники, чухби и аксакалы избирались, как правило, из числа богатых и влиятельных лиц общества¹⁶¹. Иначе говоря, самое

¹⁵⁷ ЦГИАЛ, ф. 1268, оп. 1, д. 669, лл. 19—25.

¹⁵⁸ Р. М. Магомедов. Указ. соч., стр. 117.

¹⁵⁹ «Движение горцев...», стр. 708—709.

¹⁶⁰ ЦГВИА, ф. 416, оп. 4, д. 16, л. 4; «История, география...», стр. 151.

¹⁶¹ ИИЯЛ, Рукопис. фонд, д. 1722, л. 59; Х. М. Хашаев. Общественно-экономический строй Дагестана в XIX в., стр. 57—74.

народное избрание превращалось чаще всего в «простое прокламирование, а единогласие получало чисто формальный характер»¹⁶². Старшины разбирали тяжбы по адату и решали вопросы, касающиеся внутреннего управления. В ряде случаев старшины главного селения одновременно осуществляли управление и другими селениями, как это было в Ахтыпаринском обществе. В некоторых обществах для решения тяжёб избирались судьи. Гражданские дела, т. е. споры о собственности, наследовании и другие, решали кадии. Были и такие общества, где управление осуществлялось кадиями. Во всех же обществах кадии, дибиры и муллы играли большую роль.

В помощь старшинам и кадию в сельских обществах избирались чауши. Они проводили в жизнь все их приказания. Для решения целого ряда вопросов, как мы уже упоминали, созывались джамааты.

Следует, однако, сказать, что общественно-политическая роль джамаата была не везде одинакова. В одних обществах власть джамаата была ограничена, в других она была значительна. Но всюду в джамаатах решающую роль играли старшины, кадии, «богачи» и «знать». Решения джамаата принимались «с уважением»¹⁶³. Следовательно, и в таких вольных обществах при видимом народопрямстве фактически власть находилась в руках узденской верхушки и мусульманского духовенства.

Из вышесказанного видно, что в одних вольных обществах имелось сословное деление, а в других, где все члены общества хотя и считались лично свободными узденями, существовало экономическое неравенство. При экономическом неравенстве не может быть речи о политическом равенстве. И, действительно, даже в обществах второго типа население фактически делилось, с одной стороны, на «богачей», «зажиточных», сельскую знать и духовенство, а с другой, — на крестьян — «свободных граждан», часть которых уже находилась в зависимом положении. Эксплуатировались здесь и рабы — лаги. Причем в одних обществах лаги были дворовыми слугами, а в других, как, например, в Гидатле, их поселили на хуторах и использовали в качестве пастухов или на различных сельскохозяйственных работах. Все это говорит о том, что так называемые вольные общества находились на различном уровне социально-экономического развития, но при этом они не являлись родоплеменными объединениями. Существование джамаата, выборности должностных лиц, тухумной организации и т. д. свидетельствует не о господстве в обществах родового строя, а

¹⁶² И. Петрушевский. Джаро-белоканское вольное общество в первой четверти XIX в. Тбилиси, 1924, стр. 35.

¹⁶³ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 18 502, лл. 12—14.

о наличии сильных пережитков патриархально-родового быта. Вот почему термин «вольные» в том понимании, какое вкладывали в это определение дореволюционные и часть советских историков, не соответствует социально-экономической и политической структуре этих обществ.

Отсутствие экономической общности между отдельными владениями являлось основной причиной феодальной раздробленности Дагестана, которая порождала кровопролитные междоусобные войны с первых веков нашей эры вплоть до присоединения Дагестана к России. Междоусобицы происходили между владениями, магалами, союзами сельских обществ и даже отдельными аулами. «Ныне настало такое время,— писал шамхал тарковский в письме к русскому командованию,— что брат против брата кроме вражды ничего не доумеает»¹⁶⁴. Присылки эмиссаров зарубежных государств усугубляли феодальные распри, которые приносили неимоверные страдания трудовому народу¹⁶⁵.

Бедствием для народов Дагестана являлись опустошительные нашествия арабских, татаро-монгольских и ирано-турецких захватчиков. В условиях постоянной борьбы с внешним врагом экономически и политически раздробленный, раздираемый непрекращающимися феодальными распрями многоязычный Дагестан вынужден был искать защиты и покровительства. Сильным государством, способным прочно оградить его от нашествия иноземных захватчиков, была Россия.

Эти факторы способствовали росту ориентации народов Дагестана на Россию. Но необходимо, однако, отметить, что, ориентируясь на Россию, феодалы и крестьянство Дагестана преследовали различные цели. В то время как феодалы, руководствуясь интересами наживы, стремились с помощью России укрепить свое положение, преумножить свое имущество, усилить феодальный гнет, трудящиеся массы (или, как их называли, «черный народ»), недовольные своими владельцами, «как по тяжким наложенным на них податям, так и наиболее междоусобной брани..., нападением, их вконец» разоряющим¹⁶⁶, рассчитывали с помощью России получить защиту от иноземных вторжений и междоусобиц, смягчить гнет владельцев. Именно поэтому в обращениях, исходящих от народных масс, всегда содержится просьба защитить их от «своих» феодалов¹⁶⁷. Здесь, конечно, сказывалась отсталость и забитость трудящихся, наивно рассчитывавших с помощью царской России освободиться от социального гнета. Царизм, разумеется, не имел и не мог иметь подобных намерений.

¹⁶⁴ ЦГА ДАССР, ф. 23, д. 13, л. 279.

¹⁶⁵ А. Бакиханов. Указ. соч., стр. 124.

¹⁶⁶ ЦГВИА, ф. 52, д. 286, л. 92.

¹⁶⁷ Там же, д. 366, ч. II, л. 23.

ИСТОРИЧЕСКИЕ СВЯЗИ ДАГЕСТАНА С РОССИЕЙ

instituteofhistory.ru

Анализ имеющейся литературы, изучение трудов арабских и персидских географов и историков показывают, что исторические связи Дагестана с русским народом имеют многовековую историю, истоки которой восходят ко времени образования древнерусского государства.

Первоначальному знакомству, а вслед за этим развитию торгово-экономических и политических связей благоприятствовало выгодное географическое положение Дагестана на перекрестке сухопутного и великого водного пути по Волге и Каспийскому морю. Значение торгового пути через Дагестан особенно возросло, начиная с VII в., а в VIII—X вв. центр международной торговли на Кавказе переместился в бассейн р. Куры и Каспийского моря¹. Огромную роль в этом сыграло усиление торговых связей хазар и славян с арабским Востоком².

Одним из самых ранних, если не самым ранним, дошедшим до нас известием о пребывании русов на территории современного Дагестана является сообщение Беланы о появлении русов в 643 г. н. э. в районе к северу от Дербента³. К сожалению, это отрывочное сообщение не позволяет точно определить место, продолжительность и цель пребывания здесь русов и не раскрывает, с кем именно они здесь встречались.

Между тем нам известно, что в это время в Дагестане было несколько государственных образований, «царств»: Лакз, Табасаран, Гумик, Зирехгеран, Серир и др., а в приморской части

¹ Я. Манандян. О торговле и городах Армении в связи с мировой торговлей древних времен. Ереван, 1954, стр. 189—200.

² А. Р. Шихсидов. Распространение ислама в Дагестане. Канд. дисс., М., 1961, стр. 73.

³ Б. Дорн. Каспий. СПб., 1875, стр. 379.

имелся целый ряд городов-крепостей: Дербент, Чога, Варачан, Семендер⁴. Урцеки⁵ и множество других населенных пунктов. Археологические данные, пишет М. И. Артамонов, подтверждают, что к северу от Дербента имелось «много раннесредневековых поселений с мощными укреплениями. Здесь рано мог возникнуть и основной признак феодальных порядков — собственность на землю, как условие дальнейшего усиления зависимости „черного люда“»⁶.

✓ Если учесть наличие городов-крепостей и других населенных пунктов севернее Дербента, то можно, не боясь впасть в ошибку, допустить, что русы встречались с жителями Дагестана еще в VII в. По всей вероятности, русы прибыли в Дагестан по торговым делам, т. к. дошедшие до нас источники IX—X вв. единодушно утверждают, что русы впервые появились на Востоке в качестве мирных торговцев. Во всяком случае, как справедливо замечает М. Тебенков, «близкое знакомство закавказских и прикаспийских народностей с русскими славянами можно считать возникшим не позднее 7-го или начала 8-го века»⁷. «Дагестанские народы,— пишет Х. М. Хашаев,— занимавшие территорию от западных берегов Каспийского моря до снеговых вершин Большого Кавказа, еще в VII в. н. э. встречались с „русами“ южнорусских степей, проезжавшими в Закавказье по торговым делам через сухопутную и водную магистраль — Дагестан»⁸.

✓ В дальнейшем в VIII—IX и особенно в X—XII вв., как показывает анализ имеющихся источников, устанавливаются более тесные торгово-экономические связи Кавказа и Ближнего Востока с русами. Арабский писатель Ибн-Хордадбе в «Книге путей и государств», написанной около 846 г., дает чрезвычайно интересную картину торговли русов со странами Прикаспия и Ближнего Востока. Купцы русских, сообщает Ибн-Хордадбе, «они же суть племя из Славян — то они вывозят меха выдры, меха черных лисиц и мечи из дальнейших концов Славонии» не только к Черному морю, но и «проходят по заливу хазарской столицы, где владетель ее берет с них десятину. Затем они ходят к морю Джурджана (Каспийское море.— В. Г.) и выходят

---

⁴ В литературе до сих пор нет установившегося мнения о местонахождении Семендера. Средневековые арабские авторы считают, что Семендер находился между Дербентом и Итилем. Некоторые советские авторы располагают его вблизи города Махачкала, другие — в Северном Дагестане.

⁵ Условное название раннесредневекового города, раскопки которого еще не завершены.

⁶ М. И. Артамонов. История хазар. Л., 1962, стр. 190.

⁷ М. Тебенков. Древнейшие сношения Руси с прикаспийскими странами. Тифлис, 1896, стр. 12.

⁸ Х. М. Хашаев. Общественный строй Дагестана в XIX в. М., 1961 стр. 26.

на любой им берег... Иногда же они привозят свои товары на верблюдах в Багдад»⁹. Анализируя это сообщение, известный русский историк В. О. Ключевский писал: «Сколько поколений нужно было, чтобы проложить такие далекие и разносторонние торговые пути с берегов Днепра или Волхова! Восточная торговля Днепровья, как ее описывает Хордадбе, могла завязаться по крайней мере лет за сто до этого арабского географа»¹⁰. А. Ю. Якубовский пишет: «Судя по маршруту, ездили они (русские купцы.— В. Г.) из территории Киевской Руси еще до образования в Киеве власти Рюриковичей, т. е. до 882 г., так как Ибн-Хордадбе рассказывает об этом, как о факте, происходившем не раз»¹¹.

Эти утверждения соответствуют высказанному нами выше предположению в связи с сообщением Белани. Но вернемся к сообщению Ибн-Хордадбе. На первый взгляд его слова не имеют никакого отношения к предмету наших изысканий. В них нет прямых указаний на торгово-экономические связи русов с жителями Дагестана. Но так ли это? Попытаемся проверить. Прежде всего Ибн-Хордадбе в данном случае описывает лишь водный путь, по которому осуществлялась торговля русов с Кавказом и Ближним Востоком, причем особо подчеркивает, что русы выходят на «любой берег» Каспийского моря. Высаживаясь на «любом берегу» Каспия, русы не могли обходить стороной такие крупные торговые центры Кавказа, каким был Дербент. О посещениях русами Дербента и других городов, расположенных на дагестанском побережье Каспия, сообщают и другие авторы. О них речь будет идти ниже. Здесь же заметим, что опираясь на сообщения арабо-персидских авторов, Б. А. Рыбаков отмечает: «По берегам Каспия русы бывали в Дербенте, у устья Куры („Русский остров“), в „Нефтяной стране“ около Баку, в Табаристане и даже в самом отдаленном углу Каспия — в городе Абезгуне. Каспийским путем русы проникали в крупнейший город Закавказья Бердаа... Каспийское направление было очень оживленным в IX—X вв.»¹².

Из сообщения Ибн-Хордадбе, дополненного свидетельствами Ибн-аль-Фатиха (X век), Ибн-Хаукаля (X век), Аль-Мукаддаси (X век) и других, видно, что русы на Кавказ вывозили меха, кожи, янтарь, моржовую кость, воск, лен, полотно, серебряные изделия. «Возможно, что работой русских мастеров были и те

⁹ А. Я. Гаркави. Сказания мусульманских писателей о славянах и русских (с половины VII до конца X в.). СПб., 1870, стр. 49.

¹⁰ В. О. Ключевский. Курс русской истории. Соч., т. I. М., 1956, стр. 127.

¹¹ А. Ю. Якубовский. О русско-хазарских и русско-кавказских отношениях в IX—X вв.— «Известия АН СССР», серия историч., т. III, № 5. М., 1946, стр. 464.

¹² См. «История культуры древней Руси», т. I. М.—Л., 1948, стр. 337.

кольчуги, которые упоминаются Аль-Мукаддаси в качестве товара, шедшего в X в. через Итиль», т. к. «Западная Европа не знала кольчуг до крестовых походов. Претендентами на экспорт кольчуг могут быть или Киевская Русь или Волжская Болгария и, может быть, даже первая с большим основанием»¹³.

Купцы русов привозили указанные товары в Дербент, который, по свидетельству современников, был огромным по тому времени городом (более крупным, чем Ардебиль и Тифлис), одним из основных торгово-ремесленных центров не только Северо-Восточного Кавказа, но и Закавказья¹⁴. В Дербенте скрещивались торговые пути из стран Ближнего Востока, Тифлиса и Западного Кавказа, с Дона, Волги и Средней Азии. Установившиеся еще в VII—IX вв. торговые связи русов с Дербентом в X в. приобретают постоянный характер и большую интенсивность. И не случайно базар Дербента в X в. «славился как рынок русского льна»¹⁵. Очевидно, и полотняные изделия, о которых шла громкая слава по всему Кавказу, привозили в Дербент русы¹⁶. Русские князья, купцы и дружинники продавали своих рабов далеко от киевских земель, в том числе и в Дербенте¹⁷. На дербентском рынке, писал академик Б. Д. Греков, «продавались в восточные страны в огромном количестве рабы — хазарские, дагестанские, осетинские, русские и вообще славянские»¹⁸.

Крупным торгово-ремесленным центром в приморском Дагестане был пестрый в этническом отношении город Семендер. Ибн-Хаукаль отмечает, что Семендер населяли «мусульмане и другие; они (мусульмане.— В. Г.) имели в нем мечети, христиане — церкви и евреи — синагоги»¹⁹. Другие арабские авторы утверждают, что это «большой приморский город»²⁰. Автор X в. Табари сообщает, что в Семендере выделялись шерстяные ткани и что жители его «имели значительные суммы денег, рабов и рабынь»²¹. Худуд-аль-алам определяет местоположение Семендера «на берегу моря» и считает его богатым городом,

¹³ «История культуры древней Руси», т. I, стр. 324—325.

¹⁴ Н. А. Караулов. Сведения арабских географов IX и X вв. по р. Хр. о Кавказе, Армении и Азербайджане.— «Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа», вып. 38. Тбилиси, 1908 (далее — Н. А. Караулов. Сведения...), стр. 9, 34, 88.

¹⁵ Б. Д. Греков, А. Ю. Якубовский. Золотая Орда и ее падение. М.— Л., 1950, стр. 27.

¹⁶ Н. А. Караулов. Сведения..., вып. 38, стр. 88.

¹⁷ «История культуры древней Руси», т. I, стр. 322.

¹⁸ Б. Д. Греков. Киевская Русь. М., 1953, стр. 434.

¹⁹ А. Я. Гаркави. Указ. соч., стр. 220.

²⁰ Н. А. Караулов. Сведения..., вып. 38, стр. 5.

²¹ П. С. Савельев. Мухаммеданская нумизматика в отношении русской истории. СПб., 1847, стр. IX.

«где имеются базары и есть купцы»²². Население Семендера, пишет Якубовский, было «в основном по-видимому торговое, преобладающее, если не по числу, то по своему значению»²³. Этнический состав купцов Семендера, как показывает анализ имеющихся источников, был самый разнообразный. Здесь было немало и русских купцов. Они, очевидно, привозили сюда, как и в Дербент, разного рода меха, воск, рыбий клей, льняные изделия и другие товары, а также рабов и рабынь. «Товары, стягивавшиеся со всего пространства Восточной Европы,— писал С. В. Юшков,— в значительной степени шли по Дону и Волге и сосредоточивались в Хазарии, когда столицей Хазарии был Семендер»²⁴. В X в., согласно сообщению Масуди, Семендер был столицей «царства» Джидан, которое было подвластно Хазарии²⁵. «По всей вероятности,— пишет М. И. Артамонов,— Семендер, как раньше Варачан-Беленджер, хотя и находился в составе Хазарского государства, не входил в область Итиля, в собственно Хазарию, а представлял особое владение, глава которого находился в вассальной зависимости у хазарского царя»²⁶. В это время первенствующее положение в международной торговле в Хазарии занимал Итиль. Это, однако, не означает, что Семендер вовсе потерял былое торговое значение. Напротив, Семендер оставался крупным торговым центром, играл заметную роль во внешней торговле с Юго-Восточной Европой и странами Ближнего Востока, а также во втягивании равнинного Дагестана в международный обмен и после перенесения столицы в Итиль.

Вещественным доказательством развивавшихся торговых связей равнинного Дагестана служат археологические материалы. Исследователи отмечают, что большинство вещей погребального инвентаря Агачкалинского могильника, датируемого VII—X вв. (головные булавки, серьги, бусы, медальоны, кольца, браслеты, зеркала, крест из сердолика, сабли, ножи, копыя, стремена, удила, поясной набор и др.) указывают на значительное развитие местного ремесленного производства, а также на широкие торговые связи населения приморского Дагестана со странами Юго-Восточной Европы, Ближнего Востока и др.²⁷ Наличие

²² Б. Н. Заходер. Каспийский свод сведений о Восточной Европе. М., 1962, стр. 182; Л. И. Лавров. Тарки до XVIII в.— «Ученые записки Института истор., языка и лит-ры», т. IV. Махачкала, 1958, стр. 16.

²³ А. Ю. Якубовский. Указ. соч., стр. 471.

²⁴ С. В. Юшков. Рукопись по истории Дагестана.— ИИЯЛ, Рукопис. фонд, д. 1165, л. 47.

²⁵ Н. А. Караулов. Сведения..., вып. 38, стр. 43.

²⁶ М. И. Артамонов. Указ. соч., стр. 399.

²⁷ К. Ф. Смирнов. Археологические исследования в Дагестане в 1948—1950 гг.— «Краткие сообщения Ин-та истории материальной культуры» (далее — КСИИМК), XLV. М., 1951, стр. 83—96; Н. Б. Шейхов. Погребаль-

крупных торгово-ремесленных центров, установление и развитие внешней торговли с русами и странами Закавказья и Ближнего Востока способствовали сравнительно быстрому развитию обмена и возникновению торговых центров местного значения «по побережью и по присулакской плоскости»²⁸.

К аналогичному выводу пришла и исследователь истории и этнографии кумыков С. Ш. Гаджиева. Благодаря своему географическому расположению на важнейших торговых путях,— пишет она,— население равнинного Дагестана оказалось втянутым в орбиту оживленных торговых связей и политических взаимоотношений населения Юго-Восточной Европы с населением Закавказья и Передней Азии²⁹. На дороге в Дербент «был мост на реке Самуре,— указывает В. В. Бартольд.— Здесь поддерживались торговые сношения с византийцами и хазарами на Каспийском море»³⁰. Возможно это место и есть Джасар-Самур («плотина на р. Самур»), упоминаемый Ибн-Хаукалем и Аль-Истахри³¹. Однако, если учесть сообщения арабских авторов о том, что «область хазар сама ничего не производила»³² и что хазары не были торговым народом, («хазарский царь не имеет ни судов, ни людей, привычных плаванию на них. Все, что идет из Хазарии на юг... привозится к ним из страны русов и болгар»³³), то можно с уверенностью сказать, что в товарообмене близ реки Самур принимали участие и купцы русов.

Изучение дошедших до нас средневековых источников и существующей литературы позволяет утверждать, что в товарообмен с русами, народами Закавказья и Передней Азии в описываемое время были вовлечены не только жители Дербента, Семендера, но и жители предгорного и нагорного Дагестана — политических объединений Серира, Лакза, Гумика, Табасарана, Кайтага, Зирехгерана. Автор первой половины X в. Аль-Истахри, описывая Дербент, сообщает, что к этому крупному торговому центру «стекаются хазары, сериры (аварцы,— В. Г.), шензаны, хайзаны (вероятно, кайтаги, т. е. даргинцы,— В. Г.), курджи (грузины), рукланы, зирикераны (кубачинцы.— В. Г.) и гумик (лаки.— В. Г.) с севера»³⁴. Далее Аль-Истахри прямо указывает, что Дербент служит портом на Хазарском море для

ный обряд в раннесредневековом Дагестане как исторический источник.— КСИИМК. XLVI. М., 1952, стр. 101—102; «Очерки истории Дагестана», т. 1. Махачкала, 1957, стр. 44—45.

²⁸ С. В. Юшков. Указ. соч., стр. 47.

²⁹ С. Ш. Гаджиева. Кумыки. М., 1961, стр. 27.

³⁰ В. В. Бартольд. Место прикаспийских областей в истории мусульманского мира. Баку, 1924, стр. 34.

³¹ Н. А. Караулов. Сведения..., вып. 38, стр. 101; вып. 29, стр. 31.

³² В. В. Бартольд. Указ. соч., стр. 34.

³³ «История культуры древней Руси», т. I, стр. 335.

³⁴ Н. А. Караулов. Сведения..., вып. 29, стр. 15.

Серира³⁵. Не раз нами цитированный Ибн-Хаукаль отмечает также, что Дербент «служит портом моря хазар, Серира и прочих стран Табаристана и Джурджана, земель кяфинов и дейлема»³⁶. Учитывая все это, надо полагать, что товары Серира, среди которых имелись не только меха, бараны и красивые девушки-рабыни, но, видимо, и изделия ремесла, привозились в Дербент и оттуда шли они на север в Хазарию и Русь, на юг в Закавказье и на Ближний Восток.

Согласно сообщению Аль-Истахри и Ибн-Хаукаля, восточная граница Серира проходила вблизи г. Семендера. «Между Семендером и пределами Серира два фарсаха³⁷ расстояния. Между семендерцами и Сахиб-ас-Сериром перемирие»³⁸. Близость границ и наличие «перемирия» позволяют утверждать, что между Сериром и жителями Семендера в описываемое время развивались добрососедские отношения. В этих условиях жители нагорного Дагестана и, в частности, Серира, которые, как мы видели, отвозили свои товары в Дербент, не могли не пользоваться, хотя и менее значимым во внешней торговле, но более близким рынком, каким был для них Семендер. Если все это установлено, то надо полагать, что жители Серира сбывали свои товары и рабов в Семендере и приобретали здесь привезенные из стран Ближнего Востока и Руси товары. Иначе говоря, Семендер, подобно Дербенту, мог служить для населения предгорного и нагорного Дагестана связывающим звеном во внешней торговле с Юго-Восточной Европой, с народами Закавказья и Ближнего Востока.

Таким образом, наличие торгово-экономических связей Серира с Русью и странами Востока не подлежит сомнению. Мало того, как правильно отмечает А. Р. Шихсаидов, «в X веке усиливаются связи Серира с Грузией и славянами»³⁹. В орбиту оживленных торговых связей в изучаемое время были втянуты и жители страны Зирехгеран, известные мастера «кольчуг, стремян, удил, мечей и других железных вещей»⁴⁰. Следует особо подчеркнуть, что основным их занятием было ремесленное производство⁴¹. Уже одно это говорит о том, что они вынуждены были сбывать свои изделия и приобретать необходимые для жизни товары на стороне.

Надо полагать, что свои потребности, особенно в сельскохозяйственных продуктах, зирехгеранцы удовлетворяли в основ-

³⁵ Н. А. Караулов. Сведения..., вып. 29, стр. 15.

³⁶ Там же, стр. 88.

³⁷ Фарсах=1,74 км.

³⁸ Н. А. Караулов. Сведения..., вып. 29, стр. 47; вып. 38, стр. 114.

³⁹ А. Р. Шихсаидов. Указ. соч., стр. 76.

⁴⁰ Н. А. Караулов. Сведения..., вып. 38, стр. 52.

⁴¹ Е. М. Шиллинг. Кубачинцы и их культура. М.—Л., 1949, стр. 24; «Очерки истории Дагестана», т. I, стр. 44.

ном в самом Дагестане и в Закавказье. Но несомненно и то, что жители Зирехгерана вели и внешнюю торговлю как со странами Востока, так и со славянами. «Портом для Зирехгерана служил Дербент»⁴². Не было оторвано от внешнего мира и население Лакза, Гумика, Табасарана, Кайтага и других политических образований Дагестана. Выше мы приводили сообщение Аль-Истахри о том, что «торговые люди» упомянутых политических объединений «стекаются» в Дербент. Здесь же укажем, что «в книге „Луга золота и рудники драгоценных камней“ Масуди, сообщая о „царстве“ лакзов, многочисленном „племене, живущем на вершинах гор“, подчеркивает, что „среди них есть кяфиры... по имени дуданийцы (дидойцы, одна из народностей нагорного Дагестана.— В. Г.)..., у них странные обычаи при бракосочетании и при заключении торговых сделок“»⁴³. К сожалению, Масуди не раскрывает, в чем заключается странность обычаев дидойцев, и не конкретизирует, с кем они заключают торговые сделки. Однако и при всем этом сообщение Масуди, на наш взгляд, представляет немалый интерес. В самом деле, если бы дидойцы были в те времена оторваны от внешнего мира, арабские авторы не упоминали бы о их «торговых сделках».

О наличии в VIII—X вв. связей дидойско-капучинских районов и Центральной Аварии с внешним миром свидетельствует археологический материал. Обнаруженные в Бежтинском могильнике в значительном количестве разнообразные стеклянные бусы с великолепной позолотой, мозаичные, а также «сердоликовые бусы оказались южного (сирийского и иранского) происхождения... Непосредственно с юга были заимствованы и изначальные формы головных булавок с конусными бусинами, столь характерные для Центральной Аварии»⁴⁴. Инвентарь погребения Бежтинского могильника сходен с предметами, обнаруженными в Восточной Европе. «Судя по общему облику и технологии изготовления,— пишет Д. М. Атаев,— большинство бежтинских шлемов напоминают кочевнические шлемы VIII в. и раннерусские шлемы, датируемые началом IX в.»⁴⁵.

Суммируя приведенные выше данные, можно с уверенностью сказать, что в изучаемое время народы Дагестана оказались втянутыми в оживленную международную торговлю, причем они не только импортировали иноземные товары, но и экспортировали свои. Различного рода товары Серира (Аварии), оружие и ювелирные изделия Зирехгерана, ковры, паласы, шерсть из

⁴² Н. А. Караулов. Сведения..., вып. 29, стр. 15.

⁴³ Там же, вып. 38, стр. 42.

⁴⁴ Д. М. Атаев. Средневековая Авария (по археологическим данным). Канд. дисс., М., 1961, стр. 349.

⁴⁵ Там же, стр. 247.

Табасарана и Лакза, шелк из Ширвана привозили в Дербент и оттуда вывозили в Киевскую Русь и в страны Востока⁴⁶.

Заслуживает быть отмеченным и тот факт, что население Дагестана поддерживало торговые и иные связи с Северным Кавказом и Юго-Восточной Европой также через горные перевалы и по дорогам, идущим из Дербента через внутренний Дагестан (Дербент, Рича, Кумух, Андалаяль, Гидатль, Ботлих, Ведено, Северо-Кавказские степи. Только наличием оживленных связей с внешним миром объясняется то, что важнейшие мировые события незамедлительно отражались и в этом крае, а «все новинки тогдашней техники и культуры быстро осваивались обитателями Северо-Кавказского края»⁴⁷.

Народы Северного Кавказа, в том числе и Дагестана, как можно судить по дошедшим до нас источникам, поддерживали с русами не только торгово-экономические связи. История Дагестана описываемого времени отмечена постоянной борьбой горцев с внешним врагом. В период политических осложнений население Дагестана вынуждено было обращаться за помощью к своим северным соседям. Источники представляют достаточный материал, свидетельствующий о том, что горцы получали помощь и поддержку от своих соседей и русов. В хронике Мухаммеда Рафи «Тарихи Дагестан» отмечается: «Когда обитатели Дагестана узнали об этом (речь идет о нашествии арабов.— В. Г.), то все их неверные собрались вместе, сопровождаемые войсками русов, которые всегда поровну делили с ними добро и зло. Они с целью отразить мусульман и причинить им бедствие и вред появились около города, называемого Чурь (Дербент.— В. Г.)»⁴⁸. Жители Дагестана и «племя русов, узнав об этом,— пишет А. К. Бакиханов,— собрались в большом селе, близ города Чур... Мусульмане отправили сто человек отборных для разведывания о силе неприятелей, узнав о ней, стали опасаться и поэтому употребили хитрость»⁴⁹. В приведенных выдержках много интересного: тут и характеристика жителей Дагестана как «неверных», тут и указание о борьбе горцев против арабских завоевателей, и, что наиболее важно для нас, указание о помощи русов горцам Дагестана в их неравной борьбе против грозного врага. Утверждение нашего источника о том, что «руссы... всегда поровну делили с ними (дагестанцами.— В. Г.) добро и зло», очевидно, надо понимать в том смысле, что русы оказывали горцам Дагестана помощь не один раз.

⁴⁶ «Очерки истории Дагестана», т. 1, стр. 60; «История Азербайджана», т. 1. Баку, 1958, стр. 125—138.

⁴⁷ Е. И. Крупнов. К вопросу о культурных связях Северного Кавказа (по археологическим данным).— «Ученые записки Кабардинского научно-исслед. ин-та», т. 9. Нальчик, 1962, стр. 128—139.

⁴⁸ «Тарихи-Дербент-наме». Тифлис, 1898, прилож. IX, стр. 172.

⁴⁹ А. Бакиханов. Гюлистан-Ирам. Баку, 1926, стр. 52.

Источники содержат достаточно материалов и о совместных походах русов и горцев Дагестана. В литературе отмечен ряд походов русов в Закавказье, причем самый ранний из них был предпринят в 864—884 гг. к южному берегу Каспийского моря⁵⁰. Об этом походе до нас дошли отрывочные известия. Вполне достоверны и изучены историками сообщения о походах русов в 913—914 и 943—944 гг. Согласно сообщению аль-Масуди, «приблизительно пятьсот кораблей русов, содержащих каждый по сто человек»⁵¹, вошли в Керченский пролив и обратились к «царю» хазар с просьбой пропустить их в Каспийское море. «В условиях развивающейся борьбы с Византией хазары,— как справедливо отмечает М. И. Артамонов,— были заинтересованы в том, чтобы по крайней мере нейтрализовать Русь. Этим обстоятельством следует объяснять согласие хазар пропустить значительное русское войско в Каспийское море»⁵². После этого русы поднялись по Дону, перетащили суда на Волгу и по ней вошли в Каспийское море, заняли один из островов «нефтяного побережья... известного под именем Баку... Русы оставались на этом море несколько месяцев.., так что никто не мог проехать по этому морю из страны в страну»⁵³. Однако при возвращении, близ Итиля, хазары нанесли русам тяжелый удар.

Через 30 лет, в 943—944 гг., русы вновь совершили поход в Закавказье. В исторической науке не раз ставился вопрос о маршруте этого похода. Одни исследователи склонны считать, что первоначально русы направились вдоль Кавказского побережья, а затем «не Доном — Волгой, а подошли к Дербенту сушей и в Дербенте или в окрестностях Дербента сели на суда и вышли в море»⁵⁴. Другие полагают, что «руссы вероятно опять с согласия хазар прошли через Хазарию в Каспийское море тем же путем, которым воспользовались русские дружины в 913 году и появились в Закавказье»⁵⁵. По какому бы маршруту ни прошли русы, все же они, по-видимому, были у Дербента. И не случайно, описывая поход русов в Закавказье, великий азербайджанский поэт Низами писал: «Всю дербентскую заняли высь»⁵⁶.

⁵⁰ Б. Дорн. Указ. соч., стр. 528.

⁵¹ Н. А. Караулов. Сведения..., вып. 38, стр. 47.

⁵² М. И. Артамонов. Указ. соч., стр. 369.

⁵³ Н. А. Караулов. Сведения..., вып. 38, стр. 47; А. Я. Гаркави. Указ. соч., стр. 128—129; Б. Дорн. Указ. соч., стр. 11; А. Бакиханов. Указ. соч., стр. 47; «Очерки истории СССР, IX—XIII вв.», ч. I. М., 1953, стр. 82.

⁵⁴ А. Н. Насонов. Тмутаракань в истории Восточной Европы.— «Исторические записки», т. 6, стр. 85.

⁵⁵ М. И. Артамонов. Указ. соч., стр. 375—376. О маршруте похода на Бердаа см. Н. Я. Полевой. О маршруте похода русских на Бердаа и русско-хазарских отношениях в 943 г.— «Византийский временник», т. XX. М., 1961, стр. 91—105.

⁵⁶ Низами. Искандер-наме. Баку, 1953, стр. 384; см. также М. Тебенков. Указ. соч., стр. 45—50.

В отличие от похода 913—914 гг. русы на этот раз не разделялись на отдельные отряды, а со всей дружиной прошли по реке Куре и остановились лагерем в сел. Мубарах, близ крупного торгово-ремесленного центра Закавказья Бердаа⁵⁷. Хорошо осведомленный Ибн-Мискавейх ярко изображает русов. «Это великий народ, отличающийся крупным телосложением и большим мужеством, они не знают бегства и никто из них не убегает, повернувшись (к врагу), пока он не убьет или будет убит... Я слышал от людей, видевших русов, удивительные рассказы об их мужестве»⁵⁸. Вооружены были русы мечами, привешенными дубинами и чем-то вроде кинжалов. «Весьма характерно, что наряду с оружием с ними были орудия чисто производственного характера — топоры (алфас), пила (альминшар) и молоток (аль-митрак)»⁵⁹. Мусульмане не смогли оказать сопротивление хорошо вооруженным войскам русов, и они вступили в Бердаа. Ибн-Мискавейх сообщает, что русы объявили горожанам: «Нет между нами и вами разногласия в вере. Единственно чего мы желаем, это власти. На нас лежит обязанность хорошо относиться к вам, а на вас хорошо повиноваться нам»⁶⁰. После взятия Бердаа, как свидетельствуют источники, русы «объявили в нем помилование и поступали (с жителями) хорошо»⁶¹.

Правда, впоследствии русы вынуждены были применить силу, т. к. местные жители начали, по словам А. Ю. Якубовского, «энергичную войну». В результате этого «постепенно опустел и обеднел еще недавно большой и богатый город» Бердаа⁶². Владетель Марзбан-Ибн-Мухаммед сделал попытку изгнать русов из Бердаа, но потерпел поражение. Тем не менее летом 944 г. из-за распространившейся эпидемии русы, захватив добычу, возвратились к Куре и оттуда, сев на суда, отправились в свои края.

Некоторые историки склонны утверждать, что походы русов в Закавказье предпринимались независимо от положения на Руси и были связаны только с деятельностью русов, живущих в северо-западной части Кавказа⁶³. Однако большинство

⁵⁷ П. П. Тамчьян, Средневековая Бердаа в период расцвета.— «Известия АН Азерб. ССР», серия истор., вып. IV, № 9, 1946, стр. 52—60.

⁵⁸ «История Азербайджана», т. 1, стр. 131.

⁵⁹ А. Ю. Якубовский. Указ. соч., стр. 467.

⁶⁰ А. Ю. Якубовский. Ибн-Мискавейх о походе русов в Бердаа в 332 г. (943/4 г.).— «Византийский временник», т. XXIV. Л., 1926, стр. 65.

⁶¹ Б. Дорн. Указ. соч., стр. 513; Френ. Письмена древних русов.— «Библиотека для чтения», 1836, т. XV, стр. 53; В. В. Бартольд. Арабские известия о русах.— «Советское востоковедение», 1940, т. 1, стр. 32; А. Бакиханов. Указ. соч., стр. 48.

⁶² А. Ю. Якубовский. О русско-хазарских и русско-кавказских отношениях в IX—X вв., стр. 468.

⁶³ А. Пресняков. Лекции по русской истории. М., 1938, стр. 150

как дореволюционных, так и советских исследователей считает, что поход на Бердаа определенно был связан со вторым походом Игоря на Константинополь⁶⁴.

В источниках отмечается, что во время походов в Закавказье горцы Дагестана не только встречались с русами, но и принимали в этих походах непосредственное участие. Согласно сообщениям средневековых писателей, в походе на Бердаа вместе с русами «участвовали аланы и лезги», т. е. народы Дагестана⁶⁵. Следует особо подчеркнуть, что аланы, лезги и другие народы, как справедливо отмечает М. Тебенков, были «союзниками русов, главное же ядро войска составляли русы»⁶⁶. В 965—966 гг. Святослав предпринял поход против хазар⁶⁷. «Поход Святослава на Восток,— пишет А. И. Артамонов,— преследовал далеко идущие политические цели. Это была не бессмысленная авантюра и не простой грабительский набег..., а хорошо продуманное предприятие, вытекавшее из трезвого учета существующей политической ситуации и экономических потребностей Руси. Святослав хотел не только разгромить Хазарию, но и овладеть основными ее территориями на Волге, на Керченском проливе и на Дону с тем, чтобы полностью взять в свои руки контроль над восточной торговлей, игравшей весьма важную роль в экономике Русского государства»⁶⁸. Поход Святослава положил конец существованию хазарского каганата. Имеются сведения, позволяющие полагать, что жители Дагестана вместе с народами Северного Кавказа (осетинами и др.) находились в войсках Святослава при взятии хазарских городов Белу-Веж и Семендер⁶⁹.

Историческая литература располагает сведениями, говорящими о том, что между русскими князьями в Тмутаракани и кавказскими владетелями существовали и более близкие связи, к числу которых следует отнести широко распространенный обычай аманатства. Есть известие, что при княжеском дворе ключником был горец⁷⁰. В то же время у ряда правителей Дагестана на постоянной службе находились русы. В X в.,

⁶⁴ Б. Дорн. Указ. соч., стр. 520—521; М. Тебенков. Указ. соч., стр. 65; А. Ю. Якубовский. О русско-хазарских и русско-кавказских отношениях в IX—X вв., стр. 469; М. И. Артамонов. Указ. соч., стр. 375—376.

⁶⁵ Б. Дорн. Указ. соч., стр. 515; В. Григорьев. О походе древних русов на Восток. СПб., 1876, стр. 250; «Очерки истории СССР, IX—XIII вв.», ч. I, стр. 83; А. Н. Насонов. Указ. соч., стр. 85; «История Северо-Осетинской АССР». М., 1959, стр. 77.

⁶⁶ М. Тебенков. Указ. соч., стр. 68; Б. Дорн. Указ. соч., стр. 521.

⁶⁷ Н. Знойко. О походе Святослава на Восток.— «Журнал Мин-ва народного просвещения», 1908, XVIII, № 11.

⁶⁸ М. И. Артамонов. Указ. соч., стр. 429.

⁶⁹ П. Г. Бутков. Вести черкеса о князьях русских Святославе и Мстиславе.— «Северная пчела», 1850, № 99.

⁷⁰ ПСРЛ, т. XXIV, стр. 77—78, 82; ИИЯЛ, Рукопис. фонд, д. 1170, л. 25.

например, эмир Дербента был «окружен гулямами (некто вроде дружинников) из русов». Правитель Дербента видимо очень ценил их и был привязан к ним. В 989 г., когда гилиянский проповедник Муса Тузи, который брал «зароки» с местных главарей, потребовал от эмира Дербента выдачи его гулямов, «чтобы обратиться в ислам или убить», эмир отказался выдать их, предпочел оставить владение и «уйти в Табасаран, чем выдать своих дружинников-русов»⁷¹. Служили русы и у других владетелей Дагестана. По словам Загир-Эд-дина, у «знаменитого горного царя Шах-Гази Рустема был русский околничий слуга»⁷².

В свете вышесказанного большой интерес приобретает сообщение Ибн-ан-Надима (X век), на которое исследователи почему-то мало обращали внимания. В «Книге росписи» (987—988 гг.), описывая письменности известных ему народов. Ибн-ан-Надим сообщает: «Мне рассказывал один, на правдивость коего я полагаюсь, что один из царей горы Кабк послал его царю русов, он утверждал, что они имеют письмена, вызываемые на дереве, он же показал мне кусок белого дерева, на котором были изображения, не знаю были ли они слова или отдельные буквы, подобно этому»⁷³.

Советской наукой установлено, что русы имели письменность еще до принятия христианства⁷⁴. Не вызывает сомнений и возможность отправления одним из кавказских властителей посольства к русскому князю⁷⁵. По всей вероятности, один из владетелей Кавказа отправил посольство к «царю русов» Святославу⁷⁶.

Если более или менее определенно можно говорить о том, к кому был отправлен посол, то гораздо труднее выяснить, кем он был отправлен, установить, кто скрывается под именем «одного из царей горы Кабк», какую цель преследовал тот, отправляя посла, и о чем должен был он говорить с царем русов. Естественно, что на все эти и другие, возникающие у исследователя вопросы, можно будет ответить только лишь тогда, когда в руках у него окажется дополнительный фактический материал. Это бесспорно. Но некоторые предварительные

---

⁷¹ В. Ф. Минорский. Русь в Закавказье (новые данные).— *Acta Orient. Orientalia Hungarica*, t. III, 1954, стр. 209.

⁷² Б. Дорн. Указ. соч., стр. 37.

⁷³ А. Я. Гаркави. Указ. соч., стр. 240.

⁷⁴ См. П. Я. Черных. Язык и письмо.— «История культуры древней Руси», т. II. М.—Л., 1951, стр. 114; Д. С. Лихачев. Исторические предпосылки возникновения русской письменности и русской литературы.— «Вопросы истории», 1951, № 12, стр. 30—54; Е. Э. Гранстрел. К вопросу о происхождении глаголической азбуки.— «Труды Отдела древнерусской литературы», т. IX. М., 1953, стр. 428.

⁷⁵ А. Я. Гаркави. Указ. соч., стр. 241—244.

⁷⁶ А. Н. Насонов. Указ. соч., стр. 93.

выводы, как нам представляется, могут быть сделаны и сейчас. Ориентиром на этом пути могут служить косвенные сообщения арабо-персидских писателей. Общеизвестно, что арабские и персидские писатели горами Кабк именовали Кавказские горы⁷⁷. Известно также, что они называли политические образования Дагестана «царствами», а их владетелей — «царями». В книге «Завоевания стран» Баладзори сообщает о назначении Ануширваном в Северо-Восточном Кавказе царей: «Хакан Горы (т. е. владетель Серира...), и царь Филана..., и царь ал-Лакзов..., и царь Ширвана..., властителя Бухха..., и властителя Зирикирана... и утвердил он царей горы Кабк»⁷⁸. «Гора Баб-вал Аббаб,— сообщает Ибн-Русте,— тянется от вершины горы Кабк»⁷⁹. Более определенно говорит Масуди: «По соседству с Ширваном в горах Кабх царь Табасарана»⁸⁰.

В приведенных сообщениях дается последовательный перечень известных царств Дагестана и одновременно властители их называются «царями Кабк», или «царь Кабк» прямо называется владетелем Дагестана. Все это говорит о том, что арабы, хотя и называли горами Кабк Кавказские горы, но под «царством Кабк», очевидно, подразумевали «царство» Дагестан. Правда, мы не можем точно определить, кого именно имел в виду Ибн-ан-Надим, указывая на «царей Кабк». Но как бы то ни было, возможность отправления одним из владетелей Дагестана посольства к царю русов не подлежит сомнению. Во всяком случае, весь приведенный выше материал свидетельствует о торгово-экономических связях и особенно о помощи горцам со стороны русов, «которые всегда поровну делили с ними добро и зло». Участие горцев в военных мероприятиях русов не оставляет ни малейшего сомнения: «цари» страны гор посылали к русам своих послов. Факты аналогичного характера встречаются и в других источниках. Известно, например, что в 987 г.— году написания книги Ибн-ан-Надима — дербентский Мамун-Ибн-Ахмед, притесняемый «начальниками», вошел в тайные сношения с русами⁸¹. И в помощь ему русы прибыли на 18 кораблях.

С распадом хазарского каганата, закрывавшего «торговые пути по Северному Донцу, Дону и Керченскому проливу к Волге»⁸², и образованием Тмутараканского княжества укрепились экономические, политические и культурные связи Руси с народами Северного Кавказа, в том числе с Дагестаном. По

⁷⁷ Н. А. Караулов. Сведения..., вып. 31, стр. 35; вып. 32, стр. 19.

⁷⁸ Баладзори. Книга завоевания стран. Баку, 1927, стр. 7.

⁷⁹ Н. А. Караулов. Сведения..., вып. 32, стр. 51.

⁸⁰ Там же, вып. 37, стр. 43.

⁸¹ В. Ф. Минорский. Указ. соч., стр. 209; он же. История Ширвана и Дербента X—XI вв. М., 1963, стр. 68.

⁸² «Очерки истории СССР, IX—XIII вв.», ч. 1. М., 1953, стр. 83.

своему географическому положению Тмутаракань расположена была весьма удобно. С одной стороны, азово-черноморские гавани связывали ее с западом, а с другой, обладание устьем Дона обеспечивало господство на всем бассейне реки. Через Тмутаракань шел путь на Каспий, а оттуда в Закавказье и в страны Востока. «Белая Вежа на Дону и Тмутаракань..., — пишет М. И. Артамонов, — обеспечивали связи Руси с Кавказом, открывали путь с Днепра на Волгу, свободное плавание по которой было целью похода Святослава...»⁸³

В исторической литературе не раз отмечались оживленные торговые связи тмутараканской Руси с народами Северо-Восточного Кавказа, Закавказья и странами Ближнего Востока⁸⁴. О значительном культурном влиянии Тмутаракани на народы Северо-Восточного Кавказа свидетельствует тот факт, что в распространении христианства среди черкесов в X—XI вв., наряду с греко-византийской церковью, принимала участие и тмутараканская епархиальная церковь Бориса и Глеба⁸⁵. Об оживленных торгово-экономических и политических связях Дагестана с тмутараканской Русью говорит и следующий, весьма примечательный факт. Итальянский путешественник Плано Карпини сообщает, что в г. Орнансе, отождествляемом рядом исследователей с Азовом и Таном, вместе с русами жили и лезги⁸⁶. Торговые связи с русами народы Кавказа, в том числе и Дагестана, поддерживали и через Итиль, где находилась многочисленная купеческая колония русов. После занятия Итиля русами, сообщает Ибн-Хаукаль, «прилив же торговли русов был в Хазране, это не переменилось, — там находилась большая часть купцов, мусульман и товаров»⁸⁷. Весьма многочисленна была и русская колония в Семендере⁸⁸. «В XI в. Белая Вежа, — пишет М. И. Артамонов, — приобрела характер русского города, лишь немногим отличающегося от других городов Древней Руси теснее, чем последние, связанного с Кавказом...»⁸⁹

В источниках отмечается, что в конце X — начале XI в. русы свободно плавали по Каспийскому морю. Можно даже сказать, что они там господствовали. Во всяком случае известно, что в 1030 г. русы на 38 кораблях прибыли в Ширван. Через два года, в 1032 г., русы вновь появились в Ширване, а в следующем, 1033 г., они даже пытались овладеть Дербентом⁹⁰. «По-

⁸³ М. И. Артамонов. Указ. соч., стр. 431.

⁸⁴ А. Н. Насонов. Указ. соч., стр. 88.

⁸⁵ А. С. Шепелева. Культурные связи Грузии с Россией. — «Труды Отдела древнерусской литературы», т. IX. М., 1953, стр. 298.

⁸⁶ Плано Карпини. История монголов. СПб., 1911, стр. 23—24.

⁸⁷ А. Я. Гаркави. Указ. соч., стр. 219.

⁸⁸ Б. Н. Заходер. Указ. соч., стр. 170.

⁸⁹ М. И. Артамонов. Указ. соч., стр. 449.

⁹⁰ В. Ф. Минорский. Русь в Закавказье, стр. 439.

следние события явно связаны с тмутараканской Русью, которая вступила в тесные сношения с ближайшими к ней народами Северного Кавказа (касогами и аланами) и с их участием предпринимала набеги на более отдаленные области Кавказа»⁹¹. Не исключена возможность, что, как и прежде, в этих походах в Закавказье вместе с аланами принимали участие и горцы Дагестана. Во второй половине XII в., когда владетель Ширвана Ахситам (по грузинским источникам Агсартан) дошел до ворот Дербента, то «разорил страны Мускурскую и Шарабамскую и взял город Шабуран»⁹², а по словам поэта Хагани, сделал «из Дербента ад и заставил возгласы раздаваться до Шабрана»⁹³, 70 кораблей русов, находившихся на службе у эмира дербентского, принимали участие в битве против ширваншаха⁹⁴. Как видно в XI—XII вв. сношения Дагестана с Русью были довольно оживленными. В этой связи, на наш взгляд, немалый интерес представляют бытовавшие до недавнего времени в Дагестане предания, связывавшие народы края с русами. В одном из них говорится, что «аварцы прежде управлялись князем Сурака из племени русов», в другой «аварцы суть... из племени русов»⁹⁵.

А. К. Бакиханов, по всей вероятности пользуясь одной из легенд, писал, что «жители деревни Микраг, в Самурском округе, подобно многим жителям Кази-Кумуха, принадлежат к остаткам племени русов (или славян), переселившихся сюда во время владычества хазар»⁹⁶. Эти предания не верны в своей основе — историческая наука убедительно доказала, что народы Дагестана (аварцы, лакцы, лезгины и др.) не являются «остатками племени русов». Тем не менее, как нам кажется, приведенные легенды могли возникнуть, а затем и получить широкое распространение лишь при наличии тесных связей народов Дагестана с русами.

Все возрастающим экономическим, политическим и культурным связям Дагестана с Русью был нанесен сильный удар появлением на пространстве от Волги до Днепра половцев и татаро-монгольских орд. Превратив в пепелище многие города и села Средней Азии, татаро-монголы в 30-х годах XIII в. сделались полновластными хозяевами «южнороссийских степей», положив здесь основу обширному и сильному государству, известному под названием Золотой Орды⁹⁷. Монгольского

⁹¹ М. И. Артамонов. Указ. соч., стр. 439.

⁹² М. Тебенков. Указ. соч., стр. 44.

⁹³ Там же, стр. 40.

⁹⁴ В. В. Бартольд. Кавказ, Туркестан, Волга. — «Известия Кавказского истор.-археолог. ин-та», вып. IV, 1926, стр. 7; Б. Д. Греков, А. Ю. Якубовский. Указ. соч., стр. 25.

⁹⁵ ССКГ, вып. VII, стр. 5—6.

⁹⁶ А. Бакиханов. Указ. соч., стр. 14.

⁹⁷ Б. Д. Греков, А. Ю. Якубовский. Указ. соч., стр. 35.

нашествия, как известно, не избежали и территории Кавказа, в том числе и Дагестан. Начиная с 20-х годов XIII в., татаро-монгольские полчища не раз совершали опустошительные вторжения в Дагестан, кончавшиеся разрушением городов и сел, массовыми убийствами и грабежом местного населения⁹⁸. Говоря о татаро-монгольском нашествии на народы Северного Кавказа, русская летопись отмечает: «про сих же слышахом яко многи страны поплениша...»⁹⁹ Другие источники более конкретно указывают, что «перебили много лезгин»¹⁰⁰.

К. Маркс называет господство татаро-монгольской знати над завоеванными странами кровавой грязью монгольского ига. Оно, по мнению К. Маркса, «продолжалось от 1237 по 1462 г., т. е. более 2 столетий; это иго не только давило, оно оскорбляло и иссушало самую душу народа, ставшего его жертвой»¹⁰¹. Само собой разумеется, что господство Золотой Орды крайне отрицательно отражалось на русско-кавказских отношениях, возможно даже, «что они на некоторое время вовсе оборвались»¹⁰².

Правда, князья и духовные лица русской православной церкви во время обязательных поездок в резиденцию золотоордынских ханов (которые, как известно, в летнее время перекочевывали с места на место и находились то у Каспийского моря, то у Азовского, то у Черного моря или в Закавказье)¹⁰³ могли иметь встречи с представителями народов Кавказа, в частности и Дагестана. Имеются сведения и о пребывании русских людей на Тереке в XIV в. До нас дошли также отрывочные данные о торговых связях России с Дагестаном. В 1404 г. отмечено, например, пребывание русских купцов в Дербенте¹⁰⁴.

Таким образом, установившиеся в VII—VIII вв. и успешно развивавшиеся в X—XII вв. экономические, политические и культурные связи Дагестана с русами, хотя и нарушились в период татаро-монгольского ига, но все же прерваны не были.

---

⁹⁸ Тизенгаузен. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды, т. I. М.—Л., 1947, стр. 119, 123, 175 и др.; «Очерки истории СССР, XIV—XV вв.», ч. II. М., 1953, стр. 412; А. Шихсаидов. О пребывании монголов в Рича и Кумухе.— «Ученые записки ИИЯЛ», т. IV, стр. 5—11.

⁹⁹ ПСРЛ, т. X, стр. 217; «Очерки истории СССР, XIV—XV вв.», ч. II, стр. 743.

¹⁰⁰ Тизенгаузен. Указ. соч., т. I, стр. 3, 25; т. II, стр. 32; Б. Д. Греков, А. Ю. Якубовский. Указ. соч., стр. 50.

¹⁰¹ К. Маркс. Секретная дипломатия XVIII века. Цит. по кн.: Б. Д. Греков, А. Ю. Якубовский. Указ. соч., стр. 217.

¹⁰² К. В. Базилевич. Внешняя политика русского централизованного государства, вторая половина XV в. М., 1952, стр. 407.

¹⁰³ С. А. Белокуров. Сношения России с Кавказом. Материалы, извлеченные из Московского главного архива Министерства иностранных дел, вып. 1 (1578—1613 гг.). М., 1889, стр. VI—VIII.

¹⁰⁴ П. В. Сытин. История московских улиц. М., 1948, стр. 5.

Русский народ, как известно, нес всю тяжесть борьбы с татаро-монголами. Успехи Московского государства в этой борьбе ослабили власть золотоордынских ханов и над другими покоренными народами, вселили надежду на скорое избавление от гнета, стимулировали усиление сопротивления народов. Следовательно, борьба русского народа за свое освобождение превращалась по существу в борьбу за освобождение всех народов, изнывавших под гнетом татаро-монгольских орд. В период возвышения Москвы, как и следовало ожидать, наметилось улучшение русско-кавказских отношений. Это прежде всего сказалось на укреплении торгово-экономических связей народов Восточного Кавказа с Русью. Причем в основном торговые связи Руси с Дагестаном и Закавказьем осуществлялись через Волгу и Каспий.

Основным морским портом Северо-Восточного Кавказа по-прежнему оставался Дербент. Правда, к этому времени этот город, сильно разрушенный в результате татаро-монгольских нашествий, стал постепенно терять былое значение главного морского порта Кавказа на Каспии. По словам венецианского посла Контарини, проведенного зиму 1475/76 г. в Дербенте, «едва ли шестая часть всего пространства, находящегося под горою по направлению цитадели, населена; со стороны же моря все почти здания разрушены»¹⁰⁵. Среди населения Дербента преобладали тюркоязычные элементы и «черкесы»¹⁰⁶.

По свидетельствам Барбаро и Анджолелло, раньше в дербентскую гавань прибывали корабли, поднимавшие до 800 бочек груза, теперь же приходят лишь суда, берущие не свыше 200 бочек¹⁰⁷.

Несмотря на все это, для Дагестана и для прилегающих районов Азербайджана Дербент, как и в былые времена, служил основной гаванью. Через Дербент в Астрахань вывозили рис, шелковые ткани и изделия кустарных промыслов. По свидетельству Контарини, на его судне «находилось 35 человек, кроме капитана (хозяина) и 6 матросов, остальные почти все были купцы, плывшие в Астрахань»¹⁰⁸. Товары, привозимые из Дагестана и Закавказья, обменивались в Астрахани у русских

---

¹⁰⁵ И. П. Петрушевский. Государство Азербайджана в XV в. Сборник статей по истории Азербайджана, вып. 1. Баку, 1949, стр. 193.

¹⁰⁶ «Хождение за три моря Афанасия Никитина, 1466—1472». М.—Л., 1948, стр. 144. Черкесами на Востоке обычно называли все народы Северного Кавказа. В данном случае речь идет о народах Дагестана.

¹⁰⁷ Контарини. Путешествие к персидскому шаху Усуи Гассану 1473 г. Библиотека иностранных писателей о России. СПб., 1836, стр. 79. И. П. Петрушевский. Указ. соч., стр. 193.

¹⁰⁸ И. П. Петрушевский. Указ. соч., стр. 194.

и татарских купцов на меха и иные предметы. Часть же поступавших в Астрахань товаров отвозилась в Москву. Астраханский хан ежегодно отправлял в Москву своего посла, его «обыкновенно сопровождал целый караван... купцов с шелком и другими товарами, которые они променивали на меха, седла, мечи и иные вещи»¹⁰⁹. В свою очередь русские купцы приезжали по торговым делам в Дербент и другие города Кавказа. Одновременно между Русью и народами Восточного Кавказа стали укрепляться и политические связи. Известно, например, что владетель Ширвана, в состав которого в те времена входил и южный Дагестан, Ширван-шах Фаррух-Яссар из династии Дербенди отправил в 1465 г. в Москву к Ивану III посла Хасан-бека¹¹⁰. К сожалению, дошедшие до нас сведения не позволяют определить круг обсуждавшихся при переговорах вопросов. Можно лишь догадываться, что предметом обсуждения были вопросы укрепления взаимоотношений. Возможно также, что переговоры касались и помощи Москвы Ширван-шаху. Последовавшие вслед за ними события свидетельствуют об успехе переговоров: в 1466 г. Иван III направил к Фаррух-Яссару¹¹¹ посольство во главе с Василием Папиным. Вместе с ним возвратился и Хасан-бек с богатыми подарками Ширван-шаху, в числе которых было 90 кречетов¹¹². К этому посольству, по обычаю того времени, заботясь о большей безопасности, присоединились русские купцы, в числе которых был знаменитый Афанасий Никитин. «И пошли мы к Дербенту,— сообщает он,— в двух суднах: в одном судне посол Хасан-бек и с иранцами да нас, русских, всего 10 человек, а в другом судне 6 москвичей да 6 тверичей... На море нас захватила буря. Малое судно разбило о берег, а тут есть городок Тарки, а вышли на берег и пришли кайтаки и людей же с него поймали всех»¹¹³. Но вскоре уцмий Кайтага по просьбе своего шурина Фаррух-Яссара освободил русских купцов. «И Халил-бек,— заключает Афанасий Никитин,— тотчас отослал всех людей свободно в Дербент, а оттуда послал их к Ширван-шаху»¹¹⁴.

В 1475—1476 гг. Контарини встретил в Шемахе русского посланника Марко Росо, вместе с которым он побывал в Дербенте, а оттуда на нанятом судне отправился морем в Астрахань. С ними в Астрахань поехали купцы «с сарачинским пшеном, шелковыми тканями и мелким товаром для промена оных русским и татарам на меха и иные предметы, требуемые

¹⁰⁹ «История Москвы», т. I. М., 1952, стр. 95.

¹¹⁰ «История Азербайджана», т. I, стр. 207.

¹¹¹ ПСРЛ, т. VI, стр. 331—345.

¹¹² «Хождение за три моря Афанасия Никитина 1466—1472», стр. 53.

¹¹³ Там же, стр. 72.

¹¹⁴ Там же.

в Дербенте». Марко, писал Контарини, были «хорошо знакомы дороги через Кавказ, язык жителей Дербента, в Астрахани у него несколько друзей»¹¹⁵.

Все это дает основание утверждать, что во второй половине XV в. усиленно развивались взаимоотношения Руси с народами Кавказа, в том числе и Дагестана. «Сравнивая рассказ Афанасия Никитина с рассказом Контарини,— замечает К. В. Базилиевич,— мы убеждаемся, что за 10 лет, отделявшие оба путешествия через Астрахань, здесь произошли значительные перемены в отношении к русским людям. По рассказу Контарини, в Астрахани происходила значительная торговля русских купцов с купцами, прибывшими из Дербента»¹¹⁶.

В 1499 г. в Москву прибыл посол «от Шемахейского государя, от Махмуда Султана, Салтан Махметова сына внука Шервашина Шаебедин, и посольство правил о любви»¹¹⁷. К сожалению, это отрывочное сообщение не позволяет раскрыть характер переговоров, но оно красноречиво свидетельствует о той всевозрастающей роли, которую начало играть Московское государство в жизни народов Восточного Кавказа. Особенно заметную роль Московское государство стало играть в международной жизни после того, как длительная и упорная борьба русского народа завершилась событием всемирно-исторического значения — свержением татаро-монгольского ига. «Неизмеримо возрос международный авторитет Руси. Выросла ее роль в качестве объединителя народов нашей Родины»¹¹⁸.

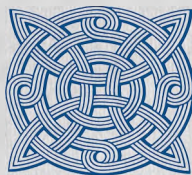
¹¹⁵ С. А. Белокуров. Указ. соч., стр. XIII.

¹¹⁶ К. В. Базилиевич. Указ. соч., стр. 408.

¹¹⁷ ПСРЛ, т. VIII, стр. 236; К. В. Базилиевич. Указ. соч., стр. 413.

¹¹⁸ «Очерки истории СССР, XIV—XV вв.», ч. II, стр. 292.

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН**

instituteofhistory.ru

БОРЬБА ИРАНА И ТУРЦИИ ЗА ОВЛАДЕНИЕ КАВКАЗОМ

В начале XVI в. над народами Кавказа, в том числе и Дагестана, нависла угроза порабощения Ираном и Турцией. Неспособные преодолеть раздробленность, образовать сильную централизованную власть и подавить народное недовольство, вызываемое классовым, национальным и религиозным гнетом, Иран и Турция «стали на путь широких завоеваний, которые должны были обеспечить паразитическое существование феодалов за счет ограбления новых земель и эксплуатации покоряемых народов»¹. Иранские феодалы стремились подчинить себе народы Северо-Восточного Кавказа еще в XV в. В 1477 г. шейх Джунейд, «объявив, что направляется в страну черкесов воевать за веру», вторгся в южный Дагестан. Однако в сражении около сел. Гапца на берегу Самура горцы Дагестана разбили его. В Табасаране, вблизи р. Рубас, он был убит². В начале XVI в. в Ширван вторгся шах Исмаил. В 1509 г. он захватил Дербент и подчинил своей власти так называемые вольные общества Самурской долины. «*Шах Исмаил*, — писал К. Маркс, — был завоевателем: за 14 лет своего царствования он завоевал 14 провинций»³. Однако в завоеванных провинциях, в том числе и на Северо-Восточном Кавказе, не прекращалась борьба народных масс за свободу. Поэтому преемник шаха Исмаила — Тахмасиб I решил окончательно подчинить своей власти Ширван. С этой целью в 1538 г. он снарядил 20-тысячное войско под командованием брата Алгаса-Мирзы. Огнем и мечом прошли Сефевиды через Шир-

¹ Н. А. Смирнов. Политика России на Кавказе в XVI—XIX вв. М., 1958, стр. 11.

² А. Бакиханов. Гюлистан-Ирам. Баку, 1926, стр. 74; Г. Алкадар и Асари Дагестан. — «Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа», вып. 46. Махачкала, 1929, стр. 40—42.

³ «Архив Маркса и Энгельса», т. VII. М., 1940, стр. 206.

ван и уничтожили власть ширван-шахов. Для управления Ширваном был назначен беглербек (наместник) Алгас-Мирза. Очевидно в то же время, «чтобы более еще обезопасить это место со стороны горцев, привез из Лагиджана (что в Гиляне) 900 семейств» и поселил их в сел. Мискенджи⁴ в южном Дагестане.

В первой четверти XVI в. в борьбу за овладение Кавказом вступила Османская Турция, являвшаяся, по словам К. Маркса, «единственной *подлинной военной державой средневековья*»⁵. С этого времени (1514 г.) Кавказ стал ареной ожесточенной борьбы между Ираном и Турцией, приносившей неисчислимые бедствия трудовому народу Закавказья и Дагестана; она продолжалась вплоть до подписания между ними в 1555 г. мирного договора, по которому западная часть Грузии и Армении отошли к Турции, а остальные районы Грузии и Армении — к Ирану⁶.

Однако и после подписания мира Турция непрестанно вмешивалась в дела Дагестана. Пытаясь использовать недовольство народных масс владичеством Ирана, Турция засылала на Кавказ, в частности и в Дагестан, эмиссаров, которые вели религиозную пропаганду, призывали суннитов подняться на борьбу против «еретиков шиитов». Не без влияния турок было организовано выступление Абубекер-Мирзы. «Население Ширвана, — пишет Г. Алкадари, — будучи обижено различного рода притеснениями и угнетением со стороны сефевидского государства, решило сбросить с этой провинции сефевидскую и кизылбашскую власть и поставить ее под защиту высокой Оттоманской державы»⁷. Абубекер-Мирза пытался организовать выступления горцев Дагестана и «земли Черкес»⁸. Само собой понятно, что длительные ирано-турецкие войны, сопровождавшиеся безудержным ограблением населения, разрушали производительные силы, являлись настоящим бедствием для народов Закавказья и Дагестана.

Образование русского централизованного государства имело огромное значение не только в истории самого русского народа, но и в истории всех народов нашей страны. С расширением его юго-восточных границ в результате присоединения Казани (1552 г.) и Астрахани (1556 г.) экономические и политические связи Дагестана с Россией стали развиваться сравнительно быстро. В Астрахань стали прибывать «гости» из

---

⁴ «Материалы по истории Дагестана и Чечни». Сб. документов. Махачкала, 1940 (далее — «Материалы...»), стр. 383; «История, география и этнография Дагестана». М., 1958 (далее — «История, география...»), стр. 365.

⁵ «Архив Маркса и Энгельса», т. VI. М., 1939, стр. 189.

⁶ «История Азербайджана», т. I. Баку, 1958, стр. 236—237.

⁷ Г. Алкадари. Указ. соч., стр. 43.

⁸ Там же.

Дербента, шамхальства и других владений Дагестана⁹. «Звук оружия,— писал Н. М. Карамзин,— изгнал чужеземных купцов из Астрахани: спокойствие и тишина возвратила их. Они приехали из Шамахи, Дербента, Шавкала... со всякими товарами, весьма охотно платя в государственную казну установленную пошлину»¹⁰. «Главнейшие товары, привозимые сюда русскими,— сообщает английский путешественник Дженкинсон,— составляли кожи, шкуры, деревянная посуда, уздечки, седла, ножи и др. мелочь, а также хлеб, свинина и др. съестные припасы»¹¹. Подробное описание предметов вывоза через Астрахань и прикаспийские страны дано в исследовании М. В. Фехнер, посвященном торговле России с Востоком¹². Выгрузка русских товаров для Прикаспия происходила в Дербенте, Низовой, Шабране и других городах Закавказья¹³. «Утверждение в устьях Волги,— писал С. М. Соловьев,— открыло Московскому государству целый мир мелких владений в Прикавказье; князья их ссорились друг с другом, терпели от крымцев и потому, как скоро увидели у себя в соседстве могущественное государство, бросились к нему с просьбами о союзе, свободной торговле в Астрахани, некоторые с предложениями подданства»¹⁴.

В 1552—1553 гг. в Москву обращались кабардинские князья. В 1557 г. произошло добровольное присоединение Кабарды к России¹⁵. В эти же годы в Москву прибыли посольства и из Дагестана, а в последующие годы «послы появлялись в Москве постоянно»¹⁶. Об этом, например, свидетельствует опись архива Ивана Грозного, где указано, что в хранилище были дела и грамоты «шевкаловы», «крымшевкаловы» (эти документы, к сожалению, до нас не дошли)¹⁷.

В 1555 г. к Ивану IV прибыли послы шамхала и Тюменского князя и, как свидетельствует источник, «дань же на себя

⁹ «Кабардино-русские отношения в XVI—XVIII вв.» Документы и материалы, т. I. М., 1957, стр. 5.

¹⁰ Н. М. Карамзин. История государства Российского, т. VIII, кн. II. СПб., 1892, стр. 143.

¹¹ «Английские путешественники в Московском государстве в XVI в.» Перев. с англ. Ю. В. Готье. Л., 1937, стр. 172.

¹² М. В. Фехнер. Торговля русского государства со странами Востока в XVI в. М., 1956.

¹³ Там же, стр. 25.

¹⁴ С. М. Соловьев. История России с древнейших времен, кн. II, т. VI—X. СПб., 1903, стр. 99.

¹⁵ Н. М. Карамзин. Указ. соч., т. VIII, кн. II, прим. 416; Ш. Б. Ногомов. История адыгейского народа. Нальчик, 1947, стр. 80; «История Кабарды». М., 1957, стр. 38—39.

¹⁶ Е. Н. Кушева. Северный Кавказ и международные отношения XVI—XVII вв. Обзор материалов русских архивов.— «Исторический журнал», 1943, I, стр. 61.

¹⁷ Е. Н. Кушева. Политика Русского государства на Северном Кавказе в 1552—1572 гг.— «Исторические записки», № 34, стр. 236.

кладут и на службы на государевы ходити хотят с государевыми воеводы вместе»¹⁸. В следующем 1556 г. воеводы Черемысинов и Колупаев доносили царю из Астрахани, что к ним «была присылка о мире и о торговле от владельцев из Шемахи, Шевкал и Тюмени и они (воеводы.— В. Г.) по государеву наказу послали к ним служилых татар»¹⁹.

В 1557 г. в Москву прибыло посольство от шамхала, крым-шамхала и тюменского князя: «С поминки бити челом, чтобы государь пожаловал их и велел быти в своем имени, и в холопстве у себя учинил, и приказал бы асторохонским воеводам беречи их от всех сторон, и торговым бы людям дорогу пожаловал государь, велел чисту учинить; и что ся государю у них полюбит и что велить к себе прислати ино все то к государю присылати станут ежегод»²⁰.

В 1559 г. прибывшие в Москву посольства от шамхала и тюменского князя добивались, чтобы русское государство защищало их от кабардинцев. В то же время к Ивану Грозному обращался шамхал с просьбой, чтобы он «прислал рать на крымшевкала, а им дал иного, а они всюю землю холопи государевы, неотступны»²¹. Немного ранее в Москву с просьбой защитить их от шамхала обращались кабардинцы²². В создавшихся условиях Россия, исходя из своих экономических и политических целей, оказывала им помощь. Поддержка одного владельца, естественно, отдаляла другого и нередко приводила к нежелательным результатам.

В 1560 г. по просьбе кабардинских князей из Астрахани был отправлен воевода Черемысов в «Шевкал... оборонять Черкасы»²³. Русские войска «воевали Шевкал» и после полудневного боя заняли Тарки, а затем вернулись в Астрахань²⁴. Однако после этого русско-дагестанские отношения приобрели мирный характер. Из сохранившихся документов видно, что в 1562 г. шамхал через Астрахань свидетельствовал о «своей любви» к

---

¹⁸ С. А. Белокуров. Сношения России с Кавказом (1578—1613 гг.), вып. 1. М., 1889, стр. LI.

¹⁹ Там же.

²⁰ ПСРЛ, т. XIII, 1-я половина, стр. 284; «Кабардино-русские отношения в XVI—XVIII вв.», т. I, стр. 5.

²¹ ПСРЛ, т. XIII, 2-я половина, стр. 313, 322; Н. И. Веселовский. Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией (далее — Н. И. Веселовский. Памятники...), т. II. СПб., 1892, стр. 27, 43, 53, 347.

²² ПСРЛ, т. XIII, 1-я половина, стр. 284; «Кабардино-русские отношения в XVI—XVIII вв.», т. I, стр. 5; С. А. Белокуров. Указ. соч., вып. 1, стр. VIII.

²³ «Книга Степенная», ч. II. М., 1775, стр. 295; Н. А. Смирнов. Указ. соч., стр. 28.

²⁴ ПСРЛ, т. XIII, 2-я половина, стр. 324, 338; ИИЯЛ, Рукопис. фонд, д. 1178, л. 3; Л. И. Лавров. Тарки XVI в.— «Ученые записки ИИЯЛ», т. IV, 1958, стр. 17.

московскому царю. В 1568 г. шамхал послал «своего внука с великими поминками в Москву служить государю, а сам бьет челом, хочет быть в его воле»²⁵. С аналогичными просьбами к Ивану IV обратились и другие владетели Северного Кавказа²⁶.

В 1567 г. по просьбе кабардинского князя Темрюка Иван IV отправил кн. А. С. Бабичева и П. Протасьева «со многими людьми, да и наряд, пушки и пищали с ним в Черкасы послал» поставить на р. Терек при впадении в нее р. Сунжи город²⁷ с тем, чтобы содержать в нем сильный гарнизон, вооруженный «вогненным» боем, т. е. огнестрельным оружием²⁸.

Еще до строительства крепости, примерно в первой четверти XVI в., в устье р. Терек, как отмечают источники, поселились бежавшие в период присоединения Рязани к Москве жители Червленного яра. Переселение казаков на Терек не оспаривалось ни кумыками, ни кабардинцами. Более того, прибывшей вольнице предложены были под поселения земли «по правому берегу Сунжи выше впадения в нее Аргуна». Казаки же выбрали для поселения места по предгорьям, или, как тогда говорили, по гребням, и построили городки: Червленный, Шадрин, Кордюковский, два Гладковских и по месту своего поселения стали именоваться гребенскими казаками. Эта территория в низовьях Терека, где граничили земли одного из крупных владетелей Дагестана и кабардинских князей, по словам историка терского казачества И. Попко, представляла «приволье с превосходными зимними стоянками и обильными угодьями для рыболовного и охотничьего промыслов». Кроме того, место поселения гребенских казаков имело и важное стратегическое значение. И не случайно в дальнейшем ряды гребенцов все время пополнялись. Источники отмечают участие гребенцов в посольстве к Ивану IV, будто он, Грозный, пожаловал их «рекою вольною Тереком Горынычем, что от самого гребня до синя моря... до Каспицакаго», и, что он велел «служить там свою службу государскую, беречи новою свою Кабардинскую вотчину»²⁹.

Следует, однако, отметить, что Иван IV, хотя и преследовал захватнические цели, сооружение крепости на Тереке и наличие

²⁵ ИИЯЛ, Рукопис. фонд, д. 1178, лл. 3—4.

²⁶ ПСРЛ, т. XIII, 2-я половина, стр. 405, 407; «Кабардино-русские отношения в XVI—XVIII вв.», т. I, стр. 13; ИИЯЛ, Рукопис. фонд, д. 1178, л. 3.

²⁷ ПСРЛ, т. XIII, 2-я половина, стр. 405, 407; «Кабардино-русские отношения в XVI—XVIII вв.», т. I, стр. 13.

²⁸ ИИЯЛ, Рукопис. фонд, д. 1178, л. 3.

²⁹ И. Попко. Терские казаки со стародавних времен. СПб., 1880, стр. 12—13, 26; «Утверждение русского владычества на Кавказе», т. III, ч. 1. Тифлис, 1904, стр. 9; «Покоренный Кавказ». Владикавказ, 1901, стр. 54—57; М. С. Готоев. Взаимоотношения горских народов с первыми русскими поселенцами на Северном Кавказе.— «Известия Северо-Осетинского научно-исслед. ин-та», т. XII. Дзауджикау, 1948, стр. 141—142.

здесь русских отрядов имело для народов Северного Кавказа особое значение, так как могло служить надежной защитой от турецко-татарских набегов. Кроме того, крепость Терки служила звеном, связывающим Северный Кавказ с Россией и способствовала сближению горских народов Кавказа с Россией. Как и следовало ожидать, возведение русской крепости вызвало сильное беспокойство в Турции и Крыму. Если бы ваш государь, говорил крымский хан послам Москвы 4 октября 1567 г., хотел «со мною быть в дружбе и братстве, и он бы города на Терке не ставил... А будет ему на Терке город ставить, и он мне давай гору золоту и мне с ним не мириватца, потому, что поймал он юрты бусурманские Казань да Асторохань, а ныне на Терке город ставит и несетца к нам в соседи»³⁰. Тогда же хан предпринял попытку силой покорить Кабарду и уничтожить крепость. Войска Крыма «воевали кабардинских черкес, взяли у них в плен больше 20 000 и забрали всю животину», которая у них была, но утвердиться здесь не могли³¹. И после этого для султана и хана «Терский город» был настоящим бельмом на глазу. Возникла дипломатическая переписка по поводу «нового городка»³² и его ликвидации³³. К Ивану IV был отправлен посол Али с грамотой, в которой говорилось, что город поставлен, чтобы «Шевкальскую землю и Черкасскую изневолить. А шевкальцы мусульманы, а при отцах и дедех и при дядех наших о тех мест и по ся места меж нас с ними ссылка живет и люди к нам ходят, а наши люди к ним ходят, в дружбе и любви ведемся». А черкесы Турции «и нам подручны и тем городом хочешь ты отлучити черкас» от султана и нас «и похощь дружбы и миру, и ты тот город вели снести и пришли великие поминки. А не похощь так, и ты бы наших послов отпустил и мы твоих отпустим...»³⁴

Необоснованные притязания Крыма были отклонены Москвой. Терский город, говорилось в ответной грамоте Ивана IV, сооружен по просьбе Темрюка «на его земле» для «его береженья... и от недругов его велели весьма беречи». И если те черкасы с ним «помиратца по его хотению и от того города тем черкасом убьтка никоторого не будет»³⁵. В следующем 1569 г. султанская Турция и Крым предприняли безуспешный поход на Астрахань. Поход этот имел целью уничтожить крепость Терки и подчинить своей власти Северный Кавказ³⁶. Позже султан открыто заявил, что кабардинские князья — «наши

³⁰ С. А. Белокуров. Указ. соч., стр. LXVI.

³¹ Там же, стр. LXVI—LXVII.

³² М. Н. Тихомиров. Россия в XVI столетии. М., 1962, стр. 517.

³³ «Кабардино-русские отношения в XVI—XVIII вв.», т. I, стр. 14—15.

³⁴ С. А. Белокуров. Указ. соч., стр. LXVIII.

³⁵ «Кабардино-русские отношения в XVI—XVIII вв.», т. I, стр. 20.

³⁶ Ш. Б. Ногмов. Указ. соч., стр. 86—87.

холопи, кабардинские земли искони вечные наши бывали, а ныне в кабардинской земле город поставлен», который мешает свободному проезду. «И для того от нашего величества крымский царь Девлеть-Кирей и иные многие князи холопи наши не со мною ратью ходили»³⁷. Конечно, султан Селим явно преуменьшает силы, двинутые на Астрахань, чтобы смягчить впечатление от неудачи похода. На самом же деле поход на Астрахань был задуман как крупное мероприятие³⁸. Разбитые русскими войсками крымско-турецкие отряды вернулись в Азов. А отряд царевича Алды-Гереея вступил в Кабарду, где у князя Темрюка был «со царевичем бой»³⁹. Не добившись успеха, татары вынуждены были повернуть вспять. Решающую роль в этом, как справедливо отмечает Н. А. Смирнов, сыграли своевременно принятые русским правительством оборонительные меры и наличие русских отрядов на Тереке⁴⁰.

Несмотря на неудачи Астраханского похода, турецкий султан и крымский хан не оставили мысль о захвате Астрахани и подчинении Северного Кавказа своей власти. В 1571 г. крымский хан вторгся в Россию, дошел до Москвы и 24 мая сжег ее⁴¹. Вслед за этим он потребовал от России отдать ему Казань и Астрахань, уничтожить крепость Терки. Россия, будучи занята Ливонской войной и не желая осложнять отношения с Турцией и Крымом, решила «город с Терки-реки... снести... и людей своих вывести в Азсторохань»⁴². Тем не менее в 1572 г. крымский хан снова вторгся в Россию, но был разбит⁴³. В битве у Пахры «принимали участие и кабардино-черкесы»⁴⁴. Новый турецкий султан Мурад III (1574—1590), пользуясь ослаблением Сефевидов, возобновил борьбу в Закавказье. В 1578 г. на Кавказ вторглась 200-тысячная турецкая армия под командованием Мустафы-Леля-паши. Одновременно активизировался на Северном Кавказе и крымский хан. Над народами Кавказа нависла реальная угроза турецкого поглощения. В этой чрезвычайно сложной международной обстановке по просьбе кабар-

³⁷ «Кабардино-русские отношения в XVI—XVIII вв.», т. I, стр. 26.

³⁸ Там же, стр. 396.

³⁹ Там же, стр. 22.

⁴⁰ Н. А. Смирнов. Политика России на Кавказе в XVI—XIX вв., стр. 31.

⁴¹ ПСРЛ, т. XIII, 1-я половина, стр. 300—301; А. А. Новосельский. Борьба Московского государства с татарами в XVII в. М.—Л., 1948, стр. 26, 430.

⁴² «Кабардино-русские отношения в XVI—XVIII вв.», т. I, стр. 28; С. А. Белокуров. Указ. соч., вып. I, стр. XXV.

⁴³ А. А. Новосельский. Указ. соч., стр. 28—29, 430; «История Кабарды», стр. 43; Н. А. Смирнов. Кабардинский вопрос в русско-турецких отношениях в XVI—XVIII вв. Нальчик, 1948, стр. 18; он же. Политика России на Кавказе в XVI—XIX вв., стр. 93.

⁴⁴ Т. Х. Кумыков. Присоединение Кабарды к России и его прогрессивные последствия. Нальчик, 1957, стр. 25.

динских князей в 1578 г. был восстановлен русский город на Тереке⁴⁵.

Примерно через год на Северо-Восточный Кавказ переселилась также часть казачества из Поволжья. По преданию казаки, боясь потери вольностей, разделились на три части: знаменитый Ермак Тимофеевич ушел в Сибирь, меньшинство направилось к Яику, а большинство к Тереку. «Здесь русские казаки сошлись с подобными кабардинскими и кумыцкими сходцами, и, при впадении одного из рукавов Терека в море, построили крепкий городок с пристанью. Городок этот имел обширный окоп в виде треугольника, почему назывался трехстенным»⁴⁶. С годами ряды терско-гребенского казачества пополнялись новыми пришельцами. Гребенские переселенцы, отмечал И. Попко, скоро вошли в дружеские и даже родственные связи с горцами Северного Кавказа, «от которых брали на свое обзаведение зерновой хлеб, скот, лошадей и даже жен невенчальных»⁴⁷. Казаки, писал Ф. А. Щербина, поддерживали оживленные связи с народами Северного Кавказа. «Чем отдаленнее было историческое время, тем прочнее были, по-видимому, эти связи. Русские князья женились на терских княжнах, а русская казачья вольница на Тереке и отчасти на Дону в первые времена своего существования буквально-таки добывала жен на Кавказе»⁴⁸.

Тем временем туркам удалось временно утвердить свое господство в Азербайджане и южном Дагестане, где было образовано Ширванское и Дербентское беглербейство. Но народы Кавказа не прекращали борьбы с захватчиками. К тому же вскоре началось наступление сефевидских войск. Поэтому, по повелению султана, через Северо-Западный Кавказ и Дагестан в Закавказье были направлены крымские войска. В сражении близ Шемахи объединенные турецко-крымские войска нанесли сильное поражение Сефевидам⁴⁹. После этого турки направились к Дербенту, но им не пришлось продолжать войну в Дагестане, т. к. они по приказу султана были возвращены обратно в Крым, чтобы наказать хана Магомет-Гирея, самовольно покинувшего турецкую армию. В пути, на Северном Кавказе, турецкие войска подверглись нападению со стороны как местных сил, так и гребенских и донских казаков⁵⁰.

⁴⁵ «Кабардино-русские отношения в XVI—XVIII вв.», т. I, стр. 34, 47, 397, 437; «Утверждение русского владычества на Кавказе», т. III, ч. 1, стр. 11.

⁴⁶ А. Ржевусский. Терцы. Владикавказ, 1888, стр. 13; «Покоренный Кавказ», стр. 57; М. С. Тотоев. Указ. соч., стр. 145.

⁴⁷ И. Попко. Указ. соч., стр. 24.

⁴⁸ Ф. А. Щербина. История Кубанского казачьего войска, т. I. Екатеринодар, 1904, стр. 337.

⁴⁹ А. Бакиханов. Указ. соч., стр. 85; Г. Алкдарли. Указ. соч., стр. 45.

⁵⁰ Н. А. Смирнов. Политика России на Кавказе в XVI—XIX вв., стр. 34; он же. Кабардинский вопрос в русско-турецких отношениях. Нальчик, 1948, стр. 20; «Кабардино-русские отношения в XVI—XVIII вв.», т. I, стр. 38, 40, 398; Н. И. Веселовский. Памятники..., т. II, стр. 4.

В дальнейшем попытки Турции и Крыма сносятся через Северный Кавказ и Дагестан с турецкими войсками в Закавказье не приводили к желанному результату. Этому в основном препятствовало существование на Северном Кавказе русского укрепленного «городка» и казаков. На это обстоятельство указывали и сами турки. Главнокомандующий турецкой армией Осман-паша в беседе с русским послом Б. П. Благово говорил, что на «Тереке живут многие государя вашего казаки, и государя нашего людем, которые ходят из Царягорода в Темиркопу (Дербент.— В. Г.) и ис Темиркопы и Царьгород, от них проходу нет, и на тех людей завсе приходят и их громят, а иных в полон емлют»⁵¹. Что же касается взаимоотношений горских народов Северного Кавказа и Дагестана с Турцией, то по словам Мурат-паши в 1584 г. «на турецкого стали заодин кизылбашской с шевкальским да с тюменским и с иными князьями, а ныне стоят на турецкой границе блиско Шамахи и в те города, которые поимал турецкой у кизылбашского ис Царягорода и во Царегород людей воинских не пропускают...»⁵² К этому следует добавить, что шамхал принял бежавших из Крыма сыновей убитого турками хана Магомет-Гирея, перешедших впоследствии на службу России⁵³.

Все это свидетельствует о том, что Россия выступает надежной защитницей народов Северного Кавказа и Дагестана. Благодаря принятым Россией оборонительным мерам султанская Турция не только не могла расширить сферу своей агрессии, но и вынуждена была считаться с тем, что влияние султана в Дагестане ослабло. Учитывая это, Турция прилагала все усилия, чтобы уничтожить Терский городок: «Казаков... свести, чтоб ни один человек на Тереке и на Дону у Азова казаков не был, чтоб от терских казаков государя нашего людем проход был [в] Кызыл-баши бесстрашен, а от донских бы казаков по тому ж Азову и на море торговым людем шкоты и тесноты никоторые не было»⁵⁴. При переговорах с Турцией выяснилось, что султан вынашивал планы подготовки похода в Астрахань, чтобы поставить на Тереке турецкие крепости⁵⁵. Осман-паша говорил русскому посланнику: если Россия «казаков з Дону и с Терки сослати не велит, и на Терке государя нашего людем и на Дону городу Азову учнут чинити досады и шкоты великие, и государь наш не токмо, что крымскому и нагайским людем велит государя вашего землю воевати и нас всех пошлет с крымскими и с ногайскими людами на государя вашего землю, да и

⁵¹ «Кабардино-русские отношения в XVI—XVIII вв.», т. I, стр. 40.

⁵² Там же, стр. 37.

⁵³ «Очерки истории Дагестана», т. 1. Махачкала, 1957, стр. 130.

⁵⁴ «Кабардино-русские отношения в XVI—XVIII вв.», т. I, стр. 40.

⁵⁵ Там же, стр. 35—46.

под Астрахань, а мы ведаем, как к Астрахани притти и мочаки волжские все знаем»⁵⁶. Однако турецкие войска двинулись против Ирана. В помощь им по требованию султана были направлены и крымские войска. «Обе армии встретились недалеко от р. Самура, в местности под названием Паласа, причем как только битва началась, персы были разбиты»⁵⁷. В 1584 г. почти весь Восточный Кавказ оказался занятым турками.

Народы Закавказья и Дагестана вели упорную борьбу против захватчиков, турецкие войска совершали карательные набеги на непокорное население Азербайджана и Дагестана. «В 1585 году Джафар-паша Турецкий отправился из Дербента против крепости Кюри, взял ее приступом и разорил»⁵⁸. В то же время Турция вела деятельную подготовку к захвату Северного Кавказа. Посланный к шамхалу в 1586 г. Афанасий Вантеев сообщил о движении 40-тысячного турецкого войска с намерением поставить на Тереке город. На это же указывал и астраханский воевода Лобанов. «У турских-де людей,— писал он,— та мысль давно была, как-де мы в Крыме были, что турским людем на Тереке город было ставить и приготовлено-де у них было на одной тыс. телегах железа для городского дела»⁵⁹. Само собой понятно, что постройка крепости намного укрепила бы положение на Северном Кавказе и чрезвычайно облегчила бы Турции осуществление заветной мечты о подчинении своей власти Кавказа. А это, в свою очередь, поставило бы под угрозу южные границы Русского государства. В этих условиях владетели Северного Кавказа и Дагестана обращались к России с просьбой защитить их и поставить на Тереке город. Через Ханбулата, специально посланного в Москву, шамхал просил: принять под «царскую руку и во оборону ото всяких твоих недругов, а на Терке б государю нашему велели людей своих держати для турских людей приходу, чтобы турецкие люди, пришед, на Терке города не поставили»⁶⁰. В 1588 г. по просьбе владетелей Северного Кавказа в устье р. Терек, на ее притоке Тюменке, была сооружена (вместо оставленной в 1584 г.) крепость Терки⁶¹. Этим было предупреждено строительство Турцией крепости на Северном Кавказе. Узнав о постройке

⁵⁶ «Кабардино-русские отношения в XVI—XVIII вв.», т. I, стр. 42.

⁵⁷ Г. Алкадары. Указ. соч., стр. 49; А. Бакиханов. Указ. соч., стр. 87.

⁵⁸ А. Бакиханов. Указ. соч., стр. 87.

⁵⁹ Н. А. Смирнов. Политика России на Кавказе в XVI—XIX вв., стр. 35.

⁶⁰ С. А. Белокуров. Указ. соч., стр. 113—114.

⁶¹ «Кабардино-русские отношения в XVI—XVIII вв.», т. I, стр. 49, 399. Небезынтересно отметить, что с 1588 г. царь Федор Иванович стал титуловаться государем «земли Иверской и Кабардинской, земли черкесских и горских князей» («Древняя Российская Вивлиофика», т. XVI. СПб., 1791, стр. 150; Н. М. Карамзин. Указ. соч., т. X, кн. III, стр. 40, прим. 15).

крепости Терки, «Турецкий султан и Крымский хан воздержались от посылки своих войск через Северный Кавказ и Терек в Закавказье»⁶².

Таким образом, наличие русских войск и крепости не позволило туркам расширить агрессию на Северном Кавказе и в Дагестане, что защитило народы Северного Кавказа от турецкого нашествия. Все это, как и следовало ожидать, намного подняло престиж России и усилило ориентацию народов Северного Кавказа и Дагестана на Москву. Все народы, находящиеся между Астраханью и Персией, сообщал посол Новосильцев к императору Рудольфу, «промеж себя мирны з докладау и совету государя нашего. И во всяких больших делах, с кем кому дружба или недружба станетца, пишут о том и докладывают государя нашего. А о чем к ним государь наш опишет или прикажет, и они в том во всем перед государем послушны бывають и послов частых ко государю нашему присылают с великими поминки с почестливостью»⁶³. Успехи России на Северном Кавказе и в Дагестане, сооружение Терского городка, закрывавшего торгово-стратегическую магистраль, по которой могли проходить турецко-крымские войска на театр военных действий, сильно обеспокоили Турцию. Султан и его вассал крымский хан потребовали снести Терский городок, «загораживавший черкесскую дорогу». Одновременно султан и хан делали все, чтобы отвлечь народы Кавказа от России и привлечь на свою сторону феодальных владетелей. Но эти попытки Турции не имели успеха. «Присылал-деи к шевкалу из Дербени турский паша,— писал в сентябре 1589 г. терский воевода Хворостинин,— чауша того проведати; турскому ли шевкал хочет служити или московскому. И шевкал-деи отказал, что не хочет служити ни турскому, ни московскому, а хочет жити о себе; а к вам-де приказал шевкал, что хочет он быть под государевой рукою». Обеспокоенный обращением Турции шамхал просил сына Темрюка Домонука «проведати: быти ли государеву городу вперед на Терке, не будет ли ему покидки»⁶⁴. Но направленный в шамхальство Ших-Мурза Окоцкий доносил: «Да есть здесь Аварский князь и он тебе служил же; ...Да яж Шевкалова сына Алкаса и с людьми его к шерти привел на том, что ему тебе, государю, служит и твоим государевым именем слыл и к Турскому и к Крымскому не приставать»⁶⁵. В августе 1589 г. в терском городке послы кн. Звенигородский и Антонов вместе с князьями Кабарды «привели к шерти Черного князя сына Ге-

⁶² Н. А. Смирнов. Политика России на Кавказе в XVI—XIX вв., стр. 38.

⁶³ «Кабардино-русские отношения в XVI—XVIII вв.», т. I, стр. 47—48.

⁶⁴ Там же, стр. 58—59.

⁶⁵ С. А. Белокуров. Указ. соч., стр. 64.

лея за свою отца и за брата Кабулука Нацалова и за весь свой род и за Оварскую, и за Черную землю»⁶⁶.

В 1590 г. длившаяся многие годы с переменным успехом борьба между Ираном и Турцией завершилась подписанием уничижительного для Сефевидов мира, по условиям которого под власть султана подпало почти все Закавказье⁶⁷. Турецкое командование сразу же приняло ряд мер к укреплению Гянджи, Баку, Шемахи, Дербента и других городов, в которых расположились турецкие гарнизоны. Выйдя к берегам Каспийского моря, Турция спешно стала создавать здесь свой флот. «У Низабада, куда ранее приходили русские торговые корабли, строились турецкие суда»⁶⁸. Понятно, что все это делалось для продолжения агрессии в направлении на Дагестан и Северный Кавказ. Захват Турцией Закавказья и укрепление в Дербенте ухудшило внешнеполитическое и обострило внутреннее положение Дагестана. К тому же в это время вспыхнула ожесточенная междоусобная борьба между шамхалом и крым-шамхалом, усугублявшаяся происками Турции. В этой борьбе каждый из них пытался использовать силы соседних феодальных владетелей. Крым-шамхал обратился за помощью к России. На шамхала жаловались также кабардинские князья и грузинский царь.

В связи с этим Россия направила воеводу Г. Засекина, который «со своей ратью... шевкала князя воевали и город шевкала взяли Ондреевской...»⁶⁹. Тогда же был восстановлен Сунжинский острог у впадения Сунжи в р. Терек⁷⁰.

Поскольку в этот же период, как совершенно справедливо замечает Е. Н. Кушева, «велись дипломатические сношения русского правительства с шахами Худабенде и Аббасом о военном союзе против султана и о присоединении к России городов Дербента, Баку и Шемахи, можно считать, что походы в Дагестан преследовали и более общую цель укрепления русского влияния в Дагестане и Азербайджане»⁷¹. Однако не дремала и Оттоманская империя. Она делала все возможное, чтобы вытеснить Россию с Северного Кавказа. Но усилия Турции не приводили к желанным результатам. В 1591 г. по указке Турции крымский хан Казы-Гирей предпринял набег на Москву, но был разбит. Сами татары признавали, что одной из причин

---

⁶⁶ С. А. Белокуров. Указ. соч., стр. СIII, 80—82; «Кабардино-русские отношения в XVI—XVIII вв.», т. 1, стр. 63—64.

⁶⁷ «История Азербайджана», т. 1, стр. 261.

⁶⁸ Там же.

⁶⁹ С. А. Белокуров. Указ. соч., стр. CIV, 253.

⁷⁰ «Очерки истории Дагестана», т. 1, стр. 131.

⁷¹ Е. Н. Кушева. Русско-дагестанские отношения в XVI—XVII веках. Махачкала, 1954, стр. 17.

набега было строительство русских крепостей на Тереке⁷². И после этого султан не переставал требовать снести русские крепости и вывести казаков с Северного Кавказа. В противном случае он грозил предпринять новый набег на Россию. В своей грамоте султан Мурад царю Федору писал: «И только тех дворян и копычев, которые у казаков в руках всех мусульманов не опростаеи и казаков не уймете, и из тех городов и острогов дороги не отворите нашим людем ходите, и к нашему пожаловальному царю крымскому... грамота... послана, а велели ваши земли воевати»⁷³.

Однако Россия отвергла необоснованные обвинения Турции. Султану дано было понять, что Россия не намерена сносить крепости на Тереке. «На Дону и на Тереке государя нашего новых городов нет, а город Терки,— говорил русский посол Г. Нащокин,— поставлен давно по челобитью кабардинских черкас для береженья, что черкасы кабардинские из давних лет служили отцу государя нашего и ныне служат великому государю нашему по-прежнему». А воеводам Астрахани и Терки дан «крепкий заказ», чтобы «з государя вашего людьми, которые живут в кызылбашских городех, жили в миру и покое и задоров бы никаких не чинили», а на Дону, продолжал он, «живут воры, беглые люди без государя нашего ведома». Вместе с этим посол настаивал, чтобы султан «также велел уняти крымского царя и азовских, и белгородцких людей, чтоб на государя нашего украины войною не ходили и государя нашего людем убытков не чинили»⁷⁴. Как видно, угрозы Турции ни к чему не привели. Безуспешны были и попытки турок привлечь владетелей Дагестана и Северного Кавказа на свою сторону. Кабардинские князья, крым-шамхал и владетели Аварии по-прежнему держались русской ориентации. Аварские ханы находились на службе московского царя, получали жалованье, провожали послов в Грузию и пользовались всеми правами подданных Москвы на равнине⁷⁵. «А Крымшевкал,— сообщали в Москве послы грузинского царя,— с нами в любви и дружбе; и кумытцкая земля половина с ним стоит, а мы их под государю руку принели и божьею милостью шевкальское дело плохо стало для того, что они промеж собою бронятца; да у них же межюусобная рать»⁷⁶. Поэтому послы царя Грузии настойчиво просили Россию, чтобы она послала «большую рать свою с вогненным боем», взяв Тарки, «укрепили и сидели бы в Тарках

⁷² С. М. Соловьев. История России с древнейших времен, кн. II, т. VI—X, стр. 607—612.

⁷³ «Кабардино-русские отношения в XVI—XVIII вв.», т. I, стр. 68.

⁷⁴ Там же, стр. 66.

⁷⁵ ИИЯЛ, Рукопис. фонд, д. 1178, л. 21.

⁷⁶ С. А. Белокуров. Указ. соч., стр. 255—256; Н. И. Веселовский. Памятники..., т. I. СПб., 1890, стр. 2.

государевы люди», шамхала бы «под царскую руку привели и через кумытцкую землю дорогу очистили...»⁷⁷. Чувствуя, что гроза надвигается, шамхал обратился с письмом к султану, которого он, запугивая союзом Персии, Москвы и Грузии, просил немедленно заступиться за него⁷⁸. В связи с просьбой грузинского царя, в 1593 г. против шамхала был предпринят поход русских войск под командованием А. И. Хворостинина. Заняв Койсу, он поставил здесь город, и «в нем сел с ратными людьми воевода кн. В. Д. Долгорукий». Вслед за этим были заняты Эндирей, Тарки, но здесь «град поставити» не удалось, т. к. шамхал собрал войска и овладел Тарками. Русский отряд, потерпев сильный урон, вернулся в Терки⁷⁹. Позже русское правительство неудачу Хворостинина объясняло тем, что ему не была оказана грузинским царем и крым-шамхалом обещанная помощь. Грузинскому царю посланник России говорил: «А ты по нашего царского величества повеленью сына своего царевича Юрья с своею ратью в то время на шевкала не прислал и его не воевал и сват твой крым-шевкал на шевкала не ходил же. И наши воеводы, шевкалову землю воевав и стояв в Тарках долгое время, да Тарки разорили, а сами на Тереку воротилися»⁸⁰. Однако грузинские цари и впоследствии не переставали жаловаться на шамхала и просили, взяв Тарки, «посадити в нем крым-шамхала», а в Кази-Кумухе «город поставити»⁸¹.

Россия, хотя по-прежнему и благоволила Грузии, все же после 1594 г. предприняла попытки наладить взаимоотношения с шамхалом⁸². В ответ на грамоту шамхала в Тарки был отправлен П. Неплюев и толмач, «чтоб шевкал перед тем сыном боярским великого государя шерть учинил и сына в заклад дал»⁸³. Однако шамхал в подданство не был принят. В этом немалую роль сыграла Турция. По словам посла Ирана Андибека, в 1598 г. «приезжал к шевкалу от турского на сей зиме посол Аспан-бек з жалованием и говорил шевкалу, чтоб шевкал дал турским людям на койсынском устье постановить город»⁸⁴. Что же касается других феодалов Дагестана, в том числе сыновей шамхала, то они не только не поддерживали

⁷⁷ С. А. Белокуров. Указ. соч., стр. 253.

⁷⁸ ИИЯЛ, Рукопис. фонд, д. 1178, л. 18.

⁷⁹ ПСРЛ, т. XIV, стр. 46; С. А. Белокуров. Указ. соч., стр. 257, 266; Г. Алкадари. Указ. соч., стр. 52; «Очерки истории Дагестана», т. 1, стр. 132; «Покоренный Кавказ», стр. 59; Л. И. Лавров. Указ. соч., стр. 18.

⁸⁰ С. А. Белокуров. Указ. соч., стр. 266, 288.

⁸¹ Там же, стр. 257, 391—405.

⁸² Е. Н. Кушева. Русско-дагестанские отношения в XVI—XVII вв., стр. 18.

⁸³ Н. И. Веселовский. Памятники..., т. II, стр. 44.

⁸⁴ Там же, стр. 4,

позиции шамхала⁸⁵, но и обращались к России с просьбой принять их под покровительство. Посланник сына шамхала Андия Атай в 1602 г. бил челом, «что он Андия учинился под его великого государя и великого князя Бориса Федоровича всеа Руси самодержца высокую рукою и хочет великому государю его царскому величеству и сыну его царского величества служить и прямити во всем по своей вере, отстав от всех государевых недругов»⁸⁶. В следующем, 1603 г. в Москву прибыли послы сыновей шамхала Сурхая и Салтан-Мута Ибреим, а также Дербыш с двумя узденями «бити челом, что он Суркай-Шевкал перед Терским воеводой правду дал и шertz учинил и сына своего Ахлова в заклад в Терский город пришлет и хочет быти под государевою рукою во всем послушен»⁸⁷. В Москве послы Дагестана были одарены. Послу Сурхая Ибреиму было дано: «ковш серебрян...; шуба бархат на куницах...; шапка лисья..., 10 рублей денег. Сурхаеву узденю: шуба суконная на белках, шапка лисья; 3 рубли денег. Послову Ибрагимову человеку: сукно доброе; 2 рубли денег... Султан-Магмутову послу Дербышу Буртаеву: шуба не хребтех на белых, под сукном... шапка лисья хоненая; 10 рублей денег. Товарищем его 2 человеком узденем по шубе пот сукны, на хребтех на белых, ...да по шапке ханеной да по 3 рубли денег»⁸⁸. По возвращении послов сыновей шамхала было выдано жалованье кроме того и Суркай-шевкалу: «однорятка шарлатна с круживом и с пугвицы серебряными в 17 рублей или в 18 рублей; цки соболя в 30 рублей; шапку лисью черну в 10 рублей. Султан-Могмуту: однорятка шарлатна с круживом и с пугвицы серебряными в 15 рублей; цки соболя в 18 рублей; шапка лисья черна в 7-м рублей»⁸⁹.

Из вышесказанного явствует, что в XVI в., когда Оттоманская империя достигла наибольших успехов в борьбе с Ираном за овладение Закавказьем, Турция так и не смогла укрепиться на Северном Кавказе и прибрать к своим рукам Дагестан. В крушении стратегических замыслов Турции на Кавказе ведущую роль сыграла Россия. Несмотря на чрезвычайно серьезные внешнеполитические осложнения и весьма тяжелые последствия, приводившие к набегам Крыма, Россия проводила на Кавказе твердую политику, направленную на то, чтобы преградить путь турецко-крымским войскам и не дать им возможности завоевать Северный Кавказ. Правда, сооружая крепости и направляя значительные воинские силы и технические средства, Россия прежде всего беспокоилась об укреплении своих пози-

⁸⁵ С. А. Белокуров. Указ. соч., стр. СХV.

⁸⁶ Там же, стр. 365.

⁸⁷ Там же, стр. 365—366.

⁸⁸ Там же, стр. 367—368.

⁸⁹ Там же.

ций на Северном Кавказе. Но объективный исследователь не может не заметить, что предпринятое Россией проникновение на Северный Кавказ объективно служило надежной защитой от поглощения его народов турецким военно-феодалным государством. Вместе с тем следует особо подчеркнуть, что сопротивление, оказываемое широкими народными массами турецко-крымским и иранским захватчикам затрудняло их действия, не давало им закрепиться на Кавказе и в то же время содействовало успехам восточной политики Русского государства.

* * *

В начале XVII в. между Ираном и Турцией возобновилась борьба. В связи с этим Кавказ снова превратился в арену ожесточенных столкновений. В этой чрезвычайно обострившейся обстановке владетели Кавказа оказались вынужденными вновь обратиться за помощью к России. По словам грузинского царевича, «никогда Иверия не бедствовала ужаснее нынешнего; стоим под ножами Султана и Шаха; оба хотят нашей крови и всего, что имеем. Мы отдали себя России; пусть же Россия возмет нас не словом, а делом»⁹⁰. Прибывавшие в Россию послы Грузии просили их защитить от Ирана и Турции и настоятельно просили послать на «Шевкала рать», поставить города в шамхальстве, в Тарках, «на Тузлуки у Соли» и на р. Бойнак. «А Шевкал против государевы рати не постоит, любо побезит или добьет челом и будет в государеве воле, потому что он ныне ослеп, а дети его все розни и всякой живет себе. А которые невеликие земли стояли с Шевкалом, и те ныне за него не станут; да и с кумычены у Шевкала рознь и брань великая»⁹¹.

В грамоте же, присланной терским воеводам, царь Александр писал: «Да с нами же нынеча лезгинские и шевкалские люди все, что с нами быти им в миру, а на лихо стоять за один с нами; на том договор у нас. А государю Московскому все лезгинцы и шевкальцы добили челом и хотят быти в вековых холопах под его царскою рукою»⁹². Из всего вышесказанного следует, что среди населения и большинства феодальных владетелей Дагестана позиция шамхала не находила поддержки.

Султанская Турция, ведя борьбу с Ираном за овладение Кавказом, как и ранее, всеми возможными средствами старалась привлечь на свою сторону владетелей Дагестана, обеспечить свободный проход турецко-крымских войск через Северный Кавказ и Дагестан в Закавказье. По свидетельству посла

⁹⁰ «Кавказский вестник», № 6, стр. 32.

⁹¹ С. А. Белокуров. Указ. соч., стр. 401.

⁹² Там же, стр. 412.

Ирана Анди-бека, турки «выше Баки верст с 15 делают катарги, а хотят деи турецкие люди итти к Астрахани и на Терку и х Койсе, да и то говорят турецкие люди: ведем деи, что Астрахань крепка и им де итти на Терке да х Койсе»⁹³. Несколько иную политику в это время вела Персия. Пока шла борьба с Турцией шах был заинтересован в закрытии для турецко-крымских войск пути через Северный Кавказ. Поэтому он не только не препятствовал строительству на Северном Кавказе русских крепостей, но и пытался представить будто он добровольно делает территориальные уступки. В 1599—1600 гг. между Ираном и Россией велись переговоры «о дружбе и любви». Шах Аббас изъявлял «готовность заключить с ним (Борисом Годуновым.— В. Г.) тесный союз..., и в знак особенной любви прислав к своему брату Московскому с вельможею Лачин-беком [в августе 1603 г.] золотый трон древних государей персидских»⁹⁴. В переговорах с Москвой, как это видно из грамоты, данной русскому послу, Персия старалась представить, будто шах даже готов уступить России Дербент, Шемаху и Баку⁹⁵. На самом же деле Персия лишь вела двойную игру. Учтывая, что в сложившейся обстановке большое значение приобретала позиция владетелей Дагестана, Россия в 1604 г. предприняла поход в Дагестан под командованием воевод Бутурлина и Плещеева. Одновременно в Грузию были отправлены послы А. Татищев и А. Иванов. Они должны были известить Александра о походе на шамхала и договориться, чтобы царь Грузии со своей стороны направил войска в Дагестан⁹⁶. Поход русских войск в Дагестан, как совершенно справедливо отмечает Е. Н. Кушева, надо связывать не только с русско-грузинскими отношениями, но и с возобновлением шахом Аббасом войны с Турцией за Закавказье и стремлением русского правительства путем военных действий обеспечить успех переговоров с шахом об уступке Дербента, Баку и Шемахи⁹⁷. Русские войска, «не встречая сопротивления», заняли Эндирей и Теплые воды, заложили крепость на Тузлуке; шамхал, «старец ветхий, лишенный зрения», бежал в горы. Русские войска заняли Тарки и сразу же приступили к строительству укрепления, назвав его Новым городом⁹⁸.

Однако воеводы допустили ошибку: они «пленили людей в селениях, брали хлеб, отгоняли табуны и стада»⁹⁹. Все это, как и следовало ожидать, вызвало недовольство народных масс.

⁹³ Н. И. Веселовский. Памятники..., т. II, стр. 22.

⁹⁴ Н. М. Карамзин. Указ. соч., т. XI, кн. III, стр. 35.

⁹⁵ Н. И. Веселовский. Памятники..., т. II, стр. 136—143.

⁹⁶ С. А. Белокуров. Указ. соч., стр. 420—517.

⁹⁷ Е. Н. Кушева. Русско-дагестанские отношения в XVI—XVII вв., стр. 19.

⁹⁸ Н. М. Карамзин. Указ. соч., т. XI, кн. III, стр. 36—37; С. А. Белокуров. Указ. соч., стр. CX.

⁹⁹ Н. М. Карамзин. Указ. соч., т. XI, кн. III, стр. 37.

Шамхал, крым-шамхал и другие владетели соединились. Зорко следившая за событиями на Северном Кавказе султанская Турция сразу же решила использовать недовольство владетелей Дагестана в своих корыстных целях. В связи с этим к шамхалу были отправлены турецкие войска с «вогненным боем»¹⁰⁰. Весной 1605 г. объединенные силы шамхала и турок осадили Койсинский острог. Воевода Долгорукий, «видя, что ему не отсидеться», сжег острог и отошел на Терек. То же самое сделали и остальные городки¹⁰¹. После этого Султан-Мут осадил Тарки, но взять его не мог. Начались переговоры о сдаче. «Воеводы выговорили, чтоб... представили им право свободного выхода за Сулак. А в обеспечение добросовестных выполнений договора от шамхала потребовали в заложники сына»¹⁰². Однако условия эти не были выполнены. Султан-Мут и турки внезапно напали на возвращающиеся русские войска. Началась ожесточенная схватка: «7000 русских пало вместе с воеводами»¹⁰³.

Однако в дальнейшем взаимоотношения горцев Дагестана с терско-гребенскими казаками намного улучшились. Об этом говорит хотя бы тот факт, что в «смутное время», когда Россия **вынуждена была отозвать с Кавказа войска для борьбы с польско-шведской интервенцией**, «у далеких предгорий Кавказского хребта остались одни гребенские да терские казаки, вновь представленные исключительно собственным силам». Они «держались по-старому на сунженских гребнях», благодаря дружбе и связям с народами Северо-Восточного Кавказа¹⁰⁴.

В начале XVII в. шах Аббас I, укрепив внутреннее положение Персии и пользуясь «тяжелым внутривосточным положением Турции, которая была ослаблена междоусобиями и восстаниями...», начал войну против турок¹⁰⁵. В 1606 г. он занял Азербайджан и захватил Тифлис. Недовольные турецким господством горожане Баку, а вслед за ними и Дербента, подняли восстание против турок. Восставшему Дербенту помог уцмий Кайтага. Вследствие этого турецкий гарнизон Дербента **вынужден был сдаться**¹⁰⁶.

Хотя в это время Россия, занятая войной, не могла вести активную политику на Кавказе, все же дагестано-русские отношения не только не прервались, но и все более и более укреплялись. В 1610 г. в Терском городе «добили челом и дали шерть» кумыкский Мурза-Гирей, «Кази-Кумыкской Алибек князь с детми, Уварский Махтей князь, Суркай князь Карабу-

¹⁰⁰ ИИЯЛ, Рукопис. фонд, д. 1178, л. 49.

¹⁰¹ Там же, л. 50; С. А. Белокуров. Указ. соч., стр. СХ.

¹⁰² ИИЯЛ, Рукопис. фонд, д. 1178, л. 51.

¹⁰³ С. М. Соловьев. Указ. соч., кн. II, т. VI—X, стр. 712.

¹⁰⁴ М. С. Тютчев. Указ. соч., стр. 146.

¹⁰⁵ М. С. Иванов. Очерки истории Ирана. М., 1952. стр. 66.

¹⁰⁶ А. Бакиханов. Указ. соч., стр. 94.

датский з детми ж, Казаналип князь, Шевкалов сын Албирюй з детми ж, Аметхан с братьею, Ерпелской князь, Будацев брат, Магомет Мурза»¹⁰⁷.

Султанская Турция предприняла несколько попыток вытеснить Персию с Кавказа, но, потерпев поражение, вынуждена была запросить перемирия. В 1612 г. между Ираном и Турцией был подписан мир, по условиям которого были восстановлены границы 1555 года¹⁰⁸. Вслед за этим, в 1613 г., начался период сильной агрессии шахов Ирана в направлении Северного Кавказа. Шах Аббас предпринял попытку овладеть Дарьяльским ущельем и выйти на Северный Кавказ¹⁰⁹. Из Грузии терский воевода Головин доносил, что шах Аббас намерен пойти «войною... на... кабардинских черкас, великою ратью, прямою дорогою через Калканские кабаки... А ис Кабарды де шах Басу итти войною на кумыцкую землю, а Терсково города минути ему не умети. И дальною дорогою через Сунжу пойдет на османовщину...»¹¹⁰. Затем, заняв Тарки, «шах Аббас хочет поставить город»¹¹¹.

Одновременно шах всевозможными средствами старался привлечь феодалов Дагестана на свою сторону. «Разными подарками награждал черкесских и дагестанских владельцев»¹¹². Отправил Майсум-хану и «прочим дагестанским старейшинам от шаха письма и доказательства милости»¹¹³. Соседним с Дербентом владельцам «шах говорил, чтобы они были послушны Гирею князю кумыцкому и во всем ево слушали и почитали. А как де Гирею князю послушны не будете и я де пошлю на Русь, и с русскою де сторону буду на вас русские люди, а с своею де сторону пошлю Исуп-хана, а сам де к вам въеду середку и учну де вас ловить что куров»¹¹⁴. Однако попытки шаха завоевать Северный Кавказ и утвердиться в Дагестане успеха не имели.

Оправившись после шведско-польской интервенции, Россия стала вести более активную политику на Кавказе¹¹⁵. Политика России, направленная на укрепление и расширение связей с народами Кавказа, встретила сочувствие со стороны Дагестана. Летом 1614 г. почти все владельцы Дагестана: кумыкские Гирей

¹⁰⁷ С. А. Белокуров. Указ. соч., стр. 533.

¹⁰⁸ «История Азербайджана», т. 1, стр. 266.

¹⁰⁹ «Очерки истории СССР, XVII в.», М., 1955, стр. 916.

¹¹⁰ ЦГАДА, ф. Кумыкские дела, 1614 г., д. 1, л. 6—8; С. А. Белокуров. Указ. соч., стр. 541—542; «Русско-дагестанские отношения в XVII—первой четверти XVIII в.». Документы и материалы. Махачкала, 1958 (далее — «Русско-дагестанские отношения...», стр. 33—34.

¹¹¹ Н. И. Веселовский. Памятники..., т. II, стр. 348.

¹¹² А. Бакиханов. Указ. соч., стр. 96.

¹¹³ Г. Алкадари. Указ. соч., стр. 59.

¹¹⁴ Н. И. Веселовский. Памятники..., т. II, стр. 345.

¹¹⁵ Н. А. Смирнов. Политика России на Кавказе в XII—XIX вв., стр. 49.

и Султан-Мут, кази-кумухский Алибек, аварский Махти, шевкалов сын Албирюй, эрпелинский Будайчеев и многие другие дали шерть. «А у шерти,— доносил воевода П. Головин,— говорили, что им... меж себя быти всем в одиначестве и служити и прямиги тебе, государю, и добра во всем хотети и вперед быти под твоею царскою величиства высокою рукою в холопстве неотступным навеке»¹¹⁶. Тогда же они были приняты в подданство России с выдачей жалованья и подарков¹¹⁷. После этого владетели Северного Кавказа и Дагестана, по словам воеводы Головина, «с уздени своими и черкасы с окотцкими людьми и с новокрещены, что служат де они государю царю и великому князю Михайлу Федоровичу всеа Руси на Терке всякие государевы терские и кумыцкие, и кабардинские службы, и на заставах, и на отъезжих караулах стоят с городовыми людьми вместе»¹¹⁸.

В следующем, 1615 г. шах Аббас решил окончательно разделиться с восставшей Кахетией и направил в Грузию огромную армию. При этом вторжении Кахетия потеряла две трети своего населения. Около 100 тыс. человек было убито, столько же уведено в плен¹¹⁹. В начале похода на Грузию шах Аббас потребовал, чтобы владетели Дагестана выступили совместно с ним. Кумыцкий владетель Гирей готов был «в помощь дати кумыцких людей полторы тысячи, да сам деи Гирей хотел с ними итти. И кумыцкие деи люди ево, Гирея, не послушали, к шах Басу на помощь воевати Грузинские земли не пошли»¹²⁰. Позже, желая оправдаться перед шахом и обезопасить себя, Гирей полностью снимал вину с себя и жаловался на подданных за то, что они не послушали его и не пошли войною на Грузию. Но все это, замечает воевода П. Головин, он «делает страхом..., оберегаючи от шаха Баса головы своей»¹²¹.

Вскоре стало известно, что шах Аббас «хочет итти войною на кумыцкую землю и на кабардинских черкас». При этом он хвастливо заявлял, что «ту де сторону очистил до Чернево моря, а сю де я сторону очисцу и до Крима»¹²². Несмотря на угрозы шаха, «кумыцкие де... люди», по словам сотника Лукина, говорят, что «им шах Басу не бивати челом и ему не служи-

¹¹⁶ «Русско-дагестанские отношения...», стр. 37; Г. Кокиев. Русско-кабардинские отношения.— «Вопросы истории», 1946, № 10, стр. 55.

¹¹⁷ «Русско-дагестанские отношения...», стр. 27—46; «Кабардино-русские отношения в XVI—XVIII вв.», т. I, стр. 79, 403.

¹¹⁸ «Акты исторические», т. III. СПб., 1841, стр. 21—22; «Кабардино-русские отношения в XVI—XVII вв.», т. I, стр. 80; С. А. Белокуров. Указ. соч., стр. 559.

¹¹⁹ Н. Бердзенишвили, И. Джавахишвили, С. Джанашиа. История Грузии, ч. I. Тбилиси, 1950, стр. 354.

¹²⁰ Н. И. Веселовский. Памятники..., т. II, стр. 352.

¹²¹ Там же, стр. 353.

¹²² Там же, стр. 381.

вати. А как де на них пойдет, и им де всем против его стояти головами своими, а в землю его не пустити»¹²³. Однако ввиду разрозненности сил и непрекращающихся междоусобиц сколько-нибудь серьезного сопротивления в этот период владетели Дагестана не могли оказать Персии. Поэтому они часто меняли внешнеполитическую ориентацию, а порой присягали на подданство двум государствам. Так поступили в период вступления шаха Аббаса на Кавказ владетели Эльдар и Гирей. Боясь, чтобы «шах Бас не разорил» их земель, как и «грузинскую землю», они признали себя «холопами» шаха¹²⁴, хотя в то же время они находились и в подданстве России. У шамхала, писал И. Попко, была печать наподобие «двухсоставного кубка, воспетого в „Илиаде“ Гомера: из одной половины возлики богам, а из другой пили за собственное здоровье; так и на шамхаловой печати — на одной стороне была надпись, обозначающая персидское подданство, а на другой московское, и он прикладывал ее к своим бумагам той или другой стороной, смотря по тому, куда писал — в Шемаху или в Астрахань»¹²⁵.

Следует, однако, особо подчеркнуть, что взаимоотношения шамхала с Ираном не находили поддержки ни среди населения, ни среди правящей верхушки владения. Это видно хотя бы из следующего факта. В 1614 г. Гирей оказался вынужден поехать к шаху Аббасу «для племянни: а в племянстве Гирей-князь потому, что ево Гиреева сестра за шахом,... а братья де его и племя, и дети в том на Гирей-князя досадовали, что он к шаху поехал»¹²⁶. Между тем шах Аббас готовился вторгнуться в Дагестан, и в связи с этим «князи и мурзы от него в страхованье». Узнав об этом, русское правительство отправило в Персию посла с требованием, чтобы шах Аббас с Россией «дружбе и братству помешки не чинил, не любя не всчинал, на кабардинскую и на кумыцкую землю не наступал»¹²⁷.

С 1616 г. в Закавказье между Ираном и Турцией возобновилась ожесточенная борьба, которая с перерывами продолжалась до 1639 г. Турция по-прежнему пыталась организовать поход через Дагестан крымско-татарских войск. Так было в 1616, 1619, 1629 и 1635 гг. Но русские укрепления по Тереку, закрывавшие «дагестанскую дорогу», а также дипломатическое вмешательство России не позволили туркам осуществить намеченные походы¹²⁸. В связи с этим Турция вынуждена была

¹²³ Н. И. Веселовский. Памятники..., т. II, стр. 381.

¹²⁴ Е. Н. Кушева. Русско-дагестанские отношения в XVI—XVII вв., стр. 20.

¹²⁵ И. Попко. Указ. соч., стр. 71.

¹²⁶ ЦГАДА, ф. Кумыцкие дела, 1614 г., д. 2, лл. 1—8; «Русско-дагестанские отношения...», стр. 41—42.

¹²⁷ Н. И. Веселовский. Памятники..., т. III. СПб., 1898, стр. 125.

¹²⁸ «Русско-дагестанские отношения...», стр. 36—39, 137; «Кабардино-русские отношения в XVI—XVIII вв.», т. I, стр. 92—99, 405; А. А. Новосель-

перевозить татарские войска из Крыма на кораблях по Черному морю. Таким образом, Россия взяла под свою защиту Дагестан, когда шах Аббас готов был вторгнуться в «страну гор», и преградила крымско-татарским войскам путь в Дагестан. Можно себе представить, что было бы с Дагестаном, какие бедствия и разорение пришлось бы претерпеть его народам, сколько оказалось бы убитых и угнанных в неволю горцев, если бы Россия не предотвратила походы полчищ шаха Аббаса и крымско-татарских войск. Иначе говоря, в эти тяжелые для Дагестана годы Россия оказала его народам неоценимую помощь. Естественно, что все это укрепило ориентацию на Россию. В Терки, Астрахань и в Москву в эти годы прибывали десятки посольств от владетелей Дагестана. С 1614 по 1642 г. только в Москву прибыло около 20 посольств из Дагестана. От шамхалов и двух соседних мурз за эти же годы в Москву прибыло 13 посольств. Еще большее число посольств из Дагестана побывало в Терках и Астрахани. Феодалы владетели Дагестана обращались к России, в основном, как можно судить по имеющимся документам, с просьбой принять их на русскую службу в подданство России и с предложением своих услуг¹²⁹.

Русское правительство не только охотно встречало посольства из Дагестана, но и само отправляло послов на Северный Кавказ и принимало в вассальную зависимость феодалов Северного Кавказа и Дагестана. В первой половине XVII в. в подданство России вошли кумыкские владетели: Гирей, Султан-Мут, эндреевский Казаналип, кафыр-кумыкский Багмет, эрпелинский Будачеев, карабудагский Сурхай, кази-кумухский Алибек, аварский Махти, кайтагский уцмий Рустем-хан, аварский нуцал и многие другие.

Вступившие в подданство России обязаны были нести «государеву службу», охранять дороги, выставлять проводников, следить за безопасностью русских торговых людей, «ходить на государственных изменников». А для того, чтобы феодалы соблюдали данную ими присягу, Московское государство пользовалось системой заложничества. За соблюдение верности и «службу» феодалам устанавливалось жалованье, которое выплачивалось «деньгами и хлебным окладом», оказывалась и «военная помощь». Кроме того, им разрешалось свободно

ский. Указ. соч., стр. 95, 245—255; Н. А. Смирнов. Политика России на Кавказе в XVI—XIX вв., стр. 49.

¹²⁹ В. Г. Гаджиев. Документы о русско-дагестанских отношениях. — «Исторический архив», 1959, № 3, стр. 210; Е. Н. Кушнев. Русско-дагестанские отношения в XVI—XVII вв., стр. 21; ЦГАДА, ф. Кумыкские дела, 1621 г., лл. 66—74; «Русско-дагестанские отношения...», стр. 54, 55, 58—77, 79, 80, 123—128 и др.; «Кабардино-русские отношения в XVI—XVIII вв.», т. I, стр. 99—101 и др.

торговать в России. Товары, привозимые купцами феодалов Дагестана, по их челобитью обычно освобождались от оплаты пошлинами^{129а}. Что же касается торговых связей Дагестана с Россией в первой половине XVII в., то они были постоянны. Торговые представители феодалов Дагестана доставляли различного рода товары в Терки, Астрахань и даже в Москву. Только купец Ильдара Тарковского в 1621 г. привез в Москву товаров на 1980 руб., в 1623 г.—на 1463 руб., в 1627 г.—707 кусков шелковой и хлопчатобумажной ткани, около 450 кг шелка, «200 юфтей сафьянов желтых и красных». В начале 40-х годов купец шамхала Сурхая завез товаров на 8910 руб., а в 1635 г. посол Бадархан и купчина Кайтагского уцмия Варданас привезли 333 куска шелковой и хлопчатобумажной ткани, около 60 кг шелка-сырца, 8 красных и желтых сафьяна¹³⁰.

Крупным торговым центром на Северном Кавказе был город Терки. В первой половине XVII в., пишет И. Попко, «здесь были караван-сарай, торговые ряды и базары, роскошные сады, общественные бани, таможенные и купеческие дворы, аманатный двор, деловой двор, были соборная и приходские церкви и монастырь, где крестились иноверцы, с получением за то царского награждения»¹³¹. Феодалы Дагестана посылали в Терки «караваны торговых людей», которые привозили сюда как «восточные товары, шедшие через Дагестан транзитом», шелковые и бумажные ткани, шелк-сырец, сафьян, а также собственные товары — овчины, продукты сельского хозяйства, изделия домашних промыслов¹³². «Между казаками и туземцами правой стороны Терека, особенно кабардинцами и кумыками, издавна существовал обмен местных произведений, обусловленных обоюдными потребностями... Гребенцы променивали затеречным соседям соль..., сбывали произведения своих садов, бахчей и огородов, рыбные продукты, холсты домашнего изделия, а от соседей получали лошадей и баранов, чекмены, бурки, башлыки, аробные колеса и сами арбы»¹³³. Из России в Дагестан ввозились сукна, меха, кубки, пищали, сабли и другие товары¹³⁴. Торговые сделки между русскими купцами и горцами Дагестана совершались не только в Дагестане, но и в горо-

^{129а} «Русско-дагестанские отношения...», стр. 47—49, 58—62, 73—76, 78, 82—85, 94, 95, 129—131, 139—144, 146—154; Акты исторические, т. IV, стр. 162.

¹³⁰ Там же, стр. 81, 128, 129.

¹³¹ И. Попко. Указ. соч., стр. XI; «Хождение купца Федота Котова в Персию». М., 1958, стр. 69.

¹³² Е. Н. Кушева. Русско-дагестанские отношения в XVI—XVII вв., стр. 9.

¹³³ И. Попко. Указ. соч., стр. 183.

¹³⁴ Е. Н. Кушева. Русско-дагестанские отношения в XVI—XVII вв., стр. 9.

дах Азербайджана и, в частности, в Шемахе. Современники отмечают, что в «Шемахе семь караван-сараев». Один из них назывался «Шах-караван-сарай», где останавливались русские, торгующие оловом, медью, юфтью и саблями, другой — «Лезги-караван-сарай», где останавливались торговые люди, прибывающие из Дагестана¹³⁵. Говоря о дагестано-русских торговых связях, турецкий путешественник середины XVII в. Эвлия Челеби с удивлением отмечает: «Даже они (горцы.— В. Г.) брезгают вести с ними (персами.— В. Г.) торговые связи, когда рука об руку обменивают свои товары с русскими христианами»¹³⁶.

Торговля с Россией стимулировала дальнейший рост производительных сил и способствовала развитию торговли внутри самого Дагестана. Вместе с тем развитие торгово-экономических связей укрепляло ориентацию Дагестана на Россию, способствовало сближению народов Дагестана с русским народом. Укрепление экономических и политических связей Дагестана с Россией шло вразрез с планами и намерениями Турции и Ирана. Каждое из этих государств делало все, чтобы помешать сближению Дагестана с Россией.

Для ведения религиозной пропаганды в Дагестане Турция засылала своих эмиссаров. Феодалным владетелям, которые по тем или иным причинам не вступили в подданство России и враждовали с феодалами, принявшими вассальную зависимость от Москвы, султан оказывал поддержку. Им присылались фирманы и щедрые подарки, а еще больше давалось обещаний. В то же время султанская Турция оказывала известное давление на владельцев, принявших подданство России. Известно, например, что султан Мурад, «желая взволновать горцев... вошел в сношение» с уцмием Рустам-ханом¹³⁷. В свою очередь шах Ирана также вмешивался во внутренние дела Дагестана¹³⁸, делал попытки изгнать негодных ему владетелей и посадить на их места своих ставленников. В случае непослушания шах грозил разорить и истребить непокорных. В 1645 г. шах Аббас II предпринял попытку силой сместить уцмия, который «был непослушен» ему¹³⁹. С этой целью в Дагестан были направлены войска, однако уцмий Кайтага Рустам-хан сумел нанести поражение персам. Разгневанный неудачей шах Аббас II направил в Дагестан еще большие воинские силы,

¹³⁵ «Хождение купца Федота Котова в Персию», стр. 72; О л е а р и й. Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно. СПб., 1906, стр. 463—464.

¹³⁶ ИИЯЛ, Рукопис. фонд, д. 1366, л. 6.

¹³⁷ А. Б а к и х а н о в, Указ. соч., стр. 99.

¹³⁸ «Акты Кавказской археографической комиссии» (далее — АКАК), т. III. Тифлис, 1869, стр. 1037.

¹³⁹ «Русско-дагестанские отношения...», стр. 169.

которые заняли Кайтаг и «недруга своего прежнего усмея... со владения ево согнал» и на его место посадили Амир-хан-Султана¹⁴⁰. Шах намеревался построить крепость в Башлах и расширить агрессию. Тогда феодальные правители Дагестана вновь обратились за помощью к России. Владетель эндреевский Казаналип, например, в письме к царю Алексею Михайловичу писал: «Яз кизылбашским и с Крымом, и с турским не ссылаюсь холоп ваш государев прямой. Да бью челом вам, великому государю: только учнуть меня теснить кизылбашеня, или иные наши недруги учнут на нас посегать, и вам бы, великому государю, велеть меня дать на помочь астраханских и терских ратных людей и Большому Нагаю помогать»¹⁴¹. Русское правительство отправило из Астрахани на Терек значительные воинские силы и через специально отправленного в Персию гонца потребовало от шаха вывода из Дагестана войск. Шахская Персия вынуждена была ретироваться и вывести свои войска из Дагестана. Таким образом, и на этот раз заступничество России избавило народы Дагестана от кровавого нашествия персидских полчищ, а страну — от разорения и разграбления. В ноябре — декабре 1645 г. владетели Дагестана — аварский «Нусал за его владения и за 500 кабаков», Суркай шевкал, кафыр-кумыцкий Багомат, бойнакский бий Багомат, карабудагский Арслан, тарковский Албир-Мурза да Перебудаг Мурза айтеков и многие другие повторили на верность России шерть на коране¹⁴². Подданства России в это время добивался даже ставленник шаха уцмий Амир-хан-Султан. «И он де уцмий..., — писал в посольский приказ терский воевода, — со всем своим владеньем ему, великому государю, правду свою даст за все свое владенье тотчас, на куране шерть учинит, и послов своих к царскому величеству бити челом государю пошлет, и потому ж будет в повеленье под его царскою высокою рукою в вечном неотступном холопстве до смерти своей»¹⁴³. Все это шло вразрез с политикой Турции. Поэтому она, стремясь пресечь связи народов Северного Кавказа с Россией, устраивала набеги крымско-татарских войск на Северный Кавказ. Особенно энергичный нажим Турция и крымский хан стали оказывать на Северный Кавказ и на южные границы России с 1642 г.¹⁴⁴ Хотя Турция официально отрицала свою причастность к татарским набегам, в действительности они совершались по указке

¹⁴⁰ «Русско-дагестанские отношения...», стр. 169.

¹⁴¹ Там же, стр. 176.

¹⁴² «Кабардино-русские отношения в XVI—XVIII вв.», т. I, стр. 261—269.

¹⁴³ «Русско-дагестанские отношения...», стр. 169.

¹⁴⁴ Н. А. Смирнов. Политика России на Кавказе в XVI—XIX вв., стр. 49—50.

султана¹⁴⁵. В ответ на опустошительные набеги в 1646 г. русское правительство организовало поход на Крым. В этом походе предполагалось также использовать отряды владетелей Кабарды, Дагестана. Поэтому «черкесским и горским, и кабардинским, и кумыцким князем и мурзам» были отправлены грамоты, чтобы «быти... на нашей службе в походе с стольником нашим и с воеводою со князем С. Пожарским»¹⁴⁶. Действия русских войск и участвовавших в походе отрядов владетелей Кабарды «не были во всем одинаково удачными, но основной своей цели они достигли, — крымцы прекратили свои нападения»¹⁴⁷.

Тогда султан снова послал на Северный Кавказ «во все бусурманские земли» фирман с призывом, «чтобы оне шли в собранье к Азову. А собрався де с турецкими и с крымскими и со всеми ратными людьми, хочет идтить войною сам под Москву, а крымскому царю... итти под Терек и под Астрахань»¹⁴⁸. Но народы Северного Кавказа, по словам терского воеводы В. А. Оболенского, к «крымским ратным людям не на помощь не идут», хотя «де их всех развоюют». И в связи с этим, продолжал он, крымский царевич «с ратными людьми ис под Кемиргей поворотил назад»¹⁴⁹. Что же касается проектов султана организовать походы на Москву и Астрахань, то они, как справедливо замечает А. А. Новосельский, «относятся к области фантазии. Кроме полнейшей неспособности к такого рода предприятиям самого султана Ибрагима, турецкое правительство находилось в то время в слишком тяжелом положении, чтобы начинать крупные военные операции» против Москвы¹⁵⁰.

Во второй половине XVII в. Иран, разорвав дипломатические отношения с Россией, стал вести активную завоевательную политику на Северном Кавказе. В связи с этим решено было поставить на р. Сунже острог и укрепить Терки. Постройка острога вызвала недовольство шемахинского хана Хосрова, который тотчас же выразил России протест¹⁵¹. С жалобой на терских воевод обратился к России и шамхал¹⁵².

Шах Аббас II предписал ханам Ардебиля, Карабаха, Гиляна и Шемахи собрать войска и выступить против города Терки, затем идти на Астрахань. В это время стало известно, что крымский хан, по словам очевидца, «собрався со многуо крымскою ратью, в Азов пришли, про Терек и про Астрахань

¹⁴⁵ А. А. Новосельский. Указ. соч., стр. 326—327.

¹⁴⁶ «Кабардино-русские отношения в XVI—XVIII вв.», т. I, стр. 270, 417.

¹⁴⁷ А. А. Новосельский. Указ. соч., стр. 385.

¹⁴⁸ «Кабардино-русские отношения в XVI—XVIII вв.», т. I, стр. 278.

¹⁴⁹ Там же, стр. 278—279.

¹⁵⁰ А. А. Новосельский. Указ. соч., стр. 386.

¹⁵¹ «Акты исторические», т. IV, стр. 156—158; «Кабардино-русские отношения в XVI—XVIII вв.», т. I, стр. 302.

¹⁵² ЦГАДА, ф. Кумыкские дела, 1650 г., д. 2, лл. 1—3.

говорят»¹⁵³. В 1653 г. отряды шамхала и прибывшие из Шемахи и Дербента «кизылбашские войска» с пушками напали на Сунжинский острог, но были отбиты¹⁵⁴. Но и после этого шах не оставлял мысли покорить Северный Кавказ. С этой целью в Дербенте, доносил воевода И. Пронский, собрались «8 ханов с кизылбашскими ратными людьми для нападения на русские крепости»¹⁵⁵.

Однако подчинить своей власти Северный Кавказ Персии не удалось, потому что она встретила отпор не только России, «но и самих народов Северного Кавказа и Закавказья, заинтересованных в развитии торговли и укреплении дружественных связей с Россией»¹⁵⁶. Уже в июле того же 1653 г. шамхал Сурхай и эндиреевский Казаналип, объясняя в письме к астраханским воеводам причины нападения на Сунжинский острог, утверждали, что они выступали против обижавших их подданных кабардинских князей. «А у нас з друзьями с русскими людьми дурна не было» и поэтому «русским людем ни единому человеку и носа не окровили и ни одной соломины не тронув, здорово выпустили для того, что с русскими людьми у нас недружбы не было, а будет бы у нас дурно было, и они все у нас в руках были, мочно было побить»¹⁵⁷.

Тогда же кумыкские владетели обратились в Москву с просьбой принять их в подданство России¹⁵⁸. «...А я,— писал Казаналип,— с аварами, мычигизами и со всеми людьми, которые мне послушны были, под вашей рукою в холопстве»¹⁵⁹. С аналогичными письмами обратились и другие феодалы. В связи с этим в подданство России были приняты эндиреевский Казаналип, Будай шамхал и Ахматхан дженгутаевский и др.¹⁶⁰ Не считаясь ни с чем, Турция необоснованно силилась представить народы Северного Кавказа и Дагестана подданными султана и поэтому потребовала от России не посылать войска против кумыкских владетелей. Мало того, Турция потребовала, чтобы «Россия вообще отказалась от всякого сопротивления турецкой агрессии и не препятствовала действиям турецких вассалов на Кавказе и на Украине», заявив «о притязаниях Турции на владение Кабардой и другими горскими

¹⁵³ «Кабардино-русские отношения в XVI—XVIII вв.», т. I, стр. 311.

¹⁵⁴ ЦГАДА, ф. Кумыкские дела, 1651 г., д. 1, лл. 121—126; «Кабардино-русские отношения в XVI—XVIII вв.», т. I, стр. 311—316; «Русско-дагестанские отношения...», стр. 185—188.

¹⁵⁵ ЦГАДА, ф. Кумыкские дела, 1651 г., д. 1, л. 261.

¹⁵⁶ Н. А. Смирнов. Политика России на Кавказе в XVI—XIX вв., стр. 53.

¹⁵⁷ ЦГАДА, ф. Кумыкские дела, 1654 г., д. 13, л. 26; «Русско-дагестанские отношения...», стр. 191.

¹⁵⁸ «Русско-дагестанские отношения...», стр. 191—196.

¹⁵⁹ Там же, стр. 192.

¹⁶⁰ ЛОИИ, ф. Астраханский приказной палаты, д. 7116, л. 3 д. 7149, л. 55; «Русско-дагестанские отношения...», стр. 196—200.

народами»¹⁶¹. В 1672 г. крымский хан вторгся в Кабарду с намерением напасть на Терки и поставить «города на Сунже и в Андреевой деревне», но успеха не имел — «стояв в Кабарде», хан вынужден был вернуться в Крым¹⁶². Обострившиеся в связи с агрессивными притязаниями Османской порты отношения между Москвой и Константинополем вылились в 1676 г. в русско-турецкую войну.

В этой войне против России султан пытался использовать народы Северного Кавказа. С этой целью на Северный Кавказ и в Дагестан были направлены турецко-крымские агенты. О характере их пропаганды яркое представление дает лист крымского хана «горским владетельным князем, тарковскому Будай Шевкалу да Кумыцкому Чепалаю и всем градским (т. е. горским.— В. Г.) владельцам». Извещая, что он пойдет весною «в Московскую страну на русских людей войною» и призывая «горских князей» идти к нему «в помочь на бой для общего нашего закона и веры,— ... в которых из наших неприятели будут побивать, и тех вменяем со святыми»¹⁶³. Однако турецкие и крымские агенты всюду получали отказ. Об этом говорит хотя бы тот факт, что «лист» крымского хана был доставлен в Москву кумыцким мурзой Балатаем¹⁶⁴.

Народы Северного Кавказа принимали самое активное участие в борьбе с Турцией и Крымом на стороне России¹⁶⁵. В 1676 г. вместе с кабардинскими владетелями «да молою ногою Сары Мурза Ураков да кафыр-кумухской Асланбек Мурза...,— говорится в документе,— для службы великого государя на Крым и на Крымские улусы и для поиску» приехали в Астрахань¹⁶⁶. Однако султанская Турция, будучи занята борьбой с коалицией европейских государств (Австрия, Венеция, Польша и Россия), вынуждена была отказаться от активной политики на Кавказе. Что же касается Ирана, то в конце XVII в. при шахе Солеймане (1666—1694 гг.) «появились явные признаки ослабления Сефевидского государства, экономического и политического его упадка»¹⁶⁷. Поэтому конец XVII века прошел для народов Дагестана и Северного Кавказа относительно спокойно. Это благоприятно сказалось на укреплении экономических и политических связей Дагестана с Россией. Дошедшие до нас документы рассказывают о пребывавших в 70-х годах XVII в. в Терки, Астрахани, Москве и других городах торговых

¹⁶¹ Н. А. Смирнов. Политика России на Кавказе в XVI—XIX вв., стр. 54.

¹⁶² «Кабардино-русские отношения в XVI—XVIII вв.», т. I, стр. 333; «Акты исторические», т. IV, стр. 50.

¹⁶³ «Очерки истории Дагестана», т. I, стр. 140—141.

¹⁶⁴ Там же.

¹⁶⁵ «Кабардино-русские отношения в XVI—XVIII вв.», т. I, стр. 346.

¹⁶⁶ ЛОИИ, ф. Астраханской приказной палаты, д. 7208, л. 2.

¹⁶⁷ М. С. Иванов. Указ. соч., стр. 77.

людей Дагестана¹⁶⁸. По данным астраханской приказной палаты, из Дагестана в Астрахань только в июне 1676 г. прибыло более 22 купцов с различного рода товарами местного и «заморского» производства¹⁶⁹.

О характере торговли между Дагестаном и Россией говорят следующие данные: 18 июня того же 1676 г. отпущен был «из Астрахани вниз Волгою-рекою морем до Дербени кубачинец Асанка Магаметев на клади у Тарковца Алия Шабанова с товаром. А товару с ним: 7 пуд. меди красной в котлах, 2 пуда меди зеленой катловой, 18 зеркал малой руки, 3 кожи красных телятинных, 6 аршин сукна кармазину, 35 овчинок, 5 тысяч игол, 100 булавок, 4 гривенки краски, 6 зеркал, 5 блюд деревянных; да остаточного товару, который не продан в Астрахани, 10 епанеч черкасских молодой руки, 3 сабли» и другие товары. «С ним же работник ево кубачинец Али Амзаев, для оберега пицаль, фунт пороху, свинцу тоже»¹⁷⁰. 20 июня того же года был отпущен из Астрахани в Дербент «торговый человек, Фурчка Эселбекова, в своих двуструшках с товаром. А товару в тех струшках: 103 юфты кож..., 4 половинки сукна кипного, 7 аршин сукна полукармазину черного, полтретья пуда пуху гусяного, 18 пудов проволки, 4 пуда котловой зеленой меди, 4 тыс. булавок, 4 тысячи игол, 10 зеркал, 4 топы стамеду, половинка сукна аглитского, 6 аршин сукна аглитского ж, 100 овчинок курпечатых, мех куней большой, 6 тарелок оловянных»¹⁷¹.

В дальнейшем увеличиваются как количество, так и ассортимент вывозимых из Астрахани в Дагестан товаров¹⁷². Так, в 80—90 гг. XVII в. все чаще вывозится писчая бумага. Достаточно сказать, что в июле 1688 г. из Астрахани только 4 купцов вывезли в Дагестан 140 топ бумаги¹⁷³.

Дагестано-русские связи крепили не только в процессе развития экономических и политических отношений, но и в результате общения народов Дагестана с русским населением на Тереке. В течение XVI—XVII вв. ряды терско-гребенского казачества постоянно пополнялись новыми пришельцами: «А когда произошел церковный раскол, многие раскольники бежали на Дон, а оттуда на Куму». Кабардинский князь Мисост объявил их своими гостями. Несмотря на это их преследовали отряды царских войск. Узнав об этом, шамхал тарковский Будаи-хан обратился к князю Мисосту с просьбой отпустить их в его

¹⁶⁸ Н. А. Смирнов. Политика России на Кавказе в XVI—XIX вв., стр. 55.

¹⁶⁹ «Русско-дагестанские отношения...», стр. 201—205.

¹⁷⁰ Там же, стр. 208.

¹⁷¹ Там же, стр. 209.

¹⁷² Там же, стр. 206—219.

¹⁷³ Там же, стр. 215—217.

владения, на что было получено согласие. При этом Буда́й-хан дал слово, что переселявшихся казаков-раскольников он никому не выдаст. Шамхал «действительно отвел им... выгодный для мореходства и крепкий для обороны приморский уголок между р. Сулаком и его рукавом Аграханью». Здесь они построили укрепленный городок с вышками, куда ежегодно стали прибывать новые партии беженцев-раскольников с Дона. Буда́й-шамхал, по свидетельству современников, помогал им «обзаводиться стругами и лошадьми»¹⁷⁴. В конце XVII в., когда русское правительство узнало о готовящемся побеге раскольников с Дона на Аграхань, из Москвы к шамхалу был отправлен дворянин Басов для возвращения казаков. На его запрос шамхал заявил, что «казаки-раскольники — его гости и он не может прогнать их по силе обычая, но если сами, по доброй воле, решатся уйти, то держать их насильно не сможет». Сами же казаки отказывались вернуться, говоря, что «шевкал веры у нас не отнимает, живем и веру держим, как хотим, а идти нам назад, на Дон, за каким добром»¹⁷⁵.

Таким образом, горцы Дагестана, Кабарды не только не мешали расселению на Северо-Восточном Кавказе беженцев из России, но и выделяли им превосходные угодья, помогали обзавестись хозяйством, имели с ними добрососедские, дружественные отношения, поэтому не случайно казаки отказывались возвращаться в пределы Русского государства. Проходили годы и русские осваивались с окружающими условиями. В это время к ним в селения стали спускаться горцы Дагестана, Кабарды, Чечено-Ингушетии¹⁷⁶. Выходцы из феодальных кругов Северо-Восточного Кавказа обычно расселялись в сооружаемых царскими войсками укрепленных городках и в местах расположения царских войск. В таких случаях «мурзы и их уздени... получали денежные и хлебные оклады и селились за речкой (за рекой Тюменкой) в Черкесской слободе, рядом со слободой Окацкой, заселенной выехавшими из Акхов в конце XVI в. частью общества Акко (окохи, общество Акко в Ингушетии) служилыми окочанами»¹⁷⁷. Но больше всего в районы населения терско-гребенского казачества убегали и селились в русских станицах или с ними чересполосно дагестанцы, кабардинцы и другие народы Северного Кавказа. Трудно определить число горцев, поселившихся среди терско-гребенского казачества. Но, не

¹⁷⁴ И. Попко. Указ. соч., стр. 81—82.

¹⁷⁵ Там же, стр. 82—83.

¹⁷⁶ «Кабардино-русские отношения в XVI—XVIII вв.», т. I, стр. 84, 85, 194—197, 260, 261. Особенно интересные данные содержатся в «Росписи населению Терской слободы (док. № 126, стр. 192—197), составленной терским сыном боярским П. Лукиным и подьячим Ф. Белковым по распоряжению терского воеводы.

¹⁷⁷ Е. Н. Кушев а. Политика Русского государства на Северном Кавказе в 1552—1572 гг., стр. 263.

боясь впасть в грубую ошибку, можно сказать, что оно было довольно значительным. В дошедших до нас документах упоминается, что среди гребенского казачества было немало «инородцев» и имелись «татарские слободы»¹⁷⁸. За рекою, напротив крепости,— сообщает Ф. Котов,— раскинулись большие слободы — Черкесская слобода, Окоцкая и слобода новокрещеных черкесов¹⁷⁹.

Основной причиной переселения простых горцев, так же как и русских, были социально-политические условия. Рабы, чагары, райяты и другие зависимые крестьяне, не находя другого выхода, бежали от гнета и произвола «своих» владельцев. Что это так, видно хотя бы из следующих фактов. В середине XVII в. в Москве посол эндиреевского владетеля Казаналипа жаловался русскому правительству на то, что из его владения «холопы и рабы бегают» в терский город¹⁸⁰. Позже Казаналип в своем письме в Москву просил выдать ему беглых, «которые живут ныне на Тереке»¹⁸¹. С аналогичной просьбой неоднократно обращались шамхал и другие владетели. Так, в одном из своих обращений в Москву шамхал жаловался, что его холопы устраивают побег в «Российские пределы», и так как он вступил в подданство России, то просил вернуть его «беглых холопов из мусульман и христиан»¹⁸². Сказанное, однако, не означает, что кроме мотивов социально-политического порядка не было других причин для бегства горцев. Немаловажную роль в этом отношении играл процветавший в горах Дагестана обычай кровной мести.

Образовавшийся в районе Терека этнический конгломерат из представителей разноязычных народов прекрасно «уживался» между собой, не было между ними ни неприязни, ни притязания, ни господства одних над другими; для всех было в достаточной степени простора, свободы и возможности «промышлять». Конгломерат этот был не простым механическим соединением различных этнических элементов, а являлся своего рода «интернациональным» союзом людей, находящимся на одинаковом социальном и правовом положении, союзом людей, преследуемых «власть имущими»; они различались по характеру психического уклада и по языку, но их «объединяла общность классовых интересов»¹⁸³. Терско-гребенские казаки вели дружбу не только с теми горцами, которые поселились здесь, но и со всеми окружающими казаков народами Северо-Восточ-

¹⁷⁸ «Кабардино-русские отношения в XVI—XVIII вв.», т. I, стр. 253 и др.

¹⁷⁹ «Хождение купца Федота Котова в Персию», стр. 69; «Книга Большому чертежу», под ред. К. Н. Сербиной. М.—Л., 1950, стр. 88.

¹⁸⁰ «Русско-дагестанские отношения...», стр. 161—162.

¹⁸¹ Там же, стр. 163—164.

¹⁸² ЦГВИА, ф. 52, д. 368, ч. 2, л. 23.

¹⁸³ М. С. Готоев. Указ. соч., стр. 143.

ного Кавказа. Основой установления и развития дружественных связей между казаками и горскими народами явились известная взаимозависимость и взаимозаинтересованность в укреплении экономических и политических связей. Как уже отмечалось выше, горцы Северного Кавказа и Дагестана оказывали первым русским переселенцам посильную помощь. В дальнейшем между ними установились постоянные торгово-экономические связи. «В Кумыках и Кабардах,— писал И. Попко,— были лучшие оружейники, седельники, серебряки; казаки водили знакомство с такими людьми, потому что нуждались в их изделиях»¹⁸⁴. У горцев покупали они также лошадей, крупный и мелкий рогатый скот, мясо, масло и другие продукты сельского хозяйства, бурки, башлыки, комплекты специального кавказского военного снаряжения, аробные колеса, женские украшения и другие предметы. Взамен казаки отдавали горцам соль, рыбные продукты, холсты домашнего изделия, а позже и продукты мануфактурного производства.

«Горец,— писал И. Попко,— любит путешествовать, видеть новые лица, новые обычаи, даже новые страны — не дольше двух трех проездов коня. Еще больше любит он померяться даром слова с новым человеком, поболтать..., и гребенской казак был к его услугам, потому что знал его язык. У гребенского же казака мог вкусить и запрещенной влаги»¹⁸⁵.

Обращает на себя внимание весьма примечательный, говорящий об очень многом факт, что казак «знал язык» горца. К этому следует добавить, что горцы — соседи терско-гребенских казаков и особенно «выбежавшие из гор» и поселившиеся между казаками, очевидно, также знали русский язык. Это обстоятельство немало облегчало общение их друг с другом, способствовало развитию дружественных отношений. На основе укрепляющихся экономических связей зародилось и укрепились куначество — этот своеобразный обычай кавказского побратимства. Сильно развитый среди горцев Северного Кавказа обычай куначества связывал кунаков не только взаимным гостеприимством, но и взаимопомощью. Горец считал своим первым и священным долгом оказывать при надобности моральную и материальную помощь кунаку-казаку. Точно так же относились и терско-гребенские казаки к своим кунакам-горцам. Кунаки — терско-гребенские казаки и горцы — не только охотно поддерживали обычай куначества, но и «гордились своей дружбой и передавали ее детям как священный завет от поколения к поколению»¹⁸⁶.

---

¹⁸⁴ И. Попко. Указ. соч., стр. 302.

¹⁸⁵ Там же.

¹⁸⁶ «Записки Терского общества любителей казачьей старины», № 2. Екатеринодар, 1914, стр. 74.

Со времени расселения русских на Северо-Восточном Кавказе с их соседями-горцами установились, как отмечалось выше, и родственные связи. «Гребенская женщина,— писал И. Попко,— во множестве случаев была местного горского происхождения»¹⁸⁷. Брачные отношения между терско-гребенскими казаками оказали известное влияние на физический тип казака. «Современное казачье население Терской области,— писал в 90-х годах XIX в. исследователь антропологии казаков Гильченко,— не представляет собою какой-либо однородной племенной группы. Оно крайне разнообразно даже в отдельных кругах. В состав их вошли разнородные элементы... Вследствие недостатка русских женщин казаки брали себе жен у соседей-туземцев... Эти браки составляли в стародавнее время самое заурядное явление, и путем смешения образовался особый могучий тип гребенского казака... Поразительная физическая красота и крепость этого типа общеизвестна. В течение более чем 300-летней жизни среди различных кавказских племен происходила постоянная метизация путем браков и путем вековой совместной жизни. Сплошь и рядом среди казаков часто попадаетея тип красавца горца»¹⁸⁸.

Горцы Северного Кавказа оказали известное влияние и на материальную культуру русских переселенцев. Терско-гребенские казаки переняли у горцев одежду, снаряжение, вооружение и прочее¹⁸⁹. В свою очередь русские переселенцы оказали благотворное влияние на материальную и духовную культуру горцев. Благодаря повседневному дружескому общению с переселенцами горцы Дагестана совершенствовали некоторые процессы трудовой деятельности, «усваивали и перенимали в свой быт культуру гребенского казака. Это усвоение шло в двух направлениях: по линии духовной и, значительно сильнее, по линии материальной культуры»¹⁹⁰. Развивающиеся между русскими переселенцами и горцами дружественные взаимоотношения вместе с защитой горцев Россией от нашествия ирано-турецких захватчиков способствовали росту и укреплению ориентации Дагестана на Россию.

---

¹⁸⁷ И. Попко. Указ. соч., стр. 114.

¹⁸⁸ «Терские ведомости», 1892, № 124; «Известия Северо-Осетинского научно-исследовательского ин-та», т. XII. Дзауджикау, 1918, стр. 151.

¹⁸⁹ И. Попко. Указ. соч., стр. 51, 113—115.

¹⁹⁰ М. С. Тотоев. Указ. соч., стр. 151.

ПОХОД РУССКИХ ВОЙСК
НА ПОБЕРЕЖЬЕ
КАСПИЙСКОГО МОРЯ В 1722—1723 ГГ.

instituteofhistory.ru

Султанская Турция потерпела поражение в войне 1683—1698 гг. с коалицией европейских держав и была вынуждена подписать невыгодный для себя Карловицкий мир, по условиям которого Австрия получила центральную Венгрию, Трансильванию, Славонию и Бачку, Польша— южную часть Правобережной Украины, Венеция— Морею, часть Далмации и острова Архипелага. В 1700 г. она подписала в Константинополе договор с Россией, подтверждающий отход к России Азова, занятого в 1696 г. Петром I. Поражение под Веной окончательно остановило турецкую экспансию в Европе. По определению самих турецких историков в истории Порты начинался «период отступления» («риджат деври») ¹. Это, однако, не означало полного крушения военного могущества Османской Порты. В начале XVIII в. она все еще оставалась одним из крупных военно-феодальных государств ². Стремясь взять реванш, Турция сразу же после окончания войны в Европе обратила свои взоры на Кавказ. В 1703 г. Турция начала строительство крепости вблизи Керчи и замыслила, по словам русского посланника в Константинополе, «Иверскую землю (Грузию.— В. Г.) воевать и в подданство привести» ³. Тенденцию к военно-политической экспансии на Кавказе и на юге России Турция стала проявлять после прихода к власти представителя реакционных кругов Османской империи султана Ахмеда III. В 1704 г. Турция предъявила России резкий протест против возведения крепости на Днепре и строительства

¹ А. Ф. Миллер. Краткая история Турции. М., 1948, стр. 29, 269.

² Н. А. Смирнов. Политика России на Кавказе в XVI—XIX вв. М., 1958, стр. 57.

³ Т. К. Крылова. Русско-турецкие отношения во время Северной войны.— «Исторические записки», т. 10, стр. 255.

кораблей в Воронеже. «Понеже Черное море,—говорилось в грамоте султана,—состоит под владением нашего величества, а иной никто тем не владеет, а по постановленному мирному договору постановлено и ни малой лодки на Черное море не выходить»⁴. Специально прибывший к русскому двору посол Турции Мустафа, по словам Головкина, вел себя крайне агрессивно⁵.

Важную роль в борьбе с Россией Порты по-прежнему отводила Кавказу. Потому, чтобы взять под покровительство Ширван и Дагестан⁶ и подчинить своей власти Северный Кавказ, Турция приняла ряд конкретных мер — отправила на Кавказ агентов, которые должны были привлечь на сторону Турции феодальных владетелей. В 1707 г., по указке Турции, крымский хан Каплан-Гирей вторгся в Кабарду, имея целью завоевать ее и присоединить к Крыму. Но объединенные силы кабардинских князей нанесли ему поражение, сам хан спасся бегством⁷. «Никогда не слыхано было,—воскликает турецкий историк Фундуклу,—такого их избиения»⁸. В том же 1707 г. не без влияния Турции и Крыма было организовано нападение закубанского хана Наиб-Султана на терско-гребенских казаков⁹.

В 1711 г. началась русско-турецкая война. Несмотря на ряд побед, одержанных Россией над крымским ханом и турками, она была вынуждена подписать невыгодный для нее Прутский мир и возвратить Азов Турции. После этого Турция начала активную завоевательную политику на Кавказе.

В 1711 г. в направленном кабардинским князьям послании турецкий султан обвинил их в измене исламу, упрекал за союз с Россией и потребовал повиновения Турции; в противном случае он угрожал разорением и истреблением всего населения¹⁰. Тогда же от крымского хана были направлены «посланцы через горы... кумытским владельцам» Султан-Муту и шамхалу Адиль-Гирею, «чтобы оныя владельцы и других тамошних владельцев пригласили и были б единомышленно воли крымского хана, что им повелит хан делать, быть послушным»; и дана им «от хана немалая дача», и обещано было «впредь... давать повсягодно»¹¹.

⁴ Т. К. Крылова. Указ. соч., стр. 260.

⁵ Там же.

⁶ «История Грузии», ч. I. Тбилиси, 1950, стр. 395.

⁷ Ш. Б. Ногмов. История адыгейского народа. Нальчик, 1947, стр. 99—100; В. Кудашев. Исторические сведения о кабардинском народе. Киев, 1913, стр. 41; «История Кабарды». М., 1957, стр. 58.

⁸ Н. А. Смирнов. Политика России на Кавказе в XVI—XIX вв. стр. 59.

⁹ В. Потто. Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях, т. I, вып. I. СПб., 1897, стр. 26—27.

¹⁰ «История Кабарды», стр. 58.

¹¹ «Кабардино-русские отношения в XVI—XVIII вв.», т. II. М., 1957, стр. 11.

Одновременно султанская Турция вела деятельную подготовку ко вторжению на Кавказ. «Салтан Турский,— свидетельствует Минас-Вардапет,— имеет великое приготовление воинское... в Антолии збирается премного турецкого войска, и никто не знает из них куда имеют идти и против кого будут воевать». Но шах,— продолжает он,— видя, что «салтан турский имеет великое приготовление воинское, вельми опасался и боялся, чая, что будет воевать турчанин против него, для того что и сам шах знает, что он с турчанином воевать силы и мочи не имеет...»¹².

И действительно, Персия в описываемое нами время переживала глубокий экономический и политический кризис. «Одним из наиболее важных факторов, обусловивших разложение и упадок Сефевидского государства,— как справедливо отмечает М. С. Иванов,— была чрезмерная, чем дальше, тем больше возраставшая, феодальная эксплуатация крестьянства и трудового населения городов, которая не только не сопровождалась ростом производительных сил, но и приводила к подрыву сельского хозяйства и ремесла»¹³. Вместе с тем были и другие причины, подрывавшие прочность Сефевидского государства, такие как междоусобная борьба феодальных группировок, коррупция, разложение шахского двора, изменение торговых путей в результате освоения морского пути вокруг Африки, после чего упало значение сухопутного пути через Иран. В связи с общим упадком снижалось и влияние Сефевидской державы на народы Восточного Кавказа. Несмотря на это Сефевиды не были изгнаны с территорий Восточного Кавказа, захваченных в пору могущества персов. На рубеже XVIII в. народы Кавказа еще ощущали рост податного бремени, что было связано с общей политикой Сефевидов, которые путем увеличения налогов пытались предотвратить свое падение. При шахе Хусейне (1694—1722 гг.) налоговое бремя приняло небывалые для того времени размеры¹⁴.

При этом наместники Сефевидов — беглербеги и другие представители иранской администрации при сборе налогов произвольно увеличивали их, и, как правило, взыскивали с податного населения в 2—3 раза больше, чем было установлено. «Доходов государственных, как сказывают, с Шемахи и со всей

¹² П. Т. Арутюнян. Освободительное движение армянского народа в первой четверти XVIII в. М., 1954, стр. 166.

¹³ М. С. Иванов. Очерки истории Ирана. М., 1952, стр. 78—79.

¹⁴ И. П. Петрушевский. Азербайджан в XVI—XVII вв. Сб. статей. Баку, 1949, стр. 297; он же. Очерки по истории феодальных отношений в Азербайджане и Армении в XVI—начале XIX в. Л., 1949, стр. 332; М. С. Иванов. Указ. соч., стр. 79; В. Н. Левиатов. Очерки истории Азербайджана в XVIII в. Баку, 1948, стр. 63—66; В. Г. Гаджиев. Борьба народов Дагестана против владычества Ирана в начале XVIII в.— «Ученые записки ИИЯЛ», т. IX. Махачкала, 1963, стр. 120—121.

провинции Ширванской, с прилежащих городов и деревень к Шемахе, — свидетельствует Вольтер, — собирается... по 80 000 рублей... Однако ж сверх сего оклада управители обыкновенно вдвое или втрое каждый год собирают и по своим карманам делят, как и бытностью мою шемахинский хан именем Кей Хосров учинил, который собрал 200 000 рублей»¹⁵. Вся тяжесть иранского гнета испытывало на себе население Дербента и других мест Южного Дагестана. В Дербенте, писал И. Гербер, «имелись султаны или губернаторы, также наипы или горододержавцы. Султаны всегда посылались от шаха из Испагани и великую власть имели над всеми к Дербенту надлежащими уездами»¹⁶.

И. Гербер указывает также, что «городу Дербенту еще следующие уезды подчинены: Мушкур, Низават, Шабран, Рустау, Бермяк, и доходы из оных собирал султан дербентский... И понеже он, султан, сам из сих доходов великое жалованье имел и, кроме жалованья от шаха, уволен был 5000 туменов, или 50 000 рублями, ежегодно, употребляя в подарки, кожан по всей воле жаловать хотел. К тому же счастье от султанов с приходов никогда и не спрашивается... В близости Дербента лежащие два уезда, Табасаран и Куба, повинны были оному султану послушны быть и по его приказу воинскую службу отправлять»¹⁷. Наместники шаха в Дербенте неоднократно делали попытки подчинить своей власти союзы сельских общин Самурской долины. «Султаны дербентские, — сообщает И. Гербер, — их яко подданными к Персии почесть хотели и к тому принуждать трудились и для того часто великая команда из Дербента посылалась, чтоб их силою под владение привести»¹⁸. Соответственно усилилась эксплуатация крестьян и «своими» феодалами. Увеличение податного бремени, произвол и насилие со стороны шахских и местных властей не могли не вызвать законного протеста трудящихся масс.

Годами накапливавшийся горючий материал дал вспышку в начале XVIII в. Против владычества Ирана восстали горцы Дагестана. Они, по словам Г. Алкадари, поставили перед собой цель — «организовать убийство и уничтожение в Нухинском, Ширванском и Кубинских уездах поставленных шахом... Гусейном ханов и их служащих»¹⁹. Следует, однако, отметить, что феодалы и местное мусульманское духовенство, принявшие в восстании участие, взяли за оружие по мотивам, далеким от

¹⁵ «Журнал посланника Вольтера 1715—1718 гг.» в кн. Е. Зевакин. Азербайджан в начале XVIII в. Баку, 1929, стр. 12.

¹⁶ «История, география и этнография Дагестана». М., 1958 (далее — «История, география...»), стр. 85.

¹⁷ «История, география...», стр. 86.

¹⁸ Там же, стр. 77.

¹⁹ Г. Алкадари. Асары Дагестан. — «Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа», вып. 46. Махачкала, 1929, стр. 63.

интересов народных масс Дагестана. На это обстоятельство в свое время указывал Неверовский: «Владетели,— писал он,— воспользовались этими волнениями, чтобы совершенно отложиться, а предприимчивым людям было открыто свободное поприще для приобретения новой власти, новых владений»²⁰. В 1711 г. повстанцы взяли Шабран, а в 1712 г. объединенные отряды горцев, возглавляемые Хаджи-Даудом и Сурхай-ханом Кази-Кумухским, овладели торгово-ремесленным и административным центром Северного Азербайджана — Шемахой. Восстания против иранского владычества в этот период происходили в Грузии, Армении и на других окраинах Сефевидской империи. Воспользовавшись происходившими беспорядками и смутами, писал историк Ирана Мухаммед-хасан-хан, турки намеревались захватить Грузию и Азербайджан²¹. Все это не могло не обеспокоить Россию, которая тоже имела на Кавказе экономические и политические интересы. Развитие производительных сил, образование всероссийского рынка потребовали выхода к незамерзающим портам, расширения внешней торговли и овладения стратегическими пунктами. Государство помещиков и купцов в интересах обеспечения растущих потребностей господствующего класса стремилось утвердиться на южных морях.

В тех конкретно исторических условиях Черное море для России было недоступно. Поэтому Петр I обратил внимание на Каспийское море, ибо здесь он «видел истинное средоточие или узел всего Востока»²². Он думал сделать Россию посредницей в торговле между Востоком и Европой. Кроме того, все возрастающие потребности русской мануфактурной промышленности требовали обеспечения ее такими видами сырья, как шелк-сырец, хлопок, нефть, руда и т. д. Все это толкало Россию на Кавказ. Не менее важной причиной, требовавшей присоединения прикаспийских областей к России, являлась оборона границ, ибо положение на юго-восточных границах в то время представляло собой едва ли не самое слабое место Русского государства. Учитывая все это, Петр I еще в 1700 г. приказал астраханскому воеводе Мусину-Пушкину укреплять «дружественные и торговые отношения с дагестанскими горцами»²³, оказывая им возможную помощь и поддержку. В 1701 г. в Москве между русским правительством и представителями Армении начались переговоры «относительно русской помощи в деле освобождения Армении»²⁴.

²⁰ Неверовский. Краткий исторический взгляд на Северный и Средний Дагестан до уничтожения влияния лезгинов на Закавказье. СПб., 1848 (далее — Неверовский. Краткий исторический взгляд...), стр. 9.

²¹ В. Н. Левиатов. Указ. соч., стр. 67.

²² «Русский вестник», т. 68, 1867, стр. 557.

²³ «Кавказ», 1869, № 1.

²⁴ П. Т. Арутюнян. Указ. соч., стр. 143—152.

В 1711—1712 гг. по приказу генерала Д. Апраксина на левый берег Терека были переселены гребенские казаки, которые образовали несколько укрепленных городков — станицы Червленную, Шадринскую, Новогладковскую, Старогладковскую. Причем «право владения казаков затеречными угодьями не оспаривалось ни кумыками, ни кабардинцами, ни тем более чеченскими выходцами»²⁵. Основанием этих городков было положено начало образованию «терской кордонной линии», сыгравшей в последующей истории Северного Кавказа заметную роль. Тогда же для установления прочных связей с Кабардой, Дагестаном, а также для выяснения рудных и других природных богатств на Северном Кавказе был отправлен кабардинец по происхождению кн. Бекович-Черкасский.

В своем донесении Петру I Бекович-Черкасский, изучив создавшееся положение, писал, что из Турции «к вольным князьям», имеющим владения близ гор между Черным морем и Каспийским, направлены были посланцы, которые старались их «со владением своим» склонить под власть султана турецкого, за что они могут «многою милость получить и посвягодным жалованьем определены будут». Но не добившись успеха в Кабарде, они возвратились в Крым. Агенты Порты, прибывшие к «владельным князьям кумыцким и шавкалам, дабы преклонить их також де обещая им много, и некоторых из них преклонили к своему желанию через дачу..., а паче всего они (т. е. эмиссары Турции.— В. Г.) желают, дабы всех тех народов соединить даже до персидской границы, и тако особливо край тот в волю свою привести и подданными учинить». И если Турции удастся подчинить народы Дагестана, то при возникновении войны «могут не малую силу показать, понеже оный народ лучше в войне кроме регулярного войска». Поэтому, чтобы «оный народ не допустить под руку турецкую, но паче привести под власть свою, то надлежит, не пропуская времени, о том стараться, а когда уже турки их под себя утвердят, тогда уже будет поздно и весьма невозможно». А привести в подданство России, продолжал далее Бекович-Черкасский, не будет никакой трудности «понеже тот народ вольный», и с давних времен шамхалы и другие владетели находились в подданстве России «и детей своих в аманаты давали». Кроме того, необходимость присоединения Прикаспия к России Бекович-Черкасский видел в том, что «много обретается разных руд в тамошнем краю, от чего мог бы прибыток не малый быть государству Российскому»²⁶. Вместе с этим он считал необходимым «для всяких руд» в Кумыкии построить крепость.

²⁵ И. Попко. Терские казаки со стародавних времен. СПб., 1880, стр. 97.

²⁶ ПСЗ, т. V, № 2815; «Русско-дагестанские отношения XVII—первой четверти XVIII в.». Махачкала, 1958 (далее «Русско-дагестанские отношения...»), стр. 223—225; «Русский вестник», т. 68, 1867, стр. 558—559.

В 1715—1718 гг. военно-политическое и экономическое обследование прикаспийских областей производил А. П. Волынский²⁷. Вернувшись из Персии в Шемаху, он в течение семи месяцев собирал сведения. Мало изученным оставался путь, проходящий по дагестанскому побережью Каспия. Поэтому А. П. Волынский направил «сухим путем» члена посольства А. Лопухина из Шемахи в Астрахань²⁸. Характеризуя положение в Иране, Волынский писал, что «бог ведет к падению сию корону». И потому «как я здешнюю слабость вижу, то нам без всякого опасения начать можно (войну с Персией. — В. Г.), ибо не токмо целою армией, но и малым корпусом великую часть к России присовокупить без труда мочно»²⁹. В другом письме Волынский предлагал «кумыцкий народ» принять в подданство. Шамхал тарковский Адиль-Гирей и владетель Султан-Махмуд, писал он, «в мою бытность в Персии показывали... верности», а, по моему мнению, «для склонения того народа и для иных факций оный бы был не без потребен. Ежели изволите его удовольствовать и дать для охранения Тарков одну роту солдат (о чем он сам просит. — В. Г.) так же и жалования ему денежного и хлебного прибавить...»³⁰. По возвращению Волынского в Иран был отправлен капитан А. Баскаков, которому поручалось «ехать от Терека сухим путем до Шемахи для осматривания пути, удобен ли для прохода войск водами, кормами конскими и прочими...»³¹. В 1720 г. Кавказ был обследован «рудознателем И. Ф. Блюэром»³². Одновременно изучением Каспийского моря и устья рек Терека, Куры и составлением карт занимались Ф. И. Саймонов, Верден, Урусов и др.³³

В обстановке захватнических стремлений больших государств феодальные правители Дагестана, как и всего Кавказа, исходя из своекорыстных интересов, ориентировались то на Россию, то на Турцию. На рубеже 20-х годов XVIII в. феодалы Дагестана, владения которых были близки к южным границам России и которые поддерживали с ней тесные торгово-экономические связи, склонялись на сторону России, обращались в Москву с просьбой принять их в подданство и под покровитель-

²⁷ Подробнее о посольстве А. Волынского см.: В. И. Лебедев. Посольство Артемия Волынского в Персию. — «Известия АН СССР», серия истор. и философ., т. V, № 6, 1948, стр. 528—539.

²⁸ Составленный А. Лопухиным «Журнал путешествий через Дагестан в 1718 г.» опубликован в сб. «История, география...», стр. 6—59.

²⁹ В. И. Лебедев. Указ. соч., стр. 535.

³⁰ ЦГАДА, ф. Персидские дела, 1719 г., д. 5, лл. 2—3.

³¹ ЦГАДА, ф. Кабинет Петра I, I отд., кн. 30, л. 127; С. М. Соловьев. Петр I на Каспийском море. — «Вестник Европы», 1868, т. II, стр. 169.

³² «Русский вестник», т. 68, 1867, стр. 557—565.

³³ Е. Л. Штейнберг. Первые исследователи Каспия (XVIII—XIX вв.). М., 1949, стр. 7—22.

ство России. В 1717 г. шамхал Адиль-Гирей обратился к России с просьбой: «Понеже упование и надежда наша есть к вашей высокой Порте, что многия люди через ваши щедроты нужды свои управляли и в радостях бывали, того ради и я, прибегая к вашему милосердию, нижайше всепокорно прошу, прежде сего отцы и прародители наши служили вам в верности и во всяких службах ваших вседушно радели, будучи в службе при Порте вашей, а ныне и я, покорный раб ваш, всегда с придер­жанием во услугах ваших пребывати и с союзными и друзьями вашими в дружбе и в союзе быть, а с неприятельми вашими противитися от сердца желаю..., я от него, шаха, от­ложился и к вам, российскому государю, поддался и службу принял» точно так же, продолжает он, «и ныне все в краях наших пребывающие кумыки, и кайтаки, и казикумуки, и их сильные князи, и начальники, и старшины здесь суть согласи­вшись вашу службу приняв поддались, и тако кизилбаши нам никакого злодейства учинить не могут»³⁴. С аналогичной просьбой в 1719 г. обратился посол шамхала, прибывший ко двору Петра I с семьею и узденями, Магомедбек Алибкачев.

1. «Он, Адиль-Гирей,— говорил посол,— подлинно и верно поддался под сильную руку его царского величества и желает везде и во всяких случаях его царскому величеству служить верно безизменно и непоколебимо и для лутчаго уверения хо­щет послать сына своего Касболата в Терки за аманата...

2. Ежели б его царское величество поволит, где ни есть в кумыцких землях или при море в Сулаке, или в Уче постро­ить фортецию или какой тержимент, то б он, Адиль-Гирей, был компетентен.

3. Как изволение от его царского величества будет ему, Адиль-Гирею, на персияны воевать сухим путем или морем, то он, Адиль-Гирей, может их вскоре покорить и привести под сильную державу его царского величества;

4. Також де велел Адиль-Гирей донести его царскому величеству, что есть у них метал свинцовой, чего б ради его цар­ское величество повелел прислать ис Терки или из Астраха­ни искусного человека, который бы мог выразуметь, будет ли ис того какой интерес или нет, чтобы могли мы знать»³⁵.

Вслед за шамхалом к России обращались Султан-Махмуд аксаевский, уцмий кайтагский и другие владетели Дагестана. «Объявляя вашему высокоблагородию, — писал уцмий Ахмет­хан астраханскому губернатору А. П. Волинскому, — который у нас между собой был разговор и в том я вашему высокобла­городию верил, послал я в Терской гарнизон в аманаты брата своего Асан-бека, сына ево Темир-хан-бека з дятькою своим

⁴ АВПР, Кумыцкие дела, 1717 г., д. б/н., лл. 17—18; «Русско-дагестанские отношения...», стр. 225—226.

³⁵ «Русско-дагестанские отношения...», стр. 227—228.

Кочеваем: ...по неже я слову вашему высокоблагородия верю и нечаю от вас двум словам быть для дружелюбия, и надобно наши дела между приятели и неприятели без остановки отправлять, какие дела будут, тако же ежели от е. и. в. приказ какой будет и я служить верно буду, токмо прошу пожалуй о верности нашей е. и. в. донести, а от меня до жизни своей к е. и. в. и живых слоев и противности в делах никакой не будет»³⁶.

Однако русское правительство, будучи занято Северной войной, не решалось присоединить к России прикаспийские районы Кавказа.

В 1720 г. в связи с вторжением в Иран афганцев во главе с Мир-Махмудом шах обратился за военной помощью к шамхалу тарковскому, уцмию кайтагскому и другим владельцам Дагестана. Учитывая создавшуюся обстановку, Хаджи-Дауд усилил антииранскую деятельность. Он рассылал в разные общества Дагестана письма с призывом подняться против Сефевидов, собирал отряды, уговаривал феодальных владельцев выступить против Ирана. Сурхай-хану кази-кумухскому, например, он говорил: «Ныне нам время себя людьми поставить и богатиться, нежели мы сей случай из рук упустим, то мы достойны, чтобы весь свет нас дураками признал, ибо сила в наших руках, шах от Мир-Махмута утеснен, и никто мешать не может»³⁷. После встречи с Хаджи-Даудом Сурхай «стал разглашать в народе, что бек их возбудил всех правоверных мусульманов от эретического персидского и кизылбашского подданства освободить и их холопство, под которым доньше жили, с себя сбросить, и чтоб все верные сунны к ним приставали и помогли б всех эретических кизылбашев изкоренить»³⁸.

Руководители движения, как видно, по-прежнему ставили своей целью, говоря словами Хаджи-Дауда, «себя людьми поставить и богатиться», а народным массам демагогически обещали от персидского «подданства освободить, и их холопство, под которым доньше жили, с себя сбросить»³⁹. Как и следовало ожидать, эти призывы попадали на благоприятную почву, подготовленную всем ходом исторического развития взаимоотношений Сефевидов с горцами Дагестана. Именно этим и объясняется то, что широкие народные массы поднялись на борьбу. И. Гербер сообщает: «Все куралинцы, курей, дагестанцы, лезгинцы и прочие из гор пристали» к повстанцам⁴⁰.

³⁶ АВПР, ф. Сношения России с Персией, 1722 г., д. 3, л. 13; Русско-дагестанские отношения..., стр. 242—243.

³⁷ «История, география...», стр. 95.

³⁸ Там же.

³⁹ Там же.

⁴⁰ Там же.

Собрав значительные силы, Хаджи-Дауд и Сурхай-хан выступили против Сефевидов, 21 июля 1721 г. осадили Шемаху, а 7 августа заняли ее. При этом большую роль в падении Шемахи сыграл переход части горожан на сторону повстанцев. «Тамошние жители соединились с бунтовщиками, оных полки в город ввели», свидетельствует современник событий, житель Дербента Муртаза-Кули. «После взятия города,— писал Волынский в донесении Петру I,— стали зажигать и грабить дома знатных. Между тем хана взяли в полон, а знатных порубили, купцы, которые в. в. были оные обнадеживаемы, что их грабить не будут, но потом ввечеру и к ним в гостинный двор напали..., иных побили..., а товары все разграбили, которых было около 500 000 (в том числе у одного М. Евреинова на 170 000 руб. персидскою монетою)»⁴¹.

Вблизи Шемахи повстанцы разбили войска гянджинского и эриванского ханов, спешивших на помощь шемахинскому хану. А вслед затем повстанцы выступили против хана Гянджи, осадили Баку, Ардебил, Дербент и другие центры. Многие ставленники шаха, в том числе и правитель Дербента, бежали в Иран. «Хаджи-Дауд потом сиделище свое взял в Шемахе и оный город, как и всю провинцию, с Зурхаем разделил»⁴². Таким образом, за короткое время в борьбе с Сефевидами повстанцы добились серьезных успехов.

Оценивая достигнутые Хаджи-Даудом и Сурхаем успехи, Волынский писал Петру I: «Сколько им войну свою ни продолжать, а где-нибудь, конечно, надобно сыскать безопасный и основательный фундамент, понеже... теперь они з дву сторон имеют себе смертной страх, паче же от в. в., сего ради и паче всего опасаются, и чаю, что они, конечно, будут искать протекции турецкой»⁴³. Видимо этим прежде всего и следует объяснить обращение руководителей движения к России и Турции с просьбой принять их под свое покровительство.

В обращении к астраханскому воеводе И. В. Кикину Хаджи-Дауд писал: «Прежсего нам от кизылбаш многие обиды были и покою нам от них, кизылбаш, не было и оттого мочи нашей не стало для того, что они сделали обиду через силу, и за то стали мы с ними, кизылбаш, в неприязельстве... и Дербень, и Шемаху, и Баку осадили, и при тех городех деревни разорили, и в которых числах будем брать и города, будет милось божия над ними, будет и это дело ведает весь народ, а я ныне для дружелюбия пресветлейшему и держав-

⁴¹ ЦГАДА, ф. Кабинет Петра I, 2 отд., кн. 54, лл. 645—646; С. М. Соловьев. История России с древнейших времен, кн. IV, т. XVI—XX. СПб., 1901, стр. 671.

⁴² «История, география...», стр. 95.

⁴³ ЦГАДА, ф. Кабинет Петра I, 2 отд., кн. 54, л. 667; В. П. Лысков. Персидский поход Петра I. М., 1951, стр. 107.

нейшему великому государю под руку иттить также, и юрты свои отдать и ему, государю, верно служить готов, и как придет ваше войско и что понадобится строить город или иное, что я и буду со всеми своими людьми великому государю служить верностью; а ныне присланному от вас в одном судне чепарном мы сказали и по своей вере единым богом, и по курану, и по шерти, и по муртузалеевой голове, чтоб приезжали торговые люди, а мы и волосом их не тронем, и столько моей мочи будет, сделаю добродетель, а я нынче чаю, что у нас будет все под моей рукою, и чтоб они, торговые люди, ни в чем не опасались, а я преж сего к вашей милости писал письмо, чтоб донести великому государю, а отповеди нет и иное письмо вашей милости объявили ль или нет, не ведаю»⁴⁴.

В другом письме на имя того же И. В. Кикина Хаджи-Дауд писал: «Ныне я хочу с вашею милостию дружелюбие иметь и соседство и доноси мои слова великому государю, чтоб по своему государеву указу велел своим торговым людям свинцу и железа прочнее, что нам надобно, провозить, а мы сторонним людям продавать не будем и всем закажем, а от нас буде понадобится шолк и иное что, то кроме государевых людей продавать не будем и будем заказывать, а ныне у нас шолк поспеет в скорых числах»⁴⁵. С подобными письмами Хаджи-Дауд обращался к России и в последующее время.

Губернатор отправил посланца к Хаджи-Дауду с тем, чтобы выяснить подлинные цели предводителей движения. В связи с этим Волынский в письме к Петру I писал: «Кажется мне, Дауд-бек ни к чему не потребен; посылал я к нему отсюда поручика (как я перед сим в. в. доносил), через которого отвечает ко мне, что, конечно, желает служить в. в., однако ж, чтобы вы изволили прислать к нему свои войска и довольное число пушек, а он, конечно, отберет города от персиан, и которые ему удобны, те себе оставит (а именно Дербент и Шемаху.— В. Г.), а протчие уступит в. в., кои по той стороне Куры реки до самой Гиспогани, чего в руках никогда не будет, и тако хочет, чтоб ваших был труд, а его польза»⁴⁶.

Осенью того же 1721 г. астраханскому губернатору через кабардинских князей стало известно, что «Дауд-бек и Сурхай ребелизанты персидские (повстанцы.— В. Г) послали к турецкому султану через крымского хана, чтобы он их принял под свою протекцию и прислал бы свои войска для охранения Шемахи»⁴⁷. Приведенное обращение по своему содержанию мало

⁴⁴ «Русско-дагестанские отношения...», стр. 240—241.

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ ЦГАДА, ф. Кабинет Петра I, 2 отд., кн. 54, л. 641; см. также С. М. Соловьев. История России с древнейших времен, кн. IV, т. XVI—XX, стр. 669.

⁴⁷ ЦГАДА, ф. Кабинет Петра I, 2 отд., кн. 54, л. 667; «Очерки истории СССР. XVIII в., первая четверть». М., 1954, стр. 605:

чем отличается от посланий к России. В обоих случаях руководители движения просят установить протекторат и оказать им военную помощь. Однако, говоря об обращениях предводителей движения, нельзя упускать из виду протурецкую ориентацию Хаджи-Дауда и Сурхая. Их «протурецкая ориентация... была обусловлена классовыми и национально-религиозными интересами феодалов-суннитов»⁴⁸. Каждый из них старался стать не только ханом Ширвана, но и сохранить старые формы феодальной эксплуатации и сделать на Восточном Кавказе суннизм господствующим вероисповеданием. В связи с этим Турция, представлявшая собой в социально-экономическом отношении отсталую феодальную деспотию, а в религиозном — страну, где господствующим вероисповеданием был суннитский толк ислама, несомненно, больше импонировала руководителям движения, чем Россия⁴⁹.

Турция намерена была принять «в свою протекцию... Даудбека и Сурхая»⁵⁰. На предложения Ирана заключить оборонительный союз Турция ответила отказом, мотивируя тем, что Хаджи-Дауд и Сурхай единоверцы-сунниты и поэтому она не может выступать против них⁵¹. Мало того, Порты, пользуясь «замешательствами в Персии, готова была к себе присовокупить» владения на Кавказе⁵². Хорошо осведомленный в делах Кавказа Вольтер, опасаясь турецкого вмешательства, советовал Петру I начать военные действия и присоединить к России прикаспийские провинции Кавказа. А для этого он предлагал использовать шемахинский инцидент⁵³. Учитывая все это, дальновидный Петр I заявил: «Нам крайняя нужда будет береги по Каспийскому морю овладеть, понеже... турок тут допустить нам невозможно»⁵⁴. Однако не все окружавшие Петра I лица думали так же: «Во мнениях совета насчет экспедиции, — писал французский резидент Кампредон, — явилось сильное разногласие. Однако царь крепко настаивает на ней. Ему хочется предупредить турок..., которые подали повод к этой войне»⁵⁵. Петр I принял решение открыть военные действия. На Волге начато было строительство судов для перевозки войск по Каспию. В Астрахани сосредоточивались войска, предназначенные к походу, подвозились боеприпасы. Готовясь к походу, Петр I принял в подданство России владельцев Северного Кавказа и Дагестана. В марте 1720 г. была отправлена

⁴⁸ В. П. Лысов. Указ. соч., стр. 106.

⁴⁹ «Очерки истории СССР. XVIII в., первая четверть», стр. 605.

⁵⁰ АВПР, ф. Сношения России с Турцией, 1720 г., д. 6, ч. 1, л. 30.

⁵¹ Там же, 1722 г., д. 4, л. 41.

⁵² Там же.

⁵³ ЦГАДА, ф. Кабинет Петра I, 2 отд., кн. 54, лл. 645—646; В. П. Лысов. Указ. соч., стр. 114.

⁵⁴ «Очерки истории СССР. XVIII в., первая четверть», стр. 606.

⁵⁵ Сб. РИО, т. 49. СПб., 1885, стр. 93.

шамхалу Адиль-Гирею грамота о принятии его в подданство России. Тогда же были приняты шерти от владетелей засулакской Кумыкии, уцмий кайтагского и других⁵⁶.

Одновременно, учитывая, что Турция могла начать военные действия на Кавказе, резиденту в Константинополе Неплюеву было предписано «на их турецкие поступки... прилежно смотреть и о подлинном их намерении всякими образы проведать и нам о том... доносить»⁵⁷. Ему разрешалось сообщать «от себя» о событиях в Шемахе «приключенных подданным» России «во области шаха». «Буде же станут у тебя спрашивать,—говорилось в рескрипте, направленном Неплюеву в ноябре 1721 г.,—не будет ли за то от нас какое отмщение, и тебе сказывать, что не известен»⁵⁸. Неплюеву предписывалось также стараться, чтобы Турция не приняла Хаджи-Дауда и Сурхая в свое подданство. Однако Турция, хотя и дала в апреле 1722 г. обещание не делать этого, все же оказывала им покровительство⁵⁹. К маю 1722 г. была завершена подготовка похода. Уезжая в Астрахань, Петр I известил турецкого посланника Мустафу-агу о выступлении русских войск. Причем было объявлено, что поход предпринимается не для ссоры с султаном и «не для войны с шахом», а только лишь для «отмщения той обиды» захватившим Шемаху «лезгинским бунтовщикам» и для «получения достойной сатисфакции»⁶⁰. Вскоре после прибытия в Астрахань Петр I возглавил морской и сухопутный поход в прикаспийские провинции Кавказа. Перед выступлением, 15 июля 1722 г., был обнародован манифест на «татарском, турецком и персидском» языках. Для распространения его в Дагестане и Азербайджане были отправлены дворянин А. Лопухин совместно с 30 всадниками⁶¹. Наряду с заверением населения о безопасности в нем объявлялось, что поход предпринимается для наказания «возмутителей и бунтовщиков», поднявшихся против шаха и ограбивших в Шемахе русских купцов⁶². Но не это было основной причиной похода. Шемахинские события использовались Петром I лишь в качестве повода для начала военных действий. В действительности же целью похода было присоединение к России важных для нее в экономическом и политическом отношении прикаспийских провинций Кавказа.

⁵⁶ «Кабардино-русские отношения в XVI—XVIII вв», т. II, стр. 20, 30—31; «Русско-дагестанские отношения...», стр. 230—243; «Русский вестник», т. 68, 1867, стр. 565; П. Г. Бутков. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 г., ч. I. СПб., 1869, стр. 15—48.

⁵⁷ АВПР, ф. Сношения России с Турцией, 1722 г., д. 4, л. 41.

⁵⁸ Там же, 1721 г., д. 7, лл. 145—146.

⁵⁹ Там же, 1722 г., д. 4, л. 33.

⁶⁰ Там же,

⁶¹ Г. Алкадар. Указ. соч., стр. 66.

⁶² Полный текст манифеста Петра I см. в сб. «Русско-дагестанские отношения...», стр. 244—246.

Как и следовало ожидать, весть о начале персидского похода вызвала сильную тревогу в правящих кругах Оттоманской Порты. Константинопольский двор неистовствовал из-за своей оплошности, из-за потери времени, а беспрепятственное продвижение русских войск разъярило его еще больше. «Здесь (в Турции.— В. Г.),— доносил Неплюев 21 октября,— следует великое приготовление к войне. Посылают беспрепятственно и аммуницию, и артиллерию в Азов и Арзрум. И во всю Азию указы посланы, чтобы войско собиралось»⁶³. В другом рапорте И. Неплюев писал, что турецкие войска стягиваются к Эрзеруму, и эрзерумскому паше приказано «маршировать с тем войском в Дагестанскую землю»⁶⁴.

В связи с подготовкой к войне Турция решила также принять под протекторат предводителей антииранского движения. «Порта,— сообщал Неплюев,— принимает в свое подданство Дауд-хана и хочет сначала овладеть персидскою Грузией, а потом вытеснить русские войска из Дагестана»⁶⁵.

Современник событий, участник персидского похода Петра I И. Гербер, говоря о вступлении в подданство Турции предводителей повстанцев, отмечал: «Как в 1722 году российская армия к Ширване приближалась, то Дауд-бек и Зурхай, боясь, что им русским противиться невозможно будет, то поддались турецкому владению, которые от турков с лезгинцами и с другими бунтовщиками в протекцию приняты. Хаджи-Дауд был подтвержден ханом ширванским, и ему Шамаха была назначена для пребывания; также придали ему в Шамахе несколько турецкого войска для охранения»⁶⁶.

С. М. Соловьев отмечал, что «лезгинцы, овладевшие Шемахою, из боязни перед русскими должны были отдаться под покровительство султана»⁶⁷. Для принятия подданства в Константинополь ездил Хаджи-Дауд, но «он больше о себе одном старался, а Зурхая оставил, что и турки ево Хаджи-Дауда, ханом шамахинским подтверждали и укрепили, а Зурхая мало почли, чего ради Зурхай на Хаджи-Дауда великое сердце возымел, ево ханом не признал, но и не почел и туркам поддаться не хотел и объявил им, что понеже оные Дауд-бека, который родом мужик простой, великим человеком сделали, а его как родного князя и владельца оставили и так обидели, он Порту поддаться не мог»⁶⁸.

Хаджи-Дауд был принят в подданство Турции, утвержден ханом Ширвана. «Сурхай хотя также принят был от турков

⁶³ АВПР, ф. Сношения России с Турцией, 1722 г., д. 6, ч. 1, л. 139.

⁶⁴ «Очерки истории СССР. XVIII в., первая четверть», стр. 606.

⁶⁵ АВПР, ф. Сношения России с Турцией, 1722 г., д. 6, ч. 1, л. 408.

⁶⁶ «История, география...», стр. 95.

⁶⁷ С. М. Соловьев. Указ. соч., кн. IV, т. XVI—XX, стр. 689.

⁶⁸ «История, география...», стр. 103.

в защищение, однако, только для него и было, и больше о нем не помышляли»⁶⁹. Утверждение Хаджи-Дауда ханом Ширвана сильно задело Сурхай-хана и «возбудило в нем ненависть» к своему сотруднику. Он туркам объявил, что «их защиты более не требует, и не примет ее...»⁷⁰. Аналогичные сведения мы находим и в местных источниках⁷¹.

Таким образом, в описываемое время в подданство Турции был принят один Хаджи-Дауд с признанием его власти над всем Дагестаном и Ширваном. Официально об этом было объявлено русскому послу Неплюеву на аудиенции 10 февраля 1722 г.⁷² Предпочтение, оказанное турками Хаджи-Дауду, явилось причиной возникновения на определенное время неприязненных отношений между Сурхай-ханом и Портой.

27 июля 1722 г. Петр I высадился в Аграханском заливе. Только эндириевский владетель, причинивший в минувшем 1721 г. «только вреда окольным города Терки, а теперь ожидая российского мщения»⁷³ оказал сопротивление русской кавалерии, шедшей «сухим путем». Владетели же костековские, аксаевские и шамхал тарковский выразили покорность и изъявили свою верность России. Кроме того, шамхал тарковский передал Петру I 600 быков, запряженных в телеги, и 150 — на пополнение провианта и 3 персидских лошади; 6 лошадей и 100 быков на содержание войск подарил аксаевский владетель⁷⁴. «И так как на путях перехода от Сулака в Дагестан,— пишет Алкадари,— на каждой стоянке по приказанию шамхала принимались меры в отношении воды, фуража и прочего снабжения, то без задержки и затруднения для войска» 12 августа Петр I «достиг стоянки на приготовленном шамхалом месте, недалеко от Тарков»⁷⁵.

Петр I посетил Тарки, где вел переговоры с шамхалом. При этом последний предложил к услугам Петра «все свое войско», но тот отказался и взял лишь несколько отборных наездников, а со своей стороны отправил к шамхалу 12 солдат, которые «в виде почетного караула оставались в Тарках до самой кончины императора»⁷⁶. Вскоре стало известно, что дербентцы получили отправленный к ним манифест. И что они «со всяким удовольствием к пришествию е. в. все образовались и просят, чтоб их о пришествии уведомились, дабы в чем потребно служить могли, а которые дербентские жители в чем явятся е. в. противны,

⁶⁹ П. Г. Бутков. Указ. соч., ч. I, стр. 10.

⁷⁰ Неверовский. Указ. соч., стр. 19.

⁷¹ Г. Алкадари. Указ. соч., стр. 65.

⁷² АВПР, ф. Сношения России с Турцией, 1722 г., д. 5, ч. 1, л. 100.

⁷³ П. Г. Бутков. Указ. соч., ч. I, стр. 21.

⁷⁴ Там же, стр. 23.

⁷⁵ Г. Алкадари. Указ. соч., стр. 67.

⁷⁶ В. Потто. Указ. соч., т. I, вып. 1, стр. 27; «Русско-дагестанские отношения...», стр. 246—248; П. Г. Бутков. Указ. соч., ч. I, стр. 35.

тех они признают за изменников»⁷⁷. 15 августа русские войска двинулись к Дербенту. Султан утамышский попытался оказать им сопротивление, но был разбит⁷⁸. 23 августа войско, предводительствуемое Петром I, без боя вступило в Дербент. «Наиб сего города, — писал Петр I в сенат, — встретил нас и ключ поднес от ворот. Правда, что сие люди нелицемерно любовию приняли и так нам рады, как бы своих из осады выручили»⁷⁹. Вслед за этим в Дербент к Петру I стали обращаться феодальные владетели Дагестана и Азербайджана с изъявлением покорности и с просьбами принять их в подданство России. Так, уцмий Ахмед-хан и Султан-Махмуд «со всеми старшинами отдались в подданство России» и по обычаю того времени «представили аманатов». Уцмию было назначено жалованье в 2 тыс. руб. и он обязался выставить отряд по требованию русского начальства. Тогда же владетель Бойнака и «кадий табасаранский Рустем-бек и мойсум Махмуд-бек... подчинились дербентскому коменданту»⁸⁰.

В сентябре 1722 г. «за верные свои услуги грамотой Петра I был признан Адиль-Гирей шамхалом и было объявлено, что передано ему полную силу и власть владеть всеми землями и местами, и жилищами владения Солтан-Магмута утемышского»⁸¹. Кроме того, шамхалу было установлено жалованье и выданы подарки, среди которых была «и одна зрительная труба»⁸².

Даже зарубежные историки, как правило, освещающие тенденциозно взаимоотношения Дагестана с Россией, вынуждены признать, что многие владения Дагестана добровольно вступили в подданство России. Небезызвестный историограф иранского двора, современник событий Мирза Мехти-хан писал: «народы тамошние, опасаясь владычества турок, как непримиримых врагов, без разрешения шаха явились к нему (Петру I.— В. Г.) с покорностью»⁸³. По предварительному плану Петр I был намерен продолжить поход и выступить на юг. Однако из-за внезапно возникших затруднений в продовольствии и снаряжении в связи с крушением у Аграханского залива двух эскадр, а также ростом заболеваний среди солдат и падежом лошадей Петр I решил отказаться от намеченного похода. При этом он, видимо, учитывал и то, что при существующем положении вещей не было надобности в многочисленной и громоздкой армии. Оставив

⁷⁷ ЦГАДА, ф. Кабинет Петра I, 1 отд., кн. 30, л. 141.

⁷⁸ «Походный журнал, 1722 г.». СПб., 1855, стр. 117—119; «История, география...», стр. 133.

⁷⁹ С. М. Соловьев. Указ. соч., кн. IV, т. XVI—XX, стр. 677; «Покоренный Кавказ». Владикавказ, 1901, стр. 83.

⁸⁰ ЦГА ДАССР, ф. 150, оп. 1, д. 18, л. 8.

⁸¹ АВПР, ф. Сношения России с Персией, 1722 г., д. 17, л. 133.

⁸² Там же, лл. 123—126; «Русско-дагестанские отношения...», стр. 267.

⁸³ М. М. И х и л о в. Значение персидского похода Петра I для Дагестана. Материалы сессии. Махачкала, 1954, стр. 9.

гарнизон в Дербенте, Рубасе, Бойнаке, Тарки, Петр I с основными силами вернулся в Аграхань. Он обследовал берега Сулака и нашел, что «сие место зело довольно конским кормом, водою и лесом»⁸⁴. И в том месте, где река Койсу делится на два рукава: Сулак и Аграхань, была заложена крепость Святой крест. Причем, отмечает П. Г. Бутков, Петр I «сам приискал под оную крепость место, сам снял с онаго план, сам сделал чертеж сей крепости и сам оную размерил»⁸⁵. После этого Петр I отбыл в Астрахань.

Султанская Турция, которая еще задолго до приближения русских войск вела подрывную антирусскую деятельность, во время персидского похода еще более ее усилила. В Дербенте «был открыт заговор под внушением Оттоманской Порты, рассылавшей эмиссаров ко всем народам дагестанским восстановить их против России, обещая подать помощь»⁸⁶. Известно также, что за отказ выступить против русских по указке Турции Хаджи-Дауд предпринял нападения на Табасаран. Рустам-кади доносил Петру I: «Он причинил мне и моему народу бедствие, разорил мою столицу Хучни»⁸⁷. В сентябре 1722 г. крымский хан прислал шамхалу письмо с призывом подняться «мохаметанской ради веры» против русских и «весьма жестоко биться»⁸⁸.

После же ухода основных сил России с Кавказа султанская Турция в январе 1723 г. приказала Хаджи-Дауду, «чтобы он всеми мерами старался выгнать российский гарнизон из Дербента и из прочих таможенных краев»⁸⁹. Весной на Кавказ вторглись турецкие войска и постепенно стали продвигаться к пределам Дагестана. «Так как водворение русских в тех краях,— признает историограф и министр турецкого двора Дживедт-паша,— противно было интересам высококаго правительства», то весной 1723 г. оно поспешило «завладеть столицей Гюрджистана — Тифлисом, посадило от себя правителя в Шемаху»⁹⁰.

В сентябре 1723 г. по предложению шахской Персии, напуганной вторжением турецких войск на Кавказ, между Россией и Ираном был подписан договор. По условиям Петербургского договора шах признавал за Россией прикаспийские области Кавказа. Это привело к резкому обострению русско-турецких отношений. Враждебное отношение реакционных кругов Порты

⁸⁴ «Походный журнал, 1722 г.». СПб., 1913, стр. 64.

⁸⁵ П. Г. Бутков. Указ. соч., ч. I, стр. 33.

⁸⁶ ЦГА ДАССР, ф. 150, оп. 1, д. 18, л. 1.

⁸⁷ АВПР, ф. Сношения России с Персией, 1727 г., д. 23, л. 2.

⁸⁸ «Русско-дагестанские отношения...», стр. 261.

⁸⁹ АВПР, ф. Сношения России с Турцией, 1722 г., д. 4, л. 11.

⁹⁰ Дживедт-Паша. Описание событий в Грузии и Черкесии по отношению к Оттоманской империи от 1192 до 1202 гг. хиджры.— «Русский архив», 1888, т. 1, стр. 372.

к России по-прежнему подогревалось западноевропейскими державами⁹¹.

Англия старалась вызвать русско-турецкую войну с тем, чтобы, воспользовавшись ослаблением России и Турции, укрепить свои позиции на Востоке⁹². Английский посол в Константинополе, доносил Неплюев еще в 1722 г., с целью разжигания вражды между обоими государствами во время беседы откровенно говорил визирю султана, что Россия усиленно готовится к войне против Турции⁹³.

Такую же политику вели в Константинополе дипломаты почти всех европейских государств. Они, доносил Неплюев, «кроме голландского, внушают Порте таковым образом, российский де монарх есть мудр и вас обманывает миром, ныне де он только от Персии некоторые провинции желает себе во владения взять, ежели де вы в том ему не воспретите оружием, то де он, взяв те провинции не вдалече от тех стран, вас атакует»⁹⁴.

В 1723 г., когда между Россией и Турцией шли переговоры, западноевропейские государства чинили им всяческие препятствия. Дипломаты Англии заверяли султана и его приближенных, что присоединение прикаспийских провинций к России и присутствие там русских войск для Порты представляет величайшую угрозу; внушали, что с Россией бороться легко, т. к. с русским царем многие европейские державы во вражде, а короли английский и датский готовы напасть на Россию немедленно и обещали султану в случае войны с Россией «щедрую помощь»⁹⁵. Даже Франция, игравшая роль «посредника» в урегулировании кавказского вопроса между Россией и Турцией, фактически подогревала агрессивные намерения Порты⁹⁶.

Войну, казавшуюся неизбежной, все же удалось отвести благодаря заключенному в Константинополе в июле 1724 г. договору Турции с Россией о разделении кавказской территории на сферы влияния⁹⁷. По этому договору за Россией закреплялись прикаспийские провинции Дагестана и Азербайджана. Остальная же территория Дагестана, Азербайджана, а также Грузия и Армения отошли к Турции. Ханом Ширвана оставался Хаджи-Дауд.

⁹¹ АВПР, ф. Сношения России с Турцией, 1722 г., д. 6, ч. 1, лл. 23, 157, 243; Сб. РИО, т. 49, 1885, стр. 78.

⁹² С. М. Соловьев. Указ. соч., кн. IV, т. XVI—XX, стр. 691, 695, 697, 700.

⁹³ АВПР, ф. Сношения России с Турцией, 1722 г., д. 7, лл. 89—90.

⁹⁴ Там же, д. 6, ч. 1, л. 234.

⁹⁵ Сб. РИО, т. 49, 1885, стр. 295—297.

⁹⁶ Там же, стр. 18, 19, 79, 195—297. «Записки гр. Боссевича». — «Русский архив», 1865, т. 3, стр. 226.

⁹⁷ Полный текст Константинопольского договора см. ПСЗ, т. VII, № 4531, стр. 303—309.

Народы Дагестана, Азербайджана, Грузии и Армении, подпавшие под власть Порты, оказались в очень тяжелом положении. Как писал современник событий кн. Долгорукий, они были «так ожесточены, вконец разорены, и такое ругательство и тиранство турки делают, как больше того быть нельзя. И так... все народы, как христиане, так и басурманы, все против них готовы, только просят, чтобы им была надежда на нас»⁹⁸. Беззаконие и гнет иноземных захватчиков вызывали законное возмущение трудящихся масс Закавказья и Дагестана. Они не раз с оружием в руках выступали в защиту своих прав. В описываемое время имел место целый ряд крестьянских волнений и выступлений в Ширване⁹⁹. Что же касается Сурхай-хана казикамухского, то он не признал условий Константинопольского договора 1724 г. и сохранил самостоятельность. «Зурхай,— писал член комиссии по установлению русско-турецкой границы в Прикаспийской области И. Гербер,— свой уезд разделить отнюдь не дает, и турки ево к тому принуждать не хотят и не смеют и объявили России, что она вольна у Зурхая землю силою взять. Только понеже то учинить и взять трудно и еще то труднее содержать, того ради она не окончена, поставлена в претензии, понеже Зурхай через свое богатство и частые подарки дагестанцам, куралинцам и прочих воровских народов к себе привлекал и от того силен в почтении»¹⁰⁰.

Сурхай-хан, по словам известного знатока истории Кавказа П. Г. Буткова, «быв врагом Дауд-беку и недоброжелателем туркам, которые предпочли ему, природному князю, мужика Дауда и которым он досаждал через лезгин»¹⁰¹. Зимой 1725 г. Сурхай с шеститысячным отрядом «ходил в Мушкур для разорения деревни Дедели, только он не взял деревню, в которой находился Хаджи-Дауда брат, и оную стеною укрепил»¹⁰². «Сурхай-хан,— писал в другом месте П. Г. Бутков,— возымев смертельную ненависть к Дауд-беку, хану шамахийскому, действовал против него и против Шамахи неприятельски и всячески досаждал туркам через лезгин и наипаче в Грузии через джарцев. Турки, владея Грузиею, хотели было закрыть крепостцою знатнейший проход лезгинцев..., называемый Топкараган, и джаров привести в послушание; но джары по побуждению Сурхая собрались тайно, напали... на турков, и побили из них более 500 человек. Остальных рассеяли и начатую крепость до основания разорили»¹⁰³.

После утверждения Хаджи-Дауда ханом Ширвана Сурхай-хан вернулся в Казикамухское ханство, «откуда действовал

⁹⁸ С. М. Соловьев. Указ. соч., кн. IV, т. XVI—XX, стр. 955.

⁹⁹ «История Азербайджана», т. I. Баку, 1958, стр. 311—312.

¹⁰⁰ «История, география...», стр. 102—103

¹⁰¹ П. Г. Бутков. Указ. соч., ч. I, стр. 53.

¹⁰² «История, география...», стр. 103.

¹⁰³ П. Г. Бутков. Указ. соч., ч. I, стр. 88.

против Дауда и турок неприязненно, возбуждая против них джарцев и других лезгин»¹⁰⁴. Все вышесказанное не оставляет сомнения в том, что Сурхай-хан не только не был принят в подданство Турции, но и находился во враждебных отношениях с Портой и ее вассалом Хаджи-Даудом, не раз организовывал выступления горцев и руководил ими против нее. Учитывая, что Сурхая не удается подчинить силой, Турция решила «склонить его на свою сторону ласкою»¹⁰⁵. С этой целью Турция отправляла к Сурхаю посланников с щедрыми подарками и многообещающими письмами. «Кобала ему отдана была и он, Зурхай, в оном укрепился, так же и Агдаш противно повелениям турецким во власть взял и к тому требовал, чтоб ему Шамахою владеть добром повелено было бы»¹⁰⁶. В то же время Сурхай-хан привлек и внимание русских. «Трудились как русские, так и турки, чтобы ево каждый в свою сторону привести»¹⁰⁷, — свидетельствует И. Гербер. «Российский двор, — отмечал П. Г. Бутков, — делал опыт преклонить на свою сторону Сурхая; о сем, по данному от двора образцу, писал к Сурхаю дербентский комендант полковник Юнгер в июле или августе 1723 года. Нет сомнения, что сие касалось до склонения Сурхая на нашу сторону»¹⁰⁸. Но Сурхай, умело пользуясь сложившимися обстоятельствами, выжидал, какая из сторон предложит ему более выгодные условия. В то же время он не переставал действовать против Хаджи-Дауда, положение которого к тому времени сильно пошатнулось. Трудящиеся массы Ширвана, доведенные до крайности тяжелыми поборами, не прекращали волнений, отказывались вносить налоги. А турки требовали от Хаджи-Дауда «подарки». «По истощении всех средств, предвидя дурной конец, он (Хаджи-Дауд. — В. Г.) и обращался к русскому правительству с просьбою о принятии его в подданство со всеми владениями»¹⁰⁹. Однако Россия отклонила предложение Хаджи-Дауда, так как не хотела нарушать условий Константинопольского договора и не желала обострять отношения с Портой.

Такое положение сохранилось до 1727 г., когда турки предложили Сурхай-хану чин двухбунчужного паши и жалованье 3 тыс. руб. Сурхай склонился на сторону Турции и дал присягу на верность. В 1728 г. Турция арестовала и сослала Хаджи-Дауда на остров Кипр, где он и умер. Ханом Шемахи был утвержден Сурхай-хан. Так как последний требовал «чтобы ему Шамахою владеть добром повелено было бы, — отмечает И. Гербер, — то турки ево всего раздражить не хотели, но и не смели,

¹⁰⁴ Неверовский. Указ. соч., стр. 19—20.

¹⁰⁵ Там же, стр. 20.

¹⁰⁶ «История, география...», стр. 103.

¹⁰⁷ Там же.

¹⁰⁸ П. Г. Бутков. Указ. соч., ч. I, стр. 53.

¹⁰⁹ Неверовский. Указ. соч., стр. 21.

смотря что он силен и мочен, также им больше через ево, нежели через Хаджи-Дауда, приключиться могло, то взяли оные Хаджи-Дауда под стражу и увезли его из Шамахи, а Зурхая сделали ханом шамахинским, и так Зурхай реванжу полную над Хаджи-Даудом получил»¹¹⁰. Сурхай-хан добился того, к чему стремился многие годы: он объединил под своей властью огромную по масштабам Дагестана территорию. Утверждение ханом Шемахи Сурхай-хана ничего не изменило в жизни трудящихся масс. Как и его предшественник, Сурхай-хан подвигал трудящихся жестокому гнету и был не менее активным проводником антинародной политики Турции на Кавказе.

Султанская Турция и ее ставленники в Ширване пытались всеми возможными средствами подчинить своей власти народы Восточного Кавказа. В то же время Россия, стремясь упрочить свои позиции в присоединенном крае, заложила ряд крепостей и ретраншементов. К 1724 г. было завершено строительство крепости Святой крест, куда были переведены гарнизон и жители города Терки. По указу Петра I «от крепости Святой крест по Сулаку до морского устья... да от крепости ж Святого креста по Аграхани» было поселено 1000 семейств донских казаков¹¹¹. У крепости Святой крест поселились после разорения городка Терки выходцы из народов Северо-Восточного Кавказа, которые образовали здесь «татарскую слободку». Сюда же откочевали и ногайцы. В Святой крест переселилось много армян. На собственный кошт построили дома и лавки также и несколько персидских купцов. Постройка крепости всего в 40 км от Тарков обеспокоила шамхала, что было использовано турками. Сооружение крепости Святой крест, свидетельствует И. Гербер, шамхалу «сумнительно стало, и для других всяких дел, которые он себе в обиду почел, а больше для шамахинского хана... и турков, которые его подговаривали, чтоб он российскую партию оставил, их покровительству обнял, и притом обещали ему его не только яко правоверному мусульману против России сильною рукою охранить и оборонять»¹¹². Подстрекаемый турками шамхал Адиль-Гирей стал готовиться к нападению на крепость. «Слышно нам подленно,— писал аксаевский владетель— Султан-Махмут,— что де собрались вси кумыки горские от самих тарков и до Дербени... и учинили де они токуя переговор, чтоб им с войною приехать на новостроенный город на крепость Святого креста. Также де слышно нам, что де едет на нашу сторону с крымской силою Бати-Гирей салтан»¹¹³. В том же 1723 г.

¹¹⁰ «История, география...», стр. 103.

¹¹¹ ПСЗ, т. VII, № 409; «Русско-дагестанские отношения...», стр. 280.

¹¹² «История, география...», стр. 72.

¹¹³ ЦГАДА, ф. Кумыкские дела, д. б/н, л. 19. О намерении крымского хана вторгнуться на Северный Кавказ сообщили и русское командование, и кабардинские князья («Кабардино-русские отношения в XVI—XVIII вв.», т. II, стр. 37—40).

другой кумыкский владетель Чопан писал Кропотову: «Тарковской Адиль-Гирей-Шавхал соединился з Даудбеком, усмеем и Сурхаем..., хотят итти войною на новопостроенные крепости..., а шавхала де Адиль-Гирея сын... посланы в Шемаху для того, чтобы турецкое войско привести сюда, а о турецком войске сказывают, что 200 человек приехали передовые в Шамаху и за остальными послали, чтоб как наискорея шли»¹¹⁴. Не все феодалы Кумыкии поддерживали позиции шамхала. Мало того, даже жена шамхала «не ревностно увещавала его, чтоб он не чинил измены»¹¹⁵. Тем не менее в начале 1725 г. шамхал Адиль Гирей, собрав «войски из собственного своего владения, из... бойнакского от него зависящего, от акушинцев и других лезгин, власть шамхала над собою признающих»¹¹⁶; осадил крепость Святой крест, но был отбит. Вскоре после этого феодальные владетели со своими отрядами разъехались по домам.

Осенью того же 1725 г., чтобы наказать шамхала, был отправлен отряд под командованием Кропотова. Шамхал бежал в горы. Кропотов, не встречая сопротивления, разорил владения шамхала и вернулся в лагерь. Обманутые шамхалом владетели — бойнакский, эрпелинский и другие — «раскаялись и получили прощение». В сентябре того же года, надеясь на то же, в лагерь русских войск явился и шамхал Адиль-Гирей. Здесь он был арестован и сослан в Архангельскую губернию, где и умер¹¹⁷. Тогда же «российской империи поддался и присягу учинил» и сына в заложники дал Султан утемышский, «с сыновьями и всеми старшинами от уездов присягу учинил и аманатов дал уцмий Кайтага, купно с ним» присягал старшина Кубачи. В подданство России вступили акушинцы и владетели Табасарана. Уцмию было определено жалование 2 тыс. руб., а владельцам Табасарана ежегодно посылались подарки¹¹⁸.

Султанская Турция и ее вассалы даже после установления в 1727 г. русско-турецкой границы, не перестали вести антирусскую пропаганду, пытаясь инспирировать выступления горцев против России. Но усилия Порты оказались безуспешными: «Как дагестанские, так и горские владельцы, — доносил кн. Долгорукий, — без противности себя показывают»¹¹⁹.

Выше отмечалось, что одной из основных причин «персидского похода» послужило стремление царизма обеспечить русскую мануфактурную промышленность произведениями прикаспийских областей Кавказа. Еще до начала похода Петр I неод-

¹¹⁴ «Русско-дагестанские отношения...», стр. 281—282.

¹¹⁵ П. Г. Бутков. Указ. соч., ч. I, стр. 80.

¹¹⁶ Там же, стр. 81.

¹¹⁷ Там же, стр. 82—83; «Сборник сведений о кавказских горцах», вып. I. Тифлис, 1868, стр. 59.

¹¹⁸ «История, география...», стр. 74—75, 83, 102; П. Г. Бутков. Указ. соч., ч. I, стр. 83.

¹¹⁹ С. М. Соловьев. Указ. соч., кн. IV, т. XVI—XX, стр. 949.

нократно обращал внимание астраханского губернатора на необходимость изучения природных богатств Восточного Кавказа. В результате были получены сведения о том, что в Дагестане на территории шамхала имеется руда. На Тереке во владениях Султана утамышского и уцмий Кайтага, в Дербенте и Баку — нефть, а также краски, хлопок. Узнав из донесения А. Лопухина о том, что кубачинцы имеют «немалое довольство шерсти», Петр I приказал Волынскому «трудитца, чтобы достать несколько овец ис Кубеши»¹²⁰. Прибыв в Дагестан, Петр I осмотрел в Аксае, Тарки, Бойнаке хлопок, а в уцмийстве нефтяные колодцы¹²¹. Строя планы широкого использования ресурсов Прикаспия, Петр I предписал «привести в известность» природные богатства занятой территории, потребовал присылки из Москвы рудокопного мастера, наметил увеличение добычи нефти. Решив уничтожить зависимость русской промышленности от иностранного сырья, Петр I стремился увеличить производство в Дагестане шелка-сырца, хлопка, шерсти, марены, но особое внимание русское правительство обратило на развитие виноградарства, садоводства и овощеводства. В Дербенте было создано дворцовое хозяйство, именуемое в официальных документах «садами и огородами е. и. в.». В садах росли яблоки, гранаты, груши, сливы, инжир, тутовник, виноград. При этом были выкорчеваны старые виноградники и посажены выращенные в других садах лучшие сорта винограда¹²². Посадкой винограда руководил выписанный из Венгрии специалист Туркул. Только в 1724 г. было посажено 13 тыс. виноградных лоз. В Дербенте наладили изготовление вин. Сюда были присланы иностранные мастера и уже к лету 1723 г. стояло готовым к отправке в Астрахань «учиненное для пробы виноградное вино трех мастеров: француза, венгра и цесарца». Осенью 1723 г. винный погреб Дербента изготовил 2000 ведер вина¹²³. В дворцовых огородах Дербента выращивалась ценная культура шафрана — пряность и красящее вещество; в 1723 г. собрали 420 фунтов шафрана, который был отправлен в Петербург¹²⁴.

Россия, стремясь стать посредницей в торговле между Европой и Востоком, наметила конкретные меры, позволяющие перенести торговлю Кавказа и Персии с турецкого пути на

¹²⁰ «История, география..», стр. 56; «Белевы путешествия через Россию в разные азиатские земли, а именно: в Испаган, в Пекин, в Дербент и Константинополь». Перев. с франц., ч. 1. СПб., 1776, стр. 49, 109; В. П. Лысцов. Указ. соч., стр. 20, 21, 25.

¹²¹ «Походный журнал, 1722 г.», стр. 9, 120; В. П. Лысцов. Указ. соч., стр. 22, 32.

¹²² В. П. Лысцов. Указ. соч., стр. 39—40.

¹²³ Ф. И. Соймонов. Описание Каспийского моря и чиненых на оном Российских завоеваниях.— «Ежемесячные сочинения и известия о ученых делах». СПб., январь 1763, стр. 352; В. П. Лысцов. Указ. соч., стр. 41—42.

¹²⁴ Там же, стр. 40—41.

Астрахань. Петр I, доносил Кампредон в 1722 г., хочет, «чтобы шелка, которые посылались обыкновенно в Европу через Смирну, шли отныне на Астрахань и Петербург»¹²⁵. В связи с этим было решено построить торговый город в устье Куры.

Немалое значение в развитии торговли Россия придавала также Дербенту. Но так как здесь не было благоустроенной пристани, Петр I после осмотра берега приказал «делать» в Дербенте «гавань по чертежу». Работы по благоустройству гавани в Дербенте проводились в 1723—1724 гг.¹²⁶

Жителям Дербента грамотой Петра I было объявлено, что они «от всех их неприятелей в защищении и обороне твердой» будут и «позволяетца им пребывание свое и купечество иметь, и отправлять свободно»¹²⁷. Тогда же на реке Сулак была построена плотина, после чего стало возможным проводить средние суда по Аграхани почти до самой крепости Святой крест. А для «покрытия приставляющих тамо судов» была построена «малая крепость, или ретранжамент»¹²⁸.

Все это позволило установить более регулярное сообщение с Астраханью. Для развития экономики в «новоприобретаемых провинциях» и, в частности, для оживления русско-кавказской торговли Россия пыталась использовать армян. С этой целью русское правительство добивалось, чтобы армяне возобновили торговлю с Россией через Дербент и другие города Кавказа¹²⁹. Тогда же кавказскому командованию было дано разрешение в Дербенте, крепости Святой крест и других местах вновь приобретенного края поселять армян «и содержать... оных в крепком охранении и поступать с ними таким порядком, дабы отнюдь от них никакие жалобы произойти не могли»¹³⁰. Переселившиеся вслед за этим в упомянутые города «мастеровые, работные и торговые люди» из армян способствовали развитию внутренней и внешней торговли Дагестана. Немалое значение в развитии торговли Дагестана с Россией имело разрешение армян и других жителей Астрахани «для купечества и нужд их в Тарки, в Дербень и Гилян отпускать свободно»¹³¹, а также учреждение в 1723 г. в Астрахани компании для торговли с Персией. Не останавливаясь на истории учреждения и подробной

¹²⁵ Сб. РИО, т. 49, 1885, стр. 77.

¹²⁶ «Походный журнал, 1722 г.», стр. 74; В. П. Лысцов. Указ. соч., стр. 89.

¹²⁷ «Русско-дагестанские отношения...», стр. 260.

¹²⁸ «История, география...», стр. 64; П. Г. Бутков. Указ. соч., ч. I, стр. 76.

¹²⁹ Г. А. Эзов. Сношение Петра Великого с армянским народом. СПб., 1898, стр. 352; «Собрание актов, относящихся к обозрению истории армянского народа», ч. I. М., 1833, стр. 160—162.

¹³⁰ Н. Г. Куканова. Русско-иранские торговые отношения.— «Исторические записки», № 57, стр. 253.

¹³¹ АВПр, ф. Сношения России с Персией, 1723 г., д. 6, л. 58.

характеристике деятельности этой компании, укажем, что по имеющимся сведениям она вела торговлю не только с Персией, но и с Дагестаном и Азербайджаном. По далеко не полным данным, имеющимся в делах кабинета Петра I, только весной 1723 г. в Астрахань было привезено из Баку: шелка вареного — 4 тай 12 узлов, парчевых товаров — 5 тай. Из Дербента: шелка-сырца — 1 узел, шелка вареного 6 тай 13 узлов; парчевых и прочих товаров 57 тай 7 узлов¹³². Достаточно прочными были и связи крепости Святой крест с Астраханью. За крепостью Святой крест, — свидетельствует И. Гербер, — «имеется торгование с приездными туды купцами российскими, армянами, горскими чеченцами, татары и прочие»¹³³. Указом сената в 1724 г. было разрешено вывозить из России в Дагестан железо, свинец и порох, а также открыт беспошлинный провоз и свободная продажа вина, табака, «всяких хлебных и мясных припасов и скота в Дербенте, крепости Святой крест и других местах новых провинций»¹³⁴. Для торговли в России местным торговым людям обычно предоставлялись льготы; к их услугам были и русские купеческие суда. Принятые Россией меры, как и следовало ожидать, незамедлительно сказались на росте внутренней торговли Дагестана.

В Тарки, Эндирее, Аксае и других местах стали возникать торговые ряды русских, армянских и других купцов¹³⁵. Следует отметить следующий весьма примечательный факт, характеризующий отношение русского правительства к населению вновь приобретенного края. В 1722 г. наиб Дербента в связи с продовольственными затруднениями обратился к России с просьбой прислать муку, масло, сало¹³⁶. По указанию Петра I из Астрахани отправлено было 5 тыс. четвертей хлеба, а также масло, соль и другие продукты, «что определено дербентским жителям», а также приказано было известить жителей Дербента о том, что «они ныне могут свободно получать хлеб из Гиляна» и для доставки хлеба велено было им «определенные бусы (суда.— В. Г.) дать»¹³⁷. В сентябре 1723 г. наиб Имам-Кули-бек, извещающий о получении муки, посланной для жителей Дербента, доносил: «А ныне присланной 300 кулей запас нам вручен»¹³⁸. В те же годы по просьбе шамхала тарковского Петр I разрешил отпущ

¹³² ЦГАДА, ф. Кабинет Петра I, 2 отд., кн. 94, л. 308; Н. Г. Кукова. Указ, соч., стр. 253.

¹³³ «История, география...», стр. 63.

¹³⁴ ПСЗ, т. VII, стр. 526—527; «Русско-дагестанские отношения...», стр. 295—296.

¹³⁵ М. М. Ихилов. Указ, соч., стр. 17.

¹³⁶ «Русско-дагестанские отношения...», стр. 270.

¹³⁷ «Приказы и письма Петра Великого». — «Отчественные записки», т. 30, 1876, стр. 247; «Русский вестник», т. 68, 1867, стр. 596.

¹³⁸ «Русско-дагестанские отношения...», стр. 287.

из крепости Святой крест «пороха, свинца и кремней», а также повелел дать шамхалу «две бусы» для посылки за товарами в Дербент и другие места¹³⁹.

Какие бы цели при этом ни преследовало русское правительство, все же оказанная населению Прикаспия материальная помощь, так же как и заботы о развитии торговли, объективно имели чрезвычайно важное значение — способствовали развитию производительных сил, укреплению ориентации населения Дагестана на Россию. В этой связи немалый интерес представляют донесения императрице Екатерине I главнокомандующего войсками и управляющего «приобретенными провинциями» кн. В. В. Долгорукого. Объездив сухим путем подвластные России территории, он писал: «во всех провинциях... с великою радостью меня встречали... не токмо, которые в нашу порцию достались, но которых по трактату и не в нашей порции,—... все желают быть в подданстве в. и. в. и просят меня, чтобы я их принимал в протекцию Российской империи... И так весь здешний народ, желает в. и. в. протекции с великою охотою, видя какая от нас справедливость, что излишнего мы с них ничего не требуем и смотрим крепко, чтоб отнюдь ни мало им обиды от нас не было, и крепкими указы во все команды от меня подтверждено под жестоким штрафом»¹⁴⁰. По всей вероятности кн. Долгорукий несколько приукрашивает действительное положение вещей. Вряд ли можно утверждать, что все без исключения жители Восточного Кавказа от Астрахани и до Дербента придерживались русской ориентации и были готовы вступить в подданство России. И все же «основная масса населения,— как справедливо отмечал еще В. Левиатов,— была склонна к этому»¹⁴¹, о чем красноречиво свидетельствуют обращения феодальных владетелей и старшин так называемых вольных обществ с просьбой принять их в подданство России.

В 1727 г. владетель Аварии просил принять его в подданство России, прибыл в крепость Святой крест «и дал охотно присягу»¹⁴². Тогда же присягали России несколько лезгинских селений, но «во владение» они не были взяты «понеже Зурхай их подданными своими почитает и добром допустить не хочет, чтоб от него отделены были»¹⁴³. В сентябре 1731 г. «андийцы, весь народ, добровольно пришли в подданство российское и в том присягнули» в крепости Святой крест¹⁴⁴. Велись переговоры о вступлении в подданство России других владений и союзов сельских обществ.

¹³⁹ «Русско-дагестанские отношения...», стр. 275.

¹⁴⁰ С. М. Соловьев. Указ. соч., кн. IV, т. XVI—XX, стр. 955.

¹⁴¹ В. Н. Левиатов. Указ. соч., стр. 94.

¹⁴² П. Г. Бутков. Указ. соч., ч. I, стр. 83, прим. 1; ч. III, стр. 37.

¹⁴³ «История, география...», стр. 105.

¹⁴⁴ П. Г. Бутков. Указ. соч., ч. I, стр. 84.

Подводя итоги сказанному, необходимо еще раз подчеркнуть, что независимо от того, какие цели преследовал царизм, присоединение прикаспийских провинций имело объективно прогрессивное значение, оградило Дагестан от поглощения Турцией, способствовало развитию производительных сил края и культуры его народов. К сказанному следует добавить, что начатое в связи с подготовкой похода русских войск на побережье Каспийского моря и продолженное после присоединения прикаспийских провинций Кавказа к России всестороннее обследование края завершилось научным исследованием природных ресурсов, истории, географии и этнографии народов Дагестана. Описания, составленные А. П. Вольтским, А. И. Лопухиным, И. Г. Гербером, Л. Ф. Еропкиным, Д. К. Кантемиром, Ф. И. Соймоновым и многими другими, являются ценными источниками по истории и этнографии Дагестана.

Однако народы Дагестана и Азербайджана недолго находились в составе России. После 13-летнего владения прикаспийскими областями Россия в силу внутренних затруднений и внешних осложнений по условиям Рештского (февраль 1732 г.) и Гянджинского (март 1735 г.)¹⁴⁵ договоров уступила их Ирану¹⁴⁶. После этого русские войска были переведены на левый берег реки Терек, а крепость Святой крест скрыта, и все в «оной бывшие и там обитавшие» были переведены во вновь укрепленный город Кизляр. «Завоевания Петра I на Каспийском море оказались непрочными — Россия не смогла удержать за собой завоеванные земли»¹⁴⁷. Но это не означает, что поход русских войск на побережье Каспийского моря был безрезультатным предприятием. Военно-политические последствия «персидского похода» как для России, так и для народов Кавказа бесспорны и очевидны: он обеспечивал безопасность юго-восточных окраин России¹⁴⁸, содействовал оживлению освободительного движения народов Закавказья, прочно оградил Дагестан от поглощения Турцией.

---

¹⁴⁵ Полный текст Рештского и Гянджинского договоров см. «Договоры России с Востоком, политические и торговые». СПб., 1869, стр. 194—208.

¹⁴⁶ Подробно о причинах уступки прикаспийских провинций Ирану см.: Е. С. Зевакин. Прикаспийские провинции в эпоху русской оккупации в XVIII в.— «Известия общества обследования и изучения Азербайджана», № 5. Баку, 1927; В. Н. Левиатов. Указ. соч., стр. 98—100.

¹⁴⁷ В. П. Лысцов. Указ. соч., стр. 247.

¹⁴⁸ Там же.

ОСВОБОДИТЕЛЬНАЯ БОРЬБА ДАГЕСТАНА
ПРОТИВ ИРАНСКИХ ЗАХВАТЧИКОВ.
ДАГЕСТАНО-РУССКИЕ ОТНОШЕНИЯ
В СЕРЕДИНЕ XVIII В.

instituteofhistory.ru

В 30-х годах XVIII в. после потрясавших страну феодальных междоусобиц фактическим правителем Ирана стал Надир. В 1731 г., использовав неудачи Тахмаспа в борьбе с Турцией, Надир низложил его и объявил себя регентом при восьмимесячном сыне шаха. Подавив к этому времени восстание внутри Ирана, он возобновил в 1732 г. военные действия против султана, отказывавшегося уступить Ирану принадлежавшие ему ранее территории¹. Для борьбы с Ираном в Закавказье по приказу султана пришли крымско-татарские войска под командованием Фати-Гирея. Но, как известно, в это время Порты враждовала с Россией и поэтому последняя, заинтересованная в мире с Ираном, оказывала ему поддержку. Именно этим и объяснялась помощь, оказанная русскими войсками под командованием генерала Левашова Надиру во время его похода против турок, и то, что русские, сосредоточенные в крепости Святой крест, нанесли серьезный удар двигавшимся с севера крымско-татарским ордам. Несмотря на это, крымско-татарским войскам все же удалось вступить в Дагестан². При этом было объявлено, что они прибыли для защиты единоверных народов Дагестана. На самом же деле целью похода было прибрать к своим рукам Дагестан, набрать из среды его народов войско и бросить его вместе с крымскими татарами против Надира.

Обеспокоенные угрозой иранского порабощения, горцы не поняли истинных намерений турок, уверились, что крымско-татарские войска направлены султаном не для захвата, а для защиты Дагестана от «кизылбашских еретиков». Это глубокое

---

¹ П. Г. Бутков. Материалы для новой истории Кавказа с 1702 по 1803 г., ч. I. СПб., 1869, стр. 104—109.

² АВПр, ф. Сношения России с Персией, 1733 г., д. 5, л. 226.

зablуждение поддерживалось феодалами и местным мусульманским духовенством. В этом направлении особенно усердствовал Сурхай-хан кази-кумухский, который даже выслал навстречу крымским войскам «своего сына с пятьюстами конницы»³. К ним присоединились также уцмий Кайтага и акушинцы⁴. Прибыв в Дагестан, крымский хан также старался убедить горцев в том, что будто бы пришел в Дагестан для их защиты⁵. С этой целью он раздавал феодалам и наиболее популярным в горах алимам щедрые подарки и деньги. «При этом,— указывает Г. Алкадари,— крымский губернатор потратил на этих лиц до двух тыс. пятьсот туманов деньгами и ценными вещами и они... приводили в исполнение... увольнения и назначения в Дагестане»⁶. В частности, от власти в шамхальстве был отстранен Хасбулат и назначен Ильдар.

Тем временем Надир одержал решительную победу, которая вынудила Турцию запросить мира⁷. Поэтому крымские войска оказались вынужденными приостановить движение к Дербенту, а затем и вернуться обратно. По мирному договору Турция должна была уступить ряд ранее принадлежавших ей территорий Ирану. Границы между договаривающимися сторонами определялись ирано-турецким договором 1639 г. Но властвовавший в Ширване Сурхай-хан кази-кумухский не был намерен подчиниться власти Ирана. И когда Порта приказала Сурхай-хану передать Персии Ширван, «Сурхай-хан убил привезшего этот приказ слугу правителя Астары Мусы Тальшинского и ответил, что ...завладел Ширваном при помощи мечей мусульман-лезгин, а не по пожалованию Турецкой державы»⁸.

Надир, давно вынашивавший план покорения горцев, выступил в Ширван. Узнав о приближении Надира, Сурхай отступил в Кабалу и стал готовиться к сражению⁹. Не встречая сопротивления, войска шаха заняли, сожгли и разрушили до основания Шемаху и двинулись на лагерь Сурхай-хана. В битве при Кабале Сурхай потерпел поражение и вынужден был бежать в горы. Преследуя его, Надир вступил в Дагестан и вблизи Кази-Кумуха снова нанес поражение Сурхай-хану. После этого Надир занял Кази-Кумух, подверг грабежу и разорению не только резиденцию хана, но и ряд других аулов. Жестокость персов не сломила дух свободолюбивых горцев. За исключением

³ Г. Алкадари. Асари Дагестан.— «Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа», вып. 46. Махачкала, 1929, стр. 75.

⁴ АВПР, ф. Сношения России с Персией, 1733, д. 5, л. 226.

⁵ Там же, лл. 259—262, 342—344.

⁶ Г. Алкадари. Указ. соч., стр. 75.

⁷ «История о персидском шахе Тахмас Кулы-хане». Перев. с франц. С. Решетова. СПб., 1788, стр. 205.

⁸ Г. Алкадари. Указ. соч., стр. 72.

⁹ «Хроника войн Джара в XVIII в.». Баку, 1931, стр. 18.

некоторых феодалов, которые изъявили покорность и стали пресмыкаться перед Надиром, трудящиеся горцы, не желая покориться власти Ирана, уходили в Аварию. Туда же после поражения бежал и Сурхай-хан с семьей.

Надир не решился вторгнуться в Аварию. Назначив шамхалом изъявившего ему покорность сына сосланного в Россию шамхала Адиль-Гирея Хасбулата, Надир двинулся на юг. При своем движении войска шаха грабили и разоряли беззащитные аулы; озлобленные горцы разрушили вблизи селения Ахты мост и преградили дорогу шахским войскам, но под давлением превосходящих сил противника вынуждены были отступить. Надир жестоко расправился с горцами, осмелившимися оказать ему сопротивление: некоторых из них, по словам Г. Алкадари, «шах в порыве гнева наказывал даже самолично»¹⁰.

Вскоре в Закавказье из-за отказа турок ратифицировать договор 1733 г. между Ираном и Турцией возобновились военные действия. Терпя поражение за поражением и учитывая, что русские войска в силу Гянджинского договора 1735 г. оставили Прикаспий, Порта объявила себя покровительницей народов Дагестана и решила через Дагестан направить в Закавказье Крымского хана во главе с 80-тысячным войском. Русское правительство решительно заявило, что Дагестан находится в подданстве России и дает ей аманатов в подтверждение верности и поэтому «не может допустить господства турок над Дагестаном и пропустить через него крымские войска, поскольку в новой войне Ирана с Турцией она придерживается нейтралитета»¹¹. Однако Турция продолжала упорствовать и даже стала угрожать войной, если Россия не пропустит крымские войска. Весной 1735 г. Турция развязала войну с Россией. Петербургский двор приказал графу Минину выступить из Польши в Крым, чтобы отвлечь крымские войска от похода на Кавказ, а находящемуся на Кавказе генералу Левашову было приказано преградить крымским войскам путь в Дагестан. «Все это,— как справедливо отмечает Н. А. Смирнов,— показывает, что Россия твердо отстаивала Северный Кавказ от покушения со стороны Турции»¹².

Между тем Надир, нарушив условия Гянджинского договора¹³, заключил с Портой мирный договор, по условиям которого султан уступал Ирану Грузию, Восточную Армению, Азербайджан, и сразу же после этого он приступил к покорению Дагестана. Этим, по утверждению Л. Локкарта, Надир желал

¹⁰ Г. Алкадари. Указ. соч., стр. 74.

¹¹ Н. А. Смирнов. Политика России на Кавказе в XVI—XIX вв. М., 1958, стр. 75.

¹² Там же, стр. 76.

¹³ По условиям Гянджинского договора Иран обязывался не заключать сепаратного договора с Турцией без участия в переговорах и согласия на это России.

продемонстрировать свою мощь России¹⁴. Однако первые же встречи с горцами показали, что они не намерены покориться Ирану¹⁵. Ценою больших потерь, сломив упорное сопротивление горцев, Надир вторгся в Южный Дагестан и безжалостно расправился с населением Самурской долины и Табасарана¹⁶. Многие жители Южного Дагестана бежали в горы, где Сурхай-хан кази-кумухский, уцмий Ахмед-хан кайтагский, шамхал Ильдар и акушинцы готовились к обороне¹⁷. Узнав об этом, Надир вступил в Кайтаг, занял селение Маджалис, которое оборонял сын уцмья хан Магомед, и на следующий же день, разоряя населенные пункты, двинулся через Губден на Кази-Кумух.

В местности Дусрах, недалеко от Кази-Кумуха, горцы, заняв горные высоты, пытались преградить путь иранцам. Но, будучи атакованы с четырех сторон во много раз превосходящими силами противника, вынуждены были отступить. Сурхай-хан, не задерживаясь в Кумухе, скрылся в Аварии. Лишь к ночи, после занятия персами позиций горцев, подоспел на помощь Сурхаю шамхал Ильдар, войско которого иранцы без особого труда разбили. На следующий день Надир занял Кази-Кумух, старейшины которого изъявили ему покорность. Несмотря на одержанную победу, Надир, учитывая встречавшиеся на каждом шагу препятствия, и на этот раз не решился вторгнуться в Аварию и вынужден был отказаться от преследования Сурхай-хана. При возвращении из Кази-Кумуха Надир рассеял отряды кадия акушинского, жестоко расправился с населением, предал огню и мечу ряд селений даргинцев, а затем выступил против уцмья Кайтага и принудил его просить о пощаде, а табасаранцев и докузпаринцев — выдать заложников¹⁸. Свои победы 1735 г. Надир использовал для провозглашения себя в январе 1736 г. шахом Ирана. Правителем Грузии, Армении, Азербайджана и Дагестана Надир назначил своего брата Ибрагим-хана.

В исторической литературе получила широкое хождение версия, превозносящая успехи Надира в Дагестане. В этом направлении особенно проявили себя и продолжают усердствовать иранские историки. Действительно, Надиру в 1735 г. удалось одержать ряд побед над горцами и даже получить от некоторых обществ заложников. Тем не менее, вопреки утверждениям зарубежных фальсификаторов истории, поход Надира в Дагестан не был удачен. Ему так и не удалось покорить Аварию и наказать Сурхай-хана. Нельзя было считать покоренными даже те

¹⁴ L. Lockhart. Nadir Shah. Critical study, based mainly upon contemporary sources. London, 1938, p. 92.

¹⁵ «Хроника войн Джара в XVIII в.», стр. 23.

¹⁶ А. Бакиханов. Гюлистан-Ирам. Баку, 1926, стр. 118.

¹⁷ «Хроника войн Джара в XVIII в.», стр. 35; А. Бакиханов. Указ. соч., стр. 118; Г. Алкадари. Указ. соч., стр. 75.

¹⁸ Г. Алкадари. Указ. соч., стр. 77.

владения Дагестана, через которые Надир прошел, так как в них не была учреждена иранская администрация. Именно поэтому, как только Надир с основными своими войсками ушел в Иран, горцы отказались повиноваться ставленникам шаха. Мало того, горцы сами стали нападать на иранские гарнизоны. Весной 1736 г. Сурхай-хан напал на Дербент и старую Шемаху. «И такие великие волнения,— пишет в донесении русскому двору И. Калущкин,— шаху успокоить трудно, что повсюду надобно войско, которого за всеконечным оскудением людей набрать негде»¹⁹. Однако персам удалось на время загасить антииранское движение в Дербенте, где «обыватели, не вытерпя нападки присланного туда шамахинского беглербега, не токмо ему учинились непослушны, но ево самого с великим бесчестием таскали по улицам и били смертным боем. И дербентскому командиру отправления отказали»²⁰. Ценою огромных потерь были подавлены в 1736 г. восстания и в ряде других мест Дагестана и Азербайджана. Вслед за этим шах Ирана решил было даже обложить горские общества оброком, но от этого, писал современник, никаких успехов «ожидать не можно. Ибо неуповательно есть, что оные горские владельцы допустили на себя поборы расположить, понеже с них никаких податей никогда не бирано»²¹. И действительно, персам не только не удалось обложить податью население нагорного Дагестана, но и во время сборов налогов с жителей сел. Беледжик в Джаро-Белоканах «население восстало и перебило многих иранских воинов и захватило их имущество»²². Восставшие не ограничились изгнанием персов из пределов Дагестана и стали удалять иранцев из ряда районов Грузии и Азербайджана. Ставленнику Надира Ибрагим-хану пришлось принять решительные меры, в результате чего горцы были вытеснены из Кахетии; вслед за этим он вторгся в Дагестан, однако желанных результатов не добился — ему удалось лишь принудить некоторых феодалов сложить оружие. Широкие же слои горцев отказывались признать власть Ирана. Во главе этого движения встали сын Сурхай-хана Муртазали и уцмий Кайтага. Поэтому в следующем 1738 г. Ибрагим-хан во главе 32-тысячного войска вторгся в Джаро-Белоканы, где иранцам удалось занять ряд горских селений. Но вскоре объединенные силы горцев в сражении близ Джаника наголову разбили персов. При этом были убиты брат Надира Ибрагим-хан, Угурлу-хан гянжинский и другие военачальники. Остатки персидских войск, предводительствуемые Мохаммед-ханом Аф-

¹⁹ АВПР, ф. Сношения России с Персией, 1736 г., д. 8, л. 410; М. Р. Арунова, К. З. Ашрафян. Государство Надир-хана Афшара. М., 1958, стр. 188.

²⁰ АВПР, ф. Сношения России с Персией, 1736 г., д. 10, л. 74.

²¹ Там же, 1737 г., д. 7, л. 209.

²² «Хроника войн Джара в XVIII в.», стр. 19.

шаром, поспешно ушли в Иран²³. Победителям достались богатые трофеи. Вслед за этим антииранское движение охватило многие районы Азербайджана²⁴.

Восстание народов Дагестана и Азербайджана против иранских захватчиков совпало с походом Надира в Индию. Поэтому он не мог снарядить большую экспедицию для подавления этих выступлений. Тем не менее Надир назначил правителем Восточного Кавказа Эмир-Аслан-ханом и велел ему подавить восстание²⁵. Но эта задача оказалась не под силу. Учитывая все это, в феврале 1741 г. Надир направил против горцев Джаро-Белокан многочисленный карательный отряд во главе с Гани-ханом абдальским, Фатали-ханом, Мухаммед-Али-ханом, который действовал в течение нескольких месяцев. «И они (персы.— В. Г.),— пишет Г. Алкадари,— разграбили имущество и стада тех магалов, разрушили их селения, а также, заняв дороги, ведущие в другие края, убивали и брали в плен бежавших по ним. В общем они там не оставили следов оседлости и разрушили все селения»²⁶.

Однако не так-то легко оказалось поставить на колени свободолюбивых горцев. Они частыми и неожиданными нападениями наносили чувствительные удары войскам персов, завалами преграждали им дороги и устраивали засады. Эти действия очень истощали военные силы Ирана. Ведя неравную борьбу с персидскими захватчиками, «многие из владельцев Дагестана обращались к России, прося покровительства и защиты против Надира»²⁷.

Правящие круги Ирана прекрасно понимали, что, не покорив Северо-Восточный Кавказ, им не удержать под своей властью и Закавказье. К тому же Надир опасался все усиливающегося тяготения населения Восточного Кавказа к России. Завершив поход в Среднюю Азию, Надир стал деятельно готовить «новое нашествие на Дагестан. При этом он рассчитывал проявить такую силу оружия войск иранского государства, чтобы у неподчиняющихся возник страх перед Ираном и исчезли бы всякие надежды на избавление от его власти». «Стоило мне ногой лягнуть,— говорил Надир,— и вся Индия рушилась с престолом Великого Могола. Если я обеими ногами лягну, весь свет в пепел обращу»²⁸.

²³ АВПР, ф. Сношения России с Персией, 1738 г., д. 7, л. 729; «Хроника войн Джара в XVIII в.», стр. 20; М. Р. Арунова, К. З. Ашрафян. Указ. соч., стр. 189.

²⁴ АВПР, ф. Сношения России с Персией, 1739 г., д. 5, лл. 37—39; «Хроника войн Джара в XVIII в.», стр. 31.

²⁵ А. Бакиханов. Указ. соч., стр. 120.

²⁶ Г. Алкадари. Указ. соч., стр. 79.

²⁷ ЦГА ДАССР, ф. 150, оп. 1, д. 18, лл. 10—11.

²⁸ АВПР, ф. Сношения России с Персией, 1741 г., д. 7, л. 227; «Покоренный Кавказ». Владикавказ, 1901, стр. 157.

Летом 1741 г. «гроза вселенной», как называли Надира, во главе 100-тысячной армии вторгся в Дагестан. Озлобленный шах уничтожил первые попавшиеся 14 аулов. Так поступал он и в дальнейшем, сравнивая с землей селения, беспощадно убивая незащищенных женщин, детей и стариков, предавая все грабежу. Жестокость персов не знала границ. Но она привела к противоположным результатам — в обстановке страшного опустошения своего края среди народов Дагестана усилилась ориентация на Россию. Они все чаще и чаще стали обращать свои взоры на Север. «Многие тавлинцы (горцы.— В. Г.)— писал П. Г. Бутков,— сами отдавались в подданство России»²⁹. О таком стремлении горцев говорится и в других донесениях резидентов И. Калущкина, В. Братищева. Прибывшие в Кизляр посланцы горцев просили, чтобы Россия приняла их «под свое могучее покровительство»³⁰.

Петербургский двор был хорошо осведомлен о намерениях Надира. Русский резидент при шахе И. Калущкин не раз доносил о том, что правящие круги Ирана вынашивают планы нападения на Россию³¹. «Хотя Надир намерен иметь дело со всем светом», но «виды и приготовления наиглавнейшие против Российской империи устремляет»,— писал он в одном из своих донесений³². Русское правительство знало, что Надир во время своего движения на Дагестан старался склонить турецкого султана к совместному выступлению против России. Ирано-турецкого союза против России добивались также дипломаты Франции³³. Яркую выраженную антирусскую политику проводила и Англия. В частности, приглашенный для строительства флота на Каспии английский авантюрист капитан Джон Эльтон прямо подстрекал Надира к нападению на Россию.

В этой чрезвычайно сложной международной обстановке только что вышедшая из войны с Турцией и связанная договором 1735 г. с Ираном, Россия не могла принять горцев в свое подданство или оказать им вооруженную помощь. Поэтому «к кумыкским, чеченским и кабардинским владельцам писано в утверждении их в верности; а тайно, под рукою, сделаны были засылки к призыванию в верное и вечное подданство горских владельцев: шамхала, усмия и прочих, сходно с присланными прошениями их о том»³⁴.

²⁹ П. Г. Бутков. Указ. соч., ч. I, стр. 223.

³⁰ ЦГАДА, ф. 15, д. 65, л. 25.

³¹ АВПр, ф. Сношения России с Персией, 1741 г., д. 7, л. 285—286; «Покоренный Кавказ», стр. 157—158.

³² АВПр, ф. Сношения России с Персией, 1741 г., д. 3, л. 13; А. И. Тамай. К вопросу о провале дагестанской кампании шаха Надира (1741—1743 гг.).— «Ученые записки ИИЯЛ», т. V. Махачкала, 1958, стр. 112.

³³ С. М. Соловьев. История России с древнейших времен, кн. IV, т. XVI—XX. СПб., 1904, стр. 1327.

³⁴ П. Г. Бутков. Указ. соч., ч. I, стр. 223.

Но учитывая надвигающуюся опасность, Россия стала укреплять южные границы государства. На Терскую линию были стянуты с Волги и Дона новые войска, усилены укрепления Кизляра «и везде по границе Терской и в гребнях взята крепкая предосторожность». В Астрахани начато строительство флота³⁵. Принятые Россией меры оказали отрезвляющее воздействие на шаха, и в этом смысле они объективно были полезны для защиты народов Северного Кавказа. Но, к сожалению, они были недостаточны, чтобы приостановить вторжение персов в Дагестан, народам которого пришлось вести мужественную борьбу с «грозой вселенной» Надир-шахом.

Несмотря на самоотверженное сопротивление горцев, персам удалось выиграть ряд сражений, занять Табасаран, Кайтаг, Мехтули и достигнуть Кази-Кумуха. Нужно подчеркнуть, что освободительную борьбу горцев подрывала непоследовательность феодальных владетелей. После поражений Сурхай-хан, үцмий Ахмед-хан, кадий акушинский и другие феодалы изъявили Надиру покорность³⁶. Шах уже чувствовал себя победителем. «Видя Сурхая и усмея власти своей покоренье,— писал сопровождавший его И. Калушкин,—Надир час от часу в такую заносчивую гордость приходит, которую и описать трудно, и он хочет со всей Дагестани потребовать в службу до 20 тыс., а до остальных перевести на житье в Персию. И для того в окрестные места разослал едва не все свое войско, между которыми и сопротивляющимися лезгинами, понеже они о переселении слышать не хотят, непрестанные схватки происходят. Однако не могли против персиян стоять, наконец принудимы бывают сдаватца, таковые по указу шахова не единого человека живого не оставляют, но всех рубят»³⁷.

Несмотря на все это, горцы всюду встречали персов с оружием в руках³⁸. Отступая с боями, горцы завлекли зарвавшегося хищника в горы. В исторической битве близ аулов Чох, Бехти, Мегеб и Согратль объединенные силы горцев разбили войска Надир-шаха. «Поражение,— доносил французский посол при русском дворе де Ла Шетарди,— тем более значительно, что Кулихан (шах Надир.— В. Г.) дал заманить себя в ловушку и попал в ущелье, где скрытые с двух сторон войска проявили ужасную резню над большею частью его армий»³⁹. После этого поражения, сильно подействовавшего на войско, шах делал все, чтобы восстановить боевой дух армии. Напрасно, писал Калушкин,

³⁵ П. Г. Бутков. Указ. соч., ч. I, стр. 162.

³⁶ «Хроника войн Джара в XVIII в.», стр. 38; А. Бакиханов. Указ. соч., стр. 121; Г. Алкадари. Указ. соч., стр. 79.

³⁷ АВПР, ф. Сношения России с Персией, 1741 г., д. 7, л. 282; М. Р. Арнонов а, К. З. Ашрафян. Указ. соч., стр. 191.

³⁸ АВПР, ф. Сношения России с Персией, 1741 г., д. 7, лл. 282, 298, 315, 316.

³⁹ Сб. РИО, т. 96, док. 111.

«он столько труда принимает, потому... что он скорее все свое войско потеряет и сам пропадет, нежели лезгинцев покорит»⁴⁰. И действительно, ни угрозы, ни подкупы⁴¹ не могли восстановить положение, и Надир вынужден был отступить. При этом войска Ирана постоянно подвергались нападениям горцев, которые бились так самоотверженно, что и самого шаха «принуждали троекратно к обороне назад оборачиватца»⁴². Все это заставило Надира отступить «таким ускорительным маршем, который по справедливости за побег причесть можна, ..ибо великое число в войске ево хворые и пешие, имелись тако же и те, у которых лошади были худы и за ним поспешить не могли, оставляя позади, все в руки неприятельские достались»⁴³. Весть о поражении в Дагестане «непобедимого» Надира быстро распространилась в сопредельных странах. Ободренные победой горцев, народы Закавказья с большей силой стали отстаивать свою независимость. Но шахская Персия любой ценой решила покорить Дагестан. Поэтому Надир занялся подготовкой к затяжной войне. Севернее Дербента был построен укрепленный лагерь, получивший впоследствии название «Иран хараб», т. е. «разруха Ирана». Сосредоточив здесь свои войска, Надир стал посылать карательные экспедиции в горы. В 1742—1743 гг. неоднократно происходили опустошительные нашествия на Табасаран, Кайтаг, на даргинские и аварские общества.

В обстановке страшного разорения и голода, когда, по словам И. Лерха, на Кавказе «за ничтожную сумму продавали своих детей», горцы Дагестана вновь обратились за помощью к России. Так, в марте 1743 г. кн. Долгорукий и резидент В. Братищев доносили императрице Елизавете Петровне, что «владельцы Кайтага, Аварии, Дженгутая и горские старшины твердо решили стать вечными и верными подданными России»⁴⁴. В августе того же года В. Братищев в своем донесении также подчеркивал, что уцмий Кайтага и другие «желают и просят российской протекции»⁴⁵. В 1743—1744 гг. в Петербург из Дагестана прибыло несколько посольств с просьбой принять их под покровительство России⁴⁶. Русское командование охотно при-

⁴⁰ АВПР, ф. Сношения России с Персией, 1741 г., д. 7, л. 318; «Покоренный Кавказ», стр. 162.

⁴¹ АВПР, ф. Сношения России с Персией, 1741 г., д. 7, л. 375.

⁴² Там же, лл. 411—412; М. Р. Арунова, К. З. Ашрафян. Указ. соч., стр. 194.

⁴³ АВПР, ф. Сношения России с Персией, 1741 г., д. 7, л. 390.

⁴⁴ ЦГАДА, ф. 15, д. 65, лл. 3—4; АВПР, ф. Сношения России с Персией, 1743 г., д. 3, л. 472; «Русский архив», 1889, т. 3, стр. 363; «Ученые записки ИИЯЛ», т. V, 1958, стр. 125.

⁴⁵ АВПР, ф. Сношения России с Персией, 1743 г., д. 4, л. 348; М. Р. Арунова, К. З. Ашрафян. Указ. соч., стр. 217.

⁴⁶ АВПР, ф. Кумыкские дела, 1743—1744 гг., д. 1, лл. 10—13, 16—18, 23—26, 40, 43, 44, 61—64; д. 2, лл. 2, 6—9; д. 3, л. 2.

нимало и обнадеживало горских посланцев, но взять горцев под протекцию не решалось. Горцы вынуждены были продолжать борьбу с намного превосходящими их силами шахской Персии и, несмотря на это, нанесли иранцам большой урон. В кровопролитных боях в 1742 г. и начале 1743 г. иранцы потерпели поражение⁴⁷. Именно этим и объяснялось, что войско Ирана было «от лезгинцев так напугано, что с великою боязнию в путь отправлялось»⁴⁸. Тогда Надир стал угонять скот, уничтожать посевы, пытался прекратить сообщение горцев с соседними народами и этим принудить горцев подчиниться своей власти. Однако и эти меры не дали ощутимых результатов⁴⁹.

Видя, что силой не покорить горцев, Надир решил путем подкупа феодальных владетелей и старшин горских обществ привлечь их на свою сторону, чтобы с их помощью подчинить своей власти Дагестан. Прекратив военные действия, шах, по словам В. Братищева, пытался «дачею денег и кафтанами уравнять дело с лезгинцами»⁵⁰. С этой целью в горы Дагестана высылались агенты, которые щедрыми подарками пытались подкупить горцев. Только к Сурхай-хану был отправлен эмиссар с 40 тыс. руб. с тем, чтобы он «дачею тех денег к стороне» шаха «привлекал и равномерно еще и в военную в персидскую службу постоянных людей набрал»⁵¹. Посылались деньги и подарки также шамхалу Хасбулату и другим владетелям. Однако ни щедрые подарки шаха, ни деньги, ни отказ от взывания с горцев податей, ни применение «ласковых» мер не дали результатов. За исключением отдельных феодалов, таких как Сурхай-хан, шамхал Хасбулат, дагестанцы не поддались на уловки шаха. В связи с этим небезынтересно отметить, что когда Сурхай-хан, будучи в Аварии, пытался уговорить сына сложить оружие, тот выхватил кинжал и пригрозил, говоря, что «единое напоминание» об этом «старости ево вредить... и тако наотрез ответствовал, что никогда шаху послушание принести в мысли своей не имеет»⁵².

Горцы Дагестана продолжали партизанскую войну, смело нападали на иранские войска, громили обозы, препятствовали

⁴⁷ АВПР, ф. Сношения России с Персией, 1741 г., д. 7, л. 409—410, 441, 452—455, 464; «Хроника войн Джара в XVIII в.», стр. 37; А. Бакиханов. Указ. соч., стр. 122; П. Г. Бутков. Указ. соч., ч. I, стр. 213—215; А. И. Тамай. Указ. соч., стр. 123.

⁴⁸ АВПР, ф. Сношения России с Персией, 1741 г., д. 7, л. 441; М. Р. Арунова, К. З. Ашрафян. Указ. соч., стр. 195.

⁴⁹ АВПР, ф. Сношения России с Персией, 1742 г., д. 5, лл. 45, 46, 50—54, 77, 78, 96—99.

⁵⁰ «Русский архив», 1889, т. 3, стр. 380.

⁵¹ АВПР, ф. Сношения России с Персией, 1742 г., д. 5, ч. I, л. 8.

⁵² Там же, ч. 2, лл. 299—300; М. Р. Арунова, К. З. Ашрафян. Указ. соч., стр. 200.

доставке провианта. НаDIR пытался закупать провиант у калмыков, но они отказывались продавать персам свои товары или запрашивали слишком дорогую цену. Русское правительство также запретило вывозить продовольствие и лошадей в персидские порты Каспийского моря⁵³. Это решение русского правительства было на руку горцам. Оставшиеся без продовольствия шахские войска терпели в Дагестане страшный голод, и армия стала терять свою боеспособность. Началось повальное дезертирство. Если бы дагестанцы не поступали с персами сурово, писал В. Братищев, то «все персидское войско разбежалось бы в горы»⁵⁴. Не популярна была эта война и в правящих кругах Ирана. По свидетельству современника, даже ближайшие к шаху «фавориты, военные командиры, статские люди» были недовольны продолжением войны и «токмо вид верности отдают»⁵⁵. Как свидетельствует В. Братищев, «довольно показывается гнилые плоды действий его (Надира.— В. Г.), что через два года ничего в дагестанской стороне достигнуть не мог, кроме что государство свое подорвал, народ истощил, войска растерял и остальное крайне изнурил»⁵⁶. Было ясно, что дальнейшее продолжение столь непопулярной в Иране войны с горцами Дагестана не принесет ничего, кроме поражения. Поэтому в феврале 1743 г. НаDIR вывел свои войска из Дагестана с тем, чтобы начать войну с Турцией, победами над которой надеялся восстановить свой престиж «победителя Вселенной». Отступавшие персидские войска были крайне изнурены, и пройденный ими путь был устлан трупами солдат, лошадей, мулов и верблюдов⁵⁷. Сами солдаты признавались, «что десять человек против одного лезгинца стоять неспособны»⁵⁸.

Таким образом, попытки Ирана покорить народы Дагестана позорно провалились и положили конец легенде о непобедимости шаха Надира. Все «труды» Надира, по словам Алкадари, «пропали даром»⁵⁹. В середине 1743 г. НаDIR начал военные действия против Турции. Однако, несмотря на некоторые успехи в начале кампании, НаDIR и в этой войне не добился победы. Восстания в Азербайджане, Армении, Грузии и в других подвластных Ирану районах, а также упорное сопротивление гарнизона Мосула вынудили Надира начать переговоры о мире. Началось широкое народное восстание, охватившее Ширван и Дагестан. Обычно это движение связывалось с именем Сам-

⁵³ П. Г. Бутков. Указ. соч., ч. I, стр. 212.

⁵⁴ «Русский архив», 1889, т. 3, стр. 381.

⁵⁵ Там же.

⁵⁶ Там же, стр. 373.

⁵⁷ П. Г. Бутков. Указ. соч., ч. I, стр. 227.

⁵⁸ АВПР, ф. Сношения России с Персией, 1742 г., д. 5, лл. 380—386.

⁵⁹ Г. Алкадари. Указ. соч., стр. 81.

Мирзы (Сефи-Мирзы), выдававшего себя за сына шаха — Хусейна Сефевида ⁶⁰.

Через Сам-Мирзу, пишет Г. Алкаради, сын Сурхая Магомедхан «нашел себе сообщников в Аварии и среди дагестанских старейшин», склонил на свою сторону население Кази-Кумуха, Кюри и Табасарана ⁶¹. В это время движением был охвачен и Ширван, центром которого была крепость Ак-су, причем численность восставших увеличивалась изо дня в день. На подавление восстания были направлены персидские войска во главе с Гайдар-ханом. Но отряд Гайдар-хана был разбит, а сам он убит. Часть войск с несколькими военачальниками перешла на сторону восставших ⁶². В то же время вспыхнуло восстание в Дербенте, представляющее «собой высшую точку развития освободительного движения на севере Азербайджана и в Дагестане, т. к. оно наносило удар по одному из сильнейших оплотов власти иранского шаха в этих странах — по дербентскому гарнизону» ⁶³. Ценой огромных потерь Надиру удалось подавить восстание в Ширване, Шеки, Грузии и других местностях Закавказья. При этом шахские войска проявили небывалую жестокость. Однако никакие силы не были способны сломить дух свободолюбивых горцев. В 1745 г. в Дагестане вновь началось антииранское движение, причем даже феодалы, покорившиеся ранее Надиру, сочувствовали восставшим и оказывали шаху лишь показную верность. Шамхал Хасбулат тайно связался с комендантом Кизляра и «с жадностью добивался принятия его в русское подданство» ⁶⁴. Что же касается народа, то он, по свидетельству В. Братищева, «с вожделенною радостью пришествие российских сил ожидает, в уповании якобы тем способом от тиранских надыровых рук единожды избавится мог» ⁶⁵.

Восставшие одерживали одну победу за другой. Поступившие к Дербенту отряды уцмий Ахменд-хана наголову разбили войска Гани-хана. В Дагестан направился сам Надир. На своем пути шах уничтожал все живое. Но горцы не только оказывали сопротивление, но и нанесли персам серьезный урон. Достаточно сказать, что во время карательной экспедиции Надир потерял в Дагестане около половины своего войска ⁶⁶. Однако, несмотря на постоянные неудачи, Надир не оставлял мысли подчинить себе народы Дагестана. В правящих кругах

---

⁶⁰ И. П. Петрушевский. Очерки по истории феодальных отношений в Азербайджане и в Армении в XVI—XIX вв. Л., 1949, стр. 234; «История Азербайджана», т. I, Баку, 1958, стр. 327—328.

⁶¹ Г. Алкаради. Указ. соч., стр. 81.

⁶² АВПР, ф. Сношения России с Персией, 1743 г., д. 4, л. 500—537.

⁶³ «История Азербайджана», т. I, стр. 328.

⁶⁴ А. И. Тамай. Указ. соч., стр. 129.

⁶⁵ М. Р. Арунова, К. З. Ашрафян. Указ. соч., стр. 217.

⁶⁶ П. Г. Бутков. Указ. соч., ч. II, стр. 230.

Ирана вынашивались планы покорения горцев; предполагалось устроить на Мугани лагерь и отсюда направлять «знатные партии в дагестанские околичности и нутренности, ради правления и искоренения хлебных полей, так чтоб наконец со временем лезгинцы лишась последнего пропитания, и, претерпевая крайней голод, сами добровольно е. в. покорились»⁶⁷. Но осуществить эти «тотальные» планы покорения горцев шаху так и не удалось: весной 1747 г. Надир был убит в Иране, а государство его, представлявшее собой конгломерат народностей и племен, распалось. Это, однако, не означало, что горцы Дагестана избавились от угрозы иноземного нашествия в середине XVIII в. Турция деятельно готовила вторжение на Кавказ и юг России. В пограничных с Кавказом пашалыках сосредоточивались войска, а многочисленные турецкие агенты всеми возможными средствами старались подчинить влиянию султана владетелей Закавказья и Дагестана с тем, чтобы при удобном случае прибрать их к рукам. Это вынуждены были признать даже турецкие историки. «В царствование султана Махмуда, — писал историк и министр турецкого двора Джемдет-Паша, — задумано даже было овладеть Дагестаном»⁶⁸. Одновременно с этим крымский хан, несмотря на то, что по Белградскому миру 1739 г.⁶⁹ султан признал Кабарду независимой, вел подготовку к захвату ее. Само собой понятно, что осуществление агрессивных планов Турции угрожало не только независимости народов Кавказа, но и ставило под угрозу юго-восточные границы России. Указывая на намерение турок «учинить приобретения над Персиею, и особливо близ Каспийского моря», государственный канцлер М. И. Воронцов писал, что, если это так, «то не трудно им (туркам. — В. Г.) будет не токмо заведенной на том море российской торг испровергнуть, но и очистить себе путь во внутренние пределы российские»⁷⁰.

Поэтому русское правительство стало укреплять свои позиции на Северном Кавказе. С этой целью были проведены работы по укреплению крепостей и казачьих городков. В 1763 г. была заложена крепость Моздок. Одновременно правительство устанавливало и укрепляло экономические и политические связи с горским населением Северного Кавказа. Благодаря этому, как совершенно справедливо отмечает Е. И. Дружинина,

⁶⁷ АВПР, ф. Сношения России с Персией, 1744 г., д. 4, л. 226; М. Р. Арунова, К. З. Ашрафян. Указ. соч., стр. 216.

⁶⁸ Джемдет-Паша. Описание событий в Грузии и Черкесии по отношению к Оттоманской империи от 1192 по 1202 гг. хиджры. — «Русский архив», 1888, т. 1, стр. 372.

⁶⁹ Полный текст Белградского договора 1739 г. см. в кн. «Договоры России с Востоком. Политические и торговые». СПб., 1869, стр. 15—24.

⁷⁰ «Архив кн. Воронцова», кн. XXV. М., 1882, стр. 301; Е. И. Дружинина. Кючук-Кайнарджийский мир. М., 1955, стр. 47.

«неуклонно развивались торговые связи... народов Дагестана с Россией, что было очень важно для восстановления их экономики, сильно пострадавшей от неоднократных нашествий иранцев, турок, татар»⁷¹.

В длительных войнах с полчищами Надира народы Дагестана понесли огромные жертвы. Вспыхнувшие сразу после ухода иранцев феодальные междоусобные войны, усугубляемые происками соседних стран, еще больше ухудшили положение крестьянства. В этих условиях для народов Дагестана покровительство такой сильной державы, какой была Россия, и укрепление торгово-экономических связей с ней стало практической необходимостью. Поэтому в середине XVIII в. усиливается ориентация горцев на Россию, активизируются дагестано-русские отношения. В 1750—1751 гг. тарковский шамхал Хасбулат «искал быть под покровительством российским», преемник его шамхал Муртазали в 1764 г. «уверял росейский двор о своем к оному усердии». В 1753 г. владетель Аварии Магомед-Мусахан «просил о принятии его с подвластными в русское подданство». Немного ранее «Мамай-хан-Сурхай, владелец казы-кумукский, просил о принятии его в российское подданство». В 1757 г. к России с изъявлением желания быть «в российском подданстве» обратились старшины «вольного Андийского общества»⁷².

Сказанное не означает, что все без исключения жители Дагестана ориентировались на Россию. В то время имелись отдельные круги общества, которые придерживались протурецкой ориентации. К их числу прежде всего относилось мусульманское духовенство и некоторые феодалы, связанные с Турцией работоторговлей. Так эндириевский владетель, резиденция которого являлась центром работоторговли на Кавказе, не только придерживался протурецкой ориентации, но и «посылал к крымскому хану и к турецкому султану, чтобы с турецкой стороны прислано было войско для взятия Дербента и Баку, обнадеживая вспоможением»⁷³.

Несмотря на обращение подавляющей части феодальных владетелей Дагестана к России с просьбой принять их в подданство и оказать им покровительство, политика царизма, направленная, в конечном счете, на занятие Кавказа, носила очень осторожный характер. Это объясняется тем, что еще не была решена черноморская проблема, не был присоединен Крым. Необходимо было также решить вопрос об отношении с Польшей и Швецией. Поэтому русское правительство не

⁷¹ Е. И. Дружинина. Указ. соч., стр. 47.

⁷² АВПР, ф. Кумыцкие дела, 1757 г., д. 1, лл. 1—3; П. Г. Бутков. Указ. соч., ч. I, стр. 256.

⁷³ П. Г. Бутков. Указ. соч., ч. I, стр. 257.

только не хотело обострять взаимоотношения с Турцией, но и стремилось отодвинуть надвигающийся конфликт. Между тем, использовав благоприятный момент, Турция в 1768 г. развязала войну с Россией. Западноевропейские державы и прежде всего Франция подстрекали турок к войне с Россией. Французские дипломаты хорошо знали, что Турция не имеет «знающих и опытных генералов и офицеров», однако, «даже терпя поражения,—рассуждали французы,—они умалят высокомерие России, которая истощена расходами последней войны и польскими делами и не может находиться в таком блестящем положении, чтобы нести расходы обременительной войны с Турцией»⁷⁴. До начала военных действий и особенно в период войны Турция употребляла «всевозможные усилия, чтобы привлечь на свою сторону племена кавказские и приготовить из этого элемента силу против русских»⁷⁵. На Кавказ, в том числе и в Дагестан, были посланы многочисленные агенты. «От турков,—свидетельствует современник,—разосланы еще недавно чиновные люди к Куба-хану (Фатали-хану.—В. Г.), который Дербентом владеет, и лезгинцам (горцам Дагестана.—В. Г.) уговорить, чтоб и они вооружились против России в пользу Порты»⁷⁶.

Несмотря на то, что, как указывалось выше, некоторые феодалы и духовенство придерживались турецкой ориентации, все же щедрые подарки и настойчивые призывы агентов султана среди народов Кавказа, в том числе и горцев Дагестана, не имели успеха. Подготовленная авантюра провалилась. Официальный историк Порты Джевдет-Паша объясняет это следующим образом: «Кроме того, что обстоятельства не благоприятствовали этим видам, сами люди, стоявшие в то время во главе правительства, как по понятиям своим, так и по действиям, не способны были исполнить дела подобной важности»⁷⁷. Не вдаваясь в оценку умственных способностей членов тогдашнего «высокого правительства», отметим, что главной причиной провала протурецкой агитации было нежелание широких масс Кавказа поддержать чуждую им агрессивную политику Порты. Именно на это обстоятельство указывают дошедшие до нас документы. «Черный народ (т. е. трудящиеся массы.—В. Г.) о подданстве Крыму и слышать не хочет»,—писал губернатор Астрахани⁷⁸. Мало того, ногайцы и другие народы Северного Кавказа оказывали помощь русским войскам на Кавказе. При поддержке ногайцев, например, русскими вой-

⁷⁴ Е. И. Дружинина. Указ. соч., стр. 73.

⁷⁵ Д ж е в д е т - П а ш а. Указ. соч., стр. 372.

⁷⁶ «Грамоты и другие исторические документы XVIII столетия, относящиеся к Грузии». Под ред. А. А. Цагарели, т. I. СПб., 1891, стр. 443.

⁷⁷ Д ж е в д е т - П а ш а. Указ. соч., стр. 372.

⁷⁸ АКАК, т. I, стр. 82.

сками было взято укрепление Копыл⁷⁹. Вместе с русскими войсками в Закавказье сражались против турок также грузины. Русско-турецкая война 1768—1774 г. после ряда блестящих побед русского оружия закончилась полным поражением Турции. В 1774 г. Турция подписала Кючук-Кайнарджийский мирный договор⁸⁰, по которому к России отошли Азов, Керчь, Еникале, Кинбурн с землями между Днепром и Бугом, а Крым был объявлен независимым «от всякой посторонней власти». Черное море и проливы открылись для русского торгового флота. Турция признала за Россией право покровительства над Молдавией и Валахией, а также обязалась уплатить 4,5 млн. руб. контрибуции. Это было большим успехом России. Несомненно, Турция вынуждена была бы принять еще более тяжелые условия, если бы русское правительство не было тогда занято разделом Польши, а главное — подавлением восстания Пугачева.

Кючук-Кайнарджийский договор имел важное значение не только для России, но и для народов Кавказа. Он нанес сильный удар по Турции, подорвал престиж султана, ослабил его влияние на кавказских мусульман, содействовал подъему освободительной борьбы на Кавказе.

Присоединение Кабарды и продвижение России на Кавказ способствовали дальнейшему развитию и укреплению экономических и политических связей Дагестана с Россией. С этого времени влияние России здесь «росло с каждым годом»⁸¹.

После поражения Порты в русско-турецкой войне 1768—1774 г. Россия приняла меры для дальнейшего упрочения своих позиций на Кавказе. В 1777—1780 г. она создала укрепленную линию от Моздока до Азова. Помимо этого, русское правительство продолжало налаживать и укреплять политические и экономические связи с феодальными владельцами Дагестана и Закавказья. Характеризуя политику России на Кавказе в этот период, П. Г. Бутков писал: «наблюдаемо было правило древних римлян, чтоб для пользы Кавказского края соротить между собою разных кавказских народов, дабы они, ослабляя свои силы, оставляли больше нас в покое»⁸². Однако, проводя утонченную и очень осторожную колониальную политику, царизм и после Кючук-Кайнарджийского договора не решился присоединить к России Дагестан. Между тем в это время

⁷⁹ Е. И. Дружинина. Указ. соч., стр. 108.

⁸⁰ О подготовке и заключении Кючук-Кайнарджийского договора и его значении см. в кн.: Е. И. Дружинина. Указ. соч., прилож. 3, стр. 349—460. Автор приводит полный текст Кючук-Кайнарджийского мирного договора по современной копии, отличающейся от текста, ранее опубликованного в ПСЗ и других изданиях.

⁸¹ «Кавказ. Описание края и краткий исторический очерк присоединения к России». СПб., 1911, стр. 42.

⁸² П. Г. Бутков. Указ. соч., ч. II, стр. 111.

на Северо-Восточном Кавказе не затихали междоусобные войны. Используя острые противоречия между владельцами Дагестана, Фатали-хан кубинский привлек на свою сторону шамхала, уцмья и кадия Табасарана и при их поддержке занял Дербент.

После этого Фатали-хан в знак благодарности феодалам, участвовавшим в овладении Дербентом, уступил «шамхалу тарковскому в Кубинской провинции: Караджалы, Набурли, Чиги, Изагли, Бебешли и Бебели, а уцмию в Дербентской провинции — Малакалыль и притом таможенные дербентские доходы»⁸³. Кадия табасаранскому было выдано денежное вознаграждение. После взятия Дербента Фатали-хан «усиленно стал укреплять узы родства с уцмием кайтагским Амир-Гамзой и для этого женился на сестре уцмья Амир-Гамзы Тути-бике»⁸⁴.

Между тем кази-кумухский Магомед-хан, договорившись с нухинским беком Мелик-Али, захватил Нуху. Однако Магомед-хану не долго пришлось властвовать в Нухе. С помощью Фатали-хана восставшими нухинцами он был изгнан. Вскоре произошел разрыв между уцмием Амир-Гамзой и Фатали-ханом кубинским, который изгнал из Дербента кайтагских сборщиков податей. К тому же Фатали-хан отобрал подаренные уцмию деревни, а также отказал Амир-Гамзе в руке своей сестры Хадиджа-бике. Уцмий стал искать случая отомстить Фатали-хану. Воспользовавшись его отъездом из Дербента, Амир-Гамза предпринял попытку захватить Дербент⁸⁵.

В 1774 г. Нуцал-хан, собрав большое войско, выступил против Фатали-хана. Совместно с присоединившимся Агаси-ханом Нуцал-хану удалось овладеть Шемахой. Вскоре, однако, Фатали-хан во главе с набранным в своих владениях войском и отрядом Мелик-Магомед-хана бакинского вторгся в Ширван. На помощь Фатали-хану прибыло также «много народу даргинского». Между этими группировками вблизи Старой Шемахи произошла жестокая схватка, в результате которой Нуцал-хан был разбит, а затем при переговорах убит.

Усиление Кубинского ханства в результате объединения ряда владений Азербайджана встревожило не только владельцев Дагестана, но и картлинско-кахетинского царя Ираклия II, под властью которого находились Казах, Шамхор⁸⁶, Шамшадил. А это, в свою очередь, ускорило создание антикубинской коалиции, в которую вошли уцмий Кайтага Амир-Гамза, кази-кумухский Магомед-хан, казанищенский Тишсиз-Магомед и др. Сле-

⁸³ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 18474, лл. 48—49.

⁸⁴ Г. Алкадарли. Указ. соч., стр. 87.

⁸⁵ П. Г. Бутков. Указ. соч., ч. I, стр. 251.

⁸⁶ «Грамоты и другие исторические документы XVIII столетия, относящиеся к Грузии», т. I, стр. 183—196; Г. Б. Абдуллаев. Из истории Северо-Восточного Азербайджана в 60—80 годах XVIII в. Баку, 1958, стр. 72.

дует, однако, подчеркнуть, что антикубинская коалиция не была сугубо оборонительной. Напротив, все участники союза стремились расширить территорию своих владений.

В 1774 г. между объединенными силами феодалов Дагестана и Фатали-ханом кубинским на Гавдушанском поле вблизи Худат произошло сражение. Разбитый наголову Фатали-хан бежал в Сальян. Находясь в тяжелом положении, он направил к Екатерине II посланца Мирзу-бек-Баята с письмом, в котором обращался за помощью и просил принять его в подданство России⁸⁷.

Магомед кази-кумухский занял Кубу и «начал осуществлять ханскую власть». В Ширване была восстановлена власть Агаси-хана⁸⁸. Уцмий Амир-Гамза сделал попытку овладеть Дербентом, однако встретил сильное сопротивление, возглавленное Тути-беки, и вернулся в Кайтаг⁸⁹. Но вскоре, собрав войско, Амир-Гамза напал на Баку, а затем вновь осадил Дербент. Но к этому времени в Дербент тайно пробрался Фатали-хан, к которому стали «стекаются... приверженцы его»⁹⁰. В связи с этим в Кубе началось брожение. Магомед-хан, обнаружив «неповиновение..., увидел перемены» и вернулся в свои владения⁹¹. Однако осада Дербента продолжалась более 9 месяцев. Фатали-хан снова обратился за помощью к шамхалу тарковскому и русскому правительству. Шамхал пытался ему помочь, но не смог и в январе 1775 г. он обратился к России с просьбой оказать помощь Фатали-хану. При этом шамхал заверял русское командование в своей готовности для «искоренения злодея (Амир-Гамзы.— В. Г.)... совокупиться с российской армией»⁹².

Учитывая, что поражение Фатали-хана, сторонника русской ориентации, нанесет ущерб планам России, кавказское командование потребовало от феодальных владетелей Дагестана, входивших в антикубинскую коалицию, прекратить вооруженные действия против Фатали-хана. Вмешательство русского командования раскололо блок феодалов, сильно ослабило противников Кубинского ханства, явилось большой военно-политической помощью Кубе⁹³. Однако в 1774 г. уцмий Кайтага задержал действительного члена Российской Академии наук

⁸⁷ А. Бакиханов. Указ. соч., стр. 133; Искандер-бек Гаджинский. Жизнь Фатали-хана Кубинского.— «Кавказ», 1847, № 48; В. Н. Левиатов, Фатали-хан Кубинский.— «Известия АН Азерб. ССР», серия истор., вып. 4, № 9, 1946, стр. 72; Г. Алкадарни. Указ. соч., стр. 92.

⁸⁸ А. Бакиханов. Указ. соч., стр. 133; Г. Алкадарни. Указ. соч., стр. 91.

⁸⁹ В. Н. Левиатов. Указ. соч., стр. 72.

⁹⁰ А. Бакиханов. Указ. соч., стр. 133.

⁹¹ Г. Алкадарни. Указ. соч., стр. 92.

⁹² ЦГАДА, ф. Персидские дела, д. 47, л. 75

⁹³ Г. Б. Абдуллаев. Указ. соч., стр. 77.

С. Г. Гмелина. Кизлярский комендант обратился с требованием к уцмию отпустить задержанного, на что Амир-Гамза потребовал вернуть 200 семейств его подданных, бежавших в Кизляр еще в период нашествия шаха Надира, или уплатить выкуп 30 тыс. руб. Пока шли переговоры, 27 июля 1774 г. в Ахмедкенте Гмелин умер⁹⁴. Русское командование, видя, что меры политического давления не помогают, 1 марта 1775 г. снарядило экспедицию в Дагестан, якобы для наказания уцмия за смерть С. Г. Гмелина. В действительности царское правительство, направляя войска, стремилось расширить сферу своего политического влияния и обеспечить безопасность восточной торговли, укрепить в тех же целях пошатнувшееся положение ориентирующихся на Россию феодалов и восстановить свой престиж наказанием уцмия. Чтобы не осложнять взаимоотношений с горскими народами, русское правительство специальным рескриптом указало командованию направленных в Дагестан войск делать все, чтобы не возбуждать горцев против русских. Кроме того, было выделено 5 тыс. руб. «для приласкания и нужных разведований в народах горских»⁹⁵.

4 марта 1775 г. к переправившимся через Терек русским войскам присоединился отряд шамхала тарковского Муртазали. В местечке Иран-хараб они нанесли поражение уцмию. Дербент был освобожден. Фатали-хан отправил императрице ключи от Дербента и опять просил принять его под покровительство России⁹⁶.

10 мая отряд русских войск во главе с майором Криднер совместно с Фатали-ханом направился в Кайтаг и Табасаран, а остальные войска под предводительством генерала де Медема с отрядом шамхала пошли в другие районы южного Дагестана. Вблизи Башлы Амир-Гамза, «будучи уверен, что своей кавалерией без затруднения сломает ряды пехоты», напал на отряд Криднера, «... но действием артиллерии был опрокинут с величайшим уроном и обратился в бегство»⁹⁷. Отсюда Криднер и Фатали-хан направились в терекемейские аулы и подвергли их грабежу и разорению, затем вернулись в Дербент и вскоре выступили в Кюру, где разбили Магомед-хана казикумухского и двинулись в Табасаран. Здесь русские войска и отряд Фатали-хана нанесли ряд ударов табасаранцам.

Русское правительство вновь указало генералу де Медему «сколько возможно воздерживаться от обвинения целых обществ, а больше относить оные на частных людей... Для их

⁹⁴ См. М. Полиевктов. Архивные материалы о смерти на Кавказе акад. С. Г. Гмелина.— «Известия Кавказского историко-археологического института», т. III. Тифлис, 1925.

⁹⁵ Сб. РИО, т. 35, стр. 207—213.

⁹⁶ П. Г. Бутков. Указ. соч., ч. III, стр. 138.

⁹⁷ А. Бакиханов. Указ. соч., стр. 133—134.

обуздания употребление строгости не всегда полезно»⁹⁸. Требования русского правительства относиться к горцам снисходительно не были продиктованы «гуманным отношением к населению Дагестана». Царизм вынужден был проводить гибкую колониальную политику, опасаясь «внешнеполитического резонанса военных действий в Дагестане»⁹⁹.

В одном из сражений Криднер и Фатали-хан были окружены в тесном ущелье. Русские войска и отряд кубинцев с большими потерями отступили в Дербент. Несмотря на это, антикубинская коалиция дагестанских феодалов оказалась разбитой, феодальные владетели вынуждены были капитулировать и запросить мира. При этом, однако, они выставили свои условия, которые сводились к тому, чтобы Фатали-хан «не в Дербенте, а в Кубе, в ему принадлежащем месте был, ему тогда и аманатов дать в состоянии и быть верным во всем удовольствие сделают»¹⁰⁰. Русское командование отвергло эти условия, указало, что Дербент останется за Фатали-ханом, и решительно потребовало, чтобы ему не чинили препятствий. Одновременно русское правительство поручило майору Криднеру примирить кубинского хана с владетелями Кайтага, Табасарана, Кази-Кумуха и других территорий. После этого уцмий Кайтага Амир-Гамза и Рустам-Кади табасаранский «присягнули на верное подданство России и представили в Дербент аманатов». Но русское правительство, не желая осложнять отношения с Персией и особенно Турцией, которая стала бы домогаться «и не минула бы сама вознаградить себя..., предписало генералу де Медему не считать подданство этих владельцев действительным и возвратить аманатов. В тех же видах не принято было подданство Фатали-хана и возвращены ему ключи Дербента»¹⁰¹. По просьбе Фатали-хана в помощь ему, а также для обеспечения безопасности торговли России на Восточном Кавказе, в Дербенте был оставлен гарнизон в 500 человек, основные же силы русских войск возвращены в Кизляр.

Таким образом, благодаря помощи России Кубинское ханство не только восстановило свое сильно пошатнувшееся положение, но и намного усилило свое влияние на Восточном Кавказе.

Возвышение Фатали-хана, придерживавшегося русской ориентации, наличие русского гарнизона в Дербенте сильно встревожило правящие круги Турции и Ирана. Оттоманская Порта и шахская Персия потребовали вывода русских войск

⁹⁸ Сб. РИО, т. 35, ч. 8, стр. 475.

⁹⁹ Г. Б. Абдулаев. Указ. соч., стр. 80.

¹⁰⁰ Там же.

¹⁰¹ ЦГА ДАССР, ф. 150, оп. 1, л. 18, л. 15; «Архив государственного Совета», ч. 2. СПб., 1869, стр. 787—789.

из Дербента. Русское правительство не пожелало осложнять взаимоотношений с Турцией, с которой, по словам Екатерины II, «мир восстановлен и многие с ней дела еще совершенно не оконченными остаются»¹⁰². Весной 1776 г. русские войска были выведены из Дербента. Вместе с тем Россия, желая закрыть путь для вмешательства в дела Северо-Восточного Кавказа, стала добиваться примирения владельцев Дагестана с Фатали-ханом. Кавказскому командованию удалось дважды — первый раз 24 марта, второй — в апреле 1776 г. — провести в селении Дербях сборы, в которых участвовали Фатали-хан кубинский, шамхал тарковский Муртазали, бойнакский владетель Бамат, уцмий Кайтага Амир-Гамза, табасаранский Рустам-Кади, кази-кумухский Магомед-хан и другие. В сборах участвовал и представитель России майор Фромгольд. Вторые сборы оказались более результативными — на них было достигнуто мирное соглашение. Уцмий Кайтага Амир-Гамза и кадий Табасарана Рустам обязались «дербентского и кубинского хана оставить спокойно означенными ему подлежащими владениями владеть и никакой обиды его подданным, равно и ему не чинить, в торгах между его и нашими людьми никакого помешательства и грабежи не делать, а напротив того показывать каждому всякое вспоможение. А если кто из наших подвластных в том окажется преступительным, то обиженному делать подлежащее удовольствие»¹⁰³.

Таким образом, благодаря поддержке России было достигнуто признание территориальной целостности Кубинского ханства. Вместе с тем соглашение предусматривало, чтобы Фатали-хан «приезжающим в Дербент и в прочие его владения... нашим подданным не оказывал препятствие; в неподлежащие ему места отнюдь не вступаться, а остаться ему так, как и прежде был, пользоваться своею долею»¹⁰⁴. Этим Россия намеревалась преградить пути Фатали-хану, стремившемуся присоединить к своему владению территорию Южного Дагестана.

В обязательствах феодалов особо были оговорены и интересы России. «Российско подданным,— говорилось в них,— равно как и прочим христианского закона людям, как торговым, так и проезжающим для других дел через границы наши, также никакого грабительства и захвата не делать и, кроме подлежащего по прежним установлениям, не брать»¹⁰⁵. В заключение владетели обязались соблюдать условие: «если в чем против сего или против той преждеотданной нашей присяги ока-

¹⁰² Сб. РИО, т. 154, стр. 299.

¹⁰³ АВПР, ф. Сношения России с Персией, 1776—1777 гг., д. 478, л. 58. Документ опубликован в приложении к кн.: Г. Абдуллаев. Указ. соч., стр. 170—171.

¹⁰⁴ Там же.

¹⁰⁵ Там же.

жемся неисполнительными и какие произойдут от нас или от кого из нас нижеподписавшихся непорядки, касающиеся для российско подданных или дербентскому хану и его подвластным, то подвержены неминуемому гневу е. и. в. и за то достойному наказанию, в чем и подписуемся»¹⁰⁶.

Итак, достигнутое соглашение должно было обеспечить спокойствие на Восточном Кавказе, благоприятствовать развитию торгово-экономических связей Дагестана с владениями Азербайджана и способствовать расширению русской торговли с Кавказом и со странами Ближнего Востока. Следует, однако, отметить, что в тех конкретных исторических условиях одним соглашением не могло быть достигнуто примирение — слишком уж сильны были противоречия между владельцами Восточного Кавказа.

Все это понимало и кавказское командование. Участник переговоров М. Фромгольд писал, что «... желаемого спокойствия здесь никогда быть не может. Ибо уцмий и кадий, хотя и дали свою подписку в том, чтобы хану (Фатали-хану.— В. Г.) ничего не делать, однако, сие показывают они по одной наружности..., а внутренне пылают к нему злобой..., не упустят ни малого времени возобновить на него свое гонение». Уцмий и кадий лишь «в рассуждении страха к России показывают себя охотными, а скрытно обходятся хитростью и с великой злостью, так что нельзя никак положиться на их присяги, подписки и обещания, если они не приведены будут в тишину сильною рукою». Что же касается Фатали-хана, то и он «... не только не желает быть спокойным, но еще мысли его клонятся покорить... всех своих неприятелей под свою власть»¹⁰⁷. И действительно вскоре между Фатали-ханом кубинским и владельцами Дагестана разгорелась борьба. На этот раз Фатали-хан одержал верх, добился утверждения майсумом Табасарана своего ставленника Мамед-Гусейн-бека¹⁰⁸. После этого образовалась новая антикубинская коалиция во главе с Магомед-ханом кази-кумухским. Но и на этот раз не суждено было осуществиться планам владельцев Дагестана. Русское правительство через кизлярского коменданта потребовало от кази-кумухского хана, чтобы «остался бы спокойно при своем владении» и не беспокоил бы стоящего под покровительством России Фатали-хана. Если же он будет ему противиться, в Дагестан будут направлены русские войска. Кази-кумухский, Магомед-хан, «видя, что в сие дело вступается Россия», вынужден был отказаться от своих планов и вернуться в свое владение¹⁰⁹.

¹⁰⁶ АВПР, ф. Сношения России с Персией, 1776—1777 гг., д. 438, л. 58. Документ опубликован в приложении к кн.: Г. Абдуллаев. Указ. соч., стр. 170—171.

¹⁰⁷ Там же.

¹⁰⁸ А. Бакиханов. Указ. соч., стр. 135; Г. Алкадари. Указ. соч., стр. 94.

¹⁰⁹ ЦГАДА, ф. Персидские дела, 1776—1777 гг., д. 478, лл. 104—107.

УКРЕПЛЕНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКИХ
И ПОЛИТИЧЕСКИХ СВЯЗЕЙ ДАГЕСТАНА
С РОССИЕЙ

instituteofhistory.ru

В 1783 г. по условиям Георгиевского трактата Грузия была принята под протекторат России. Это усилило ориентацию на Россию народов Восточного Кавказа. Посетивший в описываемое время Дагестан С. Г. Гмелин сообщал: «Население прикаспийских областей с нетерпением ждет возвращения тех счастливых времен, когда оно находилось под покровительством России»¹. На Восточном Кавказе, свидетельствует Тумановский, распространился слух, что «российское войско собирается туда идти и весь тамошний народ, купечество и земледельцы (кроме тех, которые имеют власть), все... говорят, что они с великой радостью ждут российское войско»².

Как только весть о подписании трактата стала известна (наиболее влиятельные владельцы были извещены П. Потемкиным), владельцы Дагестана наперебой стали обращаться к России с просьбой принять их под покровительство. Шамхал тарковский Муртузали писал: «Я со всеми моими сыновьями и братьями и всеми мне принадлежащими людьми верно и усердно е. и. в. служить намерен»³. Ума-хан аварский, обещая «дружбу и благосклонность», писал: «во всех сторонах... войско мое и я сам сколько сил моих станет служить готовы»⁴. Письма аналогичного содержания русское командование на Кавказе получало и от многих других владельцев Дагестана. Однако Турция продолжала занимать угрожающее положение в отношении Кавказа. Учитывая все это, русское правительство вынуждено было осуществить на Северном Кавказе мероприятия оборонительного характера, реорганизовать и усилить оборонительную Кавказскую линию, продолжив ее до р. Дон,

¹ С. Г. Гмелин. Путешествия по России, ч. III. СПб., 1785, стр. 24.

² «Известия АН Азерб. ССР», серия истор., № 10. Баку, 1940, стр. 132.

³ ЦГАДА, ф. 23, д. 13, ч. II, л. 279.

⁴ Там же, ч. II, л. 161.

начать строительство крепостей: Екатеринодарской, Павловской, Георгиевской и других. Осенью 1783 г. П. Потемкин распорядился выставить два отряда: один у Сулака около ранее существовавшей крепости Святой крест, а другой на Тереке⁵. В 1784 г. на Кавказской линии поселили своих крепостных Л. Вяземский, А. Безбородко, М. Воронцов, А. Черемышев. В том же году было образовано 5 деревень из казенных поселен. В наиболее важных в стратегическом отношении пунктах Кабарды были поставлены русские гарнизоны. «Русский двор,— писал П. Г. Бутков,— приняв в покровительство Грузию и обрашая свои виды на Армению, старался усугубить число зависимцев своих в Дагестане»⁶.

Учитывая, что одни военные мероприятия недостаточны для укрепления русских позиций, правительство для создания опоры в местном населении привлекало на свою сторону владельцев, поощряло торгово-экономические связи России с народами Северного Кавказа. Тогда же отдельные владения были приняты в подданство, «... первые андреевцы, вторые костековцы... признали самодержавную власть российского двора»⁷, а владелец Костека кумык Алишев возведен в чин капитана с ежегодным жалованьем⁸.

В подданство России было принято и так называемое вольное Андийское общество. «Мы, нижеподписавшиеся андийские старшины, и народ,—говорилось в их присяге,—обещаем и клянемся перед самим всемогущим богом и пророком его Магометом в том, что, будучи издревле верными российскому престолу... возобновляем нашу присягу, и почитая себя счастливыми, что удостоены мы в числе верноподданных, постановляем за святое правило исполнять и повиноваться беспрекословно, себя же собственно передаем покровительству и высочайшему защищению»⁹.

В 1784 г. петербургский двор предписал командующему на Кавказе П. Потемкину отправить в Тарки штаб-офицера к шамхалу с грамотой о принятии его в подданство России, а также с письмом, соболевой шубой и саблей, «дав ему наставление; с какою приличностию должен он доставить высочайшую грамоту и прочее шамхалу: учредить надлежащее с ним постановление»¹⁰.

Между тем шамхал Муртузали скончался. Преемник его Баммат также стал добиваться русского подданства. Вместе

⁵ П. Г. Бутков. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 г., ч. II. СПб., 1869, стр. 133.

⁶ Там же, стр. 134.

⁷ ЦГАДА, ф. 23, д. 13, ч. V, л. 108; ЦГВИА, ф. 52, д. 286, л. 133.

⁸ ЦГВИА, ф. 52, д. 286, л. 24.

⁹ Там же.

¹⁰ П. Г. Бутков. Указ. соч., ч. II, стр. 134—135.

с ним к России обратились уцмий Кайтага, Ума-хан аварский, хан кази-кумухский. «Я, Амир-Гамза,— писал уцмий Кайтага П. Потемкину,— с четырьмя моими сыновьями, со всеми моими подчиненными обещаю к службе е. и. в. всегда быть готовым против неприятелей ее быть неприятелем, а против друзей другом»¹¹.

Аварский владетель Ума-хан заверял, что превзойдет всех «князей и прочих народов» службой и будет «усерднее оказывать услуги» России. Ума-хан и другие владетели Дагестана уже в то время в своих письмах называют Екатерину II «нашей государыней», признают ее верховную власть¹².

Султанская Турция, не оставлявшая мысли прибрать к своим рукам Кавказ, резко отрицательно относилась к росту влияния России. «Ужас в Анатолии был невероятен, еще по присоединении Крыма к Российской державе принятие Грузии оный усугубило»¹³.

Задолго до этого начавшаяся подготовка к войне с Россией была ускорена. В 1781 г. в Анапе вместо земляного вала была построена под руководством западноевропейских инженеров первоклассная крепость, где сосредоточивались значительные военные силы¹⁴. Немного ранее прибывшие на 100 судах в Сунджук-кале турки скупали хлеб, «готовились к войне и склоняли к тому все горские народы Кабарды и кумыков». Распространились также слухи, «что в Анатолии Аджи-Али-паша собирал до 80 тыс. войска для войны с Россиею»¹⁵. Укреплением крепостей Батуми и Поти и сооружением новых редутов между рекой Рионом и озером Палеостомом, а также обучением артиллерийскому мастерству турецких солдат руководили иностранные офицеры. Причем некоторые «из них знали по-русски»¹⁶.

Интенсивную подготовку к войне вел и ахалцыхский паша. Он спешно собирал войска и посылал своих агентов вербовать на военную службу горцев Кавказа¹⁷. Эти агенты запугивали феодальных владетелей, внушали им, что с прибытием русских войск их изгонят. Фатали-хану дербентскому, например, они говорили, что при русских он «будет свинопасом»¹⁸. Одновременно кавказским владетелям отправлялись щедрые подарки

¹¹ ЦГАДА, ф. 23, д. 13, ч. II, л. 254.

¹² ЦГА ДАССР, ф. 150, оп. 1, д. 18, л. 15; ЦГАДА, ф. 23, д. 13, ч. 13, лл. 28, 136.

¹³ П. Г. Бутков. Указ. соч., ч. II, стр. 132.

¹⁴ Е. Д. Фелицин. Князь Сефер-бей Занд.— «Кубанский вестник», т. X. Екатеринодар, 1904, стр. 6.

¹⁵ П. Г. Бутков. Указ. соч., ч. II, стр. 46.

¹⁶ Там же, стр. 191—192.

¹⁷ ЦГВИА, ф. 52, д. 286, л. 83; Сб. РИО, т. 47, стр. 138—140.

¹⁸ ЦГАДА, ф. 23, д. 13, ч. II, л. 342.

с тем, чтобы привлечь их на свою сторону. Рядовым горцам, поступившим на турецкую службу, обещали выплачивать по 50 рублей.

Не менее многочисленной была и агентура, выступавшая под видом шейхов, сеидов, мулл и дервишей. Они вели разнузданную антирусскую пропаганду, призывая «правоверных» выступить в защиту ислама от посягательств неверных. «Сулейман-паше (ахалцыхскому.— В. Г.),— пишет турецкий историк Джебдет-паша,— предписано было неусыпно наблюдать за ходом дел, и чтобы задобрить дагестанский народ, прославившийся своею силою, преданностью вере своей и чрезвычайною храбростью, препровождены были к нему приготовленные в столице царские подарки и милости для раздачи предводителям этого народа с целью побудить его к священной войне; этими подарками и назначением содержания приказано было приласкать храбрецов и воинов... и употребить их в дело в минуты надобности»¹⁹. Одному только Ума-хану аварскому через ахалцыхского пашу было передано денег в 500 кис.²⁰ Грамоты турецкого правительства отправлены были и другим владельцам Кавказа, «в которых оно увещало их не давать веры речам русских, которые только с виду кажутся сладкими, но скрывают отраву..., и потому с полным усердием и согласиём оказывать твердость в сопротивлении и не допускать неприятеля до владений Ирана и Дагестана. Со своей стороны, высокое правительство обещало во всем оказывать всевозможную помощь... с целью расположить их к себе и задобрить, каждому из них прислало приличные подарки»²¹.

Однако усилия Турции не приводили к желаемым результатам. «В черном народе,— сообщал царский лазутчик,— молва идет: что в Персию (т. е. Восточный Кавказ.— В. Г.) придут русские войска, и ожидают через прибытие оных избавиться от междоусобий, тяжких налогов. Знатного же рода весьма сим слухом не довольны»²².

Между тем в 1785 г. на Северном Кавказе развернулось движение во главе с Ушурмой, известным в литературе под именем шейха Мансура. На первом этапе в восстании приняли участие засулакские кумыки, но вскоре они отошли. Сами аксаевцы и эндиреевцы следующим образом объясняли причины, побудившие их примкнуть к Ушурме. Перечислив обиды, которые терпели от своих владельцев, они писали: «Просили мы

¹⁹ Джебдет-паша. Описание событий в Грузии и Черкесии по отношению к Оттоманской империи от 1192 по 1202 г. хиджры.— «Русский архив», 1888, т. 1, стр. 382.

²⁰ П. Г. Бутков. Указ. соч., ч. II, стр. 178. Каждый кис, или мешочек, содержал 500 турецких пиастров.

²¹ Джебдет-паша. Указ. соч., стр. 378.

²² ЦГВИА, ф. 52, д. 286, л. 92.

запретить отнимать им у нас безвинно скот наш; за воровство же и шалости наложить на творящие оное штраф... Но не видя укрощения, дошли до совершенной крайности и принужденными нашлись, согласясь с другими присягнуть имаму с тем, чтобы разбирались ссоры и тяжбы наши по закону. Обидчики от обид и наглостей были удержаны, воры были наказаны, включая притом и то, что быть к России верности»²³ (Остальные народы Дагестана, в том числе и феодальные владетели, не только не примкнули к Ушурме, но и отказали ему в помощи. «Ты предлагаешь мне и дагестанскому народу,— писал Ума-хан аварский Ушурме,— чтобы, подобно населению подчиняющихся тебе чеченских районов, и отсюда народы пошли... сражаться с русскими... Но известно, что подобные действия перед русской державой не достигнут цели и станут причиной гибели дагестанцев. Поэтому в твоём деле я не могу быть тебе союзником»²⁴. Аналогичные ответы дали Ушурме шамхал тарковский, Магомед-хан кази-кумухский и кюринский, кади табасаранский и другие²⁵. Более того, даже некоторые представители духовенства, например А. Аймакинский, выступили против шейха Мансура²⁶.

Отказ дагестанцев помогать Ушурме хорошо был известен русскому командованию. «О собрании лже-пророка разведаль,— писал в 1786 г. в своём рапорте П. Потемкин.— Кроме чеченцев никого нет»²⁷. Даже когда распространились слухи о помощи, якобы оказываемой владетелями Дагестана Ушурме, П. Потемкин писал, что «это невероятно», и «не видно, чтобы народы к нему стекались»²⁸. Просьбы о помощи в Дагестане «во всех местах находят отказ»²⁹.

В это же время владетели Дагестана неоднократно обращались к России с просьбой принять их в подданство. В марте 1785 г. к представителям русского командования вновь прибыл посланник шамхала тарковского Роварслан (в некоторых документах Лаварслан) в сопровождении Гасана. Он привез письмо шамхала, в котором, упомянув о давней дружбе, шамхал просил принять его под протекторат России. «Что же касается до верности и преданности моей к е.и.в. престолу,— писал шамхал,— то удостоверяю..., что оное не только со стороны моей, но и со стороны моих подвластных соблюдается свято и непоколе-

²³ Н. А. Смирнов. Турецкая агентура под флагом ислама.— «Вопросы истории религии и атеизма», вып. I, М., 1950, стр. 50.

²⁴ Г. Алкадари. Асари Дагестан.— «Сборник для описания местностей и племен Кавказа», вып. 46. Махачкала, 1929, стр. 113—114.

²⁵ ЦГВИА, ф. 52, д. 366, ч. I, л. 48; ч. II, л. 65; ч. IV, л. 95.

²⁶ ИИЯЛ, Рукопис. фонд, д. 29.

²⁷ ЦГВИА, ф. 52, д. 366, ч. II, л. 65.

²⁸ Там же, ч. IV, лл. 218—219.

²⁹ Там же, л. 93.

бимо, так как и услуги до нас касающиеся»³⁰. Посланник представил также данные ему полномочия присягнуть от лица шамхала на верность и вступить в подданство России. Русское правительство решило принять шамхальское владение, но для того, чтобы «наблюдсти в том важном деле, да и прямо дать чувствовать самому шамхалу важность оногo»³¹, решено было отправить в Тарки поручика Филатова с Гасаном. С ними же была отправлена утвержденная форма присяги. Одновременно с русским посланником в Тарки прибыли эмиссары «от Порты с приглашением к услугам оной»³². Собравшиеся от всех подвластных шамхалу кумыкских селений старейшины единодушно с шамхалом Бамматом отвергли предложение турок и на общем совете решили «подвергнуться к престолу е. и. в. и признали поданными всероссийского престола»³³.

В мае 1786 г. родственник шамхала Омар привез принесенную владельцем Бамматом по форме в присутствии народа присягу на верность и подданство России. Генерал П. Потемкин принял посланника шамхала в торжественной обстановке. Стоя на коленях, посланник прочитал текст обязательств и присяги шамхала. Официальный прием завершился салютом в честь принятия шамхальства под протекторат России. Описывая церемонию, П. Потемкин писал фельдмаршалу Г. А. Потемкину: «Извольте видеть, какие сильные обязательства налагает на себя, преемников своих и ему подвластных»³⁴.

В том же 1786 г. эндиреевцы и аксаевцы «как владельцы, так и простой народ», раскаиваясь в участии в движении шейха Мансура, просили принять их в подданство России. Аксаевцы после того, как собрались и «учинили между собой присягу», были приняты под протекторат России. В начале 1787 г. после затянувшихся переговоров, «андреевские владельцы, уздени и народ» в присутствии русского офицера принесли присягу на подданство России³⁵. Вслед за ними костековцы в присутствии генерала Горича присягнули и утвердили двадцатью подписями составленное на русском и своем языке следующее обязательство: они обещали быть верноподданными России, не делать ей никогда никакого вреда, «а если таковой найдется виновным, с того взывать пеню 4 быка». Обязывались не допускать грабить россиян, а если между участниками грабежа найдется кто-нибудь из костековцев, «тогда убыток россиянину вдвое

---

³⁰ ЦГВИА, ф. 52, д. 366, л. 47; «Кавказский сборник», т. 15. Тифлис, 1894, стр. 38—39.

³¹ ЦГВИА, ф. 52, д. 306, ч. II, л. 171.

³² Там же.

³³ Там же.

³⁴ Там же.

³⁵ Там же, л. 366, ч. II, л. 25.

возвратить». Они обязывались также в период борьбы России против ее неприятеля, «соединяясь с российскими войсками, стараться... его прогнать»³⁶.

Аналогичные обязательства перед Россией приняли на себя эндиреевцы и аксаевцы³⁷. В 1786 г. к П. Потемкину прибыл посланник уцмий кайтагского с письмом от своего владетеля, а словесно просил генерала дать «ему список прошения шамхала, какие он поднес на высочайшее е. и. в. имя»³⁸ и форму присяги, с тем чтобы уцмий принес, подобно шамхалу, по утвержденной форме присягу на подданство России.

В 1786—1787 гг. к П. Потемкину неоднократно приезжал Мирза-Садык, посланник Фатали-хана и подавал прошение «о принятии его и областей» в подданство России³⁹. В том же году Мирза-Садык, по словам П. Потемкина, «более всех усердствующий России», прибыл в Петербург, где заявил о желании своего владетеля принять подданство России. В письме, которое Мирза-Садык привез с собой, Фатали-хан, обращаясь к Екатерине II, писал: «Прошу в. и. в. о принятии меня со всем подвластным мне народом и провинциями в высочайшую зависимость в. и. в.»⁴⁰.

В самом начале 1787 г. в Кизляр прибыл посланник Ума-хана аварского Дала с прошением и примерными обязательствами, которые хан может взять на себя при принятии подданства. «Бог, поставляя владетелем народа в Кавказских горах стесненного,— писал Ума-хан Екатерине II,— не стеснил духа моего искать славы и знаменитости в свете; но где более приобрету я славы, как под сенью всероссийского престола... Подвергаясь с полным упованием на покровительство в. и. в., буду в верной службе вашей и России»⁴¹. В письме к П. Потемкину Ума-хан просил, чтобы тот сделал свои замечания на предполагаемые к принятию обязательства и вернул с посланником с тем, чтобы и он, как шамхал, мог в Хунзахе при стечении народа принять их.

Тогда же в Кизляр приехали посланники кази-кумухского и кюринского Магомет-хана Али-ага и Кара-ага «для подвергания себя в зависимость е. и. в.»⁴². Кавказское командование решило для уточнения текста присяги и статей обязательства отправить обоих посланников с подпоручиком Потемкиным в Кази-Кумух.

С письмами, в которых предлагали свои услуги и просили их принять под покровительство России, обратились Рустам-Кади

³⁶ ЦГВИА, ф. 52, д. 416, л. 88.

³⁷ Там же, д. 483, лл. 6—7.

³⁸ Там же, д. 481, лл. 18—21.

³⁹ Там же, д. 416, л. 290.

⁴⁰ Там же, л. 291.

⁴¹ Там же, л. 184.

⁴² Там же, ч. II, л. 45.

табасаранский и многие другие владельцы⁴³. «Счастлив,— писал в августе 1787 г. главнокомандующий на Кавказе П. Потемкин,— что владельцы повергаются в зависимость е. и. в.»⁴⁴.

Однако вопрос о включении Дагестана в состав России в то время не получил окончательного разрешения ввиду того, что в августе 1787 г. Турция развязала новую войну. Включение Дагестана могло осложнить отношения России с Ираном, что было в создавшихся условиях крайне не желательно. России приходилось также считаться с тем, что правящие круги Англии и Франции не только подогревали реваншистские устремления Порты, субсидировали султана, но и прилагали все усилия к созданию против России мощного заслона из государств Европы и Ближнего Востока. Отправленный из Константинополя в Исфаган француз граф де Ферриери «письменно и словесно» уговаривал пришедшего к этому времени к власти в Иране Али-Мурат-хана выступить против России «военною силою, и что если в том не предускорить, придет в раскаяние»⁴⁵. Открытие военных действий означало также усиление происков султанской Турции на Кавказе, с тем чтобы организовать выступления горцев и «всех мусульман российских», астраханских, казанских татар и других «российскому скипетру подвластных магометан»⁴⁶. С этой целью только в Дагестан турецкие эмиссары привезли для раздачи местным владельцам 80 тыс. червонцев, 30 халатов и другие подарки⁴⁷.

Об усилении антирусской деятельности в те времена и подготовке агрессии на Кавказ писали и сами турки. Так, не раз упоминавшийся нами Джемдет-паша отметил, что по повелению султана пограничные паши должны были, «присоединив ханов Дагестана и Азербайджана», вторгнуться в русские владения. Для привлечения же владельцев на сторону Турции «посланы были к ним отдельные предписания, а вместе с тем и разные монаршие милости, кроме того в Дагестан был направлен силах-шур-мэхмед (соответствует званию егермейстера.— В. Г.). Салих-ага послан был в Дагестан с чрезвычайным полномочием. В то же время отправлены были и кабартайским (кабардинским.— В. Г.) князьям письма для побуждения их к священной войне газо (газават.— В. Г.) и грамота, через посредство ванского мухафыза (губернатора.— В. Г.) Тимура Пашу, в котором приглашался он также сделать нападения на Русскую землю»⁴⁸.

⁴³ ЦГВИА, ф. 52, д. 336, ч. II, л. 65.

⁴⁴ Там же, д. 416, ч. II, л. 45.

⁴⁵ П. Г. Бутков. Указ. соч., ч. II, стр. 149.

⁴⁶ Там же, стр. 224.

⁴⁷ Н. Дубровин. История войны и владычества русских на Кавказе, т. II. СПб., 1886, стр. 246; см. также: П. Г. Бутков. Указ. соч., ч. III, стр. 202.

⁴⁸ Джемдет-паша. Указ. соч., стр. 391.

В одном из разосланных в Азербайджан и Дагестан фирманов султан Селим писал: «По случаю настоящей у меня с Россией войны предписываю сим всем, мухамеданского исповедания народам стараться денно и нощно вооружаться против россиян, будет поступать кто вопреки сего, да будет яко незаконный и жена его от него свободна»⁴⁹. В письме к аварскому хану он писал: «Мы надеемся, что вы с сыном нашим купно действовать не откажетесь, просим вас, чтобы постарались сколько вам возможно собрать лезгинского, азербайджанского войска и соединиться с нами. За что от бога будет иметь воздаяние и от высокой Порты благодарность и услугу»⁵⁰. Письма аналогичного характера с щедрыми подарками были получены почти всеми владельцами Дагестана⁵¹. Но призывы турок не нашли поддержки в Дагестане. Об этом говорит хотя бы тот факт, что письма ахалцыхского паши Ума-хан аварский «прислал подлинником» кавказскому командованию⁵² и тут же поспешил заверить его в своей преданности России. Более того, некоторые из владельцев даже предлагали «воинские услуги». «Письма, в которых искали моей дружбы,— доносил П. Потемкин,— были получены от всех владельцев Дагестана»⁵³.

Русское государство было заинтересовано в сохранении мира на Кавказе и укреплении экономических и политических связей с народами Кавказа, в том числе с народами Дагестана. Поэтому русское командование делало все, чтобы «приобрести привязанность» горских народов Северо-Восточного Кавказа. Побывавшие с этой целью в Дагестане офицеры Кавказской армии в своих рапортах описывают настроение горцев. Так, 31 июля 1788 г. генерал Алексеев писал к Потемкину: «С самого моего на Кавказе прибытия я стремился всех народов дагестанских, кумыкских, горских и прочих татар приобрести к себе знакомство и потом привязанность... Всех сих народов привязанность приобретена, они мне послушны». И далее, имея в виду шамхала тарковского, уцмия кайтагского, отмечал, что «видел их преданными людьми России, так что... отправит каждый своего сына к вашей светлости»⁵⁴. Основываясь на личных наблюдениях и многочисленных сообщениях, поступающих из нагорного Дагестана, генерал Горич в рапорте от 3 февраля 1788 г. кн. Потемкину писал: «Хотя здесь со стороны турков распространяемые разные слухи, как-то об отправке турецких войск на Кавказ и Дагестан, рассеиваются, но горцы сами видят, что то не сбыточно..., я нахожу во всех горских народах доброе к нам распо-

⁴⁹ ЦГВИА, ф. 52, д. 516, л. 122.

⁵⁰ Там же, д. 486, л. 67.

⁵¹ Там же, д. 481, лл. 191—195; д. 487, л. 67.

⁵² П. Г. Бутков. Указ. соч., ч. II, стр. 224.

⁵³ ЦГВИА, ф. 52, д. 486, л. 17.

⁵⁴ Там же, д. 487, л. 57.

ложение и, если угодно будет вашей светлости, могу собрать войско из них»⁵⁵. Сообщения генералов Кавказской армии подтверждаются и дополняются показаниями лазутчиков. Специально отправленный в Дагестан и Азербайджан для обследования «касательной верности тех владельцев в расположении» к России и выяснения, «нет ли подсылок от Порты»⁵⁶ татарин Навруз-Али Иманкулов по возвращении подтвердил, что, несмотря на все старания турецких эмиссаров, население Восточного Кавказа остается верным России и «что все жители желают безмерно» быть под покровительством России, «почему более ханы страшатся приклониться на приглашение Порты»⁵⁷.

Однако часть феодалов и местное мусульманское духовенство, прельщаясь подарками султана, склонялись на сторону Турции. Одними из первых на призывы турок откликнулись владетель Дженгутая Али-Султан и его брат Аджи-Маматхан. Будучи обижены на царя Грузии и надеясь на легкую добычу, они, по свидетельству лазутчика, уговаривали ханов аварского и кази-кумукского напасть на Грузию, но оба эти феодала отказались⁵⁸. Тогда Али-Султан и его брат, собрав ополчение численностью до 200 человек, предприняли небольшими партиями грабительские нападения на Грузию⁵⁹.

Между тем на Восточном Кавказе вспыхнула междоусобная распря между Фатали-ханом и группировкой дагестанских владетелей, возглавляемой Ума-ханом аварским. Причиной этой междоусобицы обычно считают то обстоятельство, что Ума-хан искал случая отомстить Фатали-хану за убитых в борьбе с ним своего дядю Нуцал-хана и его сыновей Пулача и Магомет-Мирзу. Бесспорно, что в Дагестане феодальные междоусобицы усугублялись и осложнялись широко распространенным здесь обычаем кровной мести. Однако в данном случае обычай «утолить кровью» убитого в междоусобных войнах не был единственным поводом для них; надо полагать, что главной причиной феодальных распрей было стремление каждой борющейся стороны возвыситься. С набранными почти по всему Дагестану войсками Ума-хан и его союзники выступили против Фатали-хана, а вскоре остановились лагерем вблизи сел. Тебриз. Султанская Турция, ревниво следившая за всем, что происходило на Кавказе, попыталась использовать ополчение горцев в своих корыстных целях. Для этого в ставку Ума-хана были отправлены эмиссары султана. Они привезли крупные суммы денег и щедрые подарки предводителям ополчения и уговаривали их учинить нападение на Грузию. Слухи о прибытии турок в лагерь Ума-хана,

⁵⁵ ЦГВИА, ф. 52, д. 483, лл. 2—4.

⁵⁶ Там же, д. 487, л. 17.

⁵⁷ Там же, лл. 25—30.

⁵⁸ Там же, д. 486, лл. 83—84.

⁵⁹ Там же.

о предстоящем нападении на Грузию и скором изгнании русских войск с Кавказа распространились по всему Закавказью. Обеспокоенное русское командование послало гонца с письмом к дагестанским владетелям, в котором потребовало прекратить распри и распустить войска. Перед предводителями ополчения встала альтернатива — либо склониться на сторону султана и выступить в Грузию на соединение с его войсками (за что Порта предлагала денежное вознаграждение, богатые подарки и обещала легкую добычу в Грузии), либо склониться на сторону России. Среди руководящей верхушки ополчения возникли разногласия: одни предлагали пойти на соединение с войсками султана, а другие, более дальновидные, считали, что ничего хорошего союз с Турцией горцам не принесет, а судьба принявших предложение султана будет плачевной, так как Россия не оставит их безнаказанными.

После споров военачальников, не пришедших к единому мнению, вопрос был поставлен перед всем ополчением. Как свидетельствует присутствовавший при этом лазутчик, «все войско единодушно объявило ответ», что выступить в Грузию на соединение с войсками султана «не согласны», а просит «его (Ума-хана.— В. Г.) возвращения в свои дома»⁶⁰. Только из-за нежелания рядовых горцев ополченцы «не пошли, как приглашал их турецкий паша, к нему, а пошли в свои дома через Дербент»⁶¹.

Вскоре после этого Ума-хан аварский через «нарочно присланного» Магомед-агу известил о своей верности России и обещал, «что он, положи упование на щедроты е. и. в., пребудет навсегда в благорасположении своем непоколебимым»⁶². Таким образом, простые горцы, составлявшие подавляющее большинство ополченцев, высказавшиеся против выступления на соединение с войсками Турции, сыграли решающую роль в предотвращении похода на Грузию. Не менее важное значение имело и предупреждение русского командования. «Сношение, которое я продолжал с владельцами Дагестана,— доносил генерал П. Потемкин,— весьма способствовало к удержанию их в благоразмыслии, предохранило Грузию от разорения и произвело даже перемены в правительстве их, для службы в.и.в. полезныя, несмотря на все,... внушения и происки Порты»⁶³.

Тем не менее Турция продолжала засылать в Дагестан эмиссаров с тем, чтобы возбудить горцев против России и «непреренно иметь движение к гор. Кизляру и сделать приступ»⁶⁴.

⁶⁰ ЦГВИА, ф. 52, д. 487, лл. 32—33.

⁶¹ Там же, л. 53.

⁶² Там же, д. 516, л. 40.

⁶³ «Бумаги кн. Г. А. Потемкина-Таврического 1789—1799», вып. VII. СПб., 1894, стр. 124.

⁶⁴ ЦГВИА, ф. 52, д. 563, лл. 3, 8, 14, 39, 47; д. 567, л. 2; «Кавказский сборник», т. 15, 1894, стр. 19—20.

В широко распространенном фирмане султана говорилось: «С получением сего восстали видящие сего... мусульмане на ополчения врагов наших, беззаконных россиян, без замедления и старались денно и нощно чинить храбрыя нападения..., в противном же случае ослушников сего..., если с помощью всевышнего достигну я с войсками в те места, то за противность вашу предам вас мечу купно с беззаконными»⁶⁵. Однако ни уговоры, ни щедрые подарки, раздаваемые эmissарами феодалам, ни угрозы султана не смогли настроить горцев Дагестана против России. Стало ясно, признает Джемдет-паша, что «ханы Дагестана и Азербайджана... оказались сторонниками Эрекли-хана (царя Грузии Ираклия II.— В. Г.)... и что желанного союза вполне добиться было нельзя»⁶⁶.

Многочисленные агенты Турции, проникшие на Северный Кавказ, также не добились желанных результатов, все их усилия оказались безуспешными.

В июле 1790 г. 30-тысячная турецкая армия с 30 орудиями, перейдя под командованием Батал-паши в наступление на Кубани, двинулась на Северный Кавказ, рассчитывая покорить Кабарду и нанести главный удар по Кизляру, с захватом которого турки надеялись, что «закубанцы, кабардинцы, народы Восточного Кавказа и даже персиане из закавказских ханств» выступят против русских. Кизляр был назначен местом встречи Батал-паши, Ушурмы и дагестанских владельцев⁶⁷. Однако привести в исполнение свои планы туркам не пришлось. Против турок были направлены русские войска под командованием генерал-майора И. Германа. У реки Тахтамыш близ современного города Черкесска произошла кровопролитная битва, в результате которой турецкие войска были разбиты наголову, а сам главнокомандующий со свитой взят в плен⁶⁸. В дальнейшем успешно продвигавшиеся русские войска штурмом овладели первоклассной по тем временам крепостью Анапой. Этим была снята нависшая над народами Северного Кавказа и Дагестана угроза нашествия полчищ султанской Турции. И на этот раз благодаря России народы Северного Кавказа и Дагестана были избавлены от неминуемого турецкого вторжения, от ограбления и разрушения их селений и городов.

В русских войсках под командованием генерала Горича (кабардинца по происхождению) воевали 36 князей и 5 тыс. воинов-кабардинцев⁶⁹. В штурме Анапы отличились отряды

⁶⁵ ЦГВИА, ф. 52, д. 563, л. 4; д. 416, ч. II, л. 11—12.

⁶⁶ Джемдет-паша. Указ. соч., стр. 391.

⁶⁷ Н. А. Смирнов. Политика России на Кавказе в XVI—XIX вв. М., 1958, стр. 157; «Кавказский сборник», т. 20. Тифлис, 1899, стр. 407—408.

⁶⁸ П. Г. Бутков. Указ. соч., ч. III, стр. 223.

⁶⁹ «Кабардино-русские отношения в XVI—XVIII вв.», т. II. М., 1957, стр. 374—376. «История Кабарды». М., 1957, стр. 64.

под командованием кн. Атажуко Хамурзина. Кроме того, кабардинские отряды несли охрану Кавказской линии. Плечом к плечу с русскими солдатами сражались и горцы Дагестана, правительство отметило ряд дагестанцев наградами и чинами. Так, дагестанцы Гирей-хан Чепалов, Муртазали Ахматханов, Устар-хан Хамзин были произведены в секунд-майоры, Ибрагим Албюрю Аджиев, Али Алхасов, два узденя эндиреевские, Даций Таймасханов получили чин капитана, а Хамза Алишев — чин подполковника⁷⁰. Мало того, некоторые горцы Дагестана служили в русских войсках и принимали участие в войне против Швеции: например, Чепалов из Эндрея «служил по своему желанию против шведов» и достиг чина подполковника⁷¹.

Вторая русско-турецкая война, несмотря на всестороннюю поддержку турок западноевропейскими государствами и, в частности, Англией, окончилась поражением Порты.

Блестящие победы русской армии под командованием великого русского полководца А. В. Суворова при Кинбурне, Фокшанах, Рымнике и Измаиле, внушительные победы молодого русского Черноморского флота под руководством Ф. Ф. Ушакова у Керченского пролива и Кили принудили Турцию просить мира. В 1791 г. в Яссах между Россией и Турцией был подписан мирный договор⁷², по которому Порта подтвердила условия Кючук-Кайнарджийского договора, признала присоединение к России Кубани, Крыма и территории между Бугом и Днестром. Турция отказалась также от притязаний на Грузию, обязалась обеспечить безопасность кубанских границ России и признала русский протекторат над Молдавией и Валахией. Если бы борьба с Французской буржуазной революцией не отвлекла Россию, то несомненно Турции пришлось бы подписать более тяжелые условия мирного договора. Несмотря на то, что статьи Ясского договора не соответствовали ни планам царизма, ни успехам русского оружия в войне с Турцией, все же для России этот договор имел важное значение: по его условиям она закрепила за собой все присоединенные земли на юге и жизненно важное для страны Черноморское побережье, что подняло престиж России среди народов Кавказа. Вскоре после заключения Ясского мира по рескрипту Екатерины II царские власти на Северном Кавказе приступили к сооружению новых укреплений на Кавказской линии. В течение 1791—1793 гг. под начальством генерал-майора Фери были построены крепости Шелковская близ впадения Сунжи в Терек, Кавказская у урочища Тишим-бека, Усть-Лабинская на реке Лабе. Во вновь созданные шесть станций было переселено до 3 тыс. семейств донских казаков.

⁷⁰ П. Г. Бутков. Указ. соч., ч. II, стр. 258—259.

⁷¹ Там же.

⁷² Полный текст Ясского договора см. в кн.: «Договоры России с Востоком. Политические и торговые». СПб., 1889, стр. 41—49.

Вместе с русскими и украинскими переселенцами в заселении Северного Кавказа участвовали армяне и грузины. Взаимоотношения русских новоселов с горцами Северного Кавказа «оставались преимущественно мирными»⁷³. Между ними шла оживленная торговля, развивались дружественные связи. Царское правительство в эти годы проводило на Кавказе утонченную колониальную политику. В указе императрицы 28 февраля 1792 г., определившем политику России на Кавказе, говорилось: «Не единою силою оружия... побеждать народы, в неприступных горах живущие..., но паче правосудием и справедливостью нужно приобрести их к себе доверенность, кротостию смягчать, выигрывать сердца и приучать их более обращаться с русскими». Для этого требовалось: «всячески ласкать и привлекать к себе лучших людей народа сего, тех же, кто более предан, жаловать чинами, деньгами и иными отличиями, особенно тех, кто принимает христианство... Со всей серьезностью следить, чтобы ни от войск наших, ни от казаков, на линии обретающихся, не было чинено ни малейшее притеснение и обиды горцам, строго приказать, чтобы военачальники не допускали свойвольствия против горских народов, всякого, кто станет поступать сему противно... наказывать как преступников». Стараться приводить народы Кавказа «в некоторый род зависимости от престола нашего»⁷⁴. В отношении же Дагестана Екатерина II указала кавказскому генерал-губернатору Гудовичу держаться «приверженности шамхала, хана дербентского, хана аварского, владельца казикумыцкаго и тому подобных», а для того всех «доброжелательных нам ханов обнадежить» покровительством России, «объявить им, что по мере усердия их к престолу нашему изльется на них и наша императорская милость; во изъявление же преданности истребовать, чтобы они прислали ко двору нашему из первейших своих чиновников с прошением о принятии их под державу-ли или покровительство империи». Для этого «употреблять всевозможныя средства привлекать к нам различных владельцев... возбуждая в них любочестие и желание быть удостоенными отличностей от руки нашей, а другим внушая, какое обогащение, пользы и выгоды последовать могут им и по данным их от спокойного владения и от торговли с россиянами, которой покровительствовать и поощрять паче всего нужно»⁷⁵. Все это требовалось проводить осторожно, чтобы не делать лишние затраты и не вступать в междоусобные распри феодалов.

⁷³ А. В. Фадеев. Очерки экономического развития степного Предкавказья в дореформенный период. М., 1957, стр. 41.

⁷⁴ АКАК, т. II, стр. 1123—1124; Н. А. Смирнов. Политика России на Кавказе XVI—XIX вв., стр. 164.

⁷⁵ П. Г. Бутков. Указ. соч., ч. II, стр. 286—287.

Такая политика русского правительства нашла живой отклик. Раздираемые внутренними противоречиями феодальные владетели Дагестана, так же как и всего Кавказа, стали обращаться к России. В 1791 г. в Петербург обратились шамхал тарковский, дербентские, кумыкские князья и многие другие владетели с просьбой принять их в подданство России. Но несмотря на это и сложившуюся благоприятную внешнеполитическую обстановку — Порты после поражения во второй русско-турецкой войне переживала, по определению самих турок, период «инхияль ве инкрыз девре» (расчленения и гибели)⁷⁶, Персия была раздираема междоусобной войной, — русское правительство все же не решалось присоединить Восточный Кавказ. Это объяснялось тем, что Россия вместе с Англией, Турцией и Пруссией была занята борьбой с французской буржуазной революцией. Русское правительство дало указание кавказскому генерал-губернатору по возможности уклоняться от принятия в подданство России владений, находящихся «в западной... стороне» Каспийского моря, чтобы не вызывать со стороны Порты неприятных хлопот. Прилегающие же к берегам Каспийского моря земли феодалов, «желающих вступить в вечное подданство России, ни малое не настоит сомнения в принятии их»⁷⁷. Поэтому Гудович привел «на вечное подданство России» кумыкских князей и шамхала тарковского. 19 апреля 1793 г. тарковскому владетелю вместе с собольей шубой, бриллиантовым пером в знак шамхальского достоинства и другими подарками была вручена «высочайшая» грамота, которая подтверждала принятие шамхальства в подданство России. Шамхалу было назначено 6 тыс. руб. в год для содержания войск «во всегдашнее время» на службу России и оборону края, сам он произведен в чин тайного советника и приставом к нему определен майор Минеев⁷⁸. В ответ на двукратное прошение Ших-Али-хана дербентского и данную за своего владетеля присягу «на вечное подданство» посланником его Мирзой-Гасаном в Георгиевске, генерал Гудович 9 октября 1793 г. отправил в Дербент русского офицера с текстом точно такой присяги, какую давал шамхал «для личного ханом утверждения». Но Ших-Али-хан, «будучи управляем своим дядькою Вели-беком», присягу не подписал, а «целовал в присутствии того капитана коран». С этого времени Ших-Али-хан «сочтен уже за подданного» России, «посланец его препровожден ко двору и ожидаема была высочайшая грамота»⁷⁹.

Переговоры о принятии в подданство России велись и с другими феодальными владетелями Дагестана. Одновременно

⁷⁶ А. Ф. Миллер. Краткая история Турции. М., 1948, стр. 34.

⁷⁷ П. Г. Бутков. Указ. соч., ч. II, стр. 287.

⁷⁸ Там же, ч. II, стр. 288—289; ч. III, стр. 243.

⁷⁹ Там же, ч. II, стр. 294—295.

развивались и торгово-экономические связи Дагестана с Россией и, особенно, с русскими переселенцами на Кавказе. Само собой понятно, что укрепление политических и экономических связей народов Дагестана, Азербайджана и других шло вразрез с планами и намерениями Турции и Ирана. Оттоманская Порта все еще продолжала считать, что благополучие империи покоится «на острие сабли»⁸⁰, и поэтому, ведя подготовку к военным авантюрам на Кавказе, не останавливаясь ни перед чем, пыталась инспирировать выступления кавказцев против России. И надо признать, что Турции удалось склонить некоторых феодалов на свою сторону. Так, Ших-Али-хан дербентский, до этого «целовавший коран» на верность России, отправил к султану Селиму III посланника Мегмет-бека известить о своей преданности Порте и «готовности напасть на пределы России»⁸¹.

В 80-х годах XVIII в. после долголетней междоусобной войны в Иране к власти пришел Ага-Мухаммед-хан Каджар. Этот обезображенный с детства, презирающий весь род человеческий, кровожадный восточный деспот, как только захватил шахский престол, открыто заявил о своем намерении покорить Кавказ. Подчинив себе Южный Азербайджан, Ага-Мухаммед-хан стал деятельно готовиться к вторжению. Правящие круги Англии и Франции, несмотря на имевшиеся между ними противоречия, стремились использовать Ага-Мухаммед-хана для борьбы со все возрастающим влиянием России на Востоке, толкали его на войну. Приехавшие в Иран под видом ученых-натуралистов эмиссары Французской директории Ламарк-Оливье и Брюнгере подогревали захватнические устремления персидского двора⁸². Иранскую армию обучали инструкторы западноевропейских государств⁸³. Вместе с подготовкой страны к войне Ага-Мухаммед-хан всячески старался привлечь феодальных владетелей Кавказа на свою сторону и стал требовать покорности от ханов, искавших ранее русского подданства. «Если Россия,— писал он,— завладеет городами при подошве гор Кавказских лежащими, то они (горцы Дагестана.— В. Г.) останутся в середине; в тогдaшнее время при всех крепких своих местах они должны будут отдать свое оружие», поэтому он требовал «сделать всеобщее движение на российские пределы, чтобы отвлечь российские войска». Одновременно Ага-Мухаммед-хан разослал на Кавказ многочисленных эмиссаров с объявлением, что те владельцы, которые не перейдут на сторону Персии и не признают над собой верховную ее власть,

⁸⁰ Н. А. Смирнов, Турецкая агентура под флагом ислама, стр. 18—19.

⁸¹ П. Г. Бутков, Указ. соч., ч. III, стр. 247.

⁸² А. Р. Иоаннисян, Присоединение Закавказья к России и международные отношения в начале XIX столетия. Ереван, 1958, стр. 10—22.

⁸³ П. Г. Бутков, Указ. соч., ч. II, стр. 263.

«будут изгнаны, владения их разорены, а жители истреблены»⁸⁴. Характеризуя действия иранского двора, главнокомандующий на Кавказе генерал Гудович заключает: «Ага-Мухаммед-хан испаганский усиливается..., возрастает в высокомерных своих замыслах, собирает войска и устрашает прочих ханов себе на покорение, грозит нападением на Грузию»⁸⁵. Антирусскую подрывную деятельность на Кавказе в союзе с Персией в это время вела и султанская Турция.

В распространявшихся многочисленными агентами Порты на Кавказе обращениях султана Селима «ко всем обитающим от Черного моря до Дербента магометанским народам» говорилось, что «по заключении мира с Россией» (имеется в виду Ясский мир 1791 г.— В. Г.) отправлен от него к русскому двору посланник «с требованием отказаться от Крыма и Кабарды; что если Россия на то не согласится, то весною 1794 года откроет он войну, к чему чтоб старались и сии народы изготавиться, с персидским государем Ахтаханом (Ага-Мухаммед-хан.— В. Г.), что французы и короли других держав желают воевать против России и ожидают, чтоб он, султан, начал, и что войско его обучается экзерциции наподобие русских»⁸⁶. Однако ни угрозы, ни обещания не достигли цели. Большинство владетелей Закавказья отвергло эти домогательства. Царь Грузии Ираклий II, Мир-Мустафа-хан талышинский, Мухаммед-хан эриванский, Ибрагим-хан карабахский заключили между собой союз и «дали торжественный обет не подчиняться Ага-Мухаммед-шаху, всеми средствами оказывать помощь друг другу»⁸⁷. Не склонилась на сторону ирано-турецких агрессоров и преобладающая часть феодалов Дагестана⁸⁸. Только Ших-Али-хан дербентский, которого обещали сделать набобом Ширвана, ориентировался на Иран⁸⁹. Эти события стали предметом обсуждения Государственного совета России, который принял следующее решение. Кавказскому командованию предлагалось «всех подавшихся е. и. в. и приверженных к России владетелей Кавказа... содержать в единомыслии и благонамеренности», чтобы они могли противостоять честолюбивым замыслам Ага-Мухаммед-хана. Для достижения этого генералу Гудовичу разрешалось «удовлетворить желание талышинского Мир-Мустафы-хана принятием его в вечное подданство е. и. в.», поощрять владетелей обещанием помощи и при необходимости

⁸⁴ АВПР, ф. Сношения России с Персией, 1794—1799 гг., д. 487, л. 112; ЦГВИА, ф. 52, д. 487, л. 81.

⁸⁵ ЦГВИА, ф. ВУА, ф. 6164, ч. 12, л. 13.

⁸⁶ П. Г. Бутков. Указ. соч., ч. II, стр. 266; Н. Дубровин. Указ. соч., т. II, стр. 298.

⁸⁷ Мирза Адигезаль-бек. Карабаг-Наме. Баку, 1950, стр. 77.

⁸⁸ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6164, ч. 15, л. 42.

⁸⁹ П. Г. Бутков. Указ. соч., ч. II, стр. 332.

снабжать «артиллериею и другими военными припасами или же силою подкреплять царя Ираклия и других ханов, употребляя к тому войско», находящееся в распоряжении главнокомандующего⁹⁰. Гудовичу повелено было также дать знать Ага-Мухаммед-хану, что если тот хочет добиться признания его шахом Ирана, то должен отказаться от притязаний на «область, Каспийскому морю прилежащая, и на владетелей, скипетру российскому подвластных»: царя картлийского, шамхала тарковского, уцмия Кайтага, ханов дербентского, бакинского, талышинского, шушинского — и чтобы он согласился установить границу между Россией и Ираном⁹¹. Иначе говоря, Россия, брала под защиту и покровительство народы Дагестана, Азербайджана и Грузии. Но несмотря на это, ободренный успехами внутри Ирана и подталкиваемый французскими эмиссарами Ага-Мухаммед-хан собрал огромную армию с артиллерией, которой командовали французские офицеры, перешел р. Аракс и вступил во владения Ибрагим-хана карабахского⁹².

Активизировалась и султанская Турция. Под видом защиты своих границ в Ахалцхский, Карский, Баязетский и другие пашалыки отправил султан «артиллерию, жизненные и паче воинские припасы». Вместе с тем Порты отправила Ага-Мухаммед-хану «150 тыс. кулей пшеницы, масла, баранов и прочаго на продовольствие войск». Все это, по справедливому замечанию академика П. Г. Буткова, ясно доказывало «существующее между персами и турками согласие»⁹³. В Карабахе, по словам генерал-майора Кишмишева, Ага-Мухаммед-хан встретил «народную войну»⁹⁴. Поэтому, оставив осажденной крепость Шушу, оборону которой несли азербайджанцы и армяне, Ага-Мухаммед-хан вторгся в Грузию и занял Тбилиси. В продолжение нескольких дней войска Ага-Мухаммед-хана грабили и разрушали город, насиловали женщин, убивали мирных жителей, «не щадя даже мусульманского населения».

Описывая картину чудовищного разорения Тбилиси, современник событий Артемий Арабатский отмечал: «Пройдя в Тифлис через Топигагские ворота, я еще более ужаснулся, увидев даже женщин и младенцев, посеченных мечом неприятеля, не говоря уже о мужчинах, которых в одной башне нашел я на глазомер около тысячи трупов. Бродя по городу до Ганжин-

---

⁹⁰ «Архив Государственного Совета», т. I, ч. II. СПб., 1869, стр. 790. В. Н. Левиатов. Очерки истории Азербайджана в XVIII в. Баку, 1948, стр. 164.

⁹¹ П. Г. Бутков. Указ. соч., ч. II, стр. 331.

⁹² Там же; Мирза Джамад Джеваншир Карабагский. История Карабага. Баку, 1959, стр. 78—79.

⁹³ П. Г. Бутков. Указ. соч., ч. II, стр. 343.

⁹⁴ С. О. Кишмишев. Походы Надир-шаха в Герат, Кандагар, Индию и события в Персии после их смерти, ч. II. Тифлис, 1889, стр. 255.

ских ворот, я не встретился ни с одним живым человеком, кроме некоторых измученных стариков, которых неприятели, допрашивая, где есть у них богатство или деньги, делали над ними различные тиранства. Город почти был выжжен и еще дымился, а воздух от гниющих убитых тел по жаркому времени был совершенно несносен и даже заразителен»⁹⁵. Кизылбаши,— писал Мирза Адигезаль-бек,— заняв Тифлис, превратили город «в дом глубокого траура», они «вырезали часть населения, а часть взяли в плен»⁹⁶.

После взятия Тбилиси Ага-Мухаммед-хан потребовал от народов Дагестана покорности. В противном случае он грозил «смертью, разорением и разрушением сел и деревень подобно тому, какое учинил в Грузии»⁹⁷. Требования зарвавшегося деспота взволновали жителей гор. Владетели Дагестана — шамхал тарковский, уцмий кайтагский, кадий табасаранский, Али-Султан дженгутаевский и другие,— «крайне встревоженные», собрались на общий совет и единодушно отклонили требования персидского завоевателя, «положили принять все меры к оказанию сопротивления» и обратились «о помощи к России»⁹⁸, которая несмотря на то, что еще была занята организацией новой коалиции для борьбы с Французской республикой, все же не могла допустить того, чтобы Кавказом овладела Персия. Поэтому петербургский двор решил использовать обращение владетелей Кавказа в своих целях. В рескрипте от 16 ноября 1795 г. на имя генерала Гудовича Екатерина II четко определила политику России. Российским войскам предписывалось охранять не только Грузию, но и Ширван, а также Баку. Если же Ага-Мухаммед-хан овладеет Ширваном и Баку «и тем приблизится к Каспийскому морю и к пределам нашим, тогда уже, по учинении всех нужных приготовлений и принятии всех надлежащих мер, должно будет предупреждать елико возможно его (движение.— В. Г.) в Дагестан и занятием Дербента от войск наших оградить безопасностью и не оставить без покровительства подданного нашего шамхала тарковского, уцмия каракайтагского и самого хана дербентского»⁹⁹.

Генерал Гудович отправил вахмистра А. Садыкова в Дагестан с письмами, в которых заверял, что им будет оказана помощь со стороны России. Он доставил ценные сведения о настроениях в Дагестане. «Шамхал и его подвластные весьма смущены взятием Тифлиса и тем, что Грузии не было подано

⁹⁵ Н. Дубровин. Георгий XII — последний царь Грузии и ее присоединение к России. СПб., 1867, стр. 27—28.

⁹⁶ Мирза Адигезаль-бек. Указ. соч., стр. 81.

⁹⁷ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 2801, л. 2; д. 6164, ч. 15, л. 17.

⁹⁸ ЦГА ДАССР, ф. 150, оп. 1, д. 18, лл. 18—19.

⁹⁹ Н. Дубровин. История войны и владычества русских на Кавказе, т. III. СПб., 1886, стр. 60.

помощи от России»; шамхал совместно с ханами кази-кумухским, аварским и другими владетелями намерены держаться твердо, и «от них содержатся караулы по двум путям, которыми Ага-Мухаммед-хан может проникнуть в Дагестан,— дербентскому и кубинскому». Они «весьма желают прибытия русского войска и находят, что было бы очень полезно занять Дербент, Баку и Гилян». Что же касается уцмий, продолжал Садыков, «как он, так и его подданные» также смущены успехами персов. Но его уверил майор Ахвердов, «что ему будет подана помощь, вследствие чего усми принял подданство России и отправил... к российскому двору своего нарочного с изъявлением покорности и просьбою о помощи». В Дербенте Садыков не застал Ших-Али-хана. Из бесед с наибом и другими знатными людьми он выяснил, что народ обеспокоен также взятием Тифлиса.

Однако, когда Садыков сообщил о том, что в Грузию отправлены русские войска и им будет подана помощь, «они ему сказали, что они нисколько не расположены к Ага-Магомет-хану, желают быть покорными России и просят присылки войск»¹⁰⁰.

В Грузию были отправлены русские войска под командованием Сырехнева, а в Дагестан — отряд под начальством генерал-майора Савельева, состоящие из трех батальонов пехоты, шести орудий, одного регулярного эскадрона казачьей команды, 400 казаков и 500 калмыков¹⁰¹. Владетелям Дагестана было предложено собрать «милицию» и вместе с русскими войсками организовать общую оборону против персов, на что «шамхал, уцмий и кади (табасаранский.— В. Г.) изъявили готовность исполнить» указания главнокомандующего, «к ним присоединились и акушинский кади, Али-Султан дженгутайский, Ума-хан аварский»¹⁰². Савельеву было дано указание для необходимых расходов на содержание войск выдать уцмию Кайтага 2 тыс. руб., кадиям табасаранскому и акушинскому — по 500 руб. Только один Ших-Али-хан на предложение Савельева прислать своих посланников «для заключения условий к совокупному действию с дагестанскими владетелями против Ага-Мухаммед-хана» отозвался письмом, что будет противиться вступлению русских в его владения¹⁰³. В связи с этим кавказское командование, усилив отряд Савельева двумя батальонами, приказало ему двинуться к Дербенту и занять город силой, если «новое требование отворить город русским останется без успеха». Однако по прибытии отряда к Дербенту стало

¹⁰⁰ П. Г. Бутков. Указ. соч., ч. III, стр. 263—264.

¹⁰¹ Там же, ч. II, стр. 349.

¹⁰² ЦГА ДАССР, ф. 150, оп. 1, д. 18, лл. 18—19.

¹⁰³ П. Г. Бутков. Указ. соч., ч. III, стр. 273.

ясно, что Савельев не сможет занять крепость с гарнизоном, состоящим из 11 тыс. человек и имеющим сильную артиллерию из 29 пушек и мортир. Учитывая, что для «оказания помощи» народам Восточного Кавказа «отряд Савельева малочислен», русское правительство приняло решение снарядить особую экспедицию. Войско, предназначенное для экспедиции, должно было насчитывать до 30 тыс. человек при 100 орудиях. Для обеспечения его продовольствием в Астрахани был создан «запасной магазин»; здесь приказано было заготовить 70 000 четвертей муки, круп и 40 000 четвертей овса, которые могли быть доставлены флотом в города прикаспийского побережья. Кроме того, действующий отряд должен был иметь «магазин» с запасом продовольствия на 3 месяца¹⁰⁴. Командование экспедиционным корпусом было поручено генерал-поручику В. А. Зубову, ему же были подчинены русские войска, находящиеся в Грузии, отряд Савельева и русский флот на Каспийском море. Начать движение решено было с двух сторон: со стороны Грузии и берегом Каспийского моря. Специальным рескриптом русское правительство указало В. Зубову, чтобы «при движении войск соблюдало было безукоризненное поведение, чтобы никакие притеснения жителям не делали. Проявляли строгую справедливость, внимание к просьбам их. Ограждали неприкосновением личную и имущественную безопасность. Не стесняли свободное отправление их веры. Привлекать всеми способами и наиболее утверждать в верности шамхала тарковского, уцмия каракайтагского, ханов кази-кумухского и аварского, отличая их по мере их усердия и приверженности и награждая услуги их по усмотрению деньгами или подарками..., а для лучшего уверения в их преданности и верности при оставлении их земель брать от них под видом служения аманатов. Стараться примирить различных владетелей и определить каждому ограничение в его владениях, долженствующе образовать бытие каждого, дабы положить конец междуусобным [войнам] доселе от притязаний проистекающих, обязать их перед властью е. в. под опасением потери приобретенных... преимуществ не собирать войска и не нападать на соседственных себе ханов равномерно в подданстве России находящихся, стараясь все их распри справедливым посредничеством решать и не допускать никого захватывать собственности другого». Во вновь занимаемых владениях повелено было владетелей, «кои, познавая покровительство» не будут оказывать сопротивление, «а паче изгнанные Ага-Мухаммед-ханом и пострадавшие от лютой его» оставлять у власти, оказавших сопротивление «низлагаемы быть имеют, с городов же упорных можете брать военную

¹⁰⁴ Н. Дубровин. История войны и владычества русских на Кавказе, т. III, стр. 93—96.

дань, по возможности их и по лучшему усмотрению вашему»¹⁰⁵. Само собой разумеется, что этот указ имел огромное политическое значение. Его выполнение обеспечивало расположение народов Кавказа к России.

В конце марта 1796 г. Зубов прибыл в Кизляр, где сосредоточивались основные силы экспедиционного корпуса. Однако назначенные в поход части прибывали в Кизляр очень медленно. Опасаясь упустить время, В. Зубов 15 апреля, не ожидая окончательного сбора, с отрядом численностью около 12 тыс. человек при 21 орудии выступил на юг. Горцы Дагестана радушно встречали движущиеся на юг русские войска, оказывали им посильную помощь, за свой счет чинили и строили заново мосты через реки, своими силами привозили провиант. Шамхал тарковский Магомед-хан, кайтагский уцмий Рустам-хан и табасаранский кадий Рустам-кади присоединились к отряду Зубова¹⁰⁶. Вскоре, всюду встречая только «помощь и содействие»¹⁰⁷, русские подошли к Дербенту. Переметнувшись до этого на сторону Ирана, владетель Дербента Ших-Али-хан, несмотря на то, что «жители требовали сдачи города»¹⁰⁸, надеясь на помощь Персии, решил оказать сопротивление. Ага-Мухаммед-хан, не осмелившись вступить в открытую борьбу с русскими войсками, снял лагерь в Мугани и ушел в Иран, но предварительно отправил к владетелям Азербайджана и Дагестана посланников во главе со своим племянником Аскер-ханом с требованием быть готовыми по первому его зову подняться на борьбу против России, уверяя при этом, что ни одного «русского воина не выпустит живым». Одновременно с этим к владетелям Кавказа были отправлены эмиссары турецкого султана. К Сурхайхану кази-кумухскому «прибыл турецкий эмиссар байрактар Осман с большой суммой денег и письмами»¹⁰⁹, присланными Ума-хану и другим владетелям, с призывом к «единодушному и совокупному сопротивлению русским»¹¹⁰.

Зная, что в Дербенте происходит «борьба партий», генерал В. Зубов отправил к Ших-Али-хану парламентаров с предложением «сдаться на милость России». Но это предприятие не имело успеха. Подошедшие к Дербенту передовые отряды русских войск были встречены огнем. Тогда было решено овладеть городом силой. Однако взять Дербент штурмом не удалось. «Лишь при содействии Рустам-кади генерал Булгаков

¹⁰⁵ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 2799, лл. 5—24; П. Г. Бутков. Указ. соч., т. III, стр. 274—275.

¹⁰⁶ А. Бакиханов. Гюлистан-Ирам. Баку, 1926, стр. 144.

¹⁰⁷ Г. Алкадари. Указ. соч., стр. 102.

¹⁰⁸ Там же.

¹⁰⁹ Н. Дубровин. История войны и владычества русских на Кавказе, т. III, стр. 160—161.

¹¹⁰ Там же.

с русскими войсками до 10 тыс. человек перебрался по Дарвакскому ущелью через леса по перевальной дороге и того же года в третий день мая месяца направил войско на город Дербент с южной стороны»¹¹¹. Одновременно в наступление перешли войска и с севера. Партия, добивавшаяся сдачи города, стала численно увеличиваться, и наконец под ее давлением Ших-Али-хан вынужден был отправить к Зубову депутатов с просьбой о пощаде. 10 мая Дербент пал — командующему русскими войсками генералу В. Зубову преподнесли ключи от городских ворот, причем в числе передававших ключи был 120-летний старец, который 74 года тому назад преподносил их Петру Великому. В лагерь русских войск добровольно явилась сестра Ших-Али-хана Переджи-ханум. К удивлению жителей русские войска не разграбили город и обращались с населением так, как будто им и не пришлось штурмовать Дербент. Буквально на следующий день в городе восстановилась нормальная жизнь, открылись ремесленные заведения и лавки, оживилась торговля. Правительницей Дербента была назначена сестра Ших-Али-хана Переджи-ханум, известная сторонница русской ориентации, которая уговаривала брата сдать Дербент и не раз присылала к Зубову своих посланников с изъявлением верности России¹¹². В помощь Переджи-ханум был назначен Надир-хан. Оставив в Дербенте небольшой гарнизон и взяв с собой плененного Ших-Али-хана, В. Зубов выступил из Дербента.

Ших-Али-хан, воспользовавшись недостаточной бдительностью охраны, сумел бежать, «от чего кубинская провинция пришла в смятение, городские жители разбежались»¹¹³. Главнокомандующий отправил в Кубу отряд под начальством генерала Булгакова, а сам направился к Баку. Гусейн-Кули-хан бакинский, проявивший колебания, когда Ага-Мухаммед-хан находился на Мугани, «со старейшинами города вышли навстречу наместнику и выразили ему покорность»¹¹⁴. Преданность России выразили также Джават-хан гянжинский, Ибрагим-хан карабахский, Селим-хан шекинский, Касым-хан ширванский. В то же время русские войска под командованием генерала Булгакова совместно с узмием кайтагским Рустамханом, шамхалом тарковским Магомед-ханом и Рустамом-кади

¹¹¹ Г. Алкадари. Указ. соч., стр. 103. Подробно о взятии Дербента см. в кн.: Н. Дубровин. Поход графа Зубова в Персию в 1796 г.— «Военный сборник», 1874, № 2—6; В. И. Бакунина. Персидский поход в 1797 г. Воспоминания.— «Русская старина», 1887, т. 53; П. Г. Бутков. Указ. соч., ч. II, стр. 565—592.

¹¹² В. И. Бакунина. Указ. соч., стр. 357; Е. Козубский. История Дербента. Темир-Хан-Шура, 1906, стр. 117.

¹¹³ А. Бакиханов. Указ. соч., стр. 145.

¹¹⁴ Г. Алкадари. Указ. соч., стр. 104.

табасаранским подошли к Кубе. «Старейшины города и жители прочих селений явились к наместнику с выражением покорности и встретили мирное отношение русских войск»¹¹⁵. Ханом в Кубе был утвержден младший сын Фатали-хана Гасан-хан, известный своей ориентацией на Россию. Из Кубы русские войска, сопровождаемые отрядом феодалов Дагестана, выступили в Южный Дагестан. Жители владения Сурхая «пытались отклонить» хана, «говоря, что было бы полезнее войти в приятные отношения с русскими». Однако Сурхай-хан кази-кумухский и кюринский совместно с бежавшим к нему Ших-Али-ханом решили оказать сопротивление. К этому же они пытались склонить и Ума-хана аварского. Но «постоянный союзник Хамбутаея (т. е. Сурхай-хана.— В. Г.) Ума-хан аварский отказался от участия в нападении на русских, считая это невыгодным для себя, ввиду переговоров о подданстве, веденных им с главнокомандующим»¹¹⁶.

Следует особо подчеркнуть, что попытки Ших-Али-хана и Сурхай-хана организовать сопротивление русским войскам нельзя считать борьбой за сохранение независимости и свободы. Напротив, своими действиями они лили воду на мельницу одного из самых злостных врагов народов Кавказа, в том числе и Дагестана, Ага-Мухаммед-хана, угрожавшего горцам порабощением и физическим истреблением. При этом надо иметь в виду, что они надеялись даже на помощь Ирана. «Если Ага-Мухаммед-хан услышит о нашем сопротивлении,— говорил Хамбутаея,— то, конечно, при нападении на нас войск российских подаст нам помощь»¹¹⁷. К счастью для народов Кавказа Персия ввиду нахождения на Кавказе русских войск не решилась оказать «помощь» Дагестану, а Сурхай-хан изъявил покорность и дал присягу¹¹⁸. Немного ранее приняли подданство России и обещали выдать аманатов ахтынци¹¹⁹. Между тем 6 ноября 1796 г. умерла императрица Екатерина II, а Павел I приказал приостановить дальнейшее движение русских войск и вернуть их на Кавказскую линию. Известно, что как во внутренней, так и во внешней политике Павла I встречаются трудно объяснимые повороты. Трудно сказать, почему Павел I решил вернуть русские войска — возможно, тут сыграла роль его подозрительность и личная ненависть к ставленнику Екатерины II В. Зубову, но скорее всего Павла I и его приближенных беспокоила реакция западной дипломатии. Как бы то ни было,

¹¹⁵ Г. Алкадарн. Указ. соч., стр. 104.

¹¹⁶ Н. Дубровин. История войны и владычества русских на Кавказе, т. III, стр. 161.

¹¹⁷ Там же, стр. 162.

¹¹⁸ Г. Алкадарн. Указ. соч., стр. 105.

¹¹⁹ Н. Дубровин. История войны и владычества русских на Кавказе, т. III, стр. 168.

вывод русских войск в то время, когда поход В. Зубова проходил так удачно, был необдуманым шагом, но и при этом значение похода трудно переоценить. Только благодаря русским войскам было приостановлено нашествие Ага-Мухаммед-хана на Дагестан. Кроме того, отношение русских войск к местному населению показало воочию лживость распространяемых ирано-турецкими эмиссарами и реакционным мусульманским духовенством небылиц о жестокостях «неверных». Трудовые слои народов Дагестана имели возможность сопоставить поведение русских с жестокостью мусульманских полчищ Турции и Ирана: «Это сравнение,— как справедливо отмечает В. Левиатов,— было несомненно в пользу российских войск, так как, несмотря на некоторые неурядицы, неизбежно возникавшие из факта продвижения войск по стране, в целом российские войска даже не затронули хозяйственных основ народной жизни. Ведь несомненно, что разрушения, разграбления и насилия над мирным населением и бесчисленные убийства, чинившиеся армиями Надир-шаха и Ага-Мухаммед-шаха, ни в какое сравнение не могли идти с началами строгой воинской дисциплины, имевшейся в войсках Екатерины II»¹²⁰. Поэтому для народов Кавказа уход русских войск был весьма не желателен.

Как и следовало ожидать, с выводом русских войск внешнеполитическое и внутреннее положение Дагестана резко обострилось. Ших-Али-хан вернул себе власть в Дербенте. Торжествовали и те феодалы, которые за неприязненные отношения к России были отстранены от власти. Ага-Мухаммед-хан стал готовиться к новому вторжению на Кавказ. Почти во все владения Кавказа были разсланы фирманы, в которых уход русских войск он хвастливо объяснял страхом перед персидским оружием: «Не безызвестно вам, какой успех я имею в Хоросане, и вы довольно усмотреть можете, что и российское войско, убоясь могущаго им последовать от меня одоления, принуждено было возвратиться вспять, в немалой робости и разстройке. Верьте, что я буду скоро в Азербиджане, и всегда не оставлю послушных мне моею милостию, а противников строго буду наказывать»¹²¹. Весной 1797 г. войска Ага-Мухаммед-хана Каджара вторглись в Карабах, заняли Шушу. Ибрагим-хан карабахский, «твердейший поборник своей независимости», бежал в Дагестан. В Шуше начались грабежи, насилия, пытки и казни. Вновь над народами Кавказа нависла опасность физического истребления: участь несчастных шушинцев ожидала и жителей Дагестана, не склонившихся перед шахом Персии в 1795 г. и оказывавших всестороннюю помощь русским войскам.

¹²⁰ В. Н. Левиатов. Указ. соч., стр. 189.

¹²¹ П. Г. Бутков. Указ. соч., ч. II, стр. 425.

Но осуществить чело­веконена­вистни­ческие планы Ага-Мухаммед-хану не удалось. В июле 1797 г., на восьмой день после занятия Шуши, он был убит своими нукерами¹²². Оче­видец рассказывает, что «обезглавленный труп и отдельно голову Ага-Мухаммед-хана таскали по улицам города и ожесточенные вдовы и сироты погибших в сражении воинов над ними неистовствовали»¹²³. Вслед за этим «Мухаммед-Рафи-бек карабагский привез в Белоканы окровавленную голову Ага-Мухаммед-шаха и известил о его гибели» Ибрагим-хана карабахского. Весть об убийстве Ага-Мухаммед-хана народы Кавказа встретили с неопи­сываемой радостью. После гибели хана его приближенные с награбленным добром бежали из Шуши, а вслед за ними в беспорядке бежали и войска Ирана.

С уходом иранских войск создалась благоприятная обстановка для присоединения Восточного Кавказа к России, тем более что феодальные владетели Дагестана и Азербайджана неоднократно обращались к России с письмами, в которых просили принять их в подданство¹²⁴. Однако петербургский двор и на этот раз не решился включить Восточный Кавказ в состав России. Еще 5 января 1797 г. Павел I в рескрипте на имя вновь назначенного астраханским военным губернатором генерала Гудовича определил политику России в отношении Восточного Кавказа. Пока «обстоятельства способствуют,— говорилось в нем,— подобную на тамошний край следует устроить систему»: содержать Кавказскую линию «в исправном и почтительном состоянии... Народы горские, всякого рода к сей линии прилегающие, или подручные удерживать в кротости и повиновении ласкою, отвращая от них все, что служит к их притеснению или отягощению; для обеспечения же себя в верности их, содержать при вас или в ближайших губернских городах от них аманатов, а при них имея приставов, которые ласкою могли бы удержать в них приверженность к России». Довести дело до того, чтобы из владений, приверженных России, «составилось федеративное государство, зависящее от нас, яко верховного их государя и покровителя, который для них тем мене тягостен будет, поколику мы ни в образ их правления мешаться, ниже от них дани или иныя повинности, кроме верности единой к нам, требовать не намерены». Владетелей Дагестана «удерживать по возможности в зависимости от нас, на вышписанном основании». Необходимость создания федеративного объединения, по словам рескрипта, диктовалась тем, что «в случае надобности соединенными силами они могли

¹²² АВПР, ф. Сношения России с Персией, 1797—1800 гг., д. 489, л. 5.

¹²³ Мирза Алигезаль-бек. Указ. соч., стр. 87.

¹²⁴ АВПР, ф. Сношения России с Персией, 1728—1803 гг., д. 4, лл. 18—19, 55—56, 85, 91, 92, 98, 99.

стать против покушающихся врагов, и мы колико можно меньше имели надобности вступаться за них вооруженною рукою». Кроме этого, от главнокомандующего требовалось внушить персам мысль не устраивать нашествия на Кавказ и стремиться, чтобы Порта не подозревала, что мы ищем с нею поводов к ссорам»¹²⁵.

Такая политика петербургского двора, очевидно, объяснялась тем, что царская Россия с Англией, Австрией и другими государствами принимала активное участие в борьбе с республиканской Францией. В 1798 г. вместе с английским и русским Черноморским флотом против Франции действовал и турецкий флот. Эти союзнические отношения между Россией и Портой были закреплены русско-турецким договором 3 января 1799 г. Не вдаваясь в подробности подготовки, подписания и значения этого договора, укажем, что согласно секретным статьям Константинопольского договора Россия получила право проводить Черноморский флот через Босфор и Дарданеллы. В этих условиях не в интересах России было осуществлять на Кавказе политику, способную вызвать обострение во взаимоотношениях с Турцией.

Стремление России создать на Восточном Кавказе федеративное объединение было обречено на провал, так как в тех конкретно исторических условиях не было силы, способной сплотить воедино разнородные и раздираемые внутренними противоречиями феодальные владения Восточного Кавказа. Не менее утопичной были и мысль одними внушениями предотвратить нашествие Ирана на Кавказ. Вместе с тем весьма благоразумным в «новой политике» было то, что русское правительство вновь обратило внимание кавказского командования на то, чтобы во взаимоотношениях с горцами не допускались меры, которые могли бы вызвать возмущение народов Кавказа, в том числе и Дагестана. Кроме того, «новая политика» России показала, что она не намерена вмешиваться во внутренние дела Дагестана и Азербайджана и не собирается покорять их силой, обещая в то же время покровительствовать торговле народов Кавказа с Россией. Все это, как и следовало ожидать, способствовало укреплению ориентации на Россию.

В 1799 г. из-за возникших противоречий между участниками второй антифранцузской коалиции Россия вышла из нее. К тому же Бонапарт после совершенного им 18-го брюмера переворота уже не пугал Павла I. С этого времени наблюдается активизация политики России на Кавказе. Особой грамотой Павла I шамхальство Тарковское вновь было признано в «подданстве и покровительстве» России. Шамхал Мехти был воз-

¹²⁵ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6164, ч. 23, лл. 18—20.

веден в чин генерал-лейтенанта с ежегодным жалованьем в 6 тыс. руб.¹²⁶ на «содержание войск в готовности к службе императорского двора и на защиту шамхалова владения»¹²⁷. Одновременно в подданство России были приняты владения Аксаевское, Костековское, Эндиреевское и так называемое вольное общество Андийское. Летом того же 1799 г. в подданство России были приняты: а) Кайтаг. Уцмий Рустем был возведен в чин 4 класса с ежегодным жалованьем в 2 тыс. руб.; б) Табасаран. Рустам-кади пожалован чином 4 класса, причем «за ревность его и всегдашнюю к службе здешнего двора готовность производится по 150 [руб.] в год жалованья»¹²⁸; в) Ханство Дербентское. Хотя Ших-Али-хан и оказал «некоторую привратность», он был принят «по-прежнему в подданство и покровительство и пожалован чином 3 класса, да и весь подданный ему народ другою грамотою... принят в здешнее (русское.— В. Г.) покровительство»¹²⁹.

Ших-Али-хан, как вскоре выяснилось, вел двойную игру. Внешне придерживаясь русской ориентации, он тайно вел переговоры с Персией и Турцией. Об этом вскоре узнали приверженцы России, которые сообщили об интригах «своего» владельца астраханскому губернатору генералу К. Ф. Кноррингу, и «все сообща старые и молодые единогласно пожелали иметь над собою властителем... Хасан-Али-хана»¹³⁰, являвшегося сторонником России, и прислали к Павлу I с выбранными для этой цели Хаджи-Такием и Агою-беком прошение за 31 подписью об утверждении ханом дербентским Хасан-Али-хана. Ших-Али-хан вынужден был изменить или сделать вид, что изменил внешнеполитическую ориентацию, и благодаря этому сумел сохранить за собой Кубинское ханство. С просьбой принять в русское подданство к Павлу I обращались и другие феодальные владетели Дагестана¹³¹, но в связи со смертью императора их просьбы не были удовлетворены.

В самом начале царствования Александра I к нему с аналогичным прошением и с просьбой об утверждении его уцмием Кайтага обратился Рази-бек. Его примеру последовали табасаранский владетель Сограб-бек и брат его Махмуд-бек, дербентский Гасан-Али-хан и его мать Гуризаде, Ших-Али-хан кубинский и другие. «По особой преданности и усердию моему,— писал Сограб-бек,— несколько уже лет изыскивал я

¹²⁶ ЦГА ДАССР, ф. 90, оп. 1, д. 1, л. 30.

¹²⁷ «Материалы по истории Дагестана и Чечни», т. III, ч. I (1801—1839 гг.). Махачкала, 1940 (далее — «Материалы...»), стр. 58.

¹²⁸ Там же.

¹²⁹ Там же.

¹³⁰ Там же, стр. 56—57.

¹³¹ АВПР, ф. Сношения России с Персией, 1728—1803 гг., д. 4, лл. 20, 21, 52, 57, 58, 71, 81, 82, 103, 104, 109—111, 115—117, 135, 201—203.

удобное время, в которое б мог посвятить себя в число служителей высокочестивой империи Всероссийской, а теперь, как и другие владетели, вступившие в подданство России, «желаю... состоять в высоком подданстве в. в.»¹³². Посланники Рази-бека кайтагского и владетелей Табасарана Сограб-бека и Махмуд-бека были приняты с почестями и пожалованы ценными подарками (парча, сукно, атлас и денежное вознаграждение в 3680 руб.)¹³³. Богатые дары стоимостью в 5920 руб. были вручены и при отъезде из Петербурга посланнику дербентского Хасан-Али-хана Хаджи-Такию¹³⁴, но в подданство России они не были приняты. При отъезде посланников из Петербурга им было объявлено, что владетели «приняты будут в свое время, о чем и предпишется»¹³⁵. С просьбой о принятии в подданство России обратились также табасаранские владетели Рустам-хан и Рустам-кади, Ума-хан аварский и другие¹³⁶, но и их посланникам Александр I, по словам Г. Алкадари, «оказал... милость и внимание и обещал осуществить указанное желание, а также, написав ответы тем владельцам, приказал, чтобы они имели терпение, жили спокойно и друг с другом ладили»¹³⁷.

В инструкции генералу Кноррингу Александр I предлагал «установить между помянутыми ханами и горскими владельцами для общего их и народов их блага твердый союз и дружеское, под верховным моим покровительством, согласие». Следовательно, Александр I, так же как в свое время Павел I, решил образовать из владений Дагестана и Северного Азербайджана федерацию «под верховным покровительством» России. Цель всего этого, как указывал Александр I, обеспечение народам, «приверженным и союзным России, наибольшей безопасности», а главное, наладить, обезопасить и укрепить торговые отношения с Кавказом и Востоком. Для этого предписывалось Кноррингу предложить ханам и владетелям, если те, «пользуясь защитою и покровительством, подлинно желают себе и областям своим того благоденствия, которое не иначе получить могут, как через установление дружеской между ними связи и согласия, то чтобы для постановления оной, условясь о времени и месте, где о том беседовать, сами ли приехать туда пожелают или через полномочных, чтобы прислали каждый по одной доверенной особе с надлежащим от себя... уполномочием для обстоятельнейшего о всем объяснения и пере-

¹³² «Материалы...», стр. 73—74.

¹³³ Там же, стр. 75—76.

¹³⁴ Там же, стр. 74.

¹³⁵ Там же, стр. 77.

¹³⁶ АВПР, ф. Сношения России с Персией, 1728—1803 гг., д. 4, лл. 206—211, 215—218, 235, 236, 249.

¹³⁷ Г. Алкадари. Указ. соч., стр. 112.

говора и для положения на месте вообще всего того, что всеми ими за лучшее к тому признано будет»¹³⁸.

Выполняя указания Александра I, Кнорринг известил всех владетелей и местом съезда назначил Георгиевск. К концу сентября сюда прибыли посланники феодальных владетелей Дагестана и Азербайджана: от кайтагского уцмья Рустам-хана — Ахмет-Ага, от «владельца этой области» Разия — Озней-бек, от табасаранского Рустам-кадия — Мухаммед-бек, от шамхала тарковского — Оразай-бек, от владетелей табасаранских Сограб-бек-Маасума, Нурмагомед-бека и Махмута — Мумсы-Загир, от Ших-Али-хана — Медет-бек, из Азербайджана посланники ханов бакинского, шемахинского, талышинского и других. Во время затянувшихся переговоров представители феодалов то и дело выставляли различного рода «претензии». Послацник Ших-Али-хана не соглашался подписывать договор вместе со всеми, а требовал, чтобы с ним был заключен особый договор, по которому «его владельцу будет дано войско и приличная сумма денег». Анализируя поведение посланника Ших-Али-хана, кн. Цицианов, сменивший к этому времени Кнорринга, писал канцлеру: «Медет-бек требует войска для того, чтобы свергнуть Мустафу-хана шемахинского и на его место поставить Касима, который обещал ему возратить Сальяны, где большие рыбные ловли... Но какая польза России, чтобы дербентский хан был так силен? Он уже и соединением кубинского владения с дербентским более всех значущь. К тому же присвоит к себе Баку под видом данника хана сего города, а если он все сие приобретет помощью российских войск, то, имея зятем шамхала тарковского, может в большую заботу приводить здешние войска»¹³⁹.

Хотя разногласия между участниками и затрудняли переговоры, все же они завершились 26 декабря 1802 г. заключением договора. Все подписавшиеся обязались соблюдать преданность и обязанности их к России и, забыв все существующие между ними несогласия, ссоры и распри, «пробывать спокойными в своих владениях, в коих токовым от е. и. в. — всемилоостивейшаго защитника и покровителя их, пожалованными им грамотами признаны, всемерно удерживать их будут за собою и ограждать их от неприятеля, принимая всегда заблаговременно надлежащие к тому меры, и для того соединясь все бесконечно, на предыдущие времена тесным союзом и дружбою хранить будут оную свято, не дерзая никогда нападать на области своих союзников и им подвластных ничем не оскорблять». А чтобы союз был нерушим и в «отвращение в самом

¹³⁸ АВПР, ф. Сношения России с Персией, 1728—1803 гг., д. 4, лл. 250—260; Н. Дубровин. Закавказье от 1803 до 1806 г. СПб., 1886, стр. 66.

¹³⁹ Н. Дубровин. Закавказье от 1803 до 1806 г., стр. 68—69.

начале причин, неудовольствие производящих, постановляем за правило себе в случае каких-либо споров или ссор, не поступая между собою неприятельски, разбирать дружески» через посредника владетелей, подписавших настоящий договор. «Когда же спорящимся будет сие не угодно, или по разногласию спор таковой решен быть не может, то о таких случаях относиться им на рассмотрение е. и. в.».

В случае нападения на кого-либо из союзников «от присвояющих в Персии верховную власть» или другого феодала «быть всем к защите его готовыми», оказывать содействие войсками, «ополчаться единодушно всем к прогнанию общего их неприятеля». Прекратить всякие грабительства: имеющие владения в Прикаспии обязывались при крушении корабля у берегов Каспийского моря оказывать помощь пострадавшим, а о случившихся катастрофах сообщать «консулу или же ближайшего военного корабля или судна начальнику», а при возможности в Кизляр. Договаривающиеся согласились установить определенную пошлину за провоз товаров через их владения и «обеспечить наилучшим образом» сухопутную торговлю, заботиться о «безопасности проезда караванов и купцов». В случае ограбления на дороге селения, близ которых это произошло, по условиям договора должны были нести за это ответственность. Российским купцам, армянам, грузинам и другим подданным России разрешалось вести беспрепятственную торговлю, и им оказывалась всемерная помощь и покровительство. И, наконец, собравшиеся договорились, что нарушителя настоящего договора подвергнут строгому наказанию, «и для того прочие союзники нарушение таковое с истинными на то доказательствами должны передать» на усмотрение русского императора¹⁴⁰.

Не успели посланники разъехаться, как союз владетелей, созданный с таким большим трудом, дал трещину. Участники переговоров, как и прежде, стали клеветать друг на друга. Уцмий Кайтага Рустам-хан, например, жаловался на соперника своего Рази и просил у кавказского командования защиты. Рази тоже жаловался на Рустам-хана и также просил «помощи России». Все это говорит о том, что слишком уж сильны были центробежные силы; всякие попытки создать из враждующих между собой феодальных объединений союз были обречены на провал. Вместе с тем надо признать, что объективно Георгиевский договор имел большое значение в деле укрепления и дальнейшего развития взаимоотношений горцев с Россией, являлся важным этапом в подготовке присоединения Дагестана к России.

---

¹⁴⁰ АКАК, т. II, стр. 1009—1011; Н. Дубровин. Закавказье от 1803 до 1806 г. СПб., 1886, прилож., стр. 485—491.

Русское правительство всегда проявляло заботу о развитии торговли с народами Кавказа и Востока. Однако этому мешал ряд причин и прежде всего то, что многие феодальные владельцы враждовали между собой, нисколько не заботились о безопасности торгового пути, не оберегали купцов от грабителей. Развитие торговли тормозили также пошлины, собираемые каждым феодалом в свою пользу. Вот почему по инициативе России в Георгиевский договор были включены статьи, обязывающие каждого владельца заботиться о безопасном проходе торговых караванов, и статьи, нормализующие взимание пошлин при провозе товаров. Соблюдение этих постановлений сыграло чрезвычайно важную роль в развитии торгово-экономических связей Дагестана с Россией, способствовало росту производительных сил края и укреплению ориентации народов Дагестана на Россию.

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН**

instituteofhistory.ru

ПРИСОЕДИНЕНИЕ ДАГЕСТАНА К РОССИИ

В конце XVIII — начале XIX в. Иран был отсталой аграрной страной. По определению самих персов Иран представлял собой «мулук-уссафаиф» — монархическую федерацию, точнее шахское «стадо народностей»¹. Не проходило ни одного года, чтобы в тех или иных районах не происходило феодальных междоусобиц. В период правления Фет-Али-шаха бесконечные междоусобные войны велись между его многочисленными сыновьями². Грабительские набеги феодалов, называемые «чапао», были настолько распространены, что сами персы передавали о них анекдотические рассказы вроде того, что «однажды перса спрашивали, приятно ли для него узнать, какой рай, то он сказал: „Мне бы очень желательно узнать, бывают ли там чапао“»³. Жестокая эксплуатация трудящихся, бесконечные войны и междоусобицы тяжелым бременем ложились на плечи широких народных масс. «Персия,— сообщает современник,— плавающая в крови на месте благодатной земли, представляет позорище, мертвыми трупами покрытое; земледелие кинуто, плодородные поля остались опустошенными, богатство городов расхищено, купечество ограблено и истреблено, и земледельцы обливают слезами землю, которая прежде процветала... Такое состояние приводит в содрогание человечество»⁴.

Социально-экономическая отсталость сказывалась также в небывалом застое культуры народов Ирана. Незавидным было

¹ Берар. Персия и персидская смута. СПб., 1912, стр. 17.

² М. С. Иванов. Очерки истории Ирана. М., 1952, стр. 123.

³ Г. Друвиль. Путешествие в Персию, 1812—1813 гг., т. II. М., 1826, стр. 73.

⁴ ЦГВИА, ф. 52, д. 286, л. 32; Г. Друвиль, характеризуя состояние Персии, свидетельствует, что страна представляла одни развалины и обширные необработанные поля (Г. Друвиль. Указ. соч., стр. 41).

и положение «одряхлевшей и обессилевшей Высокой Порты»⁵. Иностранцы, побывавшие в Турции в конце XVIII—начале XIX в., с ужасом описывают жестокую эксплуатацию трудового народа и общий упадок производительных сил и культуры страны. Французский ученый Вольней, продолжительное время изучавший положение Турции, сообщает: «...Всюду я видел только грабительство и опустошение, только тиранию и нищету... каждый день на моем пути встречались заброшенные поля, покинутые деревни, города, лежащие в развалинах... Эту империю можно сравнить с особым поселением на наших островах, с сахарными плантациями»⁶. В Турции деньгами и кинжалом «можно было все купить, все сделать, всего добиться»⁷. Небывалые размеры коррупции и беззакония признает даже официозная история Турции «Тарих».

Говоря о всеобщем упадке и застое в Турции, французский ученый Вольней отмечал, что стремление правящих кругов Англии и Франции сохранить Турцию «какой она есть» закрепляет отсталость, невежество и вымирание целого народа: «Знают ли они (правительства Англии и Франции.— В. Г.), что в таком случае выходит, что мы заинтересованы в том, чтобы... нация продолжала находиться в невежестве и варварстве, уничтожающем моральные и физические способности; что мы заинтересованы в том, чтобы многочисленный народ оставался подчиненным правительству, враждебному роду человеческому..., мы заинтересованы в том, чтоб самая лучшая в мире земля продолжала оставаться неиспользованной (под паром) или давала $\frac{1}{10}$ возможных продуктов»⁸. Англия и Франция, хорошо осведомленные о состоянии Турции, сознательно старались законсервировать страну «какой она есть», хотя свои намерения и прикрывали лицемерными заявлениями о помощи и поддержке.

В конце XVIII—начале XIX в. на Ближнем Востоке разгорелась упорная дипломатическая борьба между Англией и Францией. Каждая из них делала все, чтобы привлечь на свою сторону правящие круги султанской Турции и шахского Ирана с целью использовать их в своей агрессивной политике. Длительная дипломатическая борьба за преобладание при дворе шаха завершилась победой Англии. Ценой огромных затрат, подкупив, по выражению К. Маркса, всех «от шаха до погонщика

⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., изд. 2, т. 9, стр. 36.

⁶ Н. А. Смирнов. Вопросы истории Турции в колониальной политике Франции конца XVIII в. в трудах Вольней.— «Труды Московского ин-та философии, литературы и искусства», т. IV, 1940, стр. 169.

⁷ А. Ф. Миллер. Мустафа Паша Байрактар (Отоманская империя в начале XIX в.). М., 1947, стр. 51; он же. Краткая история Турции. М., 1948, стр. 36.

⁸ Н. А. Смирнов. Указ. соч., стр. 181.

верблюдов»⁹, английской миссии, возглавляемой капитаном Малькольмом, удалось заключить с шахом 13 января 1801 г. так называемый вечный политический и торговый договор¹⁰. Политический договор из пяти статей провозглашал союз Англии и Ирана. Обе страны обязались оказывать друг другу возможную помощь и поддержку в случае нападения Франции и Афганистана на Иран и Индию. Торговый договор из шести статей предоставлял самые широкие привилегии в Иране английским купцам. По существу англо-иранский договор являлся шагом по пути политического и экономического закабаления Персии. После заключения договора, как утверждают историки Ирана, «обе высокие державы должны были рассматриваться как одна и соблюдать дружбу со своими взаимными друзьями и вражду со своими врагами. Если какая-нибудь другая держава займет враждебную позицию в отношении одного из двух государств»,— другая «окажет помощь своему союзнику»¹¹.

Англо-иранский «вечный» договор официально был направлен против Франции и Афганистана, но фактически, как показали последующие события, он был направлен и против народов Кавказа и России.

Укрепив таким образом свои позиции в Иране и хорошо зная агрессивные стремления его правящих кругов, английская дипломатия стала провоцировать выступление против России. Правительство Ирана стало готовить агрессию на Кавказ. По свидетельству официального историка Ирана, «шах отдал приказ лить пушки для войны с Россией»¹². В связи с подготовкой к войне почти к каждому феодальному владельцу Азербайджана и Дагестана были отправлены фирманы шаха. Не скупясь на обещание помощи в борьбе с «нечестивыми русскими», оповещая о предстоящем вскоре возвращении под свою власть, шах требовал, «чтобы они, все вместе соединясь, шли на Грузию, завоевали бы оную, взяли бы Тифлис», за что обещалось «каждому лезгину по 100 рублей серебром»¹³.

В то же время Шериф-паша ахалцыхский по повелению султана через посланных в Дагестан эмиссаров «возбуждал лезгин на Грузию, обещая каждому в день по курушу»¹⁴.

⁹ К. Маркс. Хронологические выписки по истории Индии. М., 1947, стр. 105.

¹⁰ Тексты политического и торгового договоров см. в кн.: J. Malcolm. Sketch of the Political History of India, from the introduction of Mr. Pitts bill AD 1784 to the date. Second edition. London, 1811, p. 533—549.

¹¹ А. Р. Иоаннисян. Присоединение Закавказья к России и международные отношения в начале XIX столетия. Ереван, 1958, стр. 50.

¹² К. Смирнов. Русско-персидская война 1803—1813 гг. с точки зрения персиян. Тифлис, 1913, стр. 23—24.

¹³ АКАК, т. I, стр. 240, 288, 358.

¹⁴ П. Г. Бутков. Указ. соч., ч. II, стр. 529.

По повелению шаха активизировали свою подрывную деятельность беглый грузинский царевич Александр, родственник Каджаров Джават-хан ганжинский и др.¹⁵ В посланных феодалам Дагестана письмах они приглашали начать нападение на Грузию, за что каждому участнику похода обещали по 50 руб. серебром¹⁶. Антирусскую пропаганду на Кавказе вели и англичане, в частности члены миссионерской колонии, расположенной у Бештавских гор, Бронтон и Патерсон. Они, доносил генерал Кнорринг гр. Кочубею, «во множестве сняли карту и послали в Англию, по уверению с ними живущих ежедневно выигрывают доверенность жителей горских и не щадят на это денег»¹⁷. В целях антирусской пропаганды англичане использовали имевшуюся в их распоряжении типографию с арабским шрифтом¹⁸. На Кавказе в это время орудовали и французские агенты. В Грузии и Персии, писал чиновник гражданского управления Конюшенко, существуют французские шпионы, и они «безусловно сообщают все новости»¹⁹.

Хотя царевичу Александру и его братьям удалось спровоцировать выступление против Грузии феодалов Дагестана, «имевших досаду на Георгия XII», антирусская пропаганда зарубежных эmissаров в Дагестане не имела успеха, им так и не удалось не только поднять горцев Дагестана на борьбу с Россией, но и помешать процессу вхождения владений Дагестана в состав России.

В самом начале XIX в. к Александру I обратился Ума-хан аварский. Однако это ханство тогда не было принято в русское подданство ввиду скорострительной смерти владетеля. Преемник его продолжил начатые переговоры. 3 октября 1802 г. Александр I дал согласие принять Аварию в подданство России. После этого кн. Цицианов с грамотой и установленной формой присяги отправил в Аварию капитана Мещерякова. В начале 1803 г. Султан-Ахмед-хан в своей резиденции в торжественной обстановке «в собрании многих знаменитых подвластных» и в присутствии Мещерякова дал клятву на подданство, принял и утвердил «собственноручным подписанием и печатью хана» текст присяги, прочтенный и обнародованный «приличным образом»²⁰. По принятым условиям Султан-Ахмед-хан обязывался:

1. С соседними ханами и горскими владениями, подданными России, быть в союзе и дружбе и не участвовать ни в ка-

¹⁵ АКАК, т. I, стр. 288.

¹⁶ Там же, стр. 403.

¹⁷ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6164, ч. 28, л. 17.

¹⁸ О подрывной антирусской деятельности миссионерской колонии Бронтона и Патерсона см. АКАК, т. II, стр. 889, 928—929; т. VI, ч. II, стр. 412—415; ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6164, ч. 27, л. 28 и др.

¹⁹ АКАК, т. II, стр. 886.

²⁰ ЦГИА Груз. ССР, ф. 29, д. 17, л. 3; д. 2231, л. 196.

ких вооруженных столкновениях. В случае возникновения ссоры с соседями спор разбирать в соответствии с законами Российской империи, а если же по непредвиденным обстоятельствам создадутся трудности для такого разбирательства,—прибегать к посредничеству соседних владельцев. И если решение хана-посредника будет оспариваться, за окончательным решением обращаться в Петербург.

2. В случае нападения шахской Персии на подвластных или союзных России владельцев оказывать возможную помощь войсками, «всячески стараться разбить и прогнать персов».

3. Строжайше запретить подданным «чинить какие-либо шалости и грабительство и обиды против подданных союзных ханов».

4. Охранять границы Аварии и Грузии.

5. Российским купцам, приезжающим для торговли в Аварию, предоставлять равные права с аварцами, «как людям одного государя». В случае же ограбления русских купцов убытки полностью должны были возмещаться жителями аула, вблизи которого произошло ограбление.

И, наконец, в условиях было указано, что «постановление сие делается на вечные времена и для того, чтоб всякий преемник владения Аварского должен иметь высочайшее е. и. в. утверждение, яко подданный е. в. поступать обязан на самой истине по постановлению сему»²¹.

Таким образом, обязательства, которые брал на себя и своих подданных Султан-Ахмед-хан аварский, были идентичны условиям Георгиевского договора. Так же, как и там, Россия включила статьи, направленные на сохранение на Восточном Кавказе мира и развитие торговли. Все это имело весьма важное значение для горских народов, ибо сохранение мира и развитие торговли были для них жизненно необходимыми.

Одновременно (27 марта — 12 апреля 1803 г.) русские войска под командованием генерала Гулякова присоединили к России важные в стратегическом отношении вольные общества Джаро-Белокан. В связи с этим кн. Цицианов доносил гр. Кочубею: «Мало важно приобретение сие, но заслуживает особого внимания»²².

Принятие Аварского ханства в подданство России и присоединение Джаро-Белокан оказали огромное влияние на соседних владельцев Дагестана и Азербайджана. Многие феодальные владельцы и феодализирующаяся верхушка вольных обществ нагорного Дагестана поспешили заверить русское правительство в готовности принять все условия и вступить в подданство России. Но вскоре развязанная Ираном первая

²¹ ЦГИА Груз. ССР, ф. 29, д. 17, лл. 1—2; АКАК, т. II, стр. 766.

²² АКАК, т. II, стр. 728.

русско-персидская война несколько задержала включение всего Дагестана в состав России. Поводом к войне послужило вступление русских войск в независимое от Ирана Ганжинское ханство. 23 мая 1804 г. визирь Ирана предъявил главнокомандующему на Кавказе кн. Цицианову ультиматум, в котором говорилось: «Мы причину вашего прихода в иранские области (так он назвал Кавказ.— В. Г.) считали только для торговых целей» и, расценивая действия России как нарушение «обетов дружбы и приязни», требуем «шахские области... без малейшего предложения очистить»²³.

Ни Азербайджан, ни Грузия, ни Дагестан не были зависимы от Ирана и тем более не являлись «шахскими областями». Правящие круги тегеранского двора хорошо были осведомлены также о причинах и целях прибытия русских войск на Кавказ. Так что тон и смысл шахского ультиматума ясно показывали, что Иран шел к войне и искал повод к ее развязыванию. Россия, как и следовало ожидать, отклонила необоснованные претензии. Летом 1804 г. вторжением персидских полчищ началась первая русско-персидская война. В фирмане, обнародованном перед этим и разосланным на Кавказ, Фет-Али-шах писал: «Я, шах персидский, объявляю вам, что Россия заняла Грузию насильственным образом»; она наделала «нашим правоверным много разорения и обид. Теперь я своего сына Аббас-Мирзу с 50 тыс. войск послал в Грузию, а за ним со 100 тыс. войск и 400 пушек я и сам туда же отправлюсь и всех россиян из Грузии выгоню, вырежу и истреблю до последнего, а вам как правоверным указом сим повелеваю, когда вы услышите о моем приходе с войсками в Грузию, старайтесь соединиться всеми силами своими, нападать на русских, истреблять и разорять до основания»²⁴.

Хотя Иран задолго до окончательного присоединения к России Грузии и Ганджи готовил агрессию на Кавказ, сам шах, а вслед за ним и официальные историографы Ирана необоснованно обвиняют Россию в развязывании войны 1804—1813 гг. Иранский историк Джамиль Гузанау, например, утверждает, что «царская Россия угрожала северу Ирана» и «прямой причиной войны служила агрессия России на юге Кавказа и нападение ее на Иран без объявления войны»²⁵. «Во исполнение замысла императора Александра I,— пишет историограф шахского двора Мирза-Фейзулла,— относительно вторжения в Персию Цицианов двинулся в Ганжу... С этого началась война

²³ АКАК, т. II, стр. 116.

²⁴ Там же, стр. 785—786; см. также стр. 144—145, 161—167, 555—556, 562, 812; ЦГВИА, ф. ВУА, л. 6164, ч. 40, л. 103.

²⁵ М. М. Эфендиев. Русско-иранские отношения в 1803—1813 гг. и англо-французская дипломатия. Канд. дисс. Баку, 1947, стр. 87.

Ирана с Россией»²⁶. В таком же духе пишут турецкие и западноевропейские фальсификаторы истории. Так, английский историк Руир считает, что Персия вынуждена была обороняться из-за того, что Россия теснила Иран с севера, «продолжая наступать с нескольких сторон»²⁷.

Небезызвестный Керзон в книге «Персия и персидский вопрос» выставляет Англию как защитницу Персии и вообще слабых народов²⁸. А бывший английский посол в Иране Буллард в работе «Британия и Средний Восток», не останавливаясь ни перед чем, силится доказать, что якобы Англия в период русско-персидской войны 1804—1813 гг. выступила в роли «миротворца», «благородного посредника» и «защитника интересов кавказских народов». Подобными странными утверждениями изобилуют труды многих других западных авторов.

Разумеется, объективный исследователь не может не отметить, что самодержавие давно стремилось присоединить Кавказ к России. И все же даже после присоединения Грузии петербургский двор вел очень осторожную политику, опасаясь возможных осложнений. И когда кн. Цицианов во время похода генерала Гулякова в Джаро-Белоканы предлагал занять Дербент и Баку, Александр I отклонил это предложение, как преждевременное²⁹. В то же время «Иран вовсе не занимал пассивной или выжидательной позиции»³⁰; напротив, тегеранский двор, как мы отмечали выше, вел деятельную подготовку к вторжению на Кавказ, и в развязывании русско-персидской войны в первую очередь повинен шахский Иран.

В июле 1804 г. персидские войска под командованием наследника шаха Аббас-Мирзы переправились через р. Аракс, поставив своей целью «не только покорение Грузии, но и насильственное восстановление иранского владычества» на Кавказе³¹. Тогда же шах через многочисленные письма и прокламации призвал азербайджанских и дагестанских феодалов поддержать иранские войска, выступить против русских.

Разрозненные и малочисленные русские войска, несмотря на неожиданное появление персидских полчищ, с беспримерным мужеством выдерживали непрерывные атаки неприятеля. Только благодаря храбрости и стойкости отряда майора Коря-

---

²⁶ М. М. Эффендиев. Русско-иранские отношения в 1803—1813 гг. и англо-французская дипломатия. Канд. дисс. Баку, 1947, стр. 87.

²⁷ Руир. Англо-русское соперничество в Азии в XIX в. М., 1924, стр. 59.

²⁸ Curzon. Persia. The Persian question. London, 1891, v. II, p. 589; P. Bullard. Britain and the Middle East. London, 1951.

²⁹ Н. Дубровин. История войны и владычества русских на Кавказе, т. IV. СПб., 1886, стр. 39—41.

³⁰ А. Р. Иоаннисян. Указ. соч., стр. 70.

³¹ Там же, стр. 74.

гина были задержаны Аббас-Мирза и Пиркули-хан до подхода самого Фет-Али-шаха во главе с 30-тысячной армией. И лишь после этого русские вынуждены были отступить. Иранские войска ворвались в Ширван.

Над народами Дагестана вновь нависла угроза чужеземного порабощения. Ряд владетелей Восточного Кавказа стал склоняться на сторону шаха. Ших-Али-хан дербентский и Сурхай-хан кази-кумухский, находившиеся в неприязненных отношениях с Россией, засвидетельствовали свою верность Ирану, стали открыто призывать горцев подняться против России. Ших-али-хан, доносил генерал Булгаков, «через... нарочного Баба-бека... точно упрасивал владельцев дагестанских идти с войсками на Ширван и противостоят» России. Однако, заканчивал свое донесение Булгаков, «табасаранцы отказались помогать Ших-Али-хану»³². Подавляющее большинство жителей Кази-кумухского ханства, пишет исследователь истории лаков А. Каяев, ориентировались на Россию; число желающих помогать и участвовать «в антирусских» предприятиях Сурхай-хана ежедневно сокращалось³³. Более дальновидные люди советовали хану быть в дружбе с Россией. Так, крестьянин Кумуха-Къурлику прямо говорил Сурхаю: «Перестань без надобности беспокоить народ, оставь свои затеи и иди на соглашение и дружбу с русскими»³⁴, но тот не последовал совету и жестоко расправился с теми, которые пытались перечить ему, в частности, Къурлику был ослеплен³⁵.

Учитывая, что ему не удастся набрать ополчение в подвластных владениях, Сурхай-хан разослал во все концы Дагестана своих людей с тем, чтобы «как из разных горских деревень, так и некоторых подвластных андреевским владельцам собрать к себе людей с обещанием платить каждому по сорока пяти рублей»³⁶. Ценою больших затрат, тщательно скрывая цели сбора, Сурхай-хан все же набрал ополчение и выступил в направлении реки Алазани. «У меня есть договор,— писал Сурхай-хан старшине пограничных с Грузией селений Магомеду Вузурлу,— с аварским ханом и с Александром (грузинским царевичем.— В. Г.), которые на сих днях должны прийти и соединиться, и по тому договору дербентский Ших-Али-хан и шемахинский Мустафа-хан... заодно», а те владельцы, которые не согласны действовать с ним, будут изгнаны, и на их место поставят других ханов. Кроме того, продолжал он, «между нами положен... срок с Шахзадою, который должен с Александром»

³² ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6164, ч. 50, л. 339.

³³ Али Каяев. Материалы по истории лакского народа (на лакском яз.).— ИИЯЛ, Рукопис. фонд, д. 1642, л. 78.

³⁴ Там же, стр. 79.

³⁵ Там же.

³⁶ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 1285, ч. 3, лл. 506, 509.

ром прибыть в Елисаветополь, и тогда обще действовать против России»³⁷. И действительно, в июле 1806 г. в селение Карамурат, в 80 км от Елисаветполя, прибыли Хусейн-Кули-хан, царевич Александр, Насиб-бек шамшадильский и все бежавшие в Иран аглары с шахскими войсками в 4 тыс. человек. «Намерение их, — доносил майор Кочнев, — не прежде осмелиться пуститься к Елисаветполю, покамест не покажется Шахзаде с войсками сюда, а пока они заняты привлечением народа на свою сторону, рассылая письма, фирманы и т. д.»³⁸.

Таким образом, выступление Сурхай-хана, грузинского царевича Александра и других владетелей Кавказа было организовано согласно указаниям шаха, подстрекаемого западноевропейскими правительствами³⁹. Однако комбинированный поход на Грузию не состоялся. Русские войска нанесли ряд поражений войскам шаха.

В то время как «персиане бежали перед Цициановым», отряд под командованием Корягина разбил под Елисаветполем 30-тысячное иранское войско, возглавляемое Аббас-Мирзой. Оставив лагерь, «разного рода экипажи, множество хлеба и награбленных вещей», персы бежали по направлению к Эривани. Тем временем в Дагестан вступили войска под командованием генерал-лейтенанта Глазенапа. Персидский историк с досадой отмечает, что «азербайджанцы русским войскам открывали ворота своих крепостей»⁴⁰. Жители приморского Дагестана оказывали, как и в 1796 г., продвигающимся русским войскам посильную помощь: починили и заново построили «в удобных местах мосты», через «быструю реку Сулак учредили достаточное число паромов, так что через сие... неутомимое старание все войско с тяжелой артиллерией и обозом безостановочно прошло»⁴¹, сопровождали русских курьеров, «безопаснейшим образом доставляя в совершенной целности все с ними отправляемое»⁴². Многие горцы Дагестана изъявляли желание участвовать в войне на стороне России, и многие были зачислены на службу в русские войска.

В местечке Бойнак отряд Глазенапа встретил шамхал тарковский Мехти-хан. Соединив свои силы, они вместе двинулись на юг. Горожане Дербента, узнав о скором прибытии русских войск и «возмущаясь беспорядочными действиями Ших-Али-хана..., изгнали его из Дербента и, избрав своим правителем Али-Пенах-бека, отправили навстречу русским войскам выбран-

³⁷ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6164, ч. 51, л. 101.

³⁸ АКАК, т. III, стр. 444.

³⁹ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 4258, ч. 3, л. 120.

⁴⁰ К. Смирнов. Указ. соч., стр. 30.

⁴¹ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6164, ч. 50, л. 342; Г. Алкадари. Указ. соч., стр. 120.

⁴² Там же.

ную депутацию» для изъявления своей преданности России⁴³. Русские войска подошли к Дербенту, и «жители огромною толпою вышли к русским».

21 июля 1804 г. русские войска без боя вступили в Дербент. «При сем добровольном покорении,—говорилось в донесении Глазенапа,—взяты в замке Нарин-кале одна мортира, 4 пушки и 4 фальконета. Жители же дербентские..., сами выгнавшие непокорного Ших-Али-хана дербентского, на другой день приведены к присяге на вечную верность и подданство России»⁴⁴. За оказанную верность русское командование объявило дербентцам благодарность и освободило их от подводной повинности. 23 августа 1806 г. Дербентское ханство было передано в управление Мехти-хану шамхалу тарковскому⁴⁵. «Сверх жалованья,—говорилось в грамоте, данной шамхалу,—какое получаете вы на содержание в готовности войск на службу нашу и для обороны вашего владения, позволяем вам пользоваться всеми доходами ханства Дербентского по прежним правам и обычаям, за исключением города Дербента и доходов оногo, которые должны поступать в нашу казну»⁴⁶.

Бежавший из Дербента в Кубу Ших-Али-хан делал попытки набрать войско, обращался за помощью к шаху и соседним владетелям. Только шах отправил в помощь Ших-Али-хану отряд войск при четырех орудиях. В окрестностях города, доносил побывавший в Кубе лазутчик, действительно стоят персиане числом не более 2 тыс. человек: «Они находятся в весьма плохом состоянии и ощущают недостаток в продовольствии, которое берут силою у окрестных жителей». Перед русскими войсками, командующим которых был назначен генерал-от-инфантерии Булгаков, поставили задачу выступить от Дербента к Баку «для покорения оной, покоривши прежде Хамбутаю (Сурхай-хана кази-кумухского) и Кубу»⁴⁷. Но Булгаков из Дербента выступил прямо на Баку. Гусейн-Кули-хан бакинский, боясь мщения за убийство кн. Цицианова, бежал в Персию. За несколько верст от Баку Булгакова встретил один из самых почетных беков Бакинского ханства Касим с 16 эфендиями и старшинами. Они преподнесли знамя и ключи города и от имени всех жителей просили о помиловании.

3 октября 1806 г. было присоединено к России Бакинское ханство. Оставив в Баку гарнизон и возложив управление на генерала Гурьева и трех надежных беков, Булгаков выступил по направлению к Кубе. Когда русские войска приближались к городу, Ших-Али-хан обратился к Булгакову с просьбой

⁴³ ЦГИА Груз. ССР, ф. 16, д. 370, л. 1.

⁴⁴ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6164, ч. 56, лл. 25—28.

⁴⁵ АКАК, т. III, стр. 408—410.

⁴⁶ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6164, лл. 121—123; АКАК, т. III, стр. 385.

⁴⁷ АКАК, т. III, стр. 417.

простить «ошибки», прислал в знак покорности заложников и просил разрешить ему не являться в ставку командующего до получения от императора рескрипта о дальнейшей его участи. Генерал Булгаков, по собственному признанию, прекрасно понимал цену заверениям Ших-Али-хана и все же решился привести его к «верноподданнической присяге» с тем, чтобы расстроить существующий «вредный союз» его с Сурхай-ханом⁴⁸. Заняв без боя Кубу, Булгаков отстранил Ших-Али-хана от управления ханством и правителем назначил наиба Хаджибека. Ших-Али-хану было разрешено поселиться в выбранном им ауле, «чтобы он жил в одном месте и не выезжал не только в город, но и в следующие деревни». Однако бывший хан не стал соблюдать это условие. Разъезжая по всем селениям ханства, он вел антирусскую деятельность, а когда узнал о намерении Булгакова наказать его, собрал партию своих приверженцев и ушел с ними к Сурхай-хану. Достигнув селения Цейхур, Булгаков отправил своего адъютанта Кравцова и майора Тарасова к Сурхай-хану с переведенным трактатом «для примерного руководства» и приведения хана к присяге. Сурхай-хан отвечал, что он готов «с чистосердечным усердием повергнуть себя с детьми своими и со всем своим владением в вечное подданство русскому скипетру», но отказывался подписать предлагаемые Россией условия. Затянувшиеся переговоры закончились в декабре 1806 г. Сурхай-хан в присутствии генерал-майора Лихачева дал присягу на верность России и обязался платить России ежегодно по 3 тыс. червонцев⁴⁹.

Еще летом того же 1806 г., когда Сурхай-хан появился у сел. Алмало, жители 12 соседних с Грузией аулов, входящих в союз вольных обществ Иланхеви, отправили к телавскому капитан-исправнику депутацию. Возглавляющий ее Абакар Муртазалов объявил, «что уполномочен и послан он от начальника своего и от общества» сообщить, что «все жители тех 12 деревень возымели намерение присоединиться к российскому подданству и просят о принятии всех в оное, желая в верности дать присягу»⁵⁰. В ответ на запрос телавского капитан-исправника гражданский правитель Грузии А. М. Литвинов предложил ему выяснить «истинное намерение» просителей и, — если оно совпадает с предъявляемым требованием России, — отправить их в Тифлис для дачи присяги. «Они, — доносил капитан-исправник, — идучи в подданство России по двум причинам, дабы обитать под владением монарха, славно превознесшегося непобедимым оружием и благосклонностью к верноподданным, и чтобы невозбранный был им пропуск ездить для торговли в край, под державою России находящийся». Со

⁴⁸ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6164, лл. 140—144.

⁴⁹ АКАК, т. III, стр. 379—380.

⁵⁰ ЦГИА Груз. ССР, ф. 16, д. 446, л. 2.

своей же стороны они дают обещание «служить с выгодами российскому правительству..., в благодарность же за принятие... дают из своих семейств от каждой деревни по два человека аманатчиками», изъявляют свое бесповоротное желание принять и исполнить все условия, которые будут выставлены Россией, и даже просят, если «главному начальству заблагорассудится, отрядить, расследовать и описать их провинцию»⁵¹. После этого из числа горской депутации были отобраны несколько человек и отправлены в Тифлис, где они дали клятву на вечное подданство России.

Успехи русского оружия глубоко встревожили шаха. Не видя другого выхода, шах стал добиваться вмешательства Англии в войну с Россией. Но Англия, заключившая договор 1801 г. «только с целью использовать Иран в своих интересах, не отвечала на обращение шаха»⁵².

Возникшим в правящих кругах Ирана недовольством Англией умело воспользовалась Франция. Посол Франции Жобер, пообещав шаху помощь в завоевании Кавказа, добился согласия на союз Ирана с Францией. В то же время посол Наполеона в Турции Себастиани, используя благоприятную для него политическую обстановку и подогревая реваншистские настроения правящих кругов Османской империи, добивался разрыва Порты с Россией. Себастиани угрозами и посулами добился от Порты (в нарушение русско-турецкого соглашения 1802 г.) смены господарей Молдавии и Валахии и запрещения русским военным судам прохода через Дарданеллы.

Подстрекаемая Францией Порта явно шла к войне. Многочисленные французские офицеры обучали турецких солдат; под руководством французских инженеров поспешно укреплялись пограничные крепости. У кавказских берегов Черного моря стали появляться турецкие корабли, подвозившие все необходимое для войны. В то же время не без влияния Франции через эзерумского Юсуф-пашу были начаты переговоры с Аббас-Мирзой о согласовании плана борьбы обоих государств с Россией⁵³.

Одновременно султан засылал на Кавказ многочисленных агентов с фирманами и богатыми подарками. «Неверные русские,— говорилось в одном из фирманов, посланных в Дагестан,— по злобной своей натуре не только питают вражду к... высокой державе, но и имеют коварную мысль разрушить»⁵⁴ ее, поэтому всем мусульманам необходимо подняться на священную войну. 24 декабря 1806 г. Турция объявила войну России. В создавшейся чрезвычайно сложной обстановке

⁵¹ ЦГИА Груз. ССР, ф. 16, д. 446, лл. 1—3.

⁵² М. С. Иванов. Указ соч., стр. 131.

⁵³ АКАК, т. III, стр. 795.

⁵⁴ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6164, ч. 50, л. 331; АКАК, т. III, стр. 527.

русское правительство приняло правильное решение, предложив Ирану начать переговоры о заключении мира. Однако мирный договор с Ираном не был тогда подписан. Немалую роль в этом сыграла Франция, которая считала, что «военные действия Ирана должны были стать одним из звеньев общего наступления на южные границы России»⁵⁵.

В январе 1807 г. к шаху обратился Наполеон. Сообщая о своих победах над русской армией, он писал: «со своей стороны атакуй решительно неприятелей, которых мои победы предоставляют тебе обессиленными и обескураженными; отбери у них Грузию и все провинции, которые принадлежали твоей империи, и вновь закрой перед ними каспийские порты, которые столь долго охраняли вход в твои владения». Предложив шаху образовать коалицию Франции, Турции и Ирана против России, Наполеон продолжал: «Сговоримся все трое и заключим вечный союз»⁵⁶. Усилия дипломатических представителей Франции при шахском дворе привели к тому, что персидское правительство отправило к Наполеону посла Мирзу-Реза-хана. Наполеон принял его с большой торжественностью и исключительным вниманием. Переговоры, которые вел Мирза-Резахан, закончились подписанием 4 мая 1807 г. союзного франко-персидского договора. Финкенштейнский договор, состоящий из 16 статей, установил мир, дружбу и союз «между Наполеоном и Фет-Али-шахом»⁵⁷. Франция гарантировала Ирану неприкосновенность его территории. Признавая Грузию частью Ирана, Франция обязывалась помочь Ирану изгнать русских с Кавказа, поставить необходимое количество артиллерии и другого вооружения, отправить в Иран для строительства крепостей и для реорганизации армии военных инженеров и инструкторов. За это шах обязывался порвать дипломатические отношения с Англией и пропустить для завоевания Индии через Иран французские войска.

В Иран прибыл генерал Гардан с многочисленными офицерами. Он имел задание Наполеона «направить все усилия тройственного союза в составе Франции, Персии и Турции против России»⁵⁸. Посольство Гардана в Иран В. И. Ленин называл военной миссией: «1807 — Militärmission [Наполео]на I в Персии (70 оф[иц]и[е]ров и пр. генер[алом] *Gardanne*)»⁵⁹. Прибывшие с посольством инструктора, не теряя времени, приступили к

⁵⁵ А. Р. Иоаннисян. Указ. соч., стр. 145.

⁵⁶ «Correspondance de Napoleon», XIV, p. 258; А. Р. Иоаннисян. Указ. соч., стр. 146.

⁵⁷ Полный текст Финкенштейнского договора опубликован в кн.: *Recueil des Traites de la France, 1803—1815*, v. II. Paris, 1864, p. 201—203.

⁵⁸ М. Игамбердиев. Русско-иранская война 1804—1813 гг. Канд. дисс. М., 1949, стр. 123.

⁵⁹ «Ленинский сборник», т. XXIX, стр. 351.

формированию и обучению армии шаха. Все безропотно, даже «принцы и вельможи,— пишет иранский историк,— ежедневно выходили на учение»⁶⁰. У капитана Лами, свидетельствует французский офицер Гаспар Друвиль, брал уроки и сам Аббас-Мирза⁶¹. Подготовку к войне вела и султанская Турция.

По-прежнему серьезное внимание ирано-турецкие захватчики уделяли подрывной антирусской деятельности на Кавказе. Забегая несколько вперед, укажем, что и на этот раз эмиссары зарубежных государств не смогли добиться желаемого и поднять кавказских мусульман на «священную войну». Сурхай-хан заверил Россию в своей преданности⁶²; оставил свои замыслы и поднимавший до этого восстание Султан-Ахмед-хан аварский — признав свою вину, он просил Россию простить его и в присутствии кн. Орбелиани «и почетных своих старейшин дал обязательство... в ненарушимой верности» России⁶³.

В июле 1807 г. между Россией и Францией был подписан Тильзитский мир. «Наполеон,— писал Руир,— вынужден был пожертвовать турецко-персидской дружбой, выгодной ему в Азии, русским союзом, который был необходим ему в Европе»⁶⁴. Однако заключение мира не означало прекращения антирусской деятельности Франции на Востоке. Когда иранский двор, узнав о прекращении войны Франции с Россией, стал проявлять беспокойство, генерал Гардан заверил шаха, что Франция по-прежнему будет помогать в изгнании русских из «персидской» провинции. И действительно, в 1808 г. Персия приобрела во Франции 2000 ружей, а французские офицеры не прекращали обучать персидскую армию и руководить строительством крепостей⁶⁵. Так, инженер Верже руководил укреплением Эривани и Эчмиадзинского монастыря. Известный французский разведчик Трезель описал южные берега Каспийского моря, маршрут Нахичевань — Эривань — Тифлис. Общее руководство обучением персидской армии осуществлял капитан Вердые, которому, по свидетельству иранской хроники, Аббас-Мирза передал «полную власть над солдатами, предназначенными для обучения новой системе»⁶⁶. Офицер Фавье, руководивший литьем пушек, к 1808 г. изготовил 20 орудий. Кроме того, Франция постоянно поставляла Ирану вооружение и снаряжение. Французские офицеры поддерживали связь с грузинским царевичем Александром, рассчитывавшим с помощью своих хозяев

⁶⁰ К. Смирнов. Указ. соч., стр. 44.

⁶¹ Г. Друвиль. Указ. соч., т. II, стр. 5.

⁶² ЦГИА Груз. ССР, ф. 2, д. 154, лл. 224, 272, 353; АКАК, т. III, стр. 505.

⁶³ ЦГИА Груз. ССР, ф. 2, д. 17, л. 10. Полный текст данного Султан-Ахмед-ханом обязательства опубликован в: АКАК, т. III, стр. 973.

⁶⁴ Руир. Указ. соч., стр. 154.

⁶⁵ ЦГИА Груз. ССР, ф. 2, д. 102, л. 140; К. Смирнов. Указ. соч., стр. 45.

⁶⁶ А. Р. Иоаннисян. Указ. соч., стр. 156—158.

изгнать русских из Грузии⁶⁷. «Французская миссия в Персии,— писал генерал Гудович к Румянцеву,— несмотря на дружественный союз с нами, более вредит делам нашим с Персией, нежели прежде во время войны с Францией, уверяя персидское правительство, что может все сделать, что только захочет»⁶⁸. Все это неопровержимо доказывает, что Франция, не считаясь с Тильзитским договором, оказывала прямую помощь Ирану в войне против России для завоевания Кавказа.

Одновременно Франция, нарушая условия Тильзитского мира, плела сеть интриг при дворе султана. Вскоре в Закавказье возобновились военные действия, но это не принесло ничего утешительного ни шаху, ни султану.

Русские войска, в числе которых были и представители народов Кавказа, встречая всюду радушный прием, освободили Нахичевань и осадили Эривань (Ереван). Успехи русского оружия вызвали настоящую панику в правящих кругах Ирана. Французская миссия, употреблявшая все усилия для сохранения своего влияния при дворе шаха, направила к кавказскому командованию секретаря посольства Лотаря с предложением снять осаду⁶⁹. Главнокомандующий на Кавказе генерал Гудович отклонил требование французов и 17 ноября 1808 г. штурмовал город, «укрепленный по всем правилам европейской военной техники»⁷⁰. Хотя русские войска не смогли овладеть городом, все же к концу осенней кампании 1808 г. Персия оказалась в крайне тяжелом положении. Официальный историк шахского двора Джамиль Гузанлу так писал об этом: «Иранский шах был намерен продолжать войну, но ни денег, ни войск, обученных и вооруженных в достаточном количестве, не было. Две регулярные армии, созданные в последнее время, в течение трех лет войны были истреблены. Третий год войны был таким годом, что для ведения войны потребовалось создавать все снова»⁷¹. В это время в Иран прибыла английская миссия, возглавляемая Джонсоном. Как сообщает английский историк П. Сайкс, Джонсон в беседе с шахом предложил Персии, для того чтобы связать руки России, союз с Великобританией и ежегодную субсидию в 160 000 туманов в продолжение войны с Россией, а также обещал послать британских офицеров для обучения персидской армии. Фет-Али-шах порвал связи с Францией и потребовал от генерала Гардана покинуть стра-

⁶⁷ О. П. Маркова. Восстание в Кахетии в 1811 г. М., 1952, стр. 220—221.

⁶⁸ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 4258, ч. IV, лл. 23—24; см. также АКАК, т. III, стр. 498; А. Петров. Русско-турецкая война 1806—1812 гг., ч. II. СПб., 1887, стр. 514—515.

⁶⁹ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 4258, ч. IV, лл. 23—24; АКАК, т. III, стр. 452, 498.

⁷⁰ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 4265, л. 49.

⁷¹ М. М. Эфендиев. Указ. соч., стр. 110.

ну⁷². В связи с этим В. И. Ленин писал: «1808 — Англия посылает в Персию особого посла; она помогает Персии в ее войне против России»⁷³. С этого времени, получив по англо-иранскому предварительному договору⁷⁴ крупные суммы денег, вооружение и боеприпасы, шахская Персия усиленно стала набирать армию, которая обучалась на этот раз английскими инструкторами. Подготовив, таким образом, значительные военные силы, Персия направила их в Закавказье и, учинив нападение «в разных пунктах, открыла военные действия»⁷⁵.

После подписания англо-турецкого договора (в январе 1809 г.) Османская Порта также возобновила войну с Россией. В связи с этим на Кавказе еще более усилилась подрывная деятельность эмиссаров зарубежных стран. Ирано-турецкие захватчики в фирманах, посланных на Кавказ, хвастливо заверяли, что «сильным мечом» персидского государства, с одной стороны, и Высокой Порты, с другой, «телами тех неверных сделают возвышение, не оставляя из них ни одного в живых», и призывали «стараться истребить там находящихся русских, предать аду»⁷⁶. Аналогичные письма и денежные средства «для самоубеждения жителей и лезгин»⁷⁷ ирано-турецкие агрессоры послали почти ко всем владельцам Восточного Кавказа. Одному только грузинскому царевичу Александру было выдано 120 тыс. руб., к Ших-Али-хану отправлено «судно с денежной казной и разными товарами, который на оные будет нанимать лезгин»⁷⁸ против России. Непосредственное участие в антирусской пропаганде принимали и чиновники английского посольства в Иране. Так, английский посланник в одном из своих писем, пересланных к феодальным владельцам Восточного Кавказа, писал: «К чему вам русские? Вы... закона мухамеданского и..., следовательно, польза ваша не может быть сопряжена с пользой России, которые вам вечные неприятели по религии. Посудите сами, как же вы, будучи мухамеданского исповедания, можете льститься покоем». Далее он предлагал «по препровождаемой форме... на маленькой бумажке писать к шаху о принятии вас в особое свое благодетельство... Сей акт перепроводить ко мне»⁷⁹. Нет надобности распространяться, почему английскому посланнику, помимо подстрекательства, понадобились письма от феодалов

⁷² P. Sykes. A History of Persia, v. II. Third edition. London, 1951, p. 405.

⁷³ «Ленинский сборник», т. XXIX, стр. 351.

⁷⁴ Полный текст договора опубликован в приложении к кн.: J. Кауе. History of the war in Afganistan, v. I. London, 1890, p. 481—484.

⁷⁵ АКАК, т. IV, стр. 693.

⁷⁶ ЦГИА Груз. ССР, ф. 2, д. 154, л. 224.

⁷⁷ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6164, ч. 64, л. 85.

⁷⁸ Там же, лл. 32—33.

⁷⁹ АКАК, т. IV, стр. 576—577.

Кавказа: «маленькими бумажками» посланник намеревался ввести в заблуждение общественное мнение, представить Россию агрессором, а Англию защитницей малых народов.

Не без влияния извне активизировались и стали открыто выступать против России Ших-Али-хан, Сурхай-хан и другие феодалы. Широко применяя обман, подкуп, а нередко и силу, вербовали они горцев в свои отряды. Али-Султан дженгутайский, свидетельствует очевидец, «силою выгоняет к Ших-Али акушинцев с угрозами, что, кто не пойдет, у того отнимут вола и разорят дом»⁸⁰. Сколотив таким образом отряд и пользуясь тем, что русские войска были передвинуты к театру военных действий, Ших-Али сделал попытку овладеть Дербентом. Но население Дербента «без помощи российских войск отразило это нападение»⁸¹. Против Ших-Али в это время выступило и большинство владетелей Дагестана. Кадий табасаранский, уцмий кайтагский, шамхал тарковский и другие, писал Ших-Али-хан первому министру Ирана Мирза-Шефи, «изменили богу и шаху», они «усердны и соединены с русскими»⁸². Летом 1809 г. к русскому командованию на Кавказе обратился Гитинав Сагитов. Он объявил, что прислан от так называемого вольного Технуцальского общества сообщить о желании жителей «вступить в повиновение России» и, если надо будет, отдать аманатов. Кроме того, заявил он, если начальству будет угодно, старшина Коратинского вольного общества Курбин и он, Гитинав, готовы «привести сюда лезгинское войско»⁸³. Тогда же с просьбой о принятии в подданство России обратились старшины Шандальского, Балхорского и других обществ нагорного Дагестана⁸⁴. В эти «вольные общества» кавказское командование отправило офицеров, в присутствии которых и при стечении «всего народа» старшины от имени своих обществ дали клятву «на верноподданство», приняли и подписали условия, предлагаемые Россией, и отдали по «обычаю времени» аманатов из лучших семейств. Было документально оформлено вхождение в состав России Шодротского, Балхорского, Ансалтинского, Кодротского, Тендальского, Рогочинского, Бигнадальского, Колалалского, Малалалского, Гугугского и других обществ нагорного Дагестана, а также вольных магалов: Ахтынского — четыре тысячи семейств, Мискинжинского — четыре тысячи семейств, Керииургинского — до тысячи ста семейств и Докузпаринского, деревни Эрисы, где до этого бывал Ших-Али-хан⁸⁵. Вступление в подданство вышеуказан-

⁸⁰ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6164, ч. 64, лл. 284—285.

⁸¹ Там же, лл. 28—29; АКАК, т. IV, стр. 640.

⁸² ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6164, ч. 64, лл. 68—69.

⁸³ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6164, ч. 64, л. 281; АКАК, т. IV, стр. 609.

⁸⁴ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6164, ч. 64, л. 282; АКАК, т. IV, стр. 606.

⁸⁵ АКАК, т. IV, стр. 499, 953; ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6168, лл. 113—114.

ных «вольных» обществ резко ухудшило положение Ших-Али-хана, Сурхай-хана и их сообщников. «Опасаясь всегда своей гибели», Ших-Али-хан во главе небольшого отряда прибыл к кубинским границам «не с тем, однако же, чтобы осмелиться на какое-нибудь покушение..., но в намерении, заняв российское войско, найти удобный случай бежать в Персию»⁸⁶. Сурхай-хан, хвастливо заявлявший, что он никогда не был склонен, «да и впредь не намерен» вступить в подданство России, также был вынужден изменить свою политику. Теперь он готов был «подписать трактат и обещал приехать куда угодно»⁸⁷. На все это, несомненно, оказали огромное влияние и успехи русских войск.

Англия, заинтересованная в продолжении войны в Закавказье, увеличила ежегодную субсидию шаху до 200 тыс. туманов, отправила в Иран послом Малькольма с многочисленным штатом инструкторов, с артиллерией, боеприпасами и снаряжением для персидской армии. В Тегеране посол Англии, по свидетельству офицера Г. Друвила, «сыпал золото обеими руками, давал по 20 туманов за простое поручение и по 50 за баню»⁸⁸. Делались ценные подарки визирям и всем придворным. Даже Мирза-Фейзулла, автор работы, которую мы не раз упоминали, получил «500 туманов и разные вещи»⁸⁹. Кроме того, в Персию было отправлено из Бендер-Бушира войско в 3 тыс. человек со 100 пушками, 2 тыс. ружей «разного рода, мастера для литья пушек и построения судов» и большое количество сукна для обмундирования персидской армии⁹⁰. Тогда же не без влияния Англии Персия, стремясь выиграть время, предложила России начать переговоры о мире. Россия, в интересах которой было быстрее окончание войны, охотно согласилась. Однако вскоре стало известно, что Иран ведет двойную игру. В то время как дипломатические представители шаха преднамеренно затягивали переговоры, в Иране под руководством англичан шла деятельная подготовка к войне. Английские инженеры, по словам самих персов, «на границе Карабаха, Нахичевани, Хоя, Ардебиля и Талыша» строили «крепости с глубокими рвами и собирали туда провиант и боевые припасы»⁹¹. Летом 1810 г. после окончания приготовлений представители Ирана стали отвергать даже те статьи, которые раньше не вызывали у них возражений; требовали, чтобы Россия признала Карабах, Талышинское ханство территорией Персии, а в

⁸⁶ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6164, ч. 64, л. 51; АКАК, т. IV, стр. 630.

⁸⁷ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6164, ч. 64, л. 51; К. Смирнов. Указ. соч., стр. 59; Б. Сологуб. Биография ген. Котляревского. СПб., 1901, стр. 36.

⁸⁸ Г. Друвиль. Указ. соч., т. II, стр. 16.

⁸⁹ К. Смирнов. Указ. соч., стр. 248.

⁹⁰ АКАК, т. IV, стр. 248—251.

⁹¹ К. Смирнов. Указ. соч., стр. 53.

титуле главнокомандующего на Кавказе генерала Торماسова не значилось бы «главнокомандующий в Дагестане»⁹². До этого Россия возлагала большие надежды если не на полный мир, то по крайней мере на перемирие. Но последние претензии Ирана превосходили все предположения, и Россия, естественно, должна была отклонить их. Глава делегации Ирана «Мирза-Бизюрг, как кажется, того ожидавший, весьма охотно согласился» на прекращение переговоров. «Причиной же сего охлаждения в персидском правительстве к доброму согласию,— писал Тормасов,— произошли, как я после о том узнал... от напряженных действий аглицкого в Персии министра..., который приложил все усилия не допустить перелом к заключению перемирия»⁹³. Следует отметить, что в прекращении русско-персидских переговоров немалую роль сыграла и Оттоманская Порта. Для достижения этой цели по повелению султана «употреблены были весьма знатные подарки тегеранскому двору» и обещано было передать 12 000 лучших турецких войск. «Отдавая их в совершенное распоряжение Персии»⁹⁴, Турция обещала даже передать ей Карский и Ахалцыхский пашалыки, если персы начнут наступление против России.

В это время при активном участии агентов Англии был заключен первый в истории Ирана и Турции военный договор о совместной борьбе против России, после чего новая схватка в Закавказье стала вопросом времени. По-прежнему придавая большое значение народам Кавказа в планируемой борьбе против России, ирано-турецкие захватчики «с крайним напряжением старались через разные сокровенные пружины воспламенить мятеж между народами» так, чтобы отвлечь Кавказскую армию «по многим пунктам» и тем самым ослабить силы России⁹⁵.

Несмотря на то, что русское командование усилило охрану на дорогах, ведущих в глубь страны, и разрешало проезд из-за границы «не иначе, как по билетам пограничных начальников»⁹⁶, все же ирано-турецким захватчикам удалось переправить на Кавказ своих эмиссаров. В описываемое нами время на Западный Кавказ для возбуждения грузин и осетин были переброшены беглые грузинские царевики Леван и Теймураз⁹⁷. Немалое число агентов было направлено в Азербайджан, Дагестан и Кабарду⁹⁸. В одном из фирманов, присланных в Да-

⁹² ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6168, лл. 19—24; АКАК, т. IV, стр. 183—184.

⁹³ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6168, л. 24.

⁹⁴ АКАК, т. IV, стр. 709—710; ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6168, л. 21; А. Петров. Указ. соч., ч. III, стр. 209.

⁹⁵ АКАК, т. IV, стр. 666—667; ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6164, ч. 61, лл. 120, 128.

⁹⁶ ЦГИА Груз. ССР, ф. 16, д. 786, л. 6.

⁹⁷ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6182, л. 1; АКАК, т. IV, стр. 468—469.

⁹⁸ АКАК, т. IV, стр. 602—603, 666—667, 670, 672, 770—772.

гестан, турецкий султан Махмуд II писал: «Москвичи питают ненависть к исламу», успехи России могут обратиться во вред Высокой Порты и Дагестана, поэтому все магометане должны единодушно и единогласно «присягнуть за покорение и истребление гяуров... и решиться на священную войну против неприятеля»⁹⁹. Аналогичного содержания были фирманы шаха Персии и наследника его Аббас-Мирзы. Однако горцы Дагестана, за исключением некоторых феодалов и верхушки местного мусульманского духовенства, отвергли домогательства агрессоров. Об этом красноречиво свидетельствует хотя бы то, что сами горцы доставляли русским властям фирманы султана и шаха, а также то, что в это же время горцы, по собственной инициативе, обратились к кавказскому командованию с просьбой зачислить их на военную службу для участия в борьбе против Ирана и Турции. В июле 1810 г. главнокомандующий на Кавказе генерал Тормасов принял целый отряд дагестанцев в русскую армию¹⁰⁰. И, наконец, ряд вольных обществ Аварии добивались принятия их в подданство России. Документы подтверждают, что не позднее сентября 1810 г. к Тормасову прибыл житель сел. Чох Мухамед-Кази, который привез письмо «от всего общества» и заявил, что уполномочен принять условия и дать присягу. В одном из писем, привезенных им, говорилось, что «...мысль о преданности нашей русской державе и о вступлении нашем в ее подданство запала в наши сердца с давнего времени, и мы извещаем вас об этом присылкою к вам аманата». Осенью 1810 г. вольное общество Чох было принято в подданство России. В этой обстановке вынужден был круто изменить свою политику Сурхай-хан и обратиться с покаянием к русской администрации и обещать впредь оставаться верноподданным. Для принятия Сурхай-хана со всем его владением в подданство России кавказское командование отправило в Кази-кумух азербайджанца по происхождению Джафар-Кули-хана. В присутствии его и всего народа Сурхай-хан дал клятву на верность и подданство России и отдал двух аманатов «из лучших кази-кумухских старшин»¹⁰¹. Это означало, что ханство Кази-кумухское уже летом 1810 г. при общем одобрении народа встало под протекторат России. Между тем в том же году русские войска разбили персидские полчища в Карабахе и прогнали их за реку Аракс¹⁰². Не увенчалась успехом и попытка ирано-турецких агрессоров вторгнуться в Грузию через турецкие пашалыки. Близ Ахалкалаки русские войска наголову разбили объединенные силы Ирана и Турции.

⁹⁹ АКАК, т. IV, стр. 770.

¹⁰⁰ Там же, стр. 60!.

¹⁰¹ Там же, стр. 626—627.

¹⁰² Подробно о военных действиях см. там же, стр. 810—821 и др.; И. Дубровин. Указ. соч., т. IV, стр. 347—360.

Гусейн-Кули-хан и грузинский царевич Александр оставили свои войска и, «пользуясь конной техникой», позорно бежали. В этой битве плечом к плечу с русскими солдатами сражались конные отряды азербайджанцев и дагестанцев¹⁰³. За блестящие успехи в боях против турецких войск и проявленную храбрость четыре так называемых мусульманских полка были награждены знаменами и грамотами¹⁰⁴.

Победы русского оружия в 1810 г. нанесли серьезный удар по ирано-турецкому военному союзу. Победы России вызвали переполох не только в правящих кругах Ирана, они встревожили и Англию. Великобритания приложила все усилия, чтобы не допустить прекращения войны Ирана с Россией: персидскому правительству была выдана трехгодичная субсидия в 600 тыс. туманов деньгами, несколько тысяч ружей, артиллерия и другое военное снаряжение. Вместе с новым английским послом Аузли была отправлена новая группа военных инженеров, большое число артиллерийских и других офицеров; все они деятельно занялись «обучением персидских войск..., литьем пушек, исправлением крепостей и построением новых»¹⁰⁵. В это же время в Тегеран прибыл визирь турецкого султана Азим с чрезвычайными полномочиями, «с большими суммами денег и подарками для подтверждения союзного трактата» и для выработки плана совместных действий в Закавказье¹⁰⁶. По повелению султана, эрзерумский, карский и ахалцыхский паши также деятельно вели подготовку к войне.

На Кавказ вновь были отправлены агенты, которые с помощью уже английского золота должны были «возбуждать к возмущениям и набегам горцев Дагестана». К Сурхай-хану приехали «турецкий хаджи и чиновник персидский с письмами и деньгами». От Фет-Али-шаха был послан к Ших-Али-хану Галиб с деньгами и лошадью «с прибором в подарок». Рустамбек привез ему 4000 червонцев. В Аварию, Кайтаг, Табасаран, Ахтыпару, Докузпару и другие вольные общества были разосланы фирманы шаха, в которых он обещал горцам «награды и подарки больше, чем... в минувшие времена», призывал при вторжении войск шаха и султана на Кавказ подняться вместе с ними на священную войну¹⁰⁷. Получив указание, а главное, и средства, Ших-Али-хан развернул в Дагестане подрывную деятельность, широко пользуясь при этом ложью, клеветой, обманом, запугиванием, угрозами и подкупом. Так, он с Абдулла-беком эрисинским, «злоствующим на своего дядю Магомед-кадия табасаранского, обманули акушинцев, уверив их,

¹⁰³ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6168, лл. 80—85.

¹⁰⁴ ЦГИА Груз. ССР, ф. 16, д. 4362, л. 1.

¹⁰⁵ ЦГВИА, ф. ВУА, л. 6192, лл. 60—62.

¹⁰⁶ Там же, лл. 51—52. —

¹⁰⁷ АКАК, т. V, стр. 162—163.

что как скоро вступит в Табасарань и как скоро возьмут деревню Хошни и Мамед-кадия выгонят из оной, то дастся им по скотине»¹⁰⁸. Как свидетельствуют очевидцы, есаулы Ших-Али ездили по аулам Дагестана с требованием, «чтобы из каждых двух домов один человек готов был итти к Ших-Али, а который не послушает, у того дом разорят и имение отнято будет»¹⁰⁹.

Собрав таким образом ополчение, хан вместе с сыном казикумухского Сурхай-хана Нухбеком сделал безуспешную попытку овладеть Кубой¹¹⁰. Вскоре в отряде Ших-Али началось брожение. Многие, поняв, что они были жестоко обмануты, и «поссорясь с ним», как сообщает очевидец, «стали расходиться по домам», и сколько «Ших-Али ни старался удержать их, однако не мог»¹¹¹. Достоверность приведенного документа подтверждают и другие источники. Комендант Кубы генерал-лейтенант Гурьев доносил, «что, начиная от Тарков до Койсу и до Кизляра, никто не согласен принять сторону Ших-Али...»¹¹.

Тем не менее в начале 1811 г. против Ших-Али-хана были направлены русские войска под командованием генерал-майора Хатунцева. К ним присоединился и боровшийся с Ших-Али отряд Аслан-бека казикумухского. При первой же встрече без особого труда русские войска разбили остатки отряда Ших-Али-хана и Нухбека. Вслед за этим от разных обществ и магалов Самурской долины присланы были к Хатунцеву «почетные лица». Они заверяли в верности России. В феврале 1811 г. по их просьбе было вновь подтверждено и документально оформлено вступление в подданство России вольных обществ Южного Дагестана: Ахтыпаринского, Докузпаринского, Алтыпаринского и других¹¹³. В акте говорилось: 1) «Отрицая отныне навсегда самовластие», они обязались признавать над собой только власть России и не иметь никаких сношений с врагами России, признавать только ее власть и подчиняться «русскому правительству, в Кубе находящемуся». 2) За разрешение правительства беспрепятственно пасти скот на пастбищах Кубинской провинции общества Южного Дагестана обязывались «с каждой сотни баранов отдавать одну в казну». 3) «Сверх того в знак всеподданнейшего усердия» они обязались «вносить дань с овечьих стад с сотни одну, где бы они ни паслись, с 1813 г. в первые же зимние месяцы без побуждения правительства»¹¹⁴.

¹⁰⁸ АКАК, т. IV, стр. 606.

¹⁰⁹ Там же, стр. 163.

¹¹⁰ ССКГ, вып. II, стр. 18.

¹¹¹ АКАК, т. IV, стр. 673.

¹¹² Там же.

¹¹³ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6164, лл. 535—538.

¹¹⁴ АКАК, т. V, стр. 162; т. VI, ч. II, стр. 1—2.

Вслед за этим русские войска с отрядом Аслан-бека вступили в Кюру.

В сел. Курах (где в последнее время проживал Сурхай-хан, бежавший в Кази-Кумух) к Хатуңцеву прибыли «со всех деревень кюринские старшины и духовные чиновники с каждой деревни»¹¹⁵. Они жаловались на насилия и притеснения Сурхай-хана и «с покорностью просили помилования и покровительства Всероссийской империи». В январе 1812 г. Кюра была присоединена к России, управление ею поручено Аслан-беку, который был возведен в сан кюринского хана. Аслан-хан от своего имени и от имени наследников и преемников навсегда отказывался от «всякого вассальства, под каким бы то титулом не было, также от всякой зависимости от Персии или иной державы» и объявлял «перед лицом всего света»: «я не признаю над собою и преемником моим иного самодержавия, кроме верховной власти е. и. в. Всероссийского... обещаяя тому престолу верность яко верноподданный... оного и неприятелей России признавать за собственных своих неприятелей».

Аслан-хан обязывался управлять «ханством с кротостью и человеколюбием, сообразно милосердным законоположениям, существующим во всей империи Всероссийской, и без предварительного согласия главнокомандующего в здешнем краю не иметь сношения с окрестными владениями, России не принадлежащими». В знак подданства он обязывался снабжать русские войска, находящиеся в Кюре, хлебом «за платою за сей провиант из казны е. и. в. за каждую четверть по 2 руб.», представить им под постройкой выгодные квартиры и снабжать их потребным числом дров. Кроме того, Аслан-хан обязывался вносить в казну «по три тысячи червонцев и по 3 тысячи четвертей хлеба в год, в том числе пшеницы 2500 четвертей и ячменя 500 четвертей, включительно в сие число и продовольствие Всероссийских войск, имеющих находиться в Кюре».

Россия, «приемля с благоволением» признание Аслан-ханом «верховой и единственной власти над собою», обещала:

1. Подчинить население Кюринского ханства «яко своих верноподданных, не различая не мало с населенными» Российской империи.

2. Аслан-хана и его наследников и потомков «сохранять без переменен на ханстве Кюринском, доколе в ненарушимой верности пребудут».

3. Представить Аслан-хану полную власть во внутреннем управлении.

4. Для охраны Аслан-хана «поставить в Кюринскую крепость... два батальона» русских войск¹¹⁶.

¹¹⁵ «Материалы по истории Дагестана и Чечни», т. III (1801—1839 гг.). Махачкала, 1940 (далее — «Материалы...»), стр. 101.

¹¹⁶ АКАК, т. V, стр. 160—161.

Тогда же в Курах к Хатунцеву прибыли из Кази-Кумуха Хасан-бек и Фет-Али и настоятельно «просили принять их в верноподданство России». Хотя, по их утверждению, на этот шаг они «решились давно, но не могли осуществить» из-за того, что Сурхай смотрел за ними. Кроме того, они сообщили, что Ших-Али, оставленный всеми, имеет «намерение удалиться в Персию по приглашению его туда и делает нужные к тому приготовления». Сурхай-хан же беспокоится, как бы русские войска вместе с Аслан-ханом не прибыли в Кази-Кумух, «потому что-де не находит способов собрать значительное число войск, в пособии которых как аварцы, так и акушинцы, дуздохарцы (цудахарцы.— В. Г.) ему отказывают»¹¹⁷. Казалось бы, лучше нельзя было выбрать момент для изгнания Сурхая, но Хатунцев, оставив в Курахе гарнизон из двух некомплектных батальонов и 90 человек казаков под командованием майора Рябинина, вернулся обратно. По объяснению самого Хатунцева, главной причиной, побудившей его отложить поход в Кази-Кумух, было то, «что как в самом Кази-Кумухе, так и в окрестности оного в многих деревнях существует ныне зараза»¹¹⁸. Как бы то ни было, возвращение русского отряда было непростительной ошибкой, которую в скором будущем пришлось исправлять. Как только Хатунцев с основными силами своего отряда оставил Южный Дагестан, Сурхай-хан в надежде укрепить свое пошатнувшееся положение стал склонять на свою сторону жителей окружающих его владений. После того как приглашенные Сурхаем старшины Акуши и других обществ на просьбу «дать ему пособие в войсках для возвращения по-прежнему Кураха и всей провинции Кюринской» отказали, он через своих посланников стал подстрекать ахтынцев, рутульцев и других¹¹⁹. В связи с этим кавказское командование направило для «наказания» его в Дагестан отряд под командованием того же Хатунцева. Узнав о прибытии русских войск в Курах и ~~Башлы~~ и «что сей народ присягнул в верности России», видя, что «все бывшие у него в сборе» разбежались, Сурхай-хан прислал к Хатунцеву своего чиновника с письмом, в котором уведомлял, что «он оставляет все донныне бывшие с его стороны намерения и предприятия, клянясь богом, что он впредь пребудет спокоен»¹²⁰, а 17 июля прислал с сыном Муртазали «предложенную ему присягу, утвержденную им по обычаю на ... коране подписью и печатью, извиняясь, что сам он по причине старости и слабости здоровья видеться... не может»¹²¹. Однако жители Кази-Кумухского ханства, как и соседние народы, не довольствуясь данным Сурхаем

¹¹⁷ АКАК, т. V, стр. 615.

¹¹⁸ «Материалы...», стр. 102.

¹¹⁹ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6164, д. 518.

¹²⁰ Там же, лл. 518—522.

¹²¹ Там же; АКАК, т. V, стр. 617—618.

обещанием, «собрались и имели между собою совещание. Благоразумные и добронравные из них посоветовали назначить в Кумухе ханом Муртазали, «в том соображении, что они будут неизменны в службе русской державы, и разногласие исчезнет»¹²².

В июле 1812 г. к генералу Хатунцеву прибыли от «акушинского и всего даргинского народа кадии и почетные старшины» с просьбой принять в подданство России весь даргинский народ. Они «от имени всего народа равномерно учинили присягу на верность е. и. в., и почтеннейшие из них утвердили оную своими печатями»¹²³. После этого были освобождены военнопленные горцы, а также была удовлетворена их просьба, чтобы с привозимых из Дагестана в город Дербент и Кубу товаров и других продуктов брали пошлины «по прежним ханским обычаям: поелику по учреждении в сих местах застав», взимающих непомерные пошлины, купцы «лишаются через то способов привозить и продавать свои товары и изделия»¹²⁴.

Из вышесказанного видно, что к осени 1812 г. завершился длившийся многие годы процесс вхождения Дагестана в состав России.

* * *

Английская дипломатия, не останавливаясь ни перед какими затратами, продолжала разжигать войну на Кавказе. «Хотя ныне через то же иностранное влияние сии две державы (Иран и Турция.— В. Г.) против нас до соединения доведены», писал генерал Тормасов Барклаю де Толли в марте 1811 г., «но что сие не может быть прочно», так как не только народ, но и многие из «владельцев проявляют неудовольствие, и только английское золото, подкупающее правительство, заставляет их терпеть и ожидать времени»¹²⁵. Но несмотря на это, правящие круги Ирана и Турции, подстрекаемые Англией, начали военные действия. Однако возобновление военных действий, ничего, кроме разочарования, не принесло для его зачинателей. Русские войска под командованием прославленного генерала Котляревского в Закавказье наголову разбили в несколько раз превосходящие силы турок, и 8 декабря 1811 г. «Ахалкалакская крепость..., понизив надменное чело свое, перед русским оружием пала»¹²⁶.

Тогда же на Балканах русские войска под командованием великого русского полководца М. И. Кутузова одержали ряд блестящих побед под Рушукком, Видиком, Тортукаем и Слобод-

¹²² ЦГИА Груз. ССР, ф. 2, д. 917, лл. 36—37.

¹²³ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6164, лл. 518—523; АКАК, т. V, стр. 617—618.

¹²⁴ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6164, лл. 512—523.

¹²⁵ Там же, д. 6192, лл. 60—64.

¹²⁶ Там же, д. 2889, л. 67.

зей; 12-тысячная турецкая армия капитулировала: «Погиб цвет отборного турецкого воинства. Впоследствии Порты никогда не могла выставить в поле армии подобной, какою в 1811 году предводительствовал Ахмед-паша»¹²⁷.

Потерпев полное поражение, Оттоманская Порты запросила мир. Безусловно мирный договор между Россией и Турцией был бы подписан еще в Журже, если бы этому не помешало активное вмешательство западноевропейских государств, и прежде всего Франции и Англии. Правда, английский посол в Константинополе Каннинг советовал султану заключить с Россией мир, но при этом он не забывал напомнить, чтобы Турция не уступала России «ни шага земли в Азии, говоря, что рано или поздно Порты будет в том раскаиваться»¹²⁸. Тот же Каннинг, стараясь «примирить» Россию с Турцией, предлагал султану, чтобы «в тот же договор включить замирение с персидским правительством»¹²⁹. Все это безусловно было направлено на затягивание войны. В ответ на предложения Каннинга дипломатические представители России заявили, «что всегда желают мира», но «нет никакой нужды, чтобы в двух войнах... было сделано одно мирное постановление..., чтобы замирение с персианами совершилось, так сказать, под сенью Порты Оттоманской»¹³⁰. Но несмотря на это, некоторые английские историки, искажая историческую действительность, договариваются до нелепостей. В «1812 г., — утверждает известный русофоб Д. Уркварт, — турки имели удобный случай вернуть все земли, отобранные у них, но Англия, только и думавшая о войне с Францией, принудила турок подписать договор с Россией»¹³¹. Но ни военная, ни дипломатическая помощь западноевропейских государств не была способны поставить на ноги битую на поле боя султанскую Турцию. В мае 1812 г. после продолжительных переговоров, за месяц до вторжения Наполеона в Россию, был подписан Бухарестский мир¹³². Одновременно русская дипломатия, желая как можно быстрее закончить войну в Закавказье, предложила новые, более легкие для Ирана условия: «поставить границы по местам тех владений, которые ныне находятся под властью России»¹³³, вместо прежних по рекам Куре, Араксу и Арпочаю. «Персы, побуждаемые более от англичан, кои, обучая их войско

¹²⁷ А. М. Михайловский - Данилевский. Описание турецкой войны в царствование императора Александра I, с 1806 до 1812 г., ч. II. СПб., 1843, стр. 230—231.

¹²⁸ Там же, стр. 255.

¹²⁹ АКАК, т. V, стр. 650.

¹³⁰ Там же.

¹³¹ D. Urquhart. Progress of Russia in the West, North and South. London, 1899, p. 205.

¹³² Полный текст Бухарестского мира см. в кн.: «Договоры России с Востоком. Политические и торговые». СПб., 1869, стр. 49—51.

¹³³ АКАК, т. V, стр. 649.

европейской тактике, снабдили своими офицерами, канонирами, артиллерией и ружьями»¹³⁴ и ободренные восстанием в Кахети, отклонили предложение России. Вторжение Наполеона в российские пределы усилило надежды персов на легкие успехи в Закавказье. Они задумали «большими силами в трех пунктах впасть в Грузию»¹³⁵.

Даже в столь ответственное время, когда русский народ вступил в единоборство с набранными со всей Европы полчищами Наполеона, английский посланник в Иране, нарушая условия русско-английского союзнического договора 1812 г., продолжал вести антирусскую политику. Великобритания по-прежнему субсидировала Иран, снабжала персидскую армию артиллерией, ружьями и всем необходимым военным снаряжением. Английские инструктора обучали солдат, военные инженеры чинили и строили крепости, делалась также попытка организовать «построение судов» на иранском побережье Каспийского моря¹³⁶. Английская дипломатия направляла Иран на путь оттягивания заключения мира с Россией до тех пор, пока последняя не уступит мусульманские провинции Кавказа или Иран «усиленным стремлением своим при содействии английской артиллерии попытается решительно возвратить оные оружием»¹³⁷. О влиянии Англии на правящие круги Персии и на ее роль в затягивании войны красноречиво свидетельствует следующий факт. Летом 1812 г. Аббас-Мирза после беседы с русским посланником «хотел распустить войско на 20 дней, бывшее уже в сборе», обещал выдать пленных русских солдат и офицеров и послать к главнокомандующему своего чиновника для переговоров о мире. «Все сие,— по словам генерала Ртищева,— однако же принял другой вид с приездом в Тавриз английского посла». Чиновника не отправили, пленных не отпустили, «сбор войскам снова начался, и персиане в самом даже приеме... сделались приметны»¹³⁸.

Ведя провокационную политику в Персии, англичане не переставали уговаривать Россию уступить кавказские области Ирану. Двуличная политика Англии неминуемо должна была привести и привела к тому, что «персидское правительство с гордостью, кичась заведенными ими регулярными войсками и иностранной артиллерией, отвергнув самые снисходительные и полезные» для нее предложения, воспользовавшись отъездом Ртищева из Асландуза в Тифлис, предприняло новое наступление¹³⁹. В то же время на Кавказ, в том числе и в Дагестан,

¹³⁴ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 4528, ч. 4, лл. 175—176.

¹³⁵ Там же.

¹³⁶ АКАК, т. V, стр. 180.

¹³⁷ Там же, стр. 654—655.

¹³⁸ Там же.

¹³⁹ ЦГИА Груз. ССР, ф. 16, д. 1380, лл. 1—2.

отправили агентов с заданием возбуждать горцев против России и совместно с уже восставшими грузинскими феодалами «произвести всеобщее в здешнем крае смятение»¹⁴⁰, но, как известно, в Дагестане персы жестоко просчитались.

В августе персидские войска вторглись в Карабахское и Талышинское ханства. Отряды под начальством полковника Друвиля заняли крепость Ленкорань¹⁴¹, а передовые отряды майора английской службы с восемью пушками напали «на укрепленные нами места в надежде одним ударом разбить стену», но одолеть силой оружия русских они не смогли¹⁴². В своем письме к майору Шевцову капитан Веселый прямо указывал, что «с англичанами имею дело, а не с другими коими-либо... Они действуют единодушно с персами против нас, несмотря на заключение мира с Англией»¹⁴³. Постоянные неудачи ничему не научили незадачливых полководцев Ирана. В октябре 1812 г., отправив трехтысячный отряд отборной конницы под предводительством Пир-Кули-хана для диверсии в Шекинское ханство, Аббас-Мирза с основными силами прибыл к Асландузской переправе на реке Аракс и по совету английских офицеров¹⁴⁴ решил напасть на русский отряд. Но русские войска под командованием генерала Котляревского, опередив персов, переправились через Аракс и стремительно атаковали главные силы неприятеля. Иранцы, не выдержав натиска, пустились в бегство. Весь лагерь, 35 фальконетов, множество артиллерийских снарядов и патронов достались в руки победителей. Не дав опомниться противнику, Котляревский 20-го числа вновь атаковал и разбил их наголову, крепость Асландуз была взята. В этом бою персидскими регулярными войсками командовал английский офицер Кристи, а артиллерией управлял капитан Линдсней¹⁴⁵. 1200 убитых, более 500 человек пленных, 11 орудий и много другого военного снаряжения осталось трофеями победителей. Сам наследник персидского престола главнокомандующий Аббас-Мирза едва спасся бегством.

1 января 1813 г. Котляревский после ожесточенной схватки занял крепость Ленкорань.

Внушительные победы, одержанные русским оружием в Закавказье, совпали с поражением Наполеона. Встревоженная победами России и учитывая, что продолжение русско-иранской войны неизбежно могло привести к полному разгрому Ирана (а следовательно, и дальнейшему усилению России на Востоке), английская дипломатия делала все, чтобы спасти своего

¹⁴⁰ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 4258, ч. 4, лл. 175—176; АКАК, т. V, стр. 676.

¹⁴¹ Г. Друвиль. Указ. соч., т. II, стр. 98.

¹⁴² АКАК, т. V, стр. 593.

¹⁴³ Б. Сологуб. Указ. соч., стр. 150—151.

¹⁴⁴ Г. Друвиль. Указ. соч., т. II, стр. 98.

¹⁴⁵ ЦГИА Груз. ССР, ф. 16, д. 1380, лл. 1—2.

союзника. Пугало англичан и то, что между воюющими сторонами мог быть подписан мир без участия Великобритании. Поэтому английский посланник Аузли, действуя по инструкции, полученной из Лондона, используя свое «посредничество», добивался от России максимальных уступок. Но видя, что Россия твердо стоит на своем, и боясь окончательно подорвать свой престиж, он стал уговаривать главнокомандующего на Кавказе «уступить хотя бы небольшую землю из положения *status quo and present*»¹⁴⁶, обещая при этом «выступить в роли гаранта в отношении тех владельцев, которые отойдут к Ирану»¹⁴⁷. По существу в этом плане ничего нового не было. Англия по-прежнему добивалась согласия России на прекращение военных действий с тем, чтобы предотвратить присоединение новых территорий. Поэтому Россия отклонила и это требование. Тогда Англия выступила с новыми условиями, предложив воюющим странам заключить перемирие на один год. Было ясно, что столь продолжительное время понадобилось английской дипломатии только для того, чтобы довести до перемирия начавшиеся не без влияния Форин офиса переговоры между Ираном и Турцией, убедить их в необходимости военного союза против России и образовать, таким образом, новый антирусский блок. «Я имею верные сведения,— писал Ртищев Румянцеву,— что персиане в то самое время, когда ищут заключить перемирие на год с Россией, еще гораздо с большею деятельностью стараются о восстановлении мира с турками, соглашаясь заплатить все убытки, сделанные ими прошлого года в Багдадском пашалыке. Следовательно, из всего обнаруживается, что столь продолжительное перемирие нужно персианам только для того, дабы иметь дело окончить дела свои с Турецкою державою и заключить мирный союз»¹⁴⁸.

В самом Иране при поддержке и помощи Англии началась деятельная подготовка к новой кампании. Для усиления крепостей Эривань и Нахичевань решено было перевести жителей за реку Аракс. В Персию были доставлены 32 орудия, 12 тыс. зарядов, 12 тыс. ружей, пополнена рекрутами армия. Документы подтверждают, что планы персиан, составленные не без участия Англии, заключались в том, чтобы за время перемирия подготовиться к войне, вторгнуться в Талышинское ханство и Карабах, захватить Елисаветполь и Памбак. Они надеялись, что военные удачи персов будут поддержаны азербайджанцами и дагестанцами. С этой целью на Кавказ были пересланы крупные суммы денег. Только Ших-Али получил от Аббас-Мирзы 2000 червонцев, 3 лошади и другие подарки, чтобы «со своей стороны склонить дагестанцев на поднятие оружия против России», а о сум-

¹⁴⁶ АКАК, т. V, стр. 727.

¹⁴⁷ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6164, ч. 66, лл. 295—305.

¹⁴⁸ АКАК, т. V, стр. 725.

ме, полученной грузинским царевичем Александром, красноречиво говорит тот факт, что он летом 1813 г. каждому дагестанцу, согласному служить у него, предлагал по 50 рублей¹⁴⁹. Учитывая все это, Россия продолжала требовать немедленного заключения мира. Поэтому Ртищев, отвергнув «посреднические» предложения английского посланника, решительно потребовал у Персии в 50-дневный срок закончить переговоры подписанием мира на предлагаемых Россией условиях. Однако правительство Ирана медлило. Только неожиданное появление русской флотилии с войсками у берегов Талышинского ханства, «открывающего путь во внутренность самой Персии», несмотря на старания Аузли придать договору предварительный характер, вынудило шаха отступить от прежних своих «неимоверных требований и снизить до согласия поставить мир на основании status quo and present»¹⁵⁰.

27 сентября 1813 г. в местечке Гюлистан встретились Ртищев и уполномоченный шаха Мирза-Абдул-Хасан, а через два дня был подписан акт перемирия. Вслед за этим стороны приступили к обсуждению мирного договора. Мирза-Абдул-Хасан по наущению англичан потребовал, чтобы предварительно был подписан «сепаратный договор», буквально скопированный с предыдущих предложений Аузли, по которому за Ираном сохранялось право требовать у России уступки земель в Закавказье¹⁵¹. Как и следовало ожидать, этот вопрос вызвал оживленную дискуссию. Соглашение было достигнуто лишь после того, как уполномоченный шаха согласился изменить формулировку статьи, предоставляющей Ирану право просить у Александра I уступки земель¹⁵². Заключение «сепаратного договора» несомненно было ошибкой Ртищева, ибо даже в новой редакции договор предоставлял право Ирану в последующем вновь поднять вопрос о территориальных уступках в Закавказье. Сам главнокомандующий объяснял подписание «сепаратного договора» сложностью обстановки, которая действительно была в тот период чрезвычайно сложной. Несмотря на то, что с Турцией был подписан Бухарестский мир и Россия по нему вернула Турции занятые во время войны крепости Ахалкалаки и Поты, Порта занимала весьма угрожающее положение. Подстрекаемая западноевропейскими государствами, она добивалась «возвращения» Западного Кавказа, предъявляла притязания на Дагестан и ханства Азербайджана. В то же время Иран, по-прежнему получая от Англии субсидии и «огнестрельное оружие... за самую недорогую цену»¹⁵³, также вел подготовку к новым схваткам.

¹⁴⁹ АКАК, т. V, стр. 177.

¹⁵⁰ Там же, стр. 367.

¹⁵¹ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 4258, ч. 4, лл. 901—904.

¹⁵² Там же, д. 4502, л. 2.

¹⁵³ Г. Друвиль. Указ. соч., т. II, стр. 42.

Многочисленные агенты Турции и Ирана вели активную анти-русскую пропаганду на Кавказе.

Таким образом, установлено, что Англия сыграла решающую роль в развязывании русско-персидской войны. Даже тогда, когда Наполеон вторгся в Россию, Англия не уменьшила, если не увеличила, помощь Персии для ведения войны. Затем пользуясь своим влиянием на правящие круги Ирана, Англия всячески мешала прекращению войны. Многочисленный отряд военных инструкторов обучал армию, командовал различными подразделениями, принимавшими непосредственное участие в войне с Россией. Но, не считаясь с этими фактами, английские историки тщательно пытаются обелить внешнюю политику Великобритании, представить ее защитницей малых народов, доказать, что только благодаря ее посредничеству была прекращена русско-персидская война 1804—1813 гг. Английский дипломат и историк Буллард, например, голословно утверждает, что «британское посредничество помогло установить мир между Персией и Россией». Столь же бездоказательно звучит и утверждение автора статьи «Гюлистанский мирный договор» в «Дипломатическом словаре», где прямо сказано: «После нападения Наполеона на Россию Англия, заключив союз с Александром I, отозвала своих инструкторов из иранской армии, прекратила всякую помощь шаху»¹⁵⁴.

Но вернемся к переговорам в Гюлистане. Обсуждение статей мирного договора вызвало довольно долгие споры¹⁵⁵. Особенно напряженный характер носило определение границ. Персия, не без влияния английского посла в Иране, не желала в договоре конкретно установить пограничную линию. После затянувшейся дискуссии о статьях, признающих за Россией право иметь на Каспии военный флот, Мирза-Абдул-Хасан-хан, соглашаясь с предложениями Ртищева, просил для доказательства уважения и доброжелательства уступить хотя бы малую часть земли. Ртищев согласился передать Мигринский округ Карабахского ханства, после чего Мирза-Абдул-Хасан-хан согласился со всеми предложениями России. 12 октября 1813 г. переговоры между Персией и Россией закончились подписанием Гюлистанского мирного трактата¹⁵⁶.

По условиям договора за Россией закреплялась вся территория, «какая ныне находится в совершенной их власти». Шахская Персия отказывалась от притязаний на Дагестан, Грузию, ханства: Кубинское, Ширванское, Карабахское и Гянжинское. Таким образом, Гюлистанским мирным договором 1813 г. было юридически оформлено вхождение

¹⁵⁴ «Дипломатический словарь», т. I. М., 1950, стр. 527.

¹⁵⁵ АКАК, т. V, стр. 734—747.

¹⁵⁶ Полный текст Гюлистанского договора см. в кн.: «Договоры России с Востоком. Политические и торговые». СПб., 1869, стр. 208—214.

Дагестана в состав России. Обе договаривающиеся стороны обязались произвести обмен военнопленными и разрешить беженцам вернуться в родные места.

По 5 статье договора Персия признала за Россией исключительное право иметь военный флот на Каспийском море. Следует подчеркнуть, что эта статья была направлена «не столько против самого Ирана, сколько против возможных попыток со стороны Англии и Франции использовать с помощью Ирана Каспийское море для нападения на Россию»¹⁵⁷. Купцы обеих сторон получали право на свободную торговлю в Иране и в России, право учреждать в наиболее важных пунктах своих консулов или агентов. Иранское правительство брало на себя обязательство взимать с привозимых русскими купцами товаров пошлинные сборы не более 5% и только один раз, куда бы они ни ездили, «более же никаких сборов, податей, налогов и пошлин ни под коим предлогом и вымыслами не требовать». Кроме того, русским предоставлялся ряд льгот: устанавливались таможенные пошлины в размере 5% на ввозимые товары, которые освобождались от внутренних пошлин и других сборов. Россия обязывалась оказывать помощь наследнику престола в утверждении его на троне и при возникновении борьбы за трон между сыновьями шаха, но царь не должен был вмешиваться, пока Персия не обратится за помощью.

Гюлистанский мирный договор имел огромное значение для России и особенно для народов Кавказа, в том числе народов Дагестана. Подготовленное всем ходом русско-дагестанских отношений и оформленное Гюлистанским договором вхождение Дагестана в многонациональное централизованное Русское государство было единственным возможным путем для обеспечения внешней безопасности, ликвидации экономической и политической раздробленности, для выхода из того тяжелого и застойного положения, в котором пребывали народы Дагестана на протяжении многих веков. По существу это был переломный этап в исторической судьбе народов Дагестана.

Присоединение Дагестана к России — стране по уровню своего развития ушедшей значительно дальше, чем Османская Порта и шахский Иран (претендовавший в течение столетий на господство в Дагестане), к стране с развивающейся прогрессивной культурой, передовым общественно-политическим движением — было исторически прогрессивным явлением. «Чем больше я размышляю над историей, — писал Ф. Энгельс в 1851 г. к К. Марксу, — тем яснее мне становится, что... Россия действительно играет прогрессивную роль по отношению к Востоку..., господство России играет цивилизаторскую роль для Черного и Каспийского морей и Центральной Азии, для башкир и татар»¹⁵⁸.

¹⁵⁷ М. С. Иванов. Указ. соч., стр. 140.

¹⁵⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 27, стр. 240—241.

ДВИЖЕНИЕ ГОРЦЕВ ДАГЕСТАНА И ЧЕЧНИ В 20—50-х ГОДАХ XIX в. И РУССКОЕ ОБЩЕСТВО

Включение Дагестана в состав России объективно создало благоприятные условия для развития экономики и культуры народов края, но не привело, да и не могло привести, к социальному и национальному освобождению трудящихся горцев. В это время сам русский народ изнывал под гнетом самодержавия, а народы окраин подвергались еще большему угнетению. Создавая себе социальную опору, самодержавие оказывало всяческую поддержку только местным феодальным властителям: им выдавались единовременные денежные пособия, назначалось жалованье, их награждали орденами и чинами, земельными угодьями, широко практиковалась и раздача деревень¹. Политикой царизма феодалы воспользовались «как нельзя лучше и в короткое время сделали свою власть над подданными совершенно безграничной»². Опираясь на русские штыки, они увеличивали размеры податей и повинностей, «расширяли свое собственное хозяйство и через это уменьшали... пространство земель, находившихся до этого в пользовании поселян»³. Примером этому может служить Улусский магал, ранее входивший в Дербентское ханство и в 1806 г. (после изгнания Ших-Али-хана) переданный во владение шамхала тарковского.

---

¹ ЦГА ДАССР, ф. 105, оп. 1, д. 12, л. 8; ЦГИА Груз. ССР, ф. 2, д. 124, л. 13; д. 488; л. 1; оп. 1, д. 534, л. 3; «Колониальная политика российского царизма в Азербайджане», ч. 1. М.—Л., 1936, стр. 106.

² П. В. Гидулянов. Сословно-поземельный вопрос и райятская зависимость в Дагестане, ч. II. М., 1901, стр. 54; С. Эсадзе. Историческая записка об управлении Кавказом, т. II. Тифлис, 1907, стр. 185.

³ Копия с отзыва генерал-квартирмейстера Кавказской армии от 7 сентября 1864 г.—ИИЯЛ, Рукопис. фонд, д. 1289, л. 10. Об усилении власти феодалов над зависимым населением см. также ЦГА ДАССР, ф. 105, оп. 3, д. 3, лл. 1—4; П. В. Гидулянов. Указ. соч., ч. II, стр. 56.

«Здесь увеличение и платежей, и барщины было весьма значительным, особенно если принять во внимание, что барщина была переложена в оброчные платежи Улусского магала». Если платежи дербентскому хану составляли $\frac{1}{10}$ урожая и 3 руб. денег, то шамхал обязал платить $\frac{1}{10}$ урожая и с пуда сухой марены — 40 коп. Взамен же обработки земли владельца, — с каждой пары рабочего скота взымался капан (3 пуда) пшеницы, 2 пуда 15 фунтов ячменя; вместо уборки хлеба — капан пшеницы и капан ячменя со двора; взамен посева риса — по 10 руб. 50 коп. со двора; вместо дачи подвод для перевозки податного хлеба — по 1 руб. 50 коп. серебром со двора⁴. В Мехтулинском ханстве увеличение податей в пользу феодалов выразилось в том, что была введена не существовавшая ранее подать кууг (саманом или мякиной) и увеличена подать арба-агач (с 1 арбы до 2 ароб дров). Были добавлены повинности: поставки ароб для разных надобностей хана, рабочих для строительных работ и обработки садов и «конных чапаров для посылок по делам ханского дома»⁵.

В Кайтаге увеличились размеры чихиша — хлебной подати, возросла дровяная подать и численность выставляемых для надобности владетеля ароб и лошадей⁶. В Табасаране наблюдается усиление барщины: если ранее райятские селения выставляли на сельскохозяйственные работы по 1—2 человека на 2—3 дня, то теперь обязаны были работать по 8 дней. Увеличилась и натуральная подать, взимаемая хлебом, скотом и фруктами и т. д. Взамен 2—3 сабов пшеницы стали брать 6 сабов⁷.

Феодальные владетели Дагестана, уверенные, что в случае восстания против них закрепощаемого крестьянства они смогут опереться на русские штыки, деспотически обращались с подвластным населением. Не стесненные «ни адатом ни шариатом», они решали дела, «как бог на душу положит», выносили варварские приговоры и тут же приводили их в исполнение⁸. Даже царские генералы отмечали, что шамхал, поддерживаемый кавказским командованием, «продолжает рубить и притеснять своих подвластных, не отдавая никому в том отчета»⁹. Такое поведение феодалов приводило к волнениям и восстаниям крестьян.

⁴ П. В. Гидулянов. Указ. соч., стр. 74.

⁵ «Мехтулинские ханы». — «Сборник сведений о кавказских горцах» (далее — ССКГ), вып. II, стр. 10.

⁶ ЦГИА Груз. ССР, ф. 2, оп. 1, д. 90, лл. 2—3; АКАК, т. VI, ч. II, стр. 65.

⁷ ЦГА ДАССР, ф. 150, оп. 1, д. 1, лл. 19—22; д. 90, оп. 2, д. 5, л. 19.

⁸ П. В. Гидулянов. Указ. соч., стр. 21—22.

⁹ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 4648, л. 12; ЦГИА Груз. ССР, ф. 1083, оп. 6, д. 344; «Русский архив», 1888, № 7, стр. 332.

«Мы,— отмечает А. Руновский,— способствовали угнетению горцев со стороны их владельцев... После покорности дагестанских племен мы не изменили существенно господствовавшую там вредную систему управления. Установленные там порядки не только не прекратили тиранию владельцев, но предоставили им власть управлять народами на прежних основаниях, еще укрепив эту власть... Таким образом, горцы, вначале смотревшие на русских как на своих избавителей, увидели себя горько обманутыми»¹⁰.

Положение трудовых горских масс ухудшилось в связи с тем, что царизм наложил на них обременительные налоги. Жители вновь образованного Кюринского ханства, например, обязаны были ежегодно вносить 3 тыс. четвертей пшеницы и 3 тыс. червонцев; акушинцы — 2 тыс. овец и 2 тыс. руб.; с Каракайтага взималось по 2 сабы пшеницы и по 3 сабы ячменя с каждого семейства; с сел. Башлы — 600 руб.; с Рутульских обществ по 500 руб.; с Сюргинского — 400, с Кубачинского — 400 червонцев¹¹.

Как правило, эти налоги взимались местными начальниками¹², причем бывали случаи (как это признавала кавказская администрация), когда происходило «взыскание двойных податей»¹³. Налоги были настолько обременительны, что даже генерал А. П. Ермолов в 1820 г. сообщал в своем письме: «Платимая полк[овником] Аслан-ханом Кюринским дань... не только отяготительная для истощенной земли, но даже при всей благонамеренности вернейшего из владельцев не может быть собираема, отчего всегдашние происходят недоимки, народ терпит и частью переселяется даже в горы»¹⁴.

Сверх того, горцев принуждали работать на строительстве и расчистке шоссейных и грунтовых дорог. Они обязаны были выставлять по требованию командования лошадей и подводы для перевозки различных грузов, нести почтовую службу. Все эти повинности особенно тяжелы были для жителей равнинного и предгорного Дагестана¹⁵.

К сказанному следует добавить, что кавказское командование применяло к непокорным горцам блокаду. В 1819 г. был закрыт проезд из Дагестана в Грузию и Азербайджан. По приказу А. П. Ермолова аварцам и другим народам Дагестана запрещалось вести торговлю с Закавказьем. В случае нарушения этого правила разрешалось арестовывать прибывших и

¹⁰ «Военный вестник», 1859, № 42, стр. 680.

¹¹ ЦГИАЛ, ф. 1377, д. 3, л. 1; д. 97, л. 2.

¹² Там же, д. 17, л. 1.

¹³ Там же, д. 3, л. 74.

¹⁴ АКАК, т. VI, ч. II, стр. 41.

¹⁵ ЦГИАЛ, ф. Кавказского комитета, оп. 1, д. 693, лл. 11—14.

конфисковывать привезенные товары. Несколько позже аварцам и андийцам было запрещено вести торговлю с кумыками. В 1822 г. А. П. Ермолов приказал Мадатову не допускать аварцев, андийцев и других дагестанцев в управляемые им провинции (Азербайджан), у прибывших оттуда отбирать все, а армянским и еврейским купцам «под опасением строжайшей ответственности» запретить отвозить товары на продажу в горы¹⁰.

Усугубляли положение трудящихся масс произвол, злоупотребления и взяточничество офицеров и чиновников кавказской администрации. Совершенно не считаясь с обычаями, нравами и традициями горцев, они делали все, что хотели. Даже царские генералы и официальные историки, как правило, писавшие обо всем в смягченных тонах, вынуждены были признать, что офицеры «самым оскорбительным распутством раздражали» народ¹⁷. Любое неповиновение или вооруженное выступление расценивалось как «бунт», «измена». И тогда военачальники, считая, что «для них настала пора военных реляций, громких подвигов, щедрых наград и других выгод»¹⁸, вели войска в горы.

Общеизвестно, что в описываемое время А. П. Ермолов возглавлял ряд карательных экспедиций. Применяя принцип круговой поруки, он жестоко расправлялся с целыми обществами. На это обстоятельство в свое время указывал прогрессивно настроенный Н. П. Раевский: царские генералы, писал он, «мстили целым племенам за вину нескольких лиц»¹⁹. Считая, что в здешнем крае «первый закон есть сила», проконсул Кавказа был уверен, что только боязнью русского оружия можно «покорить» и держать в повиновении горцев. Однако политика А. П. Ермолова приводила к совершенно иным результатам. На запрос петербургского двора, обеспокоенного участвовавшими на Северо-Восточном Кавказе столкновениями, А. П. Ермолов, отвечал, что столкновения не увеличиваются; он писал: «До приезда моего сюда доносимо было об одних чрезвычайных случаях, при мне — о всех малейших даже происходящих». Проконсул Кавказа был явно неправ. На самом деле в период правления Ермолова, характеризуемый дворянско-буржуазными историками как «начало систематической

¹⁰ АКАК, т. VI, стр. 20, 26, 30; «Движение горцев Северо-Восточного Кавказа в 20—50 гг. XIX в. Сб. документов Махачкала, 1959 (далее — «Движение горцев...»), стр. 29, 37—39.

¹⁷ «Записки А. П. Ермолова». М., 1864, стр. 73; Зиссерман, 25 лет на Кавказе (1842—1867), т. I, СПб., 1879, стр. 14; ЦГИАЛ, ф. 1268, д. 424, ч. II, лл. 1—18.

¹⁸ «Записки А. П. Ермолова», стр. 98.

¹⁹ «Архив Раевских», т. III. СПб., 1910, стр. 342.

войны против горцев»²⁰, число стычек намного увеличилось. В первой четверти XIX в. колониальная политика царизма на Кавказе «приобрела новые, более жестокие формы, чем те, которые были известны кавказским народам в предыдущем столетии»²¹. Вместе с тем, как справедливо отмечает А. В. Фадеев, «утверждение владычества русского царизма на Кавказе сопровождалось усилением феодального угнетения трудящихся горцев»²².

Политика Ермолова, поставившего себе целью «уничтожить в крае всякую нерусскую национальность»²³, создавала недоверие национальных окраин и, в частности, Дагестана к России, ко всему русскому, вызвала глубочайший протест, побуждая «горцев к новым порывам, новым действиям, к новой злобе»²⁴. Недовольство политикой царизма зрело и в других сословиях горского общества. В частности, в оппозиции к царизму находилась и большая часть местного мусульманского духовенства, часть феодалов и представителей феодализирующейся верхушки, за исключением тех, которые нашли общий язык с самодержавием²⁵. Однако, говоря об оппозиции к «новому порядку» различных классов горского общества, необходимо подчеркнуть, что причины и степень их недовольства были разные, в зависимости от конкретных условий²⁶. В связи с этим в первой четверти XIX в. на Северо-Восточном Кавказе обстановка была так накалена, что «для повсеместного выступления недоставало только связи между различными обществами»²⁷.

В этом чрезвычайно сложном переплетении классовых и национальных противоречий на рубеже 30-х годов XIX в. возникло движение горцев Дагестана под флагом мюридизма. «Обыкновенно,— писал Н. А. Добролюбов,— приписывают этому явлению (мюридизму.— В. Г.) те волнения, которые начались в покоренном Дагестане. Но едва ли это справедливо... Скорее самые его успехи следует объяснить враждебностью горцев к русскому владычеству»²⁸. И действительно, существ-

---

²⁰ Романовский. Кавказ и кавказская война. СПб., 1860, стр. 120; Р. А. Фадеев. Соч., т. 1. СПб., 1890, стр. 12; «Очерки покорения Кавказа». СПб., 1901, стр. 28.

²¹ Н. А. Смирнов. Политика России на Кавказе в XVI—XIX вв. М., 1958, стр. 181.

²² А. В. Фадеев. Антиколониальное движение народов Северного Кавказа.— «Преподавание истории в школе», 1957, № 6, стр. 37.

²³ С. Эсадзе. Указ. соч., т. 1, стр. 35.

²⁴ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6528, ч. 1, л. 5з.

²⁵ А. В. Фадеев. Россия и Кавказ в первой трети XIX в. М., 1958, стр. 306.

²⁶ Н. А. Смирнов. Мюридизм на Кавказе. М., 1963, стр. 52.

²⁷ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6514, лл. 47—52.

²⁸ Н. А. Добролюбов. Полн. собр. соч., т. IV. М., 1937, стр. 143

вовавшая на Кавказе истари и мирно уживавшаяся с существующим порядком секта мюридов не могла бы найти значительного круга приверженцев, не могла бы воспламенить массы горского населения и приобрести политическое значение, если бы на то не было объективных причин, толкавших горцев на борьбу. «Идеи мюридизма, — как справедливо замечает А. В. Фадеев, — получили здесь распространение и приобрели политическое звучание лишь с того времени, когда произошло соединение этих идей с массовым движением горцев Северо-Восточного Кавказа. Это движение, основу которого составляло горское крестьянство с его антиколониальным и антифеодальным устремлениями, нарастало давно и независимо от деятельности мюридистских проповедников»²⁹. Следует также отметить, что носители и проповедники мюридизма «никогда не составляли большинства горцев — участников движения. Наоборот, они всегда оставались в относительном меньшинстве и были не столько с борющимся народом, сколько над народом». Поэтому многолетнюю антиколониальную и антифеодальную борьбу горцев только из-за того, что ее религиозной идеологической оболочкой был мюридизм, нельзя называть «мюридистским» движением³⁰. К тому же надо иметь в виду, что мюридизм, как своеобразная разновидность реакционного ислама, направлял недовольство горцев по ложному пути: выхощивал классовое самосознание горцев, притупляя классовую борьбу, возбуждал ненависть к другим, особенно к христианским народам, изолировал горцев от общественно-политических течений соседних стран, в том числе и России.

Советская историческая наука, руководствуясь единственно верной теорией марксизма-ленинизма, решительно отвергла получившую хождение в период культа личности антинаучную версию об «агентурном» характере движения горских народов Северо-Восточного Кавказа в первой половине XIX в. Установлено, что движение горцев Дагестана и Чечни возникло на местной социально-экономической почве. Колониальная политика царизма, опиравшаяся на местных феодалов, а также обострение классовой борьбы внутри горского общества и являлись основной причиной этого движения³¹. Как правильно отмечает Н. А. Смирнов, «с большой силой борьба развернулась в Дагестане, особенно в Аварии, где истребление феодальной верхушки приняло повсеместный характер, в то время как,

²⁹ А. В. Фадеев. Кавказ в системе международных отношений 20—50 годов XIX в. М., 1957, стр. 19.

³⁰ Н. А. Смирнов. Мюридизм на Кавказе, стр. 147.

³¹ Решения научной сессии Дагестанского филиала АН СССР, посвященной рассмотрению вопроса о движении горцев под руководством Шамиля, см. в кн. «О движении горцев под руководством Шамиля». Махачкала, 1957, стр. 247—250.

например, в Чечне на первое место выдвинулась борьба против колониального режима»³².

Провозглашенный первым имамом Гази-Магомед выступил против власти князей и дворянства и лишил жизни более 30 влиятельных беков³³. Первый удар он направил против резиденции аварских ханов Хунзаха, но, потерпев неудачу, перенес военные действия в Северный Дагестан, взял сел. Параул, сжег дом шамхала тарковского, осадил крепость Бурную, напал на Кизляр, осадил Дербент. Однако под натиском царских войск Гази-Магомед ушел в горы, а в октябре 1832 г. в сражении при Гимрах был убит. Вторым имамом был провозглашен Гамзат-бек. В 1834 г., овладев Хунзахом, он уничтожил всю семью аварских ханов, оставив в живых только малолетнего Булач-хана, убил Сурхай-хана, истребил около 50 феодалов Султаналиевых в Ругудже³⁴. После этого Аслан-хан казикумухский, встревоженный событиями в Хунзахе, доносил русскому командованию, что в Дагестане «кроме его и акушинцев все перешли на сторону Гамзат-бека»³⁵. Правление Гамзат-бека продолжалось недолго. В 1834 г. в хунзахской мечети он был убит заговорщиками из феодальной группировки Аварии³⁶. Но это не приостановило движение. «Мюридизм,— писал Романовский,— ожидал только главы, чтобы воскреснуть с новой силой. Этой главой явился Шамиль, соединивший в себе редкие дарования воина и администратора»³⁷. В начале правления Шамиля был казнен Булач-хан («последний из того народа, который угнетал»). Были истреблены беки Гоцатля и Эрпели, уничтожены феодалы Соситля, Китиба, Телетля, Гидатля и отчасти Андаляля³⁸.

В 1834 г. горцы под предводительством Шамиля нанесли вблизи Гимров поражение генералу Ланскому. Однако развить успех Шамилю не удалось. Направленный в Аварии с большими силами полковник Клюге фон-Клюгенау дошел до Гоцатля и укрепил Хунзах. Шамиль и после этого предпринимал неоднократные попытки овладеть Хунзахом и укрепиться в Аварии, но успеха не имел. В 1836 г. Шамиль совместно с предводителем восставших чеченцев «беглецом Андреевской деревни»

³² Н. А. Смирнов. Характерные черты идеологии мюридизма. М., 1956, стр. 1.

³³ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6550, л. 10.

³⁴ Там же, д. 6294, лл. 25, 31, 32; ЦГАДА, ф. Ермоловых, д. 306; ЦГА ДАССР, оп. 2, д. 3, лл. 15—16; «Движение горцев...», стр. 132—134; Неверовский. Истребление аварских ханов в 1834 г. СПб., 1848, стр. 16; «Кавказский сборник», т. XV, стр. 271—272.

³⁵ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6294, л. 27.

³⁶ «Движение горцев...», стр. 134—137.

³⁷ Романовский. Указ. соч., стр. 334.

³⁸ «Хроника Мухаммеда Тахира-ал Карахи». М.—Л., 1941, стр. 63, 67; ЦГВИА, ф. ВУА, д. 19264, ч. 1, л. 126; «Движение горцев...», стр. 707—710.

Ташовым Хаджи действовал против аула Игали, Унцукуль и других, «коих жители не принимали шариат»³⁹. Кавказское командование неоднократно организовывало в Чечню и Дагестан карательные экспедиции против «непокорных», но успеха добиться не могло⁴⁰. Мало того, весной 1837 г. близ сел. Ашильта горцы нанесли поражение отряду М. Ивлича⁴¹. Большие потери понес и генерал Фези при блокаде сел. Телетля, после чего он вынужден был вступить в переговоры с Шамилем⁴². «Экспедиция генерала Фези,— писал Прушановский,— без всяких существенных последствий только уверила наших противников, что Шамиль в состоянии бороться с огромными силами»⁴³.

Обеспокоенный ростом влияния Шамиля царизм предпринимал безуспешные попытки с помощью присланного из Крыма в Дагестан муфтия Тадж-Эддина Мустафина убедить «горцев в неправильном толковании шариата мюридами» и расположить их в пользу русского царизма⁴⁴. Не увенчались успехом также попытки кавказского командования уговорить Шамиля прекратить вооруженную борьбу и явиться в Тифлис⁴⁵.

Движение ширилось с каждым днем и вскоре восстанием были охвачены общества Гумбет, Анди, Салатау и часть Чечни. Шамиль развернул кипучую деятельность по объединению сил восставших горцев. В то же время по берегу Андийского Койсу в скалистых горах Шамиль устроил обширные пещеры, соединил их крытыми ходами и построил другие искусственные сооружения. Эта укрепленная скала была названа Новым Ахульго. Превращен в крепость был также аул Ирганай. Эти работы велись беспрепятственно благодаря тому, что в 1837—1838 гг. царские войска были заняты подавлением кубинского восстания⁴⁶.

В 1839 г. кавказское командование предприняло двустороннее наступление на Дагестан. Генерал Головин «усмирил» Ахтыпаринское, Алтыпаринское, Докузпаринское и Рутульское общество Южного Дагестана, а генерал П. Х. Граббе во главе большой армии, пройдя ичкеринские леса, приступил к штурму

³⁹ «Движение горцев...», стр. 137—140.

⁴⁰ Там же, стр. 142—146, 153—154. «О действиях Шамиля в 1834—1836 гг».— АКАК, т. VIII, стр. 595—609, 711, 715 и др.

⁴¹ «Движение горцев...», стр. 156—161.

⁴² Там же, стр. 168.

⁴³ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6512, л. 51.

⁴⁴ АКАК, т. IX, стр. 129, 326; «Материалы...», стр. 351—357, 359; «Движение горцев...», стр. 169.

⁴⁵ «Материалы...», стр. 359; «Движение горцев...», стр. 360—368, 385—398; АКАК, т. VIII, стр. 600—601; «Кавказский сборник», т. XXXII, ч. I, стр. 342—346.

⁴⁶ «Движение горцев...», стр. 181—183; о кубинском восстании см. А. С. Сумбат-заде. Кубинское восстание 1837 г. Баку, 1961.

крепости Новое Ахульго, который вошел в историю под названием «кровавого штурма Ахульго». Несмотря на отчаянное сопротивление, Шамиль вынужден был выдать в аманаты своего сына Джемалэддина и уйти в Чечню⁴⁷. Царские военачальники считали взятие Ахульго концом сопротивления горцев: хотя Шамиля и не удалось захватить, писал в своем донесении П. Х. Граббе, он «скитаясь одиноким в горах..., должен только думать о своем пропитании и о спасении собственной жизни. Секта мюридов пала вместе со всеми ее представителями и приверженцами... Столь счастливая развязка экспедиции,— продолжает он,— дала мне возможность... приступить к тем мерам, которые я считаю необходимыми для упрочения спокойствия края»⁴⁸. Кавказское командование стало вводить в Чечне и Дагестане полицейскую систему управления. «Введение нового порядка управления усиливало всеобщее недовольство»,— писал С. Эсадзе⁴⁹. Особенно это сказывалось в Чечне, где во главе колониального управления был поставлен генерал Пулло — «человек жестокий и несправедливый».

В 1840 г. доведенные до крайности произволом и лихоимством царских военачальников трудящиеся массы Чечни подняли всеобщее восстание. Повстанцы обратились к Шамилю с просьбой возглавить их отряды. Шамиль умело использовал создавшееся положение, объединил разрозненные силы и возобновил вооруженную борьбу против самодержавия. Влияние Шамиля стало быстро расти. А после победы, одержанной в том же 1840 г. под Ишкартами и Эрпели, на сторону Шамиля перешел Хаджи-Мурат. К восставшим присоединяется и значительная часть Аварии. С этого времени начинается, по определению Н. А. Добролюбова, «блистательная эпоха Шамиля». Восставшие горцы, предводительствуемые Шамилем, одержали ряд побед. В 1842 г. они дважды нанесли серьезные поражения царским войскам под командованием П. Х. Граббе, в короткое время отбили 12 крепостей, подчинили своей власти почти всю Аварию и Чечню. Затем Шамиль предпринял экспедицию в Кази-Кумух, Акушу, Ахты, Табасаран, угрожал Темир-Хан-Шуре, делал попытку поднять на борьбу кабардинцев⁵⁰.

Обеспокоенное успехами горцев царское правительство разработало план, по которому, «решительным ударом» захватив центр могущества Шамиля в Дарго⁵¹, рассчитывало подавить движение. В 1845 г. главнокомандующим Кавказской армией

⁴⁷ АКАК, т. IX, стр. 334—338; «Материалы...», стр. 414—423; «Хроника Мухаммеда Тахира-ал Карахи», стр. 97—122.

⁴⁸ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6379, лл. 2—15; «Материалы...», стр. 419—437.

⁴⁹ С. Э с а д з е. Штурм Гуниба и пленение Шамиля. Тифлис, 1909, стр. 109.

⁵⁰ «Движение горцев...», стр. 457—468.

⁵¹ «Воспоминания гр. Бенкендорфа о Кавказской летней экспедиции 1845 г.». СПб., 1911, стр. 3.

был назначен генерал М. С. Воронцов. Одновременно на Кавказ была двинута 40-тысячная Армия⁵². После тщательной подготовки царские войска, в составе 21 батальона пехоты, 4 рот саперов, 3 рот стрелков, 16 сотен казаков и милиции, 2 грузинских дружин и 46 орудий двинулись в Дагестан. «В главной квартире,— вспоминал участник похода гр. Бенкендорф,— убаюкивали себя надеждой, что жители (Дагестана.— В. Г.) с благодарностью примут тут же предложенную им нами помощь и поддержку, надеялись, что разосланные прокламации разорвут узы подчинения различных народностей Шамилю»⁵³. Но кавказское командование, как показали дальнейшие события глубоко заблуждалось. Продвигаясь с боями, М. С. Воронцов занял резиденцию Шамиля аул Дарго и только тут понял, что он окружен. Отрезанный от продовольственных баз, неся огромные потери, главнокомандующий делал отчаянные попытки вырваться из окружения. Только прибытие подкрепления под командованием генерала Фрейтага спасло отряд и самого М. С. Воронцова от неминуемой гибели. Позже Шамиль вторично заставил наместника Кавказа отступить от аула Гергебиль, а вслед за этим предпринял смелую попытку расширить базу восстания привлечением жителей Центрального и Западного Кавказа⁵⁴.

С этой целью в 1846 г. Шамиль вторгся в Кабарду, но вскоре вынужден был вернуться в Дагестан⁵⁵. В борьбе на Кавказе, которая «из всех войн этого типа принесла жителям гор наибольшую славу, горцы своими относительными успехами,— писал Ф. Энгельс,— были обязаны наступательной тактике, которой они преимущественно придерживались при обороне своей территории..., сила сопротивления горцев заключалась в их непрерывных вылазках со своих гор на равнины, во внезапных нападениях на русские гарнизоны и аванпосты, в быстрых набегах на глубокий тыл..., в засадах, которые они устраивали на пути русских колонн. Иначе говоря, горцы были легче и подвижнее, нежели русские, и использовали это преимущество. Фактически во всех случаях, следовательно даже в случаях временно успешных восстаний жителей гор, эти успехи были результатом наступательных действий»⁵⁶.

Поднявшись в огне классовых боев на гребне поднимающейся крестьянской войны против местных феодалов и самодержавия, Шамиль создал военно-теократическое государство —

⁵² ЦГИА Груз. ССР, ф. 416, оп. 4, д. 60, лл. 1—8.

⁵³ «Воспоминания гр. Бенкендорфа о Кавказской летней экспедиции 1845 г.», стр. 89.

⁵⁴ ЦГА К-Б АССР, ф. 16, оп. 1, д. 548, л. 42; «Кавказский сборник», т. XVII, стр. 165—178.

⁵⁵ «Движение горцев...», стр. 505—509.

⁵⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 12, стр. 119.

имамат. В годы наибольшего успеха имамат охватывал значительную часть Дагестана и Чечни. Эта территория была разделена на наибства, число и размеры которых подвергались изменениям в зависимости от успехов движения. В период правления Шамиля было образовано 50 наибств, но более или менее постоянных было 30⁵⁷. Управление этими военно-административными единицами поручалось наибам. Некоторое время имамат был разбит на 4 губернии, каждая из которых состояла из нескольких наибств. Во главе губерний были поставлены мудири⁵⁸. Хотя Шамиль и стремился ограничить власть наибов, регламентировать ее низамами и создать институт осведомителей — мухтасибов (в обязанность которых входило следить за наибами), все же они являлись полными хозяевами подвластной им административной единицы. В свою очередь, наибства делились на участки с мазунами во главе. Судебная власть в наибствах находилась в руках кадия. В селениях власть осуществлялась назначенными наибом старшинами.

Общее управление имаматом осуществлял Шамиль, при котором был образован постоянно действующий совет. «Имам, — свидетельствует Абдурахман, — излагал только сущность дела и высказывал свое мнение. Члены же совета могли одобрить или опровергнуть его. Настойчивость имама могла иметь место в отношении только военных предприятий. Впрочем, нередко случалось, что и в других делах он видел необходимость поступать вопреки не всегда дальновидным мнениям своих советчиков»⁵⁹. Вопросы чрезвычайной важности решались на периодически созываемых съездах наибов, алимов и других представителей администрации. Такие съезды были созваны в Дарго (1841 г.), в Алмах (1845), в Анди (1847), в Ругджа (1851), в Шали (1858) и в Хунзахе (1859 г.)⁶⁰.

Гражданская деятельность в имамате определялась низамами — законодательными установлениями, вырабатываемыми в соответствии с законами шариата. Несмотря на это, «многие положения низамов значительно отличались от положений шариата»⁶¹. К сожалению, до сих пор не собраны все действовавшие в имамате низамы, а поэтому судить о них мы можем только по некоторым, дошедшим до нас низамам. Они касаются

⁵⁷ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6512, лл. 3—72; «Движение горцев...», стр. 412—423; С. К. Бушурев. Борьба горцев за независимость под руководством Шамиля. М.—Л., 1939, стр. 110.

⁵⁸ Низам Шамиля.— «Сборник сведений о кавказских горцах» (далее — ССКГ), вып. III, стр. 15.

⁵⁹ «Кавказ», 1862, № 72.

⁶⁰ «Движение горцев...», стр. 492; Гаджи-Али. Сказание очевидца о Шамиле.— ССКГ, вып. VII. Тифлис, 1873, стр. 56; М. Н. Покровский. Дипломатия и войны царской России. М., 1924, стр. 222—226; Н. И. Покровский. По поводу одной даты.— «Исторические записки», № 10, стр. 300—301.

⁶¹ Н. А. Сиринов. Мюридизм на Кавказе, стр. 115.

регламентации наказаний за воровство, нанесение увечья, кровную месть, содержат законоположения о наследстве, семье и браке, о торговле, взаимных обязательствах, судопроизводстве и др. Характерно, что низамы Шамиля, в отличие от шариата, требующего за воровство отсечения рук и пог (а при пятикратном повторении преступления смертной казни), устанавливали денежные штрафы. Намного снизился калым, были введены некоторые установления, обязывающие мужей выделять часть имущества разведенной жене. Будучи человеком строгих правил, Шамиль запретил не только песни, музыку, танцы, курение табака, употребление спиртных напитков, но и громкое чтение — «зикр», установленное Магомедом Ярагским⁶².

В имамате была создана государственная казна — байтул-мал, сделаны серьезные попытки завести постоянную кавалерию, пехоту, артиллерию. За время правления Шамиля было отлито 40—50 пушек, организовано несколько мастерских для изготовления пороха⁶³. Характеризуя создавшееся в имамате после истребления феодалов положение, Руновский писал: «Шамиль, отняв у них (беков.— В. Г.) все права, оттеснил их самих в общую массу и тем самым стер с лица земли это звание на целых 25 лет»⁶⁴. Другой исследователь Кавказа Р. А. Фадеев подчеркивал, что «владельцы-дворяне, где они были, наследственные старшины, люди уважаемых родов или просто уважаемые лично до появления мюридизма, были вырезаны один за другим, и в горах устроилось совершенное равенство»⁶⁵. В таком же духе писали А. Юров, А. Романовский, Окольничий, Мухаммед Тахир-ал Карахи⁶⁶. Установившееся на время в горах Дагестана «равенство» Г. Алкадари изобразил следующим образом: «Уже не было таких вещей, как ханские порядки, вроде того, чтобы подчиненный перед начальством снимал шапку и все время стоял, а обращением при встрече стало только „ассаламу алейкум“ и „алейкуму салам“»⁶⁷. Следует, однако, отметить, что в имамате не было установлено «совершенное равенство». Ни сам Шамиль, ни окружающая его правящая верхушка имамата не ставили, да и не могли в тех конкретно исторических условиях ставить задачу ликвидации социального неравенства. Истребив феодалов, Шамиль принял

⁶² АКАК, т. XII, стр. 1459—1479; «Военный сборник», 1860, № 2, стр. 580.

⁶³ В. Потто. Гаджи-Мурат.— «Военный сборник», 1870, № 11, стр. 180; Романовский. Указ. соч., стр. 347; «Хроника Мухаммеда Тахира-ал Карахи», стр. 223; М. А. Казимбек. Мюридизм и Шамиль.— «Русское слово», 1859, № 12, стр. 222; В. Валимбахов. Артиллерия Шамиля.— «Ученые записки ИИЯЛ», т. XI. Махачкала, 1963, стр. 159—172.

⁶⁴ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 1293, л. 128; АКАК, т. XVI, стр. 1271—1272.

⁶⁵ Р. А. Фадеев. Соч., т. 1, стр. 21.

⁶⁶ «Кавказский сборник», т. VI, стр. 43; «Военный сборник», 1859, № 2; «Хроника Мухаммеда Тахира-ал Карахи», стр. 63—67.

⁶⁷ Г. Алкадари. Указ. соч., стр. 135.

ряд мер, приведших лишь к некоторым социальным изменениям. Были освобождены рабы, которые были поселены целыми селениями и стали принадлежать ханам и бекам Аварии⁶⁸. Рабы же, принадлежащие узденям, не были освобождены⁶⁹. Владельцам рабов Шамиль вменил «в обязанность снабжать своих людей всем необходимым и обращаться с ними человеколюбиво»⁷⁰.

Что же касается райят и зависимых узденей, то в ходе борьбы происходило частичное их освобождение от власти беков и чанков. Так, после истребления аварских ханов «были прекращены все повинности, отбывавшиеся жителями членам этого рода»⁷¹. Вместе с истреблением беков и чанков и с ликвидацией их привилегий освободились крестьяне селений Тилитля, Гонода, Ругуджа, Ури, Косад, Тлох, Ахвах и др.⁷² В ходе борьбы горцев под предводительством Шамиля произошло частичное освобождение крестьян, зависимых от князей засулакской Кумыкии и кази-кумухских феодалов. В 1840 г. в период всеобщего восстания все салатавцы, кроме аулов Бавтугай, Зубутли и Миатли, «отложились и таким образом зависимость их от князей кумыкских прекратилась..., и князья лишились ясака и доходов»⁷³. В 1842 г. Шамиль занял Кази-Кумух, магалы Дусрарт и Мухарарат. Зависимые от ханов и беков крестьяне селений Арчи, Кучур, Шали, Мухар, Ури, Камахи, Бёхти освободились от уплаты податей и повинностей ханам и бекам⁷⁴.

Однако, говоря об освобождении крестьян в ходе долголетней борьбы, необходимо подчеркнуть, что при имамате крестьянские массы обязаны были вносить в созданную Шамилем государственную казну (байтул-мал) налоги «на общее дело борьбы». Размеры этих налогов постоянно изменялись. Первоначально крестьяне районов, охваченных движением, платили только пятую часть военной добычи, а когда борьба расширилась и были созданы большая армия и государственный аппарат, Шамиль стал вводить новую налоговую систему. По свидетельству кн. Орбелиани, население имамата должно было

⁶⁸ «Военный сборник», 1862, № 7, стр. 393.

⁶⁹ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 1293, ч. II, л. 68; д. 6528, л. 83; д. 6589, л. 36.

⁷⁰ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 1293, ч. II, л. 12; АКАК, т. XII, стр. 2487.

⁷¹ ЦГА ДАССР, ф. 90, оп. 2, д. 30, л. 19. «Ученые записки ИИЯЛ», т. II. Махачкала, 1957, стр. 286; «Движение горцев...», стр. 701, 702, 710, 711.

⁷² ЦГИА Груз. ССР, ф. 229, оп. 1, д. 85, лл. 1—3; ЦГА ДАССР, ф. 90, оп. 2, д. 5, лл. 3—4; ЦГВИА, ф. 400, д. 45, лл. 354, 396, 402, 422, 430, 444; «Движение горцев...», стр. 689—710.

⁷³ ЦГА ДАССР, ф. 105, оп. 1, д. 4, лл. 20—22, 40—45; «Движение горцев...», стр. 687—689.

⁷⁴ ИИЯЛ, Рукопис. фонд, д. 1642, л. 57; «Движение горцев...», стр. 704—706, 710—711. Подробно об освобождении крестьян см. В. Г. Гаджиев. К вопросу освобождения феодальнозависимых крестьян Дагестана в ходе борьбы горских народов Северо-Восточного Кавказа в 20—50-х годах XIX в.— «Ученые записки ИИЯЛ», т. V. Махачкала, 1959, стр. 145—160.

вносить «закят или десятую часть со всех произведений земли, от скотоводства по одному барану с 50-ти, а у кого меньше стада, тот ничего не платит, от денежного имущества по 50 коп. сер. с 10 руб. сер.; хумс — пятая часть со всей добычи...»⁷⁵.

По сообщению секретаря Шамиля Гаджи-Али, в государственную казну вносили: «1. Закят (узаконенный шариатом сбор): а) с хлеба... (имеющий пятьдесят и более мер вносил) с каждых пятидесяти мер по шести; б) с овец... (со ста овец взималась одна овца); в) с денег... (имеющий 40 руб. и более ежегодно вносил с каждых 10 руб. по 20 копеек). 2. Харадж (подать) с горных кутанов (пастбищных)»⁷⁶.

В связи с изнурительной войной, кроме перечисленных постоянных обложений, вводились чрезвычайные сборы. «Шамиль, — писал Ржевусский, — сначала покупал хлеб по вольной цене, потом назначил таксу, невыгодную для чеченцев, и, наконец, стал собирать хлеб без платы с каждого двора в виде подати»⁷⁷.

Кроме того, аульская верхушка старалась закрепить за собой право на эксплуатацию крестьянской массы. Но в чрезвычайно сложных внутренних и внешних условиях она не могла не считаться с чаяниями крестьян. Добившаяся в XIX в. в ходе борьбы горцев освобождения узденская масса не хотела заменять одних эксплуататоров другими. Понимая все это, аульская верхушка шла к своей заветной цели окольным путем, стремилась прибрать к рукам административный аппарат, занять в нем командные посты, чтобы эксплуатировать узденские массы. И действительно, наибы, кадии и другие должностные лица администрации имамата, встав у «кормила власти», сосредоточили в своих руках крупные состояния, используя введенную в имамате налоговую систему в целях личного обогащения и фактически стали полными хозяевами вверенных им районов⁷⁸. «Доходы наиба, — свидетельствует Хаджи-Мурат, — состоят в помощи рук вверенного ему края»⁷⁹.

Беззаконие, произвол мюридов, отречение от их первоначальной программы, истощение хозяйства узденей продолжительной борьбой все более усиливали внутренние противоречия, которые подспудно существовали с самого начала движения. Все это приводило к отходу народных масс от движения, а следовательно, и к внутреннему разложению имамата.

Стремясь продлить существование своего государства, Шамиль усилил репрессии. Однако, говоря о жестокостях Шами-

⁷⁵ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6478, л. 70.

⁷⁶ Гаджи-Али. Указ. соч., стр. 74.

⁷⁷ «Кавказский сборник», т. VI. Тифлис, 1882, стр. 409.

⁷⁸ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6428, лл. 12—18.

⁷⁹ АКАК, т. VIII, стр. 527.

ля, было бы ошибочно не учитывать обстановку, в которой ему приходилось бороться с самодержавием: малочисленные и разноречивые горские народы, окруженные со всех сторон владениями России, вели неравную борьбу. Вместе с регулярной царской армией против горцев вели борьбу и местные феодалы. Самодержавие, руководствуясь принципом «разделяй и властвуй», натравливало одни горские народы Кавказа на другие⁸⁰. Царские власти широко использовали подкуп, рассылали прокламации и агентов с заданием подорвать в народе веру в успех движения, организовать выступления против Шамиля. Для этого использовались даже преданные царскому правительству муллы, как местные, так и специально присылаемые в Дагестан из Крыма и Казани⁸¹.

Чрезвычайно сложная внутренняя обстановка и борьба с царизмом требовали крайнего напряжения сил, железной дисциплины, пристального наблюдения за внутренним врагом и, в случае активизации его, подавления силой оружия. Следует, однако, особо подчеркнуть, что «благочестивые тарикатисты» допускали излишнюю жестокость. За «ослушание», например, были жестоко наказаны целые общества, разрушены и разорены аулы Унцукуль, Анди, Чох, Хунзах, Аракань, Куяда и др.⁸² Это еще больше усилило недовольство широких масс. «Управление Шамиля,— писал Н. А. Добролюбов,— казалось тяжело для племен, не привыкших к повинности, а выгод никаких от этого управления они не находили. Напротив, они видели, что жизнь мирных селений, находящихся под покровительством русских, гораздо спокойнее и обильнее. Следовательно, им представлялся уже выбор — не между свободой и покорностью, а только между покорностью Шамилю без обеспечения своего спокойствия и жизни, и между покорностью русским с надеждою на мир и удобство быта. Само собой разумеется, что рано или поздно выбор их должен был склониться на последнее»⁸³.

Впоследствии в беседе с Руновским сам Шамиль признавался, что горцы давно удостоверились «в невыгодности сопротивления России» через «сравнение условий своего быта с бытом покорных туземцев; и, наконец, вообще сознают необходимость для страны отдохнуть от долговременной борьбы и сопряженных с нею страданий»⁸⁴.

⁸⁰ Дагестанский краеведческий музей, п. 25, гр. К, лл. 88—92.

⁸¹ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6579, лл. 1—7; «Движение горцев...», стр. 486—489, 519—520.

⁸² ЦГИА Груз. ССР, ф. 548, оп. 3, д. 316, лл. 8, 9, 16—20; ф. 1087, д. 358, л. 1.

⁸³ Н. А. Добролюбов. Полн. собр. соч., т. IV, стр. 157.

⁸⁴ АКАК, т. XII, стр. 1445; А. Руновский. Кодекс Шамиля.— «Военный сборник», № 14, 1860.

В связи с ухудшением своего положения участились обращения руководителей движения к иностранным государствам. Шамиль, Джемалэддин кази-кумухский, Даниел-бек и другие, возлагая большие надежды на соперничавшие с Россией государства, просили султана, шейх-уль-ислама, ширифа-хаджаса помочь им войсками, оружием и снаряжением⁸⁵. В 1848 г. Джемалэддин обратился к шейх-уль-исламу. «О любимый, превосходный и славный брат,— писал он,— я удивляюсь вам и ученым возвышенного султанского дивана, почему вы все молчите и не уговариваете султана, его заместителей, вельмож и главарей, ведь вы знаете в каком тяжелом положении мы находимся. Имеете ли вы право после этого молчать... О, ученый брат, не скрою, мы о вас плохого мнения. Как же может быть иначе, когда величайший имам и возвышенный халиф... слушают вас и повинуются вам, вы не предлагаете ему начать войну. Дозволено ли бездействовать, имея много войск, сокровища и боеприпасы? Почему вы не показываете могущество ислама вашим врагам? Не пора ли выполнять, что обещано было вами?.. Вы обязаны... потребовать от возвышенного Оттоманского государства, чтобы оно оказало помощь и поддержку тем, которые воюют здесь. Необходимо либо подкрепить нас войсками..., либо путем переговоров подействовать на русского султана, чтобы он прекратил военные действия против нас, как это делается у султанов»⁸⁶. В январе 1850 г. к султану турецкому обратились «кадии, ученые, справедливые, знатные и другие лица» имамата; извещая о крайне тяжелом положении, так как русские войска овладели крепостями, укрепились в населенных пунктах, они писали: «Из-за их многочисленности мы не в состоянии изгнать их. Могущественные государства и владельцы богатств нам не оказали помощь. Мы же бессильны сопротивляться... Мы заявляем о постигшем нас несчастье и просим вас помочь»⁸⁷.

Общеизвестно, что правящие круги султанской Турции издавна использовали в своих корыстных целях любое недовольство населения, а когда это было необходимо, Порта немало усилий прилагала к организации выступлений горцев. Так было и в период Кавказской войны. Как мы уже упоминали, на Кавказ, в частности в Дагестан, направлялись для ведения антирусской пропаганды лазутчики, которые распространяли прокламации, призывающие усилить борьбу против России, и фирманы султана, обещавшие горцам помощь; с этой же целью использовались даже возвращавшиеся из Мекки паломники

---

⁸⁵ «Шамиль — ставленник султанской Турции и агент английских колонизаторов». Тбилиси, 1953, стр. 311—313.

⁸⁶ «Движение горцев...», стр. 577—578.

⁸⁷ Там же, стр. 592.

хаджи. На Кавказ засылали агентов Англия и другие западно-европейские государства. В 1836—1839 гг., например, на Западном Кавказе орудовали Спенсер, Лайонс, Найт, Стюарт, Уркварт, Лонгворт, Белл и др. Немало было здесь и турецких агентов⁸⁸, но, как известно, их усилия не имели успеха. Впоследствии Белл отмечал, что народы Северо-Западного Кавказа выжидали, желая «посмотреть, что сделают для них Англия и остальные державы»⁸⁹. Однако, вопреки утверждениям англо-турецких историков, ни Оттоманская Порта, ни тем более Великобритания никогда не выступали защитниками малых народов Кавказа и ни разу не оказывали горцам Северного Кавказа бескорыстную помощь. К тому же в условиях обострения восточного вопроса слабая в экономическом и военном отношении султанская Турция без открытой войны с Россией даже при всем своем желании не могла оказать помощь, которую от нее ожидали руководители движения горцев Дагестана и Чечни. Именно поэтому и на сей раз «турецкий султан не горел желанием помогать своим кавказским единоверцам». На обращение руководителей движения «в османской державе с ответом не торопились»⁹⁰.

Многочисленные документы не оставляют сомнения в том, что борющиеся горцы Дагестана и Чечни не получали от Порты или какого-либо другого государства реальной помощи. Вот почему в своем обращении к Турции муршид Джемалэддин кази-кумухский упрекал правящие круги Порты в том, что они не оказывают горцам никакой помощи и поддержки⁹¹. Впоследствии сам турецкий султан признал, что Шамиль воевал «без посторонней помощи, кроме как от бога»⁹². Именно потому, что Турция не оказала существенной помощи горцам Дагестана и Чечни в их борьбе, Шамиль негодовал на султана и его приближенных. В 1842 г. в беседе с пленным кн. Орбелиани Шамиль говорил, что султан и его приближенные хуже «гяуров» и добавил: «Ох, если бы они попались в мои руки, я изрубил бы всех на двадцать четыре куска, начиная с султана»⁹³. Турок и особенно султана, сообщает Руновский, Шамиль бранил «при всяком удобном случае»⁹⁴.

⁸⁸ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 4290, л. 58; АКАК, т. VIII, стр. 361; т. IX, стр. 454 и др.; «Красный архив», 1940, № 5, стр. 211; «Из истории происков иностранной агентуры во время Кавказской войны». Документы.— «Вопросы истории», 1950, № 11.

⁸⁹ L. Veel. *Journal of residence in Circassia during the years*, v. I. London, 1841, p. 172; С. К. Бушуев. Указ. соч., стр. 46.

⁹⁰ Н. А. Смирнов. Мюридизм на Кавказе, стр. 67.

⁹¹ «Движение горцев...» стр. 575—578.

⁹² Там же, стр. 627—628.

⁹³ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6478, л. 94.

⁹⁴ АКАК, т. XII, стр. 1448.

В 1853 г. началась Крымская война, в ходе которой реакционные круги Англии намеревались отторгнуть от России Кавказ и другие районы. «Моей заветной мечтой в связи с наступающей войной с Россией,— заявил английский премьер-министр Пальмерстон,— является следующее: возвращение Швеции Аландских островов и Финляндии, уступка Пруссии некоторых немецких областей России на Балтийском море, восстановление Польского королевства в качестве барьера между Германией и Россией, передача Австрии Валахии и Молдавии и устьев Дуная... Крым и Грузия должны быть переданы Турции, а Черкесия — либо должна быть независимой, либо передана под протекторат Турции»⁹⁵. Вторя ему, газета «Таймс» требовала установить границы России по реке Кубани и Тереку и подсказывала, что «европейским державам не вредно было бы подумать и о Каспийском море»⁹⁶.

Серьезная роль в осуществлении этого агрессивного плана отводилась султанской Турции. В борьбе с Россией предполагалось также использование горцев, которые по планам союзников должны были взорвать Кавказский фронт изнутри и тем самым облегчить наступление турецкой армии. Этот план был детищем традиционной политики Англии — «загрести жар чужими руками».

Султанская Турция, «помыкаемая всеми»⁹⁷, была в руках Англии и Франции марионеткой, готовой действовать по указке Лондона и Парижа. Труднее было договориться и выработать план совместных действий с Шамилем. Поэтому еще до начала военных действий в Дагестан и другие районы Кавказа были отправлены эмиссары Порты, Англии и Франции. Сам турецкий султан Абдул-Меджид, нуждавшийся в помощи Шамиля, обратился к нему со следующим письмом: «Ставлю тебя в известность, что русские власти во главе с их царем хотят причинить нам тяжелые страдания, мы не в силах будем перенести. Видимо тяготы будут таковы, которые и не дадут моему государству возможность самостоятельно существовать. Поэтому мы не должны допустить этого..., русские не имеют иной цели, как опозорить религию ислама. А потому во избежание этого, полагаясь на бога, мы должны... собрать войско сколько возможно... и проявить решительность во имя пророка... Я со своей стороны отправил много войск на Дунай, в Трапезунд, Эрзерум и в другие места и на границу. Ты же,— обращался султан к Шамилю,— закалился и приобрел опыт в боях...

---

⁹⁵ Guedalla. Palmerston. London, 1926, p. 360; С. К. Бушуев. Из истории внешнеполитических отношений в период присоединения Кавказа к России. М., 1955, стр. 64.

⁹⁶ «Times», November 22, 1857.

⁹⁷ Н. Г. Чернышевский. Соч., т. X, ч. II, стр. 159.

завоевал симпатии всего населения. Кроме того, привлеку к тебе приказом населения» Грузии, Армении, Азербайджана и Дагестана и представлю «их в твое распоряжение вместе с войсками: ты же должен будешь объединить их со своими дагестанскими силами и прогнать русских»⁹⁸.

Письма аналогичного содержания направлялись в Дагестан и в последующие годы. В 1854 г., например, с письмом к Шамилю был направлен житель Ахалцыха Гаджи-Измаил. Ему было поручено уговорить Шамиля «в довершение своих беспрерывных действий противу русских» продолжить борьбу, «надеясь на неограниченную милость Порты». По признанию самого Гаджи-Измаила, он пробыл у Шамиля 12 дней, пока наиб Хаджи-Юсуф «составил советы муширу и мусташиру», после чего возвратился обратно, но в пути был задержан и допрошен⁹⁹. Союзники пытались также наладить снабжение горцев Кавказа оружием. Однако пушки, ядра, порох и другое военное снаряжение, направляемое к черноморскому побережью Кавказа, оставалось на западном берегу. Дагестан был окружен тесным кольцом кордонных линий: с севера к Дагестану и Чечне примыкал левый фланг и центр Кавказской линии, с юго-запада — так называемая Лезгинская кордонная линия, с запада — посты грузинской милиции и охрана Военно-грузинской дороги. В этих условиях транспортировка оружия и боеприпасов с Западного Кавказа в Дагестан практически была невозможна¹⁰⁰.

Во время Крымской войны Шамиль дважды предпринимал наступление в сторону Грузии. В 1853 г. Шамиль появился на границах Кахетии, однако, потерпев сильный урон, он вернулся в Дагестан¹⁰¹. В следующем 1854 г. Шамиль во главе 16-тысячного отряда вступил в Кахетию и с боями занял расположенное в 60 км от Тбилиси сел. Цинандали. Шамиль писал турецкому султану, что он пытался «привлечь на свою сторону окружающих нас ханов и их людей». Но «они отошли и отделились от нас. Они открыто говорят, что не отделятся от русских... После того как мы потеряли надежду на них, ...выступили в путь... и остановились на границе Грузии. Мы ожидали вас, думали, что вы придете..., но после того, как вы не по-

⁹⁸ «Движение горцев...», стр. 627—628.

⁹⁹ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 47, лл. 9—11; «Шамиль — ставленник султанской Турции и агент английских колонизаторов», стр. 376—384; «Карта горских народов, подвластных Шамилю». — ССКГ, вып. VI, стр. 1—4.

¹⁰⁰ В. Г. Г а д ж и е в. Движение кавказских горцев под руководством Шамиля в исторической литературе. Махачкала, 1956, стр. 26—27; А. В. Фадеев. Кавказ в системе международных отношений 20—50-х годов XIX в., стр. 23.

¹⁰¹ ЦГИА Груз. ССР, ф. 548, оп. 3, д. 451, лл. 10—42; АКАК, т. X, стр. 561—562.

дошли, мы не стали ожидать вас и вступили в бой с гяурами... Мы забрали у них много пленных и заняли много крепостей»¹⁰².

Командование русскими войсками через своих лазутчиков узнало, что Шамиль, вступив в Грузию, имел в виду «самые решительные намерения» в отношении Тифлиса, рассчитывая, что «турецкая армия будет ему содействовать с противоположной стороны»¹⁰³. Создалась прямая угроза административному центру Кавказа. Встревоженное этим кавказское командование направило подкрепление немногочисленным и разрозненным отрядам, противостоящим горцам. Шамиль отступил в Дагестан. Впоследствии сам Шамиль, рассказывая о выступлении в Кахетию, отмечал, что он действительно намеревался идти на Тифлис и, чтобы облегчить действия, послал предварительно известие «о своем намерении в Карс». В скором времени он получил ответ, содержание которого было для него крайне оскорбительно. Вместо признательности за изъявленную им готовность содействовать намерениям союзников и за быстроту в исполнении данного им обещания ему делали упрек и даже выговор, как простому подчиненному лицу, за его действия, которые, по соображению союзных генералов, до времени не должны были иметь наступательного характера. Даже не удостоив своих союзников ответом, Шамиль дал себе слово не только не содействовать им в каком бы то ни было отношении, «но оставаться спокойным зрителем и тогда, если бы союзная войска появились в самом сердце Дагестана»¹⁰⁴.

В то же время русская армия на кавказском театре войны нанесла поражение туркам. Все это встревожило союзников. Франция даже предложила начать решительные действия на Кавказе. Для этого она предлагала организовать специальный экспедиционный корпус союзных войск в помощь Турции и при участии Мухаммеда-Амина начать наступление, организовать выступления Шамиля и совокупными действиями занять Черноморское побережье, а затем вытеснить Россию с Кавказа. Но этот план союзниками не был принят. Англия, боясь роста влияния Франции на Кавказе и Ближнем Востоке, предпочитала действовать без участия французов. Вместе с тем союзники непрестанно подготавливали выступления горцев против России¹⁰⁵. На Западный Кавказ было послано множество резидентов, была налажена связь и выработан единый план выступления с прибывшими на Кавказ Сефир-беем и Мухаммед-Амином. Последний не раз ездил в Стамбул и Варну и обещал подготовить 20-тысячную черкесскую конницу. Союзники

¹⁰² «Движение горцев...», стр. 633. Га д ж и - А ли. Указ, соч., стр. 47.

¹⁰³ АКАК, т. X, стр. 359.

¹⁰⁴ АКАК, т. XII, стр. 1444.

¹⁰⁵ «Hansards Parliamentary Debates», v. CXXI, p. 2053—2054; v. CXXII, p. 40—42.

делали также все, чтобы использовать в своих корыстных целях горцев Дагестана и Чечни. Известны попытки французского капитана Модюи, англичанина Вильямса и других проникнуть в Дагестан. Все они должны были убедить Шамиля в необходимости активизации его действий и организовать выступление горцев в тылу русских войск. Однако желаемого союзники не добились. Даже в 1855 г., когда корпус Омер-паши, высадившись в Сухуме, двинулся на Кутаис с намерением пробиться через Сурамский перевал к Тифлису, а Шамилю был обещан титул короля Закавказского, он по единодушному утверждению «бездействовал»: «Кавказские горцы и в особенности Шамиль,— с досадой подчеркивал начальник штаба английской армии генерал Виллиамс,— обманули наши ожидания»¹⁰⁶. «Единственный период,— говорил министр иностранных дел Англии лорд Кларендон,— в течение которого Шамиль и черкесы не предпринимали, никаких военных действий против русских, были два года (Крымской.— В. Г.) войны»¹⁰⁷.

Принято считать, что Шамиль не использовал благоприятную обстановку во время наступления союзников потому, что был занят решением внутренних вопросов. Однако вряд ли это объяснение можно признать исчерпывающим, т. е. здесь не учитывается нежелание горских народов Кавказа бороться за чуждые им интересы. Попытки поднять кавказских горцев неизменно встречали противодействие со стороны широких народных масс — на это обстоятельство указывали и сами союзники. Участник Крымской войны адмирал Лайонс, например, говорил, что горцы «начисто отказываются от соединения с турками для войны с Россией»¹⁰⁸. «Непримиримую ненависть туземного населения (т. е. горцев Кавказа.— В. Г.) к туркам»¹⁰⁹ подчеркивал разведчик Олифант. И не случайно К. Маркс указывал, что «перспектива присоединения к Турции, по-видимому, отнюдь не приводит их (т. е. горцев.— В. Г.) в восторг»¹¹⁰. Что же касается самого Шамиля, то по показаниям лиц, хорошо знавших его, «видно, что он не желал соединиться с турками, т. к. по мусульманскому закону имамство его прекратилось бы с того момента, как он вступил бы в связь с единоверным имамом правоверных — султаном»¹¹¹. Главнокомандующий на Кавказе Н. Н. Муравьев-Карский писал, что «горцам, воюющим с нами за независимость, равно противно было всякое иго и что введение порядков, которые они могли ожидать от новых

¹⁰⁶ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 5953, л. 207.

¹⁰⁷ «Hansards Parliamentary Debates», v. CXXI, p. 1997.

¹⁰⁸ «Кавказ», 1854, № 62.

¹⁰⁹ «Кавказ», 1856, № 17.

¹¹⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 11, стр. 522.

¹¹¹ Н. Дубровин. Обзор войн России от Петра Великого до наших дней, т. IV. СПб., 1892, стр. 322.

врагов (т. е. Турции и Англии.— В. Г.) столько же было бы для них тягостно, как и наше владычество», и далее: «Шамиль, руководствуясь быть может подобными мыслями, имел к соперникам нового рода едва ли еще не большее отвращение: ибо он мог ожидать, что мнимые благодетели — союзники, хотя бы то были единовверные ему турки, потребуют от него покорности»¹¹².

Свое недовольство султаном турецким сам Шамиль объяснил невниманием к нему в продолжение всего своего имамского поприща: «Он знал, что я глава мусульманства на Кавказе, он знал, какое дело я делаю,— и ни одного раза не полюбоствовал узнать о моем положении, ни одного разу не прислал спросить, как твое здоровье, Шамиль? Как твои обстоятельства?»¹¹³. И далее, коснувшись присланных ему султаном знамени и «медали, украшенной драгоценными камнями», он заметил, что «не придает никакого значения им, так как они были присланы без всякого письменного документа», к тому же, продолжал Шамиль, присылка «медали... со знаменем составляла первый и последний случай сношения с ним султана»¹¹⁴.

В 1856 г. Крымская война, показавшая по словам В. И. Ленина, «гнилость и бессилие крепостной России»¹¹⁵, кончилась. Во время выработки мирных условий на Парижском конгрессе министр иностранных дел Великобритании лорд Кларендон настойчиво добивался отторжения от России Финляндии, Польши, Бессарабии, Крыма и Кавказа, установления русско-турецкой границы по реке Кубани, образования на Кавказе под протекторатом Турции «независимой» Черкесии¹¹⁶. Нет надобности доказывать, что Англия при этом не беспокоилась за судьбы народов Кавказа и не помышляла о защите интересов малых народов. На самом деле Англия питала надежду ослабить и вытеснить Россию и тем самым создать благоприятные условия для превращения Кавказа в свою колонию. Однако русская дипломатия, умело используя противоречия между Францией и Англией, добила исключения из статей трактата кавказского вопроса. Затянувшиеся переговоры завершились подписанием 30 марта 1856 г. Парижского мирного договора¹¹⁷. «Ни политический, ни социальный уклад Европы не поколеблен в результате войны,— указывали К. Маркс и Ф. Энгельс.—

¹¹² Н. Н. Муравьев. Война за Кавказом в 1855 г., т. I. СПб., 1877, стр. 293—294.

¹¹³ АКАК, т. XII, стр. 1521.

¹¹⁴ Там же.

¹¹⁵ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 20, стр. 173.

¹¹⁶ «Hansards Parliamentary Debates», v. CXXI, p. 2056.

¹¹⁷ Полный текст Парижского мирного договора см. в кн.: «Договоры России с Востоком. Политические и торговые». СПб., 1869, стр. 11—112.

Все эти громадные расходы и потоки пролитой крови ничего не дали народу»¹¹⁸.

По окончании Крымской войны царизм усилил нажим на имамат. «Теперь все русские силы сосредоточены против нас,— писал Шамиль в письме к французскому послу в Константинополе,— ... вот почему я прибегаю к содействию в. пр. и прошу вас представить е. и. в. настоящее ходатайство в надежде получить скорую помощь, которая поможет нам отбросить неприятеля; мы находимся на исходе наших сил. У нас нет ни оружия, ни всего необходимого для продолжения войны против неприятеля»¹¹⁹. Англия, Франция и Турция, заинтересованные в продолжении войны на Кавказе, и после подписания Парижского мирного трактата не переставали засылать на Кавказ эмиссаров для ведения антирусской пропаганды. К черноморским берегам Кавказа были отправлены судно «Кенгуру», нагруженное «оружием, боевым снаряжением... и отрядом легионеров — поляков и офицеров-ренегатов, находящихся на турецкой службе»¹²⁰, несколько кочерм, «на которых, сверх других товаров, привезено много пороху, снарядов для орудий и 160 штуцеров» и «несколько новых европейцев»¹²¹. Все прибывавшее к черкесским берегам оставалось, как и прежде, на Северо-Западном Кавказе, так как провоз грузов в Дагестан практически был невозможен. После окончания Крымской войны царским войскам удалось «покорить» Чечню, и в связи с этим летом 1858 г. положение борющихся горцев Дагестана намного ухудшилось. Кавказское командование предприняло трехстороннее наступление на Дагестан. В итоге летом 1859 г. Шамиль с 400 приближенными отступил в Гуниб, где был окружен, а 27 августа 1859 г. взят в плен¹²².

Из всего вышесказанного очевидно, что движение горцев Дагестана и Чечни 20—50 гг. XIX в. было сложным и своеобразным явлением. Хотя в нем наблюдались различные социальные потоки, все же основная струя оставалась народной. В отличие от мюридов, возглавивших это движение и преследовавших свои корыстные цели, народные массы, приняв участие в движении, отстаивали свои права. Под религиозной оболочкой мюридизма безусловно скрывался политический протест народа против колониального гнета царизма и гнета местных феодалов.

¹¹⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. X, стр. 591.

¹¹⁹ «Движение горцев...», стр. 664—665.

¹²⁰ ЦГИА Груз. ССР, ф. 548, оп. 2, д. 969, лл. 5—7; ф. 11, д. 3002; АКАК, т. XII, стр. 705—706, 719; «Шамиль — ставленник султанской Турции и агент английских колонизаторов», стр. 461—481.

¹²¹ АКАК, т. XII, стр. 732—733.

¹²² Там же, стр. 1171.

Каково же было отношение русского общества к движению горцев Дагестана и Чечни?

Официальная Россия в лице царя, высших сановников, дворян и помещиков считала необходимым «покорение горских народов Кавказа». В полном соответствии со своей колониальной политикой Николай I поставил перед главнокомандующим задачу «усмирения навсегда горских народов или истребление непокорных»¹²³. Не менее откровенен был и царский военный министр А. Чернышев: «План усмирения кавказских племен основан на той главной мысли, что... единственным средством к достижению этой цели признана, как то иначе и быть не могло, сила оружия»¹²⁴.

Мнение о неизбежности применения насильственных мер к горцам господствовало не только в правящих кругах, но и получило широкое хождение также в дворянско-буржуазной историографии, журналистике и художественной литературе, но не все слои русского общества так относились к горцам и их борьбе с самодержавием. Даже среди сановников царской России находились люди, понимавшие бесперспективность войны и прислушивающиеся к требованиям переживаемого момента. Еще в 1810 г. крупный экономист своего времени адмирал Н. С. Мордвинов одним из первых высказал сомнение в верности политического курса, принятого царизмом в отношении Кавказа. В записке под названием «Мнение о способах, какими России удобнее можно привязать к себе постепенно кавказских жителей» он предлагал вместо того, чтобы «покорять их силою оружия» приступить к экономическому завоеванию Кавказа путем усиления торгово-экономических отношений¹²⁵. Записка Н. С. Мордвинова по распоряжению Александра I была передана генералу А. П. Ермолову для ознакомления, но, как и следовало ожидать, ни одно его предложение не было учтено кавказским командованием¹²⁶. О необходимости заменить репрессии экономическими мерами высказывался анонимный автор записки «О духе народа грузинского и о мерах, принятых к внутреннему устройству края»¹²⁷. Подобные мысли изложили в своем проекте покорения горских народов Кавказа полков-

¹²³ «Движение горцев...», стр. 58.

¹²⁴ Н. Дубровин. История войны и владычества русских на Кавказе, т. I, кн. I. СПб., 1871, стр. 228.

¹²⁵ «Чтения ОИДР», т. IV. М., 1858; Н. А. Смирнов. Политика России на Кавказе в XVI—XVII вв., стр. 187.

¹²⁶ Г. В. Хачапуридзе. К истории Грузии первой половины XIX в. Тбилиси, 1950, стр. 124—125; К. В. Сивков. О проекте окончания кавказской войны в середине XIX в.—«История СССР», 1958, № 3, стр. 192; А. В. Фадеев. Россия и Кавказ в первой трети XIX в., стр. 350.

¹²⁷ К. В. Сивков. Указ, соч., стр. 192.

ник Чайковский и один из наиболее прогрессивно настроенных генералов царской армии начальник Черноморской береговой линии Н. Н. Раевский: «Одна миролюбивая система с черкесами может вести к прочному их покорению, всякая другая, основанная на разорениях и кровопролитии, вредна...; торговля, сближая горцев с нами, доставляя огромные выгоды гарнизонам, уменьшая контрабанду, не может иметь вредных последствий». Система же карательных экспедиций «отдалит покорение Черкесского края»¹²⁸.

Гораздо дальше в высказываниях подобного рода пошел в своей записке крупный военный теоретик генерал-фельдмаршал Д. А. Милютин. В записке, озаглавленной «Мысли о средствах утверждения русского владычества на Кавказе», анализируя историю, он указывал на примеры, когда в короткое время или даже одним удачным натиском завершалось покорение страны; если же «война делается народной, никакие усилия материальные, никакие армии и победы не могут одолеть великой силы, нравственной и материальной, целого народа; ...точно в таком же положении,— указывал он далее,— находятся в отношении России кавказские горные племена». Поэтому он считал необходимым «совершенно изменить образ действий», не применять насилие, не посягать на религию, обычаи, образ жизни горцев, но убедить их, что «Россия так могущественна и велика, что не имеет никаких притязаний на их ничтожное достояние, что спокойствие и благо края суть единственная цель ее стремлений». Предложения Милютина были отвергнуты. В 1854 г. он вновь вернулся к высказанным им идеям. Ему возражали такие столпы колониализма, как М. С. Воронцов, Н. Н. Муравьев, А. И. Барятинский и другие представители аристократии, определявшие политику правительства. Поэтому проекты Д. А. Милютина так и не были приняты царским правительством¹²⁹.

Голоса, возражающие против насильственных мер, раздавались и со страниц некоторых журналов и книг. Так, в статье «О сближении горцев с русскими на Кавказе» С. Иванов выступал против применения силы оружия. Он предлагал строить взаимоотношения России с горцами на базе экономического и культурного общения. Для этого он считал необходимым организацию базаров в определенные дни, строительство мечетей и открытие школ. Развитие торгово-экономических и культурных связей, писал С. Иванов, даст толчок росту производства кустарной промышленности, подъему благосостояния и будет «содействовать к смягчению характера первых (т. е. горцев.— В. Г.) и, высказывая им выгоды цивилизованной жизни,

¹²⁸ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6391, лл. 89—90; К. В. Сивков. Указ. соч., стр. 192.

¹²⁹ К. В. Сивков. Указ. соч., стр. 193—195.

выставит русских не как грозных победителей, жаждущих войны, ищущих кровопролития, но как нацию, заботящуюся об улучшении их состояния. Эти сближения могут послужить началом образования края и значительно облегчить военные операции и даже иногда устранить их печальную необходимость»¹³⁰.

Однако даже эти предложения, подчиненные той же цели «покорения» и «усмирения» горских народов Кавказа, вызывали яростное возражение со стороны апологетов самодержавия. Царизм отвергал все трезвые, реалистические предложения, упорно придерживался метода военной колонизации. Несмотря на все это, важно отметить тот факт, что даже среди представителей высших слоев русского общества, в целом поддерживавших политику царизма на Кавказе, находились люди, несколько иначе относившиеся к движению горцев Дагестана и Чечни.

Насилия и гнет самодержавия в отношении горцев вызывали протест передовых прогрессивных деятелей культуры русского народа. Одним из первых выступил против колониальной политики царизма писатель В. Т. Нарезный. В своем сатирическом романе «Черный год или горские князья» в иносказательной форме автор дал картину беспорядка в колониальном управлении, подверг беспощадной критике и местных владельцев. Не имея возможности показать в романе царского генерала под настоящим его именем, он вывел в образе астраханского хана Самсудина главнокомандующего на Кавказе Кнорринга. В романе даны картины разоренных войной селений, разрушенного хозяйства¹³¹.

По достоинству оценил народы Кавказа великий русский поэт А. С. Грибоедов. «Он был одним из первых русских писателей, с любовью относящихся к нашему краю,— писал известный грузинский деятель Д. Эристави,— трезво смотрел на его будущность и горячо сочувствовал его судьбам. Он один из первых, если не первый, сумел понять, что на Кавказе живут и будут жить люди, достойные симпатии, поддержки и любви со стороны всех порядочных людей русской земли»¹³². Признавая историческую необходимость присоединения Кавказа к России, он в то же время открыто осуждал систему управления краем, построенную на насилии, грабежах и взятках. «Боже, какие у нас здесь генералы! — с горечью писал А. С. Грибоедов.— Они точно нарочно созданы для того, чтобы еще более утвердить меня в отвращении, которое я питаю к чи-

¹³⁰ «Военный сборник», 1859, № 7, стр. 541—549.

¹³¹ В. Шадури. Первый русский роман о Кавказе. Тбилиси, 1947, стр. 17, 84, 98.

¹³² Г. Хачапуридзе. К вопросу о культурных связях России и Грузии в первой половине XIX в.— «Вопросы истории», 1946, № 5—6, стр. 81.

нам и отличиям»¹³³. Характеризуя А. П. Ермолова, А. С. Грибоедов с сарказмом замечал: «Он пугает грубое воображение слушателей палками, виселицами, всякого рода казнями, пожарами; это на словах, а на деле тоже смиряет оружием ослушников, вешает, жжет их села»¹³⁴. Говоря о восстании жителей Эндрей-аула, А. С. Грибоедов подчеркивал, что «их волновал не столько имам (Гази-Магомед.— В. Г.), ...как покойный Греков, способный человек, но грабитель», и заключал, что на Северном Кавказе «хороших начальников вовсе нет»¹³⁵. Карательные экспедиции проконсула Кавказа в горы Дагестана и Чечни он называл борьбой «горной и степной свободы с барабанным просвещением»¹³⁶ Ермолова. С любовью относился Грибоедов к горским народам Кавказа, называя их «вольным и благородным народом». Он всячески пытался облегчить их участь, советовал правительству «равно благотворить всем своим подданным, какой бы они нации ни были», а главнокомандующему на Кавказе генералу И. Ф. Паскевичу советовал не вмешиваться во внутреннее управление народов Кавказа: «Не навязывайте здешнему народу не соответствующих его нравам и обычаям законов, которых никто и не понимает и не принимает. Дайте народу им же самим выбранным судей, которым он доверяет. Если возможно, то не вмешивайтесь в его внутреннее управление, пусть в органах управления и в суде присутствуют депутаты, назначенные правительством, а в остальном не прибегайте ни к какому насилию»¹³⁷.

Признавая историческую необходимость присоединения Кавказа к России, гений русского народа А. С. Пушкин гуманно и глубоко сочувственно относился к горским народам Кавказа, оказавшимся под деспотическим управлением царизма.

«Так буйную юность законы теснят,
Так дикое племя под властью тоскует,
Так ныне безмолвный Кавказ негодует,
Так чуждые силы его тяготят»¹³⁸,—

писал он в стихотворении «Кавказ».

А. С. Пушкин восхищался и высоко ценил свободолюбие и отвагу горцев, вынужденных вести неравную борьбу с самодержавием, и страстно мечтал о «временах грядущих, когда народы распри позабыв, в великую семью соединятся»¹³⁹.

¹³³ А. С. Грибоедов. Полн. собр. соч., т. III, Пг., 1917, стр. 200, 343; А. В. Фадеев. Россия и Кавказ первой трети XIX в., стр. 353.

¹³⁴ А. С. Грибоедов. Полн. собр. соч., т. III, стр. 36—37.

¹³⁵ Там же, стр. 185—187.

¹³⁶ «История русской словесности П. Н. Полевого», т. II. СПб., 1900, стр. 574.

¹³⁷ И. Тресков. Творческое содружество. Нальчик, 1956, стр. 40.

¹³⁸ А. С. Пушкин. Полн. собр. соч., т. III. М., 1957, стр. 465.

¹³⁹ А. Николадзе. Русско-грузинские литературные связи. Тбилиси, 1958, стр. 24.

С осуждением колониального произвола царизма выступал сосланный в 1818 г. за «вольнодумство» поэт А. А. Шишков.

Общеизвестно, что царь и его приближенные называли Кавказ «теплой Сибирью». «Это было место ссылки политически неблагонадежных элементов, тех, кто проявлял себя каким-либо беспочвенным и нарушением». После разгрома декабрьского восстания по приговору Верховного суда на Кавказ было сослано 39 человек разжалованных офицеров, 27 человек «прикосновенных», т. е. сочувствовавших декабристам или имевших отношение к тайным обществам¹⁴⁰ и не менее 2800 солдат — участников восстания на Сенатской площади в Петербурге¹⁴¹.

Сосланные на Кавказ декабристы, как известно, солдатами принимали участие в военных действиях. Находясь в самом бесправном и унижительном положении рядовых военнослужащих николаевского времени, они не могли не выполнять приказы начальства; царское же командование использовало декабристов в самых опасных сражениях в расчете на то, что они сложат свои головы. «Вообще,— признавался генерал И. Ф. Паскевич,— разжалованных во всех сражениях употреблял в первых рядах или в первых стрелках и всегда там, где предвиделись наиболее опасности»¹⁴². Даже тогда, когда кавказское командование обратилось за разрешением использовать разжалованного В. Д. Сухорукова для сбора «исторических и статистических сведений о Кавказской области», Николай I, не перестававший мстить декабристам, отказал генералу А. А. Вельяминову и потребовал, чтобы декабрист был «употреблен сообразно цели командования своего», т. е. поставлен под пули, и только, если «окажет особые подвиги», может быть представлен к награде. Необходимо, однако, отметить, что когда отличившиеся в боях декабристы в исключительных случаях представлялись к награде, то и тогда Николай I систематически отказывался их утвердить. Вынужденные участвовать в боевых действиях против кавказских горцев декабристы не только не испытывали к ним ни малейшей неприязни, но и не считали горцев своими врагами и глубоко сочувствовали им. «Признаюсь,— говорил декабрист В. С. Норов,— что я шел в бой за дело, которое мне было совершенно чуждо... Я был тем более далек от того, чтобы считать черкесов своими врагами, что я всегда восторгался их героическим сопротивлением»¹⁴³. «Побежденными друзьями нашими»

¹⁴⁰ М. В. Нечкина. А. С. Грибоедов и декабристы. М., 1947, стр. 182.

¹⁴¹ Г. Хачапуридзе. К вопросу о культурных связях России и Грузии в первой половине XIX в., стр. 83; А. В. Фадеев. Декабристы в отдельном Кавказском корпусе.— «Вопросы истории», 1951, № 1, стр. 100.

¹⁴² ЦГВИА, ф. 395, оп. 134/380, д. 673, л. 4; М. О. Косвен. Этнография и история Кавказа. М., 1961, стр. 181.

¹⁴³ Там же, стр. 177.

называет кавказцев декабрист А. В. Веденяпин¹⁴⁴. Об отношении декабристов к горцам говорит и следующий весьма примечательный факт, сообщенный Н. И. Лорером в его «Записках». Описав жестокие действия генерала Засса, Лорер отмечал, что «Засс не достиг своей цели, и горцы так его ненавидели или лучше сказать боялись, что прислали депутатов к Роту (в подчинении которого находились декабристы.— В. Г.) с наивной просьбой помочь им пушками и казаками и идти вместе с ними против Засса»¹⁴⁵. Не менее интересен и рассказ декабриста Я. Костенецкого, участника экспедиции в Аварию в 1837 г., где, как писал он, «мы были безопасны между ними, что ходили даже без оружия. Это было очень странно..., здесь, в горах, между неизвестным нам народом, мы были совершенно как дома, и никогда не случалось никакой неприятности. В свободное от службы время я возьму, бывало, книжку и пойду гулять по полям хунзахским, как будто в молодости по собственным поместьям, недоставало только халата. Встречающиеся аварцы приветствовали меня „салам алейкум“, как будто своего земляка, и спокойно продолжали свой путь»¹⁴⁶.

Будучи горячими патриотами, декабристы рассматривали присоединение Кавказа к России как положительное явление и, что особенно важно, они были убеждены, что русский народ сыграет решающую роль в экономическом и культурном возрождении народов Кавказа. «Кавказу суждены в будущем великие судьбы»¹⁴⁷,— предсказывал А. А. Бестужев-Марлинский. Точно так же в светлое будущее народов Кавказа верил Н. И. Лорер: «Когда-то эти божьи места (горы Кавказа.— В. Г.) путем просвещения, цивилизации сделаются достоянием образованного человека!»¹⁴⁸. Относясь к горским народам Кавказа глубоко сочувственно, декабристы осуждали колониальную политику царизма. Характеризуя царскую администрацию, декабрист А. А. Бестужев-Марлинский с горечью восклицал: «Что сказать вам о состоянии здешнего края? Паскевич, отдав свою доверенность людям, которые всего менее ее заслуживали, довел Кавказ до высшей степени расстройтва»¹⁴⁹.

Выступая против карательных экспедиций, предпринимаемых самодержавием, декабрист Н. И. Лорер писал: «Огонь и меч не принесут пользы, да и кто дал нам право таким образом вносить образование к людям, которые довольствуются своей свободой и собственностью». Ему вторили А. Н. Розен и А. А. Бестужев, которые считали, что присоединение Кавказа

¹⁴⁴ М. О. Косвен. Этнография и история Кавказа. М., 1961, стр. 156.

¹⁴⁵ «Русский архив», 1874, № 2, стр. 671.

¹⁴⁶ «Современник», 1850, т. 24—25, стр. 60.

¹⁴⁷ «Русский вестник», 1870, № 7, стр. 72.

¹⁴⁸ Н. И. Лорер. Записки декабриста. М., 1931, стр. 214; А. В. Фадеев. Россия и Кавказ в первой трети XIX в., стр. 366.

¹⁴⁹ «Русский вестник», 1861, № 3, стр. 308.

должно осуществляться «не исключительно одним оружием», а на основе экономического и культурного сближения горцев с русским народом¹⁵⁰. Против насильственных мер и за миролюбивую политику на Кавказе выступали декабрист А. О. Корнилович¹⁵¹ и сосланный по приказу Николая I за сатирическую поэму «Сашка» А. И. Полежаев, великий русский поэт М. Ю. Лермонтов. Сосланный на Кавказ М. Ю. Лермонтов вынужден был принимать участие в походах царских войск против восставших горцев; он был представлен к награде, но Николай I отказал в ней поэту¹⁵². Следует, однако, особо подчеркнуть, что оценивая события, свидетелем которых он был, М. Ю. Лермонтов не видел в горах врагов, а напротив, с любовью относился к ним:

«Люблю я цвет их желтых лиц,
Их шапки, рукава худые,
Их темный и лукавый взор
И их гортанный разговор»¹⁵³.

Поэт сожалеет, что на Кавказе происходит долголетняя кровопролитная война:

«Кавказ, далекая страна!
Жилище вольности простой!
И ты несчастьями полна
И окровавлена войной»¹⁵⁴

и скорбит о том, что

«Свободе прежде милый край
Приметно гибнет для нее»¹⁵⁵.

В то же время он уверен, что народам Кавказа не по пути с «дряхлым Востоком»; убежден, что включение Кавказа в состав России прочно оградит его народы от иноземных вторжений и будет способствовать развитию производительных сил края¹⁵⁶.

В защиту прав угнетенных царизмом национальных окраин еще более решительно выступали великие революционные демократы А. И. Герцен, В. Г. Белинский, Н. Г. Чернышевский, Н. А. Добролюбов, Т. Г. Шевченко и многие другие прогрессивные деятели культуры и науки второй половины XIX в.

¹⁵⁰ Н. И. Лорер. Указ. соч., стр. 214; А. Н. Розен. Записки декабриста. СПб., 1907, стр. 261—262; «Русские писатели о Грузии». Тбилиси, 1948, стр. 478; А. В. Фадеев. Россия и Кавказ первой трети XIX в., стр. 366.

¹⁵¹ ЦГИАЛ, ф. III отд., 1 эксп., 1828 г., д. 61, ч. 79, лл. 153, 177, 178, 199, 200; «История СССР», 1956, № 5, стр. 192.

¹⁵² «Дагестан в русской литературе», т. I. Махачкала, 1958, стр. 457.

¹⁵³ М. Ю. Лермонтов. Соч., т. II. М.—Л., 1954, стр. 168.

¹⁵⁴ Там же, т. I, стр. 107.

¹⁵⁵ Там же.

¹⁵⁶ Там же, т. II, стр. 193—196; т. III, стр. 201; т. IV, стр. 149.

Резко осуждая колониальную политику самодержавия, А. И. Герцен говорил, что нельзя безнаказанно смешивать Россию с ее правительством. «По счастью, Зимний дворец — не вся Россия, даже не весь Петербург... Другая Россия, вне дворца, вне табели о рангах... Другая Россия приветствует вас своими братьями, протягивает вам руку; не смешивайте же ее с руками всех этих квартальных пропагандистов, агитаторов с Анной на шее, действительных статских пилигримов, заезжающих к вам по дороге в Иерусалим или на Афонскую гору»¹⁵⁷. Он глубоко был убежден в наступлении времени, когда восставший русский народ, освободив народы присоединенных окраин, составит с ними дружную, свободную семью. «Из-за насильственного единства,— пророчески писал А. И. Герцен,— виднеется единство свободное, из-за единства, поглощающего Польшу Россией,— единство, основанное на признании равенства и самобытности»¹⁵⁸.

Великий революционный демократ Н. Г. Чернышевский, посвятивший всю свою жизнь делу освобождения и просвещения русского народа, считал своим патриотическим долгом бороться против всякого гнета за свободу и равноправие эксплуатируемых царизмом народов. Решительно отстаивая права угнетенных народов, Н. Г. Чернышевский писал: «Удерживать в своей зависимости чужое племя, которое негодует на иноземное владычество, не давать независимости народу только потому, что это кажется полезным для военного могущества и политического влияния на другие страны — это гнусно»¹⁵⁹. Разоблачая захватнические устремления царизма, колониальную войну на Кавказе, в результате которой погибла масса трудового русского народа, имея в виду завершение борьбы с горцами Дагестана и Чечни, Н. Г. Чернышевский писал: «Слава богу, теперь Кавказ не будет поглощать ежегодно русских солдат, одна из тех язв, которая истощала Россию, закрывается»¹⁶⁰.

В защиту прав всех народов России, за их национальное развитие и дружбу выступал великий революционный демократ Н. А. Добролюбов. Гневно обличая апологетов колониализма, он указывал: «Патриотизм живой, деятельный именно и отличается тем, что он исключает всякую международную вражду, и человек, одушевленный таким патриотизмом, готов трудиться для всего человечества, если только может быть ему полезен. Ограничение своей деятельности в пределах своей страны является у него вследствие сознания, что здесь именно его настоящее место, на котором он может быть наи-

¹⁵⁷ А. И. Герцен. Полн. собр. соч., т. X, стр. 437.

¹⁵⁸ Там же, т. IX, стр. 462.

¹⁵⁹ Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч., т. V, стр. 48.

¹⁶⁰ Там же, т. XIV, стр. 381.

более полезен. Оттого-то он смотрит презрительно на тех, которые стараются определить грани разъединения между племенами. Настоящий патриотизм, как частное проявление любви к человечеству, не уживается с неприязнью к отдельным народностям»¹⁶¹. Обвинительным актом против царизма, «признанием освободительной, народной войны с поработителями» является написанная совместно с П. Дмитриевым статья Н. А. Добролюбова «О значении наших последних подвигов на Кавказе»¹⁶².

Глубоко сочувствовал борющимся горцам Дагестана и Чечни и Т. Г. Шевченко. Называя их «великими рыцарями», Т. Г. Шевченко писал:

«Вы боритесь,— поборете,
Бог вам помогает,
С вами правда, с вами слава
И воля святая»¹⁶³.

Сочувствовал сражающимся горцам Дагестана и Чечни великий русский писатель Л. Н. Толстой. В своих произведениях «Набег», «Казачи», «Рубка леса», «Хаджи-Мурат» он подвергал суровой критике самодержавие. Именно поэтому, как известно, цензура не пропустила в печать целую главу повести «Хаджи-Мурат». Для определения отношения Л. Н. Толстого к движению в целом, немалое значение имеет следующее высказывание его. В 1857 г. в письме к брату он писал: «Второе лицо после Шамиля — Хаджи-Мурат предался русскому правительству. Это был первый лихач (джигит) и молодец..., а сделал подлость»¹⁶⁴.

С восхищением относились к сражающимся горцам Дагестана и Чечни и многие другие представители передовой русской интеллигенции. На страницах периодической печати появлялись корреспонденции и статьи, в которых участники движения горцев Дагестана и Чечни характеризовались «борцами за независимость и свободу»¹⁶⁵.

Обратимся теперь к выяснению отношения трудового русского народа к борьбе горцев Северо-Восточного Кавказа в XIX в. Широкие слои трудового народа ненавидели царизм и резко отрицательно относились к колониальной политике самодержавия. Загнанные на Кавказ волей царского правительства и вынужденные участвовать в кровопролитных боях, русские солдаты совершенно иначе, чем царизм, относились

¹⁶¹ Н. А. Добролюбов. Полн. собр. соч., т. III, стр. 227—228.

¹⁶² Н. А. Добролюбов. Полн. собр. соч., т. IV, стр. 488—489; «Вопросы истории», 1947, № 11, стр. 137; С. А. Рейсер. Летопись жизни и деятельности Н. А. Добролюбова. М., 1938, стр. 233.

¹⁶³ Т. Г. Шевченко. Собр. соч. М., 1955, стр. 406.

¹⁶⁴ Л. Н. Толстой. Полн. собр. соч., т. 59. М., 1935, стр. 132—133.

¹⁶⁵ «Русская старина», 1881, № 10, стр. 445.

к горцам,— к таким же простым людям, как и они сами. Это подтверждают дошедшие до нас немногочисленные источники, позволяющие воспроизвести суждения трудовых слоев русского народа о борьбе горцев Дагестана и Чечни. Рассказывая о походах в горы, солдат Пимен Прокопенко, например, говорил: «Черкес... самый еройский народ. Та й то треба сказать — на отчай ишо, бо свою ридну землю, свое ридне гнездечко обороняв. Як що по правди говорыты, то его тут правда була, а не наша»¹⁶⁶.

Вспомним также образ солдата Авдеева, созданный Л. Н. Толстым в повести «Хаджи-Мурат». Конвоировавший посланцев Хаджи-Мурата Авдеев так отзывается о горцах: «А какие эти, братец ты мой, гололобые ребята хорошие.— Ей богу!... Право, совсем как российские... Так разговорились хорошо. Хорошие ребята»¹⁶⁷. Судьба Авдеева типична для русского солдата периода Кавказской войны. Он гибнет бессмысленно, не испытывая никакой неприязни к горцам, с которыми вынужден был вести войну. В Кавказском корпусе было немало и таких солдат, которые не только не испытывали вражды к горцам, но и в меру своих сил и возможностей старались облегчить участь горцев, проявляли к ним гуманное отношение. Это признавал даже генерал А. П. Ермолов. После взятия Акуши, рассказывает он, в лагерь расположения русских солдат «приходили женщины отыскивать ребят своих, которых солдаты сберегали». Одному горцу была возвращена «молодая дочь его, которую содержали с должным уважением»¹⁶⁸.

Многие русские солдаты, не вынося жестокости и произвола царских сатрапов, бежали в горы и там, среди горцев, находили приют и дружбу. Насколько прижились русские солдаты-беглецы в аулах Дагестана и как к ним привязались горцы, убедительно говорит следующий факт. После акушинской победы генерал А. П. Ермолов «приказал покоренным дагестанцам выдать... всех скрывавшихся у них русских беглецов. Тогда,— говорится в официальном документе,— один акушинец привел старого русского солдата и, прощаясь с ним со слезами, давал ему две тысячи рублей серебром, прибавляя к тому еще двадцать коров и пятьдесят баранов». 18 лет тому назад, говорил горец, будучи в крайней бедности, я принял бежавшего в горы русского солдата и выдал за него замуж свою дочь. «Труд солдата обогатил его, и поэтому он разделил имущество и его долю вручил ему, но солдат отказался получить все это, взял только сто рублей»¹⁶⁹.

¹⁶⁶ А. В. Фадеев. Россия и Кавказ в первой трети XIX в. М., 1958, стр. 370—371.

¹⁶⁷ Л. Н. Толстой. Избранные повести и рассказы. М., 1946, стр. 327.

¹⁶⁸ А. П. Ермолов. Записки. М., 1867, стр. 99.

¹⁶⁹ ЦГВИА, ф. ВУА, кол. 482, д. 128, л. 22.

Число солдат-беглецов особенно увеличилось в 30—40 гг. XIX в. «В продолжение полувековой войны, которую мы ведем на Кавказе,— писал главнокомандующий царскими войсками генерал Барятинский,— постепенно скопилось в горах... довольно большое число пленных и беглых нижних чинов, которые, оставаясь между горцами долгое время, освоились с их образом жизни и нравами, а некоторые женились, прижили семейства и даже обратились к мусульманству, хотя большею частью только по наружности, а не по чувству религиозного убеждения»¹⁷⁰. Историки монархического направления распространяли ложные версии о жестоком обращении горцев с быглыми и пленными русскими солдатами. В действительности же, если преднамеренно не представлять отдельные факты как типичные и массовые явления, горцы Дагестана и Чечни не питали вражды к пленным, а тем более к беглым русским солдатам, и не проявляли к ним жестокости, иначе вряд ли число беглых русских солдат ежегодно увеличивалось бы. Общеизвестно, что в войсках Шамиля отдельные отряды были укомплектованы из пленных и беглых русских солдат. Только в Дарго, по свидетельству рядового Максимова, было «500 человек беглых солдат, которые употребляются Шамилем для прислуги при орудиях»¹⁷¹. В Дарго, сообщает житель сел. Эрпели — Шамсудин Амин-оглы, «находится 400 русских солдат беглых и пленных; все они живут вместе в отдельной казарме. Солдаты эти через каждые 2—3 дня являются на учение под командою выбежавшего из России солдата по имени Идриса»¹⁷².

По сообщению зятя Шамиля, в Ведено было целое поселение беглых русских солдат и старообрядцев¹⁷³. Так, сообщает в своих показаниях Устархан, имеются «8 больших (вероятно крепостных)... и несколько малых пушек... Беглые солдаты смотрят за ними и деятельно занимаются постройкою лафетов, зарядных ящиков и колес, часть которых совершенно готова и окрашена зеленою краскою». Он видел также «много барабанов... и флигель-горнов, на коих играют по вечерам. Всех беглых солдат в Ведено до 300 человек, между ними назначены за старших, в звание офицеров... Живут довольно хорошо и своевольны в своих поступках»¹⁷⁴.

Немало беглых русских солдат находилось и в других местах Дагестана и Чечни. Часть из них оседала и обзаводилась здесь семьей. В «Рассказе офицера, бывшего в плену у горцев»

¹⁷⁰ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6164, ч. 45, л. 231.

¹⁷¹ «Движение горцев...», стр. 365.

¹⁷² Там же, стр. 471.

¹⁷³ «Выдержки из записок Абдурахмана, сына Джемалэдинова, о пребывании Шамиля в Ведене и о прочем». — «Кавказ», 1862, № 72, стр. 23; А. Н. Генко. Арабская карта Чечни эпохи Шамиля. — «Записки Института востоковедения», т. II, 1933, стр. 28.

¹⁷⁴ «Движение горцев...», стр. 498.

А. А. Бестужев-Марлинский описал встречу с беглым русским солдатом. «Пятнадцать лет служил,— говорил солдат,— я верой и правдой богу да государю, проливал кровь в Шведчине и в Турции..., да видно мой грех до меня дошел... Я нашел здесь добрых людей, выучился чужому языку, нажил жену и детей — а все другой родине не нажать, и прежней не позабыть»¹⁷⁵.

Русские солдаты, рассказывает со слов Шамиля пристав Руновский, «вели свой домашний быт по русским обычаям, представляя женам свободу и окружая их ласками и попечением». Это очень нравилось горским девушкам, многие из них убежали из родительских домов. Чаще это случалось в обществе Ахвах, в котором было более всего беглых солдат, и являлись «к имаму с изъявлением желанья выйти замуж за солдата»¹⁷⁶. Шамиль понимал, что разрешая такие браки, «мог возбудить против себя неудовольствие многих» горцев. И тем не менее, «пользуясь согласием девушек и всегдашнюю готовностью солдат жениться», он смело давал разрешение, имея при этом в виду не одно увеличение народонаселения, но и необходимость привязать беглецов к новой их жизни более надежными узами. Для облегчения бракосочетания горских девушек с беглыми русскими солдатами Шамиль даже сделал «небольшое дополнение к основным правилам шариата и разрешил девушкам, которые после наказания должны были подвергаться ostracismu, выходить за солдат замуж тотчас, не оставляя деревни. Кроме этого поощрения, Шамиль принял самые строгие меры к ограждению беглых от малейших притеснений горцев и даже предоставил им сравнительно с туземцами, гораздо большие привилегии»¹⁷⁷. В специально разосланном ко всем наибам письме Шамиль писал: «Знайте, что те, которые перебежали к нам от русских, являются верными нам... Эти люди являются нашими чистосердечными друзьями... Создайте все условия и возможности к жизни»¹⁷⁸.

Об отношении Шамиля к русским солдатам говорит и следующий факт. В Калугу к пленному Шамилю, сообщает пристав Руновский, приходили находившиеся у него в плену русские солдаты. Один из этих бывших пленников, увидев Шамиля, бросился к нему, схватил его руку и поцеловал. Это увидел пристав и спросил солдата:

— «Скажи, пожалуйста, зачем ты поцеловал у Шамиля руку? Ведь уже он не хозяин твой... В горах, может быть, вас и принуждали к тому, ну, а здесь, для чего ты это сделал?»

¹⁷⁵ «Дагестан в русской литературе», т. I, стр. 138.

¹⁷⁶ АКАК, т. XII, стр. 1398.

¹⁷⁷ Там же.

¹⁷⁸ «Движение горцев...», стр. 292.

— Нет, ваше благородие,— отвечал он,— нас не принуждали целовать у Шамиля руку, а я это сделал так, по душе.

— Как это по душе?

— Да так, ваше благородие, что человек он стоящий, пленным бывало хорошо, где Шамиль жил, или где проезжал он. Обижать нас не приказывал нашим хозяевам, а чуть бывало дойдет до него жалоба, сейчас отнимет пленного и возьмет к себе, да еще как ни на есть и накажет обидчика. Я это сам видел сколько раз.

— Так, он хорош был для вас, для пленных?

— Хорош, ваше благородие, одно слово — душа! И дарма, что в Христа он не верует, однако же стоящий человек!»¹⁷⁹.

Русские солдаты-перебежчики помогали горцам отливать пушки, производить порох, обучали стрельбе из орудий, принимали самое активное участие в битвах. Мало того, некоторые из них стали предводителями отрядов. Известен, например, перебежчик драгун Нижегородского полка Родимцев, который за смелые вылазки во главе группы горцев был награжден Шамилем орденом «За храбрость». Яков Алпатов, осужденный за «буйный» характер, бежал в Дагестан. Здесь он был усыновлен горянкой, сын которой находился в плену у кавказского командования; Алпатов также женился на горянке. Во главе большого отряда он совершал смелые рейды. Перебежчик прапорщик Залетов помог взять укрепления Ахалчи и Гоцатль. В числе советников Шамиля были и русские солдаты: переводчик Шамиля Идрис (вероятно, Андрей.— В. Г.), его приближенный солдат Мартын — он «своими советами не раз оказывал значительные услуги Шамилю». Рассказывают, что в знак «особого внимания к Мартыну Шамиль назвал его именем одно из лучших горских селений — „Урус-Мартан“, т. е. „Русский Мартын“»¹⁸⁰.

Обычно принято представлять первую половину XIX в. периодом сплошной вражды между горцами и терско-гребенскими казаками. Верно, что в период Кавказской войны взаимоотношения горцев с терско-гребенскими казаками ухудшились, и в этом повинны не горцы, как об этом писали дворянско-буржуазные историки, а колониальная политика самодержавия. Известно, что начавшийся еще в 80-х годах XVIII в. процесс превращения казачества в военное сословие в первой половине XIX в. усилился, огромное большинство казаков было вовлечено в систему вооруженных сил. Им было вменено в

¹⁷⁹ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 1293, ч. II, л. 142.

¹⁸⁰ «Северная пчела», 1862, № 133; «Движение горцев...», стр. 377, 468; Е. Вердеревский. Плен у Шамиля. СПб., 1856, стр. 112; М. С. Готоев. Взаимоотношения горских народов с первыми русскими поселенцами на Северном Кавказе.— «Известия Северо-Осетинского научно-исслед. ин-та», т. XII. Дзауджикау, 1948, стр. 176.

обязанность нести охрану кордонных линий и заселять вновь учреждаемые линии, выставлять по распоряжению кавказского командования отряды для экспедиций в горы. Вследствие этого «молодые силы казачества, которые когда-то парили в зените свободы, превращались постепенно из граждан в профессиональных воинов»¹⁸¹.

Превращением казаков в «оплот государственных интересов» самодержавие стремилось разжечь среди русских переселенцев и горцев Северного Кавказа вражду. С этой же целью царизм щедро наделял казаков землей, которой ранее владели горцы. Одновременно делалось все, чтобы внушить казакам мысль об их превосходстве и убедить, что рост их благополучия зависит от быстроты «покорения» и «усмирения» горцев. И это понятно — царизму для достижения своих целей нужна была не дружба между народами, а рознь и вражда. В то же время в горах «благочестивые тарикатисты» призывали мусульман к вражде с христианами-русскими. Все это и особенно затянувшаяся кровопролитная война нанесло серьезный удар по добрососедским отношениям горцев с русским населением Северного Кавказа, но не прервало эти связи совсем. Объяснение этому следует искать прежде всего в том, что народы Северного Кавказа и русские переселенцы были экономически зависимы друг от друга. «Чтобы не показалось странным,— писал И. Попко,— как могут происходить на одном и том же рубеже и война и торговля, довольно сказать, что у горцев нет соли, а у казаков нет леса... Так вот, вследствие обоюдного лишения в предметах первой потребности для существования» между казаками и горцами завязывались торговые связи¹⁸².

Следует также иметь в виду, что нельзя рассматривать казачество как единое целое, так как по своему социальному составу оно не было однородным. Зажиточная верхушка жестоко эксплуатировала казацкие низы. И в то время, как казацкие верхи действительно являлись опорой царизма и служили верой и правдой правительству, бедные слои казачества ненавидели своих угнетателей, цеплялись за былые вольности, неоднократно вставали на защиту своих прав и, конечно, они не могли питать вражду к так же угнетаемым царизмом соседям-горцам. На это обстоятельство указывали даже сами представители кавказского командования. «Я крайне удивлялся,— говорил один из царских военачальников,— той приязни казаков к туземцам и искреннему желанию их способствовать в сближении туземцев с гражданственностью, которое прояв-

¹⁸¹ С. М. Киров. Статьи, речи, доклады. М., 1936, стр. 47.

¹⁸² И. Попко. Черноморские казаки. СПб., 1858, стр. 122; М. С. Тогоев. Указ. соч., стр. 171.

лялось и проявляется казаками»¹⁸³. Великий русский писатель Л. Н. Толстой, глубоко изучивший жизнь народов Кавказа, в своих произведениях правдиво показывает отношение рядовых казаков к горцам. Казаки, писал он в разгар Кавказской войны, «уважают врага — горцев» и стремятся наладить с ним добрососедские отношения¹⁸⁴.

Из всего сказанного видно, что не все слои русского общества одинаково относились к горским народам Кавказа и не все одинаково оценивали борьбу горцев за свою свободу и независимость. В отличие от самодержавия и его апологетов передовая прогрессивная интеллигенция в лице ее лучших представителей, глубоко сочувствовала горцам в их неравной борьбе. Разоблачая колониальную политику царизма, они решительно отстаивали право угнетенных народов на самостоятельное развитие. Вместе с тем великие революционные демократы, неустанно выступая против отождествления царизма с русским народом, энергично поддерживали и горячо ратовали за дружбу между народами. Глубоко переживали страдания горцев и тяготели к дружбе и сотрудничеству с народами Кавказа трудовые слои русского казачества. Представители эксплуатируемого большинства русского народа — солдаты Кавказской армии, вынужденные волею царизма вести борьбу, не испытывали вражды к горцам и нередко оказывали им посильную помощь и поддержку. Все это говорит о том, что не русский народ, которому всегда чужды были великодержавные устремления, а самодержавие повинно в «усмирении» и «покорении» горцев. Не русский народ, который сам был угнетен, а царизм ответственен за все проявленные на Кавказе жестокости и насилия в первой половине XIX в.

---

¹⁸³ А. В. Фадеев. Очерки экономического развития степного Предкавказья. М., 1957, стр. 104.

¹⁸⁴ Л. Н. Толстой. Собрание художественных произведений. М., 1948, стр. 250—251.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ПРИСОЕДИНЕНИЯ ДАГЕСТАНА К РОССИИ

В исторической литературе широкое хождение получило мнение, будто в первой половине XIX в. в Дагестане не только не происходил экономический прогресс, но и шло прямое разрушение производительных сил. Однако едва ли это правильно. Верно, что долголетняя борьба отрицательно сказывалась на экономике горцев; во время военных действий нередко уничтожались посевы, разрушались целые аулы, шло, по словам Е. Вердеревского, уничтожение «цвета юношества и вообще мужского пола»¹. Признавая все это, было бы, однако, неверно не замечать и те изменения и сдвиги, которые имели место в это время в экономике Дагестана. В период движения горцев Дагестана и Чечни в имамате получило развитие изготовление холодного и огнестрельного оружия. При помощи русских солдат впервые в истории Дагестана были отлиты пушки и ядра к ним; налажено также изготовление пуль². В 20—50 гг. XIX в. наблюдались сдвиги в шерстеобработывающих, деревообрабатывающих и других промыслах³. О степени развития производства бурок, например, можно судить по сообщению капитана Муртузали Аджиева о «закупке в Анди более 50 тыс. бурок 6 купцами и намерении их отправить... в Тифлис»⁴. Намного увеличилась добыча серы, селитры и соли⁵.

¹ Е. Вердеревский, Плен у Шамиля. СПб., 1856, стр. 64.

² АКАК, т. XII, стр. 1399; ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6528, т. II, л. 55; О. Евецкий. Статистическое описание Закавказского края. СПб., 1835, стр. 68.

³ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6528, т. II, л. 48.

⁴ ЦГИА Груз. ССР, ф. 1086, оп. 6, д. 345, л. 1.

⁵ АКАК, т. VII, стр. 518; т. XII, стр. 1398—1399; ЦГВИА, ф. 38, оп. 30/28, св. 840, д. 58, лл. 3—5; АКАК, т. XII, стр. 1398.

Даже эти далеко не полные данные говорят сами за себя. Но, как известно, не весь Дагестан был охвачен движением. «Территория Дагестана, населенная кумыками, даргинцами, лезгинами, лакцами и табасаранцами, не входила в состав имамата»⁶. Их жизнь, по справедливому утверждению Н. А. Добролюбова, была «гораздо спокойнее и обильнее»⁷. Несмотря на колониальный гнет самодержавия, вопреки намерениям царизма, в первой половине XIX в. в экономической жизни и равнинного и предгорного Дагестана происходили значительные перемены. Стремление правящего класса России использовать для развивающейся промышленности богатства края объективно способствовало развитию производительных сил Дагестана. Так, благодаря быстро развивающейся хлопчатобумажной промышленности, где в качестве красителя наряду с голландским крапом употреблялась и кавказская марена, стало расширяться и мареноводство в Дербенте, южной части Табасарана, Кайтаге, шамхальстве и в засулакской Кумыкии. Мы не располагаем статистическими данными о производстве марены в равнинном Дагестане, но о развитии этой культуры можно судить по цифрам, показывающим размеры вывоза марены из Дагестана. Если в 1807 г. из Дербента вывозили 6—7 тыс. пудов марены⁸, то в 30-х годах вывоз ее достиг 35 тыс. пудов. Она сбывалась, главным образом, в Астрахани, Казани, Нижнем Новгороде и в Москве⁹. В 1845 г. вывозилось более 80 750 пудов марены, а в 1860 г.— более 134 980 пудов¹⁰. Сопоставление приводимых данных показывает, что в 1860 г. вывоз марены по сравнению с началом века увеличился на 127 980 пудов. «Дербентская марена начала успешно вытеснять с русских рынков иностранный крап»¹¹.

В первой половине XIX г. вырос ввоз в Россию марены из других районов Дагестана, Азербайджана и Средней Азии. Так, в 1851 г. из Кубинского уезда, в который входил целый ряд лезгинских селений, вывозили 2000 пудов, а в 1860 г. вывоз достиг 53 000 пудов. В эти же годы через Дербент вывозилось несколько тысяч пудов табасаранской и кайтагской марены. А через Петровск вывозили марену, выращенную в шамхальстве. Мареноводство развивалось и в районе Кизляра.

⁶ Х. М. Хашаев. Общественный строй Дагестана в XIX в. М., 1961, стр. 52.

⁷ Н. А. Добролюбов. Полн. собр. соч., т. IV, стр. 157.

⁸ С. Броневский. Указ. соч., ч. II, стр. 452.

⁹ М. К. Рожкова. Экономическая политика царского правительства на Среднем Востоке во второй четверти XIX в. и русская буржуазия. М.—Л., 1949, стр. 114.

¹⁰ ЦГИАЛ, ф. 1268, оп. 8, д. 200, л. 36; Е. Козубский. История Дербента. Темир-Хан-Шура, 1906, стр. 207.

¹¹ А. С. Сумбат-заде. Сельское хозяйство Азербайджана в XIX в. Баку, 1958, стр. 113.

Только в 1839 г. там было ее собрано 1065 пудов¹². Само собой понятно, что столь бурно развивающееся мареноводство являлось важнейшим источником доходов населения мареносеющих районов Дагестана. И не случайно поэтому дербентцы говорили: «Сеять марену, значит сеять золото». Следует также особо отметить, что развивающееся в равнинных и предгорных районах мареноводство являлось значительным подспорьем и для жителей нагорного Дагестана. Источники отмечают, что в Дербенте, Тарках и других местах горцы с весны до осени работали на маренниках. Для дербентцев, писал А. А. Бестужев-Марлинский в «Письме к доктору Эрману», «марену сажают и собирают лезгины»¹³. Ввиду отсутствия сколько-нибудь полных статистических данных трудно установить число горцев, ежегодно прибывавших в приморские районы для обработки марены, но о числе горцев, работавших в Дербентском уезде, говорит затрата 40 000 кулей пшеничной муки для продовольствия их в 1845 г. и полученные ими более «200 000 руб. серебром за обработку марены» при заработке по 1 руб. за 6 дней¹⁴. В 1850 г. только в Дербентский уезд для обработки марены прибыло до 20 000 горцев. Значительное число горцев шло работать на маренники Кубинского уезда, Табасарана, Кайтага, шамхальства, засулакской Кумыкии и района Кизляра. В хозяйстве жителей сел. Тарки, свидетельствует И. Н. Березин, «первое место занимает сеяние и собирание марены: огромные огороды этого растения находятся около Низового укрепления и здешняя почва считается очень способной для произрастания марены. На эти работы в Тарку приходят толпы горцев»¹⁵.

По окончании работ, свидетельствует современник, горцев можно встретить на дальнем расстоянии от мареносеющих районов «возвращающихся по домам; в таком случае у каждого из них есть связка за плечами с купленными какими-нибудь товарами, более с гостинцем для своих жен»¹⁶. Таким образом, бурное развитие мареноводства, последовавшее за вхождением Дагестана в состав России, имело большое экономическое значение и в жизни населения нагорного Дагестана. К тому же мареноводство, где в основном использовался наемный труд, постепенно вело к изменению социальных отношений.

В интересах обеспечения развивающейся текстильной промышленности России сырьем предпринимались попытки увеличения посевов хлопчатника и улучшения качества хлопка.

¹² А. В. Фадеев. Очерки экономического развития степного Предкавказья в дореформенный период. М., 1957, стр. 85.

¹³ А. А. Бестужев-Марлинский. Соч., т. I. М., 1958, стр. 307.

¹⁴ «Кавказ», 1848, № 13.

¹⁵ И. Березин. Путешествия по Дагестану и Закавказью, ч. I. Казань, 1849, стр. 65.

¹⁶ «Кавказ», 1848, № 13.

В 1833, 1835, 1839 гг. кавказская администрация поощряла в Закавказье и Дагестане посев выписанных из-за границы семян хлопчатника длиноволокнистых американских и египетских сортов. В 1844 г. вновь были привезены семена хлопчатника, т. к. произведенные опыты «хотя не всегда были удачны, но дают однако ж надежду, в особенности семена северо-американской бумаги, к удачному распространению»¹⁷. Семена, полученные из Нью-Йорка в 1845 г. и из Сицилии в 1846 г. посланы для высева в Азербайджан и Дербентский уезд¹⁸. Кавказская администрация, хорошо понимая, что распространение хлопчатника зависит от ознакомления жителей с лучшими способами его обработки, закупила в Северной Америке, Египте и на острове Мальта патенты, модели и сами машины, употребляемые для обработки хлопчатника.

Одновременно делались попытки увеличить производство и улучшить качество шелка. Еще в начале XIX в. кавказское командование обратило внимание на необходимость улучшения шелководства в Джаро-Белоканах. В 1803 г. перед старшинами области специально приглашенный мастер демонстрировал размотку шелка на привезенной машине. При возвращении домой горцам было дано по мотку шелка для показа жителям джарских селений¹⁹. Попытки улучшить технику шелкомотания делались и в 20-х годах XIX в., но особенно важное значение в этом отношении имело образование Общества для распространения шелководства и торговой промышленности, возглавляемого гр. А. К. Бенкендорфом, кн. В. В. Долгоруковым, кн. Дундуковым-Корсаковым. Центром своей деятельности Общество избрало Нуху и близ нее построило фабрику, получившую название Царь-Абадской, на которой вместе с местными наемными рабочими работали 26 итальянских мастеров. В 1841 г. на этой фабрике было 12 шелкомотальных станков и текстильных машин, а в 1854 число станков достигло 42, из которых 30 приводилось в движение паром. В то же время большое внимание Общество обращало на улучшение породы шелковичных червей и сортов тутовых деревьев²⁰. Все эти мероприятия способствовали развитию шелководства на Восточном Кавказе.

Достаточно сказать, что только в Джаро-Белоканском уезде в 1848 г. было произведено 3969 пудов шелка-сырца²¹.

¹⁷ М. К. Рожкова. Указ. соч., стр. 112.

¹⁸ «Кавказ», 1848, № 19.

¹⁹ М. К. Рожкова. Указ. соч., стр. 131.

²⁰ Там же, стр. 141—144; «Присоединение Азербайджана к России и его прогрессивные последствия в области экономики и культуры». Баку, 1955 (далее — «Присоединение Азербайджана...»), стр. 74—81.

²¹ «Свод материалов по изучению экономического быта государственных крестьян Закавказья», т. IV. Тифлис, 1888, стр. 164—165. «Присоединение Азербайджана...», стр. 75.

Ранее «лезгины совсем не занимались размоткой шелка, что обходилось очень дорого»²², с организацией же Царь-Абадской фабрики они стали возить шелк-сырец для обработки в Нуху. Только в 1846 г. из Дагестана в Нуху было привезено 12 040 пудов шелка-сырца²³.

В описываемое время шелководство развивалось в Кайтаге, Табасаране, Кумыкии и в Северном Дагестане²⁴. Развитию шелководства в Кумыкии, пишет С. Ш. Гаджиева, «способствовало наличие тутовых садов и рощ... Шелк-сырец шел как на приготовление предметов одежды, так и реализовался в виде коконов или готового волокна на рынке»²⁵. В Кизляре и в его районе в первой четверти XIX в. было более миллиона тутовых деревьев²⁶. Однако наблюдавшийся здесь на протяжении первой трети XIX в. подъем шелководства в дальнейшем сменился упадком этой отрасли хозяйства²⁷.

Царское правительство заинтересовано было также в увеличении производства на Кавказе шафрана. Однако местный шафран по своему качеству уступал европейскому, и поэтому были сделаны серьезные попытки как в Азербайджане, так и в Дагестане, улучшить его. Только в одном Кизляре в казенных и «нескольких обывательских садах» в первой четверти XIX в. было посажено 1000 луковиц, которые хорошо привились. Собранный шафран «ни мало не уступает лучшему европейскому»²⁸. К сожалению, мы не располагаем подробными данными о производстве шафрана в Дагестане. Как свидетельствуют имеющиеся источники, выращивание шафрана здесь не получило широкого распространения, но даже те небольшие сдвиги, которые наблюдались в производстве шафрана, имели определенное значение в экономике края.

Кавказская администрация делала также попытки наладить в Дагестане табаководство. С этой целью в 1849 г. семена гаванского табака, привезенные с острова Кубы, были посеяны в Дербентском уезде, в Южном Табасаране, а в 1850 г. — в Дербенте, Южном и Северном Табасаране и Ахтах²⁹. Однако табаководство в Дагестане также не получило серьезного развития.

Особое внимание царская администрация обратила на садоводство и огородничество. По предложению кн. М. С. Воронцова, Кавказский комитет принял решение «избрать удобные

²² М. К. Рожкова. Указ. соч., стр. 88.

²³ «Сборник газеты „Кавказ“, 1846, стр. 38.

²⁴ «История, география и этнография Дагестана XVIII—XIX вв.». М., 1958 (далее — «История, география...»), стр. 314.

²⁵ С. Ш. Гаджиева. Кумыки. М., 1961, стр. 70.

²⁶ ЦГА Чечено-Ингушинской АССР, ф. 107, д. 43, лл. 6—11.

²⁷ А. В. Фадеев. Указ. соч., стр. 88.

²⁸ АКАК, т. IV, стр. 102.

²⁹ АКАК, т. VIII, док. 264.

места и учредить плодовые рассадники в разных местах Закавказского края с целью развития и водворения улучшенного садоводства и виноделия»³⁰. Вслед за этим были образованы «рассадники» (образцовые сады) в Дербенте и других местах. Причем заведение ими было поручено первому губернатору Дербента кн. А. И. Гагарину. По данным газеты «Кавказ», уже в 1848 г. только в Дербентском уезде численность садов достигла 860³¹. А в 1849 г., как указано в корреспонденции той же газеты, на месте, где в 1848 г. был пустырь, заложен сад, «посажены кусты и деревья, значительное количество земли засеяно посевами, и в числе всходов ты увидишь кипарисы, лавры, белую акацию и многие сорта растений и деревьев, неизвестных в окрестностях Дербента. Тут находятся также несколько отличных груш, слив, выписанных с корнями из Крыма. Посажены чинары — 400 штук»³². Здесь же была создана плантация виноградных лоз европейских сортов, выписанных из Крыма; устроен фонтан для орошения сада. В 1850 г. было посажено еще 80 груш, привезенных из Крыма, а в следующем году выстроены оранжерея и теплица, посажено до 3500 деревьев; в 1853 г. сад занимал около 5 десятин и имел до 4800 деревьев, до 7000 виноградных лоз и до 50 сортов овощей, более 1500 горшков разных видов растений. В том же году из сада разослано для рассадки до 2000 штук деревьев и до 1000 черенков винограда и приготовлено было для раздачи любителям до 2000 цветов. В саду производились и агрономические опыты по выведению новых сортов. В 1854 г. кн. М. С. Воронцов сделал распоряжение о разведении мушмулы в окрестностях города; для обучения правильному уходу за этим растением вызван был иностранец³³.

В 1851 г. в Дербентском районе насчитывалось 1500 садов³⁴.

В первой половине XIX в. садоводство получило развитие и в других районах приморского и предгорного Дагестана. В Кайтаге, говорится в описании Дагестана, составленном в 1831 г. М. К. Ковалевским и И. Ф. Бларамбергом, «имеются хорошие сады»³⁵. В Табасаране «из плодоносных деревьев ореховые в изобилии, равно как фруктовые и виноградные»³⁶. Но особенно заметных успехов достигло в описываемое время виноградарство. Русское правительство, заинтересованное в развитии отечественного виноделия, проявляло заботу об

³⁰ Е. Козубский. История города Дербента, стр. 219.

³¹ «Кавказ», 1848, № 11; «Кавказский календарь на 1852 г.», стр. 323.

³² «Кавказ», 1849, № 25.

³³ Е. Козубский. Указ. соч., стр. 220.

³⁴ «Кавказский календарь на 1857 г.», стр. 341.

³⁵ «История, география...», стр. 310.

³⁶ Там же, стр. 314.

увеличении в Дагестане площадей под виноградниками и улучшении сортов³⁷. Выше мы уже писали о посадке значительного числа привезенного из-за границы и Крыма винограда в Дербентском уезде и в других местах приморского и Северного Дагестана. В 1851 г., например, в районе современного города Махакалы было посажено несколько сот выписанных из Крыма лоз муската и других лучших французских сортов.

Вслед за правительством, видя какие выгоды можно получить от продажи винограда и изготовленного вина, местные владельцы также стали увеличивать площади посадок, улучшать сорта. Несмотря на некоторое сокращение площади виноградников в 30-х годах³⁸, все же Кизляр в первой половине XIX в. превратился в крупный центр виноделия. Достаточно сказать, что в 1846 г. только в Кизляре имелось 11 530 250 виноградных кустов³⁹. В этом же году для улучшения местных сортов винограда в Кизляр было прислано из Крыма 5000 отборных виноградных лоз.

Следует особо подчеркнуть, что для обработки виноградников прибывало значительное число отходников из нагорного Дагестана. При этом, как показывают имеющиеся данные численность этих рабочих постоянно росла. Так, по неполным данным, в 1839 г. в Кизляр прибыло 7514 горцев, в том числе из Аксаевского владения 1478 человек, Андреевского — 2242, Казикумухского — 1572, Дженгутаевской деревни — 345 человек⁴⁰.

В 1841 г., по данным начальника Кавказской области, численность горцев, прибывающих в Кизляр, «с весны и до осени... простирается от 10 до 22 иногда и более» тысяч человек⁴¹. Правда, не все они нанимались к хозяевам виноградников. Многие оставались работать в городе. За свою работу они получали преимущественно натурой, иногда батракам платили деньгами. В этом случае заработная плата годового рабочего составляла до 60 руб. серебром, сезонного — до 30 руб., поденного — от 75 коп. до 1 руб. 20 коп. в день. При этом среди горцев преобладали поденщики, нанимавшиеся на летний период. Но это «не изменяло принципиальной сущности между хозяином и работником. Это были новые по сравнению с феодальными производственные отношения, выразившие собой развитие в недрах крепостнической системы элементов более прогрессивного капиталистического способа производства»⁴².

---

³⁷ «Памятная книжка и адрес-календарь Дагестанской области на 1901 г.» Темир-Хан-Шура, 1901, стр. 169.

³⁸ АКАК, т. IX, стр. 538.

³⁹ ЦГА Чечено-Ингушской АССР, ф. 41, д. 615, л. 17.

⁴⁰ А. В. Фадеев. Указ. соч., стр. 191.

⁴¹ ЦГИАЛ, ф. 1268, оп. 1, д. 424, л. 1.

⁴² А. В. Фадеев. Указ. соч., стр. 192.

С ростом виноградарства в крае увеличилось производство вина. Наиболее крупными центрами виноделия в описываемое время были Дербент и Кизляр. Достаточно сказать, что в 1849 г. в Дербенте одни только армяне выдывали из собственного винограда вино «в количестве 45 тыс. ведер и до 4 тыс. ведер водки, а мусульмане приготавливали из винограда, кроме уксуса, до 6 тыс. «дошаб»⁴³. В Кизляре в 1846 г. выдывали 1 150 328 ведер вина, «но оно весьма посредственно. Для развития правильного виноделия в городе находится казенный виноградный сад, с практической при нем школою, получаемые из него вина качествами не уступают лучшим крымским»⁴⁴. Однако, считая более выгодным продавать виноградную водку, чем вино, кизлярцы еще в начале XIX в. стали строить спирто-водочные заводы. В первой половине XIX в. кизлярская водка имела большой спрос на внутреннем рынке страны, о чем свидетельствуют следующие данные⁴⁵:

Годы	Вывезено кизлярской водки (в ведрах)	Сумма (в рублях)
1831	142 749	426 969
1832	146 179	440 564
1833	36 113	109 086
1834	119 903	358 303
1835	171 634	514 902

С присоединением Дагестана к России наметились также сдвиги в зерновом хозяйстве и скотоводстве. В равнинном и предгорном Дагестане постепенно стали увеличиваться площади под посевами зерновых культур. «Повсюду,— доносил в 1839 г. генерал Пулло — расчищались леса, и на огромных протяжениях были лишь засеяны поля, орошаемые искусными канавами»⁴⁶. Говоря о развитии зернового хозяйства в первой половине XIX в., Н. Данилевский сообщает, что «кумыки, пренебрегавшие прежде в стране своей земледелием, ныне занимаются поливными посевами», и они выращивают просо, ячмень, кукурузу, сорочинское пшено, пшеницу и др.⁴⁷. Конечно, Н. Данилевский ошибается, утверждая, что кумыки ранее пренебрегали земледелием, ибо источники показывают, что они земледелием занимались исстари, но несомненно, и то, что к се-

⁴³ «Кавказский календарь на 1852 г.», стр. 323.

⁴⁴ «Кавказский календарь на 1850 г.», стр. 59.

⁴⁵ Н. П. Гриценко. Социально-экономическое развитие притеречных районов в XVIII — первой половине XIX в.— «Труды Чечено-Ингуш. ИИЯЛ», т. IV. Грозный, 1961, стр. 53.

⁴⁶ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6438, л. 4.

⁴⁷ Н. Данилевский. Кавказ и его горские жители в нынешнем положении. М., 1846, стр. 17.

редине XIX в. в Кумыкии увеличились площади под посевами зерновых. Преобладающими культурами стали озимая пшеница и ячмень, хотя здесь выращивали также просо, кукурузу и рис⁴⁸. Умелое сочетание осеннего и весеннего сева давало кумыкам возможность компенсировать неурожай озимых урожаем яровых культур. В результате всего этого кумыки в первой половине XIX в. производили хлеб, который шел не только на внутренний рынок, но и вывозился для продажи в нагорный Дагестан и даже Кизляр⁴⁹.

В изучаемое нами время получило развитие зерновое хозяйство Южного и Юго-Западного Дагестана. Даже в Дербентском районе, где посевные площади под зерновыми в связи с бурным развитием мареноводства сократились, по свидетельству современников, пшеница замечательна как величиною зерен, так и обильным урожаем⁵⁰. В Елисуйском султанстве,— сообщает Т. Н. Яишников,— «хорошее хлебопашество и в хорошем урожае. Одно зерно дает от 20 до 25 зерен, ячмень же в особенности хорош»⁵¹. В 30-х годах в Джаро-Белоканах получали 189—270 тыс. четвертей пшеницы и 120 тыс. четвертей ячменя, а в 1845 г. там же собрали уже 1 525 329 пудов пшеницы⁵². Намного увеличилось в первой половине XIX в. производство риса и кукурузы. Хотя посевами риса в Кизлярском районе стали заниматься еще в XVIII в., лишь в первой четверти XIX в. здесь стало развиваться производство этой культуры. В 1811 г. посеян был 501 пуд и собрано 4840⁵³ пудов риса, в 1828 г. было посеяно 15 142 пуда и собрано 96 740 пудов, в 1835 г. засеяно 14 850 пудов—собрано 40 тыс. пудов риса⁵⁴. В связи с ростом зернового хозяйства постепенно улучшилась техника обработки земли, совершенствовалась оросительная система, без которой в приморском Дагестане нельзя выращивать не только рис (растущий только на обильно орошаемых землях), но и другие зерновые культуры. Серьезное влияние на развитие культуры земледелия оказали русские переселенцы. «Под влиянием общения с русскими переселенцами в большей мере занимаются земледелием и кочевники — ногайцы, что стимулировало их переход к оседлости»⁵⁵.

⁴⁸ П. Зубов. Картина Кавказского края, принадлежавшего России, и сопредельному оных земель в историческом, статистическом, финансовом и торговом отношении, ч. III. СПб., 1835, стр. 183.

⁴⁹ АКАК, т. V, стр. 37.

⁵⁰ Н. Данилевский. Указ. соч., стр. 84.

⁵¹ «История, география...», стр. 305.

⁵² О. Евецкий. Указ. соч., стр. 215—216; А. С. Сумбат-заде. Указ. соч., стр. 69.

⁵³ АКАК, т. V, стр. 324.

⁵⁴ Н. П. Гриценко. Экономические связи России с Северным Кавказом.— «Известия Чечено-Ингуш. ИИЯЛ», т. II. Грозный, 1960, стр. 27.

⁵⁵ А. В. Фадеев. Указ. соч., стр. 101.

Если обратиться к другой основной отрасли хозяйства равнинного и нагорного Дагестана — животноводству, то и здесь наблюдается дальнейшее его развитие. Наличие прекрасных пастбищ, «особенно около берегов Каспийского моря, где бывает круглый год подножный корм, дозволяют содержать значительные стада»⁵⁶. Жители приморского и предгорного Дагестана преимущественно разводили крупный рогатый мясомолочный скот, который с весны до глубокой осени содержался на подножном корме. Овцеводство носило отгонный характер. Жители нагорного Дагестана перегоняли на зиму мелкий рогатый скот на равнинные пастбища Дагестана и Азербайджана, а кумыки в свою очередь загоняли своих овец на лето в горы. К сожалению, из-за отсутствия сколько-нибудь точных статистических данных, не удастся с достаточной полнотой проследить состояние животноводства в крае, но даже имеющиеся отрывочные данные говорят об известном развитии животноводства. Кумыки, сообщает А. М. Буцковский, «всякого рода скотом... богаты»⁵⁷.

Если до присоединения Дагестана к России здесь не было конных заводов, то уже в первой четверти в засулакской Кумыкии их было «6, в каждом — до 600 лошадей, из коих лучшие Чепалова, отличной в Кавказе породы, аксаевскому кн. Гаспунату принадлежат»⁵⁸. В 1855 г. только в одной дербентской губернии насчитывалось 60 конных заводов, в них было «жеребцов и маток с приплодом по 2200 голов»⁵⁹. Намного увеличилось поголовье лошадей в шамхальстве Тарковском, в ханстве Кюринском, Табасаране, «чему положил начало один из главных коннозаводчиков губернии, полковник Джонов-бек, пустив в свой табун породистых жеребцов». Всего в 1852 г. в Южном Дагестане было следующее количество скота⁶⁰.

	Дербентский уезд	Табасаран	Кайтаг	Самурский округ
Лошади	7 084	750	1082	2015
Рогатый скот . . .	27 350	5753	8770	3340
Овцы	21 343	2340	4000	98 230
Ослы	1 215	Нет сведений		

Если учесть, что в 1812 г., в Самурском округе насчитывалось около 60 тыс. овец⁶¹, то за 40 лет количество овец возросло более чем на 30 тыс. голов.

⁵⁶ А. А. Неверовский. Краткий взгляд на Северный Дагестан в топографическом и статистическом отношениях. СПб., 1847, стр. 42—43.

⁵⁷ «История, география...», стр. 244.

⁵⁸ Там же.

⁵⁹ «Кавказский календарь на 1857 г.», стр. 334.

⁶⁰ Там же, стр. 334, 345—350, 361—367.

⁶¹ ЦГИА Груз. ССР, ф. 416, оп. 1, д. 471, лл. 3—4.

О наличии большого количества крупного и мелкого рогатого скота у кумыков, кайтагцев, акушинцев сообщали С. Броневский, О. Евецкий⁶². Только жители селения Чиркей в 1839 г. имели 150 000 овец⁶³. Из данных, относящихся к Дербентскому уезду и Самурскому округу, видно, что на каждое семейство, «полагая оное в 5 душ... приходится по одной лошади, 2—3—4 крупного и почти 5 штук мелкого рогатого скота»⁶⁴.

Однако это не означало, что все население Дагестана было в достаточной мере обеспечено скотом. Несмотря на общий рост поголовья и среднюю обеспеченность жителей равнинного и предгорного Дагестана здесь было немало хозяйств, совершенно не имевших скота.

В первой половине XIX в. в Северном Дагестане стало развиваться тонкорунное овцеводство. Впервые в Северо-Восточный Дагестан меринсы были завезены переселенцами в конце XVIII в. Так что появление и развитие на Северном Кавказе, в том числе и Северном Дагестане, тонкорунного овцеводства явилось крупной заслугой русских и украинских переселенцев⁶⁵. Их заслугой является появление новой для Северного Кавказа отрасли — свиноводства, хотя оно в первой половине XIX в. не получило сколько-нибудь заметного развития⁶⁶, занимались им в основном русские и украинские переселенцы.

Под влиянием общения с русским населением и расширения рыночных связей происходило дальнейшее развитие кустарных промыслов Дагестана. Сведения, содержащиеся в официальных отчетах первой половины XIX в., обзорах и описаниях современников, не оставляют ни малейшего сомнения в росте продукции кустарных промыслов и особенно в изготовлении изделий, которые пользовались спросом как в самом Дагестане, так и за его пределами и, в частности, вывозились в Россию⁶⁷. Известный русский ориенталист И. Н. Березин, посетивший в первой половине XIX в. Дагестан, писал, что лучшие «базалаевские» кинжалы выделяются в мастерской Базалая и что значительная их часть вывозится в Россию⁶⁸. Один из лучших мастеров сел. Кубачи Ашир-Алез-Ахмед-Хап-Оглы, работая с сыном кубачинского кадия Абдул-Рашидом,

⁶² С. Броневский. Указ. соч., ч. II, стр. 209; О. Евецкий. Указ. соч., стр. 55.

⁶³ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6361, ч. II, л. 82.

⁶⁴ «Кавказский календарь на 1857 г.», стр. 394.

⁶⁵ А. В. Фадеев. Указ. соч., стр. 82.

⁶⁶ «Кавказский календарь на 1857 г.», стр. 334.

⁶⁷ ЦГИАЛ, ф. 1268, оп. 5, д. 372, л. 117; «Обозрение российских владений за Кавказом», ч. IV, 1836, стр. 136—138; «История, география...», стр. 244, 307.

⁶⁸ И. Березин. Указ. соч., ч. II, стр. 102.

выделявал до 800 ружей по заказу русского правительства⁶⁹.

Значительного роста в изучаемое время достигло в Дагестане производство ковров и паласов, сукна для черкесок, ювелирных изделий и украшений, предметов так называемого кавказского снаряжения: кинжалов, поясов, ременных седел, сбруи и т. д.

Вместе с тем выделка шелковых и бумажных тканей в Дербенте, шамхальстве и других местах уже в 30-х годах XIX в. начала сокращаться. Шелковые материи, говорится в «Обзрении российских владений за Кавказом», изготовлялись в Дербенте «хорошо и в довольно значительном количестве; даже в недавнее время» работало 200 станков, «но теперь считается не более 40». Спад объяснялся тем, что привозные шелковые изделия и русские хлопчатобумажные ткани вытесняли изготовление шелковых и хлопчатобумажных тканей в Дагестане⁷⁰.

В целом же число «ремесленников в Дербенте с каждым годом значительно увеличивается»⁷¹. Если в 30-х годах XIX в. в городе было около 100 ремесленников⁷², в 1851 г.—189 и «при них учеников и работников 124», в 1856 г.—392 ремесленника⁷³.

После присоединения Дагестана к России и в связи с усилением спроса на рыбу и рыбные продукты увеличился лов рыбы. В Аграханском заливе, в устьях рек Терека, Сулака, Самура и по берегам Каспия стали возникать рыбные промыслы. Владельцы вод, по словам современника, позаимствовав «от русских [умение] извлекать особые статьи дохода» уже в первое десятилетие XIX в. стали отдавать промыслы на откуп русским рыбопромышленникам. Кн. Хамзаев отдавал на откуп воды реки Сулак за 70 руб. в год, а устье реки Терек — за 350 руб. Али-Султан Казаналипов отдавал за 700 руб. воды Аграханского залива.

В конце 1837 г. шамхал Тарковский Абу-Муслим заключил и в 1839 г. продолжил контракт с коллежским асессором П. С. Давыдовым об отдаче в «откупное состояние» вод, начиная «с севера от казенных ловель» до реки Сулак, промыслы Лопатин, Турали, Бурун и др., а также устье реки Сулака и реки Самура, исключая подгорные воды Дербента. «За все воды и убой тюленя» Давыдов обязывается платить по 4 тыс. руб. в год⁷⁴. Но не все хозяева отдавали промыслы на откуп

⁶⁹ Е. Козубский. Указ. соч., стр. 206.

⁷⁰ «Обозрение российских владений за Кавказом», ч. IV, стр. 178.

⁷¹ «Кавказский календарь на 1852 г.», стр. 322.

⁷² «Обозрение российских владений за Кавказом», ч. IV, стр. 178—180; «Кавказский календарь на 1852 г.», стр. 332; «Кавказский календарь на 1857 г.», стр. 340.

⁷³ ЦГА ДАССР, ф. 3, оп. 1, д. 2, лл. 1—4.

⁷⁴ Там же.

за «денежное содержание». Были и такие, которые предпочитали отдавать на откуп при условии уплаты натурой. В таком случае откупщики отдавали хозяевам $\frac{1}{4}$ часть всего лова. Как бы то ни было, откупщики, стремясь получить как можно больше прибылей, делали все, чтобы увеличить улов рыбы. Ежегодно росло число судов, неводов и другого рыболовецкого инвентаря. Рыбные богатства хищнически эксплуатировались, вместе с этим возрастала и численность людей на промыслах. Как правило, квалифицированные ловцы и мастера обработки рыбы на промыслах были русские, а чернорабочими — нанимавшиеся к откупщикам горцы. Как русские, так и горцы жили в жалких лачугах, подвергались жестокой эксплуатации. Откупщики получали большие прибыли. «Народ же,— как отмечает официальный документ,— в промыслах этих имел средства заработка»⁷⁵.

В первой половине XIX в. возросла также добыча соли и нефти, строительного камня, причем откалывание глыб в каменоломнях близ Дербента и в других местах производилось более современным методом — «взрывом пороха»⁷⁶.

В терекемейском участке Дербентского уезда нефть добывали из 32 колодцев. До 1850 г. эти колодцы были на особом откупе за 202 руб. серебром в год. Всего в Дербентском и Шамхальском уездах в середине XIX в. добывалось нефти: белой 700 пудов, черной 280 000 пудов⁷⁷. Заслуживает быть отмеченным и тот факт, что народы равнинного Дагестана стали использовать керосин после того, как в соседнем Моздоке русским торговцем нефти Давыдовым в 1833 г. был изобретен аппарат для перегонки нефти⁷⁸.

Выше уже отмечалось привлечение значительного числа горцев-отходников на работы в мареноводстве, на виноградниках, в рыболовстве и других отраслях. В условиях Дагестана отходничество не было новым явлением. Малоземелье и вообще экономическая необеспеченность вынуждали горцев искать средства к жизни на стороне. При этом нельзя не заметить, что с присоединением Дагестана несколько изменился характер отхода и намного увеличилось число уходящих на заработки. В середине XIX в., как мы видели, ежегодно на маренниках Дербента работало более 20 тыс. горцев. В 60-х годах число отходников, прибывающих в Дербентский уезд, достигло 40 тыс. человек, кроме того 25—30 тыс. отходников работало на маренниках Кюринского и Кайтаго-Табасаранского округов, немалое число прибывало ежегодно также в шамхальство и засу-

⁷⁵ ЦГА ДАССР, ф. 105, оп. 1, д. 12, л. 25.

⁷⁶ Там же, ф. 3, оп. 10, д. 1, л. 28.

⁷⁷ «Кавказский календарь на 1852 г.», стр. 490.

⁷⁸ А. В. Фадеев. Указ. соч., стр. 90—91; С. Ш. Гаджиева. Кумыки, стр. 73.

лакскую Кумыкию, более 20—25 тыс. в район Кизляра. Примерно такое же количество уходило в Азербайджан и Грузию. Только в одну Нуху горцы Дагестана «для снискания пропитания черною работою в зимнее время стекались до 1500 человек»⁷⁹. В сентябре месяце, пишет автор статьи «Состояние рабочего класса в Закавказье», вы видите «до 30 тысяч лезгин из разных обществ гонимых с гор стужей и нуждой, рассыпающихся по алазанской долине от Кахетии до Сальяна, отыскивающих насыщенный хлеб. Счастлива та семья, которая имеет постоянный приют и верный заработок. В таком случае она получает пищу, и отец семейства добывает за тяжелую работу восьми месяцев от 20 до 30 рублей серебром. На лето же, знойное в долинах, лезгины уходят в свои горы, покупая за заработанные деньги: ситцу, бурметы и другие товары, промениваемые ими в горах на скот и хлеб, для прокормления семейства летом, оставляя при себе столько денег, сколько нужно для внесения в подать»⁸⁰. А те, которые не имеют постоянной работы и пристанища «часто сотнями лежат на городских и сельских базарах в ожидании поденной работы и как она иногда не попадается им по несколько дней кряду, то при найме стараются обеспечить себя платою на продовольствие многих суток»⁸¹.

К этому следует добавить, что отходники Дагестана, особенно нанимавшиеся на сезонные сельскохозяйственные работы, жили в весьма тяжелых условиях, подвергались жестокой эксплуатации. При всем этом отходничество, как известно, играло объективно прогрессивную роль. «„Перекочевыванья“, — пишет В. И. Ленин, — означают создание подвижности населения. Перекочевыванья являются одним из важнейших факторов, мешающих крестьянам „обрастать мхом“, которого слишком достаточно накопила на них история. Без создания подвижности населения не может быть и его развития и было бы наивностью думать, что какая-нибудь сельская школа может дать то, что дает людям самостоятельное знакомство с различными отношениями и порядками и на юге и на севере, и в земледелии и в промышленности...»⁸².

✓ В первой половине XIX в. царское правительство в стратегических целях прокладывало в глубь гор шоссейные и грунтовые дороги и в наиболее важных местах строило крепости, некоторые из которых со временем разрослись в города. Несмотря на цели и намерения царизма, это строительство объективно способствовало развитию экономики края. В начале

⁷⁹ «Кавказский календарь на 1850 г.», стр. 71.

⁸⁰ «Кавказ», 1846, № 4.

⁸¹ Там же.

⁸² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 3, стр. 246.

XIX в. царское правительство силами воинских частей и местного населения улучшило дороги и провело почтовый тракт через приморский Дагестан, соорудив 15 почтовых станций. Но наиболее усиленно правительство стало строить дороги в горы, начиная с 40-х годов XIX в. Была сооружена дорога от сел. Хозрова Кубинского уезда до Кази-Кумуха протяженностью в 140 верст, а от нее проложены так называемые побочные дороги — первая от сел. Рича до сел. Хив, а оттуда до Касумкента; вторая от сел. Чираха до границ Кайтага; третья от сел. Кураха до Хива; четвертая от Кумуха до сел. Чох. Были также проведены дороги от крепости Низовой в Темир-Хан-Шуру и оттуда в Хунзах и в Кази-Кумух; благоустроена дорога от Кизляра до Дербента и далее на Кубу. По этому тракту реставрированы старые каменные мосты и вновь построены деревянные, установлено 10 станций⁸³. Имея в виду эту дорогу, современник писал, что «довольно хорошие станционные дома; хотя и с некоторою нуждою, но... обеспечивают в ночлеге, безопасном и покойном; для проезжих везде найдется самовар»⁸⁴.

В наиболее стратегически важных пунктах самодержавие строило крепости. В 1832 г. в центре шамхальских владений, на соединении нескольких главнейших выходов из нагорного Дагестана на месте небольшой кумыкской деревни, заложили укрепление Темир-Хан-Шура. Оно господствовало над богатой и плодородной равниной, простирающейся до Каспийского моря и служащей житницей для большей части горцев и пастбищами, а с другой стороны, представляло «выгоднейшее и удобнейшее основание для действия в горы»⁸⁵. В 1834 г. жители аула были выселены в Халим-бек-аул, укрепление расширено. Вместо «полуразрушившихся саклей шамхальского аула» было «построено укрепление, обнесенное каменной стеной, к которой примкнут форштадт, ограждаемый небольшим валом»⁸⁶. Здесь находилась штаб-квартира Апшеронского пехотного полка и место пребывания командующего войсками в Северном Дагестане. В 1840 г. вместо «бесполезной крепости Бурной», которая находилась на горе вдали от берега моря, начали возводить укрепление Низовое «для защиты тарковского рейда, куда ежегодно доставляется до 20 тыс. четвертей муки»⁸⁷.

В 1842 г. на месте, где по преданию в 1722 г. стоял лагерь Петр I, основали крепость, названную в его честь Петровской. Немного ранее образована крепость Кизил-Юрт, обеспечивающая сообщение Кизляра с владениями шамхала. Были также

⁸³ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6471, лл. 9—49.

⁸⁴ «Кавказ», 1848, № 13.

⁸⁵ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6471, ч. 9, лл. 6—8.

⁸⁶ Там же.

⁸⁷ Там же.

заложены крепости близ сел. Ахты, Хунзаха, Кумуха, Карадаха, защищавшие мост через Аварское Койсу по тракту Шура-Ботон. В 1845—1846 гг. были основаны слободы Чир-Юрт, Ишкарты, Дешлагар и др. Что ни год, то в Дагестане возникали новые крепости и поселения. Обычно, говорит современник, строительство начиналось с казарм, лазарета, цейхгауза и нескольких солдатских домиков, а через 3—4 года появлялись церковь, «лавки, уютные домики, базар, даже вывески, вроде следующей: „Здесь живет часовых дел мастер“ с циферблатом и стрелкой на XII».

Укрепление Дешлагар «за 4 года очень хорошо обстроилось, оборонительные казармы, полковые мастерские, лазарет с стенками в промежутках составляли обширный квадрат,— это цитадель..., за воротами цитадели базар, 10 лавок. На некоторых вместо вывесок красуется картина известного сорта „гусар на саблю опираясь“... Далее идут правильные чистые улицы, порядочные дома, кой-где неизбежные духаны с бубликами, сушеной рыбой,... бани, ротная хозяйства; очень милый сад»⁸⁸. Местоположение Шуры,— писал Я. Костенецкий,— «превосходно и в военном, и в живописном отношении... Церковь, казармы, госпиталь, магазины, дома начальника и офицеров... дают прекрасный вид этому укреплению, ярко белеющему среди окружающей его почти вечной зелени... Домики небольшие... с плоскою крышею, но чистенькие и красивенькие, что дает этому форштадту вид гораздо лучше иных уездных». Там, продолжает он, «у нас были и собрания, и балы, и вист, и бильярд, и даже театр»⁸⁹. В 1842 в Темир-Хан-Шуре было образовано почтовое отделение⁹⁰. Перевод в Шуру штабов нескольких пехотных полков 1845 г. способствовал оживлению поселения. В это же время возводятся многие частные постройки на площади, «где купец Азаров первый начал строить каменные лавки»⁹¹. Таким образом, Темир-Хан-Шура постепенно развивалась и к 1847 г. превратилась в крупное поселение «с довольно значительным гражданским населением, сделалось административным центром обширного края»⁹². Постепенно город превращался и в торгово-ремесленный центр. В 1852 г. жители Темир-Хан-Шуры принимали «даже участие в Лондонской всемирной выставке, на которой житель ее Хамов удостоился получить за свои изделия свидетельство и медаль»⁹³.

⁸⁸ «Современник», 1854, т. 48, стр. 34—35.

⁸⁹ Я. Костенецкий. Записки об аварской экспедиции на Кавказе в 1837 г. СПб., 1851, стр. 9.

⁹⁰ Е. Козубский. Очерки истории города Темир-Хан-Шуры.— СМОМПК, вып. XIX, Тифлис, 1894, стр. 19.

⁹¹ «Кавказ», 1858, № 4.

⁹² Е. Козубский. Очерки истории города Темир-Хан-Шуры, стр. 27.

⁹³ «Кавказ», 1853, № 33.

Особенно рос порт Петровск, являвшийся одной из основных баз снабжения Кавказской армии, действовавшей против Шамиля. В 1851 г. правительство приобрело у шамхала 1672 десятины земли, окружающей форштадт. В следующем году из Темир-Хан-Шуры на постоянное жительство было переведено сюда несколько десятков семейств. К этому же времени в крепости были открыты лавки, духаны и т. д. В октябре 1857 г. Петровск был официально переименован в город и в нем учреждено гражданское управление.

Быстро росли и благоустраивались Дербент и Кизляр. В 1849 г. в Кизляре насчитывалось 3 200 домов, а число жителей города доходило до 11 тыс. человек⁹⁴. Проект перепланировки Дербента был составлен еще в 1824 г., но к благоустройству приступили несколько позже. Была разобрана разделяющая город стена, и на почти пустом пространстве начали селиться армяне и евреи. С 1841 по 1858 г. было построено 140 домов для женатых «нижних чинов». В 1848—1849 гг. проведен водопровод длиной в 5 верст и 100 сажен и устроен бассейн 6 сажен длины⁹⁵. Значение водопровода станет ясным, если учесть, что «Дербент не имел хорошей воды и жители отправлялись за ней версты за полторы»⁹⁶. В 1853 г. построили маяк. В Дербенте, писал корреспондент «Кавказа», жители начали прекрасные застройки, в старой части города пробивается новая широкая улица, «на площади строится бассейн и церковь.., воздвигается отличный двухэтажный дом.., двухэтажный госпиталь, начинается строительство общественной бани, караван-сарая с русской гостиницей.., везде проведены дороги, посажены кусты и деревья»⁹⁷.

В 1851 г. всего в Дербенте было «домов каменных 2092, из сырцового кирпича 345. Из них переделанных из азиатских, несколько на европейский манер 56...; лавок каменных 370, деревянных 24»⁹⁸, ремесленников: столяров — 4, золотых и серебряных дел мастеров — 8, красильщиков — 2, хлебников — 2, кондитеров — 1, портных — 59, сапожников — 56, часовых мастеров — 1, седельщиков — 8, оружейников — 13, позументщиков — 4, кузнецов — 18, лудильщиков — 12, ткачей — 3, цирюльников — 18, заводов мыльных — 5, красильных — 3, винокуренных — 5, известковых — 1, мельниц — 5.

Возросло и население города. Так, если в 1811 г. в Дербенте насчитывалось 4169 человек, то, по данным камерального описания 1855 г., численность постоянных жителей достигла 12 932 человека. «Приращение,— говорится в отчете дербентского губер-

⁹⁴ «Кавказский календарь на 1850 г.», стр. 59.

⁹⁵ Е. Козубский. История города Дербента, стр. 207—212.

⁹⁶ «Кавказ», 1849, № 25.

⁹⁷ Там же.

⁹⁸ «Кавказский календарь на 1852 г.», стр. 320.

натора за 1855 г.,— произошло от избытка родившихся над умершими, который к общему числу жителей относится как 1 : 120»⁹⁹. В одном из своих донесений генерал Пулло писал, что в Кумыкии «народонаселение увеличилось в 1/4 часть»¹⁰⁰. Правда, прирост населения равнинного Дагестана мог происходить за счет переселения горцев; возможно, что эти данные были завышены царским генералом, но даже при всем этом очевиден общий процесс роста населения приморского Дагестана в первой половине XIX в.

Строительство шоссейных и грунтовых дорог, сооружение крепостей-слободок, развитие городов, ликвидация феодальных пошлин, а также открытие так называемых меновых дворов способствовали развитию торговли в самом Дагестане и усилению торгово-экономических связей с Центральной Россией, Северным Кавказом и Закавказьем. Еще в 1811 г. на Северном Кавказе были открыты 6 меновых пунктов, принятые «всеми народами с живейшим чувством благодарности». В первый же год меновые торги, по словам официального документа, «восприняли свое действие, обитатели Кавказской губернии весьма охотно начали доставлять хлеб к карантинам, в тех местах учрежденным, и взаимно с горцами выменивать произведения и изделия свои при дружественном обхождении и обоюдной доверенности»¹⁰¹. А в последующие годы, согласно имеющимся данным, торги с горцами при меновых дворах постоянно увеличивались: «Ежегодно,— писал генерал Пулло,— до 40 тыс. горцев приходили для сбыта своих продуктов и звонкая монета усилилась у них в обращении»¹⁰².

На рубеже 40-х годов на линии действовали уже 17 меновых дворов. В 1846 г. было принято новое «Положение о меновой торговле с горцами на Кавказской линии», по которому все меновые дворы были подчинены «главному попечителю меновых сношений». Всевозможные товары русской и западноевропейской промышленности (кроме огнестрельного оружия, селитры, серы, пороху, свинцу) могли получать горцы на меновых дворах. Мало того, продажа соли производилась горцам по 28 коп. серебром за пуд, а всем другим — по 52 коп.¹⁰³

В основном горцы Дагестана были связаны с Амир-Аджи-Юртовским меновым двором, куда их ежегодно съезжалось значительное число со своими товарами. Так, по данным «Обзора меновых сношений с горцами по Кавказской линии», только

⁹⁹ ЦГА ДАССР, ф. 3, оп. 10, д. 1, л. 28.

¹⁰⁰ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6438, л. 8.

¹⁰¹ Там же, д. 6192, л. 132.

¹⁰² Там же, д. 6438, л. 4.

¹⁰³ Н. П. Гриценко. Указ. соч., стр. 22.

в 1848 г. в Амир-Аджи-Юртовский меновой двор прибыло 2700 человек кумыков, горских евреев и др.¹⁰⁴

О характере торговли с горцами в Амир-Аджи-Юртовском меновом дворе говорят данные о привозимых горцами Северного Кавказа и проданных им товарах. Только за 3 месяца 1847 г. здесь были проданы следующие товары: рыба севрюга соленая — 125 пуд., лист желатинный — 20 пуд., кинжалы — 698 штук, пшено сарачинское — 115 пудов, кожи коровьи не выделанные — 34 штуки, ружья — 620 штук, пистолеты — 872 штуки, замки ружейные — 1417 штук, балыки севрюги — 30 пудов, паюсная икра — 30 пудов, клей севрюжий — 20 фунтов, вязига — 1 пуд, формы медные для литья пуль — 6 штук, жирничек — 25 штук, хозу — 15 штук, сафьян — 837 штук, сукно простое — 200 аршин и 4 куса, каракулевые шкурки — 27 штук, чехлы ружейные — 27 штук, шашки — 43, пояса ременные — 640, шапки, кувшины и тазы медные, лук репчатый и разные другие товары на сумму 10 765 руб. 30 коп. В 1848 г. в Амир-Аджи-Юртовском меновом дворе горцами было продано: оружия (ружья, пистолеты, ружейные замки и др.) — 9863 штуки, кожи различных наименований — 2257 штук, изделия из кожи (чарики, ремни, плети и т. д.) — 150, шкуры диких зверей (лисы, куньи, волчьи, заячьи) — 847 штук, изделия из меди и железа (кувшины, ножницы, ножи, кольчуги и др.) — 346, паласы, ковры — 144, хлеб в зерне (сарачинское зерно, пшеница, просо, ячмень, кукуруза, крупа перловая, мука пшеничная, кукурузная и др.) — 1346 пудов, продукты животноводства (ветчина, колбаса, сыр, сало говяжье, масло коровье, сальные свечи) — 263 пуда, фрукты, овощи и продукты от них (лук, орехи, яблоки, айва, изюм, вишня, чернослив, варенье) — 1153 пуда, вина разных наименований (донское, полущампанское, мадера, ром, рислинг, ликер, водка сладкая, кахетинское и др.) — 636 ведер, трубки деревянные — 177, другие товары (рыба, рыбные продукты, чай, сахар, пряники, уксус, корица, гвоздика и др.) — 3808 руб. серебром¹⁰⁵. Всего около 90 наименований товаров на сумму 19 894 руб. 84 коп.

В свою очередь горцы приобретали ситцы, холст, кумач, бязь, выбойку, шерстяные изделия, шали, шелковые платки, бархат, зеркала, стаканы стеклянные, серебро в нитках, бумагу, мыло, хлебный спирт, чай разных сортов, кофе, конфеты.

Всего в 1848 г. в меновом дворе, о котором здесь идет речь, горцам было продано 149 наименований товаров на 94 470 руб. 38 коп. серебром¹⁰⁶, в 1849 г. — разных товаров на сумму 104 806 руб. 20 коп. Горцы Дагестана вели торговые операции

¹⁰⁴ «Кавказ», 1849, № 12.

¹⁰⁵ «Известия Чечено-Ингуш. ИИЯЛ», т. II, стр. 25—26.

¹⁰⁶ «Кавказ», 1849, № 12.

и в других меновых дворах и городах Северного Кавказа. Оценивая значение меновых дворов, современник писал: «Ожидания правительства оправдываются вполне на всех торговых пунктах, горцы все более и более завлекаются торгом с нами. В некоторых местах, получая от русских промышленников нужные потребности, они начали производить торговлю между своими соотечественниками и выгоды, приобретаемые от того... завлекают и других столь выгодному промыслу»¹⁰⁷.

В 40-х годах XIX в. ежегодно в торговле принимали участие около 12 тыс. горцев.

Горцы Северного Дагестана, преимущественно жители тарковские, привозили в 1842 г. для продажи в Кизляр следующие товары и иностранного происхождения — шелковые изделия: аладжи — 1078 штук, тафты — 32; бумажные изделия: бязь — 13 836 штук, кумачу — 1498, ситцу — 1514, дарай — 375, скатертей — 100, платков — 468, канадец — 6, выбойки — 1878, калаш-кару — 210, пестряди — 34, ковров шерстяных — 153, бурмету — 5370, одеял — 1841¹⁰⁸.

В первой половине XIX в. торговля горцев происходила на ярмарках и базарах Северного Кавказа и велась также контрабандным путем. «По мнению весьма осведомленных авторов, обороты контрабандной торговли с горцами по меньшей мере втрое превышали сумму, которой определялись размеры этой торговли в официальных источниках»¹⁰⁹. Что же касается ярмарочной торговли горцев, то мы, к сожалению, не располагаем сколько-нибудь полными данными, позволяющими определить размеры и характер ее, установить численность горцев Дагестана, прибывающих на ту или иную ярмарку. Обо всем этом мы можем судить лишь по некоторым косвенным данным.

По подсчетам А. В. Фадеева, в середине XIX в. ежегодно в станицах устраивалось до 20 ярмарок. Одна из крупных ярмарок была в станице Наурской в Чечне, которую посещали и горцы Дагестана. В 1837 г. на Наурскую ярмарку приехало 6500 человек, и здесь было продано различных товаров на сумму 39 027 руб. Среди этих товаров первое место занимали текстильные изделия: сукна, нанки, ситцы, сарпинки, бязи, атлас, парча, ленты, холсты, кроме того, крупный рогатый скот, лошади, овцы, пшеница, рожь, сахар, мыло, бумага писчая, хрустальные изделия, зеркала и т. п. «Особую группу проданных товаров составляли так называемые азиатские товары, привезенные на ярмарку из-за Терека горцами: черкески или чекмены... на 1135 руб., шаровары, башлыки, бурки на 887 руб.»¹¹⁰

¹⁰⁷ «Кавказ», 1849, № 12.

¹⁰⁸ ЦГИАЛ, ф. 1268, д. 424, лл. 8—10; Х. М. Хашаев. Занятия населения Дагестана в XIX в. Махачкала, 1954, стр. 97—99.

¹⁰⁹ А. В. Фадеев. Указ. соч., стр. 215.

¹¹⁰ Там же, стр. 208—209.

Под влиянием постоянно укрепляющихся торговых связей с Россией, росли торговые центры в Дагестане. Так, в Эндирей-ауле благодаря «производимой армянами в оной торговле всем для горцев потребным»,— писал А. М. Буцковский в 1812 г.,— наблюдалось «всегдашнее стечение соседственных горцев»¹¹¹. И впоследствии, занимая первое место в торговле с Кизляром, Эндирей-аул развивался как торговый центр Северного Дагестана. Второе место в этой торговле занимал Аксай. После присоединения Дагестана к России Аксай быстро разрастается. Если в 1804 г., по данным коменданта Кизляра А. И. Ахвердова, в Аксае было до 500 хозяйств, но уже в 1812 г. число их достигло 800. Аксай превратился в крупный торговый центр, базар которого привлекал много «соседственных чеченцев»¹¹². Крупным торговым центром была и резиденция шамхала Тарки. «Жителей в Тарку,— говорится в описании 1831 г.,— полагается до 10 000 душ, из коих большая часть ведет торговлю с Кизляром, Дербентом, кумыками и соседними горцами»¹¹³.

Крупным торговым центром в первой половине XIX в. стали Петровск и Темир-Хан-Шура. Достаточно сказать, что в конце 50-х годов XIX в. в Петровск из Центральной России и через Астрахань ежегодно привозили 2500 пудов железных изделий, 1200 пудов железа и 300 пудов чугуна, которые отправляли в Темир-Хан-Шуру, Дешлагар, Ишкарты и другие укрепления¹¹⁴. Из Петровска в Астрахань вывозились различного рода сельскохозяйственные товары.

Армянские и русские купцы Голиков, Азаров, Долгополов, братья Юдины и другие положили основание торговли в Шура. В 1857 г. в Темир-Хан-Шуре торговое сословие уже имело 117 домов и 108 лавок¹¹⁵. Характеризуя торговлю в Темир-Хан-Шуре, очевидец П. Егоров писал, что она в основном розничная и что ежегодно сбываются товары более чем на 300 тыс. руб. В каждое воскресенье — базар и «Шура принимает праздничный, деятельный торговый характер. Утром большая квадратная площадь покрывается народом двух племен: русские и татары (имеются в виду горцы Дагестана.— В. Г.), принадлежавшим к различным обществам. Если выходишь на базар с улицы от аварских ворот, то прежде всего видишь толпу татарских всадников, продают лошадей, скот, полеее от конной толпятся большею частью татары, между ними мешаются

¹¹¹ «История, география...», стр. 242.

¹¹² Там же, стр. 214, 242, 245.

¹¹³ Там же, стр. 307.

¹¹⁴ «Записки Кавказского отдела Русского географического общества», кн. 2. Тифлис, 1853, стр. 48.

¹¹⁵ Е. Козубский. Очерки истории города Темир-Хан-Шуры, стр. 11.

солдаты и прочие разночинцы. Татары продают оружие, лезгинское сукно, тулупы, полушубки, овчины; солдаты носят произведение своего мастерства: рубашки, папахи, сапоги и прочее, тут же тянется ряд сидящих татар, продающих дешевый курительный табак и деревянные трубки..., пониже сидящие татарки составляют свои линии..., они продают молоко, яйца, коймак, масло, кур и т. п.»¹¹⁶

Особое место в развитии торгово-экономических связей с Россией занимал Дербент. Этому во многом способствовало установление, начиная с середины 1846 г., пароходного сообщения. О характере торговли Дербента с Астраханью и темпах ее роста можно судить по официальным данным, приводимым в табл. 1.

Таблица 1

Привоз товаров из Дербента в Астрахань в 1845—1859 гг. (в пудах)*

Годы	Марена	Груши сушеные	Орехи грецкие
1845	80 520	7 196	9 045
1846	64 761	15 624	11 305
1847	41 397	2 810	19 049
1848	44 791	5 080	96 049
1849	44 654	6 828	4 583
1850	72 632	7 200	14 881
1851	79 305	16 487	24 257
1852	141 138	9 057	14 702
1853	131 307	16 664	31 055
1854	130 190	30 340	47 058
1855	129 881	19 934	33 497
1856	154 180	6 669	11 465
1857	180 690	14 125	44 867
1858	148 880	4 086	50 736
1859	125 650	1 036	32 869

* ЦГА ДАССР, ф. 3, оп. 10, д. 1, лл. 7, 39; ЦГИАЛ, ф. 1268, д. 372, л. 2; «Кавказский календарь за 1855 г.», стр. 335.

Кроме того, из Дербента только в 1854 г. было вывезено 1034 пуда рыбы, 58 696 ведер вина, а также в значительных размерах семена марены, разные выделанные кожи, сарачинское зерно, ореховое дерево, дубовые бочки и др. Товары эти в Дербент привозились из различных районов Дагестана: орехи грецкие — в основном из Табасарана и Кюры, рыба и рыбные продукты — с промыслов, расположенных по берегу Каспия и в устье реки Самура, доски дубовые — с берегов Самура,

¹¹⁶ «Русский инвалид», 1857, № 182.

сухофрукты — из Южного Дагестана, марена — из Дербентского уезда, Кайтага и Кубы. Предметами ввоза из Астрахани в Дербент были: железо, медь, металлические изделия, фарфоровая и стеклянная посуда, строевой лес, сукно, бумажные и шелковые изделия русских фабрик, спирт, сахар, чай, кондитерские и бакалейные изделия, не считая мануфактуры. Русские ситцы, нанка, хлопчатобумажные изделия, как отмечали в 30-х годах XIX в. авторы «Обозрения российских владений за Кавказом», сбываются в Дагестане в большом количестве по выгодным ценам, «они решительно берут преимущество перед тканями персидскими, так что... употребление наших (русских.— В. Г.) бумажных тканей невысокой цены распространяется с каждым годом все более и более»¹¹⁷. В 50-х годах XIX в. ежегодно в Дербент привозилось 10 000 пудов железа, которое здесь покупали горцы¹¹⁸. В 1849 г. было продано 512 пудов, в 1850 г.— 955, в 1851 г.— 1287, в 1852 г.— 1694, в 1853 г.— 3299 пудов¹¹⁹. С 1853 по 1859 г. для винных заводов Дербента было доставлено 54 328 ведер спирта. По данным дербентского губернатора, в 1855 г. в торговле Дербента с Астраханью было занято 133 парохода, на которых вывезено всевозможных товаров на сумму 560 202 руб. и привезено товаров на сумму 269 690 руб. Если даже в 30-х годах XIX в. (не говоря уже о времени до присоединения края к России) торговыми перевозками было занято всего 14 судов и вывозилось товаров на сумму не более 190 тыс. руб., то можно представить себе насколько возросла торговля Дербента с Астраханью¹²⁰. Начиная с 1858 г., когда на Каспии для перевозки грузов и пассажиров было создано общество «Кавказ и Меркурий» с капиталом в 3 млн. руб., усилилось морское сообщение и намного увеличился ввоз и вывоз товаров из Дербента.

Успешно развивалась и торговля Дагестана с Закавказьем. Горцы Дагестана прибывали по торговым делам в Кубу, Нуху, Баку, Телав, Тифлис и другие города, куда привозили для продажи продукты скотоводства и изделия кустарных промыслов.

Нуха, писал корреспондент газеты «Кавказ», очень скоро сделалась главным складочным центром для торговли Дагестана¹²¹. Среди ее «торгового сословия 25% были лезгины»¹²².

¹¹⁷ «Обозрение российских владений за Кавказом», ч. IV, стр. 179; «Кавказский календарь на 1852 г.», стр. 326.

¹¹⁸ Е. Козубский. История города Дербента, стр. 104.

¹¹⁹ ЦГА ДАССР, ф. 3, оп. 10, д. I, л. 9; «Кавказ», 1848, № 1; «Обозрение российских владений за Кавказом», ч. IV, стр. 179.

¹²⁰ «Кавказ», 1872, № 135.

¹²¹ Там же.

¹²² Там же, 1846, № 24.

Только в 1846 г. было привезено: наплечных бурок на сумму 1300 руб., сукна на 1240 руб., оружия на 1500 руб., овечьей шерсти и мерлушек на 8 тыс. руб. Нуху ежегодно посещало до 800 торговцев¹²³. Торговля Кубы, писал в 1842 г. В. Константинов, «состоит в снабжении товаром: Кумух, Курах, Ахты, Лучек и военные поселения»¹²⁴. Немало горцев прибывало со своими традиционными товарами и в другие торговые центры Закавказья. Однако уже в первой половине XIX в. Тифлис выделился как основной потребитель высокохудожественных ювелирных изделий мастеров Дагестана. В свою очередь горцы Дагестана в Закавказье покупали как местные, так и привозные товары русской и европейской промышленности. Очень приметна, свидетельствует современник, «возрастающая потребность мусульман даже в роскоши европейских изделий»¹²⁵.

В связи с развитием торговли с Россией и соседними провинциями Кавказа вырос товарооборот базаров в нагорном Дагестане. Кроме вышеуказанных центров торговли, «важные базары находятся в Кубе, Курахе, Кумухе, Акуше и Цудахаре»¹²⁶. Как торговые центры известностью пользовались также Араканы, Чох, Согратль, Анди и другие селения. Андаляльцы, писал А. Берже, «отличались предприимчивостью и в давнее время служили главными проводниками нашей (русской.— В. Г.) торговли с горцами»¹²⁷. В Анди, утверждает Н. Дубровин, «ежегодно съезжаются... торговцы, которые, закупая гуртом андийские бурки, отправляют их на линию и в Тифлис, а андийцам взамен их продают красный товар, железо, оружие, соль и кукурузу»¹²⁸.

Говоря о развитии торговли в нагорном Дагестане, Шамиль в беседе с Руновским подчеркнул, что торговлею занимались одни горцы и армяне. Ежегодный оборот торговца составлял «от 30 до 150 руб. Но были и такие, которые торговали на 1000 руб. Один из них Муса Кази-Кумухский производил торговлю на сумму 3—4 тыс. руб. Потребные в горах товары горцы приобретали в русских крепостях или в мирных аулах через тамошних жителей; или же, в особенных случаях, через лазутчиков и парламентариев. Так, во время переговоров о выкупе семейств кн. Чавчавадзе и Орбелиани, Муса Кази-Кумухский закупил в Хасавюрте товаров более чем на 3 тыс. руб.»¹²⁹ В основном у горцев пользовались спросом ситец, бурмет, нанка, парча, железо. С этими товарами горские торговцы

¹²³ «Кавказский календарь на 1850 г.», стр. 71.

¹²⁴ «Кавказский календарь на 1852 г.», стр. 337.

¹²⁵ «Кавказ», 1848, № 13.

¹²⁶ «Кавказский календарь на 1857 г.», стр. 336.

¹²⁷ «Живописная Россия», т. IX, 1883, стр. 82.

¹²⁸ Н. Дубровин. Указ. соч., т. I, кн. I, стр. 500.

¹²⁹ АКАК, т. XII, стр. 1521—1522.

«разъезжали по аулам на арбах, нередко на вьюках» до тех пор, пока не продадут все товары¹³⁰.

Из всего вышесказанного явствует, что уже в первой половине XIX в. Дагестан постепенно втягивался в сферу экономического развития России. В результате этого в экономике так называемого мирного Дагестана происходили значительные сдвиги. Сельское хозяйство постепенно стало приобретать товарный характер, развивались кустарные промыслы, проложены были имеющие важное значение в условиях Дагестана шоссейные и грунтовые дороги; благоустраивались старые и возникали новые населенные пункты. Намного увеличилось число отходников. Все это вело к изменениям в социальных отношениях. Следует, однако, отметить, что хозяйственное развитие Дагестана несомненно шло бы гораздо быстрее и результаты его были бы более ощутительны, если бы тому не препятствовали военные действия, происходившие в этот период, и колониальная политика царизма.

Несмотря на то, что в целом экономическое развитие шло медленно, все же те изменения, о которых шла речь выше, убедительно показывают, что присоединение Дагестана к России уже в первой половине XIX в. принесло глубоко прогрессивные экономические последствия.

---

¹³⁰ АКАК, т. XII, стр. 1522.

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН**

instituteofhistory.ru

ВЛИЯНИЕ РОССИИ НА ХОЗЯЙСТВЕННОЕ РАЗВИТИЕ ДАГЕСТАНА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В.

С окончанием военных действий царизм решил для «упрочения владычества России» ввести в Дагестане «сколько возможно правильную и справедливую администрацию», прочно укрепить важнейшие стратегические пункты, проложить надежные и во всякое время года удобные пути сообщения¹. Эти задачи, поставленные перед кавказским командованием, легли в основу устройства Дагестана. В 1860 г. Прикаспийский край (без выделенного Кубинского уезда и территории по левому берегу Андийского Койсу) был преобразован в Дагестанскую область, где введено так называемое военнo-народное управление. Дагестанская область была разделена на 4 «отдела»: Северный, Средний, Южный и Верхний Дагестан.

В Северный «отдел» входили: Присулакское наибство, шамхальство Тарковское, ханство Мехтулинское и Даргинский округ; в Южный Дагестан: Кайтаго-Табасаранский округ, ханство Кюринское и Самурский округ; в Средний Дагестан: Казикумухский и Гунибский округа, ханство Аварское и общества: Карата, Богулал, Цунта-Ахвах и Батлук, управление которыми было возложено также на хана Аварии. И, наконец, в Верхний Дагестан вошли Бежтинский и Закатальский округа (до выделения последнего из области). Кроме того, в области имелись и отдельные гражданские управления: градоначальство Дербента и управление Порт-Петровска.

Начальник области по военному управлению сохранял право командира корпуса, по гражданскому — действовал на правах генерал-губернатора. Начальниками военных округов назначали русских офицеров. Владения Тарковское, Аварское, Кюринское и Мехтулинское управлялись ханами, а Присулакское

¹ «Русская старина», 1859, стр. 287.

наибство — наибом. К каждому из них было назначено по одному помощнику из русских штаб-офицеров. «Военно-народное управление», хотя и было введено как временное, все же, изменяясь и совершенствуясь, сохранилось вплоть до свержения царизма в 1917 г.

В 1864—1865 гг. были упразднены ханства Аварское и Кюринское, из которых были образованы округа. В 1867 г., после отстранения от власти владетелей, из шамхальства Тарковского, ханства Мехтулинского и Присулакского наибства был образован Темир-Хан-Шуринский округ. В 1861 г. к Дагестану присоединено пять обществ Терской области. В 1863 г. из Дагестана выделена Закатальская область. В 1865 г. упразднено управление Верхним Дагестаном с причислением обществ к Андийским и Гунибским округам. Из Среднего Дагестана было образовано два «отдела»: средний и западный. В 1868 г. в связи с введением «Положения о сельских управлениях» ликвидированы бекские управления. После упразднения ханско-бекского управления в области осталось 9 округов: Аварский, Андийский, Гунибский, Даргинский, Казы-Кумухский, Кайтаго-Табасаранский, Кюринский, Самурский, Темир-Хан-Шуринский, а также Дербентское градоначальство и особое управление Порт-Петровска. Округа были разделены на наибства. Всего в Дагестане к концу XIX в. существовало 43 наибства и 30 участков².

Однако ликвидация ханско-бекского управления не означало, что царизм изменил свое отношение к феодальной верхушке Дагестана. Напротив, при ликвидации ханств «в правительственных видах» отстраненным от управления ханам были выданы крупные денежные суммы, установлены пенсии, отведены значительные земельные угодья. Кюринскому Юсуф-хану кроме жалованья 1618 руб. в год было назначено пожизненно (и детям после его смерти) 5 тыс. руб., отведен участок земли в 4000 десятин. Ибрагим-хану аварскому, кроме установленной пенсии в 4 тыс. руб., одновременно было выдано 30 тыс. руб. Владетелю Кайтаго, Северного и Южного Табасарана Ахмед-хану пожизненно была назначена пенсия в размере 500 руб. и отведен участок земли в 1523 десятины в Кайтаго-Табасаранском округе; майору Эльдар-кадию — пенсия 400 руб. в год и участок земли около 500 десятин, хану мехтулинскому оставлено все недвижимое имущество с правом пользования доходами, выдано единовременное пособие 100 руб. и пенсия 4 тыс. руб. Шамхал тарковский произведен в генерал-майоры и зачислен в свиту императора. Наряду с сохранением жалованья в 7 тыс. руб. ему установили пенсию 5 тыс. руб. К тому же в руках «туземной» знати оставалась власть в наибствах. Из них же назначались старшины и другие должностные лица.

² ИИЯЛ, Рукопис. фонд, д. 1304, л. 73.

Одновременно в области было введено новое судопроизводство. В центре области Темир-Хан-Шуре учрежден областной суд, с «депутатами от народа», разбиравший дела по законам Российской империи, в округах — так называемые окружные народные суды. Следует отметить, что на самом деле эти суды «даже по форме не являлись народными, так как состав их назначался командующими войсками области из эксплуататорских элементов»³. Окружные суды в основном руководствовались адатами, по шариату решали только духовные дела. Этим правительство предполагало «дать средства ввести в судилища как можно больше начал гражданских и сблизить их исподволь с порядком царского судопроизводства»⁴.

Из сказанного следует, что в военно-народном управлении ничего народного не было, это был обычный полицейский аппарат самодержавия, приспособленный к колониальным условиям. На это указывали даже дворянско-буржуазные историки. «Военно-народное управление,— писал С. Эсадзе,— преимущественно имело полицейский фискальный характер»⁵. Однако по сравнению с ханской властью, оно означало шаг вперед. Во-первых, единое управление означало ликвидацию феодальной раздробленности Дагестана. Во-вторых, отменялись существовавшие при ханах такие варварские способы наказания, как отрубание конечностей, отрезание ушей, выкалывание глаз и т. п. В-третьих, запрещалось и преследовалось убийство по кровомщению. В случае убийства виновные наказывались «как ослушники власти и, смотря по обстоятельствам, сопровождающим убийство, ссылались в арестантские роты или в Сибирь на поселение». Вместе с этим для прекращения обычая кровной мести новое управление собирало сведения «о враждующих за убийство» и приступило к примирению их. В 1865 г. в Кайтаго-Табасаранском округе из 302 враждующих семейств примирено было 264 семейства, в Даргинском — из 311 около 270, в Мехтулинском — из 13 семейств⁶.

В эти же годы шло строительство новых и ремонт старых шоссейных и грунтовых дорог, ведущих в горы Дагестана. В 1861 г. вновь была проложена шоссейная дорога от Муслимаула до Хаджал Махи, длиной более 67 верст; в Аварии закончено строительство шоссе от сел. Мурада до Карадахского моста и отсюда до сел. Гоцатль; окончена прокладка грунтовой дороги со стороны бывшей Лезгинской линии на Кадарском перевале и далее до Ора-Ущелии; проведены шоссейная дорога

³ «Очерки истории Дагестана», т. I. Махачкала, 1957, стр. 240.

⁴ «Русский архив», 1884, № 9, стр. 325.

⁵ С. Эсадзе. Историческая записка об управлении Кавказом, т. I. Тифлис, 1907, стр. 325.

⁶ А. Комаров. Адаты и судопроизводства по ним.— «Сборник сведений о кавказских горцах» (далее — ССКГ), вып. 1, стр. 46—47.

от Ашильтинского моста до Бахлуха, от Ашильтинского моста до Могоха и далее к Гочатлю; в Даргинском округе проведены дороги от сел. Кужали до Куппы и Кумуха; в шамхальстве Тарковском — от Карабудахента до Дешлагара; отремонтированы почтовые дороги от реки Самура до Дешлагара, от Маджалиса до Уркараха, от Дербента до Хучни, от Ахтов до Кубы и другие.

В следующем году было завершено строительство шоссейной дороги от Темир-Хан-Шуры до Кумуха и Гуниба. Всего в области в 1862 г. было сдано в эксплуатацию шоссейных дорог протяженностью около 200 км. Эти дороги прокладывались в военно-стратегических целях, причем эта работа, как правило, производилась не только воинскими частями, но и жителями области: так, в 1868 г. население Дагестана выставило 335 тыс. человек, несколько тысяч подвод и сотни лошадей. И это тогда, когда численность населения области, по официальным данным, составляла 462 тыс. человек⁷. Само собой разумеется, что так называемая дорожная повинность отрицательно сказывалась на положении горцев. Однако строительство шоссейных дорог имело важное значение. Для укрепления экономических связей Дагестана с Россией большое значение имело также строительство в 1861—1869 гг. гавани в Петровске и пристани в Дербенте⁸.

Административное переустройство области по времени совпадало с падением крепостного права в России. Действие крестьянской реформы 1861 г. не было распространено на Кавказ. Лишь после утверждения в 1867 г. Александром II акта от 5 февраля 1865 г. об уступке крестьянам половины владельческой земли, комиссия приступила к размежеванию земель между владельцами и крестьянами. До этого 166 феодалам принадлежало 386 422 десятины, а около 30 тыс. крестьян вовсе не имели земли. После размежевания за феодалами было оставлено 184 396 десятин, а 5297 дворов кумыкских крестьян получили 130 761 десятину земли, 1547 кочующих ногайцев — 70 413 десятин. Совершенно не были наделены землей 299 дворов чеченцев, салатавцев и других горцев, переселившихся на кумыкскую равнину после 1850 г., и 142 двора горских евреев, в то время как около 2000 десятин было передано «для особого назначения» в распоряжение кавказской администрации. В 1867 г. было проведено частичное освобождение феодально зависимых крестьян шамхала тарковского, хана мехтулинского и князя Казаналипова в количестве около 25 тыс. душ обоего пола. Одновременно было освобождено 1542 раба за выкуп по

⁷ ЦГА ДАССР, ф. 2, оп. 1, д. 192, л. 5; ССКГ, вып. I, стр. 8—12.

⁸ «Памятная книжка и адрес-календарь Дагестанской области». Темир-Хан-Шура, 1891, стр. 169—173.

установленной цене (за раба 150—300 руб., за рабыню 100—200 рублей, «но если девушка-караваш (рабыня.— В. Г.) красивая, то цена на нее возвышалась до 500—600 рублей»⁹.

Крестьянская реформа, проведенная крепостниками, не решила, да и решить не могла аграрного вопроса. И после реформы в собственности феодалов и казны оставались огромные площади земли. Так, во владении Темирова было 23 720 десятин земли, Аджаматовых — 23 720, Казаналипова — 13 486, Алибекова — 11 378, Каплановых — 8457 десятин земли. Каждый феодал владел землей, площадь которой превышала в 40 раз надел крестьянского дыма¹⁰. Количество же земель, принадлежащих государству, к концу XIX в. составляло более 200 500 десятин. Крестьянская реформа не изменила положения зависимых от беков узденей и райят. Ликвидация зависимых отношений этих категорий крестьян, несмотря на их протесты, затянулась до 1913 г.

Крестьянская реформа 60-х годов, хотя и коснулась только небольшой части феодально зависимых крестьян, все же имела важное прогрессивное значение, способствовала социально-экономическому развитию края. Серьезное значение имело и освобождение рабов. Однако едва ли будет правильно, как это делают некоторые исследователи, переоценивать значение этих реформ и считать их рубежом между феодализмом и капитализмом. В зарождении капиталистических отношений в Дагестане, как увидим ниже, решающую роль сыграли не куцые реформы 60-х годов, а развитие в России капитализма вширь.

Неразрывную связь между экономикой России и экономикой ее окраин с предельной ясностью показал В. И. Ленин. В своем гениальном труде «Развитие капитализма в России» В. И. Ленин писал: «Развитие промышленности в центральной России и развитие торгового земледелия на окраинах стоят в неразрывной связи, создают взаимно рынок одно для другого... Только благодаря тесной связи с внутренним и внешним рынком могло идти так быстро экономическое развитие этих местностей»¹¹. В. И. Ленин отмечал: «Русский капитализм втягивал... Кавказ в мировое товарное обращение, нивелировал его местные особенности — остаток старинной патриархальной замкнутости, — создавал себе рынок для своих фабрик. Страна слабо заселенная в начале пореформенного периода или заселенная горцами, стоявшими в стороне от мирового хозяйства и даже

⁹ Х. Х. Рамазанов. Крестьянская реформа в Дагестане.— «Ученые записки ИИЯЛ», т. II. Махачкала, 1957, стр. 84—85. В статье С. Ш. Гаджиевой «К вопросу о крестьянской реформе у кумыков» («Ученые записки Дагестанского жен. пед. ин-та», т. I. Махачкала, 1957, стр. 52—58) приводятся несколько иные данные.

¹⁰ Х. Х. Рамазанов. Указ. соч., стр. 89.

¹¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 3, стр. 253—254.

в стороне от истории, превращалась в страну нефтепромышленников, торговцев вином, фабрикантов пшеницы и табака»¹². Само собой разумеется, что Дагестан, являющийся частью Кавказа, не мог оставаться в стороне от этого процесса, который открывал широкие возможности для развития торгового земледелия и скотоводства, способствовал появлению фабрично-заводских предприятий. Все это показывает, что русский капитализм играл прогрессивную роль в развитии экономики и культуры окраин, в том числе и Дагестана. Однако, говоря об этом, ни в коей мере нельзя забывать об исторически преходящем характере капитализма. Признание прогрессивной роли капитализма, учит В. И. Ленин, «...вполне совместимо... с полным признанием отрицательных и мрачных сторон капитализма, с полным признанием неизбежно свойственных капитализму глубоких и всесторонних общественных противоречий, вскрывающих исторически преходящий характер этого экономического режима»¹³. В. И. Ленин подвергал резкой критике тех, которые считали, что «...будто признавать историческую прогрессивность капитализма значит быть апологетом его...»¹⁴

В пореформенный период Дагестан был типичным краем земледелия и отгонного животноводства. Как отмечалось выше, крестьянская реформа не решила вопроса о земле. При крайнем недостатке удобных для пахоты земель в Дагестане феодалы и казна владели огромными угодьями, причем часть государственных земель царское правительство снова отдавало местным феодалам и тем самым задерживало разрушение феодального землевладения; часть земли переходила в собственность русским офицерам и чиновникам кавказской администрации. Крупные земельные угодья были переданы царским сановникам Воронцову-Дашкову, Аргутинскому-Долгорукому, Бенкендорфу, Лазареву, Данилевскому, Кожевникову, Кривенко, Пыльцову, Клерину, Егорову и другим, а также и русским переселенцам. Поощряя переселение, «правительство полагало,— писал А. Долгушин,— что приток русского земледельческого населения... окажет значительное культурное влияние на туземное население в смысле приобщения его к мирному занятию земледелием, а также надеясь, что в смеси с русским населением туземцы скорее забудут свое обособление от русских и взаимную вражду»¹⁵.

Масса крестьян-переселенцев устремилась в северные и приморские районы Дагестана в 90-х годах в связи с голодом в России, охватившим территорию от Черного моря до Урала.

¹² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 3, стр. 594—595.

¹³ Там же, стр. 597.

¹⁴ Там же.

¹⁵ А. Долгушин. Переселение в Тверскую область из внутренних губерний России. Владикавказ, 1907, стр. 7—8.

Но высшей точки колонизация края достигла в конце XIX—начале XX в., после того как было разрешено селиться в области, где существовало «военно-народное управление». Наибольшее число крестьян-переселенцев поселилось на кумыкской равнине, где они основали населенные пункты: Владимировка, Романовка, Новоалексеевка, Новоромановка, Новосеребровка, Новониколаевское, Преображенское, Измайловское, Покровское. Они расселились также в Хасавюрте, Чир-Юрте, Энديرей-ауле. Были основаны хутора в Темир-Хан-Шуринском округе: Темировка, Нечаевка, Еремеевка, а также в Ишкартах, Дешлагаре и в городах Петровске, Темир-Хан-Шуре и Дербенте.

Переселенческая политика царизма вместе с передачей крупных земельных массивов русским дворянам безусловно ухудшила положение крестьян Дагестана. Но вместе с тем переселение русских крестьян по своим социально-экономическим последствиям имело объективно прогрессивное значение. В экономику Дагестана начали проникать элементы капиталистических отношений. Появились условия для более тесного общения горцев Дагестана с трудовым русским крестьянством. Под влиянием культурно-экономического общения с русским народом жители Дагестана, сначала равнинного, а затем и предгорного, стали использовать в хозяйстве более усовершенствованные орудия, привозимые из России: железные плуги, сеялки (в том числе и кукурузные), косилки, веялки, молотилки и другие.

Дальнейший же рост посевных площадей, особенно в равнинных и предгорных районах, зависел от совершенствования оросительной системы. В этом отношении в пореформенный период не без влияния Центральной России была проведена значительная работа. Особенно большие успехи были достигнуты на кумыкской равнине. Известно, что кумыки издавна пользовались искусственным орошением полей, для этого они, как правило, использовали воды малых рек: Акташа, Яман-су и других. Но воды больших рек в силу ряда причин, из которых не последнее место занимала общая техническая отсталость, не использовались для орошения полей. И лишь в 70-х годах начинаются работы по использованию вод Сулака и Терека. В 1873—1874 гг. был сооружен оросительный канал Юзбаш-Сулак-татавул протяжением в 160 км; реконструирована Шабуровская система каналов длиной в 120 км, способная оросить более 21 000 десятин земли. Были построены каналы Юзбаш-Терек-татавул длиной около 40 км, орошающий около 3800 десятин земли. Построен 60-километровый Волховский канал, орошавший свыше 8000 десятин земли.

В Темир-Хан-Шуринском округе был вырыт Султан-Янги-Юртовский канал длиной 16 км; в Южном Дагестане — Мутерлинский канал, бравший начало из реки Самур, протяженностью 21 км. В 1893 г. в Дагестане (без кумыкской равнины)

было построено и реконструировано более 200 оросительных каналов общей протяженностью около 900 км.

В последующие годы оросительная система области совершенствовалась, только в 1893 г. в Аварии были построены оросительные каналы длиной 19 км, в Даргинском округе — более 20 км¹⁶. Начато было строительство канала от реки Сулак к Петровску длиной около 100 км, рассчитанного для орошения 50 тыс. десятин земли¹⁷.

В развитии оросительной системы серьезное значение имело подчинение Дагестанской области водному управлению на Кавказе и учреждение должности инженера-гидровика в Дербенте. Проведение новых и реконструкция старых каналов дали сильный толчок быстрому росту посевных площадей. В первый же год строительства Юзбаш-Сулак-татавул жители Байрамаула «обрабатывали около 800 десятин, вместо 350, как это было прежде, и полагают заняться хлебопашеством на 4500 десятинах, оставшихся до сих пор по недостатку воды исключительно лишь под пастбищами и покосами»¹⁸.

О росте зернового хозяйства Дагестана свидетельствуют данные табл. 2:

Таблица 2

Посевы и сбор зерновых в Дагестане в 1886 и 1900 гг. в (четвертях)*

Округа	1886 г.		1900 г.	
	посеяно	собрано	посеяно	собрано
Хасавюртовский	25 096	189 001	26 765	191 401
Темир-Хан-Шуринский	24 574	87 217	30 060	158 885
Кайтаго-Табасаранский	19 459	104 751	43 195	158 986
Кюринский	28 600	206 645	55 527	190 207
Итого	97 729	587 614	155 547	699 479

* Таблица составлена по данным «Кавказских календарей», «Обзоров Дагестанской области» и отчетов начальника Терской области за 1886 и 1900 гг.

Соответственно росту земельных площадей и сбора урожая увеличилось производство хлеба на душу населения. Если в 1886—1891 гг. на душу населения в Дагестанской области приходилось 1,41 пуда, то в 1900—1904 гг. — 1,88 пуда, если в Хасавюртовском округе в 1891—1895 гг. приходилось 1,7 пуда, а в 1896—1900 гг. — 2,2 пуда, то в 1900—1905 гг. — 2,7 пуда¹⁹.

¹⁶ «Кавказский календарь на 1893 г.», стр. 145—146; «Памятная книжка и адрес-календарь Дагестанской области». Темир-Хан-Шура, 1901, стр. 47—50.

¹⁷ В. С. Кривенко. Очерки Кавказа. СПб., 1893, стр. 210.

¹⁸ С. Ш. Гаджиева. Указ. соч., стр. 165.

¹⁹ А. Г. Мелешко. Развитие капиталистических отношений в сельском хозяйстве Дагестана в конце XIX—начале XX в. Канд. дисс. М., 1957, стр. 296—297

Среди зерновых культур преобладающее место в Дагестане занимали озимая пшеница и ячмень. Ими в 1893 г. засеивались 79,1% всех посевных площадей (без Хасавюртовского округа). Значительное развитие в пореформенный период получило выращивание кукурузы. Если в 80-х годах кукуруза занимала всего 1,5% засеваемых площадей, то в 1899 г.—5,3%, иначе говоря, удельный вес этой культуры за указанные годы возрос более чем в 3 раза. Еще быстрее расширялись ее посевы в Хасавюртском округе. Производимая на равнине кукуруза сбывалась жителям нагорного Дагестана и вывозилась за пределы области и даже через Петровск экспортировалась в Иран.

Как видно из табл. 3, за пять лет (1895—1900 гг.) вывоз зерна, в том числе и кукурузы, увеличился на 128,8 тыс. пудов. Эта же таблица показывает, что наибольшее количество вывозимого, а следовательно, и товарного хлеба падало на Хасавюртовский округ.

Таблица 3

Вывоз зерна из Дагестана по Владикавказской железной дороге в 1895—1900 гг. (в тыс. пудов)*

Годы	Хасавюрт	Чир-юрт	Петровск
1895	307,0	1,0	6,0
1896	143,0	4,0	6,0
1897	129,0	Нет сведений	8,0
1898	151,0	3,0	16,0
1899	267,0	36,0	7,0
1900	271,0	41,0	109,1
Итого	1268,0	85,0	154,1

* Таблица составлена по данным А. Г. Мелешко. Развитие капиталистических отношений в сельском хозяйстве Дагестана в конце XIX—начале XX в. Канд. дисс. М., 1957, стр. 452. За 1900 г. из Манаса вывезено зерна 9,9 тыс. пудов, из Мамед-кале—2,8, из Кая-кента—3,4, из Дербента—5,2 тыс. пудов.

В пореформенный период происходили значительные изменения в животноводстве области в сторону увеличения поголовья скота и улучшения его пород, чему во многом содействовали прекращение военных действий и отмена ограничительных мер. Со времени окончания Кавказской войны, писала газета «Кавказ», в Дагестане «заметно увеличиваются стада овец»²⁰.

Как видно из табл. 4, несмотря на некоторые колебания, связанные главным образом со стихийными бедствиями, непогодой

²⁰ «Кавказ», 1861, № 84.

и большими снегопадами (1898—1899 г.), в целом в области поголовье скота увеличилось. Ведущее место в скотоводческом хозяйстве занимало овцеводство. Среди округов на первом месте стоял Самурский округ, где в 1897 г. овец и коз насчитывалось 315 638 голов; второе место занимал Андийский округ, по крупному рогатому скоту соответственно Темир-Хан-Шуринский округ, где в том же 1897 г. насчитывалось 55 910 голов, и Кайтаго-Табасаранский округ.

Развитию животноводства и особенно овцеводства в Дагестане препятствовала крайняя ограниченность кормовой базы. В 1892 г. имеющихся здесь «пастбищ уже не хватало на прокормление наличного числа овец»²¹.

Между тем, как показано выше, поголовье скота в области все же росло, и по общей численности скота Дагестан занимал одно из ведущих мест в Российской империи. Средняя обеспеченность скотом горцев Дагестана была выше, чем во многих соседних областях и в Центральной России. В то время как в Чечено-Ингушетии на 100 душ населения скота приходилось 309 голов, у терских казаков — 358, в Дагестане — 389,5 головы. Однако при сопоставлении этих данных необходимо иметь в виду низкую продуктивность местного скота. По убойному весу, удоям молока и по настригу шерсти скот в Дагестане давал в 5 или 6 раз меньше, чем скот в Центральной России. Кроме того, отмечая довольно высокий уровень обеспеченности скотом горцев Дагестана, следует учесть крайнюю неравномерность распределения между отдельными группами населения. Здесь имелось немало хозяйств, совершенно не имевших скота. В то же время все более увеличивалось поголовье скота у отдельных разбогатевших крестьян. Этот процесс концентрации овец в крупных хозяйствах особенно интенсивно протекал в пореформенный период.

С увеличением поголовья скота вырос объем торговли скотом и продуктами животноводства. Если в 1892 г. в Аварском округе было продано скота, шерсти, шкур и других продуктов животноводства на сумму 33 168 руб., то в 1899 г. (в год общего сокращения поголовья) на 69 071 руб. В Темир-Хан-Шуринском округе в 1892 г. было выручено 89 788 руб., а в 1896 г. — 210 087 руб. В Гунибском округе в 1899 г. из настриженных 9531 пуда шерсти продали 5765 пудов на сумму 27 917 руб. В Самурском округе в том же году было продано шерсти на 72 905 руб. 26 коп. и скота на 39 090 руб. Аналогичная картина наблюдалась и в других округах. Значительная часть продуктов животноводства сбывалась за пределами области в Нухе, Кубе и других местностях, вывозилась по железной дороге и по морю через Порт-Петровск. Так, только в 1899 г. из Дагестана (без

²¹ «Кавказский календарь на 1893 г.», стр. 151.

Рост поголовья скота

Виды скота	1890 г.	1891 г.	1892 г.	1893 г.
Крупный рогатый скот	306 235	315 863	332 394	290 455
Овцы и козы	1 739 583	1 655 003	1 712 115	1 443 594
Лошади	38 793	45 854	43 386	40 730
Ослы и мулы	34 846	32 654	34 466	31 577
Свиньи	100	83	Нет сведений	214
Итого	2 419 557	2 049 457	122 361	1 806 570

* Таблица составлена по данным «Обзоров Дагестанской области» и «Кавказских календа-

Хасавюртовского округа) было вывезено 282 пуда свежего мяса крупного рогатого скота, 51 пуд свинины, 1199 пудов кишок (из них 590 пудов в Бухару), 11 150 невыделанных кож крупного рогатого скота, из них 2700 в Воронежскую губернию, 2500 — в Нижегородскую, 2000 — в Курскую; 25 123 невыделанные кожи мелкого рогатого скота, из них 8500 штук в Харьковскую губернию, 6000 — в Курскую, 5100 — в Полтавскую; 385 пудов шерсти овечьей, из них 235 в Нижегородскую, 412 пудов рогов и копыт в Ставропольскую и 1450 пудов костей в Варшавскую губернии²². Наибольшее количество свежего мяса продавалось в Баку. В начале XX в. продукты животноводства Дагестана сбывались в 23 губерниях России и вывозились за границу, в частности в Австро-Венгрию. Само собой разумеется, что такой широкий сбыт мог осуществляться лишь после строительства железной дороги, связавшей Дагестан как с Закавказьем и его промышленным центром Баку, так и с центральными губерниями России. Необходимо отметить, что в описываемое время все большую и большую роль, особенно в нагорном Дагестане, начинают играть скупщики, которые скупали шерсть, кожи, масло и другие продукты животноводства и перепродавали приезжающим предпринимателям. Между овцеводами, сбывающими шерсть, и фабрикантами, писал в 90-х годах исследователь экономики Кавказа Гулишамбаров, «стоит целый ряд скупщиков»²³.

Выше уже говорилось о состоянии садоводства в первой половине XIX в. в равнинных и предгорных районах Дагестана. Прекращение военных действий, создание сети шоссейных дорог и особенно строительство порта в Петровске и железной дороги

²² См. «Обзоры Дагестанской области...» за 1892—1899 гг.

²³ С. Гулишамбаров. Обзор фабрик и заводов в Закавказском крае. Тифлис, 1894, стр. 240.

в Дагестане в 1891—1899 гг.*

1894 г.	1895 г.	1896 г.	1897 г.	1898 г.	1899 г.
308 453	330 977	347 963	344 319	275 675	305 641
1 631 631	1 804 235	1 793 514	1 824 697	1 633 809	1 687 727
42 080	45 082	43 969	42 229	39 533	44 541
34 309	38 647	37 382	40 045	37 148	37 591
231	499	764	1596	1046	970
2 016 704	2 219 440	2 223 592	2 252 886	1 987 211	2 076 470

рей» за 1891—1899 гг. В таблицу не входят данные по Хасавюртовскому округу.

через Дагестан дали сильный толчок для быстрого развития садоводства и особенно виноградарства.

К сожалению, из-за отсутствия надежных статистических данных нет возможности дать полную картину роста садоводства и виноградарства во второй половине XIX в. Однако имеющиеся в «Обзорах Дагестанской области», «Кавказских календарях» и в других источниках материалы не оставляют сомнения в интенсификации этих отраслей сельского хозяйства. В развитии садоводства в Дагестане одно из ведущих мест занимал Дербентский район, специализировавшийся преимущественно на разведении винограда. Имеющиеся в нашем распоряжении данные показывают, что в Дербенте неуклонно росли площади под виноградниками. Только в 1879 г. их размеры увеличились на 300 десятин, а в 1892 г.— на 72 десятины. Если вся площадь виноградников в Дербенте в 1886 г. составляла 1113 десятин, то к 1897 г. она достигла 1302 десятин и 964 кв. сажен²⁴. Одновременно улучшались сорта винограда. Все большее распространение получали привозные высококачественные французские и грузинские сорта: мускат, пино-гри, бордо, саперави, ркацител и др. Постепенно повышалась культура ухода за виноградниками. Немалая заслуга в этом принадлежала организованному правительством образцовым садам, которые всем желающим бесплатно давали чубуки виноградных лоз и черенки для прививки. Все это способствовало повышению урожайности винограда. По данным обзора Дагестанской области, в 1897 г. в Дербенте было собрано 537 320 пудов винограда.

Другим процессом, наблюдавшимся во второй половине XIX в., было сокращение числа мелких садовладельцев и за счет этого увеличение площади крупных садов. Этот процесс концентрации садов особенно усилился в середине 90-х годов.

²⁴ «Обзор Дагестанской области за 1897 г.», б/м, стр. 28.

Большое развитие в пореформенный период получило виноградарство в Кайтаго-Табасаранском округе. Если ранее здесь имелось всего лишь несколько виноградников, то к 1897 г. число их достигло 2826²⁵. Наиболее крупными из них владели братья Тумаевы — 158 десятин, близ станции Мамед-Кала, гр. Воронцов-Дашков в местности Геджух — 108 десятин, Кривенко — 100 десятин, дворянин Лазарев — 20 десятин близ сел. Джеми-кент²⁶. В этих садах культивировались лучшие сорта виноградаря. В этом отношении особенно выделялся виноградник Воронцова-Дашкова. До основания этого сада в Геджухе были выкорчеваны лес и кустарник, «произведен сплошной перевал (плантаж)». Для орошения виноградника были проведены искусственные оросительные каналы. Вся площадь под виноградниками была засажена европейскими сортами: рислинг, семильон, тролинер, пино-гри, педро-хименес, заид, саперави, вердальо, кабернэ, бордо, шало, мускат, мцивани, ркацителы, александрийский, кахетинские и др.; и отчасти местными сортами: нарма, гилиби, гимринский, агадан, ага-изюм и др. Вместе с этим здесь применялись более совершенные методы обработки земли и ухода за виноградниками.

Посадка лозы производилась правильными шпалерами, а для обработки почвы применялись усовершенствованные орудия²⁷.

До окончания Кавказской войны виноградарство в Темир-Хан-Шуринском округе было слабо развито. Небольшие сады близ Тарков, Султан-Янги-Юрта, Карабудахкента не имели промышленного значения. Что же касается виноградников Петровска и Кумторкалы, как отмечалось в предыдущей главе, они возникли в середине XIX в. и к концу Кавказской войны достигли значительных размеров. В Темир-Хан-Шуре виноградные сады стали возникать в 60-х годах XIX в. Однако интенсивное развитие виноградарства в Темир-Хан-Шуринском округе началось лишь в середине 90-х годов после строительства порта в Петровске и железной дороги. В 1897 г. число виноградных садов достигло 789 общей площадью 439 десятин 781 кв. сажень²⁸. Много виноградных садов было сосредоточено в районе Петровска, Кумторкалы и отчасти Карабудахкента. Здесь, хотя и в меньшем количестве, чем в вышеуказанных центрах виноградарства, были крупные садовладельцы, которые культивировали высококачественные сорта винограда и применяли более совершенные орудия труда. Примером этого может служить виноградный сад Турпаева площадью 20 десятин, Мирзаханова —

²⁵ «Обзор Дагестанской области за 1897 г.», стр. 29.

²⁶ «Обзор Дагестанской области за 1899 г.», стр. 56.

²⁷ А. П. Григорьев. Хозяйственно-экономический очерк виноградарства и виноделия Дагестана в прошлом и в настоящем. Одесса, 1929, стр. 27—28.

²⁸ «Обзор Дагестанской области за 1897 г.», стр. 28.

площадью 10 десятин и других. Во второй половине XIX в. значительно развилось виноградарство и на кумыкской равнине и в других предгорных и горных районах Дагестана. Однако серьезный ущерб развивающемуся виноградарству Дагестана нанесли начавшиеся в 90-х годах грибковые болезни. В связи с этим урожаи винограда стали заметно снижаться, а в ряде мест виноградники стали гибнуть. Многие садовладельцы, особенно крестьяне, стали превращать виноградники в кукурузные поля, как это было, например, в районе Кумторкалы, или вообще забрасывать их. Только «интеллигентные и состоятельные садовладельцы приступили к лечению своих виноградников». Помощь садоводам оказал Кавказский филлоксерный комитет, распространивший в 1898 г. свою деятельность и на Дагестанскую область²⁹. Агенты этого комитета, разъезжая по садовым районам области, производили на казенный счет показательное лечение виноградников, знакомили садовладельцев как со способами борьбы с врагами виноградной лозы, так и с улучшенными приемами ухода. За эти же годы происходило увеличение площадью, занятых фруктовыми садами³⁰. «Садоводство,— писал в 1874 г. темир-хан-шуринский полицмейстер,— с каждым годом увеличивается, и породы деревьев улучшаются»³¹. Но особенно интенсивно стало развиваться садоводство в середине 90-х годов XIX в., что убедительно показывают следующие данные. Если в Темир-Хан-Шуринском округе под фруктовыми садами в 1892 г. было занято 176 десятин, то к 1899 г. свыше 359 десятин.

В 1892 г. в Аварском, Гунибском, Даргинском, Кайтаго-Табасаранском и Самурском округах под фруктовыми садами было занято 1790 десятин, 479 кв. сажен (сюда отнесены также виноградники Аварского, Кайтаго-Табасаранского и очевидно Кюринского округов), в 1899 г. площади, занятые только под фруктовыми садами, в указанных округах составили более 1995 десятин. Однако при общем увеличении площадей число садов ежегодно сокращалось. Так, если в 1897 г. в Дагестанской области имелось 8849 садов, то в 1899 г.— до 7287 садов³², т. е. только за два года число их сократилось на 1562. Все это говорит о том, что в области интенсивно шел процесс концентрации садов в руках крупных садовладельцев.

Во многих садах плодовые деревья облагораживались посредством прививки и окулирования. Одновременно производилось насаждение высококачественных сортов, завозимых в Дагестан из Крыма и других центров садоводства. Известную роль в распространении передовых приемов агротехники в Дагестане

²⁹ «Обзор Дагестанской области за 1899 г.», стр. 61—62.

³⁰ «Кавказский календарь на 1893 г.», стр. 149—150.

³¹ ИИЯЛ, Рукопис. фонд, д. 1284, л. 81.

³² Обзоры Дагестанской области за указанные годы.

и особенно в его южных районах имела открытая в 1886 г. в Кубе школа садоводства. Положительное значение имела и организованная осенью 1896 г. в Баку выставка продукции садоводства, где экспонировались лучшие сорта не только Бакинской губернии, но и Дагестана, прикаспийской части Терской области и Ставропольской губернии, читались лекции по садоводству³³.

Что же касается огородничества, то оно в области было слабо развито. Из овощей разводили для домашних нужд лук, чеснок, морковь и фасоль. Еще в середине XIX в. горцы Дагестана не культивировали такие ценные культуры, как картофель, капуста, помидоры, демьянки, которые проникли в Дагестан с русскими переселенцами. Лишь в 80-х годах XIX в. (и то в небольших размерах) стали выращивать картофель, а там, где позволяли климатические условия, наряду с арбузами, дынями стали разводить капусту, помидоры, баклажаны, салат, огурцы и другие овощи.

В значительных размерах огородничество стало развиваться с середины 90-х годов XIX в., причем наибольшее развитие оно получило вблизи городов и населенных пунктов, где проживало русское население.

Данные по Дербенту не оставляют сомнения в значительном росте площадей огородов. Если в 1886 г. под огородными культурами было занято всего 5,5 десятины, то в 1890 г. — 79 десятин, а в начале 1900 г. — 100 десятин (в этом же году в Петровске было 9,5 десятины, а в Хасавюртовском округе — 120 десятин огородов)³⁴.

В описываемое время огородничество, хотя и более медленными темпами, чем на равнинах, развивалось и в нагорном Дагестане, что можно видеть из следующих данных. Если в 1891 г. в Аварском округе при удовлетворительном урожае собрано было 439 пудов лука, 503 пуда чеснока, то в 1899 г. собрано 835 пудов лука, 580 пудов чеснока, 1095 пудов фасоли. Огороды здесь разводили преимущественно жители селений Хунзах и Хины, «продающие их продукты в укрепление и слободу Хунзах». В Гунибском округе только в середине 90-х годов стали культивировать картофель; в 1899 г. было засеяно 356 пудов, собрано 795 пудов. В Андийском округе «огородничество более развивалось в местах пребывания окружной администрации и войск». В Самурском округе жители селений Ахты и Мискинджа собрали в 1899 г. картофеля, капусты, лука, моркови и чеснока 4500 пудов³⁵.

³³ А. С. Сумбат-заде. Сельское хозяйство Азербайджана в XIX в. Баку, 1958, стр. 236—237.

³⁴ А. Г. Мелешко. Указ. соч., стр. 373.

³⁵ «Кавказский календарь на 1893 г.», стр. 149; «Обзор Дагестанской области за 1899 г.», стр. 66—67.

В конце XIX в. в ряде мест Дагестана интенсивно развивалось огородничество и, что особенно важно, здесь стали культивировать завезенные русскими картофель, помидоры и другие овощи. С развитием огородничества владельцы крупных огородов, а также фруктовых садов и виноградников стали все более и более прибегать к найму рабочей силы. «Возведение садов,— говорится в „Обзоре“ — в Дагестанской области обеспечивает существование многих садовладельцев и дает заработок тысячам рабочих»³⁶.

Более всего наемный труд применялся в виноградарских хозяйствах Дербента и в других центрах этой культуры, куда ежегодно прибывали тысячи горцев, поступающих на поденную работу по сбору и обработке урожая. В некоторых крупных хозяйствах имелись и постоянные работники.

Продукты садоводства «в виде свежих и сушеных фруктов, а также свежих, сушеных и моченых овощей, кроме употребления на месте, вывозились в другие области и губернии, в том числе в Москву и Петербург». Особенно заметно увеличился вывоз фруктов, винограда и овощей после строительства железной дороги, открывшей новые рынки с обширным спросом и облегчившей транспортировку в Центральную Россию. «С этого времени количество отправляемых из Дагестанской области в Европейскую Россию свежих фруктов с каждым годом все более и более начало увеличиваться» и к концу XIX в. достигло внушительных размеров. Если в 1894 г. по железной дороге из области было отправлено 16 000 пудов всевозможных фруктов и 9600 пудов овощей, то в 1900 г.— уже 19 946 пудов свежих и сушеных фруктов, 93 586 пудов овощей. Мы не располагаем данными о вывозе винограда за указанные годы. По данным же за 1901 г., из области было вывезено 49 200 пудов³⁷. Рост вывоза фруктов, винограда и овощей каботажом через Дербент и Порт-Петровск показывают следующие данные. Так, если в 1891 г. из Дербента было вывезено морем 44 990 пудов, в 1894 г.— 100 000 пудов, то в 1899 г. вывезено было 109 536 пудов фруктов и плодов на сумму 109 586 руб., а через Порт-Петровск в том же 1899 г. было вывезено 54 000 пудов³⁸. Кроме того, из области ежегодно вывозилось 10—15 тыс. пудов сладких и горьких косточек абрикоса для кондитерских предприятий Центральной России. Однако транспортировка фруктов, особенно свежих, из отдаленных от железной дороги центров садоводческой культуры (Аварского, Гунибского, Даргинского, Андийского и Самурского округов) была сопряжена с серьезными трудностями. Поэтому нередко садовладельцы сбывали фрукты «на месте скупщикам, приезжа-

³⁶ «Обзор Дагестанской области за 1899 г.», стр. 54—55.

³⁷ А. Г. Мелешко. Указ. соч., прилож. № 12.

³⁸ «Обзор Дагестанской области за 1899 г.», стр. 63.

ющим из разных мест края, частично вывозили на продажу в города: Темир-Хан-Шуру, Петровск, Грозный»³⁹. Со временем скупщики стали прибывать в область не только из Дагестана, но и из других городов Кавказа и даже Центральной России⁴⁰. Как приезжие, так и местные скупщики беззастенчиво эксплуатировали мелких товаропроизводителей. В результате этого доходы от садоводства и огородничества постепенно из рук непосредственных производителей стали переходить в руки скупщиков.

На базе быстро развивающегося торгового земледелия в крае стали появляться предприятия по обработке продуктов сельского хозяйства для вывоза в Центральную Россию. Заведения, производящие техническую переработку земледельческого продукта, указывает В. И. Ленин, «либо составляют часть тех самых хозяйств, в которых добывается сырой продукт, либо принадлежат особым промышленникам, скупающим продукт у сельских хозяев. В политико-экономическом отношении различные между обоими этими типами несущественно. Рост сельскохозяйственных технических производств имеет очень важное значение в вопросе о развитии капитализма. Во-1-х, этот рост представляет из себя одну из форм развития торгового земледелия и притом именно такую форму, которая с особенной рельефностью показывает превращение земледелия в одну из отраслей промышленности капиталистического общества. Во-2-х, развитие технической обработки сельскохозяйственных продуктов бывает обыкновенно неразрывно связано с техническим прогрессом сельского хозяйства...»⁴¹.

Примером в этом отношении могут служить предприятия по переработке винограда, фруктов и овощей. В предыдущей главе отмечалось, что в середине XIX в. виноделие в Дагестане достигло известных успехов. Однако бурное развитие виноделия в области началось только в пореформенный период.

Центрами винодельческой промышленности, продукция которой в основном сбывалась в Центральной России, являлись Дербент, Кайтаго-Табасаранский и Темир-Хан-Шуринский округа, Кизляр. Как и ранее, этим в области, как правило, занимались русские, армяне и горские евреи; мусульмане, которым религия ислама запрещала готовить и употреблять вино, виноделием не занимались, а продавали выращенный ими виноград предпринимателям. В один из центров виноградарства — Кумторкалу приезжали виноделы из Темир-Хан-Шуры, Петровска, Терской области. В Аварском округе виноделием занимались

³⁹ «Кавказский календарь на 1893 г.», стр. 150.

⁴⁰ Там же; М. Б а л а с с. Виноделие в России, ч. III. СПб., 1897, стр. 364—365, 395; «Кавказ», 1890, № 222.

⁴¹ В. И. Л е н и н. Полн. собр. соч., т. 3, стр. 284.

торговцы слободы Хунзах, урочища Кардах, предприниматели Темир-Хан-Шуры. При таком положении крестьяне-садовладельцы не только не получали тех выгод, которые могли бы получить, но и попадали в кабальную зависимость от скупщиков. Для своих же надобностей мусульмане приготавливали напиток «джаба», отличающийся от вина тем, что виноградный сок до его брожения подвергается кипячению. Только в самые последние годы XIX в. ряд садовладельцев-мусульман стал тоже заниматься приготовлением вина.

Серьезным препятствием в развитии виноделия области являлись также слабость технических знаний виноделов и отсутствие у многих из них погребов для хранения вина. Виноград давили ногами в деревянных корытах — тарпонах. Ни прессов, ни фильтров виноделы области не знали. Одним из первых стал применять более совершенные способы выделки вина отставной лекарь Любачевский. В 1862 г. в Дербенте он построил довольно вместительный погреб со всеми приспособлениями для производства и хранения вина, на что израсходовал более 6000 руб. «Этот подвал, — по словам Е. Козубского, — по рациональности и капитальности считался единственным в крае. Вино он выделял выдержанное и очищенное, без всяких примесей»⁴².

Впоследствии рациональное виноделие было организовано не только в Дербенте, но и во вновь возникших центрах виноделия, какими явились Кайтаго-Табасаранский округ, Порт-Петровск и др. В частности, в имении гр. Воронцова-Дашкова «Геджух» были построены винодельня, бродильня, снабженная виноградавилокками, прессами, бродильными чанами, фильтрами и огромными подвалами для хранения вина. Стало быть, русские люди не только завезли в Дагестан высококачественные крымские и европейские сорта винограда, но и впервые организовали технически усовершенствованные предприятия по переработке винограда. Все это, как и следовало ожидать, незамедлительно сказалось на росте производства вина и улучшении качества его. К сожалению, мы не располагаем полными статистическими данными о производстве вина в 60—80-х годах XIX в. в области в целом. Данные же 90-х годов XIX в. несколько занижены, так как в это время виноградники были поражены грибковыми болезнями (см. табл. 5).

Снижение производства вина в 1899 г. по сравнению с 1897 г. объясняется прежде всего неблагоприятными условиями погоды (сильные заморозки и т. д.). Но, как видно из приведенной таблицы, даже в годы наименьшей выделки вина в Дагестане, производство его достигло огромных по тому времени размеров.

Значительная часть производимого в Дагестане вина выво-

---

⁴² Е. Козубский. История города Дербента. Темир-Хан-Шура, 1906, стр. 221.

Производство виноградного вина в Дагестане в 1892—1899 гг. (в ведрах)*

Города и округа	1892 г.	1894 г.	1896 г.	1897 г.	1899 г.
Дербент	52 000	60 000	120 000	226 000	178 464
Петровск	12 000	25 000	116 000	14 621	1 600
Темир-Хан-Шура	200	Нет свед.	10 135	97 620	65 510
Аварский округ	Нет сведений		300	1 501	610

* Таблица составлена по данным «Обзоров Дагестанской области...» и «Кавказских календарей» за 1892—1899 гг. В Гунибском округе было изготовлено вина: в 1897 г.—133 ведра, а в 1899 г.—120; в Кюринском округе в 1897 г.—600 ведер; в Кайтаго-Табасаранском округе: в 1896 г.—159 824 ведра, в 1897 г.—240 000, а в 1899 г.—21 015 ведер. В Аварском округе дополнительно к вину было выгнано в 1896 г.—500 ведер джабы, (род сидра), в 1897 г.—133 и в 1899 г.—120 ведер джабы.

зились за пределы области и главным образом в города Центральной России. По данным «Обзоров Дагестанской области», только из одного Дербента в 90-х годах ежегодно вывозилось по 50 тыс. ведер и более вина. Это в 2,5 раза больше, чем в 60-х годах XIX в. В конце XIX и начале XX в. высококачественные вина Дагестана приобретают широкую славу не только в отдельных городах Центральной России, но и в Петербурге и Москве, где они сбывались в большом количестве.

Вместе с ростом виноделия в Дагестане развивалось виноградо-водочное винокурение. Известно, что винокуренные заводы по характеру производства делились на мелкие, неусовершенствованные предприятия, пользующиеся огневыми перегонными кубами и крупные паровые винокуренные заводы. Первые крупные винокуренные заводы в Дагестанской области появились в 80-х годах. Но в дальнейшем при общем росте количества винокуренных предприятий число паровых винокуренных заводов, как показывают следующие данные, несколько сократилось. Если в 1887 г. было 3 паровых виноградо-водочных заводов, то в 1899 г. из 28 винокуренных заводов Дербента и Петровска осталось только 2 паровых завода⁴³. Причина этого заключалась в частых изменениях законодательной политики царского правительства. Если действовавшие в крае правила виноградо-водочного производства 1884 г. благоприятствовали развитию крупных винокуренных заводов, то новый закон 1887 г. предоставлял большие льготы так называемому садовладельческому винокурению. Этот закон разрешал садовладельцам без обложения акцизом перечислять часть винного спирта для

⁴³ ЦГИАЛ, ф. 1284, л. 175, л. 3; «Обзор Дагестанской области за 1899 г.», ведомость № 8.

«домашнего употребления». Они имели также право получать безакцизно весь спирт, изготовленный сверх установленной нормы, исчисляемой по размерам перегонного куба. «В результате этого по мере увеличения числа суточных сгонок, при условии малой емкости перегонного куба, увеличивалось количество спирта, не оплачиваемого акцизом»⁴⁴. Между тем крупным винокуренным заводам разрешалось безакцизно перечислять спирт в размере не свыше 7% от общего его количества⁴⁵. В 1901 г. эти правила были заменены новым акцизным законодательством, стимулировавшим быстрый рост числа крупных заводов.

В конце XIX в. в Дагестане возникла и стала быстро развиваться промышленность, вырабатывающая фруктовые и ягодные консервы, а также повидло и пюре для кондитерских фабрик России. Центром консервной промышленности Дагестана являлся город Темир-Хан-Шура. В 1895—1896 гг. кроме имевшихся здесь мелких кустарных консервных заводов было построено предприятие для изготовления абрикосового пюре. Абрикосы доставлялись жителями округа. «Мастер баночного производства был приглашен из Москвы. Банки закупоривались вручную и запаивались обычным способом. Так продолжалось до 1908 г., когда дагестанцем Будаевым Мугутдином была изготовлена закаточная машина»⁴⁶. Крупные фруктово-консервные заводы были построены здесь в начале XX в. В нагорный же Дагестан, в Даргинский, Аварский и другие округа для изготовления консервов в период созревания фруктов приезжали предприниматели из Темир-Хан-Шуры, Петровска, Ростова, Астрахани и других городов России. Они закупали у садовладельцев фрукты нередко даже до вызревания их и сбора урожая, «так что все выгоды от новой промышленности» получали эти приезжие предприниматели, «не имеющие ничего общего с садоводством»⁴⁷. В конце XIX в. в Темир-Хан-Шуре и других местах стали также выпускать в значительном количестве консервы из томатов и баклажанов для вывоза во внутрь империи⁴⁸. Мы не располагаем данными об объеме производства консервов в Дагестанской области, однако по сведениям пароходных компаний «Кавказ и Меркурий» и «Надежда» можно приблизительно представить себе уровень развития консервной промышленности. В конце XIX в. в центральные губернии России ежегодно отправлялось более 9 тыс. пудов консервов и более 20 тыс. пудов пюре. Кроме морского и речного путей, изделия консервной промышленности отправлялись по железной до-

⁴⁴ В. Д. Мочалов. Крестьянское хозяйство в Закавказье к концу XIX в. М., 1958, стр. 314.

⁴⁵ С. Гулишамбаров. Указ. соч., стр. 206.

⁴⁶ ИИЯЛ. Рукопис. фонд, д. 1912, л. 35.

⁴⁷ «Обзор Дагестанской области за 1899 г.», стр. 66.

⁴⁸ Там же.

роге. Заказы на дагестанские консервы поступали не только из центральных губерний России, но и из Прибалтики и Польши.

Развитие товарного земледелия и животноводства способствовало ускорению процесса расслоения крестьянства Дагестана. Выше мы отмечали, что в области шел процесс мобилизации земли и концентрации скота, а следовательно, и укрепления экономической базы богатых крестьян. В связи с этим интересно отметить, что сосредоточение земельного фонда в руках богатых крестьян происходило не только за счет обнищания крестьян-бедняков, но и за счет купли земель у феодалов. По имеющимся данным, на кумыкской равнине в конце XIX в. в собственности феодалов оставалось только 41,4% земли, а 58% было отчуждено путем продажи. Немало помещичьих имений находилось также в залоге у разбогатевших крестьян. Только в 1899 г. кн. Казаналипов, например, заложил 5800 десятин за взятые у жителя Чир-юрт Беки-Магомед-Оглы 49 600 руб.⁴⁹ Князья-землевладельцы, сообщает А. Белобородов, «с освобождением зависимых сословий лишались дарового труда и теперь влачат бесцельное существование, проживая остатки былого богатства... Их земли переходят в руки пришельцев и более энергичных низших классов»⁵⁰.

Таким образом, со второй половины XIX в. происходило сокращение феодального землевладения и рост бессословного землевладения. В пореформенный период процесс расслоения крестьянских хозяйств, хотя и в меньшей степени, наблюдался и в других округах, в предгорных и нагорных районах Дагестана.

Так, в Кюринском округе 13,1% всех крестьянских дворов совсем не имели пашни; 45,2% хозяйств, на долю которых приходилось 40% населения, владели менее одной пятой всей пахотной земли, а $\frac{1}{17}$ часть дворов, составляющая 8,8% всего населения, имела в своем распоряжении около 30% всех пахотных земель. Более половины крестьянских хозяйств имели лишь немногим более $\frac{1}{3}$ части поголовья: 34,7% крупного рогатого скота, 16,5% поголовья лошадей, 15,5% всего числа овец и коз. В то же время $\frac{1}{5}$ всех дворов сосредоточила в своих руках около 40% общего поголовья крупного рогатого скота, 66% лошадей и 61,5% овец и коз⁵¹. В Дженгутаевском наместстве Темир-Хан-Шуринского округа, например, 82,9% хозяйств совсем не имели овец, 7,9% хозяйств имели от 1 до 25 голов, а 9% хозяйств владели 88,5% всех наличных овец и коз. 23,3% хозяйств не имели пахотной земли, 36,5% хозяйств имели до

⁴⁹ С. Ш. Гаджиева. Указ. соч., стр. 71.

⁵⁰ «Терские ведомости», 1895, № 107.

⁵¹ А. Г. Мелешко. Указ. соч., стр. 130—133.

1 десятины, 33,2% хозяйств владели от 1 до 3 десятин, 5,6% владели от 3 до 5 десятин и, наконец, 1,1% хозяйств имели в своей собственности свыше 5 десятин пахотной земли⁵². В конце XIX в. у 78 богатых хозяйств Аварского округа было 938,3 десятины, у 32 таких же хозяйств Андийского округа — 778 десятин. Из среды узденства выделились крупные землевладельцы, которые приобрели земли на равнинах Дагестана. Н. Гоцинский имел 93 десятины земли в сел. Гоцо Аварского округа и 2875 десятин в Темир-Хан-Шуринском округе. Богач из сел. Чох Антик Нурмагома имел 1400 десятин, Макашариф — 1758, Мамалаев — 1156, Пари Гимбат из Хунзаха имела 1440 десятин земли⁵³. Они владели крупными отарами овец и использовали в своем хозяйстве наемную силу. Эти данные указывают на расслоение крестьян как равнинного, так и нагорного Дагестана. «„Прогрессивная сторона“ „дифференциации“, — учит В. И. Ленин, — ...состоит в том, что она выводит на свет ту противоположность, которая прячется в форме кабалы, и отнимает у нее ее „стародворянские“ черты»⁵⁴.

Выше отмечалось, что в Дагестане повсеместно развиты были кустарные промыслы, выделявавшие все необходимое — одежду, обувь, оружие, домашнюю утварь, сельскохозяйственный инвентарь и другие предметы. Изделия дагестанских кустарей, по единодушному признанию исследователей, отличались прочностью, чистотой и тщательностью отделки. Однако по своей форме это была домашняя промышленность, характеризующаяся тем, что переработка сырых материалов происходит «в том самом хозяйстве (крестьянской семье), которое их добывает. Домашние промыслы, — пишет В. И. Ленин, — составляют необходимую принадлежность натурального хозяйства, остатки которого почти всегда сохраняются там, где есть мелкое крестьянство... Промышленности, как профессии, еще нет в этой форме: промысел здесь неразрывно связан с земледелием в одно целое»⁵⁵. Это, однако, не значит, что в Дагестане ни один вид кустарных промыслов не выделился в самостоятельную отрасль ремесленного производства, хотя этот процесс в силу ряда внутренних и внешних причин в Дагестане протекал крайне медленно.

С началом экономического «завоевания» Кавказа Россией для кустарных промыслов Дагестана наступает новый период. «Шло, — писал В. И. Ленин, имея в виду Кавказ в целом, — вы-

---

⁵² Статистические данные, извлеченные из посемейных списков 1886 г. Дженгутаевского наибства Темир-Хан-Шуринского округа. — ИИЯЛ, Рукопис. фонд, д. 1896, лл. 1—4.

⁵³ Х. М. Хашаев. Общественно-экономический строй Дагестана в XIX в. Махачкала, 1954, стр. 38.

⁵⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 1, стр. 510.

⁵⁵ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 3, стр. 328—329.

теснение туземных вековых „кустарных“ промыслов, падающих под конкуренцией привозных московских фабрикатов. Падало старинное производство оружия под конкуренцией привозных тульских и бельгийских изделий, падала кустарная выделка железа под конкуренцией привозного русского продукта, а равно и кустарная обработка меди, золота и серебра, глины, сала и соды, кож и т. д.; все эти продукты производились дешевле на русских фабриках, посылавших на Кавказ свои изделия»⁵⁶.

И действительно, увеличение завода изделий российской фабрично-заводской промышленности в Дагестан привело к падению выработки огнестрельного оружия, медной посуды, сокращалось хлопчатобумажное, шелко-ткацкое и трикотажное производство, выделка сукна и предметов, входивших в специальное кавказское военное снаряжение. Что же касается ряда кустарных промыслов и в первую очередь тех, которые не могли быть заменены предметами фабрично-заводской промышленности — ковров, наплечных бурок, высокохудожественных изделий из золота, серебра, кости, дерева и т. д., — их изготовление не только не сократилось, но и в связи с расширением рынка сбыта намного увеличилось⁵⁷. Ювелиры Кубачи, Кумуха и других центров «за счет уменьшения изделий старого, чисто кавказского спроса... расширяют свой ассортимент различными новинками», начинают производить чайные ложки, подстаканники, сервизы, столовые приборы, портсигары, «быстро осваивают они также дело починки и ремонта тех некубачинских металлических изделий, которые им приносят в мастерские их городские клиенты»⁵⁸. Унцукульцы начали изготавливать ручки для зонтиков, подсвечники, бокалы, чернильные приборы. Сапожники и башмачники, приспособляясь к рынку, начали изготавливать европейскую обувь.

Появляются и новые ремесленники — кондитеры, кулинары, часовщики. В условиях развивающихся товарно-денежных отношений, указывает В. И. Ленин, «мелкие крестьянские промыслы порождают в массе случаев особых скупщиков, специально занятых торговыми операциями по сбыту продуктов и закупке сырья и обыкновенно подчиняющих себе в той или другой форме мелких промышленников»⁵⁹. И действительно, в изучаемое время в Дагестане появляются скупщики-посредники. Кустари-бурочники селения Ансалта Андийского округа, рассказывает Нурмагомед Бурзиев, «первоначально выделяли из своей среды наиболее опытных и предприимчивых людей и поручали им продажу своих бурок, за что платили им от каждой

⁵⁶ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 3, стр. 594.

⁵⁷ И. Р. Нахшунув. Указ. соч., стр. 96—98.

⁵⁸ Е. М. Шиллинг. Кубачинцы и их культура. М.—Л., 1949, стр. 17.

⁵⁹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 3, стр. 358.

бурки условленное вознаграждение. Те, которые специализировались на торговле бурками, стали заниматься скупкой бурок в целях извлечения прибыли. Таким образом, появилась группа людей, которая занималась исключительно скупкой и продажей бурок»⁶⁰. Примерно такие же скупщики появились и в других промыслах.⁶¹ На это обстоятельство указывали еще дореволюционные исследователи. Так, знаток кустарных промыслов О. В. Маркграф писал, что по аулам разъезжают скупщики, которые, «закупив партию, везут ее в более крупные торговые центры: города Владикавказ, Екатеринодар, Темир-Хан-Шуру, Нуху, Баку, Тифлис»⁶¹. Е. М. Шиллинг отмечал, что «делом сбыта вне селения Кубачи обычно завладевали богатеи»⁶². Однако выделившиеся в особую группу торговцы не только занимались скупкой готовых изделий, но и в ряде случаев снабжали необходимыми товарами и сырьем кустарей, за что последние расплачивались изделиями своего производства. Все это говорит о том, что в описываемое время кустарной промышленности Дагестана были известны не только скупка у мелких товаропроизводителей их изделий, но и соединение торгового капитала с ростовщичеством, а также расчет за изделия товарами и сырьем. В. И. Ленин учит, что если «скупщик изделий начинает расплачиваться теми сырыми материалами, которые нужны „кустарю“, то это означает очень крупный шаг в развитии капиталистических отношений. Отрезав мелкого промышленника от рынка готовых изделий, скупщик отрезывает его теперь от рынка сырья и тем окончательно подчиняет себе кустаря. От этой формы остается уже один только шаг до той высшей формы торгового капитала, когда скупщик прямо раздает материал „кустарям“ на выработку за определенную плату. Кустарь становится de facto наемным рабочим, работающим у себя дома на капиталиста; торговый капитал скупщика переходит здесь в промышленный капитал. Создается капиталистическая работа на дому»⁶³.

Одновременно со скупщиками выделяются мастера-предприниматели, использующие в своих мастерских наемную рабочую силу. «Среди кубачинцев,— писал Е. М. Шиллинг,— в это время идет особенно усиленный процесс классового расслоения. Разбогатевшие в городах владельцы мастерских становятся предпринимателями. Они выписывают из селения Кубачи своих бедных соотечественников и используют их как наемную рабочую силу»⁶⁴. Так один из кубачинцев, по словам Е. М. Шил-

⁶⁰ Х. М. Хашаев. Указ. соч., стр. 106.

⁶¹ О. В. Маркграф. Очерки кустарной промышленности Северного Кавказа. М., 1882, стр. 38.

⁶² Е. М. Шиллинг. Указ. соч., стр. 18.

⁶³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 3, стр. 367—368.

⁶⁴ Е. М. Шиллинг. Указ. соч., стр. 17.

линг, с 1885 по 1904 г. работал наемным мастером у различных хозяев ювелирных мастерских Владикавказа, Нальчика, Екатеринодара, Баталпашинска, Каменец-Подольска, Киева и других городов за плату, которая колебалась от 6 до 30 руб. в месяц. Дважды он пытался открыть собственную мастерскую, но обанкротился и снова стал работать наемным мастером⁶⁵. Наемный труд использовался и в мастерских лудильщиков, шапочников, сапожников.

Все это говорит о том, что со второй половины XIX в. в связи со включением Дагестана в процесс капиталистического развития России, домашняя промышленность области перерастала в ремесло и мелкотоварное производство, а в ряде случаев даже в простую капиталистическую кооперацию и рассеянную мануфактуру. Все те изменения, которые происходили в пореформенный период в социально-экономической жизни Дагестана, создавали избыточную рабочую силу. Высвобождающиеся рабочие, не находя себе применения на месте, вынуждены были уходить на заработки. Часть отходников нанималась на сезонные сельскохозяйственные работы как в самом Дагестане, так и за его пределами, в Закавказье и Предкавказье. Часть же уходила в города Средней Азии, Украины, Центральной России и даже в другие страны вплоть до Эфиопии. Отходников из Казии-Кумухского округа, например, можно было встретить не только в городах Дагестана, Кавказа, Центральной России, но и в Константинополе, Каире, Аддис-Абебе, Париже и других городах⁶⁶. Причем, как свидетельствуют имеющиеся данные, численность уходящих на заработки ежегодно росла: так, если в 1890 г. ушло 44 835 человек, то к 1899 г. число отходников достигло 59 077⁶⁷.

Отходничество, особенно в условиях Дагестана, играло большую роль в жизни его жителей. «„Перекочевывание“ рабочих,— подчеркивает В. И. Ленин,— не только дает „чисто экономические“ выгоды самим рабочим, но и вообще должно быть признано явлением прогрессивным...»⁶⁸. Характеризуя неземледельческий отход, В. И. Ленин указывает, что отвлечение населения от земледелия в города, неземледельческий отход представляет из себя явление прогрессивное. Он вырывает население из заброшенных, отсталых, забытых историей захолустий и втягивает его в водоворот современной общественной жизни. Он повышает грамотность населения и сознательность его, прививает ему культурные привычки и потребности... Отход в го-

⁶⁵ Е. М. Шиллинг. Указ. соч., стр. 17.

⁶⁶ Л. И. Лавров. Советская культура и быт лаков.— «Вопросы этнографии Кавказа». Тбилиси, 1952, стр. 43.

⁶⁷ «Кавказский календарь на 1893 г.», стр. 154; «Обзор Дагестанской области за 1899 г.», стр. 77.

⁶⁸ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 3, стр. 244.

рода повышает гражданскую личность крестьянина, освобождая его от той бездны патриархальных и личных отношений зависимости и сословности, которые так сильны в деревнях»⁶⁹.

Общеизвестно, что в Дагестане в дореформенный период не было фабрично-заводской промышленности. Известно также, что царское правительство, рассматривая окраины России, и в частности Дагестан как колонию, как рынок сбыта для своих товаров и источник сырья, всячески препятствовало развитию промышленности. И все же, вопреки этой политике она возникает в Дагестане в пореформенный период. Это, на первый взгляд взаимоисключающее явление, объясняется природой капитализма, который, как указывает В. И. Ленин, не мог «существовать и развиваться без постоянного расширения сферы своего господства, без колонизации новых стран и втягивания некапиталистических старых стран в водоворот мирового хозяйства»⁷⁰.

Эти свойства капитализма, проявившиеся с громадной силой в пореформенный период, побуждали русскую буржуазию вывозить капитал поближе к источникам сырья и дешевой рабочей силы, насаждать промышленные предприятия и за счет неограниченной эксплуатации трудящихся получать сверхприбыли. Раньше всего в Дагестане начала развиваться промышленность по добыче серы, ртути, нефти, медной руды, полиметаллов. Наиболее значительным месторождением серы было Кхеутско-Артлухское, исследованное еще в 1859 г. известным русским ученым академиком Г. Абигом, Гийк-Салганское и др.

В 1896 г. из запасов Кхеутского месторождения было добыто 26 620 пудов серы. На руднике работало 120 рабочих. С 1895 г. начаты были разработки залежей киновари (ртутная руда) близ селений Генца, Хпек и Рухун в Южном Дагестане товариществом «Кавказская ртуть». В том же 1896 г. было добыто 7965 пудов руды⁷¹. Следует, однако, отметить, что эксплуатация указанных месторождений, производимая кустарным методом при малой геологической изученности, не получила развития. В начале XX в. рудники из-за убыточности были законсервированы. По данным инженера Кольчевского, в 1867 г. на Берикейском месторождении нефть добывалась из 72 колодцев глубиной 4—12 метров кожаными бурдюками с помощью веревок, перекинутых через блок и привязанных к лошади. Эти устройства обслуживали 1500 рабочих⁷². Таким примитивным и

⁶⁹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 3, стр. 576—577.

⁷⁰ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 3, стр. 595.

⁷¹ «Обзор Дагестанской области за 1896 г.», стр. 21.

⁷² «Очерки по истории Дагестана», вып. II. Махачкала, 1950, стр. 55.

малопроизводительным путем добывалась нефть и на других скважинах. Первое глубинное бурение в Дагестане началось лишь в 1893 г. вблизи сел. Берикей, а в следующем 1894 г. здесь возникли нефтяные промыслы Козляковского, Любимова и Балабанова. В конце XIX в. добычу нефти на участках «Тенсис — Кутан», «Уллу-истису», «Неут» площадью в 2248 десятин начало «Англо-русское нефтяное общество». Нефтедобычей в области занимались также «Англо-Петровское нефтяное общество», «Челекено-Дагестанское общество», фирмы «Братья Нобель» и др. Однако лишь после того, как в самом начале XX в. на участках Бенкендорфа, Квастрема и «Уллу-кутан» фирмы «Братья Нобель» забили нефтяные фонтаны, усилилось бурение скважин, а вместе с тем поднялась и нефтедобыча. Так, если среднегодовая добыча нефти в 1871—1880 гг. составляла 109 т, то в 1901—1910 гг. она достигла 8066 т⁷³. Но алчные до легкой наживы владельцы нефтеразработок бурили скважины без предварительного геологического изучения пластов и без изоляции водоносных горизонтов. Все это привело к обводнению нефтеносных пластов⁷⁴.

Что же касается обрабатывающей промышленности Дагестана, то несмотря на численный рост предприятий до середины 90-х годов, это были в основном небольшие заведения по производству стройматериалов (кирпичные, известковые) и пищевых продуктов (виноградо-водочные, консервные, пивные, фруктовых вод и др.) с числом рабочих от 2 до 15 человек.

В конце XIX — начале XX в. в Дагестане возникли небольшие промышленные предприятия с национальным капиталом: фруктово-консервные заводы М. М. Мавраева, Х. Гаджиева, виноградо-водочные предприятия М. Дадашева, бондарные заведения Ханукаева и братьев Хануховых, моторная мельница С. Ахундова, типография Мавраева и др.⁷⁵ Были построены также канатная фабрика, гвоздильный завод и другие предприятия.

Большое влияние на развитие фабрично-заводской промышленности области оказало проведение через Дагестан железной дороги — строительство линии до Петровска было завершено в 1893 г. В 1897 г. была сооружена Петровско-Дербентская линия Владикавказской железной дороги, а в середине 1899 г. она была соединена с Баку. В пределах области на железнодорожной линии было сооружено 10 станций: Чир-юрт, Темиргое, Петровск-Кавказский, Порт-Петровск, Манас, Бойнак, Каякент, Мамед-кала, Дербент, Белиджи, 14 разъездов, несколько

⁷³ И. Р. Нахшунув. Указ. соч., стр. 110.

⁷⁴ «Очерки истории Дагестана», вып. II, стр. 180.

⁷⁵ Г. И. Милованов. Очерк формирования и развития рабочего класса в Дагестане. Махачкала, 1963, стр. 20.

десятков мостов, возведено 53 здания. На железнодорожных станциях и в депо в начале XX в. работало около 1000 рабочих. С завершением Петровско-Дербентской линии Владикавказской железной дороги в области резко увеличилось число рыбных промыслов. Если в 1898 г. в Дагестане было 38 рыбных промыслов, то в 1901 г. — 68, причем построенные вновь намного лучше оснащались технически и имели хорошие рыбосольные помещения. Соответственно с этим происходил непрерывный рост улова рыбы. Достаточно сказать, что с 1893 по 1902 г. добыча сельди увеличилась в 42 раза⁷⁶. В связи с этим в области стали строиться бондарные предприятия. В начале 90-х годов крупный астраханский рыбопромышленник Воробьев оборудовал севернее Петровска несколько рыбных промыслов. «Каспийская сельдь отправлялась по железной дороге в глубь страны и сбывалась со значительной прибылью... Через несколько лет, примерно в 90-х годах, этого капиталиста перестал удовлетворять такой небольшой размах работы, и он построил в Петровск-Кавказском холодильник и механический бондарный завод». Одновременно с увеличением добычи рыбы другие предприниматели строят в Петровске крупные бондарные мастерские: как грибы росли мастерские мелких хозяев, прозванные абазниками⁷⁷. На этих предприятиях Петровска работало около 800 рабочих-бондарей. Так было не только в указанном районе, но и по всему берегу Каспия. Кроме того, во время путины в Дагестан съезжались русские рыбопромышленники. По имеющимся данным, в начале XX в. на рыбных промыслах Дагестана работало 10 тыс. временных и до 3000 постоянных рабочих⁷⁸.

В конце XIX в. в области началось строительство крупных промышленных предприятий. В 1899—1900 г. Решетниковым и Петренко была построена бумагопрядильная фабрика «Каспийская мануфактура». В 1903 г. на фабрике работало 600 рабочих, а в 1904 г. число рабочих достигло 1200 человек. В 1899 г. в Петровске вступила в строй табачная фабрика «Дагестан», в 1908 г. был пущен гвоздильный завод и основан завод стальных канатов, канатная фабрика, холодильник и другие промышленные предприятия. Всего в дореволюционном Дагестане работало 170 промышленных предприятий⁷⁹. Значительных размеров достигла винодельческая и консервная промышленность.

О быстром росте промышленности на рубеже двух веков говорят и следующие данные. С проникновением капиталистиче-

⁷⁶ «Очерки истории Дагестана», т. I, 1957, стр. 270.

⁷⁷ «Очерки по истории Дагестана», вып. 1, 1950, стр. 380.

⁷⁸ «Труды Дагестанского фил. ин-та марксизма-ленинизма», т. I. Махачкала, 1957, стр. 7.

⁷⁹ «Ученые записки ИИЯЛ», т. IX, стр. 91.

ских отношений и проведением железной дороги, с ростом фабрично-заводской промышленности шло формирование рабочего класса Дагестана, характерной особенностью которого была многонациональность: он состоял из русских (составлявших наибольшее число рабочих), горцев Дагестана, а также персов, азербайджанцев. По неполным данным, на промышленных предприятиях, железнодорожном и морском транспорте области в начале XX в. было занято до 10 тыс. постоянных и до 21 тыс. сезонных рабочих⁸⁰. По подсчетам И. Р. Нахшунова, рабочие из народов Дагестана составляли среди постоянных рабочих примерно 15—20%, среди сезонных рабочих рыбной промышленности — 29%⁸¹. Небольшой удельный вес выходцев из коренных народов Дагестана объясняется не только тем, что здесь еще были живучи феодально-патриархальные отношения, но и тем, что владельцы промышленных предприятий предпочитали нанимать квалифицированных рабочих в центральных губерниях. Кроме того, горцы Дагестана уходили за пределы области в Баку, Грозный, Владикавказ и другие промышленные центры Кавказа. Особенно большой приток рабочей силы из Дагестана наблюдался в Баку. По подсчетам К. А. Пажитнова, в начале XIX в. из 65 тыс. бакинских рабочих 12,2% были выходцами из Дагестана⁸². Таким образом, рабочий класс Дагестана формировался как часть рабочего класса России.

Положение рабочих было крайне тяжелым: изнурительный трудовой день тянулся от «зари до зари», непомерно низка была заработная плата. На многих фабриках и заводах применялся детский и женский труд, оплачивавшийся еще ниже. Отсутствовала сколько-нибудь налаженная охрана труда, не было ни больниц, ни фабричной инспекции. Газета «Каспий» от 30 марта 1902 г. в корреспонденции из Дагестана сообщала, что фабрики открывают свою деятельность без соблюдения самых элементарных мер предосторожности против несчастных случаев: «Ни на одной из наших фабрик нет школы, и масса детворы остается во мраке... Ни на одной из фабрик нет не только врача, но и фельдшера», зато вблизи каждой фабрики и завода имеются «духаны, распространяющие губительную деятельность» на все население фабричного района. Не лучше были и жилища рабочих. В старых деревянных бараках вдоль стен тянулись нары, на которых в страшной тесноте ютились рабочие — как семейные, так и холостые. В этих рабочих «квартирах» летом было душно, зимой холодно, но постоянно стоял затхлый запах и не изменялись антисанитарные условия. Фак-

⁸⁰ Г. И. Милованов. Указ. соч., стр. 40.

⁸¹ И. Р. Нахшунов. Указ. соч., стр. 135.

⁸² К. А. Пажитнов. Очерки по истории нефтяной промышленности. М.—Л., 1940, стр. 154.

ты чудовищной эксплуатации, политического бесправия, национального гнета и крайне тяжелых жилищно-бытовых условий отмечались даже начальником области в ежегодных приложениях к «Обзорам Дагестанской области». Несмотря на все это, совместная работа горцев Дагестана с русскими и рабочими других национальностей способствовала усилению общения между ними, укреплению дружбы и интернациональному воспитанию трудящихся Дагестана.

В пореформенный период, особенно после открытия железной дороги, быстро стала развиваться торговля. Об этом убедительно свидетельствуют следующие данные. Если в 1864 г. в Порт-Петровск было привезено товаров на сумму 1 348 544 руб. 85 коп., а вывезено на 122 108 руб. 60 коп.⁸³, то в 1899 г. привезено на 29 417 000 руб. и вывезено на 14 397 000 руб. В 1899 г. в Дербент каботажом привезено 676 108 пудов различных товаров на 1 479 190 руб. Основными предметами ввоза были мука, бакалейные и кондитерские изделия, гастрономические товары, мануфактура, галантерея, стеклянные, фарфоровые и металлические изделия. Вывезено каботажом свежих, сушеных и моченых фруктов и овощей, рыбы, орехового дерева и других товаров 407 545 пудов на сумму 548 540 руб. Торговля каботажом осуществлялась через компанию «Кавказ и Меркурий», а также другие пароходные фирмы. Всего в 80—90 годы XIX в. по Каспийскому морю курсировало более 1000 судов. Кроме того, как свидетельствуют имеющиеся данные*, значительное количество всевозможных товаров перевозилось по железной дороге.

	Большой скоростью	Малой скоростью	Транзитный груз
Чир-юрт	5 109	71 736	Нет сведений
Темиргое	3 500	57 242	» »
Петровск-Кавказский	15 324	14 978 914	» »
Порт-Петровск	78 209	4 320 526	6 030 045
Манас	Нет сведений	71 531	ет сведений
Бойнак	61	55 797	» »
Кая-кент	2 472	433 662	» »
Мамед-кала	7 200	338 435	» »
Дербент	45 619	294 723	» »
Итого	157 494	20 622 566	6 030 045

* «Обзор Дагестанской области за 1899 г.» Темир-Хан-Шура, 1900, стр. 92.

⁸³ «Путеводитель по Дагестану». Тифлис, 1871, стр. 3.

Рост товарооборота с Центральной Россией способствовал расширению базаров и торговли в самом Дагестане. «К добру или худу,— отмечал М. Малиновский,— в нашем многолюдном Аксае страсть к торговле доходит почти до мании. Число торговцев растет с каждым днем, постройка новых лавок и переделка старых на новый лад идет безостановочно... Капиталисты наши проснулись от долгой спячки и стараются захватить во что бы то ни стало прилегающие к центру торговли места и застроить их лавками... Одним словом, быстро идет у нас развитие торговли. Много убито денег на постройку лавок и по другим торговым предприятиям; немало крупными торговцами роздано товару в кредит меньшей своей братии...»⁸⁴ В 1887 г. в Аксае было 39 лавок и 99 человек купеческого сословия. Некоторые из них имели торговые обороты на десятки тысяч рублей⁸⁵.

Аналогичные явления наблюдались и в других округах. Так, если в 1892 г. в Темир-Хан-Шурином округе на базарах в слободе Чир-юрт, селениях Дженгутай, Губден и Кулецама годового оборот базаров был равен 115 050 руб., то в 1899 г. он составил 250 000 руб.⁸⁶, т. е. увеличился более чем в 2 раза. В 1899 г. в Гунибском округе насчитывалось 30 постоянных лавок, торгующих всевозможными товарами, а в Кази-Кумухском округе — 37 с максимальным оборотом каждой в 5000 руб. В самом Кумухе образовался крупный торговый дом дагестанских миллионеров Нурадиновых⁸⁷. В Цудахаре были купцы, посещавшие Нижегородскую ярмарку⁸⁸. Отмечая развитие торговли в Дагестане, О. В. Маркграф писал: «В каждом пятом или десятом селении Дагестана еженедельно по пятницам открываются многолюдные базары. Из земледельческих и садовых округов привозят семена на посев, фрукты, пеньковые изделия; женщины выносят свои сукна, ковры, паласы, готовые черкески, а другие — шелковые ленты. Медники сидят со своей посудой, оружейники разложили кинжалы, шашки, винтовки, пистолеты; овцеводы пригнали на продажу овец. Все меняют, покупают, продают»⁸⁹.

Показателем роста торговли в области служат также данные о выдаче торговых свидетельств. Если в 1887 г. торгово-промышленным учреждениям в Петровске, Темир-Хан-Шуре и

⁸⁴ «Терские ведомости», 1871, № 7.

⁸⁵ «Сборник для описания местностей и племен Кавказа», вып. XVI, стр. 34; «Терские ведомости», 1891, № 95.

⁸⁶ «Обзор Дагестанской области за 1892 г.», б/м, стр. 22; «Обзор Дагестанской области за 1899 г.», стр. 89.

⁸⁷ ЦГА ДАССР, ф. 72, оп. 1, д. 12, л. 8; оп. 2, д. 5, л. 9; Х. М. Хашаев. Указ. соч., стр. 121.

⁸⁸ Д. Н. Анучин. Отчет о поездке в Дагестан летом 1882 г.— «Известия Русского географ. об-ва», т. 20, вып. 4. СПб., 1884, стр. 431—432.

⁸⁹ О. В. Маркграф. Указ. соч., стр. XXV—XXXVI.

Дербенте было выдано 1028 свидетельств, то в 1899 г. по городам— 1590 свидетельств стоимостью 38 584 руб. 40 коп., а по округам — 1587 свидетельств стоимостью 22 296 руб. 55 коп.⁹⁰

Немалое значение для дальнейшего развития торговли в Дагестане имело и открытие кредитных учреждений. В 1899 г. в Петровске и Дербенте начало свою деятельность агентство Донского земельного банка. В 1903 г. в Дербенте открылось отделение банка Малютина, а в Петровске в 1907 г.— отделение Северного банка. Кроме того, в области были открыты сберегательные кассы.

Все эти изменения в социально-экономической жизни области стимулировали развитие городов и увеличение городского населения. О росте населения городов можно судить по следующим данным⁹¹.

	1871 г.	1899 г.
Дербент	15 932	18 546
Темир-Хан-Шура . . .	3 574	9 089
Петровск	2 097	10 846
Итого . . .	21 603	38 481

Увеличение числа жителей городов области происходило как из-за естественного прироста населения, так и за счет притока извне (особенно из русских губерний и аулов Дагестана). Что же касается народонаселения области в целом, то, как показывают имеющиеся данные, оно увеличилось с 470,8 тыс. человек в 1862 г. до 621,8 тыс. в 1899 г., т. е. за 37 лет возросло на 151 тыс. человек, что составляет среднегодовой прирост более чем на 4 тыс. человек⁹².

Подводя итоги изложенному, мы должны отметить, что в пореформенный период Россия постепенно втягивала горцев, стоявших, по образному определению В. И. Ленина, в стороне от мирового хозяйства и даже «в стороне от истории»⁹³, в водоворот капиталистического развития. Вследствие этого нарушалась патриархальная замкнутость, разрушались феодальные формы хозяйства, ускорялось социально-экономическое развитие Дагестана. Под непосредственным влиянием Центральной России в Дагестане увеличивались площади под посевами и садами, повышалась техника земледелия, росло поголовье скота и улучшалась его породность, происходила хозяйственная

⁹⁰ «Памятная книжка и адрес-календарь Дагестанской области на 1901 г.», стр. 89—90.

⁹¹ «Сборник статистических сведений», отд. 1. Тифлис, 1869; «Кавказский календарь на 1900 г.», стр. 37.

⁹² ИИЯЛ, Рукоп. фонд, д. 1281, л. 61—69; «Обзор Дагестанской области за 1899 г.», ведомость № 1.

⁹³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 3, стр. 595.

специализация, развивалось торговое земледелие и скотоводство; шло классовое расслоение горского крестьянства, нарождались новые социальные слои — сельской буржуазии и деревенских пролетариев. Еще более важным результатом втягивания Дагестана в водоворот капиталистического развития было появление и развитие фабрично-заводской промышленности, особенно зарождение и рост рабочего класса Дагестана, одного из боевых отрядов русского рабочего класса. Все эти, в большинстве случаев совершенно новые для Дагестана, явления показывают, что благодаря России в Дагестан проникали и развивались капиталистические отношения. Следует, однако, подчеркнуть, что эти отношения в Дагестане во второй половине XIX в., за исключением городов, не стали господствующими.

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН**

instituteofhistory.ru

ВЛИЯНИЕ ПЕРЕДОВОЙ КУЛЬТУРЫ РОССИИ НА РАЗВИТИЕ КУЛЬТУРЫ НАРОДОВ ДАГЕСТАНА

Великий русский народ внес огромный, неоценимый вклад в сокровищницу мировой культуры. Достаточно сказать, что многим русским ученым принадлежит приоритет в крупнейших открытиях и изобретениях мировой науки и техники. Самобытное развитие русской материалистической философии оказало определяющее влияние на общественную мысль многих стран и народов. Великие русские революционные демократы А. И. Герцен, В. Г. Белинский, Н. Г. Чернышевский, Н. А. Добролюбов и другие были самыми крупными представителями домарксовской материалистической философии. Основоположники научного социализма К. Маркс и Ф. Энгельс высоко ценили русских революционных демократов. К. Маркс называл Н. Г. Чернышевского великим ученым и критиком, оригинальным экономистом, с огромной принципиальностью вскрывшим «банкротство буржуазной политической экономии»¹. «Вы несправедливы к Вашим соотечественникам, — отмечал Ф. Энгельс в 1884 г. в письме к русской эмигрантке Е. Паприц. — Мы оба, Маркс и я, не можем на них пожаловаться. Если некоторые школы и отличались больше своим революционным пылом, чем научными исследованиями, если были и есть различные блуждания, то, с другой стороны, была и критическая мысль и самоотверженные искания чистой теории, достойные народа, давшего Добролюбова и Чернышевского. Я говорю не только об активных революционных социалистах, но и об исторической и критической школе в русской литературе, которая стоит бесконечно выше всего того, что создано в Германии и Франции официальной исторической наукой»².

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. изд. 2, т. 23, стр. 17—18.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXVII, стр. 389.

В истории же развития мировой литературы русская литература, как отмечает А. М. Горький, «представляет собою феномен изумительный: я не преувеличу правды,— продолжает писатель,— сказав, что ни одна из литератур Запада не возникла к жизни с такой силой и быстротой, в таком мощном ослепительном блеске таланта. Никто в Европе не создавал столь крупных, всем миром признанных книг, никто не творил столь дивных красот при таких неопишимо тяжелых условиях. Это пезыблемо устанавливается путем сравнения истории западных литератур с историей нашей; нигде на протяжении ста лет не появлялось столь яркого созвездия великих имен, как в России». Русский народ в XIX в. создал удивительную живопись, замечательные памятники архитектуры и скульптуры, оригинальную музыку, полную жизненной правды национальную театральную культуру, приводившую в восхищение весь мир. Однако, говоря о выдающихся достижениях русской культуры, необходимо учитывать положение В. И. Ленина о двух культурах в классовом обществе. «Есть две национальные культуры в каждой национальной культуре,— указывал В. И. Ленин.— Есть великорусская культура Пуришкевичей, Гучковых и Струфе,— но есть также великорусская культура, характеризующаяся именами Чернышевского и Плеханова»³.

В то время как антидемократическая и по существу антинациональная культура правящих классов России раболепствовала и низкопоклонствовала перед реакционной западной культурой, передовая прогрессивная русская культура, создавшая ценности непреходящего значения, оказывала могучее воздействие на развитие мировой литературы и искусства.

Особенно велико было влияние русской демократической культуры на развитие культур народов России. «Как бы в противовес „патриотизму“ рыцарей кнута и нагайки,— писал М. И. Калинин,— шло все нарастающим темпом прогрессивное движение, направленное своим острием против самодержавия... Появилась целая плеяда гениальных и одаренных писателей, критиков и публицистов, которые высоко подняли и прославили нашу литературу, сделали ее мировой... Вот этот процесс борьбы прогрессивных сил с реакционными, этот процесс роста и консолидации культурных сил дал возможность, по крайней мере, наиболее сознательным элементам угнетенных национальностей, увидеть другую Россию — Россию благородную, свободолюбивую, неугнетательскую, культурную, талантливую, способствующую развитию знаний среди широких масс населения»⁴.

Признавая глубокое идейное влияние передовой прогрессивной русской культуры, основоположник новой грузинской лите-

³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 24, стр. 129.

⁴ М. И. Калинин. О коммунистическом воспитании. М., 1946, стр. 82.

ратуры просветитель Илья Чавчавадзе писал: «Нечего и говорить, что русская литература сыграла руководящую роль на пути нашего прогресса и оказала большое влияние на все, что составляло наши духовные силы, она наложила свой отпечаток на наш ум, на наши мысли, на наши чувства и вообще определила наше направление. В настоящее время у нас нет ни одного общественного деятеля и литератора, который был бы свободен от влияния указанной литературы. Это и неудивительно: русская школа и наука открыли нам двери к просвещению, а русская литература дала пищу нашему разуму, она выкормила нашу мысль и направила ее на путь движения. Каждый из нас для утоления своей духовной жажды должен был припасть к этим двум источникам. Иного пути не было. Поэтому у нас имеются основания заявить, что каждый из нас воспитан на русской литературе, которая сыграла решающую роль в формировании наших убеждений, а также в выборе нашего учения и предмета общественной деятельности»⁵. Выдающийся армянский поэт-демократ А. Туманян писал: «С любовью и почтением преклоняюсь перед великолепной литературой великой русской нации..., литературой, на которой учились очень многие из наших писателей и интеллигентов»⁶.

Русская культура, указывал и казахский поэт Абай Кунанбаев, «это ключ к жизни. Если ты получишь его, жизнь твоя станет легче»⁷. Столь же высоко ценили и выражали сердечную благодарность братскому русскому народу, русской демократической культуре и горцы Дагестана. «Русская культура,— писал в 1912 г. просветитель и революционер С. И. Габиев,— приведет... нас к более справедливой осмысленной жизни, когда еще геперь поработенная, человеческая личность будет раскрепощена от всех вольных и невольных исторических пут»⁸.

Общезвестно, что русская культура оказывала влияние на развитие культур народов Кавказа задолго до XIX в. Однако объективные предпосылки для сближения народов Дагестана и приобщения их к передовой прогрессивной культуре русского народа создались лишь после включения края в состав России. С присоединением к России, вопреки воле царизма и феодально-клерикальных верхов Дагестана, передовая революционно-демократическая культура русского народа с каждым годом все сильнее оказывала могучее воздействие на культуру народов Дагестана и на судьбы его народов в целом. Передовые прогрессивные деятели России с огромной симпатией относились к народам Кавказа и Дагестана, оценивали присоединение Кав-

⁵ «В братском единстве». М., 1954, стр. 120.

⁶ А. Туманян. Критик. Ереван, 1959, стр. 337.

⁷ А. Кунанбаев. Избранное. М., 1945, стр. 286.

⁸ «Заря Дагестана», 1912, № 2.

каза как положительный факт и считали, что русский народ должен сыграть решающую роль в экономическом и культурном возрождении народов Кавказа, а также выступали горячими поборниками сближения русского и горских народов Кавказа. На материале, почерпнутом из истории и быта горцев, передовые прогрессивные деятели России создали исполненные реалистической силы образы горцев, дали прекрасное описание края. В благородном деле укрепления связей и дружбы между горскими народами Кавказа и русским народом значительное место принадлежит А. С. Грибоедову, А. С. Пушкину, М. Ю. Лермонтову, А. И. Полежаеву, декабристам А. А. Бестужеву-Марлинскому, А. О. Корниловичу и др.

А. С. Грибоедов проявлял большую заботу об экономическом и культурном развитии народов Кавказа. По его инициативе было начато социально-экономическое описание Кавказа, в том числе и ряда районов Дагестана, в результате чего был составлен не утерявший и поныне своего научного значения четырехтомный труд «Обозрение российских владений за Кавказом» (изданный в 1836 г.). В 1828 г. А. С. Грибоедов вместе с Завидайским составил проект «Записки об учреждении Российской Закавказской компании», в котором намечены были перспективы экономического и культурного развития края. Он был фактическим основателем газеты «Тифлиссские ведомости». Активное участие принимал А. С. Грибоедов в создании в Тифлисе государственной публичной библиотеки и Тифлисского «благородного училища»⁹.

С юношеских лет был связан с Кавказом великий русский поэт А. С. Пушкин, который с увлечением занимался изучением истории и этнографии его народов. «Он один только певец Кавказа,— писал Н. В. Гоголь,— он влюблен в него всею душою и чувствами»¹⁰. В произведениях «Кавказский пленник», «Путешествие в Арзрум», «Кавказ», «Обвал», «Тазит» великий поэт, которому принадлежит честь «открытия» Кавказа в художественной литературе, правдиво показал не только «дикую вольность», но и человечность и трудолюбие горцев. «Муза Пушкина,— писал В. Г. Белинский,— как бы осветила давно уже на деле существовавшее родство России с этим краем»¹¹.

Сосланный на Кавказ А. А. Бестужев-Марлинский с 1830 по 1834 г. служил в Дербенте. Здесь он изучал азербайджанский и кумыкский языки, по долгу своей службы участвовал в боях против горцев, много ездил по Дагестану, бывал в Тарках, Кафыр-Кумухе, Бойнаке, Курахе, Табасаране, Кумухе, Аварии

⁹ И. К. Ениколопов. А. С. Грибоедов в Грузии и проект об утверждении Российской Закавказской компании. Автореф. канд. дисс. Тбилиси, 1954, стр. 9—12.

¹⁰ «А. С. Пушкин в русской критике». М., 1953, стр. 42.

¹¹ Там же, стр. 208.

и в других местах¹². Это дало возможность богато и разносторонне одаренному декабристу ближе познакомиться с горцами, изучить их быт, нравы и обычаи. На материале из реальной жизни и быта горцев Дагестана им были написаны наиболее крупные, получившие широкую популярность произведения: «Аммалат-бек», «Рассказ офицера, бывшего в плену у горцев», «Шах-Гусейн» и др. Здесь же задумана была и повесть «Мулла-Нур». Романтические герои повестей, очерков и рассказов А. А. Бестужева-Марлинского наделены отвагой, свободолюбием. Реальные факты (с сохранением точных имен и характеров), описанные в произведениях А. А. Бестужева, как справедливо отмечает В. Васильев, «будили в русском читателе жажду свободы и борьбы, независимости личности от социальных и политических пут, пробуждали чувства уважения к обитателям Кавказа, сознательные чувства любви к народу, к дому, к яркой счастливой жизни»¹³. В большой дружбе был А. А. Бестужев с известным историком Азербайджана и Дагестана А. К. Бакихановым, с «алимами» Дербента Назарали Ахундовым, Абдуллой, Мирза-Моллахан-Магомедом и многими другими горцами. Встречаясь с ними во время своих поездок по Дагестану, он оказывал на новых друзей известное влияние, способствовал расширению знаний горцев о России и русском народе. И не случайно в «Рассказе офицера, бывшего в плену у горцев» А. А. Бестужев писал: «Чаще всего мой хозяин и его гости спрашивали меня о моем отечестве — и, качая головами, слушали мои ответы»¹⁴.

Горцы Дагестана отвечали писателю-декабристу взаимностью. «Все горцы от меня без ума, — писал он, — меня очень любят татары за то, что я не чуждаюсь их обычаев, говорю их языком». «Добрый и веселый нрав Бестужева-Марлинского, — свидетельствует современник, — хорошее знание татарского языка, печальная и непонятная для многих судьба, все это привлекало сердца дербентцев к изгнаннику». Он был любимцем жителей Дербента, и, когда, по приказу начальства, Бестужев был переведен на Западный Кавказ, они нехотя расстались с ним. «Верхом и пешком — пишет очевидец, — двигалась только толпа провожавших за дорожной повозкой верст двадцать до самого Самура, палили из ружей в прозрачное небо, пускали ракеты, били в бубны, пели, плясали, каждый провожал по-своему. Когда повозка стала осторожно спускаться к самурской переправе, вся эта разноцветная толпа закричала, завизжала и завывала: „Прощай друг, Искандер-бек. На пути твоём

¹² «Северная пчела», 1872, № 175; «Русское образование», 1844, октябрь, стр. 827—828; «Отечественные записки», 1860, № 6, стр. 513—515.

¹³ В. Васильев. Бестужев-Марлинский на Кавказе. Краснодар, 1939, стр. 42.

¹⁴ «Дагестан в русской литературе», т. 1. Махачкала, 1958, стр. 141.

лежат наши пожелания. Прощай“»¹⁵. И не случайно, когда Бестужев в 1837 г. во время стычки с горцами на мысе Адлер был убит, получила широкое распространение легенда, будто он бежал в Дагестан и продолжает бороться в отрядах Шамиля с царскими войсками.

С Кавказом тесно связана судьба великого русского поэта М. Ю. Лермонтова.

«...Странное дело! Кавказу как будто суждено быть колыбелью наших поэтических талантов,— писал великий критик В. Г. Белинский,— вдохновителем и пестуном их музыки, поэтической их родиной! Пушкин посвятил Кавказу одну из первых своих поэм — „Кавказского пленника“, и одна из последних его поэм — „Галуб“ тоже посвящена Кавказу; несколько превосходных лирических стихотворений его также относятся к Кавказу. Грибоедов создал на Кавказе свое „Горе от ума“: дикая и величавая природа этой страны, кипучая жизнь и суровая поэзия ее сынов вдохновили его оскорбленное человеческое чувство на изображение апатического ничтожного круга Фамусовых, Скалозубов... — этих карикатур на природу человеческую... И вот является новый великий талант — и Кавказ делается его поэтической родиной, пламенно любимой им: на недоступных вершинах Кавказа, венчанных вечным снегом, находит он свой Парнас; в его свирепом Тереке, в его горных потоках, в его целебных источниках находит он свой Кастаньский ключ, свою Ипокрену»¹⁶. Еще ребенком и в юношеские годы М. Ю. Лермонтов трижды, в 1818, 1820 и 1825 гг., посетил Северный Кавказ. В 1837 г. после ареста за стихотворение «На смерть поэта» М. Ю. Лермонтов был направлен на Кавказ¹⁷, а в 1840 г. был определен в Тенгинский полк. Он живо интересовался бытом и нравами горских народов, с большим вниманием изучал историю, этнографию. Учился, как отмечал сам поэт, говорить «по-татарски»¹⁸. На материалах личного наблюдения и по мотивам горского фольклора М. Ю. Лермонтов создал множество великолепных стихотворений, поэм и поэтических сказаний. В них великий поэт глубоко сочувствует трудящимся горцам.

Гениальные творения великого поэта, как известно, способствовали распространению объективно верных сведений о жизни, быте и борьбе горских народов Кавказа, в том числе и народов Дагестана, и тем самым вызывали в передовых кругах русского общества глубокое сочувствие и уважение к ним. С другой стороны, сам поэт и его творчество оказывали еще в те годы известное воздействие на горцев. Как выясняется, великого русского поэта М. Ю. Лермонтова знали не только те горцы-офи-

¹⁵ С. Н. Голубов. Бестужев-Марлинский. М., 1960, стр. 333.

¹⁶ В. Г. Белинский. Собр. соч. в трех томах, т. I. М., 1948, стр. 692—693.

¹⁷ И. Андроников. Лермонтов в Грузии в 1837 г. М., 1955, стр. 6—7.

¹⁸ М. Ю. Лермонтов. Полн. собр. соч., т. V. М.—Л., 1957, стр. 393.

церы, которые служили в царских войсках, или те, которые встречались с поэтом в бытность его в Дагестане, но как певца Кавказа его знали и в лагере борющихся горцев. Об этом, например, говорит следующий весьма примечательный факт. В 1860 г. в Калуге у пленного Шамиля, рассказывает И. Н. Захарин (Якушин), беседа коснулась М. Ю. Лермонтова. «Я о нем слышал,— сказал Шамиль,— он описывал Кавказ»¹⁹.

Широко представлена дагестанская тема в творчестве А. Шишкова, С. Стромилова, Е. Вердеревского, П. Вяземского, В. Немировича-Данченко и других русских писателей. Особое место в плеяде русских литературных и общественных деятелей, тесно связанных с Дагестаном, принадлежит великому русскому писателю Л. Н. Толстому. Проживая в 1851—1854 гг. на Северном Кавказе, Л. Н. Толстой посетил Кизляр, Аксай, Хасавюрт, Чир-юрт, Темир-Хан-Шуру. Здесь он изучал кумыкский язык, живо интересовался всеми сторонами жизни горцев, их историей, этнографией, народной медициной. С большим вниманием и любовью собирал и записывал фольклор. В письме к поэту А. А. Фету Л. Н. Толстой отмечал, что произведения устного поэтического творчества горцев — «сокровища поэтически необычайные».

Собранный исторический и фольклорно-этнографический материал Л. Н. Толстой использовал в своих превосходных кавказских произведениях «Набег», «Рубка леса», «Казачьи», «Кавказский пленник», «Хаджи-Мурат» и др. Хотя кавказские произведения Л. Н. Толстого до Великой Октябрьской социалистической революции, за редким исключением, не были переведены на языки народов Дагестана, все же в XIX и начале XX в. они были известны в стране гор. «Наряду с другими произведениями Л. Н. Толстого, особенно большую известность и распространение в Дагестане получила повесть „Хаджи-Мурат“. Популярность этой повести настолько велика, что в некоторых районах Дагестана и поныне наблюдаются процессы фольклоризации ее. С одной стороны, фольклоризируется вся повесть, с другой — народное предание о Хаджи-Мурате приобретает окраску толстовской повести»²⁰.

Задолго до XIX в. огромный, неоценимый вклад в изучение природных ресурсов Дагестана, истории и этнографии его народов внесли русские ученые: А. Никитин, Ф. Котов, Г. Шобер, И. Гербер, Я. Маркович, С. Г. Гмелин, И. А. Гюльденштедт, П. Паллас, А. Вольтер, П. Бутков и многие другие.

После присоединения Кавказа к России исследование края стало практической необходимостью для правительства. Этим целям отвечали работы С. Броневского, О. Евецкого, четырехтомный труд «Обозрение российских владений за Кавказом».

¹⁹ И. Н. Захарин (Якушин). Кавказ и его герои. СПб., 1902, стр. 451.

²⁰ У. Б. Далгат. Л. Н. Толстой и Дагестан. Махачкала, 1960, стр. 4.

Около четверти века неустанно, с присущей ему энергией трудился на поприще кавказского языкознания выдающийся русский ученый П. К. Услар. Плодами его многолетнего кропотливого труда явились широко известные фундаментальные исследования по аварскому, даргинскому, лакскому, лезгинскому, табасаранскому и другим языкам Северного Кавказа. «Мнение о крайней бедности этих языков, — подчеркивал он, — совершенно ошибочно и проповедуется людьми, которые не имеют о них никакого понятия. Эти языки, напротив, неимоверно богаты грамматическими формами, которые доставляют возможность выражать самые тонкие оттенки мысли»²¹.

Одновременно с исследованиями горских языков П. К. Услар занимался изучением истории, вел большую и плодотворную работу по сбору и систематизации фольклорного материала, опубликовал содержательные труды «Древнейшие сказания о Кавказе», «Кое-что о словесных произведениях горцев» и другие. Однако круг интересов выдающегося ученого не замыкался рамками научных исследований. Живя продолжительное время в Дагестане, он проникся уважением к горцам, много размышлял над их историческими судьбами, проявлял неустанную заботу об их просвещении. И что особенно важно, П. К. Услар считал, что первый шаг к просвещению составляет грамотность на родных языках. В связи с этим первостепенное значение он придавал замене так называемой аджамской системы письма, основанной на арабской графике, новым алфавитом, составленным на русской основе. Это, по мнению П. К. Услара, способствовало бы вытеснению арабского языка и намного облегчило бы освоение горцами русского языка, без которого они не могли приобщиться к передовой прогрессивной культуре великого русского народа. Обучение горцев «родной грамоте на русском основании, — подчеркивал он, — служит наилучшим подготовительным пособием к изучению грамоты русской. Выучите сначала ученика-горца грамоте на его родном языке и от нея перейдите к русской»²². Существующая в Дагестане система обучения, в основу которой положена арабская грамота, по мнению П. Услара, является истязанием умственных способностей учеников. «Прежде чем дойти до родной грамотности, созданной на арабском основании, — писал он, — ученик-горец должен пройти сквозь иго непостижимых для него арабских солнечных, лунных, хворых букв, тешдида, джезмы и пр. и пр. В таком виде горская письменность доступна лишь для тех, которые предварительно изучили арабский язык, т. е. для тех, которым

²¹ П. У. О распространении грамотности между горцами — «Сборник сведений о кавказских горцах», вып. III. Тифлис, 1870 (далее — ССКГ), стр. 28—29.

²² Там же, стр. 25.

она наименее нужна»²³. В этой связи небезынтересно вспомнить характеристику, данную Ф. Энгельсом арабскому письму: «Если бы не этот проклятый арабский алфавит, в котором то и дело по шесть букв подряд выглядят одинаково и в котором нет гласных, то я бы взялся изучить всю грамматику в течение 48 часов»²⁴.

П. К. Услар был не только последовательным пропагандистом новых алфавитов, но и создателем их. Разработанные им на основе русской графики для ряда языков алфавиты, как отмечают исследователи, «построены с учетом фонем каждого горского языка и в основном правильно отражают его звуковой состав»²⁵.

Неустанно заботясь об открытии в Дагестане светских школ, П. К. Услар считал, что в них необходимо обучать чтению, письму, арифметике. Изучение же классических языков в горских школах, по мнению П. К. Услара, может быть заменено изучением русского языка. «Русский язык, сближение с русской жизнью, хотя бы даже только умственное,— подчеркивал он,— бесконечно важны для будущности Кавказа»²⁶.

И действительно, значение русского языка для народов Дагестана трудно переоценить. Достаточно сказать, что без могучего средства межнационального общения, каким является великий русский язык, горцы Дагестана не имели бы возможности сколько-нибудь успешно развивать свою культуру. Только благодаря русскому языку становилась и стала достоянием горцев передовая прогрессивная культура русского народа и других народов мира. Важное значение в просвещении горцев П. К. Услар придавал и печатанию книг, переведенных с русского на местные языки. При этом, говорил он, «выбор книг для переводов должен быть сделан с осмотрительностью. Каждая книга непременно должна заключать в себе новые полезные сведения. Лучше всего переводить на горские языки популярные брошюры и книги по естествознанию», а от этого «выгода та, что постепенно будет распространяться убеждение, что существует наука и вне корана и что для нее необходимо учиться русскому языку». Причем «переводы русских брошюр на туземные языки,— заверял он,— могут быть выполнены с полным успехом»²⁷. Для работы над переводами книг П. К. Услар привлекал своих учеников и помощников, которые помогали ему и при изучении языков Дагестана. Благодаря неутомимой деятельности П. К. Услара, в 1865—1871 гг. в области было осуществ-

²³ П. У. О распространении грамотности между горцами.— ССКГ, вып. III, стр. 22.

²⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 28, стр. 223.

²⁵ «Ученые записки ИИЯЛ», т. I. Махачкала, 1956, стр. 187.

²⁶ П. У. Указ. соч., стр. 34.

²⁷ Там же, стр. 27—28

лено издание ряда книг и брошюр. В 1865 г. на основе разработанного П. К. Усларом алфавита были изданы «аварская азбука», популярные брошюры «О воздухе и воде, их свойствах и видоизменениях», переведенные на аварский язык А. Черкеевским и на лакский язык А. Омаровым²⁸. В 1871 г. в Темир-Хан-Шуре была издана «Кюринская азбука», составленная учеником и помощником П. К. Услара — Казанфаром Зулфугаровым. По совету П. К. Услара, аварец А. Черкеевский, лакец А. Омаров и другие, «чтобы доставить выучившимся горцам упражнение в чтении», составили сборники сказок, пословиц и песен.

Значительный вклад в изучение истории, археологии и этнографии Дагестана, после присоединения его, внесли русские ученые: А. Берже, И. Березин, Е. Вейденбаум, В. Комаров, М. Б. Лобанов-Ростовский, Н. Дубровин, К. Прушановский, А. Неверовский, Ф. Леонтович, Г. Сухоцкий, И. Леневиц, Н. Львов и многие другие. Среди них особое место принадлежит выдающемуся русскому ученому М. М. Ковалевскому — автору многочисленных фундаментальных работ. Известно, что предметом всех его изысканий являлось обычное право горцев. Однако М. М. Ковалевский изучал эту проблему так широко, что действительным предметом его исследований по существу являлся общественный строй²⁹. Хотя в освещении горского феодализма М. М. Ковалевский был не всегда последовательным и его труды не лишены известных ошибок, все же необходимо отметить, что он внес неоценимый вклад в исследование этого вопроса. Труды М. М. Ковалевского имели большое значение для развития истории и этнографии Кавказа. Они привлекли внимание исследователей, нашли себе продолжателей, оказали большое влияние на многих кавказоведов.

Изучением недр, флоры, фауны и почв Дагестана занимались выдающиеся ученые Г. В. Аби́х, Н. И. Андрусов, Д. Н. Анучин, К. И. Богданович, А. А. Булгаков, К. П. Калицкий, В. В. Докучаев, П. Рупрехт, А. Беккер, Г. Радде, Н. И. Кузнецов, Д. В. Голубятников и многие другие. Они сделали целый ряд научных открытий, положили прочный фундамент в деле дальнейшего и поныне продолжающегося изучения края и практического освоения природных ресурсов Дагестана. За время своих путешествий, нередко весьма длительных, русские ученые с уважением и симпатией относились к горцам и делали все от них зависящее для пропаганды научных знаний в горах.

Огромную роль в распространении научных медицинских знаний, а также в снижении заболеваемости и смертности горцев сыграли знаменитый русский хирург Н. И. Пирогов, врачи И. С. Костемеревский, Э. Р. Гольмблат, Э. С. Андреевский,

²⁸ ССКГ, вып. III, стр. 25.

²⁹ М. О. Косвен. Этнография и история Кавказа. М., 1961, стр. 233.

А. И. Годзиевский и др. В 1847 г. в Дагестане при осаде аула Салты Н. И. Пирогов впервые в истории войны применил эфирный наркоз. Для популяризации «эфирования», после испытания наркоза на самом себе и своих коллегах, он проводил показательные операции в присутствии раненых. Свыше 600 операций с применением наркоза он провел в Темир-Хан-Шуре, Дербенте, Казии-Кумухе и других местах. Слава о «чудесном докторе» (так называли горцы Н. И. Пирогова) распространилась по всему Дагестану. За медицинской помощью к нему обращались жители страны гор, и он всегда оказывал горцам посильную помощь. Он оперировал даже одного из наивов Шамиля. Много сделал Н. И. Пирогов для обучения научным методам лечения горских врачей — хакимов. В 1847 г. под Салтами ассистентом его был Гаджи Муртазалиев из сел. Бутри Акушинского района. Недавно в сел. Леваша обнаружен большой набор подаренных ему Н. И. Пироговым хирургических инструментов, которыми Муртазалиев пользовался в врачебной практике³⁰. В Дагестане великий хирург изучал народную медицину и близко познакомился с деятельностью местных хакимов-врачей и даже заимствовал у них некоторые приемы лечения ран, которые «применял в своей работе, значительно усовершенствовав и научно обосновав»³¹.

В течение 12 лет в Дагестане проработал врач Э. Р. Гольмблат. Занимаясь здесь медицинской практикой, он всегда помогал больным, и что особенно важно, неустанно ратовал за безотказное обслуживание всех горцев, обращавшихся за медицинской помощью к военным врачам.

Плодотворной была в Дагестане и деятельность врача Э. С. Андреевского, разработавшего целый ряд мероприятий по борьбе с инфекционными заболеваниями и в частности применившего на практике хинин для лечения малярии.

Особенно велики заслуги перед народами Дагестана врача-просветителя И. С. Костемеревского. Воспитанник Петербургской медико-хирургической академии И. С. Костемеревский с 1844 г. и до конца своей жизни жил в Дагестане. Работая врачом Дагестанского конного полка, он посетил многие местности области. Но в основном его деятельность проходила в сел. Нижний Дженгутай, где помещалась штаб-квартира полка. Гуманное отношение и бескорыстная помощь, оказываемая им, создали И. С. Костемеревскому славу исцелителя. К нему обращались больные из самых отдаленных концов Дагестана: кумыки, аварцы, даргинцы, лаки, лезгины, табасаранцы и др. Даже женщины-горянки (которые никогда не обращались

---

³⁰ Р. Ш. Аликишиев. Очерки по истории здравоохранения Дагестана. М., 1958, стр. 28.

³¹ «Очерки по истории хирургии в Дагестане». Махачкала, 1960, стр. 37.

к местным хакимам-мужчинам, каким бы серьезным ни было заболевание) приходили охотно к И. С. Костемеревскому. Днем и ночью у его квартиры, где И. С. Костемеревский с раннего утра до поздней ночи вел прием, толпились больные. Бывали даже дни, когда он принимал по 130 и более больных. За время же работы врачом Дагестанского полка (1852—1860 гг.) он оказал медицинскую помощь 15 478 больным. Не менее плодотворной была его деятельность в Гунибском, Кази-Кумухском округах и Петровском военном госпитале. Всюду, где бы он ни был, Костемеревский страстно пропагандировал знания и нес в гущу народа передовую русскую культуру. В 1897 г., умирая, он завещал на культурные мероприятия 30 000 руб., из них на Темир-Хан-Шуринскую лечебницу для проходящих больных — 200 руб.; для организации в Темир-Хан-Шуре ремесленного училища — 4000 руб.; для бесплатных народных школ в Темир-Хан-Шуре и Петровске по 2000 руб.; женской гимназии в Темир-Хан-Шуре — 2000 руб.; на учреждение стипендии в реальном училище в Темир-Хан-Шуре — 1000 руб.; на основание музея кустарных промыслов в Дагестане — 12 779 руб.³²

Здесь мы рассказали о деятельности лишь некоторых русских врачей. Для полноты картины к сказанному следует добавить, что подавляющая часть их оказывала горцам бескорыстную медицинскую помощь. Именно этим можно объяснить то, что к ним обращались даже горцы из «немирного» Дагестана. Об этом свидетельствует хотя бы следующий факт. В 1849 г. наиб Ибрагим обратился к Шамилю с письмом: «Наш человек Гази-Магомед, сын Исы просит у нас разрешения поехать... к русским врачам для лечения», на что Шамиль ответил: «Отпусти его (Гази-Магомеда) в таком случае»³³.

Оценивая в целом общественную деятельность побывавших в Дагестане представителей русской прогрессивной культуры и науки, необходимо подчеркнуть, что большинство из них несло в горы светоч знаний и культуры. Своим гуманным отношением и самоотверженным трудом они убедительно показали, что в Дагестан пришли не только угнетатели-колонизаторы, но и искренние друзья горцев, представители передовой России. Их общественно-политическая деятельность в огромной мере способствовала становлению и развитию между горцами и русским народом взаимопонимания и дружбы.

Весьма важную прогрессивную роль в развитии материальной и духовной культуры горцев Дагестана сыграли простые русские люди, поселившиеся в Дагестане. От них, как отмечалось выше, горцы Дагестана заимствовали целый ряд сельскохозяйственных культур, орудия производства и прочее. Влияние

³² «Кавказ», 1891, № 99.

³³ «Движение горцев Северо-Восточного Кавказа в 20—50 годах XIX в.». Махачкала, 1959, стр. 583.

в сфере производства неизбежно вызывало сдвиги в культуре народов Дагестана, сказывалось на всем образе жизни горцев. В результате многолетнего общения с русским народом вместо векового очага, низкого трехножного стола постепенно в доме горца стали появляться русская печь, кровать, высокий стол, стулья, самовар, фарфоровая и фаянсовая посуда, зеркала, часы, керосиновая лампа и другие бытовые предметы.

В Аксае,— писал учитель Цаллагов,— «мебель в домах встречается редко, но люди более или менее зажиточные, а особенно бывалые, стали уже устраивать свои дома на европейский лад — с хорошей мебелью, хотя полы все-таки оставляют земляные»³⁴. «Вращаясь между русскими,— свидетельствует Афанасьев,— кумыки видят преимущество русских домов перед своими и стараются подражать русским строениям: так, делают печи, окна створчатые..., потолки, полы и другие приспособления»³⁵. Побывавший в нагорном Дагестане в 1867 г. Н. В. Воронов сообщает, что в Гидатлинском обществе русскую мебель и другие предметы европейского быта можно встретить в домах зажиточных горцев и чиновных людей³⁶. В Кумухе он видел дом, комнаты которого были «убраны отчасти по-европейски», полы покрыты коврами и паласами. Была «кое-какая мебель..., в нишах стен расставлена разная стеклянная и фаянсовая посуда». В одной из комнат «стояла двуспальная кровать,... стол вроде письменного» и несколько стульев³⁷. По свидетельству де Лиль-Адама, в Акушах был дом, в котором имелись кровати³⁸.

Под влиянием общения с русским народом происходило изменение в домостроительстве и планировке аулов Дагестана. Во второй половине XIX в., утверждает С. Ш. Гаджиева, в кумыкском ауле происходят существенные изменения. «Вместо старых домов с глухими стенами на улицу появляются новые двухэтажные дома с большими окнами, балконами и остекленными галереями», кумыки «строили свои жилые дома и торговые заведения на русский городской лад». В результате этого в населенных пунктах равнинного Дагестана появились совершенно иначе застроенные кварталы, такие как Базаравул в Тарках, Алиберувул в Эндрее и др.³⁹ Аналогичные изменения происходили и в домостроительстве нагорного Дагестана. Если до

³⁴ Цаллагов. Аксай (или Ташкичу).—«Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа» (далее — СМОМПК), вып. XVI. Тифлис, 1893, стр. 32.

³⁵ Афанасьев. Селение Костек.— СМОМПК, вып. XVI, стр. 97.

³⁶ Н. В. Воронов. Из путешествия по Дагестану.— ССКГ, вып. I. Тифлис, 1868, стр. 32.

³⁷ Там же, стр. 32—33.

³⁸ Владимир Виллер де Лиль-Адам. Две недели в Даргинском округе.— ССКГ, вып. VIII. Тифлис, 1875, стр. 17.

³⁹ С. Ш. Гаджиева. Материальная культура кумыков XIX—XX вв. Махачкала, 1959, стр. 50.

присоединения к России в домах отсутствовали окна (их заменяли небольшие отверстия в потолке), то уже с 30-х годов, как отмечают современники, в Хунзахе стали строиться дома со стеклянными окнами⁴⁰. Со второй же половины XIX в. в нагорном Дагестане и особенно торгово-ремесленных центрах все чаще строятся дома в европейском стиле, с балконами, большими окнами, железной крышей. Вышеупомянутый де Лиль-Адам свидетельствует, что в Акушах дом Нур-Баганд-Кадия «похож на небольшой европейский домик», в котором «комнаты обклеены... обоями»⁴¹.

Существенные изменения происходили и в жилищном строительстве нагорного и Южного Дагестана. «Причиной этого явления, как справедливо отмечают исследователи, надо считать... культуру, которая с конца XIX в. все более и более проникала в предгорные и горные районы Дагестана»⁴². Архитектурные формы домов-дворцов, появившихся в нагорном Дагестане во второй половине XIX в., утверждает Г. Я. Мовчан, «в значительной степени подоказаны городской архитектурой, с несомненной степенью свидетельствуют о том, что мастера... работали в городе... Городские формы неплохо поняты и не без своеобразного переживания переданы...»⁴³.

Под влиянием России происходило и обогащение изобразительных средств дагестанских мастеров. Так, применяемый кубачинскими мастерами «москов-накиш», т. е. московский узор или московский орнамент был заимствован ими из России. «По своему характеру,— пишет Н. Бакланов,— он („москов-накиш“.— В. Г.) действительно напоминает оригинальный мотив, встречается в росписях XVII в. в качестве украшения, подражающего вышивке тех платков, которыми „убирались“, т. е. расписывались нижние части стен в церковных и палатных росписях. Кроме того, аналогичными, но более примитивно выполненными букетами расписывается русский фаянс (блюда, тарелки, кувшины-квасники, миски) XVII—XVIII вв., стекло (бутыли, штофы) того же времени, т. е. как раз те вещи, которые до сих пор в изобилии сохранялись в быту кавказского горца и особенно у кубачинских антикваров. Таким путем, очевидно, узор был принесен с Руси в конце XVII или начале XVIII в., понравился здесь, привился и получил право гражданства, сохранив на память о своем происхождении название московского»⁴⁴. «„Москов-накиш“,— говорит Е. Шиллинг,— безусловно, резуль-

⁴⁰ «О нынешнем состоянии земель кавказских (из „Journal de Débats“)». — «Вестник Европы», 1826, сентябрь — октябрь, стр. 119.

⁴¹ Владимир Виллер де Лиль-Адам. Указ. соч., стр. 11.

⁴² Г. Н. Любимова, С. О. Ханмагомедов. Народная архитектура Южного Дагестана. М., 1956, стр. 48.

⁴³ Г. Я. Мовчан. Жилища нагорного Дагестана в XIX—XX вв. Канд. дисс. М., 1947, стр. 64.

⁴⁴ Н. Б. Бакланов. Златокузнецы Дагестана. М., 1926, стр. 48.

тат... воздействия извне. Его мотивы могли проникнуть в селение Кубачи примерно с XVI в., когда стали крепнуть и расти постоянные связи между Кавказом и Московским государством»⁴⁵. В результате подражания эмалевым изделиям России, в Кубачах примерно в середине XIX в. возникает эмалевая работа. Однако, и последней эмалеры сел. Кубачи, поставившие свое искусство на весьма высокий уровень, обучались у русских мастеров. Так, один из лучших мастеров-эмалеров «Бахмут Топчиев в конце XIX в. ездил в Москву и Петербург, видел там эмалевые изделия, закупил материал и стал работать в сел. Кубачи с братом, добившись неплохих результатов и выписывая в последующие годы эмаль из Москвы»⁴⁶.

Во второй половине XIX в. в связи с увеличением привоза изделий русской фабрично-заводской промышленности, а также с приобщением к русской культуре, происходили изменения в одежде и пище горцев. Все большее и большее распространение получает русская городская одежда: пальто, костюм, сапоги и т. д. Частым стало употребление жидкой пищи (супов), картофеля, томата, капусты и других овощей. Горцы Дагестана заимствовали от русских и способы засолки овощей, приготовления кондитерских изделий. Правда, все эти изменения происходили в Дагестане неравномерно. Жители близлежащих к городам и к русскому населению аулов Дагестана, естественно, быстрее приобщались к русской культуре, чем горцы отдаленных районов.

В проникновении русской культуры в нагорный Дагестан большую роль играли отходники. Проживая в городах Кавказа и России, горцы-отходники изучали русский язык, приобретали трудовые навыки, приобщались к русской культуре. Известно также немало случаев, когда русские люди оказывали посильную помощь и поддержку и даже обучали горцев грамоте. Оказавшийся по воле судьбы в России горец из Дагестана Алей, — рассказывает Ф. М. Достоевский, — был «далеко не обыкновенным человеком и вспоминаю о встрече с ним как об одной из лучших встреч в моей жизни. Умный, скромный, деликатный Алей быстро научился шить белье, сапоги, выучился столярному делу. Узнав, что он хочет выучиться грамоте, я начал обучать его». «В несколько дней он выучился превосходно читать», а «месяца через три он уже совершенно понимал книжный язык. Он учился с жаром, с увлечением... Письмо у нас пошло тоже чрезвычайно успешно». «Никогда не забуду, — продолжает Ф. М. Достоевский, — наше расставание. Обнимая и целуя со слезами на глазах, он говорил мне: „Ты для меня столько сделал... что отец мой, мать мне бы столько не сделали: ты

⁴⁵ Е. М. Шиллинг. Кубачинцы и их культура. М.—Л., 1949, стр. 111.

⁴⁶ Там же, стр. 97.

меня человеком сделал, бог заплатит тебе, а я тебя никогда не забуду»⁴⁷.

Благодаря длительному общению народов Дагестана с русским народом происходило обогащение и развитие языков народов Дагестана. Русский язык — язык высокой культуры — сыграл огромную роль в развитии языков народов Дагестана. «Заимствование слов из русского языка, в раннем периоде представлявшее усвоение незначительного количества русизмов для обозначения новых предметов быта и сельского хозяйства, а также слов, связанных с административно-управленческими, военными понятиями, в дальнейшем, особенно в советский период, становится очень активным»⁴⁸.

С присоединением Дагестана Россия предприняла ряд мер, объективно способствовавших развитию культуры народов Дагестана. И среди них в первую очередь заслуживает быть отмеченным открытие в области светских школ. Правда, правительство, открывая школы, ставило целью подготовку прислужников самодержавия, готовых верой и правдой служить царизму. Вместе с тем открытие светских школ и создание в связи с этим возможности для молодежи страны гор обучаться в русской средней и высшей школе имело огромное прогрессивное значение. Первым учебным заведением, открытым правительством в Дагестане, было Дербентское городское училище на 35 мест, основанное в 1837 г. Численность его воспитанников росла очень медленно и к 1848 г. составила 57 человек. Однако и среди них почти не было выходцев из нагорного Дагестана. Не обучались горцы и в основанных еще в 1842 г. частных училищах Петровска и в укреплении Низовое. Поэтому решено было открыть в Дербенте же специальное мусульманское училище на 60 мест. Об открытии его было оповещено в округах, и уже в мае 1849 г. в город для поступления приехало 20 человек даргинцев, табасаранцев, аварцев, кумыков и представителей других народностей Дагестана. В декабре 1849 г. в училище обучались 64 человека, из которых 34 по собственному желанию, кроме арабского, изучали и русский язык. Но в последующие годы число воспитанников Дербентского мусульманского училища сократилось, в 1854 г. их обучалось всего 20 человек. Такое положение военный губернатор объяснял отдаленностью Дербента и жарким климатом, который «удаляет желающих к постоянному учению, так что редкий ученик, пробыв в школе один год, приходит и на другой»⁴⁹. В связи с этим в январе 1855 г.

⁴⁷ «Дагестан в русской литературе», т. 1, стр. 322—327.

⁴⁸ Ф. Б. Астемирова. Роль русского языка в развитии и обогащении кумыкского языка. Автореф. канд. дисс. М., 1963, стр. 28.

⁴⁹ Е. Козубский. К истории народного образования в Дагестанской области в первое десятилетие.— «Дагестанский сборник», вып. 1. Темир-Хан-Шура, 1902, стр. 201.

мусульманское училище из Дербента было переведено в Темир-Хан-Шуру.

В середине XIX в. согласно принятому в 1836 г. положению о военных школах Кавказской армии, было решено открыть школы для детей офицеров и чиновников при Апшеронском полку в Темир-Хан-Шуре, в Самурском полку в Дешлагаре и при Ширванском полку в Кусарах. В 1856 г. открыли школу в Темир-Хан-Шуре, которая вскоре же в связи с переводом Апшеронского полка была переведена в укрепление Ишкарты. В том же 1856 г. при Дагестанском конном полку по инициативе и при непосредственном участии И. С. Костемеревского открылась школа для детей и братьев солдат полка, а также детей местных жителей. Весть об открытии школы быстро распространилась по Дагестану и, по словам И. С. Костемеревского, вызвала такой приток желающих поступить учиться, что вскоре в аптеке, где занимались ученики, стало тесно и полковой командир должен был уступить обучавшимся другое помещение. Само собой понятно, что не все желающие могли попасть в школу: контингент обучающихся в школе был весьма ограничен, и в самые лучшие времена число их доходило до 30. Учащиеся в школе обучались русскому языку, чистописанию, арифметике, пению, начальным сведениям по истории и географии, знакомились с принципами изготовления бумаги, стекла, книгопечатания, устройства железных дорог и т. д. Причем благодаря неутомимой деятельности И. С. Костемеревского ученики успешно осваивали русский язык и другие предметы.

На экзаменах 1858 г. воспитанники-горцы показали, что они неплохо говорят по-русски, декламируют стихотворения, знают устный счет, имеют сведения по географии и т. д.⁵⁰

В 1859 г. в укреплении Ахты по инициативе Лебединского открыли сельскую начальную школу, «в которой учились горские мальчишки», но эта школа просуществовала недолго, с отъездом из Ахтов Лебединского в начале 1861 г. ее закрыли.

В начале 60-х годов кавказская администрация приступила «к более широкой организации дела образования горцев». В 1861 г. (на основании составленного в 1859 г. «Устава горских школ») в Темир-Хан-Шуре была открыта окружная трехклассная школа, в состав которой вошло и мусульманское училище. При школе «был учрежден пансион, из которых казеннокоштных 40 : 25 горцев из почетных фамилий Северного и Южного Дагестана и 15 детей русских чиновников». Остальные 25 вакансий содержались за счет сумм Кавказского наместника

---

⁵⁰ Г. Ш. Каймаразов. Прогрессивное влияние России на развитие культуры и просвещение в дореволюционном Дагестане. Канд. дисс. М., 1955, стр. 180.

и средств родителей⁵¹. За время существования горская школа в среднем имела 75 учеников ежегодно⁵².

В 1874 г. она была преобразована в прогимназию на 142 ученика с подготовительным и первым классом. С открытием третьего и четвертого класса пансион был увеличен до 60, а общее число обучавшихся в 1879 г. достигло 227 учеников. В 1880 г. после неоднократного обращения жителей области кавказская администрация преобразовала Темир-Хан-Шуринскую прогимназию в шестиклассное реальное училище⁵³.

В 1861 г. была открыта школа в Ахта на 44, в Кумухе на 15 воспитанников, среди которых в год открытия обучалась «одна женщина»⁵⁴. С 1870 г. до конца XIX в. в городах и селах области были открыты: «одноклассное начальное училище грамотности и ремесел» в гор. Порт-Петровске, двухклассное мужское и одноклассное женское училище в Чир-юрте, в Темир-Хан-Шуре женское прогимназия (с 1897 г. — гимназия), Дербентская женская прогимназия, преобразованная в гимназию, женское училище в Хасавюрте, городское училище в Дербенте, двухклассные училища в Касумкенте, Дешлагаре, Кумухе, Маджалисе; одноклассные училища в Аксае, Костеке, Карабудахкенте, Хунзахе, Хаджал-Махах, Каякенте, Ботлихе, Гунибе, Телетле, Левашах, Ишкартах, Кафыр-Кумухе⁵⁵. Всего в 1900 г. в области насчитывалось 28 городских и сельских учебных заведений, из них два средних, в которых обучалось 2093 мальчиков и девочек. В первое десятилетие XX в. количество школ области увеличилось почти вдвое, и к 1911 г. число учебных заведений достигло 54 и в них учащихся 5404 человека, из общего числа которых лишь 48% составляли дети горцев⁵⁶. Все это говорит о том, что сеть учебных заведений в области из года в год возрастала. Кроме того, начиная с 60-х годов XIX в. для детей «почетных горских семей» Дагестана были открыты вакансии в учебных заведениях вне области. В 1866 г. для детей горцев Дагестана «была открыта вакансия в Ставропольской гимназии», причем, по распоряжению Кавказско-горского управления, на эти места могли быть зачислены лишь те, «которые свободно говорят по-русски и понимают излагаемое на русском языке, без всякого затруднения в состоянии выдержать экзамен в соответствующий их возрасту класс гим-

⁵¹ Е. Козубский. Указ. соч., стр. 205.

⁵² Там же, стр. 206.

⁵³ Там же, стр. 207—214.

⁵⁴ ЦГА ДАССР, ф. 2, оп. 2, д. 127, л. 38; ССКГ, вып. X. Тифлис, стр. XII.

⁵⁵ А. К. Селимханов. Историческая справка (о датах открытия школ в дореволюционном Дагестане). — «Ученые записки Дагестанского жен. пед. ин-та», т. 2. Махачкала, 1958, стр. 168—169.

⁵⁶ ЦГА ДАССР, ф. 7, оп. 1, д. 11, л. 41; ИИЯЛ, Рукоп. фонд, д. 2616, л. 183; «Обзор Дагестанской области за 1911 г.». Темир-Хан-Шура, 1912, стр. 57.

назии, поэтому на эти вакансии избирать единственно тех детей горцев, которые воспитываются в горских школах и своими способностями и успехами обращают на себя внимание училищного начальства»⁵⁷. С 1866 по 1890 г. в Ставропольскую гимназию было отправлено 124 уроженца Дагестана: кумыков, аварцев, даргинцев, лаков, лезгин, табасаранцев и др.

В 1868 г. 15 вакансий открылось в Бакинском реальном училище. По имеющимся данным, в течение 10 лет (с 1868 по 1888 г. включительно) в Бакинское реальное училище поступило 47 уроженцев Дагестана. С конца 60 годов XIX в. дети «почетных горцев» принимались в высшие учебные заведения Москвы, Петербурга, Харькова и других крупных городов России. В 1869 г. стипендиатами области были приняты на юридический факультет Московского университета — М. Далгат, в Харьковский университет — А. Келеметов, в Петербургскую медико-хирургическую академию — М. Арабилов и др. В последующие годы число горцев, обучающихся в высших учебных заведениях Центральной России несколько увеличилось. В 1894 г. учреждены 5 стипендий в Тифлисской фельдшерской школе для детей дагестанцев.

Несомненно, просвещение в области достигло бы еще больших результатов, если бы правительство не было, по определению В. И. Ленина, величайшим врагом «народного просвещения в России»⁵⁸. Даже представители царской администрации вынуждены были признать, что действующие в области школы охватывали лишь самое незначительное число горцев, желающих получить образование. Огромному большинству горцев отказывали в приеме в сельские училища⁵⁹. Еще труднее было горцам определить своих детей в среднюю и высшую школу; как правило, туда принимались дети «влиятельных» и «почетных» горцев.

«Четыре пятых молодого поколения, — подчеркивал В. И. Ленин в 1913 г., — осуждены на безграмотность крепостническим государственным устройством России»⁶⁰. На окраинах, в том числе и в Дагестане, безграмотными была несравненно большая часть населения, чем в Центральной России. Как мы уже отмечали, основным пороком царских школ было то, что они воспитывали молодое поколение в духе православия и самодержавия. «Старая школа, — указывал В. И. Ленин, — заявляла, что она хочет создать человека всесторонне образованного, что она учит наукам вообще. Мы знаем, что это было насквозь лживо, ибо все общество было основано и держалось на раз-

⁵⁷ Е. Козубский. Указ. соч., стр. 192.

⁵⁸ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 23, стр. 132.

⁵⁹ ЦГА ДАССР, ф. 2, оп. 2, д. 112, л. 17; д. 123, л. 203.

⁶⁰ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 23, стр. 127.

делении людей на классы, на эксплуататоров и угнетенных. Естественно, что вся старая школа, будучи целиком пропитана классовым духом, давала знания только детям буржуазии. Каждое слово ее было подделано в интересах буржуазии. В этих школах молодое поколение рабочих и крестьян не столько воспитывали, сколько натаскивали в интересах той же буржуазии. Воспитывали их так, чтобы создавать для нее пригодных слуг, которые были бы способны давать ей прибыль и вместе с тем не тревожили бы ее покоя и безделья»⁶¹.

Но, несмотря на то, что число школ было незначительным, а целью царизма была подготовка кадров в духе самодержавия, все же открытые царским правительством школы объективно сыграли важное значение, т. к. старая школа, несмотря на все отрицательные стороны, как отмечал В. И. Ленин, «была школой учебы». В ней с массой «ненужных, лишних, мертвых знаний»⁶² подрастающее поколение получало положительные знания. Следует также отметить, что в учебных заведениях они имели возможность изучать труды великих русских революционеров-демократов и марксистскую литературу.

В публичной библиотеке, доносил в 1869 г. директор Ставропольской гимназии Марков, «я всегда находил много наших воспитанников и еще более семинаристов. Все они выбрали себе для чтения большей частью весьма пикантные вещи» — журналы «Дело», «Искра», произведения Н. Г. Чернышевского, Н. А. Добролюбова и других. «Мне казалось всегда, что если в Ставропольской гимназии попадают иногда молодые люди с превратным, так называемым, отрицательным направлением, то причину этого надо искать положительно в здешней публичной библиотеке»⁶³. По доносу Маркова царские власти произвели проверку библиотеки, изъяли из нее большое количество журналов и книг. Библиотекаря Г. А. Лопатину было запрещено заниматься общественной работой, а чуть позже он был арестован⁶⁴. Однако ничто не могло приостановить проникновение революционно-демократических идей в среднюю и высшую школу России. Рискуя свободой, учащаяся молодежь, в том числе юноши Дагестана, изучали революционную литературу.

Обучавшаяся в средней и высшей русской школе молодежь Дагестана распространяла русскую культуру. Вернувшись в родной аул на каникулы, гимназист Г. М. Амиров, употребил все средства, чтобы снискать расположение остряка и балагура старика Алишера Аци: «В этом много помогли мне „Басни Крылова“. Он полюбил эти басни, заставлял меня переводить

⁶¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, стр. 303.

⁶² Там же.

⁶³ Г. К р а с н о в. Ставрополь на Кавказе. Ставрополь, 1957, стр. 68.

⁶⁴ Там же.

их, а потом в „кумане“ рассказывал другим, причем выставлял их собственными произведениями»⁶⁵. Со временем, продолжает Амиров, «он приглашал меня к себе домой, куда собирались также односельчане, где читал им и переводил басни: „Лисица и виноград“, „Ворона и Лисица“ и др., которые вызывали у слушателей одобрение и имели большой успех»⁶⁶. Часто таким же путем проникали в горы произведения А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, Л. Н. Толстого и других передовых, прогрессивных деятелей России.

Важную роль в развитии культуры народов Дагестана, как и всех народов Кавказа, сыграла периодическая печать («Тифлисский листок», «Кавказ», «Голос Кавказа», «Каспий» и др.), сборники («Сборник сведений о кавказских горцах», «Кавказский сборник». «Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа», «Кавказский календарь») и многие другие издания.

«С прошлого года,— писал в 1847 г. В. Г. Белинский,— в Тифлисе издается газета „Кавказ“, значение которой неоспоримо важно в двух отношениях: с одной стороны, это издание, по своему содержанию столь близкое сердцу даже туземного народонаселения, распространяет между ними образованные привычки и дает возможность грубые средства к рассеянию заменить полезными и благородными; с другой стороны, газета „Кавказ“ знакомит Россию с самым интересным и наименее знакомым ей краем, входящим в ее состав. Верная своему специальному назначению, эта газета вполне достигает своей цели: ее содержание — неистощимый магазин материалов для истории, географии, статистики и этнографии Кавказа»⁶⁷.

Эта характеристика великого критика с полным основанием может быть распространена и на другие вышеуказанные издания. Как и в газете «Кавказ», в них печаталось множество статей о жизни, быте и историческом прошлом горских народов Кавказа. Так же, как и «Кавказ», они знакомили русского читателя с народами Кавказа и способствовали распространению среди местного населения научных знаний и культуры. Правда, число подписчиков на периодическую прессу в Дагестане было незначительным, и тем не менее многие сведения из печати, передаваемые из уст в уста, получали самое широкое распространение. «В Дагестане,— свидетельствует А. Андреев,— не много телеграфной проволоки, но устный телеграф развит изумительно..., и не думайте, что лезгины (т. е. народы Дагестана.— В. Г.) интересуются местными делами. Нет, для них инте-

⁶⁵ Г. М. Амиров. Среди горцев Северного Дагестана (из дневника гимназиста).— ССКГ, вып. III. Тифлис, 1873, стр. 49.

⁶⁶ Там же, стр. 50.

⁶⁷ В. Г. Белинский. Соч., т. XI. М., 1875, стр. 83—84.

ресны и тифлиские дела и даже события европейской политики. Во время франко-прусской войны, например, мне самому приходилось слышать, как в Хунзахе обсуждали те или другие эпизоды и, между прочим, решали, удастся ли Гамбетте прорваться на шаре через линию немецких войск»⁶⁸. Однако в Дагестане не только распространялись периодические издания, но некоторые из горцев в них печатали свои произведения. Говоря о значении литературы вообще и периодической печати в частности, нельзя не отметить, что начиная с середины XIX в. в Дагестан проникали также газеты и журналы, издаваемые в Центральной России. Есть даже сведения, что в 60-х годах на Северный Кавказ проникли экземпляры издаваемого в Лондоне А. И. Герценом и Н. П. Огаревым «Колокола»⁶⁹. Проникала в дореволюционный Дагестан и марксистско-ленинская литература.

Заметную роль в развитии общей культуры горцев сыграло также открытие в Дагестане медицинских учреждений (аптек, ветеринарных пунктов), телеграфно-почтовых отделений, библиотек, типографий и других культурных заведений.

В 1849 г. правительственным указом в Дербенте (являвшемся тогда губернским городом) учреждены должности городского врача, старшего лекаря и повивальной бабки «с жалованием с городских доходов»⁷⁰. В последующие годы сеть медицинских учреждений, хотя и очень медленно, увеличивалась. В 1900 г. в округах области было 9 врачей, «при каждом из которых находились 2 фельдшера и 3 оспопрививателя. Кроме того, в сел. Касумкент был приемный покой на 5 кроватей», в Акуше — на 4, в Телетле и Каякенте на 5 кроватей. В городах, кроме больниц военного ведомства, железнодорожных и больницы при Темир-Хан-Шуринском реальном училище, были амбулатории. В области было также 9 аптек⁷¹, а в 1913 г. работало 38 врачей, 98 фельдшеров, 32 акушерки, 4 зубных врача, 14 фармацевтов, 20—25 оспопрививателей. Один врач приходился на 18,4 тыс. населения, один фельдшер на 7 тыс. жителей⁷². Как видно, сеть медицинских учреждений в Дагестане была совершенно недостаточной. На это обстоятельство указывали даже представители царской администрации области. «Медицинская помощь,— писал один из окружных начальников,— настолько слаба..., отпуск медикаментов настолько

⁶⁸ А. Андреев. По дебрям Дагестана.— «Исторический вестник», 1899, № 10—12, стр. 431.

⁶⁹ L. Widerszal. Sprawy kaukaskie w polityce europejskiej w latach 1831—1864.— «Rozprawy Historyczne Towarzystwa Naukowego Warszawskiego», t. XIII, z. I. Warszawa, 1934, str. 201.

⁷⁰ ЦГА ДАССР, ф. 3, оп. 2, д. 18, лл. 16—17.

⁷¹ «Памятная книжка и адрес-календарь Дагестанской области на 1901 г.», стр. 126—129.

⁷² «Очерки истории Дагестана», т. I. Махачкала, 1957, стр. 380.

мал, что никакой помощи населению оказать нельзя»⁷³. И это тогда, когда в Дагестане была очень высокая заболеваемость и смертность, а из-за тяжелых условий материальной жизни, антисанитарного состояния населенных пунктов почти ежегодно в Дагестане свирепствовали эпидемические болезни. Открытие медицинских учреждений играло весьма положительную роль в жизни горцев Дагестана. Русские врачи И. С. Костемеровский, К. М. Трипольский, Г. С. Кузнецов, И. И. Кривякин, Е. Ефремов, М. А. Баков и многие другие, не считаясь с трудностями и лишениями, самоотверженно и неустанно трудились на ниве здравоохранения. Работавший в дореволюционном Дагестане С. М. Казаров впоследствии вспоминал, как начальник Кайтаго-Табасаранского округа запрещал проводить санитарно-просветительскую беседу в селениях, где среди детей свирепствовала корь. «Сей бюрократ,— заключает он,— боялся, чтобы беседа не перешла, упаси боже, в... противоправительственную пропаганду». Русским врачам приходилось преодолевать трудности и другого характера. «Бывало,— писал С. М. Казаров,— что по 6 месяцев не оплачивали нам зарплату, но безрадостное положение трудящихся — голод, нищета и эпидемии заставляли нас забывать о себе, делать все, что возможно... для лечения больных, для прекращения множества болезней как среди взрослого населения, так и детей»⁷⁴.

Из всего сказанного видно, что передовая, прогрессивная культура великого русского народа оказывала все большее влияние на Дагестан. Вопреки колониальной политике самодержавия и против ее воли развивалась культура народов Дагестана. Под животворным влиянием русской культуры в XIX — начале XX в. в Дагестане выдвинулась целая плеяда ученых: историков, этнографов, фольклористов.

В 1846 г. в газете «Кавказ» была опубликована статья лезгина — ученика Тифлисской гимназии Шерапела Айгопи «Дагестанские предания», содержащая легенды о Шах-Наме и о нашествии на Дагестан Надир-шаха⁷⁵. Через два года в той же газете был напечатан обширный очерк Д.-М. Шихалиева «Рассказ кумыка о кумыках»⁷⁶. Этот, до настоящего времени не потерявший научного значения, очерк посвящен изучению происхождения кумыков, их истории, кумыкско-русским взаимоотношениям. Но наиболее ценным является то, что он, как

⁷³ ЦГА ДАССР, ф. 32, оп. 1, д. 4, л. 3.

⁷⁴ Р. Ш. Аликишиев. Указ. соч., стр. 82—83.

⁷⁵ «Кавказ», 1846, № 24; М. О. Косвен. Материалы по истории Кавказа в русской науке.— «Кавказский этнографический сборник», т. 1, 1955, стр. 335.

⁷⁶ «Кавказ», 1948, № 39—51: о Д.-М. Шихалиеве с.: «Кавказский календарь на 1848 г.»; М. О. Косвен. Материалы по истории Кавказа в русской науке, стр. 336; С. Ш. Гаджиева. Кумыки. М., 1961, стр. 8.

никто другой, дал широкое освещение хозяйства и быта, общественного строя, классовых и сословных отношений в Кумыкии.

Аварец М. Хандиев, работая преподавателем аварского языка в Новочеркасском отделении восточных языков, составил руководство по аварскому языку и учил по нему учеников своих. Здесь он выучился свободно говорить и писать по-русски, составил для аварского языка азбуку и хрестоматию. «В ней,— говорит П. К. Услар,— много переведено с русского, между прочим весьма удачна сказка Пушкина о золотой рыбке»⁷⁷. В 1861 г., когда дни Хандиева были уже сочтены, «он не сознавал опасности своего положения, и умирая, усердно учился французскому языку, в котором оказывал большие успехи»⁷⁸.

Лакец А. Омаров, бывший помощником П. К. Услара в изучении лакского языка и составлении «Арифметики», в 1867 г. издал два этнографических очерка: «Воспоминания муталима»⁷⁹ и «Как живут лаки (из воспоминаний детства)»⁸⁰, в которых дал описание материальной и духовной культуры, быта и нравов лаков. Он подверг резкой критике школы при мечетях и ханское управление, выставив представителей местного мусульманского духовенства людьми безнравственными и бездельниками. Следует особо подчеркнуть, что данная А. Омаровым критика духовенства и ханского управления тесно связана с его общественно-политической деятельностью, подчинена интересам экономического и культурного сближения Дагестана с Россией и просвещения народа. Кроме того, А. Омаров собирал и издал в своем переводе на русский язык «Кази-Кумухские (лакские) народные сказания»⁸¹, перевел с арабского на русский язык сочинения Джамалэддина Кази-Кумухского «Адабул Марзия (правила достойных приличий)»⁸² и Магомедханова «Истинные и ложные последователи тариката»⁸³.

Как собиратель фольклора аварцев известен и другой помощник П. К. Услара, Айдемир Черкеевский. Им были собраны и изданы «Аварские песни и сказки», «Сказки и басни»⁸⁴. Кроме того, им была написана статья «О происхождении аварцев»⁸⁵. В ней А. Черкеевский, используя преимущественно лингвистический материал, представил аварцев пришельцами

⁷⁷ ССКГ, вып. III, стр. 19—20.

⁷⁸ Там же.

⁷⁹ ССКГ, вып. I—II. Тифлис, 1868—1869.

⁸⁰ ССКГ, вып. III—IV. Тифлис, 1870.

⁸¹ ССКГ, вып. I. Тифлис, 1868.

⁸² ССКГ, вып. II. Тифлис, 1869.

⁸³ ССКГ, вып. IV. Тифлис, 1870.

⁸⁴ «Аварские песни и сказки» (на аварском языке). Темир-Хан-Шура, 1867; «Сказки и басни, собранные и переведенные с аварского».— ССКГ, вып. I.

⁸⁵ ССКГ, вып. XIV. Тифлис, 1892.

в Дагестан с Севера. Хотя этот вывод автора не выдерживает научной критики, все же сама постановка столь важного и в то же время весьма сложного для решения вопроса в то время представляла немалый интерес.

Другим деятелем национальной культуры, испытавшим на себе благотворное влияние русской культуры, был кумык М.-Э. Османов. Работая с 1860 г. эфендием лейб-гвардии Кавказского эскадрона е. и. в. конвоя в Петербурге, он усовершенствовал свои знания в арабском и тюркско-татарском языках, изучал также русский язык. В 1872 г. он был приглашен читать в Петербургском университете курс лекций «Мусульманское законоведение». Здесь он сблизился с видными русскими ориенталистами: уроженцем Дербента М. А. Казим-беком, И. Березиным, К. Смирновым, В. Р. Розеном, которые оказали огромное влияние на формирование мировоззрения М.-Э. Османова. Став преподавателем Петербургского университета, он неоднократно выезжал на Кавказ для сбора этнографического материала, из которого составил сборник ногайских и кумыкских народных песен, изданный в 1883 г. в Петербурге при помощи Российской Академии наук. Имеются также сведения о том, что М.-Э. Османовым были опубликованы и подготовлены к изданию и другие научные труды. Но, к сожалению, они до сих пор еще не обнаружены.

В 70-х годах были также изданы историко-этнографические очерки Н. Алибова «Рассказы тавлинца (из воспоминаний детства)»⁸⁶, «Из воспоминаний дагестанского горца»⁸⁷, Г.-М. Амирова «Среди горцев Северного Дагестана»⁸⁸. В Темир-Хан-Шуре вышла брошюра А. Дамугоева «Совет моим единоверцам», где автор призывал приобщиться «к новому образованию»⁸⁹, и др.

Содержательная работа о религиозных верованиях чеченцев была опубликована учеником М. М. Ковалевского даргинцем Б. Далгат⁹⁰. Кроме того, он собирал материалы «об обычном праве даргинцев», которые были широко использованы М. М. Ковалевским⁹¹. Он записал и издал также «Цудахарские песни»⁹².

В 1906 г. учеником Ставропольской гимназии С. Габиевым была напечатана обширная статья «Лаки, их прошлое и быт»⁹³,

⁸⁶ «Кавказ», 1873, № 57, 59, 87, 89, 106.

⁸⁷ «Кавказ», 1874, № 65, 96, 103—105, 146.

⁸⁸ ССКГ, вып. III, стр. 25.

⁸⁹ ССКГ, вып. VII. Тифлис, 1873.

⁹⁰ Б. Далгат, Первобытная религия чеченцев. Владикавказ, 1893.

⁹¹ М. О. Косвен. Этнография и история Кавказа, стр. 232, 244. К сожалению, материалы «по обычному праву даргинцев», переработанные Б. Далгат в 1929 г., не изданы.

⁹² ССКГ, вып. XIV.

⁹³ СММПК, вып. XXXVI. Тифлис, 1906.

являющаяся поныне одним из главных источников нашего знакомства с прошлым лакского народа⁹⁴.

Благотворное влияние оказала русская культура и на тех ученых, которые воспитывались на традициях арабоязычной культуры. Под влиянием изменений, происходивших во второй половине XIX в. в социально-экономической и культурной жизни, сформировались общественно-политические и просветительские взгляды Г. Алкадари. В чрезвычайно сложных и своеобразных условиях общественной жизни Дагестана Г. Алкадари сумел понять путь развития горских народов. В отличие от своих предшественников, как справедливо отмечает А. Гасанов, он мыслит «с точки зрения русской материальной культуры»; не зная даже, чему обучаются дети в русских школах, «он чувствовал, что доктора, инженеры, агрономы, ветеринары и прочие культурные работники, вышедшие из русских школ, делают его сторонником образования иного порядка, чем то, которое получил сам»⁹⁵.

Разносторонний ученый и просветитель Г. Алкадари оставил после себя большое научное наследие, но самым фундаментальным его трудом является «Асари-Дагестан», который, по словам В. В. Бартольда, «написан не без таланта и содержит много ценных сведений, особенно по части новой истории Дагестана»⁹⁶. Содержательный труд Г. Алкадари, хотя и носит несколько компилятивный характер, все же не является простым пересказом и тем более переводом последней части «Гюлистан-Ирам», как утверждает биограф А. К. Бакиханова Б. М. Бахарлы⁹⁷.

Опираясь на различные сведения, почерпнутые из различных источников, в том числе и русских, Г. Алкадари умело изложил историю Дагестана с древнейших времен до середины XIX в. Кроме того, перу Г. Алкадари принадлежит сочинение автобиографического характера «Диван-ал-Мамнун» и «Джираб-ал-Мамнун», представляющее собой философский труд, изложенный в форме вопросов и ответов. Эти произведения Г. Алкадари оказали известное воздействие на развитие научной мысли Дагестана. «Диван-ал-Мамнун», писал И. Ю. Крачковский, «представляет чрезвычайный интерес для всех событий, свидетелем которых был за свою долгую жизнь автор... Книга дает материал первостепенной важности для понимания всей идеологии... По этой книге мы имеем возможность, едва

⁹⁴ «Вопросы этнографии Кавказа». Тбилиси, 1952, стр. 39.

⁹⁵ Г. Алкадари. Асари-Дагестан.— СМОМПК, т. XLV. Махачкала, 1929, стр. 176.

⁹⁶ Encyclopédie de l'Islam, t. 1. Leyden — Paris, 1913, p. 915.

⁹⁷ А. К. Бакиханов. Гюлистан-Ирам. Баку, 1926.

ли повторяющуюся, судить о развитии поэтического творчества одного арабско-кавказского поэта за всю его жизнь»⁹⁸.

В своих произведениях Г. Алкадари не раз возвращается к оценке присоединения Дагестана к России. В стихотворном введении к «Асари-Дагестан» Г. Алкадари писал:

«Хвала Аллаху, дошла теперь очередь до России,
Создался контроль над справедливостью в народе,
Для дагестанцев открылись двери к просвещению,
Будем же учить детей, пусть знают, что есть, чего нет;
Пусть обучаются грамоте...
Пусть откроются их глаза и увидят, что нужно в жизни,
И пусть они совершают поездки на пароходах и по железным дорогам»⁹⁹.

В просветительской деятельности Г. Алкадари исключительное место занимала пропаганда просвещения в народе, причем он выступал сторонником русской культуры. Он также был одним из организаторов народного образования. В открытой им школе Г. Алкадари преподавал географию, математику, астрономию и другие науки.

Известное влияние оказала русская культура и на творчество ученых-арабистов А. Каяева, Абу-Суфьяна, Х. Генучутлинского, Г. Гузунова и многих других. Труды дагестанских ученых издавались на арабском, аварском, лакском, кумыкском языках в типографии Мавраева.

Говоря о развитии издательского дела в Дагестане, нельзя не отметить выпущенные в начале XX в. в типографиях Темир-Хан-Шуры, Порт-Петровска и Дербента исследования Е. И. Козубского «История города Дербента», «История Дагестанского конного... полка», двух выпусков «Дагестанского сборника», «Памятной книжки Дагестанской области». Хотя эти работы и написаны в духе дворянско-буржуазной историографии, но по обилию привлеченного фактического материала и охвату круга исследуемых вопросов до сих пор представляют значительный интерес.

Прогрессивное влияние оказала русская культура на развитие литературы народов Дагестана. Без учета этого влияния на формирование мировоззрения нельзя также представить творчество дагестанских поэтов: Ирчи Казака, Махмуда из Кяхаб-Росо, Батырая, М.-Э. Османова, Г. Ахтынского, Ю. Муркелинского, Н. Батырмурзаева, Г. Гузунова, С. Стальского, Г. Цадасы¹⁰⁰, выдающихся общественно-политических деятелей Дагестана: У. Буйнакского, М. Дахадаева, Д. Коркмасова,

⁹⁸ И. Ю. Крачковский. Избр. соч., т. VI. М.—Л., 1960, стр. 618.

⁹⁹ Г. Алкадари. Указ. соч., стр. 16.

¹⁰⁰ «Антология дагестанской поэзии». Махачкала, 1959; «Дагестанские лирики». Л., 1961; Н. Капиева. Гамзат Цадаса. М., 1952; К. Султанов. Поэты Дагестана. Махачкала, 1959.

С. Габиева, З. Батырмурзаева, Г. Саидова, А. Тахо-Годи и многих других воспитанников русской средней и высшей школы. Все они ревностно почитали и пропагандировали великие творения А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, И. А. Крылова, Л. Н. Толстого, А. И. Герцена, Н. Г. Чернышевского, Н. А. Добролюбова.

С. Габиев называл великих русских революционных демократов А. И. Герцена, Н. Г. Чернышевского, Н. А. Добролюбова «вождями и борцами за свободу и права человечества». В статье «А. И. Герцен (памяти столетия со дня рождения)» С. Габиев писал: «Стремясь к свободе и светлому будущему своему, рука об руку с лучшей частью русской интеллигенции, мы, горцы, не можем не чтить память таких борцов за общечеловеческие общественные идеалы и не послать свой сердечный привет к данной могиле великого изгнанника „Искандера“»¹⁰¹. Сам С. Габиев считал себя «ярким гражданином России, воспитанным в лоне, так сказать, русской культуры, на идеях корифеев русской мысли»¹⁰². Его поэтическими учителями были А. С. Пушкин, М. Ю. Лермонтов. Как справедливо отмечают исследователи, в раннем творчестве С. Габиева в стихотворениях «К морю», «Дума», написанных в 1902 г., чувствуется «явное подражание Пушкину и Лермонтову»¹⁰³.

И не случайно также, что С. Габиев занимался переводом стихов М. Ю. Лермонтова и И. А. Крылова, причем для этого выбирались им стихи басни, особенно понятные широким массам дореволюционного Дагестана. Стихотворение М. Ю. Лермонтова «Волны и люди», переведенное С. Габиевым, звучало тогда «не только как протест против бездушных людей, но и призывало к деятельности, как бы советуя внимательно прислушаться к правдивому голосу времени»¹⁰⁴. «Аллегория» С. Габиева, «Безумец» и незаконченная повесть «В народ», написанные на русском языке, созданы под влиянием «Песни о Соколе» А. М. Горького¹⁰⁵.

Под благотворным воздействием русской литературы сформировался кумыкский поэт и драматург З. Батырмурзаев. Обучаясь в Хасавюртском реальном училище, а затем в Казани и Астрахани, он на всю жизнь полюбил русскую классическую литературу. «Истории известно,— писал З. Батырмурзаев,— многие писатели не выносили гнета..., их ссылали, сажали в тюрьмы, некоторые даже были лишены жизни... Лев Толстой по происхождению граф. Он не мог мириться

¹⁰¹ «Заря Дагестана», 1912, № 2.

¹⁰² Там же, 1913, № 6.

¹⁰³ «Очерки дагестанской советской литературы». Махачкала, 1957, стр. 27.

¹⁰⁴ Э. Ю. Кассиев. Очерки истории лакской дореволюционной литературы. Махачкала, 1959, стр. 162.

¹⁰⁵ «Очерки дагестанской советской литературы», стр. 28.

с царским гнетом. В своих романах, повестях и рассказах писатель разоблачал произвол и гнет. Толстой отлучен от церкви. От этого значение его произведений еще больше возрастает. Они переводятся на другие языки и народ с большой любовью читает их. Подобно ему и Горький преследовался за свои произведения, в которых изобличались царские порядки. Точно так же как и Толстой, Горький возвеличил Россию»¹⁰⁶. З. Батырмурзаев перевел на родной кумыкский язык повесть Л. Н. Толстого «Кавказский пленник». Под непосредственным влиянием русской литературы З. Батырмурзаев стал просветителем и борцом за социальное и национальное освобождение. В насыщенных революционным пафосом поэтических произведениях З. Батырмурзаев, обращаясь к молодому поколению, призывал «вслед за народами передовыми» подняться на борьбу «за народное счастье».

Шагай вперед! Шагай вперед быстрее!
Ломай, круши преграды на пути!
Взяв за руку народ свой истомленный,
Его ты должен к счастью повести!

— писал он в стихотворении «Народному заступнику»¹⁰⁷.

В драматических произведениях «Даниялбек», «Наперекор муллам» З. Батырмурзаев также выступает против социального неравенства, бичует религиозное мракобесие, обличает местное мусульманское духовенство, как обманщиков и вымогателей¹⁰⁸.

Передовая прогрессивно-демократическая русская литература сыграла определяющую роль в формировании одного из выдающихся писателей — революционера Г. Саидова. Созданная им под большим воздействием русской классической литературы драма «Лудильщики» посвящена раскрытию вопиющих противоречий действительности, показу крайне тяжелого положения труженика в условиях господства капитала. Правдиво раскрывая образы героев-отходников, Г. Саидов показывает пагубное воздействие на них существовавших общественных порядков. Число примеров, когда русская литература оказала живительное, благотворное влияние на формирование взглядов и рост литературного мастерства писателей Дагестана, с успехом можно продолжить. Трудно, пожалуй, найти деятелей культуры Дагестана конца XIX — начала XX в., не испытавших на себе влияния русской литературы. Говоря о влиянии русской классической литературы, народный поэт Тагир Хурюкский вспоминал: «До революции я с отцом жил в Азербайджане.

¹⁰⁶ «Дагестан». Литературно-художественный альманах, № 1—2. Махачкала, 1961, стр. 150.

¹⁰⁷ «Дагестанские лирики». Л., 1961, стр. 276.

¹⁰⁸ С. Г о в о р о в. Кумыкский театр. Махачкала, 1955, стр. 9.

Имея двухклассное образование на азербайджанском языке, я жадно тянулся ко всякой книге. Однажды в мои руки попал сборник басен Крылова в азербайджанском переводе. Ой, как они были остроумны, назидательны. Особенно понравилась мне иносказательность крыловских басен. Хотя в них речь шла об обезьянах, шакалах, зайцах, медведях, я понимал, кого имел в виду поэт. С тех пор к недостаткам людей я стал присматриваться зорче. А позже, под влиянием прочитанного из Крылова, я сам начал писать аллегорические стихи»¹⁰⁹.

В предреволюционные годы широкое распространение получили в Дагестане стихотворения, переведенные с русского на язык Дагестана. В период гражданской войны, например, песня Селима из поэмы М. Ю. Лермонтова «Измаил-бей» распевалась красными партизанами. Распространение получило также переведенное Гадисом Гаджиевым стихотворение М. Ю. Лермонтова «Узник». «Выбор стихотворения был не случайным. Оно отвечало настроениям тех дагестанских узников, которые в тяжелые и свирепые годы временной победы контрреволюции в Дагестане попали в лапы интервентов. Их заключили в тюрьму, и они, таким образом, лишились не только любимой, но и возможности вести борьбу»¹¹⁰.

В начале XX в. в связи с общим общественно-политическим подъемом, в Дагестане возникла периодическая печать. В 1906 г. в Порт-Петровске стала выходить на русском языке газета «Дагестан», просуществовавшая около года. В 1907 г. в Дербенте издавалась газета «Дагестанский вестник», в 1909—1917 гг. в Темир-Хан-Шуре — «Дагестанские областные ведомости, а с 1913 г. — «Дагестан» на арабском языке.

В эти годы под влиянием русской прогрессивной прессы возникает демократическая печать Дагестана. Первой демократической газетой Дагестана была издаваемая С. Габиевым в 1912—1913 гг. в Петербурге «Заря Дагестана». Намечая программу «Зари Дагестана», ее редактор-издатель С. Габиев писал, что она посвящается интересам дагестанцев и горцев Кавказа вообще и что все свое внимание газета обращает на развитие самосознания горцев¹¹¹. И действительно, «Заря Дагестана» сыграла выдающуюся роль в воспитании горцев в духе укрепления дружбы между народами. Газета публиковала материалы из жизни Дагестана и других народов, беспощадно критиковала колониальную политику самодержавия, административную систему военно-народного управления — «тормоза всей... экономической, общественной жизни», добивалась решения «варварского пережитка старины» — райятского вопроса.

¹⁰⁹ «Дагестан». Литературно-художественный альманах, № 1—2, стр. 148.

¹¹⁰ Там же, стр. 150.

¹¹¹ «Заря Дагестана», 1912, № 1.

Большое внимание газета уделяла народному просвещению, выступала за увеличение числа школ и демократизацию их, требовала начинать обучение детей грамоте на «материнском языке», и в связи с этим подвергала резкой критике русификаторскую политику царизма в школьном деле. Кроме того, в газете публиковались статьи, посвященные передовым прогрессивным деятелям: А. И. Герцену, Н. Г. Грановскому, К. Д. Ушинскому, П. А. Кропоткину, В. Г. Короленко, Ш. Руставели, И. Чавчавадзе, Қ. Хетагурову, А. Церетели, А. Тукаеву и многим другим. Само собой понятно, что эти статьи не только служили расширению кругозора горцев, поднятию их культуры, но и способствовали делу укрепления дружбы между народами. Признавая решающую роль русского народа в исторических судьбах горцев, «Заря Дагестана» призывала к дружбе и единению с великим русским народом. «Судьба Дагестана,— говорилось в одной из статей,— неразрывно связана с Россией так, что счастье первого заключено в счастье второй... Сознательная часть русского и других народов России... стремится к лучшей жизни, лучшей доле. И нам, дагестанцам, только идти с ними по-братски, рука об руку»¹¹². Как и следовало ожидать, «Зарю Дагестана» встретили ожесточенными нападками феодально-клерикальные верхи Дагестана. Один из ярых пантюркистов Г.-М. Аминтаев, например, выступил со стихами, в которых противопоставляет «Заре Дагестана» издаваемую пантюркистом И. Гаспринским буржуазно-националистическую газету «Тарджиман» («Переводчик»):

«Разве солнце всходило с севера
И могло ли оно нас согреть?
Оно ни религии, ни жизни
Пользы не принесло.

.....

Если, нужны вам газеты,
Читайте тюркские, зовущие к единению,
К прогрессу, исламскому счастью.
Да здравствует «Тарджиман»,
Разбудивший ислам»¹¹³.

Борьба между «Зарей Дагестана» и буржуазно-националистической прессой была борьбой между сторонниками передовой прогрессивной русской культуры и пантюркистами, борьбой между друзьями и врагами прогрессивной России.

«Зарю Дагестана» враждебно встретила и царская администрация. Газету не раз подвергали штрафам, привлекали издателя-редактора к суду. В итоге из-за цензурных притес-

¹¹² «Заря Дагестана», 1912, № 7.

¹¹³ ИИЯЛ, Рукопис. фонд, д. 295, л. 60.

нений в 1913 г. газета была закрыта, но вскоре С. Габиев совместно с Шашахметовым начал издавать в Петербурге «Мусульманскую газету», которая носила общегорский характер¹¹⁴. Однако и «Мусульманская газета» по тем же причинам вскоре также была запрещена.

В Дагестане вплоть до Февральской революции издавались только две газеты: официоз «Дагестанские областные ведомости» на русском языке и «Дагестан» на арабском языке. Лишь в апреле Нафисат Дахадаева начала издавать на русском языке еженедельную газету «Время», которая просуществовала всего до сентября того же 1917 г. С 3 июля стала выходить газета «Ильчи» («Вестник») на лакском языке — орган Дагестанского агитационно-просветительского бюро. 20 августа 1917 г. началось издание на кумыкском языке журнала «Танг Чолпан» («Утренняя заря») ¹¹⁵. В ней, кроме местных материалов, печатались отдельные произведения русской классической литературы в переводе на кумыкский язык, оригинальные повести и пьесы, заметки, статьи о литературе и искусстве. Журнал проводил большую просветительную работу¹¹⁶. Следует отметить выступления на его страницах выдающихся революционеров Дагестана У. Буйнакского, М. Дахадаева.

Заметную роль в распространении передовой прогрессивной русской культуры, в укреплении дружественных связей горцев с русским народом сыграли выходцы из коренных народов Дагестана, такие как учителя И. Абдуллаев, Г. Гаджиев, С. Омаров, А. Селимханов, врачи М. Нахибашев, М. Дибиров и другие.

В начале XIX в. под влиянием русской сценической культуры в Дагестане делались попытки создать национальные коллективы. В 1910 г. в сел. Ахты самодеятельным коллективом была поставлена пьеса по рассказу Л. Н. Толстого «Первый винокур».

В 1913 г. в сел. Хурукра создан был любительский кружок «Новолуние», который коллективно писал и ставил пьесы. В эти же годы в Хунзахе, Кумухе и других селениях возникают любительские драматические кружки. В 1915—1916 гг. в Ахтах игралась широко известная комедия выдающегося азербайджанского композитора У. Гаджибекова «Аршин-Мал-Алан». В Кумухе шла пьеса Г. Саидова «Лудильщики».

---

¹¹⁴ Б. М. Городецкий. Дагестан в советской литературе. Махачкала, 1933, стр. 201.

¹¹⁵ М. Бутаев, Г. Койстинен. Дагестанское просветительно-агитационное бюро. — «Труды Института истории партии при Дагобкоме КПСС», т. 1. Махачкала, 1957, стр. 84.

¹¹⁶ Ш. М. Магомедов. Кумыкская периодическая печать в 1917—1918 гг. — «Труды Института истории партии при Дагобкоме КПСС», т. 2. Махачкала, 1958, стр. 5, 16.

В Темир-Хан-Шуре, Дербенте и других местах действовали музыкально-драматические кружки, ставившие по несколько спектаклей в год¹¹⁷. В городах Дагестана выступали и профессиональные труппы русских актеров. Небезынтересно отметить, что в Темир-Хан-Шуре выступал великий русский актер Ф. И. Шаляпин.

Из всего вышесказанного видно, что под благотворным влиянием русской культуры в Дагестане происходило формирование местной интеллигенции, правда, в дореволюционном Дагестане она была малочисленна и неоднородна. Подавляющее большинство местной интеллигенции было выходцами из влиятельных сословий. Естественно, что эта часть интеллигенции обслуживала господствующие классы, но была и другая, вышедшая из среды народов Дагестана, тесно связанная с широкими народными массами. Она выступала с критикой колониальной политики царизма и разоблачала местную феодально-клерикальную знать и ее культуру. Не замыкаясь в национальных рамках, она ратовала за сближение горцев с великим русским и другими народами. Борьба выдающихся общественно-политических деятелей России за интернационализм и дружбу народов, по справедливому замечанию М. И. Калинина, «сближала угнетаемые национальности с русским народом, заставляла наиболее сознательные их элементы знакомиться с русской литературой, искусством, наукой, с русскими революционными борцами и тем самым приобщала их к русской культуре, делала их сторонниками общей слитной борьбы, т. е. людьми, мыслящими уже всероссийски»¹¹⁸. Именно такими людьми была революционно-демократическая интеллигенция Дагестана. Однако культура народов дореволюционного Дагестана развивалась в исключительно тяжелых условиях. Разделяющая народы рука самодержавия, постоянно вмешиваясь во взаимоотношения народов, разжигала национальную рознь. Не менее активную антинародную деятельность в этом направлении развивали носители феодально-монархической идеологии, панисламисты и пантюркисты Дагестана. Все это неизбежно порождало трудности и крайне отрицательно сказывалось на приобщении горцев к русской культуре. Однако выступление на общественно-историческую арену революционно-демократической интеллигенции, «мыслящей уже всероссийски», определяло пути и направления дальнейшего развития культуры народов Дагестана.

¹¹⁷ «Очерки истории Дагестана», т. 1. Махачкала, 1957, стр. 379; Э. Ю. К а с с и е в. Указ. соч., стр. 184; Ш. М. М а г о м е д о в. Указ. соч., стр. 6.

¹¹⁸ М. И. К а л и н и н. Указ. соч., стр. 83.

СОВМЕСТНАЯ РЕВОЛЮЦИОННАЯ БОРЬБА
РУССКОГО РАБОЧЕГО КЛАССА
И ТРУДЯЩИХСЯ ДАГЕСТАНА

instituteofhistory.ru

В конце XIX — начале XX в. центр мирового революционного движения переместился в Россию. Русский рабочий класс превратился в авангард мирового рабочего движения. Россия стала родиной ленинизма, а его творец В. И. Ленин — вождем мирового пролетариата. Подчеркивая особую историческую роль русского рабочего класса как вождя трудящихся в борьбе за светлое будущее, В. И. Ленин еще в 1894 г. писал: «...русский **рабочий**, поднявшись во главе всех демократических элементов, свалит абсолютизм и поведет **русский пролетариат** (рядом с пролетариатом **всех стран**) *прямой дорогой открытой политической борьбы к победоносной коммунистической революции*»¹.

История, как указывал В. И. Ленин, поставила перед русским рабочим классом «ближайшую задачу, которая является *наиболее революционной из всех ближайших задач пролетариата какой бы то ни было другой страны*». Это — задача свержения царизма, «самого могучего оплота не только европейской, но также (можем мы сказать теперь) и азиатской реакции»².

Вместе с тем партия коммунистов и В. И. Ленин неустанно воспитывали русский народ, рабочий класс в духе интернационализма, равноправия и дружбы народов. «„Не может быть свободен народ, который угнетает чужие народы“, — так говорили... Маркс и Энгельс, ставшие учителями революционного пролетариата. И мы, великорусские рабочие, полные чувства национальной гордости, хотим во что бы то ни стало свободной и независимой, самостоятельной, демократической, республиканской, гордой Великороссии, строящей свои отно-

---

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 1, стр. 312.

² Там же, т. 6, стр. 28.

шения к соседям на человеческом принципе равенства, а не на унижающем великую нацию крепостническом принципе привилегий»³.

Революционные качества русского пролетариата, выработанные всем ходом исторического развития, его глубокое уважение и братское отношение ко всем народам поставили русский рабочий класс во главе трудящихся национальных окраин страны. Русский рабочий класс взял на себя благородную миссию объединителя трудящихся различных национальностей. Только под руководством русского рабочего класса и его авангарда — партии коммунистов могли быть осуществлены вековые чаяния трудового народа, освобождение его от национального и социального угнетения. Вот почему объединение усилий трудящихся масс национальных окраин вокруг русского рабочего класса — величайшей политической силы и авангарда мирового революционного движения — имело огромное значение в исторических судьбах народов России.

Под руководством русского пролетариата в Дагестане, как и на других окраинах страны, в начале XX в. созрели социальные силы, способные возглавить и направить классовую и национальную борьбу в русло общероссийского революционного движения. Этому во многом способствовали изменения в социально-экономической, политической и культурной жизни народов Дагестана (о которых речь шла выше), подготовившие почву для проникновения идей марксизма в Дагестан. Выше отмечалось, что русские рабочие составляли большую, притом наиболее квалифицированную часть рабочих, занятых в фабрично-заводской промышленности, на транспорте, рыбных промыслах и других предприятиях края. Трудившиеся в Дагестане русские пролетарии, сами подвергаясь тяжелой эксплуатации, оказывали рабочим-горцам посильную помощь, прививали им производственные навыки, способствовали повышению их квалификации. Эта бескорыстная помощь оказывала сильное воздействие на сознание трудящихся горцев, способствовала воспитанию их в духе классовой солидарности, интернационализма и дружбы народов. Особенно большая роль в этом принадлежит сосланным в Дагестан политическим ссыльным — рабочим из Центральной России.

В. И. Ленин указывает: «К „интернационалистской“, т. е. действительно революционной и последовательно революционной, тактике рабочий класс и рабочая социал-демократическая партия России подготовлены всей своей историей»⁴. Сосланные из Москвы, Петербурга, Иваново-Вознесенска, Воронежа, Тамбова, Казани и других промышленных центров русские ра-

³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 26, стр. 108.

⁴ Там же, стр. 265.

бочие принесли с собой в Дагестан великие идеи марксизма. Преодолевая большие трудности, политические ссыльные энергично вели среди местных трудящихся агитационно-пропагандистскую работу. Несмотря на строжайшую конспирацию, революционная активность сосланных социал-демократов не осталась незамеченной охранкой. Так, в 1898 г. один из чиновников полиции донес, что прибывший из Ростова-на-Дону Н. Н. Попков ведет на станции Петровск пропаганду идей социализма. При обыске у Н. Н. Попкова были обнаружены документы, подтверждающие его принадлежность к социал-демократам, и большое количество нелегальной литературы, в частности бессмертное произведение К. Маркса и Ф. Энгельса «Манифест Коммунистической партии»; работа В. И. Ленина «Объяснение закона о штрафах, взимаемых с рабочих на фабриках и заводах» (издание «Союза борьбы за освобождение рабочего класса». Женева, 1897 г.); журнал «Работник» за май 1896 г., издававшийся по инициативе В. И. Ленина в Женеве «Союзом русских социал-демократов за границей»; листовка «Первое мая» и другие издания⁵.

Большую роль в распространении идей марксизма в Дагестане сыграли большевистские организации Закавказья и Северного Кавказа и особенно созданный в 1901 г. Бакинский комитет РСДРП, во главе которого стояли Ладо Кецховели, А. Енукидзе. С их помощью стали создаваться социал-демократические организации и в Дагестанской области. В 1902 г. в железнодорожном депо Дербента возник нелегальный социал-демократический кружок. Он был создан, как вспоминает рабочий П. Афанасьев, с помощью бакинцев: «Кружковцы получали листовки и нелегальную литературу из Баку и распространяли ее среди железнодорожников. Кружок постепенно рос, в него вовлекались все новые и новые рабочие и служащие. Впоследствии члены кружка вошли в состав Дербентской городской социал-демократической группы. В 1903 г. в Петровске также были созданы нелегальные социал-демократические кружки. Организатором кружка среди петровских бондарей был присланный из Астрахани профессиональный революционер Малахов⁶. Во главе кружка текстильщиков встали прибывшие из Баку социал-демократы. Документы сообщают, что эти кружки руководили революционной борьбой, организовывали забастовки. Очень важно отметить, что в них вместе с русскими рабочими входили также рабочие из коренных народов Дагестана. Так, одним из первых членов социал-демократического кружка был рабочий-кумык Д. Атаев.

⁵ «Очерки истории Дагестана», т. 1. Махачкала, 1957, стр. 285—286.

⁶ «Ученые записки ИИЯЛ», т. 1. Махачкала, 1959, стр. 84.

Огромное значение для роста революционного движения в стране имел II съезд РСДРП. «...Он создал в России действительную марксистскую партию на тех идейных и организационных началах, которые были выдвинуты и разработаны ленинской „Искрой“. Съезд впервые в истории международного рабочего движения после смерти Маркса и Энгельса принял революционную программу, в которой выдвигалась как основная задача — борьба за диктатуру пролетариата»⁷.

Созданный еще в марте 1903 г. Кавказский союзный комитет стоял на позициях ленинской «Искры». После II съезда РСДРП Кавказский союзный комитет категорически высказался за поддержку постановлений съезда. Приветствуя решения кавказских большевиков, В. И. Ленин писал: «Пусть кавказские товарищи твердо держатся того пути, на который они встали... Пусть продолжают они дружную работу с товарищеским доверием к ЦК»⁸. И нужно сказать, что Кавказский союзный комитет с честью выполнял указания В. И. Ленина. Он проводил огромную работу по распространению среди трудящихся края большевистских идей, вел сопряженную с большими трудностями работу по сплочению разрозненных кружков и организации социал-демократических комитетов и групп РСДРП.

Под влиянием растущего революционного движения в центральной России и на Кавказе усилилась деятельность и социал-демократов Петровска и Дербента. Они постепенно стали переходить от кружковой пропаганды к массовой политической агитации, устраивали нелегальные сходки, распространяли листовки и брошюры, изданные большевистскими комитетами Северного Кавказа и Закавказья. В 1903 г. жандармы «обнаружили в Петровске, в городском саду и в бондарном заведении Мотюхина 16 брошюр Кавказского Союза РСДРП»⁹. В связи с активизацией социал-демократов в Дагестане царская администрация оказалась вынуждена заговорить «о мерах борьбы с политическими выступлениями, о недопущении нелегальных собраний и изъятии из обращения листовок и воззваний, об ограждении войск от противоправительственной пропаганды»¹⁰. Однако усилия царской администрации не давали ощутимых результатов; в области все более и более усиливалась деятельность социал-демократов.

С началом русско-японской войны, обострившей классовые противоречия, революционные события стали нарастать. В то

⁷ «Пятьдесят лет Коммунистической партии Советского Союза (1903—1953)». М., 1953, стр. 7.

⁸ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 46, стр. 310.

⁹ ЦГА ДАССР, ф. 66, оп. 3, д. 11, л. 33; «Очерки истории Дагестана», т. 1, стр. 286.

¹⁰ ИИЯЛ, Рукопис. фонд, д. 2912, л. 8.

время как меньшевики скатились на позиции оборончества, большевики выступали против войны, проводили линию на поражение царизма. Они распространяли в Петровске, Дербенте антивоенные листовки. Так, в июле 1904 г. в Петровске появились листовки Центрального, Кавказского союзного, Бакинского и Астраханского комитетов РСДРП¹¹ с призывами к демонстрациям и митингам¹².

В результате антивоенной пропаганды социал-демократов по существу была провалена кампания сбора «пожертвованных». Не удалась также попытка призвать на войну «добровольцев» из народов Дагестана: несмотря на всякие ухищрения из 581 аула, намеченного губернатором, выделили всего лишь 175 человек. Огромное большинство горских селений отказалось дать добровольцев.

Важную роль в развертывании революционного движения в Дагестане сыграли социал-демократические организации, созданные по инициативе русских рабочих. В конце 1904 г. в Петровск «приехала делегатка из Грозного... В своем докладе она высказывалась о том, что между Бакинской и Грозненской организациями давно ведутся переговоры о необходимости основать в Петровске постоянную организацию РСДРП. Эта необходимость диктуется важными соображениями. Петровск по своему месторасположению находится между крупными рабочими центрами, как Баку, Грозный и частично Астрахань..., и Петровская организация должна играть в истории рабочего движения Кавказа весьма важную роль»¹³. На этом заседании был избран комитет в составе трех человек — двух ткачей и одного студента. Петровская организация РСДРП была утверждена Бакинским комитетом. В это же время социал-демократические организации возникли в Дербенте, Темир-Хан-Шуре и Кизляре. В социал-демократических организациях Дагестана наряду с русскими рабочими участвовали и дагестанцы Д. Атаев, И. Алиев, Ш. Исрапилов и другие. Большую помощь социал-демократическим организациям в это время оказывал Бакинский и Грозненский комитеты РСДРП.

В конце 1904 г. во Владикавказе на первой конференции социал-демократических организаций Дагестана и Терской области был организован объединенный Терско-Дагестанский комитет РСДРП, в состав которого вошли в разное время Владикавказская, Грозненская, Минераловодская, Петровская, Дербентская и Кизлярская организации. Однако после захвата руководства Терско-Дагестанским комитетом мелкобуржуазными интеллигентами типа С. Рамишвили и А. Цаликова,

¹¹ «Очерки истории Дагестана», т. 1, 1957, стр. 287.

¹² Я. В. Коробов. В годы войны и побед.— «Очерки истории Дагестана», вып. 1, 1950, стр. 407—408.

¹³ «Воспоминания Я. И. Петренко». — ИИЯЛ, Рукопис. фонд, д. 1411, л. 20.

решающее влияние на Дагестан приобрел Грозненский комитет РСДРП ленинского направления.

События 9 января 1905 г. в Петербурге явились началом первой русской революции. Страшная весть о расстреле мирной демонстрации рабочих всколыхнула народные массы страны и вызвала мощный подъем революции. «Начинается восстание. Сила против силы,— писал 10 января 1905 г. В. И. Ленин.— Кипит уличный бой, воздвигаются баррикады, трещат залпы и грохочут пушки. Льются ручьи крови, разгорается гражданская война за свободу. К пролетариату Петербурга готовы примкнуть Москва и Юг, Кавказ и Польша. Лозунгом рабочих стало: смерть или свобода!»¹⁴ На события 9 января одними из первых откликнулись рабочие промышленных центров Кавказа — Баку и Грозного. Под руководством большевиков вместе с русскими рабочими в Петербурге, Москве, Баку и других городах активное участие в движении принимали дагестанцы М. Дахадаев, У. Буйнакский, С. Габиев, М. Хизроев, К. Агасиев и др. Под влиянием революционных выступлений в стране среди фабрично-заводских рабочих Петровска, Темир-Хан-Шуры и Дербента стало «замечаться брожение, могущее перейти в ближайшем будущем в забастовку»¹⁵.

Когда весть о кровавых событиях 9 января распространилась в области, по свидетельству активного участника революционного движения Н. Бабенко, «ясно стало для горской бедноты отношение царя к народу. Затаив злобу, свободолюбивые дагестанцы стали ждать удобного момента, чтобы присоединиться к русскому рабочему и совместно с оружием в руках выступить на защиту своих экономических и политических прав»¹⁶. Эта братская солидарность трудящихся вылилась в открытые выступления в Петровске, Темир-Хан-Шуре и других местах.

Забастовавшие 16 февраля текстильщики Петровска предъявили ряд экономических и политических требований: о восстановлении более высоких расценок, возвращении на производство уволенных рабочих, удалении ненавистных им лиц из администрации, уменьшении штрафов, отмене обысков¹⁷ и т. д. Не успели прекратить борьбу текстильщики, как забастовали рабочие табачных фабрик Михайлова и Мамедова, железнодорожники, телеграфисты. В забастовках принимали участие и бондари¹⁸.

¹⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 9, стр. 178.

¹⁵ «Начало первой русской революции. Январь — март 1905 г.». Сб. документов. М., 1955, стр. 708.

¹⁶ ИИЯЛ, Рукопис. фонд, д. 269, л. 15.

¹⁷ Там же, д. 1413, лл. 44—46.

¹⁸ М. Косицын. Революционное движение среди рабочих бондарной промышленности Дагестана накануне Октябрьской революции. Воспоминания старого рабочего.— «Очерки по истории Дагестана», вып. 1, 1950, стр. 385.

Все вопросы, касающиеся борьбы рабочих, решались социал-демократической группой, в которую входили рабочие И. Выродов, Д. Атаев, М. Есейкин, железнодорожный техник Н. Шевченко, студенты В. Казаринов и К. Головачевский, учительница Лопухина и другие. С февраля 1905 г. группой руководил В. Казаринов¹⁹.

В апреле социал-демократическая группа Петровска распространила на всех предприятиях города листовку Центрального Комитета РСДРП, в которой говорилось: «Товарищи! Вся Россия охвачена пожаром. Поднимаются по деревням наши братья-крестьяне. Поднимаются в городах люди разного звания. Удар за ударом сыплется на царское самодержавие... Близок день, когда дружной семьей пойдем мы на открытую борьбу с царским самодержавием, когда взвеются ввысь красные знамена социал-демократии. Под тяжелым ударом мозолистой руки рухнет царский трон...

Рабочие и работницы всей России! Близок день Первого мая, наш рабочий праздник! Вооружайтесь, кто чем может! Готовьтесь по первому призыву стать под красные знамена Российской социал-демократической партии»²⁰.

Невзирая на проводимые самодержавием полицейские репрессии и политику маневрирования, вдохновляясь примером боевых выступлений рабочих Центральной России, Баку, Грозного и других промышленных центров, пролетарии Петровска в конце апреля 1905 г. снова объявили забастовку.

Революция шла на подъем. Перед партией рабочего класса неотложной задачей стала выработка тактики в новых условиях. «Правильные тактические лозунги социал-демократии,— указывал В. И. Ленин,— имеют теперь особенно важное значение для руководства массами. Ничего нет более опасного, как принижение значения принципиально выдержанных тактических лозунгов в революционное время»²¹.

Тактику большевистской партии, тактику рабочего класса в первой русской революции выработал III съезд РСДРП, проходивший в апреле 1905 г. в Лондоне. В. И. Ленин подчеркивал: От «...революции демократической мы сейчас же начнем переходить и как раз в меру нашей силы, силы сознательного и организованного пролетариата, начнем переходить к социалистической революции. Мы стоим за непрерывную революцию. Мы не остановимся на полпути»²². Непременным условием победы революции партия и В. И. Ленин считали союз рабочего класса и крестьянства. Съезд призвал к поддержке революционных мероприятий, способных улучшить положение

¹⁹ «Очерки истории Дагестана», т. 1, 1957, стр. 288—289.

²⁰ ИИЯЛ. Рукопис. фонд, д. 167, л. 24.

²¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 11, стр. 5.

²² Там же, стр. 222.

крестьянства, «вплоть до конфискации помещичьих, казенных, церковных, монастырских и удельных земель»²³. Съезд осудил отколовшихся от партии меньшевиков. Рассмотрев вопрос о революционном движении на Кавказе, III съезд партии принял написанную В. И. Лениным резолюцию «По поводу событий на Кавказе». «Принимая во внимание, — говорилось в ней, — 1) что особые условия социально-политической жизни Кавказа благоприятствовали созданию там наиболее боевых организаций нашей партии; 2) что революционное движение среди большинства населения Кавказа как в городах, так и в деревнях дошло уже до всенародного восстания против самодержавия... III съезд РСДРП от имени сознательного пролетариата шлет горячий привет героическому пролетариату и крестьянству Кавказа и поручает Центральному и местным комитетам партии принять самые энергичные меры к наиболее широкому распространению сведений о положении дел на Кавказе путем брошюр, митингов, рабочих собраний, кружковых собраний и т. д., а также к своевременной поддержке Кавказа всеми имеющимися в их распоряжении средствами»²⁴.

Большевистские организации Кавказа горячо поддержали съезд. В знак протеста против непризнания решений III съезда наиболее многочисленная и наиболее активная на Северном Кавказе Грозненская большевистская группа вышла из состава Терско-Дагестанского комитета РСДРП. «Принимая во внимание, что Терско-Дагестанский комитет — организация отколовшейся части партии, — говорилось в принятой резолюции, — Грозненская группа, признавая III съезд партийным съездом, выходит из состава Т.-Д.К. и желает работать или самостоятельно, или же под руководством партийной организации.

Принимая во внимание, что Т.-Д.К. обслуживает незначительную часть Терской области (в более крупных промышленных центрах работает наша группа), а к Дагестану не имеет никакого отношения (работает исключительно наша группа), Грозненская группа протестует против представительства Т.-Д.К. на Кавказском съезде»²⁵.

Решение Грозненской группы, которая стала работать под руководством Бакинского комитета партии, имело огромное значение и для Дагестана. Социал-демократические организации Дагестана, вооруженные решениями III съезда партии, при помощи Бакинской и Грозненской партийных организаций развернули широкую деятельность, усилили руководство революцион-

²³ «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», ч. I. М., 1953, стр. 80.

²⁴ Там же, стр. 84.

²⁵ «Революционное движение в Дагестане (1905—1907 гг.)». Сб. документов и материалов. Махачкала, 1956, стр. 45—46.

ными массами, устраивали тайные сходки, распространяли листовки с политическими и экономическими требованиями, изданные ЦК РСДРП, Бакинским комитетом, а также Темир-Хан-Шуриной группой²⁶.

Следуя призыву большевиков, пролетариат Петровска провел первоймайскую демонстрацию, в которой приняли участие 3 тыс. рабочих, а второго мая 1905 г. начали политическую стачку текстильщики; к ней присоединились бондари, рабочие табачной фабрики и порта. В стачке приняло участие около 1700 человек²⁷.

В июле началась всеобщая стачка на Владикавказской железной дороге, на станциях Ростов, Тихорецкая, Кавказская, Минеральные Воды, Грозный, Дербент, Баладжары и др.²⁸ Забастовка в Дербенте носила экономический характер²⁹. На станции Петровск рабочие депо не прекращали работу, «но три раза собирались» (15, 17 и 23 июля), подали петицию начальнику депо «о прибавке жалованья», но ему удалось успокоить рабочих³⁰. Забастовка железнодорожников Дербента путем репрессий была подавлена и движение на линии Ростов — Баку было восстановлено отчасти «благодаря прибывшим из Тифлиса нижним чинам железнодорожного батальона»³¹, после чего уволено около 400 человек рабочих и служащих — участников забастовки³².

Под влиянием революционных выступлений рабочих стали подниматься на борьбу и крестьянские массы. Одними из первых выступили крестьяне сел. Атлыбуюн Темир-Хан-Шуриного округа. Спор возник из-за земельного участка Кокрек, который был захвачен у атлыбуюнского общества. Крестьяне неоднократно обращались в тифлисский суд и к наместнику Кавказа с просьбой вернуть им земельные участки, но каждый раз получали отказ. Тогда возмущенные крестьяне, руководимые Черив Мирзой, силой захватили участок, поделили его между собой и начали пахоту. Вслед за ними выступили крестьяне сел. Тарки. Обеспокоенные этим власти направили против крестьян казачью сотню Дагестанского конного полка. Выступление было подавлено, а зачинщики арестованы³³. Несмотря на это, борьба крестьян не прекратилась. Более того, волнения крестьян

²⁶ «Революционное движение в Дагестане (1905—1907 гг.)», стр. 38, 41.

²⁷ С. К. Бушувев. Революционное движение в Чечено-Ингушетии в 1905—1907 гг. Материалы и исследования. Грозный, 1941.

²⁸ «Революционное движение в Дагестане (1905—1907 гг.)», стр. 108.

²⁹ Там же, стр. 106—107.

³⁰ Там же, стр. 110—111.

³¹ Там же, стр. 108.

³² Там же.

³³ ИИЯЛ, Рукопис. фонд, д. 269, лл. 41—43; «Революционное движение в Дагестане (1905—1907 гг.)», стр. 32—35; Е. Козубовский. История дагестанского конного иррегулярного полка. Петровск, 1909, стр. 319.

перекинулись на соседние аулы — Кумторкала, Альбуригент, Кафыр-Кумух, где социал-демократы Петровска и Темир-Хан-Шуры вели усиленную борьбу. Они вносили в крестьянскую среду революционную организованность, направляли выступления крестьян политическими лозунгами. Особенно большую работу среди крестьянства области проводили Д. Коркмасов, М. Дахадаев, Д. Атаев, М. Хизроев и др.

Волнения возникли и среди райят Кайтаго-Табасаранского округа. Крестьяне поджигали скирды, вырубали леса, отказывались от уплаты налогов казне и от выполнения повинностей бекам, захватывали помещичьи земли. Особенно активно выступали зависимые крестьяне селений Марага, Ерси, Татляр, Деличобан, Хучни, Дарваг и др.³⁴ Крестьяне Самурского округа, доносил заведующий полицией на Кавказе, «чутко прислушиваются и интересуются всем тем, что происходит в России, на Кавказе и в особенности в Баку. С этим последним население округа и в особенности сел. Ахты тесно связано как с пунктом, где оно всегда находит заработок. Несомненно, что жизнь Баку и все тамошние события растлевающим образом действуют на пребывающих там лезгин»³⁵.

Начавшаяся 7 октября 1905 г. забастовка железнодорожников Москвы стала быстро распространяться на промышленные центры страны. «*Всероссийская политическая стачка*, — писал В. И. Ленин 31 октября 1905 г., — охватила на этот раз действительно всю страну, объединив в геройском подъеме самого угнетенного и самого передового класса *все народы* проклятой „империи“ Российской. Пролетарии всех народов этой империи гнета и насилия выстраиваются теперь в одну великую армию свободы и армию социализма»³⁶. Вследствие того, что «...пролетариат всех народов России встал, как один человек, и потрянул царский трон, от которого такие неисчислимы бедствия перенесли все народы и больше всего трудящиеся классы всех народов»³⁷, самодержавие было вынуждено пойти на уступки. Однако, издавая манифест 17 октября, в котором народу были обещаны неприкосновенность личности, свобода совести, слова, печати, собраний, союзов, созыв законодательной думы, царизм пытался лишь выиграть время и, собравшись с силами, подавить революцию.

Вместе с русской либеральной буржуазией господствующие классы Дагестана с радостью встретили царский манифест. Благожелательно встретили его и меньшевики. Только большевики, правильно оценив подлинный смысл манифеста, разъясняли трудящимся массам, что это «обман и надувательство».

³⁴ ИИЯЛ, Рукопис. фонд, д. 2885, л. 13.

³⁵ «Революционное движение в Дагестане (1905—1907 гг.)», стр. 111.

³⁶ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 12, стр. 2.

³⁷ Там же, стр. 34.

Большевики призывали пролетариат продолжить борьбу вплоть до свержения самодержавия. «Прочтите хорошенько вчерашний манифест,—говорилось в одной из листовок Бакинского комитета РСДРП, распространявшихся в Дагестане,—тут и благо народа, и скорбь за невинно пролитую кровь и обещание каких-то новых прав. На самом же деле нового очень мало... Нет, товарищи, не будем обольщаться. Свободу, нужную народу, правительство даром не даст... Все это мы должны завоевать»³⁸. Благодаря работе большевиков по всей стране прокатилась волна политических стачек и демонстраций.

Октябрьская политическая стачка охватила и Владикавказскую железную дорогу. Начальник Владикавказского полицейского управления доносил 20 октября 1905 г.: «По всей линии Владикавказской железной дороги было прекращено товарное движение, а пассажирское продолжалось лишь на участке Балладжары — Минеральные Воды и то с разрешения забастовщиков»³⁹. Выступления железнодорожников оказали революционизирующее влияние на трудящихся области. 19 октября 1905 г. в Темир-Хан-Шуре состоялась политическая демонстрация, в которой участвовали рабочие, служащие, учащиеся и даже солдаты. Демонстранты с красными знаменами под звуки «Марсельезы» прошли по улицам города. 21 октября в Петровске группой РСДРП была организована сходка. 23 октября большевики организовали в Темир-Хан-Шуре демонстрацию, которую поддержали солдаты гарнизона и старшекласники реального училища. Демонстранты несли красный флаг с надписью на одной стороне «Свобода», а на другой — «Да здравствует созыв Учредительного собрания», они выкрикивали лозунги: «Долой убийц ни в чем не повинных рабочих», «Долой палача-царя и его опричников» и с музыкой и пением «Марсельезы» и «Дубинушки» прошли по городу⁴⁰. Обеспokoенные революционным размахом событий, царские власти делали все, чтобы подорвать движение трудящихся. В Темир-Хан-Шуре были запрещены демонстрации, арестовывали руководителей и активных членов социал-демократических организаций. Несмотря на репрессии, борьба рабочих Дагестана продолжалась.

К всероссийской забастовке почтово-телеграфных служащих 16 ноября примкнули работники Темир-Хан-Шуриной и Петровской почтово-телеграфных контор. 19 ноября объявили стачку рабочие типографии в Петровске. Вслед за выступлением рабочих в ноябре в Хасавюрте начались волнения среди солдат Ширванского полка, к которым присоединилось до 1000 местных

³⁸ «Революционное движение в Дагестане (1905—1907 гг.)», стр. 55—56.

³⁹ Там же, стр. 112.

⁴⁰ ИИЯЛ. Рукопис. фонд, д. 1413, л. 16; «Революционное движение в Дагестане (1905—1907 гг.)», стр. 113.

жителей. С 25 по 30 ноября проходила политическая забастовка учеников Дербентского реального училища⁴¹.

Рабочий класс России перешел к высшим формам борьбы с царизмом в декабре 1905 г. Начавшееся в Москве декабрьское вооруженное восстание вызвало революционные выступления трудящихся по всей стране. 7 декабря 1905 г. Центральное бюро союза Владикавказской железной дороги обратилось к отделениям дороги с призывом объявить политическую забастовку: «Товарищи, от нашего дружного единодушного выступления,— говорилось в обращении,— будет зависеть превратить эту забастовку в последний акт борьбы народа за низвержение самодержавия. Бросайте работы! Присоединяйтесь к забастовке! Да здравствует всероссийская политическая забастовка!»⁴².

В Дагестане первыми забастовали железнодорожники Дербента, которые заявили о своей готовности «до конца отстаивать права народа»⁴³.

13 декабря к общей политической забастовке примкнули железнодорожники Петровска. Вместе с ними забастовали и служащие почтово-телеграфных учреждений⁴⁴. Возникшее в ходе забастовки районное бюро союза железнодорожников по существу взяло под контроль всю дорогу. Забастовавших русских рабочих поддержали горцы Дагестана. Прежде всего они хотели, вспоминает член Дербентского забастовочного комитета Г. Николенко, «удалить пристава, жандармов и городских». Горцы еще плохо представляли себе борьбу с самим правительством. «Эту сторону в ходе дальнейшего углубления революционной борьбы горцам приходилось объяснять долго и доказывать им, что одним разоружением полиции и жандармов дело нельзя считать законченным». Благодаря разъяснительной работе дагестанцы стали присоединяться к революционной борьбе русских рабочих. В Дербентский забастовочный комитет приходили целые группы горцев и приносили заявления «о приеме их в число вооруженных дружинников». В ходе борьбы горцы сыграли чрезвычайно важную роль. Без их сочувствия забастовка на Владикавказской железной дороге «была бы невозможна, потому что горсточка служащих и рабочих из русских была со всех сторон окружена горским населением». Кроме того, горцы-дружинники не только несли охрану дороги, но и участвовали в рукопашной схватке, «причем... показали себя настоящими героями революции»⁴⁵.

⁴¹ «Революционное движение в Дагестане (1905—1907 гг.)», стр. 117.

⁴² ЦГА ДАССР, ф. 89, оп. 1, д. 4, л. 106.

⁴³ Там же, л. 127.

⁴⁴ «Революционное движение в Дагестане (1905—1907 гг.)», стр. 120—121.

⁴⁵ Азерб. филиал ИМЛ, ф. 456, оп. 16, св. 3, д. 143, лл. 1—3; А. Г а д ж и е в. Помощь русского народа в установлении Советской власти в Дагестане. Махачкала, 1963, стр. 32—33.

Среди бастовавших рабочих Петровска и Дербента широко распространялись листовки Центрального и Московского комитетов РСДРП с призывами к свержению самодержавия. На ежедневно проходивших собраниях и митингах выступали местные и приезжие большевики с разъяснением положения в стране и призывом продолжать революционную борьбу.

Декабрьское вооруженное восстание в Москве было жестоко подавлено. В стране стал свирепствовать полицейский террор. В Дагестане, как и по всей стране, каратели беспощадно расправлялись с забастовщиками. В Петровске, Дербенте производились повальные аресты и расправа над членами забастовочных комитетов и активными участниками революционного движения. Особенно жестоко царские сатрапы расправлялись с железнодорожниками.

Однако революционное движение в стране продолжалось. Пролетариат, руководимый большевиками, отступал с упорными боями. В Дагестане и в 1906—1907 гг. возникали стачки. В январе—мае 1906 г. начались волнения среди железнодорожников, рабочих рыбных промыслов, бастовали бондари, текстильщики, рабочие табачной фабрики, моряки торгового флота⁴⁶. Эти забастовки проходили под руководством Петровской группы РСДРП, во главе которой стоял посланец Бакинского комитета большевик И. Малыгин. Большую работу проводили социал-демократы области по пропаганде революционных идей и воспитанию народных масс в духе пролетарского интернационализма. Они распространяли прокламации Центрального Кавказского союзного, Бакинского и других комитетов РСДРП, выпускали свои листовки. Одна из листовок Темир-Хан-Шуринского комитета заканчивалась так: «Братья, товарищи и граждане, не будем слушать царских провокаторов, энергичнее примемся за дело, теснее организуемся для предстоящей вооруженной борьбы, объявим войну самодержавному вору не на живот, а на смерть, и в борьбе с ним будем пользоваться всеми средствами, всеми мерами.

Помните, что только вооруженной борьбой русский народ сможет добиться желанной свободы.

К борьбе же, товарищи, к борьбе!

К оружию, товарищи, к оружию!

Долой самодержавие, долой убийцу-царя!

Да здравствует народное восстание!

Да здравствует свобода и революция!»⁴⁷.

Благодаря самоотверженной деятельности социал-демократов значительно усилилось движение крестьянских масс Дагестана. Особенно видную роль в развертывании революционной

⁴⁶ «Революционное движение в Дагестане (1905—1907 гг.)», стр. 142—143, 146—171, 176—177.

⁴⁷ Там же, стр. 129—130.

пропаганды среди горцев играл Махач Дахадаев. В своих выступлениях он разъяснял крестьянам задачи революции, призывал их отказаться от несения податей и повинностей, отобрать захваченные помещиками земли. «Вот видите этот лес,—говорил М. Дахадаев на одном из сходов.— Он всегда был общественным. Его у вас отобрали власти и неправильно отобрали. Вы не стесняйтесь этим. Лес ваш, вы им пользуйтесь. Не спите, и свои права защищайте, защищайте свой общественный лес. Ваше это право. Вы им и пользуйтесь. А если задумают вам мешать, винтовки в руки берите. Мы будем идти впереди вас»⁴⁸. За «возбуждение» крестьян «к аграрным беспорядкам» Махач Дахадаев был арестован и по «производству дознания о его действиях в сел. Унцукуль» посажен в Темир-Хан-Шуринскую тюрьму.

Однако репрессии и аресты не смогли задуть революционное движение. В марте-апреле волновались жители селений Тарки, Кадар, Шамхал-Янги-Юрт, Хунзах, и особенно широко крестьяне Кюринского, Кайтаго-Табасаранского и других округов⁴⁹. Не без влияния разъяснительной работы социал-демократов в Дагестане крестьянские массы уклонились от выборов в первую Государственную думу: от избрания выборных в участковые сходы «отказалось население Андийского, Гунибского округов поголовно, население Аварского округа, за исключением 6 селений..., жители 5 селений Даргинского округа..., одно селение Темир-Хан-Шуринского округа..., два селения Самурского округа... Кроме того, сельские выборные, собравшись на участковые сходы в назначенные дни, отказались от избрания уполномоченных: в Кюринском округе — на девяти сходах, в Кайтаго-Табасаранском — на семи сходах, в Темир-Хан-Шуринском — на шести сходах и в Кази-Кумухском — на семи сходах»⁵⁰.

Руководствуясь указаниями В. И. Ленина о необходимости для победы революции привлечения армии на сторону народа⁵¹, социал-демократические организации Темир-Хан-Шуры, Дербента и Петровска проводили большую работу среди солдат дислоцированных в Дагестане воинских частей, вели устную агитацию, распространяли листовки Бакинского комитета РСДРП и местных организаций. Весной 1906 г. начались волнения в Темир-Хан-Шуринском резервном батальоне. Не желая допустить связь солдат с горцами, местная администрация стала разжигать национальную рознь. Эту провокацию властей разоблачила военная организация Дагестанского Комитета РСДРП. «Знайте, товарищи,—говорилось в листовке „К солдатам Темир-Хан-

⁴⁸ С. К. Бушуев. Указ. соч., стр. 23.

⁴⁹ ИИЯЛ, Рукопис. фонд., д. 2885, лл. 42—44; П. Ковалев. Борьба развертывается.— «Красный Дагестан», 1931, № 4.

⁵⁰ «Революционное движение в Дагестане (1905—1907 гг.)», стр. 179—180.

⁵¹ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 13, стр. 372.

Шуринского округа“, — что горцы не враги, а искренние друзья ваши. Они также угнетены, как вы, они так же, как вы, готовятся к борьбе с нашим общим врагом и угнетателем — правительством. Они никогда не пойдут против вас, а, наоборот, готовы помочь вам, если это будет нужно... Вы будете сильны до тех пор, пока будете идти рука об руку»⁵².

Пропаганда большевиков давала свои результаты. Волнения среди солдатских масс начинали приобретать форму вооруженных выступлений. 17 июля 1906 г. восстали солдаты 83 пехотного Самурского полка в урочище Дешлагар. Восстанием руководили унтер-офицер Ф. Самойленко, мастеровой старшего разряда Ф. Нога, писарь Я. Голубятников, рядовые Ф. Яковенко и П. Черноус. По заранее разработанному плану восставшие солдаты захватили почтово-телеграфную станцию, караульные помещения и освободили заключенных солдат, арестовали командира бригады генерала М. Богуславского, убили командира полка полковника Лемкуля, подполковника Покровского, капитана Саркисова, штабс-капитана Моргунова. Однако руководящая группа не смогла оказать на солдат решающего влияния, среди восставших начались разногласия. К тому же командование быстро стянуло воинские части и с их помощью заняло Дешлагар. Восстание Самурского полка, представлявшее из себя одно из наиболее крупных солдатских выступлений на Кавказе, было подавлено. Самодержавие жестоко расправилось с восставшими. Временный военно-полевой суд приговорил к расстрелу семерых руководителей восстания, а 149 солдат к разным срокам заключения⁵³.

В 1906 г. продолжались волнения среди учащейся молодежи Дагестана. Воспитанники Темир-Хан-Шуринского реального училища распространяли социал-демократические листовки, принимали участие в организованных большевиками сходках и митингах⁵⁴. Летом 1906 г. бастовали ученики Порт-Петровского мореходного училища. А в конце года забастовали учащиеся старших классов Дербентского реального училища. К ним присоединились воспитанники городского училища, женской гимназии и сельскохозяйственного училища⁵⁵.

Весной 1907 г. бастовали бондари Порт-Петровска, приказчики магазинов, но наиболее крупным выступлением была забастовка моряков Каспийского торгового флота, начавшаяся в мае под руководством Бакинского комитета РСДРП с выступления моряков торгового флота в Баку. Вначале в Порт-Петровске бастовали моряки всех находящихся в гавани судов.

⁵² «Революционное движение в Дагестане (1905—1907 гг.)», стр. 134—135.

⁵³ ЦГИА Груз. ССР, ф. 22, д. 854, лл. 278—285; «Революционное движение в Дагестане (1905—1907 гг.)», стр. 183, 191—194.

⁵⁴ ИИЯЛ, Рукопис. фонд, д. 2912, л. 99.

⁵⁵ «Революционное движение в Дагестане (1905—1907 гг.)», стр. 195.

Забастовкой, по словам прокурора, руководили «те же лица, что и в гор. Баку, и организована она там лишь для большей успешности забастовки в Баку. Это явствует из того, что бастующие в гор. Петровске матросы заявляли полиции, что они не прекратят забастовки, пока бакинские их товарищи не добьются удовлетворения своих требований»⁵⁶.

13 апреля 1907 г. в знак протеста против убийства портовой охраной грузчика рабочие порта и моряки пароходных обществ «Кавказ и Меркурий», «Восточное» и К°, «Надежда» категорически отказались приступить к работам до тех пор, пока не будут сняты посты часовых солдат, охраняющих порт»⁵⁷. Власти делали все возможное, чтобы сорвать забастовку, но ни провокации, ни аресты не смогли сломить дух забастовщиков. Упорная полуторамесячная борьба каспийских моряков, поддержанная всеобщей стачкой бакинского пролетариата, окончилась победой. Судовладельцы вынуждены были удовлетворить требования бастующих⁵⁸. Всеобщая забастовка моряков Каспийского торгового флота, несмотря на ее экономический характер, имела большое значение. Она показала, что при самоотверженной, дружной и организованной борьбе рабочие могут добиться успеха.

Под влиянием борьбы русских моряков вновь поднялось на борьбу дагестанское крестьянство. 10 марта крестьяне сел. Агачаул, доведенные притеснениями до отчаяния, сожгли кутаны кн. Алыпкачевых. Организаторы выступления заявляли: «Только теперь можно взять землю от беков. Начальство и власть в настоящее время бессильны»⁵⁹.

3 июня 1907 г. царь разогнал II Государственную думу. Депутаты социал-демократы были арестованы и сосланы в Сибирь. Правительство издало новый избирательный закон, сводивший на нет даже те ограниченные права, которые были завоеваны напряженной борьбой народных масс. Особенно сильно были урезаны права населения национальных окраин империи. По существу, это был государственный переворот, попытка приспособить государственный аппарат к новым условиям. Третьеиюньский переворот, указывал В. И. Ленин, был попыткой «самодержавия приспособиться к буржуазным условиям эпохи, сорганизоваться в буржуазную монархию, обеспечить интересы царизма и черносотенных помещиков путем открытого, широко и систематически проводимого союза с буржуазными верхами деревни и с воротилами торгово-промышленного капитализма»⁶⁰.

⁵⁶ Там же, стр. 203.

⁵⁷ Там же, стр. 205.

⁵⁸ З. Ибрагимов. Революция 1905—1907 гг. в Азербайджане. Баку, 1955, стр. 228.

⁵⁹ «Революционное движение в Дагестане (1905—1907)», стр. 204—205.

⁶⁰ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 19, стр. 192.

В Дагестане, как и по всей стране, началась реакция. 7 июля наместник на Кавказе Воронцов-Дашков указал генерал-губернатору, что «времена увещеваний и уговариваний рабочих прошли», что «всякие разъяснения излишни», необходимо проявлять непоколебимую решимость и быстро карать «в случае беспорядков»⁶¹. Царизм направил основной удар против рабочих и большевистских организаций. Были арестованы руководители революционного движения В. Казаринов, К. Головачевский, И. Выродов, Н. Шевченко, М. Дахадаев, Д. Коркмасов, П. Ковалев, А. Саруханов и др. В Баку при разгроме подпольной большевистской типографии был арестован профессиональный революционер И. В. Малыгин⁶².

Репрессии царизма вызвали среди мелкобуржуазных попутчиков панику и разброд. Меньшевики стали на путь ликвидации социал-демократической партии. В этих условиях вести революционную работу становилось все труднее и труднее. Однако большевики, невзирая на жестокую реакцию и дикий произвол, постоянно рискуя своей свободой и жизнью, не прекращали самоотверженной нелегальной работы, неустанно разъясняли народу, что для свержения самодержавия — этого общего врага всех народов — необходимо сплочение трудящихся вокруг партии большевиков.

В мае — июле 1907 г. происходили волнения среди солдат Хунзахского гарнизона, 222 резервного батальона, укрепления Ведено и 255 Аварского резервного батальона. Солдаты собирались на тайные сходки, читали прокламации, нелегальные брошюры, газету «Рядовой» (орган Бакинского комитета РСДРП)⁶³. Осенью 1907 г. в Петровске около 200 горожан и солдат, напад на полицию, пытались освободить задержанного солдата. «Такой распущенности и разнузданности нижних чинов, — доносил полицейский пристав, — за всю свою долголетнюю службу в полиции я встречаю впервые, когда выступила с погромом чуть ли не вся батарея»⁶⁴.

В начале июня 1907 г. крестьяне селения Кумторкала не позволили производить размежевание спорного между ними и таркинцами участка, а когда представители власти все же стали продолжать размежевание, вооруженные крестьяне пригрозили уничтожить их. Перепуганные представители администрации вынуждены были бежать на станцию Шамхал. Вскоре на место происшествия особым поездом были отправлены взвод Дагестанского

⁶¹ Е. П. Киреев. Рабочий класс и большевистская организация грозненского нефтепромышленного района в революции 1905—1907 гг. Грозный, 1950, стр. 180.

⁶² «Революционное движение в Дагестане (1905—1907 гг.)», стр. 213.

⁶³ ЦГА ДАССР, ф. 66, оп. 3, д. 4, л. 534; «Революционное движение в Дагестане (1905—1907 гг.)», стр. 208—209, 211.

⁶⁴ «Очерки истории Дагестана», т. 1, 1957, стр. 333—334.

конного полка, взвод пехоты и две роты резервного батальона. Но кумторкалинцы к этому времени уничтожили межевые знаки. Губернатор потребовал продолжить размежевание под прикрытием войск. «Но я,— писал землемер Маслов,— считая со своей стороны установление межевого знака, известного всем окрестным жителям, не столь существенным делом, чтобы для этой цели вступали в лагерь воинские части, нашел возможным признать раздел законченным»⁶⁵.

В сентябре 1907 г. крестьяне селений Кумторкала и Верхнее Казанище отказались отбывать бекам подати и повинности. Жители Кумторкала, писал в своем прошении бек Х. Мурзаев, «не признают моих прав на „Кокрек“..., отказываются отбывать повинности, в довершение всего предлагают этой осенью распашать мои кутаны..., чем хотят проявить небывалое до сих пор своеволие»⁶⁶. И все же выступления крестьян были подавлены. Царизм жестоко расправился с национально-освободительным движением горцев.

Анализируя причины поражения первой русской буржуазно-демократической революции, В. И. Ленин отмечал: «...Крестьяне действовали слишком распыленно, неорганизованно, недостаточно наступательно, и в этом заключается одна из коренных причин поражения революции»⁶⁷. Это положение В. И. Ленина вполне может быть отнесено к характеристике борьбы трудящихся Дагестана. Но, несмотря на поражение, первая русская революция имела всемирно-историческое значение. «Мировой капитализм и русское движение 1905 г.,— указывал В. И. Ленин,— окончательно разбудили Азию. Сотни миллионов забитого, одичавшего в средневековом застое, населения проснулись к новой жизни и к борьбе за азбучные права человека, за демократию»⁶⁸. Революционный русский рабочий класс, ведя настойчивую борьбу за объединение трудящихся всех угнетенных народов, сумел объединить вокруг себя трудящихся Дагестана и поднять их на борьбу за социальное и национальное освобождение. В ходе совместной борьбы, руководимой большевиками, народы Дагестана на опыте убедились, что русский пролетариат является их верным защитником и руководителем в борьбе с общим врагом всех народов — царизмом.

Первая русская революция 1905—1907 гг., которую В. И. Ленин назвал «генеральной репетицией», без которой не была бы возможна победа пролетариата 1917 г., положила прочный фундамент союзу русского рабочего класса и горского крестьянства, способствовала созданию единого революционного фронта угнетенных народов России во главе с авангардом мирового

⁶⁵ ИИЯЛ, Рукопис. фонд, д. 1323, лл. 246—249.

⁶⁶ «Революционное движение в Дагестане (1905—1907 гг.)», стр. 210.

⁶⁷ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 30, стр. 322.

⁶⁸ Там же, т. 23, стр. 146.

революционного движения — русским рабочим классом. «Полоса *полного* господства черносотенной реакции кончилась, — писал в декабре 1910 г. В. И. Ленин. — Начинается полоса нового подъема. Пролетариат, *отступавший* — хотя и с большими перерывами — с 1905 по 1909 год, собирается с силами и начинает переходить в *наступление*»⁶⁹. В авангарде начавшегося по всей стране революционного подъема шли пролетарии Петербурга, Москвы, Харькова, Ростова, Баку и других рабочих центров. В 1910 г. оживилась деятельность подпольной организации РСДРП Петровска, которой руководил И. Малыгин. Связанная с социал-демократическими организациями Северного Кавказа и Закавказья, Петровская группа РСДРП оказывала известное влияние и на социал-демократов Дербента и Темир-Хан-Шуры. Несмотря на свою малочисленность, социал-демократические группы Петровска, Дербента, Темир-Хан-Шуры проводили большую работу среди рабочих и крестьян области. Социал-демократы Петровска, доносили жандармы, «получают через Лазарева из Баку нелегальную литературу, ведут пропаганду в пределах программы РСДРП и не только среди местного населения г. Петровска, но и среди нижних чинов, квартирующих в городах Петровске и Дербенте»⁷⁰. Летом 1910 г. в Петровске, Дербенте, как и на других станциях Владикавказской железной дороги, вновь организовались группы Всероссийского железнодорожного союза.

Подпольные социал-демократические организации действовали также среди солдат гарнизонов Темир-Хан-Шуры, Дербента, Хунзаха, Дешлагара⁷¹. Большую разъяснительную работу среди крестьянских масс проводили М. Дахадаев в Северном Дагестане, Д. Атаев в Петровске, К.-М. Агаснев в Южном Дагестане⁷². Серьезный удар революционному движению нанесли аресты и ссылки социал-демократов. В мае 1911 г. в Петровске были арестованы почти все члены социал-демократической организации во главе с И. Малыгиным и высланы из Дагестана. Однако никакие репрессии царских палачей не были в состоянии прекратить революционную деятельность социал-демократов Дагестана. «Среди петровских бондарей, — вспоминает М. Косицын, — появилось... немало молодых, но смелых вожаков. Среди них были Н. Ермошкин, И. Котров, Г. Корнешев, К. Горбачев, С. Голубев, В. Швырков и др. Они были грамотны, энергичны... Работая в разных мастерских, они

⁶⁹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 20, стр. 74.

⁷⁰ ИИЯЛ, Рукопис. фонд, д. 1373, л. 24; Г. Г. Османов, В. Н. Ганзуров. Революционное движение в Дагестане в 1907—1917 гг. — «Труды Института партии при Дагобкоме КПСС», т. 1. Махачкала, 1957, стр. 65.

⁷¹ ЦГА ДАССР, ф. 66, оп. 5, д. 18, лл. 92—93.

⁷² ЦГИА Гр. ССР, ф. 22, д. 185, лл. 2—5; ИИЯЛ, Рукопис. фонд, д. 2564, лл. 67—69; Н. Эмиров. Славные сыны Дагестана. Махачкала, 1947, стр. 67.

часто собирались вместе, читали нелегальную литературу, беседовали. Вокруг них группировалась лучшая часть молодежи»⁷³.

Партийные организации центра и Закавказья делали все, чтобы организовать и направить революционную деятельность социал-демократов Петровска. Об этом, в частности, свидетельствуют следующие факты. «В гор. Петровске,—говорится в одном из донесений полиции,—проживает служащий конторщиком у купца Михайлова Н. С. Кутов или Жутов, который является членом одной из профессиональных или социал-демократических организаций гор. Москвы, ведет с таковой конспиративную переписку, имеет намерения организовать в Петровске местную группу той же организации, получая для сего указания из Москвы»⁷⁴. В 1912 г. возник кружок и на фабрике «Каспийская мануфактура» в Петровске. Напряженную работу в это время вели также социал-демократы Темир-Хан-Шуры и Дербента.

Социал-демократы Дагестана поддерживали связь с большевиками Центральной России и рабочих центров Кавказа, получали от них нелегальную литературу, листовки и большевистские газеты «Правда», «Пролетарий» и др. «К нам,—вспоминает Я. В. Коробов,—привезли из центра несколько номеров газет „Пролетарий“ и „Звезда“. Мы читали их коллективно, а затем через связную Ш. Солодовникову передавали на другие заводы»⁷⁵. «Являясь, как и другие рабочие, подписчиком „Правды“,—вспоминает И. Косицын,—я читал ее вслух. Заинтересовавшиеся рабочие стали собираться к моему верстаку как только приносили мне свежий номер»⁷⁶. Старшая мастерица швейной мастерской А. А. Волошина, вспоминает М. А. Онанова, была связана с «социалистами», от которых получала нелегальную литературу, среди которой были «произведения К. Маркса и Ф. Энгельса „Манифест Коммунистической партии“ и др., она давала читать и мне»⁷⁷. В эти годы марксистская литература тайно распространялась и среди учащейся молодежи области⁷⁸. Нелегальные большевистские издания, ленинская «Правда» помогали социал-демократам Дагестана ориентироваться в происходящих событиях и вести революционную пропаганду среди трудящихся масс.

Революционная деятельность большевиков Дагестана проходила в ожесточенной борьбе с буржуазными националистами, панисламистами и пантюристами. Стремясь разъединить

⁷³ М. Косицын. Указ. соч., стр. 386—387.

⁷⁴ Г. Г. Османов, В. Н. Ганзуров. Указ. соч., стр. 65—66.

⁷⁵ Я. В. Коробов. Указ. соч., стр. 412.

⁷⁶ «Красный Дагестан», 27 мая 1927 г.

⁷⁷ «В боях за власть Советов». Махачкала, 1957, стр. 35.

⁷⁸ А. Далгат. В огне революции. Махачкала, 1960, стр. 99.

трудящихся горцев и русских, буржуазные националисты разжигали между ними национальную вражду. «Путь русских,— говорили они,— это... путь, ведущий в ад. Мусульмане должны следовать по пути, начертанному шариатом, ведущему в рай»⁷⁹. Активную националистическую пропаганду среди горцев вели также меньшевики и эсеры, но несмотря на все их старания, с началом нового революционного подъема усилился процесс объединения горцев с русским народом, стали крепнуть дружба и взаимопонимание между трудящимися Дагестана и русскими рабочими. Под могучим влиянием революционных выступлений русского рабочего класса стали подыматься на борьбу и трудящиеся Дагестана. Как и ранее, организаторами революционного движения в области были русские рабочие, руководимые большевиками.

В июле 1910 г. забастовали бондари, в сентябре — рабочие порта⁸⁰, в конце 1911— начале 1912 г.— вновь бондари. «Забастовку,— вспоминает М. Косицын,— возглавляли Солин-Усанов, И. Маскин, И. Котров, С. Голубев, В. Швырков». На каждом предприятии были уполномоченные, которые «сносились со стачечным комитетом, вели переговоры с хозяевами». Предприниматели делали все, чтобы принудить рабочих приступить к работе, лишили бондарей кредита, при помощи полиции выселили из квартир до 500 человек. Но и это не помогло. Были «арестованы и высланы из Дагестана Солин-Усанов, Маскин и Швырков. Но на места бывших встали другие руководители». Знаменитая «голодная забастовка» продолжалась 7 недель и закончилась в начале марта победой бондарей — предприниматели вынуждены были увеличить заработную плату⁸¹.

Под непосредственным влиянием революционной борьбы русских рабочих в движение включались и рабочие дагестанцы Петровска, Темир-Хан-Шуры и Дербента. Рабочие выступления оказывали большое воздействие на крестьян, солдат, демократическую интеллигенцию, учащуюся молодежь. Добиваясь ликвидации феодально-зависимых отношений, крестьянские массы не только подавали жалобы, но и отказывались от несения податей и повинностей. Нередко борьба крестьян принимала форму вооруженного выступления в защиту своих прав⁸².

В 1914 г. разразилась империалистическая война. Как и следовало ожидать, к войне народные массы отнеслись крайне отрицательно. «Война нам не нужна,— говорили рабочие-

⁷⁹ А. Гаджиев. Указ. соч., стр. 57.

⁸⁰ ЦГА ДАССР, ф. 66, оп. 5, д. 18, лл. 34—35.

⁸¹ Я. В. Коробов. Указ. соч., стр. 413.

⁸² ЦГИА Груз. ССР, ф. 13, оп. 4, д. 2665, л. 1; ЦГА ДАССР, ф. 2, оп. 5, д. 31, л. 21; ф. 7, оп. 1, д. 4, л. 40; ф. 66, оп. 3, д. 5, ч. II, л. 137; ИИЯЛ, Рукопис. фонд, д. 1398, л. 62.

текстильщики Петровска,— потому что трудовому человеку она не принесет ничего, кроме цепей, костылей и трех аршин земли»⁸³.

В отличие от народных масс господствующие классы Дагестана с первых же дней встали на позиции поддержки царизма. На стороне империалистической буржуазии оказались также меньшевики, эсеры и другие мелкобуржуазные партии. В Петровске в день начала войны на фабрике «Каспийская мануфактура» состоялся митинг, на котором представитель меньшевиков вместе с управляющим призывали не роптать на тяготы военного времени, преданно служить царю-батюшке, сложить за него свои головы. Только партия большевиков, руководимая В. И. Лениным, выступала против войны. «Захват земель,— писал В. И. Ленин,— и покорение чужих наций, разорение конкурирующей нации, грабеж ее богатств, отвлечение внимания трудящихся масс от внутренних политических кризисов России, Германии, Англии и других стран, разъединение и националистическое одурачение рабочих и истребление их авангарда в целях ослабления революционного движения пролетариата — таково единственное действительное содержание, значение и смысл современной войны»⁸⁴. Партия, В. И. Ленин ставили перед большевиками задачу превращения империалистической войны в гражданскую войну⁸⁵.

В Дагестане, как и по всей стране, большевики развернули антивоенную пропаганду, которая проникала и в горы Дагестана. «Рабочие-отходники, возвращаясь на родину из рабочих центров, или в письмах вели антивоенную агитацию среди сельского населения, призывали отказаться от поступления в формируемый 2-ой Дагестанский конный полк»⁸⁶. Все же в начале войны дело не дошло до открытых выступлений. Это объяснялось прежде всего тем, что царское правительство либо мобилизовало в армию, либо арестовало и сослало активных деятелей революционного движения. Однако усиление эксплуатации рабочего класса и разорение крестьян путем реквизиции лошадей и крупного рогатого скота усугубляло недовольство народных масс, способствовало росту оппозиционных настроений в Дагестане.

В 1916 г. под влиянием революционной борьбы в Центральной России усилилось забастовочное движение и в Дагестане. Весной 1916 г. в Петровске была организована маевка, в которой участвовали представители всех крупных предприятий

⁸³ Я. В. Коробов. Указ. соч., стр. 417.

⁸⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 26, стр. 15.

⁸⁵ Там же, стр. 22.

⁸⁶ ЦГИА Груз. ССР, ф. 2с, д. 3254, л. 1; А. С. Омаров. Дагестан в годы империалистической войны и Февральской буржуазно-демократической революции.— ИИЯЛ, Рукопис. фонд, д. 2161, л. 33.

города. На ней выступили прибывший из Астрахани бондарь Рыбичкин и рабочие с предприятий. Здесь же решили предъявить хозяевам требование о повышении заработной платы, а в случае отказа — забастовать. Однако предпринимателям удалось сорвать забастовку⁸⁷.

В мае — июле 1916 г. трижды объявляли забастовку рабочие фабрики «Каспийская мануфактура». Забастовкой 4 июля руководил специально приехавший из Баку для ведения революционной работы в Петровске большевик Н. Телепин и рабочие А. Скрипников, М. Н. Гаджиев, Е. Калимова. Власти потребовали прекратить забастовку, но рабочие наотрез отказались начать работу на старых условиях. Тогда против них были брошены войска. Произошло вооруженное столкновение, в результате которого было ранено несколько рабочих, арестованы руководители забастовки. Несмотря на это, бастующие держались стойко. Больше того, они добились освобождения арестованных и удовлетворения ряда требований⁸⁸.

В июле же забастовали рабочие типографии Михайлова и бондари предприятий общества «Рыбак». Бастовали и рабочие промышленных предприятий Темир-Хан-Шуры и Дербента⁸⁹. Под влиянием рабочего движения участились выступления крестьян. Особенно накалилась обстановка в связи с изданием царского указа от 25 июля 1916 г. «О привлечении реквизиционным порядком на время... войны освобожденных от воинской повинности инородцев империи», по которому горцы, достигшие 18-летнего возраста, могли быть мобилизованы в рабочие роты. Возмущение народных масс было настолько велико, что наместник вынужден был признать, «что на Кавказе в мусульманской среде уже назрело и все возрастает настроение, крайне опасное для государственных интересов»⁹⁰.

Самым крупным и массовым выступлением было восстание аксаевских крестьян летом 1916 г. По требованию властей общество селения Аксай должно было выставить 190 подвод с возчиками. Аксаевцы наотрез отказались выделить возчиков, а когда администрация попыталась применить силу, крестьяне оказали вооруженное сопротивление. Для подавления восстания в Аксай был направлен отряд царских войск. Однако укрепившиеся аксаевцы обстреляли их. Восстание оказало огромное влияние на крестьян других аулов, где стали создавать вооруженные отряды. Соседние аулы, по словам начальника округа, посылали в «помощь аксаевцам большие толпы вооружен-

⁸⁷ «Очерки истории Дагестана», т. 1, 1957, стр. 393.

⁸⁸ ИИЯЛ, Рукопис. фонд, д. 2161, л. 60.

⁸⁹ ЦГА ДАССР, ф. 66, оп. 4, д. 6, лл. 5, 16; ИИЯЛ, Рукопис. фонд, д. 1406, л. 5.

⁹⁰ ИИЯЛ, Рукопис. фонд, д. 1409, л. 7; ЦГИА Груз. ССР, ф. 521, оп. 5, д. 338, л. 40; А. С. Омаров. Указ. соч., стр. 63.

ных конных и пеших туземцев». Напуганные создавшимся положением, местные власти запросили помощи. Кавказская администрация направила в Хасавюртовский округ значительные воинские силы под командованием генерала Степанова. Восстание крестьян было жестоко подавлено, активные участники арестованы, более 20 человек предано военно-полевому суду. На аксаевцев возложили обязанности содержать роту солдат и сотню казаков, жителям селения запретили носить оружие⁹¹.

В начале 1917 г. политическая обстановка в стране приняла крайне острый характер. «Война,— указывал В. И. Ленин,— создала такой необъятный кризис, так напрягла материальные и моральные силы народа, нанесла такие удары всей современной общественной организации, что человечество оказалось перед выбором: или погибнуть или вручить свою судьбу самому революционному классу для быстрейшего и радикальнейшего перехода к более высокому способу производства»⁹². В ходе войны в стране назревала народная революция, которая совершилась 27 февраля 1917 г. Как отмечал В. И. Ленин, пролетариат России «проявил героизм, он проливал кровь, он увлек за собой самые широкие массы трудящегося и беднейшего населения»⁹³. Победа второй русской буржуазно-демократической революции явилась переломом в истории народов России. Оценивая значение победы Февральской революции, В. И. Ленин писал: «В несколько дней Россия превратилась в демократическую буржуазную республику, более свободную — в обстановке войны,— чем любая страна в мире»⁹⁴.

Наместник на Кавказе, а заодно с ним и губернатор Дагестана пытались скрыть от трудящихся масс события, совершившиеся в Центральной России. И все же весть о свержении царя эхом прокатилась по горам и ущельям Кавказа и вызвала волну демонстраций в городах и крестьянских сходах в аулах Дагестана⁹⁵. В городах области рабочие разоружали полицейских, освобождали политических заключенных. В то же время почти во всех округах развернулось массовое крестьянское движение. Поднявшиеся на борьбу крестьяне изгоняли царских чиновников, захватывали бекские земли⁹⁶. Причем

⁹¹ ЦГИА Груз. ССР, ф. 521, д. 94, лл. 8—23; ИИЯЛ, Рукопис. фонд, д. 1409, л. 7; «Очерки истории Дагестана», т. 1, 1957, стр. 369.

⁹² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 34, стр. 197—198.

⁹³ Там же, т. 31, стр. 24.

⁹⁴ Там же, т. 41, стр. 12.

⁹⁵ ЦГА ДАССР, ф. 175-р, оп. 3, д. 63, лл. 3—5; ИИЯЛ, Рукопис. фонд, д. 1474, л. 15.

⁹⁶ Борьба за установление Советской власти в Дагестане (1917—1921 гг.). Сб. документов и материалов. М., 1958, стр. 24—25.

большую помощь повстанцам оказывали русские солдаты дислоцированных в горах Дагестана воинских частей. «Солдаты Ахтынского гарнизона,— сообщил очевидец,— усердно стараются защищать право угнетенного мусульманского населения Самурского округа»⁹⁷. Однако Февральская революция не решила кардинальных вопросов, на местах произошла лишь «незначительная смена административных лиц. Вместо старых названий появились... новые названия, вроде губернский комиссар, и т. д.»⁹⁸. В марте 1917 г. в Темир-Хан-Шуре был организован Временный областной исполнительный комитет, а 6 апреля создан местный орган Временного правительства, подчиненный особому Закавказскому комитету (ОЗАКОМ),— Особый комиссариат. Возникшие в городах Дагестана и гарнизонах крепостей Ахты, Кумух, Гуниб, Хунзах, Чир-юрт, Дешлагар, Ботлих и других Советы рабочих и солдатских депутатов оказались под влиянием меньшевиков и эсеров. Пользуясь создавшейся благоприятной обстановкой, объединенные силы местной реакции делали все, чтобы отвлечь трудящихся от революционной борьбы, пропагандировали панисламизм и пантюркизм, добивались отделения Дагестана от России и создания обособленного государства под эгидой Турции⁹⁹. С этой целью в апреле 1917 г. было организовано общество «Джамиет-уль-Исламие», а в сентябре Дагестанский милли-комитет.

Революция, писал М. Дахадаев в газете «Время», одним ударом «уничтожила средостение между угнетенными народностями и русским народом, парализовала центробежные стремления недержавных национальностей и своим величием приковала их к сердцу России.

Не отказываясь и желая самоопределяться, каждая народность спешит теснее сомкнуть свои ряды с российской демократией, не отставать от лозунгов и принципов ее...

Но в этой великой России остались маленькие темные силы, герои старого строя. Это — та нечисть, которая питалась павшим царизмом. Это — та банда, которая натравливала одну народность на другую... Было бы безумием верить, что эти евнухи... не мечтают о возврате старого строя... Было бы изменой революции думать, что они не попытаются расстроить общий хор возрожденных народностей России...

Особенно много этой черной рати на окраинах России. Не дремлют темные силы и в Дагестане. Явными и тайными путями они сеют рознь и вражду в области»¹⁰⁰.

⁹⁷ ЦГА ДАССР, ф. 609, оп. 1, д. 120, л. 4; А. Гаджиев. Указ. соч., стр. 83.

⁹⁸ Г. К. Орджоникидзе. Статьи и речи. М., 1956, стр. 74.

⁹⁹ А. Д. Даниялов. Советский Дагестан. М., 1960, стр. 63.

¹⁰⁰ «Борьба за установление Советской власти в Дагестане (1917—1921 гг.)», стр. 21.

В ожесточенной борьбе с реакцией происходила консолидация революционных сил. Весной 1917 г. в Темир-Хан-Шуре образовалась Дагестанская социалистическая группа, руководимая Д. Коркмасовым, М. Дахадаевым и др. В мае образовалась группа революционно настроенных студентов — Дагестанское просветительно-агитационное бюро во главе с большевиком У. Буйнакским, проводившее большую работу в массах¹⁰¹. В апреле 1917 г. в Дербенте при активном участии Я. Маркуса, И. Котрова, Д. Пугина, И. Маскина и при помощи Бакинского комитета РСДРП(б) была создана большевистская организация, которая поддерживала связь с ЦК РСДРП(б)¹⁰².

В Петровске на текстильной фабрике, среди бондарей, железнодорожников образовались группы большевиков. Летом в Петровск прибыли большевики У. Буйнакский, Г. Саидов и др. В созданный в сентябре 1917 г. городской комитет партии в Петровске вошли У. Буйнакский, А. Сельтенов, А. Магомедов, Кондратенко, А. Исмаилов и др. Тогда же в Кизляре образовалась большевистская группа, руководимая А. Хорошевым, связанная с Грозненской и Ставропольской организациями. Летом и осенью 1917 г. большевистские группы были организованы в Даргинском, Кази-Кумухском, Аварском, Андийском, Гунибском, Кайтаго-Табасаранском и Самурском округах¹⁰³.

Большевики Дагестана в своей деятельности руководствовались «Апрельскими тезисами» В. И. Ленина и решениями VI съезда партии. Работу по политическому воспитанию трудящихся приходилось вести в очень сложных и своеобразных условиях, учитывая местные национальные и социальные отношения, малочисленность пролетариата и другие специфические особенности Дагестана. Огромную работу провели большевики области по интернациональному воспитанию трудящихся, по укреплению дружбы и боевого союза горцев с русским народом. У. Буйнакский писал: «„Пролетарии всех стран, соединитесь!“ — ибо в единении, в сознании себя — сила. Дагестанец уже на этом пути, и никакая сила не свернет его в сторону»¹⁰⁴. Отстаивая идею дружбы и сотрудничества горцев с русским народом, М. Дахадаев отмечал: «Любите, не забывайте

¹⁰¹ М. Бутаев, Г. Койстинен. Дагестанское просветительно-агитационное бюро. — «Труды Института истории партии при Дагобкоме КПСС», т. 1. Махачкала, стр. 77—92.

¹⁰² «Исторический архив», 1956, № 5, стр. 40; «Переписка секретариата ЦК РСДРП(б) с местными партийными организациями (март, октябрь 1917 г.)». Сб. документов. М., 1957, стр. 18; Б. О. Кашкаев. Борьба за Советы в Дагестане. М., 1963, стр. 30.

¹⁰³ «Борьба за победу и упрочение Советской власти в Дагестане». Махачкала, 1960, стр. 41—46; Г. А. Аликберов. Борьба за установление и упрочение Советской власти в Дагестане. Баку, 1962, стр. 25.

¹⁰⁴ «Борьба за власть Советов». Махачкала, 1957, стр. 27.

Русь. Она ведь делится с вами своей свободой, равенством, братством, добытыми слезами и кровью собственных ее сыновей»¹⁰⁵.

Благодаря энергичной деятельности большевиков, вооруженные отряды народной милиции Дагестана защищали русских крестьян-переселенцев от налетов националистических банд¹⁰⁶.

25 октября (7 ноября) 1917 г. рабочий класс России в союзе с беднейшим крестьянством сверг господство буржуазии и установил Советскую власть. Вдохновителем и организатором Великой Октябрьской социалистической революции была партия большевиков и ее боевой штаб — Центральный Комитет, возглавляемый вождем мирового пролетариата В. И. Лениным. Образованное на съезде Советов рабоче-крестьянское правительство во главе с В. И. Лениным приняло декреты о мире, о земле и др. Был опубликован величайший исторический документ «Декларация прав народов России», в которой сформулированы основные принципы ленинской национальной политики Советской власти: «1. Равенство и суверенность народов России. 2. Право народов России на свободное самоопределение, вплоть до отделения и образования самостоятельного государства. 3. Отмена всех и всяких национальных и национально-религиозных привилегий и ограничений. 4. Свободное развитие национальных меньшинств и этнографических групп, населяющих территорию России»¹⁰⁷.

20 ноября (3 декабря) 1917 г. Советское правительство приняло обращение «Ко всем трудящимся мусульманам России и Востока», в котором говорилось: «Отныне ваши верования и обычаи, ваши национальные и культурные учреждения объявляются свободными и неприкосновенными. Устраивайте свою национальную жизнь свободно и беспрепятственно. Вы имеете право на это. Знайте, что ваши права, как и права всех народов России, охраняются всей мощью революции и ее органов, Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Поддерживайте же эту революцию и ее полномочное Правительство!»¹⁰⁸. Великая Октябрьская социалистическая революция, явившаяся торжеством ленинской национальной политики, сплотила народы России в одну дружную семью и дала могучий толчок развитию социалистической революции во всей стране. Этот процесс В. И. Ленин назвал «сплошным триумфальным шествием» Советской власти¹⁰⁹.

Весть о победе Великой Октябрьской социалистической революции была встречена трудящимися Дагестана с огромной

¹⁰⁵ «Дагестанская правда», 8 декабря 1962 г.

¹⁰⁶ А. Гаджиев. Указ. соч., стр. 168.

¹⁰⁷ «Декреты Советской власти». М., 1957, стр. 40.

¹⁰⁸ Там же, стр. 113—114.

¹⁰⁹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 36, стр. 5.

радостью. 7 (20) ноября 1917 г. на совещании Порт-Петровского Совета рабочих и военных депутатов по докладу делегата II Всероссийского съезда Советов Н. Анисимова была принята резолюция о признании Советской власти. «Вся власть,— говорилось в резолюции,— отныне должна принадлежать трудовому народу. Пусть у власти теперь стоит тот, кто своими руками кует железо, сеет хлеб и защищает родную землю»¹¹⁰. В декабре 1917 г. в Порт-Петровске был создан Военно-революционный комитет в следующем составе: У. Буйнакский (председатель), И. Котров, З. Захарочкин, Д. Онанов, А. Шабалин, Н. Ермошкин, А. Атаев и др. Выступая на митинге в Порт-Петровске от имени ВРК, У. Буйнакский говорил: «Отныне судьбу жителей ущелий и скал, судьбу всех трудящихся Дагестана будут решать не царские чиновники, не министры Временного правительства, не шейхи и богачи, а вы сами... Объявляя вам о создании Петровского Военно-революционного комитета, о создании Советской власти в Дагестане, я призываю вас сплотиться вокруг него и дать дружный отпор всем попыткам врагов Советской власти, помогать трудящимся строить новую жизнь, как они хотят»¹¹¹.

Охваченные страхом, помещичье-клерикальные реакционеры, установив связь с мусаватистами Азербайджана и с контрреволюционерами Северного Кавказа, встали на путь открытой борьбы. 25 марта помещичье-клерикальные банды по приказу Областного исполкома совершили вооруженное нападение на Порт-Петровск¹¹². Отряд Красной Гвардии Петровского ВРК вынужден был отступить в Астрахань и частично в Баку. Вслед за падением Петровска контрреволюционные банды «имама» Н. Гоцинского заняли Дербент, Хасавюрт. В Дагестане временно восторжествовала реакция. Затем контрреволюционеры, договорившись с мусаватистами, организовали поход на революционный Баку. Но в районе Хурдалана бакинский пролетариат разбил банды имамовцев¹¹³.

После временного падения Советской власти перешедшие на нелегальное положение большевики Дагестана повели деятельную подготовку к антиимамовскому восстанию. Созданы были подпольные красногвардейские отряды. Огромную помощь в борьбе с контрреволюцией народам Дагестана оказал великий русский народ. В Астрахани был организован экспедиционный отряд под командованием члена губкома С. Бурова и комиссара части В. Ляхова. Ввиду того, что астраханский отряд задерживался в пути, 17 апреля из Баку в Пет-

¹¹⁰ «Борьба за установление Советской власти в Дагестане (1917—1921 гг.)», стр. 45.

¹¹¹ Там же, стр. 48.

¹¹² Там же, стр. 80—81.

¹¹³ Там же, стр. 96—97.

ровск был направлен крупный отряд Красной Гвардии под командованием М. Ефремова, 22 апреля Советская власть была восстановлена в Порт-Петровске, 25 апреля — в Дербенте и 2 мая — в Темир-Хан-Шуре, где был образован Областной Военно-революционный комитет в составе У. Буйнакского, М. Дахадаева, Д. Коркмасова, С. Габиева, Е. Гоголева, М. Хизроева, А. Исмаилова и др.

«Дагестанский трудовой народ,— говорилось в воззвании комитета,— берет власть в свои руки и образует Военно-революционный комитет, являющийся местным исполнительным органом Совета Народных Комиссаров и выразителем воли трудового дагестанского народа. Ближайшей задачей Военно-революционного комитета является полное освобождение трудового народа от всякого гнета беков, князей и богачей, установление прочного мира между всеми национальностями на основах свободы, равенства и братства, немедленная передача казенных, бекских, чашкских и крупных частновладельческих земель, пастбищных гор и лесов в руки трудового народа Дагестана»¹¹⁴. Военно-революционный комитет призвал трудящихся организоваться в местные Советы и быть готовыми с оружием в руках в нужный момент подавить всякое контрреволюционное выступление¹¹⁵.

Наряду с укреплением органов Советской власти на местах, большевики Дагестана с помощью коммунистов, прибывших из Астрахани и Баку, приступили к формированию частей Красной Армии, ядро которых составили русские красногвардейцы и партизаны Дагестана¹¹⁶.

Обеспокоенные успехами трудящихся в борьбе за установление Советской власти в Дагестане верхи контрреволюции обратились за помощью к Турции. С этой целью в Константинополь отправились Г. Бамматов, Т. Чермоев, З. Темирханов и др. Заручившись поддержкой германо-турецких интервентов, контрреволюционеры Северного Кавказа созвали в Грузии конференцию и объявили о создании «независимого» Союза объединенных горцев Кавказа. Сформированное здесь же «правительство Горской республики» через посла Германии в Москве Мирбаха передало правительству РСФСР ноту. «Союз горцев Кавказа,— говорилось в ней,— решает отделиться от России и образовать независимое государство. Территория нового государства будет иметь своими границами с севера те же самые географические границы, какие имели области и провинции Дагестана, Терека, Ставрополя, Кубани и Черного моря в бывшей русской империи, с запада — Черное море, с востока — Каспийское море,

¹¹⁴ «Борьба за установление Советской власти в Дагестане (1917—1921 гг.)», стр. 111.

¹¹⁵ Там же.

¹¹⁶ «Ученые записки ИИЯЛ», т. 8. Махачкала, 1958, стр. 87.

с юга — границы, подробности которой будут определены по соглашению с Закавказским правительством...»¹¹⁷.

Советское правительство решительно протестовало против антинародной затеи буржуазно-националистических авантюристов. В ноте Народного Комиссариата по иностранным делам отмечалось, что «народы... Черноморского побережья, Кубани, Терека и Дагестана давно уже высказались на своих демократически организованных съездах за неразрывную связь с Российской Федерацией. Попытка небольшой кучки попать волю широких слоев своего народа будет, несомненно, разоблачена самим населением. Против узурпации власти этой кучки Российская Советская власть будет поступать самым решительным образом»¹¹⁸.

Ставя своей целью отторжение Дагестана от Советской России, внутренняя контрреволюция во главе с «имамом» Н. Гоцинским всевозможными средствами — обманом, подкупом и угрозами — сколачивала вооруженные отряды, ловко используя религиозные чувства горцев, разжигала национальную рознь.

В этих чрезвычайно сложных условиях большевики Дагестана неустанно разоблачали происки контрреволюционеров, разъясняли трудящимся ленинскую национальную политику. «Национализм,— писал в одной из статей З. Батырмурзаев,— это крепость лжи, возведенная между пролетариями разных наций для того, чтобы не дать им возможность объединиться и дать отпор «своим» богачам. Так как на знамени пролетариата написаны священные слова: свобода, братство и равенство, так как рабочий класс борется за эти цели, рабочие и трудящиеся крестьяне всех наций на пути своего движения должны уничтожить крепость лжи, умышленно возведенную между нами, крепость называемую национализмом...». Разоблачая всех тех, кто натравливал горцев против русских, он писал: «Хотя дагестанские беки сами ходят в обнимку с забракованными генералами николаевских времен, но крестьянину Магоме мешают сблизиться с крестьянином Иваном, сеют вражду между ними, натравливая друг на друга. Если бы объединились трудящиеся массы различных национальностей, было бы легче освободить мир от этих паразитов»¹¹⁹.

К июлю 1918 г. Советская власть была установлена в Темирхан-Шурином, Кайтаго-Табасаранском, Кази-Кумухском, Даргинском и частично в Гунибском и Кюринском округах¹²⁰.

---

¹¹⁷ И. Разгон, А. Мельчин. Борьба за власть Советов в Дагестане. Махачкала, 1945, стр. 39—40.

¹¹⁸ «История гражданской войны в СССР», т. 3, М., 1957, стр. 140.

¹¹⁹ «Танг-Чолпан», 1918, № 12; А. Гаджиев. Указ. соч., стр. 261.

¹²⁰ «Борьба за установление Советской власти в Дагестане (1917—1920 гг.)», стр. 172—173.

В июле 1918 г. в Темир-Хан-Шуре состоялся съезд представителей городов и освобожденных округов Дагестана. Он принял законы о национализации земли, рыбных промыслов, крупных промышленных предприятий, избрал Дагестанский областной исполнительный комитет Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов в составе Д. Коркмасова, У. Буйнакского, М. Дахадаева, М. Хизроева, П. Ковалева, С. Казбекова, С. Габиева, А. Исмаилова, А. Тахо-Годи и др.¹²¹

Однако в связи с вторжением на Кавказ германо-турецких, а затем английских интервентов Советская власть в Дагестане временно пала. Банды наймита Антанты Л. Бичерахова по согласованию с командующим войсками в Северном Иране английским генералом Томсоном, французским полковником Шардиньи и представителем США Вильбергом захватили Дербент, Порт-Петровский и Темир-Хан-Шуру. Диктатором Дагестана стал кн. Тарковский. Зверски были убиты М. Дахадаев, Н. Ермошкин, И. Котров, Г. Канделаки, Г. Таги-Заде, З. Захарочкин и др. Более 80 партийных и советских работников были арестованы и высланы в Закаспийский край¹²².

Вскоре место Бичерахова заняли германо-турецкие оккупанты. Играя на религиозных чувствах горцев, турецкие интервенты захват Дагестана объясняли «бескорыстной помощью» Турции единоверным народам Дагестана в их борьбе за национальную независимость. С этой же целью, по предварительному соглашению с «Горским правительством», турецкие войска объявили себя армией «Горского правительства». «Это правительство, — писал Г. К. Орджоникидзе, — имеющее своей территорией несколько номеров в гостинице («Ориент». — В. Г.), было в союзе с грузинским правительством и всячески снабжалось им. Только после занятия Петровска и Баку турками оно осмелилось перекочевать в Темир-Хан-Шуру, но не смело двигаться дальше»¹²³.

Трудящиеся горцы вместе с русским рабочим классом вели решительную борьбу с иностранными интервентами и их ставленниками. Коммунистическая партия и В. И. Ленин принимали необходимые меры к оказанию помощи трудящимся Дагестана. Прибывшая в Астрахань по поручению В. И. Ленина комиссия Народного комиссариата по делам национальностей при участии С. М. Кирова разработала в начале 1919 г. план свержения «Горского правительства» и восстановления Советской

---

¹²¹ «Борьба за победу и упрочение Советской власти в Дагестане», стр. 151.

¹²² Б. О. К а ш к а е в. Борьба за власть Советов в Дагестане (март 1917—март 1920 гг.).— «Вопросы истории», 1960, № 1, стр. 15; Г. А. Аликберов. Борьба за Советскую власть в Дагестане.— «Ученые записки ИИЯЛ», т. 8. Махачкала, 1958, стр. 12.

¹²³ Г. К. Орджоникидзе. Указ. соч., стр. 88.

власти в Дагестане. В феврале 1919 г. в Дагестан направлена была группа работников во главе с У. Буйнакским. В помощь большевикам в Дагестан был командирован профессиональный революционер коммунист Оскар Лещинский. Большую поддержку трудящимся Дагестана, как и ранее, оказал пролетариат Закавказья. По инициативе Кавказского и Бакинского комитетов РКП(б) 3 мая 1919 г. в Баку был объявлен «День Красного Дагестана». Этот день, организованный мусульманами-социалистами, как писала газета «Набат», «прошел удачно, несмотря на сильное противодействие мусаватистов. По улицам ездили автомобили, украшенные флагами с революционными лозунгами... Сбор достиг довольно крупной цифры»¹²⁴.

В середине февраля в сел. Кумторкала была созвана 1-я партийная конференция, на которой был избран подпольный Дагестанский обком РКП(б) во главе с У. Буйнакским, утвержден план подготовки вооруженного восстания и для осуществления его создан Военный Совет в составе У. Буйнакского, О. Лещинского, С. Абдулхалимова и др. Обком партии развернул огромную организаторскую и агитационную работу среди трудящихся. В городах и аулах Дагестана была создана Красная Армия численностью 8 тыс. человек, развернулось партизанское движение. Серьезную помощь Дагобкому РКП(б) оказывали Кавказский и Бакинский комитеты РКП(б).

В мае 1919 г. по указке своих хозяев «Горское правительство» арестовало почти весь состав Дагестанского обкома. У. Буйнакский, О. Лещинский, А. Исмаилов и другие по решению военно-шариатского суда были расстреляны¹²⁵. Воспользовавшись благоприятной обстановкой, генерал Халилов произвел военный переворот и впустил в Дагестан деникинцев. В июле они начали проникать в округа. Однако революционное движение трудящихся Дагестана нарастало, а к июню 1919 г. «весь Дагестан поднял знамя борьбы против Деникина,— сообщала „Правда“, — и под руководством коммунистов ведет героическую успешную борьбу»¹²⁶. Оценивая значение всеобщего восстания горцев, А. И. Микоян отмечал:

«В тяжелые дни, когда белые полчища Деникина занимали один за другим подступы к пролетарской столице — Красной Москве, дагестанские народы, эти славные горные орлы, оказали величайшую помощь загнанным в контрреволюционные тиски русским рабочим и крестьянам. Народы Дагестана подняли знамя всенародного восстания в тылу Деникина. Они откры-

¹²⁴ «Набат», 5 мая 1919 г.; «Ученые записки ИИЯЛ», т. 8, стр. 88.

¹²⁵ «Борьба за установление Советской власти в Дагестане (1917—1920 гг.)», стр. 225, 248—258.

¹²⁶ «Правда», 11 июня 1919 г.

ли ему новый фронт, отвлекли его силы и помешали продвижению его банд на Советскую Россию»¹²⁷.

Движением руководил вновь созданный подпольный обком и Кавказский краевой комитет РКП(б) во главе с А. И. Микояном. В этой борьбе из среды трудящихся горцев выдвинулись такие выдающиеся организаторы партизанского движения, как Алибек Багатырев, Магомед Омаров-Чохский, Рабадан Нуров, Осман Османов, Кара Караев, Алибек Рамазанов, Тарикули Юзбеков, Гадис Гаджиев, Абдусалам Мурзаев, Эфенди Махмудов и многие другие. Плечом к плечу с горцами на всех фронтах сражались русские красноармейские части под командованием Б. Шеболдаева, Турбина (А. Дьякова), С. Тимчука, В. Гавриленко, М. Колышкина и др.¹²⁸ Огромную работу в подполье проводили и русские женщины В. Шаброва, Т. Шашуркина, Е. Чупкина, С. Коробова, Е. Староверова, Т. Ф. и О. Ф. Головины и др.¹²⁹ «Русские товарищи,— вспоминает участник гражданской войны Г. Сафаралиев,— приложили немало труда и героизма для освобождения дагестанской бедноты от белогвардейцев. Эти товарищи проявили огромную энергию, терпение и выносливость, не считаясь с невзгодами партизанской войны»¹³⁰.

Примазавшиеся к восстанию мусаватисты, буржуазные националисты и ставленники англо-турецких захватчиков старались направить движение в религиозно-националистическое русло. Они организовали заговор против большевиков, в начале марта 1920 г. совершили нападение на Дагестанский обком РКП(б) и арестовали его членов, которые вскоре были освобождены партизанским отрядом, но контрреволюционеры успели расправиться с председателем Совета обороны С. С. Казбековым.

В помощь трудящимся Дагестана крайкомами РКП(б) были направлены партийные и военные работники и отряды русских демобилизованных красноармейцев XI Красной Армии. «Когда им стало известно,— вспоминает Турбин,— о восстании в Дагестане против злейшего врага Советской власти Деникина, они двинулись в Дагестан, чтобы там вместе с свободолюбивыми горцами сражаться с ненавистным врагом. В Грузии и Азербайджане их не задерживали, а в Дагестане приветствовали и принимали в свою боевую семью. Вот где закладывалась дружба советских народов»¹³¹. Красноармейские отряды действовали

---

¹²⁷ «Красный Дагестан», 1 апреля 1925 г.

¹²⁸ «Ученые записки ИИЯЛ», т. 8, стр. 20.

¹²⁹ «Борьба за власть Советов в Дагестане (1917—1920 гг.)», стр. 46—47.

52—53.

¹³⁰ Там же, стр. 97.

¹³¹ Там же, стр. 107.

против Деникина почти на всех фронтах в Дагестане. На Дербентском фронте самое активное участие в боях принимал специально созданный красноармейский полк, названный Первым Дербентским советским полком. Решающую роль на фронтах Северного Дагестана играли отряды красноармейцев под командованием Н. Гикало. Самоотверженная борьба русских большевиков и красноармейцев с интервентами, деникинцами и буржуазно-феодальными верхами служила для братских народов Дагестана образцом революционной стойкости и мужества в борьбе с общим классовым врагом, и тем самым «русские партизаны показали пример дружбы и братства народов разных национальностей и вероисповедания». Трудящиеся Дагестана «отвечали взаимностью заброшенным бурей революции представителям русского народа. Интервенты в Дагестане вместо ожидаемой вражды обнаружили еще большее сближение и дружбу русских партизан и дагестанских повстанцев»¹³².

24 марта 1920 г. к Дагестану подошла Красная Армия под командованием М. Н. Тухачевского и членов Реввоенсовета фронта Г. К. Орджоникидзе и С. М. Кирова. Трудящиеся Дагестана, как и все народы Северного Кавказа, встречали свою освободительницу — Красную Армию с неописуемой радостью. «Везде, где проходит Красная Армия, — писали Г. К. Орджоникидзе и С. М. Киров, — с восторгом встречает ее население гор. В ней население видит избавление от страшных мучений, видит надежду начать новую жизнь в семье многомиллионной Советской России»¹³³.

25—27 марта перешедшие в наступление красные повстанческие отряды Б. Шеболдаева, Д. Коркмасова, В. Гавриленко и других командиров штурмом взяли Дербент и Темир-Хан-Шуру. 30 марта части XI Красной Армии совместно с партизанскими отрядами освободили Порт-Петровск. Таким образом, в итоге совместных действий партизан Дагестана и Красной Армии была восстановлена Советская власть во всем Дагестане.

На митинге, устроенном 2 апреля 1920 г. в Темир-Хан-Шуре в честь победы над общим врагом, Г. К. Орджоникидзе отметил: «Ни русская армия, ни партизаны не забудут той встречи, которую им оказали, когда они вошли в Темир-Хан-Шуру. Эта братская встреча останется навсегда в сердцах дагестанцев и в сердцах русских рабочих и крестьян»¹³⁴. Отмечая заслуги трудящихся Дагестана в борьбе с общим врагом, представитель Красной Армии говорил: «Нет слов, какими благодарить Красный Дагестан. И вы, и мы переносили много лишений, борясь в ущельях Дагестана, в астраханских песках... Все мы боролись

¹³² «Борьба за власть Советов в Дагестане (1917—1920 гг.)», стр. 112—114,

¹³³ С. М. Киров. Соч., т. I. М., 1936, стр. 221.

¹³⁴ Г. К. Орджоникидзе. Указ. соч., стр. 86.

за одну идею... Чтобы успешно закончить эту борьбу, мы организовали экспедиционный корпус Красной Армии, который теперь пришел в ваш родной край, и вы присоединились к нему... И действительно трогательна была встреча нашего отряда с дагестанской конницей. Мы поняли друг друга, несмотря на то, что говорили на разных языках, мы поняли общую идею»¹³⁵.

Глубокую благодарность великому русскому народу за его неоценимую помощь в восстановлении Советской власти выразили на митинге представители трудящихся Дагестана. «Мы,— говорил один из них,— долго ждали протянутую нам руку с севера, руку помощи, которая помогла бы нам одолеть наших врагов и закончить борьбу с контрреволюцией. Наши надежды оправдались. Общими усилиями Дагестан очищен от насильников генерала Деникина. Для населения наступает период мирной и культурно-просветительской работы. Мы надеемся, что в этой созидательной работе нас поддержит такая же сильная рука помощи, какая оказала нам поддержку в работе боевой»¹³⁶.

После изгнания деникинцев был восстановлен Дагестанский революционный комитет в составе Д. Коркмасова, С. Габиева, М. Ахундова и других и создано Дагестанское областное оргбюро РКП(б), в которое вошли Б. Шеболдаев (председатель), Д. Коркмасов, С. Габиев, С. Дударов, Квиринг и др. Дагестанский ревком и обком РКП(б) проделали большую работу по мобилизации и сплочению трудящихся вокруг партии. Огромную помощь в советском строительстве, в улучшении экономического положения трудящихся и проведении массово-политических и культурно-просветительных мероприятий в Дагестане оказал русский народ. При активном участии политработников были сформированы на местах ревкомы, партийные комитеты, а также налажено издание газет на местных языках.

Проявляя особую заботу об укреплении дружбы народов, В. И. Ленин учил: «Неуклонно стремясь к единству наций, беспощадно преследуя все, что разъединяет их, мы должны быть очень осторожны, терпеливы, уступчивы к пережиткам национального недоверия»¹³⁷. В осуществлении советского строительства на таких отсталых окраинах, каким являлся Дагестан, В. И. Ленин требовал: «Не копировать нашей тактики, а самостоятельно продумывать причины ее своеобразия, условия и итоги ее, применять у себя не букву, а дух, смысл, уроки опыта 1917—1921 годов»¹³⁸. Руководствуясь указаниями В. И. Ленина,

¹³⁵ ЦГА ДАССР, ф. 608-р, оп. 2, д. 3, л. 4; Б. О. Кашкаев. Указ. соч., стр. 334.

¹³⁶ «Борьба за победу и упрочение Советской власти в Дагестане (1917—1920 гг.)», стр. 457.

¹³⁷ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 40, стр. 43.

¹³⁸ Там же, т. 43, стр. 200.

коммунисты Дагестана проводили политику, способную укрепить дружбу и сотрудничество трудящихся Дагестана с великим русским народом и другими братскими народами страны.

13 ноября 1920 г. на Первом Чрезвычайном съезде народов Дагестана была объявлена автономия республики. Так впервые за многовековую историю народы Дагестана получили свою национальную государственность. В резолюции съезда по поводу объявления автономии Дагестана говорилось, «что потоками пролитой крови в борьбе с врагами свободы, революции союз с трудовыми народами Советской России вырастает в вечные, мощные, неразрывные узы братства и взаимной солидарности на весь долгий путь борьбы и победоносного творчества новой жизни...

Да здравствует великий Союз Советских республик России!»¹³⁹.

Однако гражданская война в стране продолжалась. Империалисты Антанты, начав третий поход против молодой Советской власти, пытались в своих корыстных целях использовать все контрреволюционные силы в стране. По их плану необходимо было организовать выступление народов Кавказа против Советской власти с тем, чтобы отвлечь части Красной Армии, борющиеся против панской Польши и Врангеля. С этой целью империалистические хищники при помощи своих марионеток — меньшевиков Грузии, дашнаков Армении и мусаватистов Азербайджана решили поднять антисоветский мятеж в Дагестане и на Северном Кавказе. Характеризуя ведущую роль меньшевистской Грузии в организации контрреволюционных выступлений на Северном Кавказе, Г. К. Орджоникидзе отмечал: «Припомним последнее событие в Дагестане — восстание, поднятое там на англо-французское золото внуком Шамиля, отправленным из Тифлиса через Лагодехи; вспомним знаменитый лагодехский штаб организации восстания в Дагестане; наконец, вспомним известное воззвание «Комитета освобождения Кубани и Терек», выпущенное в Тифлисе... И тогда ясно становится, чем являлись меньшевистский Тифлис и меньшевистская Грузия для контрреволюционеров всех мастей: она была пленницей Антанты, была целиком превращена в базу контрреволюции для взрыва Советской власти на Кавказе»¹⁴⁰.

Подготовленный с помощью внешних сил антисоветский мятеж Н. Гоцинского охватил к сентябрю 1921 г. большую часть нагорного Дагестана. Партийные и советские органы Дагестана с первых же дней развернули кипучую деятельность по мобилизации сил трудящихся на борьбу с имамовскими бандами. Для

¹³⁹ «Борьба за установление Советской власти в Дагестане (1917—1920 гг.)», стр. 456.

¹⁴⁰ Г. К. Орджоникидзе. Избранные статьи и речи. М., 1945, стр. 39.

подавления мятежа были созданы партизанские отряды. Одновременно трудящиеся Дагестана обратились за помощью к русскому народу. Партия, В. И. Ленин придавали исключительно большое значение подавлению контрреволюции на Северном Кавказе. «Быстрейшая и полная ликвидация всех банд и остатков белогвардейщины на Кавказе и Кубани,— указывал В. И. Ленин,— дело абсолютной общегосударственной важности»¹⁴¹. Согласно указаниям В. И. Ленина, несмотря на чрезвычайно сложное положение страны, в помощь горцам Дагестана была направлена Красная Армия. В марте 1921 г. совместно с партизанскими отрядами части Красной Армии под командованием А. И. Тодорского наголову разбили контрреволюционные банды Гоцинского. «Тысячи красных партизан из горцев,— писал один из активных борцов за Советскую власть в Дагестане А. А. Тахо-Годи,— пошли на фронт, образовав до двадцати отдельных отрядов под общим руководством командования Красной Армии... И на этот раз дагестанский красный партизан уже рядом с русским красноармейцем показал в борьбе с контрреволюцией свою революционную закалку»¹⁴².

Все это говорит о том, что в борьбе за победу Советской власти горцам Дагестана серьезную помощь оказала Красная Армия. «Я думаю,— говорил В. И. Ленин на II Всероссийском съезде коммунистических организаций народов Востока 22 ноября 1919 г.,— что то, что проделала Красная Армия, ее борьба и история победы будут иметь для всех народов Востока гигантское, всемирное значение»¹⁴³. Следует, однако, подчеркнуть, что клеветнические утверждения зарубежных фальсификаторов истории, пытающихся доказать, будто народам Дагестана Советская власть навязана Красной Армией, ничего общего не имеют с исторической правдой. В годы тяжелой борьбы трудящихся Дагестана за национальное и социальное освобождение русский народ дружески протянул горцам руку бескорыстной помощи. Советская власть в Дагестане восторжествовала в результате совместных усилий трудящихся горцев и великого русского народа — народа освободителя.

Великий Ленин предначертал путь возрождения народов Кавказа. В письме «Товарищам-коммунистам Азербайджана, Грузии, Армении, Дагестана, Горской республики» В. И. Ленин писал: «Горячо приветствуя Советские республики Кавказа, я позволю себе выразить надежду, что их тесный союз создаст образец национального мира, невиданного при буржуазии и невозможного в буржуазном строе.

¹⁴¹ В. И. Ленин. Соч., т. 35, стр. 389.

¹⁴² А. Тахо-Годи. Революция и контрреволюция в Дагестане. Махачкала, 1927, стр. 145.

¹⁴³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 39, стр. 321.

Но как ни важен национальный мир между рабочими и крестьянами национальностей Кавказа, а еще несравненно важнее удержать и развить Советскую власть, как переход к социализму. Задача трудная, но вполне исполнимая»¹⁴⁴.

Определяя в этом письме конкретные задачи по подъему экономики республик, улучшения положения трудящихся масс, В. И. Ленин обратил внимание на своеобразные условия Кавказа, указал путь перехода к социализму применительно к конкретным условиям: «Более медленный, более осторожный, более систематический переход к социализму — вот что возможно и необходимо для республик Кавказа в отличие от РСФСР...

Сразу постараться улучшить положение крестьян и начать крупные работы электрификации, орошения. Орошение больше всего нужно и больше всего пересоздаст край, возродит его, похоронит прошлое, укрепит переход к социализму»¹⁴⁵.

В осуществлении грандиозной программы строительства социализма русский народ оказал народам Дагестана колоссальную помощь. Благодаря заботе Коммунистической партии и Советского правительства народы Дагестана в невиданно короткий исторический срок преодолели вековую отсталость, построили социализм и вышли на светлый путь строительства коммунизма.

---

¹⁴⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч. т. 43, стр. 198.

¹⁴⁵ Там же, стр. 199—200.

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН**

instituteofhistory.ru

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Россия сыграла огромную, объективно прогрессивную роль в жизни горцев Дагестана. В годы тяжелых испытаний, связанных с нашествиями иноземных захватчиков, Россия постоянно поддерживала народы Дагестана. Еще во времена арабских завоеваний существенную помощь горцам оказали войска русов, которые «всегда поровну делили с ними добро и зло»¹. Неоценимую помощь оказала Россия горцам в их героической борьбе за свободу и независимость против ирано-турецких захватчиков в XVI—XVIII вв. Благодаря дипломатической и военной помощи России не раз было предотвращено вторжение в Дагестан иранских, турецких и крымско-татарских войск.

В результате совместных усилий горцев и братских народов Кавказа стало возможным с помощью России отстоять независимость Дагестана в борьбе против кровавого шаха Надира и Ага-Мухаммед-хана-Каджара. Военно-дипломатические мероприятия России на Кавказе в конце XVIII — начале XIX вв. способствовали сохранению независимости народов Дагестана и в период обострения так называемого восточного вопроса.

С давних времен в истории народов многонациональной России русский народ выполнял организующую роль, постепенно объединив вокруг себя нерусские народы в единое централизованное государство. Навеки связав свою судьбу с Россией, народы Дагестана спасли себя от опустошительных нашествий, от порабощения иноземными захватчиками и физического истребления, обеспечили себе возможность национального развития.

---

¹ «Тарихи-Дербент-Наме». Тифлис, 1891, прилож. IX, стр. 172.

Играя выдающуюся роль в экономическом и культурном развитии народов Дагестана, русский народ никогда не стремился к господству над другими народами, в том числе и над горцами Дагестана. Широким слоям русского народа и его авангарду — русскому рабочему классу, были чужды шовинизм и межнациональная вражда². Будучи сам угнетен царизмом, он хорошо понимал тяжелое положение народов национальных окраин, глубоко сочувствовал им, выступал за их свободу и равноправие. Все это, как и следовало ожидать, стимулировало среди трудящихся нерусских национальностей стремление к дружбе и сотрудничеству с великим русским народом.

Но этому процессу сближения народов и укрепления дружбы между ними препятствовала колонизаторская политика самодержавия, с одной стороны, и действия местных феодально-клерикальных и буржуазно-националистических элементов с другой. Поэтому взаимопонимание, дружба и сотрудничество народов в условиях самодержавия налаживались исподволь, вопреки желанию царских администраторов и местных реакционных верхов.

Таким образом, в противовес союзу реакционных кругов Дагестана с самодержавием, с русскими помещиками и буржуазией, укрепился боевой союз угнетенных народов Дагестана с великим русским народом и другими народами России. Руководящая роль в этом боевом союзе принадлежала русскому народу и это определялось не какими-либо особыми национальными свойствами русского народа, а всем ходом его исторического развития. «Диалектика истории такова, что, вопреки реакционным целям и методам царизма, присоединение народов к России, объединение их сил с силами русского народа в борьбе против национального и социального гнета подготовило общий фронт всероссийского революционного движения, которое во главе с пролетариатом и его ленинской партией привело в конце концов к освобождению всех народов бывшей царской империи и к созданию невиданного в истории социалистического содружества десятков национальностей, населяющих нашу Родину»³.

Открывая новую эру в истории человечества Великая Октябрьская социалистическая революция обусловила коренной перелом в жизни народов нашей Родины. Она освободила все народы России от социального и национального гнета и создала необходимые условия для подлинно братского сотрудничества и дружбы многочисленных народов СССР. Ни в какой мере не умаляя исторической роли, которую сыграли в

² См. А. М. Панкратова. Дружба народов СССР — основа основ многонационального социалистического государства. М., 1953, стр. 6.

³ Б. Н. Пономарев. Задачи исторической науки и подготовка научно-педагогических кадров в области истории. М., 1962, стр. 25.

прошлом дружеские связи и сотрудничество, следует особо подчеркнуть, что дружба народов СССР, составляющая величайшее завоевание Октябрьской революции, представляет собой качественно новое явление. Она основана на равенстве народов, на единстве передового общественно-политического строя во всех республиках нашей великой Родины, на общности взглядов и мировоззрения, общности величайшей цели — строительства коммунизма. Дружба народов, являющаяся историческим завоеванием Великой Октябрьской социалистической революции, стала источником непобедимости СССР, могучей движущей силой развития нашего общества, действующей вместе с другими движущимися силами — морально-политическим единством и советским патриотизмом.

Великий Ленин проявлял постоянную заботу о дружбе народов и беспощадно бичевал малейшее недоверие к той или иной нации. В. И. Ленин неустанно учил, что единство и дружба народов могут быть завоеваны только в результате длительной и кропотливой работы, что пролетариат, взявший в свои руки власть, должен добиваться осуществления добровольного союза народов. «Мы хотим добровольного союза наций,— указывал В. И. Ленин,— такого союза, который не допускал бы никакого насилия одной нации над другой,— такого союза, который был бы основан на полнейшем доверии, на ясном сознании братского единства, на вполне добровольном согласии. Такой союз нельзя осуществить сразу; до него надо доработаться с величайшей терпеливостью и осторожностью, чтобы не испортить дело, чтобы не вызвать недоверия, чтобы дать изжить недоверие, оставленное веками гнета помещиков и капиталистов, частной собственности и вражды из-за ее разделов и переделов.

Поэтому, неуклонно стремясь к единству наций, беспощадно преследуя все, что разъединяет их, мы должны быть очень осторожны, терпеливы, уступчивы к пережиткам национально-го недоверия...»⁴.

Выполняя указания В. И. Ленина, Коммунистическая партия развернула энергичную работу по созданию условий для добровольного объединения и братского сотрудничества народов нашей Родины. Образцом равноправного объединения стала созданная в ходе революции Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика. Великий русский народ помог народам Дагестана (как и другим, вошедшим в состав РСФСР, народам) создать свою собственную государственность — Дагестанскую Советскую Автономную Социалистическую Республику.

В трудное для всей страны время восстановления разрушенного хозяйства Советское правительство, русский народ оказали

⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 40, стр. 43.

неоценимую помощь горцам. В 1920—1923 гг. Дагестану было выдано 200 млн. руб. для восстановления аулов и крестьянских хозяйств, более 5 млн. м мануфактуры, свыше 200 млн. руб. семьям инвалидов, красноармейцев и красных партизан. По личному распоряжению В. И. Ленина, Дагестан получил 15 вагонов сельскохозяйственных машин и орудий, 23 тыс. пудов зерна и много медикаментов. В 1922 г. крестьянам было роздано около 100 тыс. пудов семенного зерна и 1200 плугов, отпущено 100 тыс. пудов кукурузы (в порядке семенной ссуды), отпущено 165 тыс. руб. золотом на восстановительные работы.

Забываясь о неуклонном укреплении дружбы народов, В. И. Ленин считал необходимым ликвидировать былую отсталость и приобщить все освобожденные народы к строительству социализма. «Мы,— писал В. И. Ленин,— постараемся оказать этим отсталым и угнетенным, более чем мы, народам „бескорыстную культурную помощь“, по прекрасному выражению польских социал-демократов, т. е. помочь им перейти... к демократии, к социализму»⁵.

Ликвидировать свою вековую отсталость и догнать ушедшую вперед Центральную Россию народы национальных окраин могли лишь при действительной помощи русского пролетариата. «Уничтожение фактического национального неравенства,— указано в решении X съезда КПСС,— есть длительный процесс, требующий упорной и настойчивой борьбы со всеми пережитками национального гнета и колониального рабства..., первой задачей является последовательная ликвидация всех остатков национального неравенства во всех отраслях общественной и хозяйственной жизни и прежде всего планомерное насаждение промышленности на окраинах... (Туркестан, Башкирия, Киргизстан, Кавказ...)»⁶. В осуществлении помощи народам Дагестана, как и другим народам, исключительно велика заслуга русского народа. В порядке братской помощи он посылал в Дагестан специалистов — организаторов промышленности, квалифицированных рабочих, инженерно-технические кадры, а также специалистов сельского хозяйства, здравоохранения и просвещения. Правительство Российской Федерации выделило на реконструкцию и строительство промышленных предприятий и транспорта крупные суммы денег. И только благодаря огромной, из года в год растущей помощи русского и других народов СССР, горцы смогли восстановить народное хозяйство Дагестана, осуществить социалистическую индустриализацию, до неузнаваемости изменившую облик страны гор. Благодаря братской помощи русского и других народов Советского Союза за

⁵ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 30, стр. 120.

⁶ «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», ч. 1, изд. 7. М., 1953, стр. 559—560.

годы предвоенных пятилеток в Дагестане были созданы металлообрабатывающая, химическая, топливная и промышленность строительных материалов. Значительное развитие получили легкая и пищевая промышленность. Большой размах приняла электрификация республики. Продукция промышленности в 1940 г. выросла в 12 раз по отношению к 1913 г.⁷; выработка электроэнергии — в 19 раз⁸.

Важнейшим достижением народов Дагестана в социалистическом строительстве предвоенных пятилеток является формирование рабочего класса. Из небольших контингентов рабочих, которые в 20-х годах сосредоточивались в основном в двух городах республики, за годы предвоенных пятилеток рабочий класс Дагестана значительно увеличился численно, вырос духовно, накопил богатейший производственный опыт, превратился в главную производительную силу нового общества.

На основе ленинского кооперативного плана, при братской помощи русского народа был осуществлен перевод мелких индивидуальных хозяйств горского крестьянства на путь коллективизации. Социалистические преобразования для экономически, политически и культурно отсталого, опутанного патриархально-феодальными пережитками крестьянства Дагестана явились величайшим революционным событием. К началу 1940 г. сельскохозяйственные артели объединили 98,5% крестьянских хозяйств. Социалистический способ производства в сельском хозяйстве стал господствующим. Посевные площади республики составили 347,4 тыс. га, т. е. по сравнению с 1913 г. увеличились в 4 раза. Длина оросительной сети в 1940 г. увеличилась по сравнению с 1921 г. в 5,5 раза. На колхозных полях стала применяться новая агротехника. Более 70% работ по обработке почвы было механизировано и свыше 40% площади под зерновыми культурами убиралось комбайнами⁹. Победа колхозного строя, коллективный труд, основанный на широком применении современной техники, создали невиданный в истории простор для развития сельского хозяйства, роста производительности труда, позволили планомерно развивать все отрасли сельского хозяйства. Победа колхозного строя обеспечила, в частности, быстрый рост поголовья скота и улучшение его породы. В 1940 г. поголовье крупного рогатого скота по отношению к 1913 г. увеличилось на 153%, овец и коз — на 140%¹⁰.

---

⁷ Г. Д. Даниялов. Социалистические преобразования в Дагестане. Махачкала, 1960, стр. 202.

⁸ «Народное хозяйство Дагестанской АССР». Статистический сб. Махачкала, 1958, стр. 13.

⁹ Г. Д. Даниялов. Указ. соч., стр. 410—411.

¹⁰ А. Д. Даниялов. Сельское хозяйство Дагестана за 20 лет Советской власти в республике. — «Сельское хозяйство Северного Кавказа», 1960, № 3, стр. 5.

Победа колхозного строя привела к глубочайшим изменениям в социальной, экономической и политической жизни дагестанского крестьянства, обеспечила ему свободную, зажиточную и радостную жизнь.

Велики заслуги русского народа в развитии культуры народов Дагестана. Обреченные в условиях господства самодержавия на прозябание, темноту и невежество, горцы Дагестана совершили подлинную культурную революцию¹¹, ликвидировали неграмотность, организовали школу с преподаванием на родных языках, создали национальную по форме, социалистическую по содержанию литературу и искусство. Трудящиеся Дагестана вырастили народную интеллигенцию, добились фактического раскрепощения горянки.

Так, благодаря огромной бескорыстной помощи русского и других народов нашей страны, благодаря последовательно осуществляемой ленинской национальной политике, народы Дагестана совершили гигантский скачок от патриархально-феодального уклада к социализму, минуя мучительную стадию капиталистического развития.

Победа социализма в СССР установила подлинное равенство народов, их дружбу и братское сотрудничество. В этой всемирно-исторической победе решающую и ведущую роль сыграл великий русский народ. Вот почему трудолюбивый, мужественный, гуманный русский народ, в котором все народы нашей страны видят своего защитника, старшего брата, учителя и верного друга, пользуется у них заслуженным уважением, симпатией и любовью. Свою любовь, глубокую благодарность и признательность выражают русскому народу и горцы Дагестана: «Великий русский народ поднял нас из бездны вымирания и тьмы... Русский народ, руководимый Коммунистической партией, принес нам освобождение, а затем... шаг за шагом вел нас к изобилию, к культуре, к простой человеческой радости, которой мы не знали, помогал нам, учил нас, сделал нас равноправными членами великой сплоченной семьи народов СССР»¹².

Враги мира и социализма не раз направляли острие своей борьбы против единства народов СССР, силились вбить клин между ними. Но каждый раз как внешние, так и внутренние враги терпели полный крах. Все их усилия разбивались о нерушимый бастион братства наших народов.

Серьезной проверкой дружбы народов СССР явилась Великая Отечественная война. В тяжелые годы военных испытаний многочисленные народы нашей необъятной Родины по зову

¹¹ См. А. А. Абилов. Очерки советской культуры народов Дагестана. Махачкала, 1959; Г. Ш. Каймаразов. Культурное строительство в Дагестане. Махачкала, 1960.

¹² А. Магомедов. В дружной семье народов. Махачкала, 1961, стр. 30.

партии поднялись на защиту независимости Советского государства, на защиту своей свободы и социализма. Огромную роль сыграл в Отечественной войне русский народ. Рука об руку все народы нашей страны пришли к победе над фашизмом, еще раз продемонстрировав перед всем миром нерушимость морально-политического единства народов Советской страны.

С первых же дней войны славные сыны и дочери Дагестана, как и других республик, краев и областей страны, героически сражались с врагом. Примером высокого советского патриотизма может служить героический поступок Магомед Загира Абдулмананова. Оказавшись после ранения вместе с группой воинов в плену у фашистов, несмотря на нечеловеческие истязания, Абдулмананов, как и его товарищи, не проронил ни слова. Тогда гитлеровец закричал: «Ну, они-то русские, а ты иноземец, ты чужой для них. Что же ты молчишь?». На это дагестанец гордо ответил: «Я тоже русский, мы все дети одной матери — Родины»¹³.

За мужество и отвагу, проявленные на фронтах Отечественной войны, свыше 40 дагестанцев удостоены звания Героя Советского Союза, более 10 тыс. воинов награждены боевыми орденами и медалями.

Самоотверженно трудились народы Дагестана и в тылу. Десятки тысяч горцев и горянок участвовали в строительстве оборонительных сооружений. Переведенное на военные рельсы народное хозяйство республики бесперебойно снабжало фронт оружием, боеприпасами, снаряжением, горячим и продовольствием. За трудовые подвиги во время войны тысячи горцев награждены орденами и медалями. Республика дважды была награждена Красным Знаменем Государственного Комитета Обороны. Трудящиеся Дагестана внесли в фонд обороны, на строительство танковых колонн и авиаэскадрилий 1 млрд. руб. На фронт было отправлено свыше 1 млн. теплых вещей, 45 тыс. овчин, 140 вагонов продовольственных товаров и индивидуальных посылок от населения Дагестана.

«В годы Отечественной войны,— говорится в приветствии ЦК КПСС и Совета Министров СССР,— народы Дагестана показали свою преданность Советской Родине. Тысячи воинов-дагестанцев за мужество и отвагу, проявленные в боях с врагом Отчизны, награждены медалями Советского Союза. Самоотверженный труд рабочих, колхозников и интеллигенции Дагестана способствовал завоеванию победы советского народа над врагом»¹⁴.

¹³ А. Магомедов. Указ. соч., стр. 27.

¹⁴ «Правда», 13 ноября 1945 г.

Народы Дагестана внесли достойный вклад и в дело восстановления хозяйства освобожденных районов: 1500 голов крупного рогатого скота, 28 тыс. овец и коз, 2100 лошадей, сотни тонн зерна и других продуктов были отправлены из Дагестана в эти районы. В порядке шефской помощи Дагестан направил городу-герою Севастополю свыше 4,5 млн. руб., 12 вагонов с оборудованием, продовольствием и разного рода материалами. Город русской славы Севастополь по достоинству оценил патриотический подвиг трудящихся Дагестана. Жители города-героя благодарили горцев: «Радостно видеть и чувствовать, что за возрождением нашего героического Севастополя следят и помогают в его восстановлении трудящиеся Дагестана... Трудящиеся Севастополя заверяют народы Дагестана, что примут все меры к тому, чтобы в самые короткие сроки восстановить наш славный Севастополь, сделать неприступной крепостью Черноморья. Так пусть же крепнет наша братская дружба»¹⁵.

Всемирно-историческая победа советского народа над гитлеровской Германией и империалистической Японией еще больше укрепила дружбу народов СССР, благодаря чему народы Дагестана, как и другие народы нашей страны, в годы послевоенных пятилеток добились небывалого подъема экономики и культуры. Дальнейшему развитию дружбы народов, повышению ее роли в поступательном движении советских народов способствовали мероприятия, осуществленные Коммунистической партией и Советским правительством по ликвидации культа личности Сталина, восстановлению ленинских принципов партийной жизни, государственного и хозяйственного управления, по расширению прав союзных республик, местных партийных и советских органов. Совершенствование партийного и государственного руководства народным хозяйством обеспечивает успешное решение задач коммунистического строительства.

В результате всего этого народы Советского Союза, как никогда ранее, выдвинули массу талантливых людей созидательного труда. Вдохновляемые Коммунистической партией на трудовые подвиги с помощью русского народа народы Дагестана достигли невиданного расцвета творческих сил, обеспечили ускоренные темпы развития промышленности, строительства, сельского хозяйства, повышение материального благосостояния и культурного уровня народа.

В 1957—1960 гг. в промышленность республики вложено около 1 млрд. руб., введено в эксплуатацию 25 крупных промышленных предприятий. С помощью русского и других народов нашей страны в Дагестане сооружены и сооружаются крупные стройки семилетки: заводы электротермического оборудо-

¹⁵ «Дагестан и Россия навеки вместе!». Махачкала, 1960, стр. 113—114.

вания, Дагэлектроаппарат, Дагэлектромаш, Дагэлектроавтомат, сепараторный, шлифовальных станков; введен в эксплуатацию домостроительный комбинат. Завершено сооружение Чирюртовской ГЭС, ведется строительство крупнейшей на Северном Кавказе Чиркеевской ГЭС. Подготовлено к вводу в эксплуатацию крупное месторождение нефти. К концу 1960 г. выпуск промышленной продукции увеличился по сравнению с 1913 г. в 45 раз, выработка электроэнергии — в 70 раз, добыча нефти — в сотни раз.

В промышленности республики осуществлены мероприятия по внедрению новой техники, механизации и автоматизации производства, освоено серийное производство более 40 видов машин и приборов. Пополнился парк строительных машин и механизмов. В 1962—1963 гг. сдано в эксплуатацию 56,5 тыс. кв. м производственной и 121 тыс. кв. м жилой площади.

Серьезных успехов достигли железнодорожный, автомобильный, воздушный транспорт, а также предприятия дорожного хозяйства и связи. Успешно осуществляются грандиозные задачи, поставленные семилетним планом. По добыче нефти, выпуску оконного стекла, переработке молока, молочных продуктов и мяса промышленность республики уже в 1963 г. достигла уровня, запланированного на конец семилетия. Капитальные вложения в промышленность Дагестана к 1965 г. составят около 7 млрд. руб.; продукция машиностроительной промышленности увеличится в 4 раза. Семилетка обеспечит Дагестану более высокие темпы роста промышленного производства, чем это предусмотрено в целом по СССР.

В послевоенные годы благодаря мероприятиям партии и правительства по крутому подъему сельского хозяйства быстрее стало развиваться сельское хозяйство Дагестана. Намного увеличилось посевные площади. В 1963 г. по сравнению с 1961 г. на 12 620 га выросли площади под садами и виноградниками. поголовье крупного рогатого скота увеличилось на 7,5%, овец — на 13%. Количество тракторов, комбайнов и других сельскохозяйственных машин по сравнению с 1954 г. увеличилось более чем в 3 раза. В равнинной и предгорной зонах Дагестана пахота механизирована полностью, сев — на 93%, уборка урожая — на 95%. В 1959—1965 гг. в сельское хозяйство Дагестана намечено вложить по госбюджету в 4 раза больше средств, чем за предыдущие 7 лет¹⁶. Развитие всех отраслей сельского хозяйства, организационно-хозяйственное укрепление колхозов обеспечили и неуклонный рост доходов колхозов, резко подняли уровень материального благосостояния колхозников.

---

¹⁶ А. Д. Даниялов. Семилетка Дагестана и задачи интеллигенции. Махачкала, 1959, стр. 13.

Особенно разительны успехи Дагестана в развитии культуры, просвещения и здравоохранения. Огромное значение в развитии народов Дагестана сыграл великий и могучий русский язык, ставший вторым родным языком горцев. Благодаря русскому языку народы Дагестана получили возможность овладеть достижениями советской и мировой науки и культуры, различны-е народности благодаря знанию русского языка стали понимать друг друга, а также представителей других народов СССР. Следовательно, русский язык является языком дружбы народов Дагестана. Этим и определяется огромная любовь народов Дагестана к русскому языку; это чувство вдохновенными словами выразил выдающийся писатель Дагестана Эффенди Капиев:

«О великий русский язык. Стою перед тобой на коленях. Усынови и благослови меня, но не как блудного, а как найденного сына. Радуюсь, торжествую и люблю. Верен ли я своим заветам? Точен ли я в своих чувствах и порывах без примеси лжи?»

Родившись немощным и принадлежа к самому маленькому, затерянному в горах племени, я обрел тебя и ныне я не сирота. О, как могуча, как светла и задушевна твоя стихия! Прости мои ошибки, если они грубы, прости и заблуждения отцов. Без тебя нет и не было будущего, с тобою мы воистину всеильны»¹⁷.

Благодаря заботе Коммунистической партии и постоянной помощи русского народа в республике неуклонно растет сеть школ, осуществлен переход ко всеобщему обязательному 8-летнему обучению, завершена реорганизация средних школ в средние трудовые школы с производственным обучением. В Дагестане ныне имеется 1600 школ, 27 средних специальных и 4 высших учебных заведения: Дагестанский государственный университет им. В. И. Ленина, Медицинский, Сельскохозяйственный и Женский педагогический институты. На 10 тыс. населения в Дагестане приходится более 65 студентов, тогда как в Иране — 4, Турции — 14, Англии — 27, Франции — 37.

В республике создана широкая сеть медицинских учреждений, в которых работают более 1500 врачей и 4 тыс. средних медицинских работников. Один врач приходится в Дагестане на 800 человек, тогда как в Иране — на 13 тыс. человек.

В республике действует много научных учреждений — филиал Академии наук СССР с научно-исследовательскими институтами физики, истории, языка и литературы и отделом экономики; научно-исследовательские институты геологии, сельского хозяйства, пищевой промышленности, по производству питательных сред, институт школ, отделы энергетики, водох-

---

¹⁷ Э. Капиев. Избранное. М., 1959, стр. 221.

зайственных проблем, ихтиологии. В научно-исследовательских институтах и высших учебных заведениях республики работают около 300 кандидатов и докторов наук, среди них русские, дагестанцы, азербайджанцы.

Огромную, из года в год растущую помощь Дагестану в исследовании природных богатств, изучении истории, этнографии, археологии и языков его народов оказывали и оказывают выдающиеся русские ученые: И. М. Губкин, И. Ю. Крачковский, И. И. Мещанинов, В. Д. Голубятников, К. В. Тревер, И. О. Брод, А. Н. Генко, Н. Ф. Яковлев, А. С. Башкиров, С. В. Юшков, К. Ф. Смирнов, Н. Б. Бакланов, М. И. Артамонов, Н. А. Смирнов, А. В. Фадеев, М. О. Косвен, Е. И. Крупнов, Е. В. Бокарев, Е. Н. Кушева, Л. И. Лавров и многие другие.

Постоянно растущие культурные запросы населения Дагестана удовлетворяют более 1200 библиотек, 905 клубов, 567 кинотеатров и киноустановок, 6 театров, ансамбль национальных и районных газет, 10 журналов на языках народов Дагестана. Ежегодно издается более 400 названий книг тиражом в несколько тысяч экземпляров каждая. На языки народов Дагестана переведены произведения классиков марксизма-ленинизма, классиков русской и советской художественной литературы: А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, Л. Н. Толстого, Н. В. Гоголя, А. П. Чехова, А. М. Горького, В. В. Маяковского, М. А. Шолохова и др.

Невиданного расцвета достигли литература и искусство народов Дагестана. Дагестанская литература вышла на широкий простор и заняла достойное место в сокровищнице советской многонациональной литературы. Творчество Сулеймана Стальского, Гамзата Цадасы, Эфенди Капиева, Расула Гамзатова и многих других известно не только в нашей стране, но и за ее пределами. Высокой оценкой всей дагестанской литературы является присуждение Ленинской премии за 1963 г. народному поэту Дагестана Расулу Гамзатову.

Огромную роль в развитии литературы народов Дагестана сыграла русская классическая и советская литература. Для оказания помощи дагестанским писателям выдающиеся русские советские писатели Н. Тихонов, П. Павленко, В. Луговской и многие другие не раз приезжали в Дагестан.

Широкой популярностью в нашей стране пользуются произведения композиторов Готфрида Гасанова, Сергея Агабабова и других. «Глубокое изучение наследия выдающихся представителей русского музыкального искусства Глинки, Чайковского, Бородина, Римского-Корсакова, Мусоргского, Рахманинова,— говорит дважды лауреат Государственной премии Г. Гасанов,— стала основой подъема музыкальной культуры всех народов Советской страны. Немало дало это изучение

деятелям дагестанского искусства. Композиторы, создавая свои произведения, всегда обращаются к шедеврам классиков русской музыки, осваивая их творческие принципы... Успешное развитие дагестанской музыки невозможно было до революции... Поэтому мы глубоко благодарны великому русскому народу, принесшему свободу в страну гор и создавшему все условия для расцвета национальной культуры народов нашей республики»¹⁸.

Больших творческих успехов достигло и сценическое искусство Дагестана. За последние годы пополнились коллективы национальных театров артистами, окончившими Московский театральный институт им. А. Луначарского, театральное училище им. М. С. Щепкина и Ереванский театральный институт. В репертуаре национальных театров большое место занимают произведения классиков русской драматургии Н. В. Гоголя, А. Н. Островского, А. П. Чехова, А. М. Горького. За выдающиеся успехи Барият Мурадовой присвоено высокое звание народной артистки СССР. Более десяти артистов национальных театров удостоены звания народных и заслуженных артистов РСФСР.

Значительны успехи и в развитии изобразительного искусства. Опираясь на испытанный метод социалистического реализма, руководствуясь боевой программой партии, писатели, художники, композиторы основное внимание уделяют современной тематике. Главным героем художественных произведений деятелей культуры Дагестана стал советский человек — строитель коммунизма. В художественных образах воплощается идея братства и дружбы народов, превратившаяся в условиях социализма в могучую силу, вдохновляющую советских людей на героические подвиги. Особенно большое внимание уделяется раскрытию руководящей и направляющей роли русского народа, показу его бескорыстной помощи народам Дагестана. С восхищением и благодарностью воспевают мужество и отвагу русского народа народный поэт Дагестана Расул Гамзатов. В стихотворении «Слово с старшем брате» он пишет:

«О русский брат! Невзгоды и тревоги
Давили нас, и были слабы мы.
Ты научил ходить нас по дороге,
Ведущей к свету из кромешной тьмы.
Ты защищал нас, и бежали в страхе
Все те, кто преграждал дорогу нам.

Когда б не ты — паши и шахиншахи
Давным-давно прибрали б нас к рукам.

. . . . .

¹⁸ «Дагестан и Россия навеки вместе!», стр. 208—209.

Ты достигал вершин хребтов огромных,
Мы тоже шли по склонам скал,
И для того, чтоб облегчить подъем нам,
Ты нам по-братски руку подавал.

.....
О русский брат! Все крепче братство наше,
И в коммунизм дорогою прямой
Идешь ты, и десятки братьев младших
Идут, не отставая, за тобой»¹⁹.

Национальное возрождение, расцвет экономики и культуры в корне изменили мировоззрение горца, он избавился от пут патриархально-феодалных и мелкобуржуазных предрассудков, унаследованных от дореволюционного прошлого, проникся марксистско-ленинской идеологией, усвоил социалистическое сознание и коммунистическую мораль, стал пламенным патриотом своей великой Родины и активным строителем коммунизма. Всем этим поистине грандиозным успехам, своим счастливым сегодня и еще более радостным завтра народы Дагестана обязаны Коммунистической партии, Советской власти, огромной помощи великого русского народа, дружбе, сотрудничеству всех народов СССР.

---

¹⁹ Р. Гамзатов. Стихотворения и поэмы. М., 1954, стр. 125—126.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	5
<i>Глава 1.</i> Социально-экономический и политический строй Дагестана накануне присоединения к России	11
<i>Глава 2.</i> Исторические связи Дагестана с Россией	45
<i>Глава 3.</i> Борьба Ирана и Турции за овладение Кавказом	65
<i>Глава 4.</i> Поход русских войск на побережье Каспийского моря в 1772—1723 гг.	98
<i>Глава 5.</i> Освободительная борьба Дагестана против иранских захватчиков. Дагестано-русские отношения в середине XVIII в.	125
<i>Глава 6.</i> Укрепление экономических и политических связей Дагестана с Россией	147
<i>Глава 7.</i> Присоединение Дагестана к России	179
<i>Глава 8.</i> Движение горцев Дагестана и Чечни в 20—50-х годах XIX в. и русское общество	211
<i>Глава 9.</i> Экономические последствия присоединения Дагестана к России	249
<i>Глава 10.</i> Влияние России на хозяйственное развитие Дагестана во второй половине XIX в.	274
<i>Глава 11.</i> Влияние передовой культуры России на развитие культуры народов Дагестана	307
<i>Глава 12.</i> Совместная революционная борьба русского рабочего класса и трудящихся Дагестана	340
Заключение	378

Владилен Гадисович Гаджиев

Роль России в истории Дагестана

*Утверждено к печати Институтом истории,
языка и литературы имени Гамзата Цадасы
Дагестанского филиала Академии наук СССР*

Редактор издательства *М. М. Медведев*

Художник *С. И. Голубев.*

Технический редактор *В. И. Зудина*

Сдано в набор 6/1 1965 г. Подписано к печати 30/111 1965 г.
Формат 60 × 90¹/₁₆. Печ. л. 24,5. Уч.-изд. л. 26. Тираж 1900 экз.
Т-05242. Изд. № 4212/64. Тип. зак. № 5507. Темплан 1964 г. № 8.

Цена 1 р. 70 к.

Издательство «Наука».

Москва, К-62, Подсосенский пер., 21

2-я типография издательства «Наука»,
Москва, Г-99, Шубинский пер., 10

instituteofhistory.ru

ОПЕЧАТКИ И ИСПРАВЛЕНИЯ

Стр.	Строка	Напечатано	Должно быть
99	9 св.	Потому	Поэтому
110	4 сн.	Там же,	Там же, д. 3, лл. 35—38.
201	22 сн. и 7 сн.	представить	предоставить
205	6 сн.	д. 4528	д. 4258
296	9 св	даведа	даведа.

В. Г. Гаджиев